РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт русского языка имени В. В. Виноградова

Труды
Института русского языка
им. В. В. Виноградова

XXII

**Материалы международной научной конференции
«Грамматические процессы и системы в синхронии и диахронии
(памяти Андрея Анатольевича Зализняка)»
(27–29 мая 2019 г.)**

Главный редактор А.М. Молдован

МОСКВА

2019

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
грант № 19-012-20004

Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 22. Материалы международной научной конференции «Грамматические процессы и системы в синхронии и диахронии» (27–29 мая 2019 г.). – М., 2019. – 400 с.

ISSN 2311-150X

Издание основано в 2013 г.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Ю. Д. Апресян, академик РАН, профессор (Москва, Россия);
Бьёрн Вимер, доктор филологии, профессор (Майнц, Германия);
А. А. Гиппиус, член-корреспондент РАН, профессор (Москва, Россия);
М. Л. Каленчук, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия);
Туре Нессет, доктор филологии, профессор (Тромсё, Норвегия);
В. А. Плунгян, член-корреспондент РАН, профессор (Москва, Россия);
Вацлав Чермак, доктор филологии (Прага, Чехия);
А.Д. Шмелев, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия);
Ж.Ж. Варбот, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия).

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР ВЫПУСКА

А. А. Молдован, академик РАН (Москва, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ВЫПУСКА

Г. И. Кустова, доктор филол. наук (Москва, Россия);
А. А. Пичхадзе, доктор филол. наук (Москва, Россия)

Адрес редакции:
119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2
E-mail: ruslang@ruslang.ru

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-57258

© Институт русского языка им. В.В.Виноградова РАН, 2019
©Авторы, 2019

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
V.V. Vinogradov Russian Language Institute

Proceedings of the V.V. Vinogradov Russian Language Institute

XI

Materials of International Scientific Conference «Grammatical Processes and Systems in Synchrony and in Diachrony»

(May 27 – 29, 2019)

Editor-in-Chief Alexander M. Moldovan

MOSCOW
2019

Published with financial support of the Russian Foundation for Basic Research
Project N 19-012-20004

Proceedings of the V.V. Vinogradov Russian Language Institute, 2019, No. 22, Materials of International Scientific Conference «Grammatical Processes and Systems in Synchrony and in Diachrony» (May 27- 29, 2019). – M., 2019. – 400 p.

ISSN 2311-150X

The Journal was founded in 2013

EDITORIAL BOARD

Yury D. Apresyan, D.Sc., Professor, Full Member of the RAS (Moscow, Russia);
Václav Čermák, Ph.D., (Prague, Czech Republic);
Alexey A. Gippius, D.Sc., Professor, Corresponding Member of the RAS, (Moscow, Russia);
Maria L. Kalenchuk, D.Sc., Professor (Moscow, Russia);
Tore Nesset, D.Sc., Professor (Tromsø, Norway);
Vladimir A. Plungian, D.Sc., Professor, Corresponding Member of the RAS (Moscow, Russia);
Bjoern Wiemer, D.Sc., Professor (Mainz, Germany);
Alexey D. Shmelev, D.Sc., Professor (Moscow, Russia);
Zhanna Zh. Varbot, D.Sc., Professor (Moscow, Russia).

CHIEF EDITOR OF THE ISSUE
Alexander M. Moldovan, D.Sc., Full Member of the RAS (Moscow, Russia)

EDITORIAL BOARD OF THE ISSUE
Galina I. Kustova, D.Sc. (Moscow, Russia);
Anna A. Pichkhadze , D.Sc. (Moscow, Russia).

Address:
18/2, Volkhonka street, Moscow, 119019
E-mail: ruslang@ruslang.ru

The journal is registered by the The Federal service for supervision of communications, information technology, and mass-media.
Registration certificate *ПИ № ФС 77-57258.*

© by Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, 2019
© by Authors, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

I. ГРАММАТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И СИСТЕМЫ В СИНХРОНИИ

Я.Э. Ахапкина (Москва).
Эрратологическая разметка Корпуса учебных текстов:
тактические решения……
О.И. Глазунова (Санкт-Петербург).
Алгоритмические модели как принцип описания языка
и построения речи……..
П.В. Гращенков (Москва).
Прилагательные и падеж в русской именной
предикации ……
М.Я. Дымарский (Санкт-Петербург).
Распад подчинения и лексикализация предикативной
структуры……
Анна А. Зализняк (Москва).
Загадка полисемии слова *кроме*……
О. Инькова (Женева)
Система связующих средств русского языка:
состав и методы описания…….
И.Б. Иткин (Москва).
Новатор Жуковский и архаист Пушкин
(два этюда из истории русского поэтического языка)……
В.В. Казаковская (Санкт-Петербург), *Н.К. Онипенко* (Москва).
Функциональные возможности русских вводно-модальных слов
в речи детей и взрослых ……..
И.М. Кобозева (Москва).
Калейдоскоп составных союзов непосредственного
предшествования в русском языке: пока не признанные,
но уже функционирующие союзы ……
Г.И. Кустова (Москва).
Стратегии кодирования неагентивного субъекта…….
С.А. Крылов (Москва).
Концепция «формальной парадигматики» в русистике:
опыт металингвистического комментария с точки зрения
неоструктуралистского подхода в грамматическом описании……
Е.М. Лазуткина (Москва).
Синтагматический класс глаголов: определение и
исчисление……..
И.Б. Левонтина (Москва).
Об экспансии винительного падежа в количественных
оборотах …….

Е.А. Лютикова (Москва).
Островные ограничения в свете экспериментальных
данных ……..
И. Мендоза (Зальцбург).
Маркирование объектов относительных придаточных
предложений в славянских языках ……
Е.В. Урысон (Москва).
К определению видовой пары:
глаголы НСВ в сценических ремарках …….
И.А. Шаронов (Москва).
ВОТ ВЕДЬ И ***НАДО ЖЕ!*** Путь от конструкции
ко вторичному междометию ……..……

II. ГРАММАТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И СИСТЕМЫ В ДИАХРОНИИ

Оливье Азам (Франция, Париж).
Особенности выбора вида инфинитива, употребляемого
в современном русском языке
в функции древнерусского супина ……..
М.А. Бобрик (Москва).
Грамматические таблицы А.А. Зализняка как инструмент
понимания русской языковой эволюции…….
И.В. Вернер (Москва).
Средства грамматического параллелизма в
церковнославянских переводах Псалтыри XI-XVI вв. …….
Е.А. Галинская (Москва).
Грамматическая вариативность в языке новгородской деловой
письменности конца XVI века……..……..
С.В. Дьяченко, Е.Г. Жидкова, А.В. Тер-Аванесова (Москва).
Перфектные конструкции в опочецких говорах…….
О.Ф. Жолобов (Казань).
Диагностические глагольные формы в древнерусских
паримейниках и Толстовском сборнике XIII в. …….
С.И. Иорданиди (Москва).
К истории Nom. Pl. на - á в именах несреднего рода…….
А.М.Кузнецов (Даугавпилс).
Употребление указательных местоимений сь, тъ, онъ
в Зографском евангелии……
А.Ф.Литвина, Ф.Б. Успенский (Москва).
К вопросу о ктиторах церкви Жен Мироносиц во Пскове (XVI в.) ……
И.И. Макеева (Москва).
Порядок слов в группе *личная форма глагола + прямое дополнение*
в риторических произведениях Кирилла Туровского……..
Е.А. Мишина (Москва).
Влияние отрицания на функционирование видо-временных форм
в древнерусском языке ……..……
А.М. Молдован (Москва).
Вариативность связки 1 л. мн. ч. в древнерусской письменности ……
М.О. Новак (Казань).
Формы именного склонения в Толстовском Сборнике XIII в. (РНБ, F.п.I.39)
Я.А. Пенькова (Москва).

Иму, учьну, стану, буду: корпусное исследование перифраз
будущего времени в старорусской письменности……..
П.В. Петрухин (Москва).
Бытовая графическая система берестяных грамот в свете истории и типологии
письменных систем…….
А.А. Пичхадзе (Москва).
Отрицание при составном сказуемом в древнерусском
языке……..
О.Г. Ровнова (Москва).
Следы древнерусских энклитик в говоре старообрядцев
Южной Америки……..
Д.В. Сичинава (Москва).
Глагольное время, арест и суд в Новгороде: к интерпретации
некоторых берестяных грамот ……
М.Н. Шевелева (Москва).
О глаголе *имѣти* в древнерусском языке и проблеме
формирования сложного будущего времени……
И.С. Юрьева (Москва).
Есть ли разница между *начати* и *почати* в
перифрастических конструкциях?.....…….
Irina Podtergera (Heidelberg)
Die Europäisierung der russischen Syntax:
Das Beispiel des Relativsatzes mit dem Pronomen *kotoryj*…….

I. ГРАММАТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И СИСТЕМЫ В СИНХРОНИИ

Я. Э. Ахапкина
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
(Россия, Москва)
yakhapkina@hse.ru

ЭРРАТОЛОГИЧЕСКАЯ РАЗМЕТКА КОРПУСА РУССКИХ УЧЕБНЫХ ТЕКСТОВ: ТАКТИЧЕСКИЕ РЕШЕНИЯ*

Созданный школой лингвистики ФГН НИУ ВШЭ Корпус русских учебных текстов включает спонтанные (выполненные в аудитории) и подготовленные (домашние) работы студентов бакалавриата в жанрах ответа на вопрос, аргументированного суждения, эссе, курсовой работы. Студенты, осваивая академический регистр, проходят разные стадии формирования представлений об организации учебно-научного текста. На каждом этапе интерференция стилей и жанров, разнородный характер получаемых речевых образцов и слабая редакторская рефлексия приводят к возникновению неизбежных системных ошибок в сфере грамматики и грамматической стилистики, семантики и прагматики текста. Отклонения от речевого стандарта отражают как стадиальность формирования навыка исследовательского письма, так и процессы, характерные для динамики речевой системы в целом, становления новых узуальных норм на осколках норм устаревающих, демонстрируют границы вариативности слово- и формоупотребления. Эти отклонения маркируются системой тэгов, разработанной и оптимизированной командой Корпуса (Н. А. Зевахиной, С. С. Джакуповой, Ю. М. Кувшинской, С. Ю. Пужаевой при активном участии коллег и студентов). Эрратологическая разметка включает лексические, грамматические, дискурсивные пометы. Грамматический блок отражает частотные отклонения от морфологических и синтаксических канонов, связанные с расшатыванием ряда конструкций. Так, отдельную проблему представляет расширение круга легких

* Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2019 году.

глаголов (десемантизованных единиц, обслуживающих синтаксические потребности высказывания и делегирующих лексическое значение управляемому слову), выбор падежа управляемого имени, компаративные и интенсифицирующие конструкции, анафорические употребления. В статье рассмотрены конкретные примеры, снабженных тэгом «нарушение в согласовании» (agr). Обсуждается мотивировка разметки при выборе маркера для фрагмента высказывания.

Ключевые слова: лингвистические корпус, корпус нестандартной речи, русские учебные тексты, согласование, вариативность, рекомендательная норма

Created by School of Linguistics,Faculty of Humanities, National Research University Higher School of Economics the Corpus of Russian Student Texts (CoRST)includes spontaneous (done in the classroom) and prepared (done at home) texts written in such genres as answers to various questions, argumentative statements, essays, course papers etc., written by students of bachelor programs.

In the process of learning academic writing students pass different stages of understanding how to organize an academic learner text.

At the each stage the interference of styles and genres, heterogeneous nature of received speech patterns as well as low self-correcting lead to inevitable system errors in grammar and grammatic stylistics, semantics and text pragmatics.

The deviations from speech standards reflect both stadiality of academic writing skills and processes characteristic of speech system dynamics in general, forming new customary (usual) norms on the remains of obsolete (conservative) norms demonstrate the limits of variability in the usage of words and word forms.

These deviations are marked by the system of tags, worked out and optimized by the Corpus team (N.A. Zevakhina, S.S. Dzhakupova, Yu. M. Kuvshinskaya, S.Yu. Puzhaeva with the active participatipon of colleagues and students).

Error markup contains lexical, morphological, discursive information.

Grammatic section shows frequent deviations from morphological and syntactical patterns, connected with loosening a number of constructions.

For example, there are such challenges as widening a number of ‘light’ verbs (units void of semantics and satisfying syntactic needs of a statements; their lexical meaning is delegated to a governed word); choice of case for a governed noun; comparative and intensificating constructions, anaphoric usage.

The article views concrete examples with the tag “agreement mistake” (agr). The motivation for markup when choosing a marker for a speech fragment is discussed.

Key words: linguistic corpus, corpus of non-standard speech, Russian learning texts, agreement, variability, recommended norm

Разметка коллекции Корпуса русских учебных текстов (http://web-corpora.net/learner_corpus/) включает маркирование речевых сбоев относительно рекомендательной нормы. Нарушением согласования считается не только отступление от норм соотнесения по роду, числу и падежу зависимого слова с главным, но и отступление от правил координации, тяготения, аппликации [Валгина 2003: 55-58; Грамматика 1970: 548, 633; Булаховский 1952, 1: 287; Распопов 1970: 40]. В эту же рубрику попадает нарушение анафорической связи (семантическое согласование, согласование по смыслу) [Розенталь и др. 1999; Лаптева 2003; Голуб 2010]. Маркируется как грубое нарушение нормы, так и вариативное грамматическое оформление.

Анализ нестандартной речевой продукции, неизбежно содержащей как осознанные, так и не отрефлексированные пишущим отклонения от рекомендательной нормы, позволяет выявить тенденции развития современной речи [Пужаева и др. 2015; Dzhakupova et al. 2014; Zevakhina et al. 2015a, b]. Кроме того, анализ рефлексии разметчика позволяет увидеть, какие нормы в большей или меньшей степени осознаны современным носителем языка.

В Корпусе русских учебных текстов объемом 3 115 188 слов нарушения в согласовании отмечаются в 587 документах и 971 контексте. В ряде случаев эрратологическое маркирование (выделение ошибок) опирается на многофакторный анализ высказывания.

(1) <*В-пятых, с развитием новых технологий* <u>*человеческие знания заменяются компьютерными*</u>*, поэтому с каждым днем* <u>*люди*</u> *все меньше нуждаются в использовании* <u>*своих навыков*</u>*.> Использование известной информации становится недостаточным, поэтому их* (ref, pron; нарушение кореференции) *нужно подкреплять другими* <u>*знаниями, которые обеспечивают*</u> (infl; именное и глагольное словоизменение) ***технологий*** (agr; согласование) *каждый день. <Например, с появлением новых цифровых фотоаппаратов людям приходится запоминать новые методы их использования, потому что знание об использовании фотоаппаратов прошлого поколения не позволяет пользоваться продуктом правильно.>*

В примере (1) из эссе социолога-первокурсника можно усмотреть нарушение согласования-координации при инвертированном прочтении субъектно-объектной пары (*технологии обеспечивают что? знания*), ошибку управления и падежную конкуренцию родительного / винительного / именительного при неинвертированном прочтении: *знания*

обеспечивают что? технологии (в этом случае возможна описка, связанная с диакритикой: мена и/й), избыточный эллипсис в случае опущения управляющего слова: *<развитие> технологий*).

Дистантная координация при однородных зависимых в форме мн. ч. в разрывающем контексте приводит к тому, что прайминг плюральных форм заставляет разметчика игнорировать корректное согласования рамки, опирающееся на генерализованное прочтение формы ед. ч. подлежащего:

(2) *Запоминание картинки, набора слов или звуков, напротив,* ***уязвимо*** *к любым изменениям*.

Множественность объектов в этом случае имплицирует для разметчика и множественность процессов, словно речь идет о разных видах запоминаний. В этой связи показательны рассуждения И. Н. Смирнова о влиянии множественного объекта на аспектуальную характеристику действия как повторяющегося и, соответственно, не локализованного во времени, в отличие от локализованного во времени единичного конкретного действия, совершаемого над единичным конкретным объектом [Смирнов 2008], ср. в примере (2а) аналогичную примеру (2) интерпретацию имени *вопрос* при конкретизирующих распространителях, включающую признание пищущим генерализованного употребления имени и отрицание такого прочтения разметчиком:

(2а) *В данном тексте Ричард Фейнман ставит* ***вопрос*** (agr) *узкости мышления, доминирования зубрежки над пониманием, неспособности мозга самостоятельно работать, придумывать новое, а только лишь воспроизводить заученное.*

Избыточное согласование по числу в коннекторе сентенциального атрибута в примере (3) вызвано доминированием влияния левого контекста над правым, стремлением уподобить определение определяемому в ущерб структуре основы определительного придаточного. Дополнительным фактором, вызывающим этот сбой, становится разрыв основы придаточного вводной конструкцией.

(3) *Здесь можно выделить несколько факторов,* ***которых*** *как нам кажется, влияют на наш выбор в какой-либо ситуации*.

В этом случае нарушения нормативной координации можно говорить о широко понимаемом прайминге [Русакова 2013: 371-410], то есть избыточном влиянии предшествующего образца (формы род. пад. мн. ч. *факторов*) на конструирование последующей формы *которых*, ср. пример (4) из аннотации первокурсника:

(4) *Книга посвящена анализу событий,* ***которых*** *автор текста называет черными лебедями, это события, происходящие спонтанно и непредсказуемо*.

В этом случае коннектор выступает не подлежащим, а прямым дополнением, и грамматически актуализуется проблема выбора одушевленного или неодушевленного варианта маркирования винительного падежа. Корректная форма *которые*, омонимичная именительному, игнорируется в пользу формы, омонимичной родительному, поскольку левый контактный контекст задает генитивную форму определяемым словом *событий*.

Зоной особого риска становятся существительные со значением символической собирательности (*народ, аудитория, электорат, власть, профессура* и под.). При необходимости местоименной замены таких имен, как и в случае присоединения определительных оборотов, уточняющих конструкций или сентенциальных атрибутов, повышается вероятность смыслового согласования по числу в ущерб грамматическому. Множественная референциальная соотнесенность таких имен превалирует в сознании пишущего над сингулярностью грамматической формы, см. в примере (5) анафорическую замену *раса – их*:

(5) *Так, например, основываясь на неприятном случае с афро-американцем (ограбление, избиение и т.д.), простой человек может стать расистом, обвиняя во всём чернокожую расу и* ***их*** (agr ref pron) *дикость*.

К широкой сфере семантического согласования можно отнести и выбор плюральной формы глагола при наличии зависимых у подлежащего, как в примере (6):

(6) *Здесь ты найдешь ответы на эти и многие другие вопросы, узнаешь, какую роль играет экономическая свобода и каким образом в умах людей* ***могут*** *одновременно присутствовать вера в две совершенно разные и несочетаемые вещи.*

Невозможность формы мн. ч. у существительного pluralia tantum осознана пишущим, однако идея двойственности распространителя диктует форму мн. ч. глаголу как бы сквозь имя *вера*. В определенном смысле эта стратегия пишущего корреспондирует со стратегией разметчика в примере (2), стремящегося увидеть разные виды запоминаний в соответствии с указанием на объекты действия. Можно предположить, что генерализованное употребление имени функционирует по тем же законам, что и семантически (но не грамматически) собирательное имя, и формальная множественность предиката обусловлена референциальной множественностью существительного в таком употреблении.

При постпозиции однородных подлежащих допустимо как ед., так и мн. ч. сказуемого [Розенталь и др. 1999]. Однако однородность может ослабляться контекстом. Так, в примере (7) появление иерархического указателя *как следствие*, устанавливающего семантическую обусловленность второго подлежащего первым, заставляет разметчика

склоняться к предпочтению сингулярной формы предиката, несмотря на кодифицированную вариативность:

(7) *<Во-вторых, знания, полученные тщательным и фундаментальным разбором, дают толчок к появлению новых идей, к исследованию более глубоких и сложных проблем.> Сам Ричард Фейнман убеждает нас в том, что не только оробевшим новичкам но и известным ученым* ***свойственны*** (agr) *механическое запоминание информации и, как следствие, непрочные знания. <На примере того, как физик, ассистент Эйнштейна, не узнал в задаче элементарного физического закона из-за немного переделанных условий, мы лишний раз убеждаемся в том, что понимание темы позволяет применять знания в любых ситуациях.>*

Однако противоположная стратегия пишущего, координирующего сказуемое с первым членом однородного ряда постпозитивных подлежащих, также не вызывает понимания у разметчика:

(8) *Во-вторых, для того, чтобы дать ученикам импульс к стремлению понять материал, учителю* ***необходима*** *грамотно выстроенная методика преподавания и великолепное владение своим предметом, а так бывает далеко не всегда.*

Семантика предикативного комплекса *сложное пошаговое действие* в примере (9), включающая референциальную множественность, представляется разметчику недостаточным условием соотнесенности с однородными подлежащими при прямом порядке слов даже в случае контекстной иерархизации перечня, выраженной в предпочтении союза *а также* (маркирующего дополнительный статус второго подлежащего по отношению к первому):

(9) *Я думаю, что так происходит, потому что осмысление полученных знаний, а также их практическое применение – это гораздо более* ***сложное многошаговое действие*** *чем заучивание наизусть.*

Неинвертированность высказывания и семантическая стадиальность первичного *осмысления* и последующего *применения* побуждают разметчика ожидать форму мн. ч. у сказуемого, следующего за двумя подлежащими. Здесь можно усмотреть отказ интерпретировать имя *действие* в форме ед. ч. как генерализованное, с множественной референтной соотнесенностью.

В примере (10) разметчик предполагает взаимнооднозначное соотнесение *задачи* и ее *условия*, отрицая возможность выбора формы мн. ч. для терминологического имени в специализированном контексте при описании одной *задачи*:

(10) *Во-вторых, если не понимать смысл выученного, то при изменении* ***условий*** *задачи, становится не ясно, как её решать.*

Между тем употребление имен в контексте примера (9) – анализа этюда Ричарда Фейнмана о запоминании и понимании – не строго терминологично, речь может идти о расширенном и в определенном смысле метафорическом понимании *задачи* как проблемы и *условий* как новых вопросов в проблемной области.

Квалификация ошибки как нарушения согласования может конкурировать с нарушением управления в тех случаях, когда гипотетическая форма мн. ч. омонимична родительному падежу ед. ч., как в случае конкуренции номинатива и генитива при отрицании (притом, что имя *суть* в норме не имеет формы мн. ч.):

(11) *Как люди воспринимают науку, и способен ли человек принять знание и найти грамотный выход из ситуации, не осознавая* ***суть*** (agr) *явлений и законов природы*?

В примере (12), с одной стороны, можно усмотреть аналогию с примером (11), поскольку конструкция с негацией допускает возможность конкуренции падежей (гипотетический вариант правки *подключения* можно трактовать как форму им. мн. ч. и как род. ед. ч.), с другой – с примером (2) по признаку наличия серии зависимых (и тогда предполагается возможный вариант корректировки не *подключения*, а *подключений* – с вытекающей из такой правки проблемой отнесения имени к классу обладающих парадигмой мн. ч.):

(12) *Механическое зазубривание не подразумевает* ***подключение*** (agr) *воображения, зрительной, слуховой памяти или любых других инструментов мышления*.

Согласование по числу может провоцировать сбой, связанный с полисемией определяемого, как в примере (14). Отвлеченное значение существительного *материал* (‘учебные разработки, сведения’) может восприниматься как принадлежащее имени singularia tantum и требующее согласования по ед.ч. Тем не менее, в этом значении форма мн. ч. имени употребительна, в НКРЯ находится 52 вхождения по запросу «учебный + материал (мн.ч.)», наиболее раннее датируется 1963 годом:

(13) *Учебные материалы иного рода в книге не затрагивались, если не считать двух-трех беглых упоминаний*. [Григорий Коган. Работа пианиста (1963)]

При этом для ед. ч. этого сочетания обнаруживается 204 вхождения, начиная с 1862 года (первый пример принадлежит К. Д. Ушинскому).

(14) *Также принудительное изучение материалов,* ***который*** *преподают в школах, не позволяет развиваться ученикам в отдельных областях, ведь учебная программа идет дальше темы сменяются и изученный материал остается позади*.

Возможно, форма *который* стала результатом своеобразной коррекции замысла пишущего, не удовлетворенного выражением *изучение материалов, которые преподают в школе* по причине механического двойного прочтения субъектно-объектной пары в этой

конструкции (вариант исправления с пассивным оборотом *которые преподаются* оказался при этом невостребованным).

При дистантном расположении определяемого и определения разметчика смущает форма последнего имени, предшествующего определительному обороту. Строго говоря, контактность расположения определяемого и определения, действительно, предпочтительна, и обретает силу правила в отношении придаточных определительных. Однако для определений другой синтаксической природы аналогичной жесткости не предусмотрено, и в этом смысле пример (15) может рассматриваться как корректный:

(15) *<В конце хотелось бы сказать, что лучший способ запоминания информации - понимание и осознание полученных знаний.> Такой подход имеет <u>массу преимуществ</u> перед зазубриванием,* ***рассмотренных*** *выше. <Поэтому я считаю, что проблема, которую поднял Ричард Фейнман в книге «Вы, конечно, шутите, мистер Фейнман» актуальная и должна быть освещена.>*

Не предполагается, вопреки решению разметчика, фиксация сбоя и при контактном расположении придаточного определительного к номинативно-генитивному сочетанию:

(16) *Каждый день человек, от самого маленького и до самого взрослого, получает огромный <u>поток</u> информации,* ***который*** *он должен запомнить*.

«В некоторых случаях между подлежащим и сказуемым усматривается еще одна разновидность синтаксической связи — тяготение: в предложениях типа *Сестра лежала больная; Отец вернулся веселый (веселым)*. Тяготением связь называется потому, что именная часть сказуемого соотносится с подлежащим через посредство третьего компонента. Такая связь обнаруживается при двойном отношении: прилагательное связано и с глаголом и с именем (или местоимением)» [Валгина 2003: 57]. В примере (17) игнорируется допустимость именительного и творительного падежей прилагательного при тяготении. Действительно, не любое лексическое наполнение современной конструкции допускает творительный, ср. архаичное **Сестра лежала больной*, но разметчик усомнился в правомерности творительного при глаголе *становиться*:

(17) *Но пример с ассистентом Эйнштейна показывает, что помимо постоянного просто использования, знание необходимо подставлять и в нестандартные ситуации, чтобы <u>оно становилось</u> более* ***гибким*** (agr) *в плане применения*.

При глаголе *становиться*, по данным НКРЯ, творительный падеж доминирует (14 642 против 1 212 вхождений с именительным). Именительный не редкость и сохраняется до современности (правда, в отсутствие сравнительной степени в контексте), ср. в НКРЯ:

(17а) *Он выскочил из хаты. Дни* ***становились теплые****. Из-за Авдулиных бугров, из-за Пугачева горба заметно тянуло весной*. [Г. П. Данилевский. Воля (1863)]

(17б) *Кременецкий тоже говорил, что возможны очень серьезные осложнения, и вид у него при этом* ***становился озабоченный***. [М. А. Алданов. Бегство (1930)]

(17в) *Раз с человека держава взять ничего не может, он* ***становится бесполезный***. [Василий Гроссман. Все течет (1955-1963) // «Октябрь», 1989]

(17г) *Матвей с Костиком быстренько «взлетали» на шкаф. Обстановка* ***становилась напряженная***. *Один лишь Сверчок радовался, затевал с Лари игру в догонялки*. [Н. Ф. Королева. Другая собака // «Наука и жизнь», 2007]

(17д) *Когда актеры играли хоть чуть-чуть интересно, режиссер заливисто хохотал. И лица у актеров* ***становились довольные***. *На меня актеры уже не смотрели. [Саша Денисова. Театральный роман* // «Русский репортер», № 15 (143), 22-29 апреля 2010, 2010]

(17е) *Стекло холодное, и лоб от него тоже* ***становится холодный***. [Дина Сабитова. Где нет зимы (2011)]

(17ж) *Траектория развития такого брака… Его психика не выдерживает такого давления, и он регулярно уходит из дома «в отпуск» (живет у родителей). Жена после такого «отпуска»* ***становится шелковая***. *На какое-то время. [Алексей Фролов. Очередной случай из практики*... (2014.10.20)]

Несколько архаичным воспринимается пример (17в), возможно из-за одушевленности субъекта состояния. Но в (17ж) при определяемом женского рода и разговорном регистре архаизации уже не усматривается, хотя субъект состояния одушевленный.

Несмотря на сохранность именительного предикативного в таких предложениях, примат творительного, вопреки мнению разметчика, в описываемой конструкции очевиден как по данным НКРЯ, так и по данным интернет-узуса, ср. запрос в Google *становится гибкий* – 126 результатов, *становится гибким* – 225 результатов.

Конкуренция родительного и творительного субъекта или дательного адресата (в примере (18) – *понимание кого* и *кем, понятен кому*) наблюдается в современном узусе, демонстрирующем постепенную экспансию генитива в сферу других косвенных падежей (у этой тенденции есть и встречная компенсирующая, в частности, связанная с захватом дательным падежом некоторых функций родительного, см. [Ахапкина 214]). В примере (18) разметчик счел выбор родительного падежа ошибочным (вероятно, тэг нарушения управления в этом случае в большей степени отвечал бы замыслу).

(18) *Текст в большинстве своём чёток и понятен для* <u>*понимания*</u> *практически* ***любого читателя.***

Падежная конкуренция может быть вызвана разными сопутствующими факторами, среди которых фиксируют порядок слов (ср. *понимание текста читателем / читателем*

текста; *поддакивание секретаря начальнику / поддакивание начальнику секретарем*, о стратегии выбора падежа в последнем случае см. [Герасимова 2017]).

НКРЯ демонстрирует вариативность в этой зоне. Генитивные примеры встречаются в разные периоды и не зависят от падежа управляющего.

(18а) *Но далее отрезки расходятся, и нос двоится не только в стиле автора и в глазах Ковалева, но и в понимании читателя*. [В. В. Виноградов. Эволюция русского натурализма. Гоголь и Достоевский (1920-1929)]

(18б) *Они приспособлены ко вкусу и пониманию читателя ниже чем среднего*. [В. Ф. Ходасевич. О Чехове (1929)]

(18в) *Почти все они доступны пониманию читателей, обладающих подготовкой в объеме неполной средней школы*. [С. А. Шорыгин. Что читать об Арктике // «Наука и жизнь», 1936]

(18г) *Мы полностью полагались на эзопов язык и на понимание читателя, умевшего читать между строк*. [Валерий Аграновский. Вторая древнейшая. Беседы о журналистике (1976-1999)]

(18д) *Наверно, надо начать с того, что каждый стихотворец ... имеет свое понимание читателя*. [Алексей Биргер. Страстный пилигрим (1998) // «Профессионал», 1998.07.01]

В случае реализации ролей субъекта и объекта в форме косвенных падежей (*понимание чего / кого кем // понимание кем чего / кого*) субъект закономерно маркирован творительным, объект – винительным.

(18е) *И насчет невозможности понимания обыкновенными людьми великих, читателями — писателей, Марк загнул по обыкновению*. [Юлий Даниэль. Письма из заключения (1966-1970)]

(18ж) *Привычное и внутренне присущее христианскому мировоззрению разделение мира на полюсы: небо и земля, рай и ад, бог и диавол, добро и зло, праведники и грешники, последовательно проводимое через весь "Элуцидарий", несомненно, в высшей степени благоприятствовало пониманию и усвоению читателями и слушателями преподносимых им истин*. [А. Я. Гуревич. Популярное богословие и народная религиозность средних веков (1976)]

(18з) *Вместе с тем воздействие литературы на жизнь общества, ее понимание и осмысление читателями (иначе говоря — литература в меняющихся социально-культурных контекстах ее восприятия) является предметом одной из литературоведческих дисциплин — историко-функционального изучения литературы*

(термин предложен М.Б. Храпченко в конце 1960-х годов). [В. Е. Хализев. Теория литературы (1999)]

Собственно эффект прайминга (уподобления образцу) на формальном уровне наблюдается в примерах (19-20):

(19) *Задумывались вы о причинах появления тоталитарных* ***режимах.***

(20) *У вас есть шанс раз и навсегда изменить свое отношение к миру и происходящих в нем* ***событиях*** *и по-новому посмотреть на все глобальные процессы в нашей жизни.*

М. В. Русакова отмечает, что замена родительного мн.ч. предложным у существительных вызвана ориентацией на флексию предшествующего прилагательного [Русакова 2008].

В сфере согласования наиболее болезненной оказывается семантико-грамматическая зона числа, вызывающая сложность как у пишущих, так и у разметчиков. Это связано как с семантической и референциальной характеристикой определяемого (несовпадением плюрального содержания с сингулярной формой), так и синтаксическими особенностями фразы, включающей зависимые от существительного компоненты, часто в плюральных формах, а также разрывающие элементы согласованного сочетания вставные структуры. В сфере падежного маркирования размываются границы согласования и управления (в частности, в случае предпочтения творительного именительному при так называемом тяготении). Одним из факторов, влияющих на сбой в согласовании, становится эффект копирования предшествующего образца.

Описанные наблюдения позволяют предложить три дополнительные процедуры для разметки коллекции корпуса. Во-первых, выстроить субкатегоризацию внутри сбоя «нарушение в согласовании» (в частности, выделив подтип нарушенного согласования – в роде, числе, падеже или нескольких категориях одновременно – и указав возможную причину рассогласования, такую как референциальная множественность определяемого или влияние разрывающего контекста, плюральная форма зависимых от определяемого имен). Во-вторых, снабдить маркированные фрагменты вариантом правки в окне комментария, чтобы сравнение корректного варианта с ошибочным позволяло анализировать ошибку. В-третьих, противопоставить собственно нарушение нормы (речевой сбой) вариативности и шкалировать вариативность от равноправных, предпочтительных и допустимых вариантов до маргинальных и тяготеющих к сбою.

Литература

Ахапкина Я. Э. *Причина пожару*: приименной дательный в позиции родительного // Слово. Словарь. Словесность: Русский язык в научном, культурном и образовательном пространстве (к 190-летию со дня рождения К.Д. Ушинского). СПб.:, 2014. С. 38-42.

Булаховский Л. А. Курс русского литературного языка. Т. 1. Киев, 1952.

Валгина Н. С. Современный русский язык: Синтаксис: учебник. 4-е изд., испр. М., 2003.

Герасимова А. А. Дифференциальное падежное маркирование и линейная позиция аргументов в русских событийных номинализациях // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2017. Т. XIII. Ч. 3. С. 265-281.

Голуб И. Б. Литературное редактирование: учебное пособие. М.: Логос, 2010.

Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.

Лаптева О. А. Живая русская речь с телеэкрана. Разговорный пласт телевизионной речи в нормативном аспекте. 5-е изд. М., 2003.

Пужаева С. Ю., Зевахина Н. А., Джакупова С. С. Контаминация конструкций в речи нестандартных русскоговорящих на материале корпуса русских учебных текстов // Труды Международной научной конференции "Корпусная лингвистика-2015". СПб., 2015. С. 390-397.

Распопов И. П. Строение простого предложения в современном русском языке. М., 1970.

Розенталь Д. Э., Джанджакова Е. В., Кабанова Н. П. Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию. М., 1999.

Русакова М. В. Элементы антропоцентрической грамматики русского языка. М., 2013.

Смирнов И. Н. Выражение повторяемости и обобщенности действия в современном русском языке. СПб., 2008.

Dzhakupova S., Zevakhina N. Case (non-)coincidence in elliptical coordinated constructions: Learner texts of Russian native speakers // Slavica Helsingiensia 45 Instrumentarium of Linguistics: Language errors and multilingualism. Helsinki, 2014. С. 35-49.

Zevakhina N., Dzhakupova S. Corpus of Russian student texts: design and prospects // Труды 21-й Международной конференции по компьютерной лингвистике "Диалог". М., 2015a.

Zevakhina N., Dzhakupova S. Russian metalinguistic comparatives: a functional perspective. Working papers by NRU HSE. Series WP BRP "Linguistics". 2015b. No. 39.

References

Axapkina Ya. E. Prichina pozharu: priimennoj datel`nyj v pozicii roditel`nogo. *Slovo. Slovar`. Slovesnost`: Russkij yazyk v nauchnom, kul`turnom i obrazovatel`nom prostranstve (k 190-letiyu so dnya rozhdeniya K.D. Ushinskogo)*. SPb.:, 2014. S. 38-42.

Bulaxovskij L. A. *Kurs russkogo literaturnogo yazyka*. T. 1. Kiev, 1952.

Valgina N. S. *Sovremennyj russkij yazyk: Sintaksis: uchebnik*. 4-e izd., ispr. M., 2003.

Gerasimova A. A. Differencial`noe padezhnoe markirovanie i linejnaya poziciya argumentov v russkix sobytijnyx nominalizaciyax. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvisticheskix issledovanij*. 2017. T. XIII. Ch. 3. S. 265-281.

Golub I. B. *Literaturnoe redaktirovanie: uchebnoe posobie*. M.: Logos, 2010.

Grammatika sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. M., 1970.

Lapteva O. A. *Zhivaya russkaya rech s teleekrana. Razgovornyj plast televizionnoj rechi v normativnom aspekte*. 5-e izd. M., 2003.

Puzhaeva S. Yu., Zevaxina N. A., Dzhakupova S. S. Kontaminaciya konstrukcij v rechi nestandartny`x russkogovoryashhix na materiale korpusa russkix uchebny`x tekstov. *Trudy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii "Korpusnaya lingvistika-2015"*. SPb., 2015. S. 390-397.

Raspopov I. P. *Stroenie prostogo predlozheniya v sovremennom russkom yazyke*. M., 1970.

Rozental` D. E`., Dzhandzhakova E. V., Kabanova N. P. *Spravochnik po pravopisaniyu, proiznosheniyu, literaturnomu redaktirovaniyu*. M., 1999.

Rusakova M. V. *Elementy antropocentricheskoj grammatiki russkogo yazyka*. M., 2013.

Smirnov I. N. *Vyrazhenie povtoryaemosti i obobshhennosti dejstviya v sovremennom russkom yazyke*. SPb., 2008.

Dzhakupova S., Zevakhina N. Case (non-)coincidence in elliptical coordinated constructions: Learner texts of Russian native speakers. *Slavica Helsingiensia 45 Instrumentarium of Linguistics: Language errors and multilingualism*. Helsinki, 2014. P. 35-49.

Zevakhina N., Dzhakupova S. Corpus of Russian student texts: design and prospects. *Trudy 21-j Mezhdunarodnoj konferencii po komp`yuternoj lingvistike "Dialog"*. M., 2015a.

Zevakhina N., Dzhakupova S. *Russian metalinguistic comparatives: a functional perspective*. Working papers by NRU HSE. Series WP BRP "Linguistics". 2015b. No. 39.

О.И. Глазунова
Санкт-Петербургский государственный университет
(Россия, Санкт-Петербург)
o.i.glazunova@mail.ru

АЛГОРИТМИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ КАК ПРИНЦИП ОПИСАНИЯ ЯЗЫКА И ПОСТРОЕНИЯ РЕЧИ

Язык относится к сфере познания внутреннего мира человека: его изучение традиционно проходило в изоляции от естественно-научных дисциплин, описывающих законы строения и развития мира внешнего. Однако язык обладает и материальной формой, которая должна подчиняться единым для природных систем правилам: включать динамику развития событий, существовать на основе образующих цикл алгоритмов и создаваться для выполнения определенных задач.

Алгоритмический принцип осуществления структурно-системных преобразований присутствует на всех языковых уровнях как система решающих правил, которые в случае их выявления помогают понять закономерности и природу языковых процессов. (Например, разницу в употреблении предлогов *от* и *из,* при выражении причины (остановиться *от страха* (*из вежливости*)), противительных союзов *а* и *но*, форм именительного и родительного падежей определительного слова при существительном после числительных *два, три, четыре* (три *моих двоюродных* брата – три *мои двоюродные* сестры); необходимость использования союза *чтобы* в конструкциях со значением цели и т.д.)

Статья посвящена поискам факторов внутреннего развития языка и объективным показателям, которые обусловливают принципы сочетаемости языковых единиц в речи. В настоящее время лингвистика не может ограничиваться описательными методами

исследований; необходимо переходить к поиску закономерностей, которые определяют функционирование языка как системного образования, состоящего из элементов разных уровней, пребывающих в постоянном взаимодействии не только друг с другом, но и с окружающей действительностью.

Ключевые слова: алгоритмические модели, продуктивная грамматика, системность языка, сочетаемость языковых единиц в речи.

1. Введение

Способность к отображению мыслей, чувств, эмоций делает язык одним из основных инструментов познания окружающей человека действительности. И хотя внутренний мир относится к нематериальным сущностям, он базируются на обладающих формой графических знаках, фонетических, морфологических, лексических и синтаксических единицах, которые, как любая другая материя, должны подчиняться законам природы.

Именно это мы наблюдаем в языке. Расширение звукового, лексического и синтаксического состава языка приводит к качественному усложнению выражаемой с их помощи информации, предопределяя поступательное ее развитие в рамках *закона перехода количественных изменений в качественные*. Базирующиеся на противопоставлении принципы сочетаемости в языке (тоновая основа гласного дополняется шумовой природой согласных звуков, субъект с предметным значением образует связь с предикатом со значением признака) подчиняются *закону единства и борьбы противоположностей*. Принципы организации языковых единиц разных уровней, когда «ядерный» компонент (гласный звук, ударный слог, корневая морфема, главное слово в составе словосочетания, субъект и предикат) уравновешивается периферией, подчиняются *закону иерархической упорядоченности систем* и т.д. Как любая «живая» система язык переживает определенные стадии развития, в ходе которых его структура проходит многочисленные преобразования (мутации), ее формирование происходит в том виде, который лучше всего отвечает целевому назначению – выражению содержания и выполнению коммуникативной функции.

Процессы, которые происходят в языке, ничем не отличаются от любых других природных процессов, где все взаимообусловлено и алгоритмически выверено таким образом, чтобы обеспечить поступательное развитие системы. Естественный отбор как основной механизм эволюции в природной среде основан на функции приспособленности; его смысл состоит в достижении результата, обеспечивающего организму оптимальное взаимодействие частей в составе целого. То же самое мы наблюдаем в языке: позиционные изменения согласных и гласных звуков на письме и в речи; использование различных грамматических форм и лексических средств в одних и тех же структурах с частичным или полным изменением содержания обусловлено переходом от структурных языковых компонентов к их системной организации в соответствии с едиными, обусловленными природой, алгоритмами преобразования и развития.

В РКИ данное направление изучения языковых структур получило название функционально-коммуникативной грамматики. Цель его состояла в

том, чтобы «представить закономерности и алгоритмы построения речи в условиях конкретного дискурса, для чего нужно, с одной стороны, понять динамику языка в синхронии, то есть понять, как работает язык в процессе пользования им; что происходит с единицами языка (и каковы они – эти единицы) при речепостроении, какие факторы и как действуют на построение речи, а с другой – знать все нюансы словооизменения и словообразования» [Всеволодова 2003: 60].

Алгоритм подразумевает функционально-обусловленное действие, в нашем случае – выбор из имеющихся вариантов, который говорящий делает на основе объективных, поддающихся проверке критериев в процессе построения речи. Заложенные в языке принципы преобразования материи в информационное сообщение способствуют тому, что языковые структуры, предназначенные для описания положения дел в действительности, выполняют ещё одну функцию – предоставляют в распоряжение человека методологическую базу, которая, с одной стороны, предопределяет стратегию познания окружающей среды, а с другой – развивает его мыслительные и познавательные способности. Вместе с тем, в отличие от природной среды, язык представляет собой результат работы сознания, в котором цель не только изначально заложена, но и обладает специальными средствами выражения на лексическом и синтаксическом уровне.

Алгоритмический принцип осуществления структурно-системных преобразований присутствует на всех языковых уровнях как система решающих правил, которые в случае их выявления помогают понять закономерности и природу языковых процессов. В основе выбора нормативного варианта могут лежать формальные показатели. Например, с частицей *давай* глаголы несовершенного вида употребляются в форме инфинитива (давай *читать*), а глаголы совершенного вида – в форме 1-го лица мн. числа (давай *почитаем*); при наличии определяемого слова родительный партитивный не употребляется: кусок *сыра/сыру* – кусок российского *сыра*; при обозначении количества определяемое слово стоит в форме родительного падежа при существительных мужского рода и в форме именительного падежа при существительных женского рода (Три *моих двоюродных* (Р.п.) брата – три *мои двоюродные* (Им.п.) сестры); союз *чтобы* употребляется в обязательном порядке при наличии дополнительного объекта (*Взял книгу почитать. – Взял книгу, чтобы почитать её* ***сыну***) и т.д.

Гораздо сложнее делать выбор, который определяется смысловыми показателями. Например, употребление краткой или полной формы прилагательного (Он *болен* – Он *больной*) обусловлено заложенным в содержании временным или постоянным значением признака; сложная превосходная степень прилагательного передает абсолютное значение (*самый великий* поэт), простая превосходная степень – значение относительное (*величайший* поэт – один из самых великих). В целевых конструкциях с глаголами движения *везти, вести, нести* в сочетании с прямыми объектами использование союза *чтобы* указывает на то, что действие инфинитива относится к субъекту: *Родители* ***отвезли*** *детей к*

бабушке, ***чтобы отдохнуть*** (чтобы родители отдохнули); при его отсутствии действие инфинитива относится к объекту: *Родители* ***отвезли*** *детей к бабушке* ***отдохнуть*** (чтобы дети отдохнули) [Глазунова 2017б: 87]. Во всех этих случаях выбор нужной конструкции определяется отправителем речи и соотносится с закрепленным за ней содержанием. Если носители языка делают выбор автоматически, то для иностранцев и компьютерных программ должна быть разработана система специальных алгоритмических правил.

Стоит отметить, что традиционная лингвистика недостаточно внимания обращает на такого рода проблемы. Например, большое количество работ отечественных исследователей посвящено средствам выражения причины в простом предложении. Авторы подробно разбирают особенности употребления предложно-падежных форм со значением причины, исходя из их рецептивных особенностей, в то время как вопросы, связанные с правилами использования близких по значению предлогов в рамках продуктивной грамматики, не получают должного освещения.

2. Предлоги *от* и *из* со значением причины в простом предложении

Л.Н.Иорданская и И.А.Мельчук описывают семантику предлога *от* следующим образом: предлог служит 1) «для выражения непосредственной причины, которая своим воздействием вызывает некоторую реакцию (*У Петра от страха лоб покрылся испариной*)»; 2) «для выражения первоначальной причины (*Все комплексы Петра – от страха*)» [Иорданская, Мельчук 1996: 199]. Предлог *из*, согласно авторам статьи, служит «для выражения мотива или побудительной силы (психическое состояние или свойство) контролируемого действия (*Петр не критикует начальство из каких-то тайных соображений*)» [Иорданская, Мельчук 1996: 200].

К сожалению, указанные авторами критерии непосредственности, первоначальности и побудительности, которые следует учитывать при употреблении предлогов *от* и *из* с причинным значением, не всегда позволяют выбрать правильный вариант, особенно в сочетании с существительными, обозначающими чувства.

Например, в предложении *Все комплексы Петра – от страха*, приведенном авторами в качестве примера «первоначальной причины», страх в равной степени может рассматриваться и как побудительная сила, которая, согласно их определению, должна сопровождаться употреблением предлога *из*; однако использование *из* в данном предложении не является нормативным. Опираясь на предложенные авторами принципы разграничения, невозможно объяснить причину употребления предлога *от* или *из* и в таких словосочетаниях, как *остановился* ***от*** *страха – остановился* ***из*** *вежливости*; *потерял голову* ***от*** *любви – работал* ***из*** *любви к искусству*. А ведь в каждом из этих примеров предлог эксплицирует значение, которое не может быть выражено другим способом. Без установления четких критериев

для разграничения синонимичных средств выражения в контекстах, где они не могут заменять друг друга, невозможно выявить разницу между ними.

Действия, которые соотносятся с существительными с предлогами *от* и *из*, можно разделить на две группы в соответствии с тем, какой причиной они обусловлены: внешним воздействием на субъекта или исключительно его внутренним состоянием [Глазунова 2017а: 22]. Предлог *от* употребляется с существительным, которые выражают ответную реакцию на воздействие извне (***От*** *страха он не мог говорить* – что-то в его окружении его сильно напугало); *из* – с существительными, которые обозначают чувство, заложенное или зародившееся в субъекте и направленное вовне (*Он не ответил* ***из*** *страха быть наказанным*).

В первом примере (с предлогом *от*) страх возник в результате внешнего воздействия на субъекта некой силы (причины), которая и вызвала состояние онемения. Во втором примере (с предлогом *из*) страх обусловлен внутренними причинами – личностными характеристиками субъекта (его трусостью); он исходит изнутри и направлен вовне. Непосредственного воздействия на субъекта во втором случае не было; состояние, которое привело к решению промолчать, – результат свойственной человеку душевной слабости.

Критерий неконтролируемости/контролируемости действия, который Л.Н.Иорданская и И.А.Мельчук кладут в основу употребления предлогов *от* и *из* [Иорданская, Мельчук 1996: 184], в данном случае работает лишь частично, потому что, например, в словосочетаниях *помог из жалости*, *убил из ревности, зашел из любопытства* предложные лексемы нельзя отнести к «побудительной силе (психическому состоянию или свойству) контролируемого действия», как нам предлагают сделать авторы статьи. Если человек бросается на помощь, рискуя жизнью, совершает что-то под воздействием ревности или любопытства, его действия носят спонтанный характер и их вряд ли можно рассматривать как контролируемые. Следовательно, нужен другой подход и другой принцип разграничения.

С нашей точки зрения, значения форм *помог из жалости*, *убил из ревности, зашел из любопытства* соответствуют критерию «направленности причины изнутри вовне» (от субъекта – во внешний мир) – это внутренние причины, которые вызвали определенные действия: *помог, убил, зашел*. Примеры с предлогом *от*: *страдал от комплексов*, *мучился от ревности*, *покраснел от стыда, вздрогнул от неожиданности*, соответствуют другому критерию – «направленности причины извне», из внешнего мира (возможно, из оценки себя или своего поведения во внешнем мире) на субъекта или на объект.

Сравните: страдал *от комплексов* (комплексы – причина, воздействующая на субъекта состояния) – страдал *из вредности* (вредность – причина, которая оказывает воздействие на окружающий мир). Неслучайно в словосочетаниях, выражающих физические изменения под влиянием окружающей среды: *побелел от холода, ослаб от голода*, *оглох от крика*, *потемнел от времени*, употребить предлог *из* невозможно. Выявленный в

данном случае критерий полностью соответствует семантике предлогов *от* и *из*.

Любое действие в этом мире причинно-обусловлено, но эти причины имеют разную природу: они могут быть внутренними, исходящими от человека (т.е. определяющимися его личностными особенностями) и направленными вовне, или внешними – представляющими собой следствие воздействия на человека внешних факторов.

Значения глаголов в словосочетаниях с предлогами *от* и *из* лишь в некоторых случаях определяют выбор предлога (Ср.: *остановился от страха – остановился из вежливости*). Основополагающим в приведенных выше примерах является направленность обусловливающего причину фактора – от субъекта или на субъекта (на объект). Вежливость (*остановился из вежливости*), – это то, что было заложено в человека; она направлена вовне, в отличие от чувства страха (*остановился от страха*), возникшего под воздействием внешних факторов.

Неслучайно существительные, семантика которых ограничивается внутренним миром человека (например, *счастье, радость, печаль, грусть*), с предлогом *из* со значением причины не употребляются. Другие существительные (*обида, досада, беспечность*), значение которых может соотноситься с побудительными намерениями, используются с предлогом *из* крайне редко, носителями языка такие формы обычно воспринимаются как разговорные: «Утверждают, что *из обиды* и мести они расстреляли своих военных советников»; «Посему недопустимо совершать сей шаг необдуманно, *из беспечности* либо ради забавы, но лишь по зрелому размышлению» (примеры из Интернета).

Как любое системное образование язык подчиняется логике развития окружающего мира, следовательно, все в нем должно быть предопределено и логически выверено. Задача лингвистов заключается не столько в описании того, что мы имеем, сколько в выявлении причинно-следственной обусловленности существования и использования тех или иных языковых единиц в языке и речи.

3.1. Союзы *а* и *но* в сложносочиненных конструкциях

Отношения противопоставления, определяющие варианты сосуществования ситуаций в пространстве и времени, лежат в основе использования в языке противительных союзов *а* и *но*, которые «наряду с союзом *и*, формируют ядро системы русских сочинительных союзов» [Урысон 2004: 65]. В отличие от *и*, союзы *а* и *но* употребляются для выражения противопоставления событий, которые в целом или по ряду признаков соотносятся друг с другом. При этом, несмотря на общность выражаемого ими значения, союзы *а* и *но* не всегда могут заменять друг друга в предложении.

Самую большую сложность для иностранцев, которые изучают русский язык, а также для переводчиков, работающих с русскими текстами, представляет союз *а*. Он не имеет аналогов во многих других языках и, по

мнению исследователей, «с большим трудом поддается семантической экспликации» [Урысон 2004: 64]. Действительно, стоит отметить, что значения, которые союз *а* выражает в составе предложения, в отечественной лингвистической литературе описываются по-разному и с самых разных позиций.

Анна А. Зализняк и И.Микаэлян вслед за А.Вежбицкой [Wierzbicka 1992] отмечают, что «союз *а* заключает в себе одну из ключевых идей русской языковой картины мира, а именно, идею непредсказуемости мира» [Зализняк, Микаэлян 2005]. Вслед за В.З.Санниковым, назвавшим *но* союзом «ненормального следствия» [Санников 1989], Е.В.Урысон предложила использовать то же самое наименование по отношению к союзу *а* – «*а* ненормального следствия» [Урысон 2005].

По мнению Е.В.Падучевой, семантика союза *а* определяется «эгоцентричностью (ориентированностью на субъекта сознания)» [Падучева 1997: 37], при этом «в роли субъекта сознания, предполагаемого семантикой этого союза, выступает говорящий – или, в повествовательном тексте, его обычные заместители» [Падучева 1997: 47]. Исходя из этого, отличие союза *но* (вторичного эгоцентрика, по определению Падучевой) от союза *а* (первичного эгоцентрика) состоит в том, что выражаемое им значение отражает точку зрения не субъекта сознания, а лица, упомянутого в предложении.

Если данный принцип работает, то лишь частично. Например, и в предложении *Зарплату повысили, а денег по-прежнему не хватает*, и в предложении *Зарплату повысили, но денег по-прежнему не хватает* определить, кто является субъектом оценки: отправитель речи (субъект сознания) или лицо, которому эту зарплату повысили (т.е. объект речи), крайне сложно. Во многих предложениях с противительными союзами не содержится никаких объективных показателей, позволяющих сделать на этот счет однозначный вывод.

Аналогичную ситуацию мы наблюдаем и при других толкованиях данных союзов. Мало что дают и существующие на сегодняшний момент классификации.

В.В.Виноградов выявляет четыре значения союза *а*: противительное (*Мужчина, а плачет; Они проснулись, а мы спать собираемся*), присоединительное (*Встала перед глазами изба голодная, а в избе голодной мать хворая лежит*), противительно-перечислительное (*А где же другие товарищи*? *А Данилов*?), присоединительно-усилительное (*А дура-то врет, врет, да и правду соврет*) [Виноградов 2001: 583–584].

В более распространенной классификации союзов, приведенной в работе Г.Е.Крейдлина и Е.В.Падучевой, выделяется три значения союза *а*: сопоставление (*Отец был летчик, а сын избрал ученую карьеру*), несоответствие (*Дело к весне, а мороз все жестче*), присоединительное (*За деревней было поле, а за полем начинался лес*) [Крейдлин, Падучева 1974].

Очевидно, что, за исключением присоединительного, остальные значения, которые приписываются союзу *а* в работах Г.Е.Крейдлина,

Е.В.Падучевой и В.В.Виноградова, не совпадают, а потому заключение, к которому приходят В.Ю.Апресян и О.Е.Пекелис на сайте «Проекта корпусного описания русской грамматики», вполне оправданно: «По поводу семантики союза А существует множество работ, однако до сих пор не сформулировано однозначных правил его употребления» [Апресян, Пекелис 2012].

Чтобы разобраться в этом вопросе, обратимся к определению прилагательного «противительный», обозначающего разряд, в который входят союзы *а* и *но*. «ПРОТИВИТЕЛЬНЫЙ, -ая, -ое. В грамматике: выражающий отношения противопоставления» [Ожегов, Шведова 1999: 624] (подчеркнуто мной – О.Г.). Существительное «противопоставление», в свою очередь, образуется от глагола «противопоставлять», значение которого выражается следующим образом: «ПРОТИВОПОСТАВЛЯТЬ, несов. (сов. *противопоставить*), *кого-что кому-чему*. Сопоставлять (сопоставить) кого-, что-л. с кем-, чем-л., указывать (указать) несходство, противоположность признаков одного и другого, давая рядом что- л. несходное)» [Толковый словарь русских глаголов 1999: 324] (подчеркнуто мной – О.Г.).

В определении глагола «противопоставлять» указываются два значения, которые определяют действие: 1) несходство и 2) противоположность. Именно они соответствуют значениям союзов *а* и *но*. Очевидно, что между ними существует принципиальная разница: *несходство* соотносится с существительными «непохожесть, неодинаковость» [Александрова 2001: 261], а *противоположный* трактуется как «совершенно несходный, противоречащий другому» [Ожегов, Шведова 1999: 624].

3.2. Несоответствие Vs Противоречие: принцип разграничения союзов *а* и *но* в русском языке

Итак, противопоставление в русском языке подразумевает два варианта взаимодействия ситуаций в рамках сложного предложения: 1) на основе *несходства* входящих в их состав и соотносящихся между собой однотипных элементов (субъектов, объектов, действий, признаков, обстоятельств); 2) на основе их *противоречия* друг другу. Эти два отличных друг от друга варианта восприятия окружающей действительности находят отражение в языковых структурах, в частности в правилах употребления союзов *а* и *но* в составе сложносочиненного предложения.

Чтобы понять разницу в употреблении союзов, из примеров, представленных в работах В.В.Виноградова, В.З.Санникова, Г.Е.Крейдлина, Е.В.Падучевой, Е.В.Урысон, мы выбрали те, в которых союз *а* не может быть заменен союзом *но*. При этом предложения с присоединительным и противительно-перечислительным значениями типа *За деревней было поле, а за полем начинался лес*; *А где же другие товарищи*? *А Данилов?* нами не рассматривались на том основании, что вопросов по употреблению в них союза не возникает.

Все выбранные примеры указали на то, что союз *а* в нейтральном стиле речи употребляется при наличии ***несходства*** между двумя

описываемыми ситуациями: *Они проснулись, а мы спать собираемся*; *Он сидел в тюрьме, а годы шли; Вы аристократ, а я демократка; Он днем спит, а ночью работает; Петров болен, а Сидоров в командировке*. При этом несходство может относиться как к нескольким членам предложения (*Он* (*Его брат*) – *шел пешком* (*ехал на велосипеде*)), так и к одному (*Он – днем спит* (*ночью работает*)).

В отличие от союза *а*, союз *но* в сложном предложении используется при наличии ***противоречия*** между описываемыми ситуациями или входящими в их состав частями: *День был дождливый, но Коля не взял зонт; Его фамилия Вернер, но он русский*; *Он звал, но я не поехала; Дико и странно может показаться все это, но я пишу одну правду; Иван развелся с Лидией, но на Кате так и не женился*. В такого рода конструкциях союз *но* объединяет две части, в которых одна исключает другую или оценивается как несовместимая с ней в силу антонимичности входящих в их состав компонентов. Информация, представленная во второй части сложного предложения *не взял зонт, он русский, я не поехала, я пишу одну правду, на Кате так и не женился*, не соответствует тому, что изложено в первой части, – так не должно было произойти, потому что случившееся противоречит традиционным взглядам и нормам поведения в обществе[1].

С помощью языка человек структурирует и оценивает окружающую его действительность. Чтобы обозначить заложенные в природе или возникающие в процессе развития событий противоречия, необходимо использовать инструмент, который позволяет описывать систему в виде причинно-следственных связей. Для этого можно использовать не только конструкции с союзом *но*, но и с союзом *хотя* со значением уступки[2]: *День был дождливый (солнечный), но Коля не взял зонт (взял зонт) – Хотя день был дождливый (солнечный), Коля не взял зонт (взял зонт)*. Трансформировать таким образом предложения, в которых используется только союз *а*, невозможно, потому что союз *а* соединяет ситуации, не связанные друг с другом причинно-следственными отношениями (*Он шел пешком, а его брат ехал на велосипеде*).

Вместе с тем в большинстве сложносочиненных конструкций союз *но* может быть заменен союзом *а*, на что неоднократно указывали исследователи: *День был дождливый, но (а) Коля не взял зонт; Выиграл Чемпионат Европы, но (а) на Олимпиаде не вошел в шестерку сильнейших*. В.З.Санников разграничивает значение союзов в этом случае следующим образом: «Союз *но* указывает на з а в и с и м о с т ь компонентов P и Q (Коля з н а л, что погода дождливая, и все-таки не взял зонт); союз а описывает события как н е з а в и с и м ы е (возможно, когда Коля собирался, дождя еще не было)» [Санников 1989: 170–171].

---

[1] О разнице в употреблении союзов *а* и *но* см. [Глазунова 2017: 270б].

[2] В ряде случаев даже сложносочиненное предложение с союзом *и* может указывать на противоречие. Как остроумно заметил американский математик Стивен Клини, «хотя в исчислении высказываний A&B равносильно B&A, фразы “У Джейн родился ребёнок, и она вышла замуж” и “Джейн вышла замуж, и у неё родился ребёнок” будут пониматься знакомыми Джейн по-разному» [Клини 1973: 82].

И хотя Е.В.Урысон считает, что «В.З.Санников дал точную экспликацию различий между этими фразами» [Урысон 2005], с этим вряд ли можно согласиться, потому что событие, описываемое конструкцией с союзом *а* (*а Коля не взял зонт*), могло попасть в поле зрения отправителя речи только при условии дождливого дня. Эти две ситуации причинно-обусловлены, а потому рассматривать их как независимые невозможно.

С нашей точки зрения, варианты с союзом *а* указывают на экспрессивный характер речи, именно этим они отличаются от соотносящихся с ними конструкций с союзом *но* [Глазунова 2017б: 270]: *Молодой, а опытный* (Удивительно!); *Мужчина, а плачет*; *Он шел пешком, а добрался быстрее нас* (Надо же!)*; Его имя Вернер, а он русский* (Бывает же такое!).

Таким образом, если союз *а* в языке предназначен для выражения несходства при сопоставлении ситуаций, параллельно или последовательно развивающихся в пространстве и времени, то союз *но* служит для констатации заложенного в них противоречия, т.е. имеет причинно-следственную основу. Замена союза *но* союзом *а* в такого рода конструкциях приводит в действие стилистические механизмы, добавляя значение экспрессивности в оценке и передаче отправителем речи сложившихся противоречий.

4. Выводы

Системный подход к решению задач позволил многое понять в теории эволюции, в исследовании генетического кода, в синергетике, а также сформулировать методологические алгоритмы объяснения принципов формирования, развития и взаимодействия объектов и процессов, составляющих функционально обусловленное целое.

Тот же самый подход «работает» и в языке, который является системным образованием, выполняющим не только семиотическую, но и коммуникативную, когнитивную, номинативную и аккумулятивную функции. Все в языке предопределено и основано на объективных показателях, которые могут быть выявлены через систему решающих правил (алгоритмов), направленных на поиск закономерностей в формировании и развитии языковых структур, а также в характере их взаимодействия в рамках выполнения свойственных языку функций.

Данное направление в лингвистике является весьма перспективным и в теоретическом, и в практическом отношении. Очевидно, что сегодня от описания разного рода лексических, грамматических, синтаксических форм и конструкций надо переходить к объяснению того, в силу чего они возникли и на основе каких принципов взаимодействуют друг с другом, – т.е. к поискам факторов внутреннего развития языка.

Литература

Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка. Практический справочник. Изд. 11-е, перераб. и доп. М.: Русский язык, 2001. 568 с.

Апресян В. Ю., Пекелис О. Е. Сочинительные союзы. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (http://rusgram.ru). На правах рукописи. М., 2012 [Электронный ресурс]. URL: http://test.rusgram.ru//Сочинительные_союзы

Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / под ред. Г.А.Золотовой. Изд. 4-ое. М.: Русский язык, 2001. 720 с.

Всеволодова М. В. Функциональная прикладная грамматика русского языка как основа для создания учебников и учебных пособий по русскому языку как иностранному // Сопоставительная филология и полилингвизм: Сборник научных трудов / под ред. А. А. Аминовой, Н. А. Андрамоновой. Казань, 2003. С. 59 – 66.

Глазунова О.И. Грамматика русского языка в упражнениях и комментариях. В 2 ч. Ч. 1. Морфология. 9-ое изд. СПб.: Златоуст, 2017а. 424 с.

Глазунова О.И. Грамматика русского языка в упражнениях и комментариях. В 2 ч. Ч. 2. Синтаксис. 5-ое изд. СПб.: Златоуст, 2017б. 416 с.

Зализняк Анна А., Микаэлян И. Русский союз *а* как лингвоспецифичное слово // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». М.: Наука, 2005 [Электронный ресурс]. URL: http://www.dialog-21.ru/media/2439/zalizniak_mikaelian.pdf

Иорданская Л. Н., Мельчук И. А. К семантике русских причинных предлогов (ИЗ-ЗА любви ~ ОТ любви ~ ИЗ любви ~ *С любви ~ ПО любви) // Московский лингвистический журнал. Том 2. М.: РГГУ, 1996. С. 162 – 211.

Клини С.К. Математическая логика / пер. с англ. Ю.А.Гастева, под ред. Г.Е.Минца. М.: Мир, 1973. 480 с.

Крейдлин Г. Е., Падучева Е. В. Значение и синтаксические свойства союза а // Научно-техническая информация. Серия 2. Информационные процессы и системы. 1974. № 9. С. 31 – 37.

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. Изд. 4-ое, доп. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.

Падучева Е. В. Эгоцентрическая семантика союзов А и НО // Славянские сочинительные союзы. М., 1997. С. 36 – 45.

Санников В. З. Русские сочинительные конструкции: семантика, прагматика, синтаксис. М.: Наука, 1989. 266 с.

Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / под ред. Л. Г. Бабенко. М.: АСТ–ПРЕСС КНИГА, 1999. 698 с.

Урысон Е. В. Союзы *а* и *но* и фигура говорящего // Вопросы языкознания. 2004. № 6. С. 64 – 83.

Урысон Е. В. Союз *но*, или что такое «обманутое ожидание» // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». М.: Наука, 2005 [Электронный ресурс]. URL: http://www.dialog-21.ru/media/2430/urysone.pdf

Wierzbicka A. Semantics, Culture, and Cognition. Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations. N.Y., Oxford: Oxford Univ. Press, 1992. 328 p.

O.I. Glazunova
Saint-Petersburg State University
(Russia, Saint-Petersburg)
o.i.glazunova@mail.ru

ALGORITHMIC MODELS AS A PRINCIPLE OF THE LANGUAGE DESCRIPTION AND THE SPEECH FORMATION

The language belongs to the sphere of our spiritual knowledge: his study traditionally took place in isolation from the natural sciences describing the laws of the structure and development of the external world. However, the language also has a material form, which should be subject to the same rules: to include the dynamics of events, to exist on the basis of a cycle-forming algorithms, and to carry out certain tasks.

The algorithmic principle of structural and system transformations is present at all language levels as a system of decision rules, which if identified help to understand the existing laws and the nature of language processes. (For example, the difference between using the prepositions *от* and *из* when expressing the reason or cause (остановиться *от страха* (*из вежливости*), the contradictory conjunctions *а* and *но*, the Nominative or Genitive case of the defining words when expressing quantities with the numbers two, three, four (три *моих двоюродных* брата – три *мои двоюродные* сестры); the need to use the conjunction *чтобы* in subordinate clauses, etc.)

This paper studies factors of internal development of the language and objective indicators that determine the principles of compatibility of language units in speech. At present linguistics can not be limited to descriptive methods of research. It is necessary to move on to the search for patterns that determine the functioning of language as a system, the elements of which are in constant interaction not only with each other, but also with the surrounding reality.

Key words: algorithmic models, productive grammar, systematic language, compatibility of language units in speech.

References

Aleksandrova Z. E. *Slovar' sinonimov russkogo yazyka. Prakticheskij spravochnik*. [Dictionary of synonyms of the Russian language. A practical guide]. Izd. 11-e, pererab. i dop. Moscow.: Russkij yazyk/Russian language Publ., 2001. 568 p.

Apresyan V. Yu., Pekelis O. E. *Sochinitel'nye soyuzy. Materialy dlya proekta korpusnogo opisaniya russkoi grammatiki* [Composition unions. Materials for the project of corpus description of Russian grammar] (http://rusgram.ru). Na pravakh rukopisi. M., 2012 URL: http://test.rusgram.ru//Сочинительные_союзы (accessed 09.07.2019)

Glazunova O. I. *Grammatika russkogo yazyka v uprazhneniyakh i kommentariyakh* [Russian Grammar in Exercises and Comments]. V 2 ch. Ch. 1. *Morfologiya* [Morphology]. 9-oe izd. SPb.: Zlatoust Publ., 2017a. 424 p.

Glazunova O. I. *Grammatika russkogo yazyka v uprazhneniyakh i kommentariyakh* [Russian Grammar in Exercises and Comments]. V 2 ch. Ch. 2. *Sintaksis* [Syntax]. 5-oe izd. SPb.: Zlatoust, 2017b. 416 p.

Iordanskaya L. N., Mel'chuk I. A. *K semantike russkih prichinnyh predlogov (IZ-ZA lyubvi ~ OT lyubvi ~ IZ lyubvi ~ *S lyubvi ~ PO lyubvi)* [On the semantics of Russian causal prepositions (IZ-ZA lyubvi ~ OT lyubvi ~ IZ lyubvi ~ *S lyubvi ~ PO lyubvi)] // Moskovskij lingvisticheskij zhurnal. Tom 2/Vol.2. M.: RGGU/Russian State University for the Humanities Publ, 1996. pp. 162 – 211. (In Russ.)

Kleene S.C. *Mathematical Logic*. John Wiley and Sons, Inc., New York, London, Sydney, 1967. 398 p. (Russ. ed.: Klini S. K. *Matematicheskaya logika* / per. s angl. Yu .A. Gasteva, pod red. G. E. Mintsa. M.: Mir/World Publ., 1973. 480 p.).

Krejdlin G. E., Paducheva E. V. *Znachenie i sintaksicheskie svojstva soyuza a* [Meaning and synthetic properties of the union *a*] // *Nauchno-tekhnicheskaya informaciya* [Scientific and technical information]. Seriya 2. *Informacionnye processy i sistemy* [Information Processes and Systems]. 1974. № 9, pp. 31 – 37. (In Russ.)

Ozhegov S. I., Shvedova N. YU. *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Izd. 4-oe, dop. M.: Azbukovnik Publ, 1999. 944 p.

Paducheva E. V. *Egocentricheskaya semantika soyuzov A i NO* [Egocentric semantics of the unions A and NO] // *Slavyanskie sochinitel'nye soyuzy* [Slavic compositional unions]. M., 1997, pp. 36 – 45. (In Russ.)

Sannikov V. Z. *Russkie sochinitel'nye konstrukcii: semantika, pragmatika, sintaksis* [Russian compositional constructions: semantics, pragmatics, syntax]. M.: Nauka/Science Publ., 1989. 266 p.

Tolkovyj slovar' russkih glagolov: Ideograficheskoe opisanie. Anglijskie ekvivalenty. Sinonimy. Antonimy [Explanatory dictionary of Russian verbs: Ideographic description. English equivalent. Synonyms. Antonyms] / pod red. L. G. Babenko. M.: AST–PRESS KNIGA Publ., 1999, 698 p.

Uryson E. V. *Soyuzy a i no i figura govoryashchego* [Russian unions *a* and *no*, and the figure of the speaker] // Voprosy yazykoznaniya. 2004. № 6, pp. 64 – 83. (In Russ.)

Uryson E. V. *Soyuz no, ili chto takoe «obmanutoe ozhidanie»* [Russian unions *a* and *но*, or what is «misguided expectations»] // *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. Po materialam ezhegodnoj Mezhdunarodnoj konferencii «Dialog»* [Computational linguistics and intellectual technologies. Proceedings of the annual International conference «Dialogue»]. M.: Nauka/Science Publ., 2005. (In Russ.) Available at: http://www.dialog-21.ru/media/2430/urysone.pdf (accessed 09.07.2019)

Vinogradov V. V. *Russkij yazyk (Grammaticheskoe uchenie o slove)* [Russian language (Grammatical doctrine of the word)] / pod red. G. A. Zolotovoj. Izd. 4-oe. Moscow: Russkij yazyk/Russian language Publ, 2001. 720 p.

Vsevolodova M. V. *Funkcional'naya prikladnaya grammatika russkogo yazyka kak osnova dlya sozdaniya uchebnikov i uchebnyh posobij po russkomu yazyku kak inostrannomu* [Functional Russian applied grammar as a basis for the creation of textbooks and manuals on Russian as a foreign language] // *Sopostavitel'naya filologiya i polilingvizm: Sbornik nauchnyh trudov* [Comparative Philology and multilingualism: Collection of scientific works] / pod red. A. A. Aminovoj, N. A. Andramonovoj. Kazan', 2003, pp. 59 – 66. (In Russ.)

Zaliznyak Anna A., Mikaelyan I. *Russkij soyuz a kak lingvospecifichnoe slovo* [Russian union *a* as a specific linguistic word] // *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii [Computational Linguistics and Intellectual Technologies. Po materialam ezhegodnoj Mezhdunarodnoj konferencii «Dialog»* [Computational linguistics and intellectual technologies. Proceedings of the annual International conference «Dialogue»]. M.: Nauka/Sience Publ., 2005. (In Russ.) Available at: http://www.dialog-21.ru/media/2439/zalizniak_mikaelian.pdf (accessed 09.07.2019)

П. В. Гращенков
ОТиПЛ МГУ, ИВ РАН, ГИРЯ им. А.С. Пушкина

Прилагательные и Падеж в Русской Именной Предикации[3]

В работе рассматриваются основные подходы к синтаксической структуре русской именной предикации, и, в частности, к структуре именной предикации с прилагательным. Будет проанализирован ряд семантических и дистрибутивных свойств, отличающих

[3] Исследование поддержано грантом РНФ 18-18-00462, исполняемым в ГИРЯ им. А.С. Пушкина.

именные предикации с краткой и полной формой прилагательного. Основным поставленным в данной работе вопросом будет определение синтаксического статуса прилагательного в структуре именной предикации. Мы детально рассмотрим так называемый атрибутивный подход к устройству именной предикации с прилагательным, т.е. такой анализ, который возводит предикативные прилагательные к именным группам. Будет рассмотрена критика такого подхода со стороны ряда исследований. Будет предложен механизм, благодаря которому предикативные прилагательные получают значения релевантных для них грамматических признаков. Мы покажем, что эти механизмы различны в случае краткой и полной формы, как различны и структуры предикаций с ними. Будет предложен подход, позволяющей устранить недостатки атрибутивного анализа предикативных полных форм русских прилагательных.

1. *Подходы к анализу предикации с прилагательными*

Первые работы, в которых подробно исследовались различия в поведении русских прилагательных в атрибутивной и предикативной позиции, относятся к 60-м годам XX-го века. Одним из первых проблему разделения атрибутивного и предикативного употребления прилагательных и связанную с ней в русском языке проблему статуса полных и кратких форм прилагательных (ПФ и КФ далее) поднял А. В. Исаченко, (Исаченко 1963). Отмечая сложность верификации таких утверждений как бóльшая или меньшая соотнесенность со временем и поставив задачу найти синтаксическое, а не семантическое обоснование тем или иным свойствам прилагательных, Исаченко приходит в выводу, что полные формы получаются в результате трансформации структур с краткими: «… мы считаем форму *здоровый* в схеме *Этот здоровый мальчик* и форму *здоров* в схеме *Этот мальчик здоров* формами имен прилагательных. Обе формы эквивалентны друг другу, одна является трансформом другой», (Там же: 80). Существование («избыточной») предикативной ПФ объясняется Исаченко следующим образом: именные предикации *Этот мальчик здоровый* сводятся к последовательным трансформациям структур *Этот мальчик здоров* и *Мальчик СОР*[4] *мальчик*. Разницу между предложениями *Китайский язык очень труден* и *Китайский язык очень трудный* Исаченко видит в том, что полная форма прилагательного всегда соответствует «именному» употреблению. Таким образом, *Китайский язык очень трудный* фактически восходит к структуре *Китайский язык очень трудный* (*язык*), см. (Там же: 80–85).

Дистрибуция ПФ и КФ прилагательных ассиметрична: ПФ может появляться как в атрибутивной, так и в предикативной позиции, КФ может употребляться только предикативно:

[4] Copula.

(1) (Исаченко 1963: 83)

a. *здоровый мальчик* c. **здоров мальчик*

b. *Мальчик (был) здоровый.* d. *Мальчик (был) здоров.*

Единственный синтаксический контекст, доступный для КФ прилагательных, — первичная предикация[5]. В то же время ПФ прилагательных, по крайней мере, на первый взгляд, не ограничены атрибутивным контекстом, а могут быть и предикативны. Исследования проблемы предикативных прилагательных во многом были сосредоточены на способах объяснения асимметрии в дистрибуции краткой и полной форм. То, что у КФ отсутствует атрибутивное употребление, наводит на мысль, что подобная асимметрия является не более чем поверхностным выражением глубинной симметрии. Согласно такому анализу, ПФ прилагательных в русском языке всегда являются атрибутивными и в предикативном употреблении связаны с присутствием именной проекции.[6] Впервые предложенный в (Исаченко 1963), и развитый в (Babby 1973; Siegel 1976; Babby 1994) и других работах, такой подход к предикативным ПФ стал общепринятым в формальной русистике. В упомянутых работах Л. Бэбби, М. Зигель, Дж. Бейлина, как и в некоторых других, ПФ прилагательных в предикативном употреблении считаются атрибутивными прилагательными с нереализованной именной вершиной.

Один из аргументов в пользу такого анализа, см. (Siegel 1976; Matushansky 2006; Bailyn 2012) и р., связан с разницей в интерпретации следующих пар предложений:

(2) (Siegel 1976: 297)

a. *Студентка умна.* КФ, абсолютная интерпретация

b. *Студентка умная*. ПФ, относительная интерпретация

Наблюдаемая в (2.b) «относительная» интерпретация возникает при таком подходе в связи с наличием свободной переменной Δ (‘Студентка умная Δ’), областью изменения которой является множество нарицательных существительных. Такая свободная переменная может соответствовать некоторой нулевой вершине и связываться подлежащим.

Однако утверждение об атрибутивной природе ПФ прилагательных в предикативной позиции разделяется не всеми. В (Pereltsvaig 2007) номинативные ПФ противопоставляются КФ и инструментальным ПФ. Первые по мнению Перельцвайг являются частью предикативных DP (полной проекции именной группы), в то время как вторые — проекцией прилагательного. Перечислим некоторые аргументы против атрибутивного анализа.

Одним из наиболее известных аргументов в пользу атрибутивного анализа считается согласование в числе:

(3)

a. *Вы красивы* / **красива*.

b. *Вы красивая* / **красивые*.

c. *Вы пришли* / **пришла*.

В случае единственного референта вежливой формы местоимения *Вы* КФ требует согласования по множественному — как и глагол, а ПФ — по единственному числу. Этот

---

[5] Как представляется, единственным исключением из этого наблюдения в современном русском является контекст вторичной предикации с глаголами *стать, сделаться, оказаться* (*стал* / *сделался* / *оказался здоров*).

[6] М. Зигель пишет: «Теперь мы можем утверждать, что полные формы на самом деле образуются только в приименной позиции, а краткие формы — только в предикативной позиции» («We can now say that long forms are actually generated only prenominally and short forms only in predicate position»), см. (Siegel 1976).

факт, с одной стороны, позволяет говорить о том, что КФ объединяется с глагольными формами, см. (Babby 1975; Geist 2010), а с другой — дает основания предполагать, что за ПФ стоит нулевая именная вершина.

Последнее утверждение ставится под сомнение в (Geist 2010; Borik 2014). Так, в (Geist 2010) утверждается, что восстановить фонологически невыраженную вершину синтаксически невозможно — неясно, какое именно существительное стоит за ней:

(4) (Geist 2010: 246)
После экзамена Иван был усталый. (*усталый: человек? / студент? / Иван?*)

Еще один аргумент состоит в недоспецификации предикативной ПФ по роду (Geist 2010: 246) и числу (Borik 2014:146). Значение рода и числа предикативных ПФ всегда повторяют таковое у существительного и не соответствуют значению соответствующего признака у возможной невыраженной вершины:

(5) (Geist 2010:246)
a. *Сергей хорошая няня.*
b. **Сергей хорошая.*

(6) (Borik 2014: 146)
a. *Овощи были полезным продуктом.*
b. **Овощи были полезным.*

Вместо этого в (Geist 2010; Borik 2014) предлагается считать, что прилагательное в предикативной позиции употребляется не в составе именной группы с нулевым элементом, а изолированно.

К указанной критике атрибутивного анализа предикативной ПФ можно добавить следующие три аргумента. Во-первых, ПФ прилагательных в предикативной позиции не сохраняют идиоматическую интерпретацию, наблюдаемую в атрибутивной позиции:

(7) (Grashchenkov, Grashchenkova 2007)
a. *золотая рыбка* (внешний признак vs. персонаж сказки)
b. *Рыбка (была) золотая.* (только про цвет)
(8) (Grashchenkov, Grashchenkova 2007)
a. *медные трубы* (библейская метафора vs. материал)
b. *Трубы (были) медные.* (только в значении материала)
(9) (Grashchenkov, Grashchenkova 2007)
a. *китайская грамота* (‘нечто сложное и непонятное’ vs. национальность)
b. *Грамота (была) китайская.* (только в значении прилагательного национальности)

Во-вторых, факты, связанные с формированием «цепочки» прилагательных, демонстрируют еще один контраст между предикативными и атрибутивными ПФ прилагательных. Предикативная позиция, в отличие от атрибутивной, невозможна при нейтральной интонации в случае двух или более прилагательных, см. (Baker 2003) для других языков:

(10)
a. *широкое синее море*
b. **Море (было) широкое синее.*
(11)
a. *высокий каменный дом*
b. **Дом (был) высокий каменный.*

В-третьих, одним из вариантов атрибутивного подхода к предикативным ПФ мог бы быть анализ с передвижением всей именной группы помимо прилагательного в позицию подлежащего, (упрощенно) представленный ниже:

(12)
a. *Дом был каменный.*
b. [$_{vP}$ *был* [$_{DP}$ *каменный дом*]]
c. [$_{TP}$ *дом*$_i$ [$_{vP}$ *был* [$_{DP}$ *каменный* t_i]]]

Действительно, в русском языке есть конструкции с предикативными ПФ, очевидным образом восходящие к предикативным именным группам. Предикативные именные вершины в таких конструкциях имеют классифицирующее значение и передвигаются в позицию топика:

(13) (интернет)
a. *Учительница она была строгая.*
b. *Человек он был добрый.*
c. *Женщина она была злая.*

Примечательно, что замена ПФ на КФ в подобных случаях невозможна, что действительно говорит об исходной атрибутивной позиции ПФ:

(14)
a. **Учительница она была строга.*
b. **Человек он был добр.*
c. **Женщина она была зла.*

Однако деривация с передвижением / удалением вершинного имени невозможна в случаях, когда подлежащим именной предикации является имя собственное или местоимение. И те, и другие представляют собой единицы уровня DP, а прилагательные (независимо от взгляда на их роль в именной группе) порождаются внутри DP. В то же время именные предикации типа *Петя / Он был веселый* ведут себя аналогично предикациям типа *Дом был каменный*.

Мы сформулируем свой подход к структуре русской предикативной ПФ, основанный на представлениях о структуре и функциях КФ и ПФ. Анализу предикативной ПФ будут предшествовать краткое описание структуры именной предикации и разбор синтаксиса предикативной КФ.

2. *Подходы к структуре именной предикации*

В работе (Bowers 1993) было обосновано существование в именных предикациях абстрактной вершины Pred, ответственной за приписывание семантической роли подлежащему. Предикативные именные группы или группы прилагательного выбираются в качестве комплемента вершиной Pred, которая в русском языке ответственна также за приписывание предикативного инструменталиса. Подобный анализ получил достаточно широкое распространение, см. (Bailyn 2012; Strigin, Demjjanow 2001) и другие работы.

Проблемы, которые встают перед исследователями при анализе именной предикации в русском языке, вкратце сводятся к следующему. Во-первых, необходимо объяснить процесс падежного согласования. В случае именной или вторичной предикации, а также при обособленных употреблениях согласование может быть с номинативным субъектом, аккузативным объектом и иногда — с некоторыми другими участниками. Во-вторых — необходимо объяснить предикативный инструменталис как

при именной (*Мальчик был больным*), так и при вторичной (*Я проснулся больным*) предикации.

Гипотеза о существовании Pred помогает решить проблему приписывания инструменталиса. Действительно, если источник присвязочного инструменталиса еще может быть как-то локализован (собственно в бытийной связке), то инструменталис при вторичной предикации выглядит вовсе «возникающим из воздуха». Поскольку каждое значение падежного признака должно иметь свой источник, необходимо было локализовать его и в случае предикативного инструменталиса.

Представления о том, как реализована вершина Pred, у разных исследователей складывались по-разному. В (Strigin, Demjjanow 2001) предлагалось считать, что номинатив как согласовательный падеж на прилагательном возникает в связи с механизмом «просачивания» падежа от Pred. Стригин и Демьянова предполагают существование двух вершин Pred: с именными φ-признаками и без. Различие в оформлении именных предикатов (согласование vs. инструменталис) связано с типом используемой вершины Pred.

В (Bailyn 2012) проводится структурное различие между инструменталисом, согласуемым падежом вторичной предикации, и номинативом именной предикации. Инструменталис всегда имеет своим источником Pred, как в первичной, так и во вторичной предикации. «Повторяемый» падеж вторичной предикации («sameness case») является результатом множественного согласования (multiple agree). В этом случае единственный источник падежного признака обслуживает как аргументную именную группу, так и вторичный предикат, являющийся адъюнктом. Случай согласуемой именной предикации анализируется как результат действия «выраженных предикаторов» («overt predicators»). Образуемые при этом структуры также, как и в случае инструменталиса, связаны с PredP, однако позицию вершины заполняет не нулевая функциональная вершина, а различные формы глагола *быть*, которые и являются источником номинативного признака. Именная предикация с инструменталисом образуется аналогично вторичной предикации с инструменталисом.

Кроме этого предлагался ряд подходов, связанных с различением индивидного и стадиального уровня, временной соотнесенности событий основной и вторичной предикаций и т.д., см. (Filip 2001; Richardson 2007: 107–163; Markman 2008; Matushansky 2008) и др.

Иная структура обычно предлагается для КФ русских прилагательных. Начиная с (Babby 1973), многие исследователи исповедовали подход к КФ как единице, имеющей глагольную природу. Так, в (Grashchenkov, Grashchenkova 2007; Geist 2010; Borik 2014), предлагается считать, что краткие и полные формы прилагательных по-разному организуют именную предикацию. Краткие формы ведут себя подобно глаголам, используя вершину T «напрямую», а полным формам необходима «дополнительная поддержка» — участие в деривации абстрактной вершины Pred.

Важный аргумент в пользу того, что PredP отсутствует в предикациях с краткой формой — тот факт, что КФ может самостоятельно присваивать семантическую роль. В (Geist 2010) приводится следующая парадигма:

(15) (Geist 2010: 249–250)

a. *Ребенок больной.*
b. *Ребенок болен.*
e. *Ребенок болеет.*
c. *Голос у него больной.*
d. **Голос у него болен.*
d. **Голос у него болеет.*

Семантические ограничения на субъект в данном случае совпадают у КФ и глагола, а для ПФ прилагательного допустимо метонимическое преобразование ‘обладатель’ — ‘обладаемое’. Данный факт может говорить о том, что механизм присваивания семантической роли существует у КФ и глагола, а ПФ неспособна присваивать

семантическую роль самостоятельно.

Следуя в известной степени (Bailyn 2012), мы будем анализировать предикативную ПФ как образующуюся при участии вершины Pred. Такой подход применим как при «согласовательной» (в случае именной предикации — номинативной) стратегии, так и при стратегии с инструменталисом. Различие состоит лишь в конкретных механизмах, предписывающих выбор согласования либо предикативного инструменталиса. Ниже мы разовьем идею, в соответствии с которой КФ в отличие от ПФ не требуют вершины Pred и, подобно кратким причастиям, являются комплементом функциональной проекции T.

3. ***Предикативная КФ***

Рассмотрим следующие примеры:

(16) (интернет)
Быть здоровым — долг перед будущими детьми.
Быть вежливым — значит уметь себя вести и иметь хорошие манеры.

Подлежащим в главных предложениях здесь выступают инфинитивы, образующие именную предикацию. Именная часть такой предикации представлена инструменталисом — одним из возможных способов оформления именной части в русском языке. Если мы, однако, попробуем изменить форму предиката, то обнаружим, что подобные инфинитивы неграмматичны ни с ПФ, ни с КФ:

(17)
**Быть здоровый / здоров — долг перед будущими детьми.*
**Быть вежливый / вежлив — значит уметь себя вести и иметь хорошие манеры*

Причина неграмматичности, на наш взгляд, в обоих случаях состоит в том, что как для номинативной ПФ, так и для КФ необходимо локальное подлежащее в составе той же клаузы. Из того, что в случае инструментальной ПФ оно не требуется, мы можем сделать вывод, что в случае номинативной ПФ неграмматичность связана с падежом. Вывод о том, что в случае согласуемой (номинативной) ПФ дело действительно в падежном признаке, подтверждается следующими примерами.

КФ — в отличие от ПФ — допустимы в инфинитивах подъема:

(18) (интернет)
a. *Она хотела быть красива.*
b. *Ты можешь быть успешен во время кризиса.*
(19)
a. **Она хотела быть красивая.*
b. **Ты можешь быть успешный во время кризиса.*

КФ отличается от ПФ падежным признаком: он есть у ПФ, но отсутствует у КФ. Поскольку нулевые подлежащие инфинитивных клауз лишены падежного признака, ПФ в контексте предикаций с зависимым инфинитивом становятся неграмматичны. КФ, не требующие спецификации по падежу, допустимы в подобных контекстах.

Таким образом, грамматичность деривации предикации с ПФ зависит от возможности субъекта передать ПФ прилагательного падежный признак (номинатива). Для предикации с КФ наличие субъекта необходимо для означивания признаков рода и числа, происходящее в результате согласования с подлежащим.

Согласно (Babby 1973; Babby 1994; Geist 2010; Borik 2014), русские КФ, также как и глаголы, могут проецировать собственные аргументы. Аналогично лексической глагольной вершине V, за проекцию подлежащего ответственна адъективная вершина Adj.

Адъективная вершина Adj и глагольная вершина V имеют также следующее общее свойство. Над вершинами обоих типов могут надстраиваться функциональные проекции, имеющие признак падежа. В случае прилагательных мы получаем ПФ, а в случае глаголов — полные причастия. Причастия, естественно, соответствуют более сложным ситуациям и имеют более развернутую внутреннюю структуру: способны приписывать аккузатив своим комплементам (*решивший задачу ученик*) и т. д.

К отличиям проекций Adj и V относятся также отмеченные в (Borik 2014) расхождения в употреблении бытийной связки. Если с пассивными причастиями вспомогательный глагол *быть* в ряде контекстов может опускаться, то в случае кратких прилагательных такое невозможно:

(20) (Borik 2014: 152)
a. *Дом (был) построен в прошлом году.*
b. *Ребенок *(был) болен в прошлом году.*

Как мы однако считаем, интерпретировать событие, описываемое пассивным причастием как относящееся к прошлому, позволяет в данном случае грамматическое значение совершенного вида, имеющееся у причастия. В случае отнесенности к будущему обе формы неграмматичны без вспомогательного глагола:

(21)
a. *Дом *(будет) построен в следующем месяце.*
b. *Ребенок *(будет) болен всю следующую неделю.*

Мы полагаем, что дистрибуция кратких прилагательных и причастий не различается, различны лишь количество событийной и аргументной структуры в их составе и частеречная принадлежность.

Тот факт, что в случае КФ прилагательных подлежащее порождается уже в группе прилагательного, может быть подтвержден следующими примерами. Как мы установили, КФ недопустима в подлежащных инфинитивах, приведем повторно (17) как (22):

(22)
**Быть здоров — долг перед будущим.*
**Быть вежлив — значит уметь себя вести.*

В то же время, если инфинитивная клауза является комплементом, КФ грамматична, приведем повторно (18) как (23):

(23) (интернет)
a. *Она хотела быть красива.*
b. *Ты можешь быть успешен во время кризиса.*

Структуры, которые предполагают подъем из состава зависимой предикации, допускают КФ. В случаях, когда подъем невозможен, КФ неоткуда взять значение признаков рода и числа. Таким образом, субъект прилагательного проецируется в спецификаторе вершины Adj.

Важной особенностью синтаксиса КФ является то, что они, в отличие от ПФ, образуют простую предикацию без участия предикативной вершины Pred. Напомним, что Pred необходима по двум причинам: i) присваивания семантической роли и ii) приписывания падежного признака в языках типа русского. В случае предикации с КФ первую задачу выполняет вершина Adj, а падежного признака КФ лишены — следовательно, необходимость в употреблении Pred отпадает. Отметим, что

прилагательные в данном случае сближаются с краткими причастиями, которые, очевидно, также образуют простую предикацию без участия Pred.

Краткие прилагательные всегда употребляются в качестве комплемента проекции TP — в этом их сходство с глаголом. Подлежащее, порожденное внутри проекции Adj, поднимается вверх по структуре в Spec, TP. Вершина прилагательного также продвигается вверх по структуре, где получает признаки рода ({M}) и числа ({Sg}).

Не вдаваясь в подробности, скажем, что признаки рода и числа КФ, скорее всего, означиваются еще в рамках адъективной проекции. В пользу такого механизма согласования говорит продемонстрированная выше зависимость КФ от наличия собственного подлежащего на ранних этапах деривации (*Она хотела быть красива* vs. **Быть красива — ее желание*). Против согласования после передвижения субъекта в Spec, TP говорит и то, что у КФ отсутствует падежный признак, который также был бы означен в Spec, TP и требовал бы выражения на КФ.

Итак, мы считаем, что прилагательные, как и глаголы, могут проецировать собственные аргументы. Причем правила проекции аргументов у прилагательных и глаголов совпадают — внутренний участник связан с проекцией лексической вершины. Главное отличие прилагательных от глаголов — в неспособности КФ прилагательных возглавлять финитную клаузу и выражать видовременные значения в отсутствие глагола *быть*.

4. ***Предикативная ПФ***

Обсудим образование именной предикации с ПФ. Начнем с рассмотрения различий во внутренней структуре КФ и ПФ, а затем коснемся вопроса о том, какова функциональная структура именных предикаций с полной формой.

Деривация КФ и ПФ прилагательных в предикативном употреблении отличается. КФ может образовывать развернутые составляющие, в рамках которых доступна проекция Adj и связанные с ней субъектные и прочие участники. В то же время предикативная ПФ не может иметь внутреннюю структуру. Предикации с ПФ, как мы считаем, отличаются от предикаций с КФ по двум параметрам: i) ПФ в процессе деривации «выбираются» вершиной Pred, ответственной за проекцию подлежащего и назначение ему семантической роли; ii) предикативные ПФ образуются как «плоские» составляющие, лишенные внутренней структуры и не могут присваивать семантическую роль.

Подобный подход объясняет различие в интерпретации предложений *Мальчик* (*был*) *здоров* и *Мальчик* (*был*) *здоровый*. В случае КФ перед нами ситуация, задаваемая стативным предикатом и актуальная на протяжении определенной временной дистанции. В случае ПФ представлено классифицирующее значение, такое же, как при атрибутивном употреблении (‘мальчик — из числа здоровых’).

Рассмотрим аргументы противников атрибутивного подхода, предложенные в (Geist 2010) и (Borik 2014). Как было замечено Л. Гейст, КФ более избирательна в выборе субъекта. В отсутствие комплементов предикативная ПФ ведет себя в данном отношении аналогично атрибутивной ПФ, при этом обе они оказываются противопоставлены КФ. В то же время, по замечанию О. Борик, обладающие комплементами атрибутивные ПФ объединяются с КФ:

(24)
a. *Мальчик / Голос был больной.*
b. *больной голос / мальчик*
c. *Мальчик / *Голос был болен.*
d. *больной ангиной мальчик / *голос*

Как мы видим, предикативные и атрибутивные ПФ без комплементов с одной стороны противопоставлены КФ и атрибутивным ПФ с комплементами с другой. Это

связано с тем, что только КФ и атрибутивная ПФ (но не предикативная ПФ) могут иметь проекцию Adj, ответственной за вставление подлежащего.

Атрибутивное употребление ПФ допускает использование проекции Adj, в то время как предикативное — нет. Это позволяет объяснить то, что атрибутивные ПФ с комплементами ведут себя как КФ, ср.: **больной ангиной голос* / **Голос болен ангиной*. Причина неграмматичности в обоих случаях — то, что вершина Adj присваивает семантическую роль, а именная группа *голос* не может быть участником ситуации ‘болеть’. В случае ПФ без комплемента семантическая роль не присваивается, а связывание ситуации и ее участников происходит на основании прагматики, что допускает более широкую трактовку отношений, ср. грамматичность *больной мальчик* / *голос*; *Мальчик* / *голос был больной* (ср. также приведенные выше примеры контраста между значением КФ и ПФ).

Важным следствием здесь является то, что структуры с предикативной ПФ демонстрируют неспособность к выражению семантической роли.

Наиболее спорным вопросом, как уже было сказано, является статус предикативной составляющей, содержащей ПФ прилагательного. Для одних исследователей такой проекцией является именная группа с невыраженной вершиной, см. (Исаченко 1963) и др. Для других лингвистов предикативная ПФ связана с проекцией прилагательного (имеющей глагольную природу), см. (Geist 2010) и др. Мы предлагаем считать, что предикативные ПФ имеют атрибутивную природу, восходящую, однако, не к именной группе. В случае предикативной ПФ именная вершина и именная проекция вовсе отсутствуют. Атрибутивный характер составляющей объясняется наличием именных согласовательных признаков (рода, числа и падежа) в проекции самой ПФ.

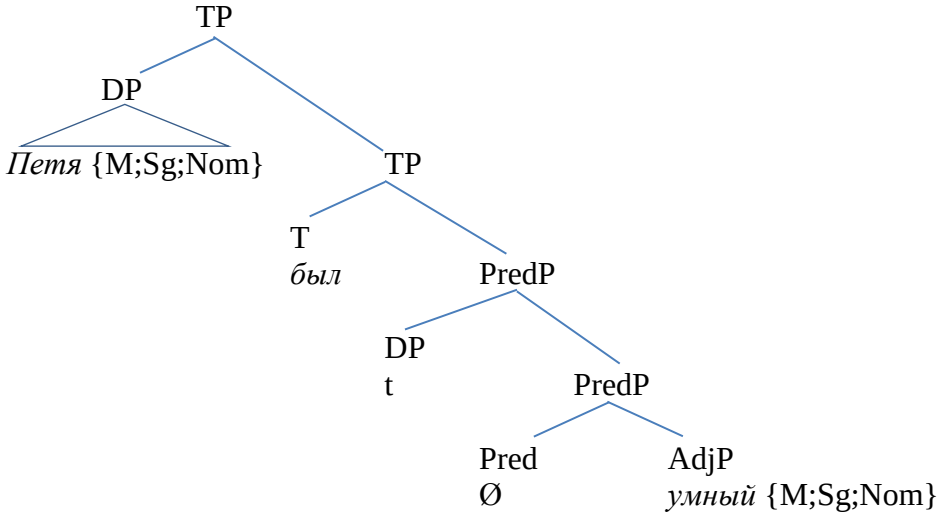
Представленная критика атрибутивного анализа демонстрирует, что предикативное употребление ПФ не связано с эллипсисом именной вершины. Мы придерживаемся атрибутивного подхода к предикативным ПФ в том смысле, что в функции именного предиката употребляются специфицированные атрибутивные словоформы – полные формы прилагательного, обладающие (согласовательными) категориями рода, числа и падежа, что делает их употребление похожим на субстантивацию.

Итак, предикативные ПФ в русском представляют собой AP, а не DP / NP, но такие AP, которые в русском языке специфичны именно для атрибутивного употребления.

В отличие от КФ, ПФ прилагательных имеют признак падежа. По этой причине русские ПФ в составе именного сказуемого всегда образуются при участии вершины Pred, которая берет комплементом проекции с падежным признаком.

Подлежащие именных предикаций с ПФ, следовательно, порождаются в Spec, PredP. Для построения именной части предикации с ПФ необходимо означивание признаков рода, числа и падежа на прилагательном. Передвигаясь выше по структуре в Spec, TP, подлежащие получают значение номинатива. После этого признаки рода, числа и падежа просачиваются вниз по структуре до именной части предикации. ПФ прилагательного, таким образом, получает все необходимые ей признаки только после того, как субъектная именная группа поднимется в позицию подлежащего:

(25)



Одно из следствий такого подхода состоит в том, что образование субъектной DP не зависит от предикативной AdjP. Этим объясняется невозможность рассогласования субъекта и (части) предиката в роде или числе (**Сергей хорошая* {*няня*}; **Овощи были полезным* {*продуктом*}). Предикативная ПФ не имеет собственных значений согласовательных признаков (как при наличии именной вершины *няня*, *продуктом*) и потому зависит от значений таких признаков на субъекте.

Грамматичность предложений *Вы красивая* и т.п. связана с тем, что местоимения (DP) и ПФ прилагательных порождаются как две различные проекции: именная группа и группа прилагательного. Стратегия согласования по единственному числу имеет место всегда, когда уважительное *Вы* не образует с группой прилагательного проекции с начала деривации. Это видно на примере таких именных составляющих как согласуемые дрейфующие элемента (*сам / один / ...*) или вторичные предикаты, см. (Madariaga 2006):

(26) (интернет)

a. *Вы придете одна.*

b. *Здравствуйте, Виталик. В том, что вы можете сам с собой разговаривать нет ничего страшного.*

(27) (интернет)

a. *Вы выглядите одинокой.*

b. *Но Вы выросли озлобленным и вечно обделенным человеком.*

Во всех данных примерах согласование по множественному было бы неграмматично.

К предложенному нами анализу не применима критика, высказывавшаяся по отношению к прежним вариантам атрибутивного подхода. Деидиоматизация следует из предлагаемой нами структуры автоматически: части именных групп *золотая рыбка*, *медные трубы*, *китайская грамота* более не образуют единого элемента, а представляют фактически две различные составляющие. Для идиом, которые хранятся в словаре как цельная лексическая единица, такое недопустимо.

Столь же автоматически решается и проблема запрета двух и более атрибутивных прилагательных (**Море было широкое синее* и т. п.). Поскольку частью именного предиката является группа прилагательного, «наслоение» нескольких прилагательных невозможно — это допустимо только в рамках именной группы.

Проблемы количества вынесенной в субъектную позицию именной структуры (DP vs. NP; *Петя был веселый* vs. *человек был веселый*) также не возникает: субъектная именная группа и проекция прилагательного образуются независимо.

Заключение

Мы проанализировали проблемы, связанные с атрибутивным подходом к предикативным прилагательным. К таким проблемам прежде всего относятся: затрудненность в установлении элиминированной именной вершины, потеря идиоматического значения, невозможность употребления более одного предикативного прилагательного. Мы предложили считать, что структуры предикаций с краткой и полной формой прилагательного различны. Краткая форма, как и глагол, порождает подлежащее внутри своей проекции и является комплементом T. Полная форма требует предикативной вершины Pred, ответственной за присваивание семантической роли и в случае инструменталиса – приписывание падежа. Релевантные грамматические признаки (прежде всего – именительный падеж) приобретаются полной формой прилагательного в процессе деривации. Согласно нашему подходу, в предикациях с полной формой отсутствует именная структура, а сходство с именной группой объясняется употреблением атрибутивной (=полной) формы прилагательного. Поскольку предложенная структура не восходит к именной группе, она не страдает теми недостатками, которые связаны с «традиционным» атрибутивным подходом.

Литература:

Исаченко 1963 — Исаченко А. В. Трансформационный анализ кратких и полных прилагательных // Исследования по структурной типологии. М., 1963. С. 61–93.

Babby 1973 — Babby, L.H. 1973. The Deep Structure of Adjectives and Participles in Russian, Language, 49.349-360.

Babby 1994 — Babby, L.H. 1994. A Theta-theoretic analysis of Adversity Impersonal Sentences in Russian. // Avrutin S. et al. (eds.) Annual workshop on formal approaches to Slavic linguistics. The MIT meeting 1993. Ann Arbor, Michigan Slavic Publications, pp. 25–67

Bailyn 2012 — Bailyn J. The syntax of Russian. Cambridge: CUP, 2012. 392 p.

Baker 2003 — Baker M. C. Lexical categories: Verbs, nouns, and adjectives. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 368 p

Borik 2014 — Borik O. The argument structure of long and short form adjectives and participles in Russian // Lingua. 2014. Vol. 149. P. 139–165.

Bowers 1993 — Bowers J. The syntax of predication // Linguistic Inquiry. 1993. Vol. 24. P. 591–656.

Filip 2001 — Filip H. The semantics of case in Russian secondary predication // Proceedings of Semantics and Linguistic Theory (SALT) 9 / ed. by R. Hastings, B. Jackson, Z. Zvolenszky. Ithaca, NY: CLC Publications, Department of Linguistics, Cornell University, 2001. P. 192–211

Geist 2010 — Geist L. The argument structure of predicate adjectives in Russian // Russian Linguistics. 2010. Vol. 34. P. 239–260.

Grashchenkov, Grashchenkova 2007 — Grashchenkov P., Grashchenkova A. Argument structure of Russian adjectives. Talk given at the Workshop on argument structure and syntactic relations. Vitoria-Gasteiz. 23–25 May, 2007

Madariaga 2006 — Madariaga N. Why Russian semi-predicative items always agree // Journal of Slavic Linguistics. Bloomington, IN: Slavica Publishers, 2006. 14/2. P. 45-78.

Markman 2008 — Markman V. The case of predicates (revisited): Predicate instrumental in Russian and its restrictions // Journal of Slavic Linguistics. 2008. Vol. 16 (2). P. 187–246.

Matushansky 2006 — Matushansky, O. How to be short: some remarks on the syntax of Russian adjectives. Ms., CNRS, Universite Paris 8. 2006. 18 p.

Matushansky 2008 — Matushansky O. A case study of predication // Studies in formal Slavic linguistics. Contributions from formal description of Slavic languages 6.5 / ed. by F. Marušič, R. Žaucer. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2008. P. 213–239.

Pereltsvaig 2007 — Pereltsvaig A. 2007. The universality of DP: A view from Russian // Studia Linguistica. 2007. Vol. 61 (1). P. 59–94

Richardson 2007 — Richardson K. Case and aspect in Slavic. Oxford: Oxford University Press, 2007. 271 p.
Siegel 1976 — Siegel M. E. A. Capturing the Russian adjective // Montague grammar / ed. by B. H. Partee. New York: Academic Press, 1976. P. 293–309.
Strigin, Demjjanow 2001 — Strigin A., Demjjanow A. Secondary predication in Russian // ZAS Papers in Linguistics. 2001. Vol. 25. P. 1–79.

М. Я. Дымарский
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена /
Институт лингвистических исследований РАН
(Россия, Санкт-Петербург)
dym2005@list.ru

РАСПАД ПОДЧИНЕНИЯ И ЛЕКСИКАЛИЗАЦИЯ ПРЕДИКАТИВНОЙ СТРУКТУРЫ[7]

Рассматриваются конструкции типа (1) *Он занимается черт знает чем*, по отношению к которым Л. Л. Иомдиным ранее была выдвинута «гипотеза о двух синтаксических началах» (вершинах) (см. одноименный раздел в [Апресян и др. 2010]). Показано, что подобная гипотеза могла появиться только на базе постулатов, применяемых при исчислении синтаксических отношений и моделировании предложения в Синтаксически размеченном подкорпусе Национального корпуса русского языка (СинТагРус), но этим же постулатам данная гипотеза противоречит. Рассматриваемая конструкция анализируется как результат распада подчинения в исходной конструкции *Черт знает, чем он занимается*. Двойной зависимости формы творительного падежа *чем* (от *знает* и от *занимается*) нет не только в производной, но и в исходной конструкции, где глаголу *знает* подчинено не местоимение, а придаточное целиком. В производной же конструкции (1) наблюдается результат лексикализации бывшей главной части сложноподчиненного предложения, которая превращается в единицу, аналогичную другим бывшим главным частям со значением неопределенности (*неизвестно*, *неведомо*) и так же, как эти показатели, подчиняющую не всю придаточную часть, а лишь то, что осталось от нее после вынесения предикативного центра последней левее бывшей главной части. Подчинением эту вырожденную связь назвать нельзя: это лишь рефлекс подчинения. Основание для лексикализации заключается в том, что структура *черт знает*, примыкая, как в (1), к вопросительно-относительному местоимению, выражает уникальный семантико-прагматический комплекс значений, недоступный стандартным неопределенным местоимениям: максимальная степень неопределенности + неодобрение говорящего. При этом значение неизвестности, свойственное исходной конструкции, может быть редуцировано до нуля. Лексикализованная структура *черт знает* обогащает репертуар средств выражения семантической категории неопределенности.

Ключевые слова: синтаксис, сложноподчиненное предложение, синтаксические связи, распад подчинения, рефлекс подчинения, лексикализация, семантическая категория неопределенности.

0. В одной из своих работ Л. Л. Иомдин, рассматривая конструкции типа:

(1) *Он занимается черт знает чем*,

— выдвинул «гипотезу о двух синтаксических началах» [Апресян и др. 2010: 129–141]. Идея в том, что форма Тв. п. в этой конструкции одновременно объясняется как связью *занимается чем*, так и связью *[черт] знает, чем [он занимается]*, и получается, что она является дуплексивом, одновременно подчиненным двум вершинам.

Существование дуплексивов не новость для отечественной грамматической традиции, хотя чаще понятие дуплексива используют для характеристики случаев типа

(2) *Красавица и умница, она всегда пользовалась успехом у мужчин*,

— где приложение обнаруживает как аппозитивную связь с подлежащим (свернутое до атрибутивного предикативное отношение), так и смысловую связь со сказуемым (причинное отношение). Однако занимательность ситуации в том, что «гипотеза о двух синтаксических началах» выдвинута в рамках одной из тех синтаксических теорий,

[7] Работа выполнена при поддержке РФФИ, проекты №№ 18-012-00650 «Семантические категории в грамматическом строе русского языка», 17-29-09158 «Создание корпуса официально-деловых текстов русского языка (ОДКРЯ)», 18-012-00778 «Теоретические основания кодификации русской пунктуации».

которые отличаются приверженностью к жесткому детерминизму, исключающих самоё возможность существования двух вершин в пределах одного предложения.

«В период становления и развития опытной науки в качестве базовых выступали модели, олицетворением которых явилась классическая механика. Основной особенностью этих моделей является строго однозначный характер всех связей и зависимостей, характеризующих исследуемые явления, системы и процессы. Эти модели получили название моделей **жесткой детерминации**», — так характеризуется жесткий детерминизм в [Сачков 2010: 631]. Этой характеристике вполне отвечает последовательно вербоцентрическая концепция предложения и типология синтаксических отношений, которая предусматривает существование в синтаксисе связей исключительно типа «хозяин — слуга», что ведет к интерпретации в качестве зависимости (причем трудно понять, чем зависимость отличается от подчинения) в том числе и связей между сказуемым («хозяин») и подлежащим («слуга»), предлогом («хозяин») и именем («слуга»), союзом («хозяин») и сказуемым придаточного предложения («слуга») и т. п., подробнее см. раздел «1.2. Синтаксические отношения» в [Апресян и др. 2010] (автор раздела Л. Л. Иомдин), с незначительными изменениями повторенный в «Синтаксически размеченном подкорпусе Национального корпуса русского языка» [СинТагРус]; полемику см. в [Дымарский 2013; 2014].

Между тем, если «гипотеза о двух синтаксических началах» может быть с успехом применена для объяснения таких конструкций, как приведенная выше (2), которая с успехом подтверждает, мягко говоря, условность строго вербоцентрической концепции предложения, то для случая (1) возможны как раз менее радикальные интерпретации.

1. Первая из них заключается в признании производности (1) от стандартного сложноподчиненного предложения

(3) *Черт знает, чем он занимается.*

Л. Л. Иомдин справедливо подчеркивает различие между (1) и (3), но видит его в том, что (3) представляет собой стандартное сложноподчиненное предложение, а (1) — сложное предложение с наложением частей: первая начинается подлежащим *он*, вторая — подлежащим *черт* (то есть левые границы у них не совпадают), но обе заканчиваются относительным местоимением (правые границы частей совпадает) [Указ. соч.: 133–134]. Однако представляется осмысленным и иной взгляд: (1) не является сложноподчиненным; это простое предложение, образовавшееся из (3) путем «втягивания» главной части внутрь придаточной. Причину, обусловившую этот процесс, можно видеть в том, что при этом происходит смещение смысловых акцентов и, соответственно, изменение прагматических функций предложения. Если (3) вряд ли может быть инициальной репликой диалога и, скорее всего, призвана служить ответом на вопрос «Чем он занимается?» — правда, не слишком содержательным, так как смысл такого ответа приблизительно передается как ‘я не знаю [чем он занимается]’, — то (1) может быть не только реактивной, но также инициальной репликой или фрагментом характеристики лица, и смысл (1) передается иначе (см. ниже 2.2).

Подобное «втягивание» главной части внутрь придаточной — характерная черта разговорного синтаксиса, нередко встречающаяся в различных вариантах, например, у Л. Н. Толстого:

(4) *…что он* (Ростов. — *М. Д.*) *так и уедет, не продав графу Голуховскому тройку саврасых, которых польский граф торговал у него и* ***которых Ростов на пари бил****, что продаст 2 тысячи…* («Война и мир». Т. II, ч. 4).

Коммуникативные и смысловые различия между (3) и (1) отражаются в их линейно-акцентной структуре: только в (3) *черт* является акцентоносителем выдвинутой влево ремы = носителем фразового ударения; в (1), если исключить эмфазу на словоформе *черт*, акцентоносителем ремы является относительное местоимение.

Однако, при всех этих различиях, конструктивно (1) наследует конфигурацию связей в (3), где форма Тв. п. прямо зависит от глагола-сказуемого придаточной части, а зависимости ее от глагола-сказуемого главной части (*знает*) как раз нет: от *знает* зависит вся изъяснительная придаточная часть, являясь таким же делибератом контактного глагола, как, скажем, именная группа в словосочетании *знает* ***род его занятий***. *Чем* — в качестве союзного слова — оказывается в фокусе этой связи, в результате чего и возникает иллюзия его зависимости от *знает*, которая поддерживается устойчивостью контактных рамок типа *знать, что*…, *знать, куда*…, *спросить, почему*…, *весть, что*… и т. д. (см., в частности, [Ильенко, Лёвина 2007]). Однако полагать, что имеет место прямая зависимость между *знает* и *чем* — примерно то же, что считать, будто в словосочетании *рубит топором* от глагола зависит окончание *-ом*, а от последнего, в свою очередь, — «остальное» имя. Форма *чем* всецело определяется зависимостью местоимения от *занимается*: это очевидно хотя бы из того, что точно так же выглядит и омонимичное вопросительное предложение (*Чем он занимается?*), являющееся исходной формой для изъяснительного придаточного вопросительной разновидности. Глаголу *знать*, как и любому контактному слову, подчиняющему изъяснительное придаточное, безразлично, чем «управлять»: в качестве подобных «зависимых» могут выступать любые местоимения в любых формах, в том числе местоименные наречия; это означает, что в реальности никакого управления, никакой зависимости союзного слова от контактного слова главной части нет.

Тем не менее, отвергаемая нами интерпретация возможна, если образ синтаксиса опирается на следующие постулаты: «Каждое слово предложения, кроме одного (называемого вершиной предложения), зависит от какого-то слова по одному из синтаксических отношений. Отношения связывают только отдельные слова, а не словосочетания. В случае так называемых синтаксических групп один из членов группы выступает в качестве представителя группы во внешних связях (локальной вершины группы) **и подчиняет остальные члены группы**» [СинТагРус; полужирный шрифт мой. — *М. Д.*]. Именно эти постулаты ведут к признанию союзного слова, с одной стороны, вершиной придаточного предложения (и тогда непонятно, каким образом эта вершина может зависеть от сказуемого этого же придаточного), с другой стороны — прямым зависимым контактного слова *знает*. Сложное предложение предстает как однолинейная непрерывная цепочка зависимостей; целостность (пусть и относительная) его предикативных компонентов исчезает; ведущий компонент его смысла — логико-смысловое отношение между предикативными частями — становится просто одним из синтаксических отношений в непрерывной цепочке; вершиной второй части (любой: подчиненной, сочиненной) становится служебный элемент, который подчиняет себе сказуемое этой части… Это не попытка дискредитировать положения оппонента путем доведения их до абсурда: это реальность синтаксической разметки в [СинТагРус]: см., в частности, примеры, в которых вершиной предложения оказывается служебное слово: http://ruscorpora.ru/syntax/uppsala/74_30.pdf, http://ruscorpora.ru/syntax/2009/81_65.pdf, http://ruscorpora.ru/syntax/2009/81_64.pdf.

Таким образом, интерпретация связей в (3), не противоречащая цитированным постулатам, создает неразрешимые противоречия; интерпретация же, опирающаяся на более традиционные синтаксические представления, во всяком случае от противоречий избавлена. Если опереться на вторую и исходить, напомним, из преемственности конфигурации связей между (3) и (1), то двойная зависимость формы Тв. п. исключается как для (3), так и для (1).

2. Вторая из менее радикальных, чем «гипотеза о двух синтаксических началах», интерпретаций определяется вниманием к тому, во что превращается в (1) *черт знает* — бывшая главная часть (3).

2.1. Хотя внешне это предикативная структура, у нее, в отличие от функционирования в составе (3), отсутствует парадигма (отмечено Л. Л. Иомдиным [Указ. соч.: 138]). Неприемлемо:

(5а) **Он занимался черт* ***знал*** *чем*;
(5б) **Он будет заниматься черт* ***будет знать*** *чем*;
(5б) **Он занимался бы черт* ***бы знал*** *чем*

— и т. д. (см. также ниже примеры 7–9, 12). При функционировании в составе (3) варьирование предикативной формы тоже ограничено. Скорее, мы скажем:

(6) *Черт знает, чем он занимался*,

— но в более широком контексте возможен и вариант:

(6а) *Один только черт знал, чем он там занимался*.

Невозможность (5а–в) при возможности (6а) — важная особенность функционирования *черт знает* в составе (1). В свою очередь, утрата предикативной структурой способности к свободному изменению в рамках предписанного набора грамматических значений — первый признак лексикализации.

2.2. В семантическом плане устойчивая структура *черт знает* (будем пока называть ее так) различна в конструкциях (3) и (1). В (3) на первом плане — значение неизвестности, причем употребление структуры *черт знает* обусловлено стремлением выразить значение ‘неизвестно никому, в том числе говорящему’, ср. типичные примеры:

(7) *Далее стоять тут было небезопасно — чёрт знает, что могла выкинуть там эта женщина* [Василь Быков. Болото (2001)][8];
(8) *Возвращаюсь часа через три — черт знает, о чем писать!* [Владимир Арро. Дом прибежища // «Звезда», 2002];
(9) *Черт знает, где я до этого обитал, в тумане собственного испарения, что ли?..* [Владимир Арро. Там же].

Между тем в конструкции (1) значение неизвестности хотя и может сохраняться, но приглушается, говорящему не сообщаемая им информация на самом деле может быть известна. На первый же план выходит семантика неодобрения (отмечено Л. Л. Иомдиным [Указ. соч.:], причем в (10–11) неодобрение имитируется с целью втереться в доверие к собеседнику. Говорящий рассчитывает на то, что собеседник адекватно воспримет эту коннотацию, а тождество вкладываемых и считываемых коннотаций является важным фактором сближения позиций говорящего и слушающего. Использование Коровьевым с этой целью именно данного средства свидетельствует о полной узуальности структуры *черт знает* в рассматриваемой функции:

(10) *Да он уж уехал, уехал! – закричал переводчик. – Он, знаете ли, уж катит! Уж он черт знает где!* (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита);
(11) *Говорю вам, капризен как черт знает что! – зашептал Коровьев* (Там же);

Более того, из (12) следует, что не сообщаемая говорящим информация может быть известна не только ему, но и адресату:

(12) *Я вот, сам знаешь, жил почти всю жизнь черт знает где черт знает с кем, — мимолетно оболгал Валера первую жену и свое в действительности теплое отношение к ней* [Алексей Слаповский. Большая Книга Перемен // «Волга», 2010].

3. Отмеченная прагматико-семантическая специализация структуры *черт знает* в модели (1) отличает ее от частиц-постфиксов *-то*, *-нибудь* и *-либо*, формирующих соответствующие серии неопределенных местоимений. Неопределенные местоимения

[8] Примеры с атрибуцией в квадратных скобках извлечены из Национального корпуса русского языка.

неспособны выразить ту максимальную степень неопределенности (семантическая специфика), помноженную на неодобрение говорящего (прагматическая специфика), которые столь ясно выражаются комбинацией ***черт знает* + отн. мест**. В самом деле, замена *черт знает где черт знает с кем* в (12) на любое из неопределенных местоимений дает неприемлемый результат:

(12а) **Я вот, сам знаешь, жил почти всю жизнь где-то с кем-то / где-нибудь с кем-нибудь / где-либо с кем-либо*.

В противном случае можно было бы объявить *черт знает* фразеологическим функциональным эквивалентом частицы-постфикса — но тогда неясно было бы, для чего в языке возник такой эквивалент. Такое решение обсуждается и в указ. раб. Л. Л. Иомдина (с. 131) и тоже отвергается — на том основании, что «инвентарь вложенных конструкций, обнаруживающих сходное синтаксическое поведение, <…> может включать в себя вполне свободные словосочетания, образованные довольно широким кругом глаголов» [Там же]. Однако в приводимых при этом примерах фигурирует не столь уж много глаголов (4, из них 3 однокоренных), а главное — круг этих лексических единиц очерчен вполне ясно: это глаголы или слова других частей речи, имеющие делиберативную валентность и поэтому способные присоединять соответствующее дополнение или изъяснительное придаточное. Речь, таким образом, идет о процессе, затрагивающем главные части сложноподчиненных предложений с изъяснительными придаточными вопросительной разновидности, в которых связь обеспечивается, как известно, или местоимениями, или другими средствами, оформляющими исходный вопрос: союзом *или* (при альтернативном вопросе) и частицей *ли* (при общем модальном вопросе).

Справедливости ради нужно отметить, что в разговорной речи функционирует вариант местоимения *что-то* (иногда с продолжением *с чем-то*), заметно отличающийся от стандартных неопределенных местоимений выраженным акцентным выделением и значением высшей степени положительной оценки при нуле квалификативного значения:

(13) *Ты видела Машино новое платье? Это что-то!*

Можно предполагать, что неопределенно-положительно-оценочное *что-то* возникло в результате опущения последующего оценочного прилагательного (*необыкновенное, удивительное, потрясающее* и т. п.). Но ясно, что к выражению того семантико-прагматического значения, на котором специализируется ***черт знает* + отн. мест**., этот вариант местоимения неспособен.

Мнимая эквивалентность комплекса ***черт знает* + отн. мест**. стандартным неопределенным местоимениям делает избыточной постановку вопроса о грамматикализации структуры *черт знает* в качестве строевого средства, аналогичного постфиксу неопределенности: речь может идти только о ее **лексикализации**. Сходный процесс коснулся и таких лексических средств выражения неопределенности, как *неизвестно, неведомо, невесть*, которые также исходно являются главными частями изъяснительных сложноподчиненных предложений. При этом, однако, структура *черт знает* обладает намного более яркой семантико-прагматической спецификой, хотя значение неодобрительности, как кажется, развивается и у названных единиц. Л. Л. Иомдин видит лексикализацию только в процессе, происходящем с выражениями этого последнего типа (кроме названных — *непонятно* + отн. мест., *черт-те* + отн. мест., *не пойми* + отн. мест., жаргонное *ХЗ* + отн. мест.), причем, говоря, что они «превращаются в отдельные слова», но добавляя, что они приближаются, «каждое со своей скоростью, к неопределенным частицам типа *-либо, -то* и пр.», автор фактически признаёт их находящимися в стадии грамматикализации [Указ. соч.: 140]. С нашей точки зрения, можно говорить о лексикализации всего круга названных средств (восходящих к главной части изъяснительного сложноподчиненного предложения), если они обладают семантико-прагматической спецификой, отличающей их от суффиксальных показателей

неопределенности, и только если доказано отсутствие такой специфики — о грамматикализации.

4. Вернемся к связи внутри комплекса ***черт знает* + отн. мест**. Механизм «втягивания» главной части изъяснительного сложноподчиненного предложения в придаточную часть состоит в линейно-акцентном преобразовании — перемещении фрагмента придаточного, включающего как минимум один из компонентов предикативного центра, левее главной части. Что при этом происходит?

Известно со времен А. М. Пешковского, что сложноподчиненное предложение, в отличие от сложносочиненного, не обладает признаком непроницаемости структуры. Это означает, что придаточная часть может пересекать границы главной, оказываясь в интерпозиции:

(14) *Маша, если ее отпустят после обеда, приедет вовремя*.

Однако такие преобразования сомнительны, во всяком случае в рамках литературной нормы, для предложений с изъяснительными придаточными:

(15) ?*Я, что вы очень заняты, знаю*.

Главное же в том, что проницаемой может быть главная часть по отношению к придаточной, но не наоборот. Придаточная часть для главной непроницаема (явления ненормативной спонтанной устной речи здесь во внимание не принимаем):

(14а) **Если ее, Маша приедет вовремя, отпустят после обеда*;
(14б) **Если Машу, она приедет вовремя, отпустят после обеда*;
(15а) **Что вы, я знаю, очень заняты*.

Причина непроницаемости придаточной части для главной представляется очевидной: только в случае целостности придаточного его подчиненность главному прочитывается без затруднений. Из (15а) видно, что нарушение этой нормы ведет к переосмыслению интерпонированной главной части в качестве вводного предложения, а союз «повисает в воздухе» и может быть осмыслен только как средство связи (15а) с каким-то другим главным предложением. Таким образом, **нарушение требования целостности придаточного ведет к выходу его части, смещенной влево от главного предложения, из скопуса**[9] **подчинения**. В сфере действия подчинения в (1) остается только союзное слово. Тем самым содержание связи, делиберативное синтаксическое отношение, выхолащивается, фактически происходит **распад подчинения**, потому что можно знать, *чем X занимается*, но нельзя знать только *чем*: оставленное в одиночестве местоимение не может служить содержательным ответом на вопрос, что знает *X*, и, следовательно, не реализует делиберативное отношение. Последнее лишь реконструируется путем ретроспекции к фрагменту придаточного, вынесенного влево, но это относится уже к мыслительным операциям, необходимым для понимания конструкции, а не к устройству конструкции. В грамматиках составляющих в подобных случаях используется понятие *следа* (*trace*), оставшегося от перемещенного компонента, что можно обозначить применительно к (1) так:

(16) [*Он занимается*]$_i$ (*черт знает*) [*чем* t_i].

Во что же вырождается содержательно выхолощенная подчинительная связь, на которой базировалась полипредикативная структура? Нельзя сказать, что она утрачивается полностью, иначе было бы невозможным сохранение в аналогичных конструкциях — с «втягиванием» главной части — чисто формального, не относительного подчинения:

(17) *Его судят за преступление, которое он* ***неизвестно*** *совершил* ***или*** *нет* (пример Л. Л. Иомдина).

---

[9] Англ. *scope* — границы, рамки, пределы, сфера действия; восходит к лат. *scopus*.

Эту вырожденную связь можно было бы уподобить примыканию, поскольку местоимение сохраняет в застывшем виде ту форму (если это не местоименное наречие), которую оно имело в исходной конструкции (3), и в этом смысле, как и союз *или* и частица *ли*, ничем не проявляет свою зависимость от (бывшего) контактного слова *знает*. Но речь может идти только о подобии в формальном смысле, так как в данном случае связь семантически выхолощена, а в случае примыкания это невозможно. Стандартное примыкание, с характерной для него определительно-обстоятельственной семантикой, представляет собой, кроме того, первичную синтаксическую связь — в том смысле, что оно не является вырожденным подчинением, оставшимся после распада полипредикативной структуры.

Важно иметь в виду, что применительно к (1) речь идет о том, что осталось на поверхностно-синтаксическом уровне от подчинительной связи между контактным словом главной части и придаточной частью, — а это, в сущности, связь (?) между бывшим контактным словом и показателем связи. Если исходить из постулатов, цитированных в п. 1, такая связь может быть. С нашей же точки зрения, это то же, что «связь» между глаголом и окончанием управляемого существительного, то есть то, чего нет и не может быть. Поэтому подобие связи, оставшееся после распада подчинения, представляется целесообразным квалифицировать как **рефлекс подчинения**. Учитываться в системе связей конструкции (1) этот рефлекс подчинения не должен.

Лексикализация бывших предикативных структур типа *черт знает* выразительно подчеркивается пунктуацией: запятая, обязательная в (3), в (1) исчезает. Результатом лексикализации оказывается обогащение репертуара средств выражения семантической категории неопределенности в русском языке. (Можно заметить, что в английском есть аналогичная конструкция *God knows what*. Существование близких соответствий в других славянских, а также романских и германских языках отмечено в указ. раб. Л. Л. Иомдина.) Что же касается «гипотезы о двух синтаксических началах», то ее избыточность представляется в свете изложенного очевидной.

Литература

Апресян Ю. Д., Богуславский И. М., Иомдин Л. Л., Санников В. З. Теоретические проблемы русского синтаксиса: Взаимодействие грамматики и словаря / Отв. ред. Ю. Д. Апресян. М.: Языки славянской культуры, 2010.

Дымарский М. Я. К типологии синтаксических связей (на материале русского языка) // Проблемы функциональной грамматики: Принцип естественной классификации / Отв. ред. А. В. Бондарко, В. В. Казаковская. ИЛИ РАН. М.: Языки славянской культуры, 2013. С. 57–91.

Дымарский М. Я. Моноцентризм в синтаксисе: эпизоды истории и современность // Structures @ functions: Studies in Russian linguistics (Структуры и функции: Исследования по русистике). Vol. II. Issue 1. Tallinn, 2015. С. 5–15.

Ильенко С. Г., Лёвина И. Н. Лексико-синтаксический словарь русского языка: Модели сложноподчиненного предложения. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2007.

Сачков Ю. В. Детерминизм // Новая философская энциклопедия: В 4 т. / Ин-т философии РАН. М.: Мысль, 2010. Т. I. С. 631-632.

СинТагРус = Синтаксически размеченный подкорпус Национального корпуса русского языка. Электронный ресурс: http://ruscorpora.ru/instruction-syntax.html.

Mikhail Ja. Dymarskij

Herzen State Pedagogical University of Russia / Institute for Linguistic Studies (Russian Academy of Sciences)

(Russia, Saint-Petersburg)

dym2005@list.ru

SUBORDINATION DECAY AND LEXICALIZATION OF A PREDICATIVE STRUCTURE

Constructions of the type (1) *On zanimaetsya chert znaet chem*, lit. 'He is engaged in the devil knows what' are considered, in relation to which L. L. Iomdin earlier put forward the “Hypothesis of two syntactic beginnings” (heads). It is shown that such a hypothesis could appear only on the basis of the postulates used in calculating syntactic relations and modeling the sentence in the Syntactically Marked Sub-Corpus of the National Corpus of the Russian Language (SynTagRus), but this hypothesis contradicts these same postulates. The considered structure is analyzed as a result of the disintegration of subordination in the initial structure *Chert znaet, chem on zanimaetsya*, ‘The devil knows what he is engaged in’. There is no double dependence of the form of the instrumental case (from *znaet* ‘knows’ and from *zanimaetsya* ‘engaged in’) not only in the derivative, but also in the original construction, where the verb *znaet* subordinates not the pronoun, but the whole subordinate clause. In the derivative construction (1), we observe the result of the lexicalization of the former main part of a complex sentence, which turns into a unit similar to other former main parts with an uncertainty value (*neizvestno*, *nevedomo* 'unknown') and, just like these indicators, subordinates not the subordinate part in whole, but only what remains of it after its predicative center is moved to the left from the former main part. This degenerate link cannot be called subordination: it is only a reflex of subordination. The basis for lexicalization is that the structure *chert znaet*, adjoining, as in (1), to the interrogative-relative pronoun, expresses a unique semantic-pragmatic complex of meanings that is not available for standard indefinite pronouns: the maximum degree of uncertainty + the disapproval of the speaker. In this case, the meaning of the uncertainty, which is characteristic of the original construction, can be reduced to zero. The lexicalized structure *chert znaet* significantly enriches the repertoire of means of expressing of the semantic category of uncertainty.

Key words: syntax, complex subordinate sentence, syntactic links, disintegration of subordination, reflex of subordination, lexicalization, semantic category of uncertainty.

References

Apresjan Ju. D. (ed.), Boguslavskij I. M., Iomdin L. L., Sannikov V. Z. *Teoreticheskie problemy russkogo sintaksisa: Vzaimodejstvie grammatiki i slovarja* [Theoretical problems of Russian syntax: The interaction of grammar and vocabulary]. Moscow: Jazyki slavjanskoj kul'tury Publ., 2010.

Dymarskij M. Ja. [Towards the typology of syntactic links (on the material of the Russian language)]. *Problemy funkcional'noj grammatiki: Princip estestvennoj klassifikacii* [Problems of Functional Grammar. The Natural Classification principle] Ed. by A. V. Bondarko, V. V. Kazakovskaja. Moscow: Jazyki slavjanskoj kul'tury Publ., 2013. Pp. 57–91.

Dymarskij M. Ja. [Monocentrism in syntax: episodes of history and modernity]. *Structures @ functions: Studies in Russian linguistics*. Vol. II. Issue 1. Tallinn, 2015. Pp. 5–15.

Il'enko S. G., Ljovina I. N. *Leksiko-sintaksicheskij slovar' russkogo jazyka: Modeli slozhnopodchinennogo predlozhenija* [Lexico-syntactic dictionary of the Russian language: Models of complex subordinate sentences]. St. Petersburg: Herzen State Pedagogical Univ. Publ., 2007.

Sachkov Ju. V. [Determinsm]. *Novaja filosofskaja jenciklopedija* [The New Encyclopedy of Philosophy]. Moscow: Mysl' Publ., 2010. V. I. Pp. 631-632.

SinTagRus = *Sintaksicheski razmechennyj podkorpus Nacional'nogo korpusa russkogo jazyka* [Syntactically Marked Sub-Corpus of the National Corpus of the Russian Language]. Available at: http://ruscorpora.ru/instruction-syntax.html.

Анна А. Зализняк[10]

Загадка полисемии слова *кроме* [11]

Семантика русского предлога *кроме* достаточно основательно исследована; ему посвящен ряд статей (Баранов 1998, Оскольская, Холодилова 2009, Оскольская 2011, 2014), а также лексикографическое описание (Апресян 2004а,б). Тем не менее, путь семантической деривации, связывающий его два в некотором смысле противоположных значения, остается непроясненным.

Предлог *кроме* восходит к форме местного падежа от существительного *крома* ‘край’; в др.-русском основное значение предлога *кромѣ* было ‘вне, за пределами’ – как в собственно пространственном, так и в отвлеченном смысле, ср.:

> не добро есть лежати. ѡц҃ю нашему федосьеви. **кромѣ манастырѧ** цркв҃и своея. (Повесть временных лет [Срезневский 1989: 1328])
>
> ты́ бо єди́нъ **кромѣ̀ грѣха̀**, пра́вда твоя̀, пра́вда во вѣ́ки, и сло́во твоѐ и́стина. [Следованная Псалтирь. Последование по исходе души от тела] (www.ruscorpora.ru)
>
> а празденьство **кромѣ ѥстьства** ѥсть. [Пчела] (www.ruscorpora.ru)

Итак, изначально предлог *кроме* указывал на нахождение объекта за пределами пространства (реального или метафизического), обозначенного именной группой, подчиненной слову *кроме*. В современном языке исходное пространственное значение у *кроме* полностью утрачено: нельзя сказать ни *кроме монастыря*, ни *кроме греха* в значении ‘вне, за пределами’. (Единственное, что осталось от этого значения – фразеологизм *кроме шуток*.) Сохранилась лишь идея нахождения объекта за пределами некоторого выделенного (метафизического) пространства, которая может реализоваться по-разному.

В современном русском языке для слова *кроме* общепринятым является выделение следующих двух значений (БАС, МАС, Апресян 2004а,б, Оскольская 2014 и др.):

кроме 1: ‘за исключением’:

(1) ***Кроме*** *Пети, все ученики решили эту задачу*.

кроме 2: ‘в добавление’:

(2) ***Кроме*** *Пети, задачу решили Вася и Коля*.

---

[10] Институт языкознания РАН, ИПИ ФИЦ ИУ РАН, anna.zalizniak@gmail.com.

[11] Работа выполнена при частичной финансовой поддержке РФФИ, грант № 19-012-00505.

В первом случае Петя, **в отличие** от остальных, задачу не решил, во втором – **так же**, как и остальные, задачу решил. Иными словами, если в *кроме 1* Петя **исключается** из множества объектов, обладающих предицируемым признаком (в данном случае ‘решить задачу’), то в *кроме 2* он, наоборот, **включается** в множество объектов, обладающих этим признаком – т.е. эти значения являются в некотором смысле противоположными.

Тот факт, что соотношение двух значений слова *кроме* (иллюстрируемых примерами (1) и (2)) является в некотором роде энантиосемией, подтверждается тем, что здесь возможна реальная неоднозначность. Так, в словаре Даля (Даль 1994, т. 2, с. 507) для слова *кромѣ* предлагаются перифразы:

(а) *внѣ, извнѣ, снаружи, не внутри;*

(б) *опричь, не считая, окромѣ, исключая, за исключением.*

Значение, соответствующее первой группе перифраз и иллюстрируемое примером *Покинь его кромѣ ограды* (т.е. «брось его за ограду»), в современном языке утрачено. Пример для второй группы значений, приводимый Далем (в неявной форме объединяющей наши *кроме1* и *кроме2*): *Есть много охотников,* ***кромѣ*** *насъ*. Эта фраза неоднозначна. С точки зрения современного русского языка фраза *Есть много охотников,* ***кроме*** *нас* означает то же, что *Есть много охотников* ***помимо*** *нас* – т.е. здесь реализуется значение *кроме 2* («мы», наряду с «многими» принадлежим к числу «охотников»). Между тем, поскольку этот пример несомненно интертекстуально связан с крылатой фразой из «Горя от ума» *А смешивать два эти ремесла / Есть тьма охотников* [вариант - *искусников*] *— я не из их числа*, где использован оборот, эксплицитно выражающий значение *кроме 1*, скорее всего Даль также вкладывал в него значение ‘за исключением’ (хотя вопрос, какое значение имел в виду Даль, все же остается открытым).

Другой пример реальной неоднозначности (из некоторой лингвистической статьи; речь идет о классах русских неопределенных местоимений):

(3) В серию на «угодно» входят, ***кроме*** «какой», все вопросительно-относительные местоимения[12].

Эта фраза допускает оба понимания: при одном слово «какой» входит в «серию на угодно» (в этом случае *кроме* синонимично *помимо* и имеет значение *кроме2*: ‘в добавление’), при другом – наоборот, находится за ее пределами (значение *кроме1*: ‘за исключением’); ср. ту же фразу с другим порядком слов: *В серию на «угодно» входят все вопросительно-относительные местоимения,* ***кроме*** *«какой»,* которая может быть понята только в значении *кроме1*. Однако неоднозначность возникает только если рассматривать эту фразу изолированно. Поскольку в предшествующем тексте уже было сказано, что слово «какой» входит в обсуждаемый класс (в серию на «угодно»), *кроме* понимается здесь однозначно в нужном смысле ‘помимо’. Другими словами, значение *кроме 2* реализуется в том случае, когда тот факт, что референт имени, подчиненного *кроме,* обладает предицируемым признаком, по тем или иным причинам уже известен слушающему (предполагается известным или очевидным).

Замечу, что те же два противоположных значения были у слова *помимо*. Так, МАС в качестве первого значения указывает (на сегодняшний день устаревшее и сохранившееся лишь в сочетании *помимо воли*) значение ‘кроме, за исключением’ (*…графы ни к кому*

---

[12] Курсив, маркирующий обсуждаемые языковые единицы, здесь во избежание неоднозначности заменен на кавычки.

помимо меня заезжать не хотели. А.Островский) – и, в качестве второго, значение ‘сверх чего-л.’ (…*помимо своей работы, я тружусь еще и в Радиокомитете*). Английское слово *besides* в функции наречия означает ‘в добавление’, а в функции предлога – ‘за исключением’. Французские *à part* и *en dehors de*, наряду с отмечаемым словарями значением ‘за исключением’, может выражать также значение ‘в добавление’, ср. (примеры из французского параллельного подкорпуса НКРЯ):

() ***Кроме*** *Ясиного чулана*, было при школе еще одно жилое помещение, которое занимала преподавательница русского языка и литературы, военная вдова Таисия Сергеевна. [Людмила Улицкая. Сонечка (1992)] – ***À part*** *le réduit de Jasia*, il y avait encore dans l'école une autre pièce habitée, occupée par le professeur de langue et de littérature russes Taïssia Sergueïevna, une veuve de guerre. [Ludmila Oulitskaya. Sonietchka (Sophie Benech, 1998)]

() Живут же там многие и ***кроме*** *нас*… [Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание (1866)] – Il y en a beaucoup d'autres ***en dehors de*** *nous* qui habitent chez elle. [Fédor Dostoïevski. Crime et châtiment (Élisabeth Guertik, 1947)]

Та же полисемия имеется у немецкого *außer*, ср.: *Ich habe alle meine Klassenkameraden zu der Feier eingeladen,* ***außer*** *Peter* – ‘Я пригласил на праздник всех своих одноклассников, кроме Петера’ и *Ich habe* ***außer*** *Peter noch Franz und Michael zu der Feier eingeladen* – ‘Кроме Петра, я пригласил на праздник также Микаэля и Франца’.

Поэтому естественно предположить, что энантиосемия, наблюдаемая в слове *кроме*, имеет определенные когнитивные основания. Задача в том, чтобы их выявить – поскольку энантиосемия как механизм семантической деривации существует только в области оценки (смена знака оценки на противоположный, а именно – с положительного на отрицательный, ср. речевую формулу *Хорошенькое дело!*, слова *угораздило*, *умудриться*[13] и т.п.). В прочих случаях наличие у слова двух противоположных значений требует объяснения, т.е. восстановления пути семантической деривации, связывающего противоположные значения между собой или каждого из них с некоторым «исходным».

В статье [Оскольская, Холодилова 2009] предлагается следующее логическое построение, позволяющее объединить два значения слова *кроме* в одно:

> Ситуацию, которую описывает конструкция с предлогом *кроме*, можно представить следующим образом: есть некоторое множество [A], которое вычитается из другого множества [B], а оставшееся множество [C] входит в множество [B].Так, ситуацию в примерах (α) и (β) можно описать с помощью установленных обозначений следующим образом:
>
> (α) Я пригласил *весь класс*[B], кроме *Пети и Маши*[A] – *кроме 1*
>
> В примере (α) множество [A] *Петя и Маша* вычитается из множества [B] *весь класс*. Все, что остается (т.е. весь класс без Пети и Маши), представляет собой множество [C] – множество приглашенных.
>
> (β) Кроме *Пети и Маши*[A], я пригласил еще *свой класс*[C]– *кроме 2*
>
> В примере (β) множество [A] *Петя и Маша* вычитается из множества [B] *все приглашенные*, и остается множество [C] – весь класс. Именная группа с предлогом *кроме* в обоих случаях представляет вычитаемое множество [A].

---

[13] В этих глаголах смена знака оценки имела место в ходе семантической эволюции: *угораздить* и *умудрить* исходно означали «научить, надоумить» (Даль 1994, IV, 944, 1019). О принципиальном единстве процессов синхронной и диахронической семантической деривации см. в частности [Зализняк 2001].

Общая схема ситуации для конструкции с предлогом *кроме*: B\A= C. Но в зависимости от намерения говорящего эксплицируется множество [B] (для *кроме1*) либо множество [C] (для *кроме 2*), а значение другого множества ([C] либо [B]) можно определить с помощью предиката.

Эта схема обладает рядом недостатков.

Прежде всего, вызывает недоумение формулировка «В примере (β) множество [A] *Петя и Маша* вычитается из множества [B] *все приглашенные*», которая очевидно означает, что множество *Петя и Маша* исключается из множества *все приглашенные,* – что неверно. Либо под множеством *все приглашенные* авторы понимают приглашенных при помощи того речевого акта, который описан данным предложением (поскольку Петя и Маша тоже были приглашены, но ранее), либо слово *вычитается* следует понимать в каком-то особом смысле.

Во-вторых, представляется весьма дискуссионным сам принцип, что существование неоднозначных примеров типа *Я позвал еще своих одноклассников, кроме Пети*, которые могут быть поняты как содержащие *кроме 1* и *кроме 2*, свидетельствует о том, что это ОДНО значение. Как мне представляется, ровно наоборот: возможность такого рода неоднозначности говорит о том, что это именно два РАЗНЫХ значения: реализация одного или другого обусловлена не контекстом (контекст один и тот же), а непосредственно смысловым заданием. (В частности, нельзя согласиться с используемой авторами формулой «оттенок значения» по отношению к двум значениям *кроме*.)

В-третьих, остается неясен механизм, связывающий между собой две реализации данной схемы: почему вдруг «меняются местами» множества [B] и [C]?

Я предлагаю альтернативный способ решения проблемы, каким образом связаны между собой два значения слова *кроме*, в некотором смысле противоположных.

Рассмотрим следующий пример:

(4) ***Кроме*** Пети, на день рождения пришли все мои одноклассники.

Эта фраза неоднозначна. Если слушающий знает, что Петя – мой одноклассник, *кроме Пети* указывает на исключение Пети из числа пришедших (*кроме 1*). Если слушающий знает, что Петя пришел на день рождения, то *кроме* понимается в значении *кроме 2*, т.е. выступает в роли разграничителя уже известной и новой информации – как в предыдущем примере (3), где слушающему уже известно, что местоимение «какой» входит в «серию на угодно»[14]. Если слушающий не знает ни того, ни другого, неоднозначность сохраняется. (Точнее, сохраняется в письменной форме; в устной этим двум пониманиям соответствует различная интонация: акцент на *все* для *кроме1* и на *одноклассники* – для *кроме2*.)

Итак, в обоих типах употребления *кроме X-а* слово *кроме* вводит границу, отделяющую объект X от других объектов по некоторому признаку. Различие определяется тем, по какому признаку X оказывается выделен и противопоставлен остальным. А именно, *кроме 1* (*Кроме Пети все решили эту задачу*) проводит границу между объектами обладающими и не обладающими обсуждаемым свойством, а в случае *кроме 2* (*Кроме Пети, задачу решили еще Вася и Коля*) слово *кроме* проводит границу между объектами, про которые **уже известно**, что они обладают упомянутым признаком

[14] В статье [Апресян 2004б] эта информация названа «фоновой».

(*Петя*), и теми, о которых это **сообщается** (*Вася* и *Коля*) [15]. Таким образом, содержание семантического сдвига состоит в том, что граница переносится из дескриптивной области в коммуникативную, т.е. это частный случай прагматикализации. В исходном значении *кроме* исключает объект из зоны обладающих неким признаком (Петя исключается из множества решивших задачу), а в производном *кроме* исключает объект из зоны обсуждения-внимания-рассмотрения: Петю (про которого мы знаем, что он задачу решил и это не обсуждаем), мы исключаем из рассмотрения и сообщаем, новую, значимую информацию – что задачу решили Вася и Коля. (Термин «исключение из рассмотрения» введен в работе Инькова, Манзотти (в печати, с.163), где для слова *кроме* во втором значении вводится соответствующее логико-семантическое отношение). Обратим внимание на то, что похожая формулировка использована в МАС по отношению к (на сегодня устаревшему) значению слова *помимо*: «минуя, не принимая во внимание что-л.». При этом иллюстрирующий это значение пример *Граф написал завещание, по которому он все имение,* ***помимо*** *прямых наследников и нас, отдавал Пьеру* говорит о том, что речь идет об «игнорировании» в дескриптивном, а не в коммуникативном отношении.

Итак, содержание семантического перехода от *кроме 1* к *кроме 2* – сдвиг из дескриптивной сферы в коммуникативную. Посмотрим теперь, каков механизм этого сдвига.

Для этого, как мне представляется, следует, согласно принципу, сформулированному в известной статье Бенвениста «Принципы семантической реконструкции» [Бенвенист 1974], найти контексты, в которых эти значения совмещены. Как оказывается, таким контекстом в данном случае является отрицание.

Обязательным условием реализации диахронически исходного значения *кроме1* является употребление кванторного слова *все/всё* (которое может находиться как перед, так и после предложной группы с *кроме*) или других способов обозначения класса[16]: Наличие кванторного слова *все/всё* (или другого обозначения класса) имеет принципиальное значение для реализации семантики *кроме1*, поскольку оно задает то множество, из которого оператор *кроме* исключает подчиненный ему объект. Субъектом при предикате оказывается построенное таким образом множество «*все* минус X», т.е. предложение с *кроме 1* имеет логическую структуру: S(=все за исключением X) P. Для предложения (1) это будет (1а):

(1) ***Кроме*** *Пети, все ученики решили эту задачу*.

(1а) S(=все за исключением Пети) P(=решили эту задачу).

Формула (1а) может быть эксплицирована следующим образом:

(1а´) ‘из множества объектов, обладающих признаком P (= множество учеников, РЕШИВШИХ задачу) исключен объект Петя’

Предложение с отрицательным кванторным словом *никто/ничто* (или любым другим отрицательным местоимением, наречием или прилагательным), например (5),

---

[15] «Известность» при этом может быть мнимой и использоваться в рамках приема «лингвистической демагогии» (по [Николаева 1988]), т.е. риторической фигуры подачи новой информации в форме известной.

[16] Ср.: ***Полицейские*** *ушли,* ***кроме*** *одного, который оставался на время и старался выгнать публику, набравшуюся с лестницы, опять обратно на лестницу.* [Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание (1866)]. Полный список контекстов реализации значения *кроме1* приводится в [Оскольская 2011].

может трактоваться как имеющее ту же логическую структуру, только с отрицанием при предикате – поскольку *никто/ничто* появляется вместо *все/всё* в силу действия в русском языке правила двойного отрицания:

(5) ***Кроме*** *Пети, никто не решил эту задачу*.

(5а) S(=все за исключением Пети) P(=НЕ РЕШИЛИ эту задачу).

Или, иначе:

(5а´) ‘из множества объектов, обладающих признаком P (= множества учеников, НЕ РЕШИВШИХ задачу) исключен объект Петя’

Т.е. логическая структура предложения с отрицанием – та же, что и для предложения без отрицания. Однако семантически различие между конструкцией *никто кроме X не P* и *все кроме X P* не сводится к наличию/отсутствию отрицания при глаголе : кванторное слово *никто* со значением ‘не существует такого X (который P)’ принципиальным образом меняет семантическую структуру предложения. А именно, если формула (1а´) адекватно отражает значение предложения (1), то относительно формула (5а´) это неверно. Семантически конструкция *никто кроме X не P* устроена иначе: она указывает не на исключение объекта из множества не обладающих свойством P – содержание формулы (5а´), а на единственность объекта, свойством P обладающего. Причем делает она это *косвенным образом*. Тем самым, по сравнению с прямым утверждением единственности со словом *только* или *один только* (ср. *Задачу решил* (*один*) *только Петя*), конструкция *никто кроме X не P* содержит дополнительный смысловой акцент на этой единственности, возникающий за счет косвенного выражения смысла. Можно сказать, что конструкция *никто кроме X не P* представляет собой риторическую фигуру эмфатического выделения идеи единственности названного объекта.

Соответственно, схема толкования предложения (5), за исключением вышеупомянутого эмфатического компонента, может быть представлена следующим образом (разделим ее на две части – компоненты (i) и (ii)):

(5а´´) (i) ‘существует объект, обладающий признаком P’ (=Петя);
(ii) ‘других объектов, обладающих этим признаком, не существует’.

Обратим внимание на то, что компонент (i) присутствует также в толковании *кроме 2*, ср., для примера (2):

(2) ***Кроме*** *Пети, задачу решили Вася и Коля*

(2а) (i) ‘существует объект, обладающий признаком P’ (=Петя)

(ii) ‘существуют другие объекты, обладающие этим признаком’(=Вася и Коля)

Сравним теперь следующие предложения:

(6) ***Кроме*** матери *никто* не будет его навещать (*кроме1*).

(7) *Вряд ли кто-нибудь* ***кроме*** матери будет его навещать.

(8) *Кто* ***кроме*** матери будет его навещать?

(9) ***Кроме*** матери, его будут навещать жена и дочь (*кроме2*).

В предложении (6) представлено значение кроме 1, в (9) – значение кроме 2. Между тем

все предложения (6)–(9) имеют общий компонент (i) ‘существует объект X, обладающий признаком P’ (мать, которая будет навещать сына) – и различаются лишь за счет вариантов компонента (ii). А именно, относительно других объектов того же класса в (6) утверждается, что их *нет*, в (9) – что они *есть* (жена и дочь), в гипотетическом высказывании (7) и в вопросительном (8) – что их существование под вопросом. В случае риторического вопроса (т.е. вопроса, эквивалентного отрицательному утверждению, ср. пример (10)) вопросительное предложение, также как и предложение с отрицательным местоимением (т.е. (6)), включает компонент (ii) в том варианте, который фигурирует в толковании *кроме 1*: ‘других объектов, обладающих этим признаком, не существует’[17].

(10) Никто не пробует даже объяснить, в какой стране мы живем. Какая у нас идея, кроме колбасы? [Светлана Алексиевич. Время секонд хэнд (ч. 1) (2013)].

Очевидно, что перечисленные три варианта реализации компонента (ii) представляют собой разные значения одного параметра: шкалы вероятности от нуля до единицы существования других объектов, обладающих признаком P. На одном конце находится конструкция с отрицательным местоимением (ср. (6)), которую принято считать реализующей значение *кроме 1*, на другом – примеры типа (9), реализующие значение *кроме 2*. Таким образом оказывается, что граница между двумя значениями *кроме* проходит между конструкцией с квантором всеобщности *все/всё* или именем класса – и всеми остальными типами конструкций, в том числе – с *никто/ничто*. Т.е. конструкция *никто кроме X не P* представляет собой первую ступеньку «семантического моста» (термин И.А.Мельчука [Mel’čuk 1988]), соединяющего значения *кроме1* и *кроме2*. Последующие ступени этого пути представлены гипотетическими и вопросительными контекстами.

Механизм этого сдвига состоит в следующем. Отрицательное местоимение *никто* появляется вместо *все* в силу действия в русском языке автоматического правила двойного отрицания в контексте отрицания при предикате: вместо ***все*** *кроме X не P* надо сказать ***никто*** *кроме X не P*. Однако если слово *все* задает некоторое множество, то слово *никто* никакого множества не задает: семантически, пустое множество – это вообще не множество. А если множество объектов не задано, то слово *кроме* не может работать оператором исключения из этого множества, т.е. оно утрачивает дескриптивную функцию, и остается только дискурсивная.

Итак, слово *кроме* в утвердительном (в смысле – не гипотетическом) предложении, не содержащем отрицательного местоимения, может иметь значение *кроме 1* или *кроме 2* в зависимости от того, включает ли смысл предложения идею принадлежности объекта X некоторому классу. Если включает, то реализуется значение *кроме 1*, если нет – *кроме 2*. Заметим, что это обстоятельство – не словарное, оно определяется экстралингвистической реальностью. Так, понимание предложения (11) как содержащего *кроме1* или *кроме2* (и, соответственно, вопрос о том, был ли куплен сыр), зависит от того, входит ли сыр в множество ингредиентов салата:

(11) ***Кроме*** сыра, я купила всё что нужно для салата =

[17] Риторический вопрос со словом *кроме* сближается с конструкцией *Кто как не...? Куда как не…?* и т.п., которая в грамматической традиции квалифицируется как частно-вопросительная конструкция со значением утверждения о единственности /выделенности элемента из релевантного множества (см. Инькова, Кобозева 2018: 178).

(11а): ‘сыр не купила; все остальные необходимые для салата продукты купила’ – *кроме1* (сыр входит в множество ингредиентов салата);

(11б) ‘купила и сыр, а также все остальные необходимые для салата продукты’ – *кроме2* (сыр не входит в множество ингредиентов салата):;

Что же касается всех остальных – «промежуточных»– типов употребления *кроме* (примеры (7) – (9)), здесь логическая схема такова.

В предложении с *кроме* имеется один выделенный объект, обладающий некоторым признаком (напр. Петя, решивший задачу). Этот объект при помощи *кроме* помещается «за загородку». Дальше есть всего три варианта:

(ii-1) других таких объектов не существует (*Кроме Пети, никто не решил задачу*)

(ii-2) другие такие объекты существуют, а именно...(*Кроме Пети, задачу решили Вася и Коля*)

(ii-3) существуют ли другие такие объекты, неизвестно (*Кто-нибудь, кроме Пети решил задачу? Вряд ли кто-нибудь, кроме Пети, решил задачу, Может быть…* и т.д.)

Принято считать, что в первом случае реализуется значение *кроме1*, во втором *кроме2*. Что касается третьего случая, то здесь нет однозначного решения. При этом все они имеют один общий компонент и различаются только характером «добавляемого», эксплицитно выраженного в предложении (тем, что именно «добавляется» к «находящемуся за загородкой» Пете). Я не предлагаю менять принятое лексикографическое решение, хочу лишь обратить внимание на то, что предложение с отрицательным местоимением представляет собой ключевой контекст, демонстрирующий ход семантической деривации от *кроме 1* к *кроме 2*.

Литература

Апресян В. Ю. (2004а) КРОМЕ 1, ЗА ИСКЛЮЧЕНИЕМ, ЗА ВЫЧЕТОМ, ЕСЛИ НЕ СЧИТАТЬ, НЕ СЧИТАЯ 2 // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под рук. Ю. Д. Апресяна, издание второе, дополненное и исправленное. М., 2004. С.484-490.

Апресян В.Ю. (2004б), – Апресян, В. Ю. КРОМЕ 2, ПОМИМО 1, НЕ СЧИТАЯ 1, НЕ ГОВОРЯ (УЖЕ <УЖ>) О // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под рук. Ю. Д. Апресяна, издание второе, дополненное и исправленное. М., 2004. С. 490-496.

Апресян В.Ю. (2015), Уступительность. Механизмы образования и взаимодействия сложных значений в языке. М., 2015.

Баранов А. Н. (1998), Внутренняя форма как фактор организации значения дискурсивных слов // Труды международного семинара Диалог’98 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Т. 1. Казань, 1998.

Бенвенист Э. (1974), Семантические проблемы реконструкции // *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974.

Инькова О.Ю., Кобозева И.М. (2018), *Как* и его двухместные варианты. // Семантика коннекторов: контрастивное исследование. Ред. О.Ю. Инькова. М.: ТОРУС ПРЕСС, 2018.

Инькова О., Манзотти Э. (2019), Связность текста: мереологические логико-семантические отношения. М.: Языки славянских культур, 2019 (в печати).

Николаева Т. М. (1988), «Лингвистическая демагогия» // Прагматика и проблемы интенсиональности. М., 1988.

Оскольская С. А. (2011), Прагматические свойства конструкций с *кроме* // *Русская филология. 22*. Тарту. С. 178–182

Оскольская С.А. (2014), Конструкции с союзом *кроме как* и с предлогом *кроме* в русском языке // Труды Института лингвистических исследований РАН. Acta Linguistica Petropolitana.

Оскольская С.А., Холодилова М. А. (2009), Некоторые особенности употребления предлога *кроме* // Русская филология. №20. Тарту, 2009. С. 192–196.

Mel'čuk I.(1988), Semantic description of lexical units in an Explanatory Combinatorial Dictionary: Basic principles and heuristic criteria. // International Journal of Lexicography. Vol. 1 #3. P.165-188.

Словари:

БАС

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1994.

МАС

Срезневский И. И. Материалы к словарю древнерусского языка. В 3-х тт. М., 1989.

Ольга Инькова

Женевский университет, Женева / ИПИ ФИЦ ИУ РАН, Москва

Система связующих средств русского языка: состав и методы описания

Связующие средства русского языка, как бы их ни называли: союзы, аналоги союзов, скрепы, коннекторы, ... – представляют собой динамическую систему, как в количественном, так и в качественном аспектах. Что касается количественного аспекта, то эта система постоянно пополняется за счет новых языковых единиц, тогда как некоторые единицы, наоборот, исчезают. Так, в последнее время широкое распространение получили коннекторы с формантом *при*, особенно *при этом* и *притом что*; они входят в словари только в XX веке (Инькова 2015, 2018а). Другие единицы выходят из употребления или приобретают стилистическую окраску, ограничивающую их использование; ср. *коли, доколи, диви бы, зане* и др.

Что касается качественного аспекта, то динамичность системы обусловлена во многом тем, что связующие средства русского языка характеризуются высокой степенью формальной вариативности. Многие из них состоят более чем из одного графического слова или представляют собой ‘разрывные’ языковые единицы (*хотя... но, не только... а даже* и др.). Они строятся как бы из кирпичиков, которые могут вступать друг с другом в самые разнообразные сочетания[18]; ср., например, *да и, да притом и, да вдобавок и, да притом еще и, да еще притом* и т.д. или группу коннекторов непосредственного

[18] Т. М. Николаева (Николаева 1985; 2008), описывая структуру русских дискурсивных маркеров, использует метафору калейдоскопа, показывая, как многие русские дискурсивные маркеры, часто воспринимаемые как неразложимые в современном языке, строятся из одних и тех же элементов («блуждающих частиц»), но каждый раз в разных сочетаниях.

следования, которые образуют как многоэлементные коннекторы (*только, лишь только, как только, едва лишь только* и др.), так и двухкомпонентные (*как только... так сразу, едва лишь только... тут же* и др.)[19].

Такая подвижность системы связующих средств вызывает немалые трудности для ее описания, в первую очередь, для определения ее состава. В своей пионерской работе 1987 г. «Очерки по синтаксису сложного предложения» М.И. Черемисина и Т.А. Колосова отмечали, что «[д]о последнего времени не был зафиксирован даже грубо ориентировочный список показателей связи, оставалось неизвестным даже приблизительное их количество» (Черемисина, Колосова 2010: 123). Эта проблема приобретает особую актуальность в связи с разработкой аннотированных корпусов русского языка и систем автоматической обработки и генерации текстов. В рамках корпусных подходов создаются списки связующих средств с целью облегчить их распознавание и разметку, а потому включающие, как правило, только неоднословные показатели.

Наиболее известные списки для русского языка: «Полный список служебных фразем» Хельсинского корпуса ХАНКО, к сожалению, удаленный со стартовой страницы корпуса (http://h248.it.helsinki.fi/hanco/index.html)[20], и «Корпусной словарь неоднословных лексических единиц» НКРЯ (http://www.ruscorpora.ru/old/obgrams.html).

Список ХАНКО был составлен на основе «Толкового словаря служебных частей речи» Т.Ф. Ефремовой (2001), «Толкового словаря словосочетаний, эквивалентных слову» Р.П. Рогожниковой (2003) и сводных таблиц С.И. Богданова и Ю.В. Рыжовой «Русская служебная лексика. Сводные таблицы» (1997), в которых сравнивается наличие той или иной служебной лексемы в целом ряде словарей, в том числе и в БАС, а также в РГ-80. Раздел «Союзы» ХАНКО, включающий только неоднословные единицы, насчитывал 323 единицы.

Список «Корпусного словаря», как указано на его стартовой странице, составлен на основе базы данных частотных коллокаций НКРЯ с дополнениями из того же словаря Р.П. Рогожниковой и МАС. Раздел «Обороты в функции союза и союзного слова» включает 159 единиц.

Оба списка построены по частеречному принципу. Однако, как известно, определение частеречной принадлежности связующих средств связано с немалыми трудностями, и решения, к которым приходят исследователи, часто не совпадают. По-видимому, по этой причине часть показателей связи, квалифицируемых РГ-80 как «аналоги союзов», находится в «Корпусном словаре» в разделе «Вводные обороты» вместе с единицами, которые не имеют связующей функции; например, *таким образом, иными словами, одним словом*, которые считаются аналогами союзов в ряде своих употреблений, соседствуют с *черт возьми, сохрани боже* и *слава аллаху*, которые ни в одном из своих употреблений таковыми не являются. Исследователь должен в каждом конкретном случае сам принимать решение о функциональных возможностях той или иной языковой единицы. Поэтому и представить себе, используя данный словарь, количество языковых единиц, способных выполнять связующую функцию, не представляется возможным.

Наиболее полный на сегодняшний день список связующих средств русского языка представлен в РГ-80. Он дан в «Предметном указателе» под рубрикой «Союзы и аналоги союзов» (поэтому, строго говоря, не может считаться полноценным списком связующих средств) и насчитывает 660 языковых единиц.

Даже самый поверхностный анализ этих трех списков позволяет увидеть, что они в значительной степени различны не только по количеству включенных в них единиц, но и

---

[19] Подробнее об коннекторах этого семантического класса и их формальных особенностях см. работы И. М. Кобозевой (Кобозева 2016, 2017).

[20] Список был доступен в 2014 году по ссылке http://www.helsinki.fi/venaja/russian/e-material/hanco/index.htm.

по принципам их отбора. Результаты их сопоставительного анализа представлены в Таблице 1.

Критерии	**ХАНКО**	**НКРЯ**	**РГ-80**
Неоднословность языковой единицы	+	+	–
Возможность выступать в функции показателя связи	+	+	–
Учет вариантов с запятой	+	–	–
Учет вариантов с усеченной гласной	+	+	–
Возможность дистантного расположения составляющих	–	–	**(+)**
Наличие двух- и многокомпонентных вариантов показателей связи	+	–	+

Таблица 1. Критерии отбора языковых единиц для включения в список связующих средств.

Как мы уже упоминали, в списки ХАНКО и НКРЯ включаются только неоднословные показатели связи, в отличие от списка РГ-80, который, в силу специфики его жанра – предметный указатель – отличает и тот факт, что он содержит языковые единицы, которые только упоминаются в разделах, посвященных союзам и их аналогам, как единицы, могущие входить в их состав, но которые не могут выполнять самостоятельно связующей функции. К ним, на наш взгляд, относятся *даже, еще, всё* и др. Однако граница между эти двумя видами употребления языковых единиц – употребление в составе связующего средства и возможность самостоятельного употребления в связующей функции – проводится недостаточно четко. Вряд ли, например, можно считать, как это предлагает РГ-80 (II: § 2083), *даже* аналогом союза в таком примере:

Она с тоской ждала восклицаний, тягостных объятий, *даже* упреков (Леон.; пример РГ-80, § 2083).

Даже стоит здесь перед вторым членом создаваемого им градационного ряда. Следуя этой логике, придется считать аналогом союза *очень* в 0, где также представлен ряд с градационным значением:

А было ему здесь хорошо, *очень* хорошо. [Елена Мушкина. Ёлка из кондитерской // «Родина», 2007]

С другой стороны, *даже* и его устаревший и разговорный вариант *ажно* могут употребляться в структурах с причинными отношениями между пропозициями. Но их трактовка как «союзов» и «аналогов союза» следствия (обусловленность следствия чрезмерной степенью выявления признака) также вызывает сомнения:

Вдруг наверху, над моей головой, кто-то крикнул по все горло, я *ажно* присела (А. Остр.; пример РГ-80, § 3064)

Семантика следствия возникает здесь на основе смыслового соотношения частей: если убрать частицу *ажно* из 0, отношение следствия между двумя положениями вещей сохранится. Как в 0, так и в 0, *даже/ажно* придают отношению между частями высказывания градационную семантику, но само отношение выводится на основе смысловым соотношения между ними.

Во все три списка включены языковые единицы *что касается, что до* и др., для которых статус показателя связи и еще в большей степени статус коннектора требует теоретического обоснования.

Только список ХАНКО содержит варианты с запятой для составных союзов, которые могут иметь два написания, причем как с изменением условий употребления (для *потому что, оттого что* и др.), так и с одинаковыми условиями употребления (*вместо того чтобы* и др.).

Варианты с усеченной гласной (*если бы* и *если б* и др.) не представлены только в списке РГ-80, хотя в нем и фигурируют схожие по своей природе формы *или* и *иль*, *ли* и *ль*. И, наоборот, возможность дистантного расположения элементов неоднословного союза упоминается только в РГ-80, в частности для *да и*, но это скорее исключение, чем правило, и в списке для других единиц, которые допускают такую возможность, вариант с дистантным расположением не указан. Ср. возможность такого варианта для *хотя и* в 0, где *хотя* и *и* разделены словом *закон*, в отличие от 0, где они расположены контактно.

Понимание этого время от времени *хотя и* появляется в человеческой голове ("хоть горшком назови…"), по природе своей является, вероятно, идеей "рецессивной". [Михаил Арапов. Когда текст обретает смысл // «Знание – сила», 2003]

И клирики, кстати, имеют на это право: *хотя* закон *и* запрещает им агитировать с амвона, он не может запретить этого в частных разговорах. [Александр Верховский. Между паствой и электоратом (2003) // «Еженедельный журнал», 2003.04.08]

Наконец, двух- и многокомпонентные показатели связи отсутствуют в списке НКРЯ, хотя для многих логико-семантических отношений это единственно возможный показатель; ср. в этом отношенити *если... то* сопоставления в 0 и *как... так и* аналогии 0:

Если авторы авантюрного романа, вводя трущобы, каторги и больницы, действительно подготовили путь социальному роману, *то* перед Достоевским были образцы подлинного социального романа <...> [М. М. Бахтин. Проблемы поэтики Достоевского (1963)]

Как сел на стул, придя к Соне, *так и* сидел, не двигаясь, до нужной секунды: ни раньше, ни позже. [Юрий Трифонов. Дом на набережной (1976)]

Заметим также, что в НКРЯ в неоднословные лексемы необоснованно попадают сочетания, где составляющие не являются единым показателем связи; ср. *и хотя*, которое дается в списке неоднословных союзов, с отсылкой к такому примеру:

Несмотря на то, что уже два года на бумаге существует федеральная программа по ликвидации ветхого и аварийного жилья, по оценке Владимира Яковлева, она реализуется слабо. *И хотя* Астрахань находится в тройке лидеров по объёмам "аварийки", в России есть ещё полтора десятка регионов, где нам придётся ломать голову над решением подобной проблемы. [Леонид Барков. Вице-премьера позвали в трущобы (2003) // «Время МН», 2003.08.06]

Эта структура должна анализироваться следующим образом: *p*. *И* [*хотя r, s*]*q*. Иначе говоря, *и* и *хотя* соединяют здесь разные фрагменты текста, и их соседство объясняется лишь линейной структурой текста.

Все три списка, несмотря на указанные различия, отличает, тем не менее, определенная субъективность при отборе языковых единиц и алфавитный порядок их представления. Это не позволяет увидеть ни механизма образования неоднословных показателей связи, в частности того, что один и тот же «конкретизатор» может сочетаться с разными союзами, ни реального состава связующих средств русского языка.

Иной подход к анализу состава связующих средств русского языка представлен в уже упоминаемой нами работе М.И. Черемисиной и Т.А. Колосовой (Черемисина, Колосова 2010). Для того чтобы дать наглядное представление о способности союзов сочетаться с конкретизаторами, авторы составили таблицу (Там же: 150-152), в левой части которой указаны союзы, как сочинительные, так и некоторые подчинительные (*если, когда, потому что, хотя* и др.), а в верхней части – конкретизаторы (*в особенности, в*

результате, в то же время, вдобавок и др.). Несмотря на условность терминологии, такой способ представления позволяет увидеть продуктивность того или иного союза или конкретизатора в образовании неоднословных показателей связи. Но, поскольку таблица создана в докорпусную эпоху (авторы работали с картотекой, содержащей 1000 примеров), то она, конечно, не может отразить реальную картину. Кроме того, в ней отсутствуют двух- и много компонентные союзы, которые также характеризуются высокой степенью формальной вариативности.

Надкорпусная база данных (НБД) коннекторов, созданная в ИПИ ФИЦ ИУ РАН именно с целью анализа их формальной вариативности, в значительной степени построена с учетом подхода, разработанного М.И. Черемисиной и И.А. Колосовой, и с учетом недостатков существующих списков показателей связи, а также с использованием возможностей современных информационных технологий. НБД коннекторов функционирует на основе текстов параллельного французского и итальянского подкорпусов НКРЯ, общий объем которых составляет почти 9 млн словоупотреблений, и позволяет лингвистам аннотировать употребления коннекторов по заданной ими системе параметров и хранить результаты этой работы в виде структурированных двуязычных аннотаций. Несмотря на ограниченный размер корпуса, НБД позволяет получить представительную статистику, характеризующую структуру коннекторов или тот или иной аспект их функционирования (подробнее о концепции НБД и ее статистических возможностях см. Инькова 2018б; Inkova, Popkova 2017).

В предлагаемом нами подходе единицей аннотирования и последующего анализа коннекторов становится речевая реализация (РР), т.е. та форма, в которой коннектор употребляется в конкретном контексте. При этом учитываются, т.е. фиксируются как разные РР, варианты с запятой (например, *потому что* и *потому, что*; *после того как* и *после того, как*), варианты с усеченной гласной (*если бы* и *если б, для того чтобы* и *для того чтоб*), варианты с дистантным расположением элементов (*да и* и *да|и, и в частности* и *и|в частности*), с разным порядком следования элементов (*лишь только* и *только лишь*). На 12.05.2019 в НБД зафиксировано 1287 РР, т.е. уже в два раза больше, чем в наиболее полном списке РГ-80, и это притом, что наш список и список РГ-80 совпадают лишь частично, поскольку некоторые семантические классы коннекторов в НБД пока не аннотировались или аннотировались частично.

На первом этапе аннотирования, каждая регистрируемая РР приписывается к двум типам кластеров.

1. *Кластеры, учитывающие состав РР*

В четырех кластерах этого типа учитывается:

а) количественный состав РР (один или более элементов, входящих в ее состав),

б) наличие показателя ЛСО в одном или в каждом из соединяемых фрагментов текста.

По признаку *а*) все РР разделяются на однословные и неоднословные. По признаку *б*) все РР разделяются на те, что маркируют один из соединяемых фрагментов, и те, что маркируют каждый из соединяемых фрагментов, которых может быть два или более. Части РР, которые находятся в каждом из соединяемых фрагментов текста, предлагается называть *компонентами РР*. Соответственно, все РР разделяются на *однокомпонентные* и *n-компонентные*, а *n-компонентные* – на *двух*- и *многокомпонентные*.

В предлагаемой терминологии – однокомпонентные, двухкомпонентные и многокомпонентные РР – можно увидеть параллель с традиционной классификацией, которая разделяет союзные образования на одноместные, двухместные и многоместные. Эти термины кажутся нам менее удачными, поскольку используются также в другой сфере лингвистических исследований – теории валентностей. Кроме того, в разряде многоместных, а в нашей терминологии, многокомпонентных, русская грамматическая традиция включает только симметричные союзные соединения (*и... и, или... или, не то... не то...* и др.), тогда как в НБД зафиксированы и асимметричные РР, т.е. такие, где

повторяется либо первый, либо второй компонент, либо оба; ср. 0 с РР *не только||не только||не только||а еще и||и*[21]:

И *не только* потому, что размещался он в двух больших залах со сводчатыми потолками, расписанными лиловыми лошадьми с ассирийскими гривами, *не только* потому, что на каждом столике помещалась лампа, накрытая шалью, *не только* потому, что туда не мог проникнуть первый попавшийся человек с улицы, *а еще и* потому, что качеством своей провизии Грибоедов бил любой ресторан в Москве, как хотел, *и* что эту провизию отпускали по самой сходной, отнюдь не обременительной цене [М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита (ч. 1) (1929-1940)]

Такие РР остаются, как правило, вне поля зрения исследователей, но именно такого рода образования показывают, что форма, в которой коннектор употребляется в тексте, его РР, следует рассматривать как единицу не языка, а речи. Эта форма создается каждый раз *ex novo* в зависимости от коммуникативного намерения говорящего, синтаксической и семантической структуры высказывания и целого ряда других факторов.

Показательно распределение РР по этим четырем структурным кластерам:

– одноэлементные РР (*и, а, но, итак* и др.) – 4,62%;
– многоэлементные РР (*и особенно, а|наоборот*, *да вот хоть|например* и др.) – 48,5%;
– двухкомпонентные РР (*во-первых||а во-вторых*, *если бы даже||то и тогда бы, если бы даже||то|все-таки* и др.) – 30,65%;
– многокомпонентные РР (*или||или||или*, *зато||зато||зато*, *в дальнейшем||а затем||и, наконец* и др.) – 4,62%[22].

Интересно, однако, не только число РР, но и число употреблений РР разных структурных типов, т.е. количество аннотаций, в которых были зарегистрированы эти РР. По этому критерию распределение РР следующее:

– одноэлементные РР – 46,58%;
– многоэлементные РР – 37,38%;
– двухкомпонентные РР – 15,32%;
– многокомпонентные РР – 0,72%.

Эти данные говорят о том, что наиболее частотными являются одно- и многоэлементные РР, тогда как многокомпонентные РР можно считать периферийным явлением в системе связующих средств русского языка. Кроме того, почти все они зафиксированы с единичными употреблениями, что вполне объяснимо.

2. *Перекрестные кластеры*

Четыре кластера первого типа, характеризующие количественный состав РР, отражая важный классификационный признак коннекторов (их состав), не учитывают тот факт, что одна и та же языковая единица может входить в различные сочетания. Поэтому описание состава многоэлементных, двух- и многокомпонентных РР, а также сочетаемости составляющих их компонентов или элементов решается в НБД через систему «перекрестных», или «пересекающихся», кластеров второго типа, которые позволяют разметчикам одновременно помещать аннотируемую РР в разные кластеры, которые пополняются в процессе аннотирования. См. Таблицы 2 и 3.

---

[21] Используемая при обозначении РР коннекторов двойная вертикальная черта «||» указывает на то, что коннектор состоит из двух или более расположенных дистантно компонентов, каждый из которых вводит фрагмент текста; одиночная вертикальная черта «|» говорит о том, что языковые единицы (элементы), составляющие коннектор или его компонент, разделены текстом, но находятся в пределах одного и того же фрагмента.

[22] Совпадение количества одноэлементных и многокомпонентных РР в НБД является случайным. По мере наполнения НБД число этих РР может естественным образом измениться.

	Речевые реализации (РР)		
	а впрочем	*а, наоборот, скорее*	*или||а не то*
Кластеры РР	«Многоэлементные»	«Многоэлементные»	«Двухкомпонентные»
	«а»	«а»	«а»
	«впрочем»	«наоборот»	«а не то»
		«скорее»	«или»
			«не»
			«то»

Таблица 2. Примеры РР с указанием кластеров первого и второго типов, в которые они входят.

	Кластеры РР		
РР, входящие в указанные кластеры	**«между тем»**	**«значит»**	**«зато»**
	а|между тем	**а значит**	**зато**
	а между тем	**если||значит**	**зато||зато**
	меж тем как	**если||то значит**	**зато||зато||зато**
	между тем	**если только||значит**	**зато|при этом**
	между тем как	**значит**	**конечно||зато**
	но|между тем	**значит||коли**	**но зато**
	но между тем	**и, значит**	**хоть||да зато**
	хотя||а между тем	**коли||то значит**	**хоть и||зато**
	хотя||но между тем		**хоть||зато||зато||зато**
	хотя|и||но|между тем		**хоть||но зато**
			хотя и||зато
			хотя и||но зато

Таблица 2. Примеры кластеров второго типа и входящих в них РР.

Такой подход позволяет не только зафиксировать реально встречающиеся формы показателей связи, но и наглядно представить возможности сочетаемости того или иного элемента, входящего в их состав. В качестве примера приведу союз *или*. В списке НКРЯ для него не дано ни одной многоэлементной РР; в списке ХАНКО – только формы *будь то... или* и *или..., или (иль..., иль*). В РГ-80 дано 14 форм: *будь то... или; или; или вернее; или иначе; или иначе говоря; или наоборот; или по крайней мере; или точнее; или… или; или… но; или/или… но; иль; ли... или; либо... или; может быть... или; может быть... или, может быть*.

Создается впечатление, что, по сравнению с другими сочинительными союзами, в частности союзами *и* и *а*, союз *или* в меньшей степени способен образовывать неоднословные РР. Однако в НБД кластер *или* содержит 64 РР, включающие элемент *или*: *а то||или; будь то||или; будь то||или же; или; или вернее; или во всяком случае; или вообще; или все же; или гораздо правильнее будет сказать; или даже; или даже еще лучше; или еще; или же; или же просто; или же; к примеру; или же; наконец; или же|просто; или лучше; или лучше сказать; или по крайней мере; или по меньшей мере; или просто; или просто и; или скорее всего; или точнее; или уж; или хотя бы; или хотя бы просто; или, в крайнем случае; или, в противном случае; или, вернее; или, выражаясь*

точнее; или, говоря_adv; или, еще лучше; или, иначе говоря; или, лучше; или, лучше сказать; или, может; или, может быть; или, наоборот; или, например; или, напротив; или, попросту; или, скажем иначе; или, скорее; или, так сказать; или, точнее; или||а не то; или||или; или||или||или; или||или же; или||или||или, наконец; или||или||но, во всяком случае; или же||или||или; или|все-таки; или|например; иль; иль, может быть; ли||или; ли||или, наоборот; ли||ли||ли||ли||ли||или; либо||или; например, или; то есть, или еще лучше сказать.

РР *или||но*, приводимая РГ-80, в НБД пока не зафиксирована, а *или||или||но* зафиксирована в форме *или||или||но, во всяком случае*.

Система перекрестных кластеров позволяет также увидеть, какие РР являются общими для двух или нескольких кластеров РР. На рисунке 1 мы приводим эту информацию для кластеров «да» и «еще», которые в НБД имеют 10 общих, т.е. включающих оба элемента, РР.

Семантический анализ элементов, входящих в состав РР, позволяет, в свою очередь, установить, какие элементы сочетаются между собой. Так, в РР с союзом *или* присутствуют элементы с семантикой разделительности (*а то и, либо, ли*), предположительности (*будь то, может быть*), аддитивности (*еще*), градации (*даже, в крайнем случае, по крайней мере*), противопоставления (*наоборот*), спецификации (*например*) или генерализации (*вообще*), комментария выбора формулировки (*лучше сказать, иначе говоря, вернее, точнее, скорее*), но отсутствуют, например, показатели причинно-следственных или временных отношений. Эти данные могут быть использованы для описания потенциала языковых средств, которым располагает говорящий, предсказывая возможность того или иного сочетания элементов в одной РР.

Таким образом, предлагаемый подход позволяет фиксировать все реально встретившиеся формы, в которых употребляются связующие средства русского языка, а разработанный информационный лингвистический ресурс – НБД коннекторов – является достаточно эффективным инструментом, позволяющим это сделать. Кроме того, система перекрестных кластеров дает возможность увидеть системные связи между элементами, образующими неоднословные показатели, а статистические возможности системы – составить представление об их количестве и частоте употребления в тексте. Разработанный метод описания структуры показателей связи приближает нас к цели, обозначенной в работе (Черемисина, Колосова 2010): создание списка связующих средств

русского языка во всем их многообразии. Представляется, однако, очевидным, что при такой динамичности системы показателей связи речь может идти только об открытом списке, состав которого будет меняться, с одной стороны, по мере регистрации новых РР, а с другой – по мере исчезновения из языка некоторых языковых единиц. Подчеркнем также, что РР являются не единицами языка, т.е. заслуживающими отдельной словарной статьи, а единицами речи, создающимися говорящим в соответствии с его коммуникативным заданием.

Библиография

БАС – Чернышев В. И. (ред.) Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. М./Л.: Изд-во АН СССР, 1948-1965.

Богданов С. И., Рыжова Ю. В. (1997) Русская служебная лексика. Сводные таблицы. СПб: СПбГУ.

Ефремова Т. Ф. (2004) Толковый словарь служебных частей речи русского языка. М.: Астрель-Аст.

Инькова О. Ю. (2015) *При том что*: от морфологии и синтаксиса к семантике // Типология морфосинтаксических параметров. Материалы международной конференции «Типология морфосинтаксических параметров 2015». Вып. 2, М.: МПГУ. С. 124-149.

Инькова О. Ю. (2018a) Коннекторы русского языка с формантом *при*: корпусное исследование // Russian Linguistics 42. No 2. 2018: doi.org/10.1007/s11185-018-9195-7.

Инькова О. Ю. (2018a) Лингвоспецифичность коннекторов: методы и параметры описания // Семантика коннекторов: контрастивное исследование / О. Ю. Инькова (ред.). М.: Торус Пресс. С. 5-23.

Кобозева И. М. (2016) Когнитивно-семантический подход к описанию средства связи предложений (на примере коннекторов со значением непосредственного следования) // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. № 10. 2016. С. 120-133.

Кобозева И. М. (2017) Коннекторы контактного предшествования во французском и русском языках по данным параллельного корпуса // Съпоставително езикознание. Вып. XLII. № 4. 2017. С. 48-62.

МАС – Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Евгеньевой А. П. М.: Русский язык, 1981.

Николаева Т. М. (1985) Функции частиц в высказывании. М.: Наука.

Николаева Т. М. (2008) Непарадигматическая лингвистика (история «блуждающих частиц»). М.: Языки славянских культур.

РГ-80 – Русская грамматика / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Наука, 1980.

Рогожникова Р. П. (2003) Толковый словарь сочетаний, эквивалентных слову. М.: Астрель-АСТ.

Черемисина М. И., Колосова Т. А. (2010) Очерки по теории сложного предложения. Изд. 2-е. (1-е изд. Новосибирск: Наука, 1987). М.: УРСС.

Inkova O., Popkova N. (2017) Statistical data as information source for linguistic analysis of Russian connectors // Информатика и ее применение. Т. 11. № 3. С. 123–131.

И.Б. Иткин
Институт востоковедения РАН ~ НИУ ВШЭ

НОВАТОР ЖУКОВСКИЙ И АРХАИСТ ПУШКИН
(два этюда из истории русского поэтического языка)

Настоящая статья во многом обязана своим названием знаменитой книге Ю.Н. Тынянова "Архаисты и новаторы" [Тынянов 1929], центральное место в которой занимает большая статья "Архаисты и Пушкин".

Формулировка "новатор Жуковский" едва ли может вызвать удивление: карамзинист и признанный глава русского романтизма, Василий Андреевич Жуковский обычно воспринимается именно как умеренный новатор, ср. известную формулировку того же Тынянова: "И в вопросах стиля и в вопросах тем, и в большом вопросе о лирических жанрах он занимает половинчатое положение новатора реформиста" [Тынянов 1929: 109].

Напротив, формулировка "архаист Пушкин", особенно применительно к собственно-языковой стороне творчества поэта, выглядит парадоксальной, почти эпатажной. Согласно широко распространенному мнению, в области языка Пушкин был безусловным революционером, намного опередившим свое время. Ср., например, два высказанных практически одновременно и почти дословно совпадающих суждения на этот счет: "Особенно интересно, что грамматика у Пушкина воспринимается как более современная, чем у многих авторов, писавших в одно с ним время и даже после него" [Добровольский 2001: 161]; "Пушкинская речь по своей грамматике во многих отношениях ближе к нынешнему языку, чем современные Пушкину и даже более поздние авторы" [Падучева 2001: 107].

Мы ни в коем случае не хотим сказать, что такая оценка ошибочна. Пушкин, безусловно, является создателем современного русского литературного языка – не единственным, но, если можно так выразиться, "главным"; не будь в его поэзии и прозе множества новаторских черт, это было бы совершенно невозможно. Однако, как, наверное, всегда в подобных случаях, чем большее внимание исследователь уделяет отдельным деталям, тем более сложной предстает открывающаяся ему картина.

Наша работа посвящена двум чрезвычайно частным грамматическим сюжетам: образованию деепричастий от приставочных глаголов на *-йти* (далее – "*й*-деепричастия") и форме родительного падежа множественного числа существительного *время*. Оба они рассматриваются на материале русской поэзии XVIII – первой половины XIX в. Непосредственной связи между двумя этими сюжетами нет; объединяет их в первую очередь то, что в обоих случаях речь идет о процессе смены грамматической нормы, происходившем в том числе в период литературной деятельности Пушкина.

Можно сказать, что в плане тематики (но не в плане оценок, от которых мы старались полностью воздерживаться) наша работа следует рецензии на IV и V главы "Евгения Онегина", опубликованной в 1828 г. в московском журнале "Атеней", автор которой, скрывшийся за подписью "В.", коснулся обоих этих сюжетов. Замечания критика "Атенея", в свою очередь, рассмотрены в монографии И.Б. Серебряной [Серебряная 2012]. Далее в работе мы придерживаемся общепринятой атрибуции статьи в "Атенее" М.А. Дмитриеву (1796-1866); при этом, однако, кажется уместным привести справедливую оговорку Е.О. Ларионовой: "Прямых свидетельств авторства Дмитриева нет" [ППК 1828-1830: 349].

Основным источником данных для нас послужил Поэтический подкорпус Национального корпуса русского языка (далее – ПП НКРЯ). Разумеется, следует учитывать, что это собрание текстов содержит сведения далеко не обо всех поэтах, писавших и печатавшихся в тот или иной период времени, и не все стихотворения поэтов, в него включенных. Тем не менее, результаты, полученные в настоящей работе, как представляется, в основном соответствуют действительности.

Й-ДЕЕПРИЧАСТИЯ

В современном русском языке деепричастия от глаголов на *-йти* образуются от основы настоящего времени (выступающей также в инфинитиве): *войдя, перейдя, придя* и т.д. Как известно, в ходе истории эти формы сменили формы совсем иного вида, образовывавшиеся бессуффиксальным способом от основы прошедшего времени: *вошед, перешед, пришед* и т.д. Процесс вытеснения форм на *-шед* (далее – "*ш*-формы") формами на -(*й*)*дя* (далее – "*й*-формы") рассматривается, в частности, в классических книгах Л.А. Булаховского [Булаховский 1948: 128] и С.П. Обнорского [Обнорский 1953: 218-219], в недавней диссертации Л.Р. Абдулхаковой [Абдулхакова 2007]. В работе Л.А. Булаховского имеется важное упоминание о том, что "Г р е ч указывал (§ 247, примечание 72)[23] как на неправильное образование – на форму деепричастия совершенного вида *войдя* [Булаховский 1948: 128]"[24]. Однако следующее непосредственно за этим утверждение – "В языке писателей его времени, действительно, в употреблении почти исключительно **вошед** и под." [там же], – как будет ясно из дальнейшего изложения, нуждается в существенной корректировке; см. также ниже о возможной причине такой аберрации. С.П. Обнорский приходит к выводу о том, что "их (*ш*-форм. – И.И.) полное изжитие литературным языком, как видно из данного материала, принадлежит половине XIX в." [Обнорский 1953: 219], т.е. относится как раз к концу рассматриваемого нами хронологического периода. При этом, однако, все известные нам работы затрагивают данное грамматическое изменение очень кратко и общо, почти не касаясь стихотворных текстов и тем не более не обращаясь к предпочтениям конкретных авторов; мы, напротив, в значительной степени сосредоточимся именно на этом вопросе.

Помимо *ш*-форм и *й*-форм, *й*-деепричастия могут образовываться также по модели с суффиксом *-ши*: *вошедши, пришедши* и т.д.; такие формы встречаются в русской поэзии (хотя и не очень часто) на всем протяжении XVIII-XIX вв. Однако в поэзии, в отличие от

---

[23] [Греч 1827: 229-230]. Та же оценка ("Сіе образованіе непозволительно, и противно правиламъ языка") повторена и во втором издании 1834 г. (§ 246, прим. 77) [Греч 1834: 214-215].

[24] Здесь и далее все шрифтовые выделения принадлежат авторам цитат, если не оговорено иное.

прозы, формы на *-ши* не конкурируют напрямую с *ш*-формами и *й*-формами, поскольку отличаются от них по числу слогов. Таким образом, в настоящей работе формы на *-ши* специально не рассматриваются, хотя и могут при необходимости привлекаться для сравнения.

Строго говоря, формы на -(*й*)*дя* и формы на *-шед* также взаимозаменимы не всегда. Во-первых, они могут стоять в позиции рифмы. Во-вторых, у форм на *-шед*, содержащих беглое *о*, есть варианты без этого *о* (*вшед, обшед, подшед* и т.д.), тогда как для соответствующих им форм на *-йдя* подобное невозможно. Употребления, не допускающие взаимозамены, мы будем называть "вынужденными"; для поэтов, у которых общее число *ш*-форм велико (Державина, Муравьева, Жуковского, Пушкина, также Гнедича как переводчика "Илиады"), наличие среди них вынужденных может специально не оговариваться. Тем не менее в существенном большинстве случаев выбор между *ш*-формой и *й*-формой определяется исключительно личными предпочтениями поэта.

Несколько лет назад вопрос о соотношении *ш*- и *й*-форм привлек внимание лингвистов в неожиданном ракурсе – в связи с дискуссией об авторстве сказки "Конек-Горбунок" [Касаткин, Касаткина 2012а, 2012б; Перцов 2015][25]. Несмотря на то, что в настоящее время эту "дискуссию", хотелось бы надеяться, можно считать завершенной (собственно говоря, она и не должна была быть начата), мы останавливаемся в том числе и на этом вопросе.

Для каждого из поэтов, творчество которых мы рассматриваем индивидуально, сначала указывается количество встретившихся в его стихах *ш*-форм, через двоеточие – количество *й*-форм. Обозначение "1^2" используется в тех случаях, когда та или иная форма встретилась в стихотворении два раза, но в составе повторяющегося фрагмента, т.е. фактически речь идет об одном вхождении. Знак "x" означает "(столько-то) раз".

Изложение в целом ведется в порядке от более старших поэтов к более младшим, но без строгой упорядоченности по датам рождения, а скорее в соответствии с общей динамикой происходящих изменений.

Н.М. Карамзин (1766-1826): 0:1^2.

На протяжении почти всего XVIII в. в русской поэзии встречаются исключительно *ш*-формы; так обстоит дело, в частности, у В.К. Тредиаковского, А.Д. Кантемира, М.В. Ломоносова, А.П. Сумарокова, И.С. Баркова, М.М. Хераскова, И.Ф. Богдановича.

В стихотворении "Анакреонтические стихи А.А. П<етрову>" (1788, опубл. 1789) в составе дважды повторенного (с небольшой вариацией) фрагмента встретилась форма *найдя*. В том, что первое употребление в стихах *й*-формы принадлежит Карамзину, нет ничего удивительного и даже ничего особенно примечательного. Едва ли не более важным представляется жанр "Анакреонтических стихов..." – их принадлежность к числу "легких" дружеских посланий.

И.И. Дмитриев (1760-1837): 2:5.

С 1789 по 1810 г. *й*-формы 5x (включая прозаическую ремарку в идиллии "Две гробницы") встречаются в произведениях И.И. Дмитриева – поэта, близкого по взглядам к Карамзину и при этом даже несколько более старшего. С учетом того, что среди этих произведений – знаменитая "Причудница" (1794) и одна из лучших басен Дмитриева "Старик и трое молодых" (1795), не будет преувеличением сказать, что полноценное вхождение *й*-форм в русскую поэзию состоялось именно благодаря Дмитриеву.

Что касается двух *ш*-форм, употребленных Дмитриевым, то одна из них (*превзошед*) встретилась в рифме и является вынужденной, а другая (*пришед* в тех же

[25] На это обстоятельство нам указала С.В. Дьяченко (устное сообщение), которой мы выражаем самую искреннюю благодарность.

"Двух гробницах") заслуживает отдельного рассмотрения. Как показывают данные ПП НКРЯ, распространение формы *придя* происходит с существенным запозданием относительно других *й*-форм: первое ее вхождение относится к 1828 г. (у К.П. Масальского), второе – только к 1845 г. (у молодого Аполлона Майкова). Причиной этого может быть как высокая частотность глагола *прийти*, так и некоторая морфонологическая нестандартность формы *придя* по сравнению с другими *й*-формами (отсутствие *й*). Косвенным свидетельством того, что такое запоздание действительно имело место, могут служить "Записки" М.П. Загряжского (ок. 1770-1836; написаны не ранее 1826 г.): деепричастия от всех глаголов на *-йти*, кроме *прийти*, представлены в "Записках" только *й*-формами (11 раз), тогда как форма *придя* (встретилась 3х) конкурирует с формой *пришедши* (4х).

Вскоре после выхода стихотворений Карамзина и Дмитриева, во второй половине 1790-х – 1800-х гг., *й*-формы появляются в произведениях Ю.А. Нелединского-Мелецкого, Н.П. Николева, совсем юного П.А. Катенина и ряда других, менее известных поэтов. Отдельного упоминания заслуживает употребление формы *войдя* в выдержанной в весьма торжественном тоне "Оде Александру I" (1801) С.А. Москотильникова (1768-1852).

Г.Р. Державин (1743-1816): 12:1.

Державин был значительно старше и Карамзина, и даже Дмитриева: широкое распространение в его поэзии *ш*-форм вполне соответствует языку его времени. Тем более интересно, что в позднем стихотворении "Евгению. Жизнь Званская" (1807) поэт все же употребил форму *пройдя*. "Жизнь Званская" представляет собой послание, адресованное другу Державина епископу Евгению Болховитинову, т.е. написана в том же жанре, что и "Анакреонтические стихи..." Карамзина.

Отметим, что единственный пример *ш*-формы, имеющийся в стихах Державина, написанных позже "Жизни Званской", а именно в стихотворении "Обитель Добрады" (1808), является вынужденным (*сшед*).

Д.И. Хвостов (1757-1835): 2:2.

В стихах Хвостова *ш*-формы встретились в 1820 и 1821 гг., *й*-формы – в 1824-1825 и 1834 гг.; возможно, в поздние годы граф сознательно старался следовать "новейшим тенденциям". Существенно также, что одно из стихотворений, где представлена *й*-форма, хотя и выдержано в несколько ином роде, чем та же "Жизнь Званская", тем не менее также относится к жанру посланий – это легендарное "Послание к N.N. о наводнении Петрополя, бывшем 1824 года 7 ноября".

М.Н. Муравьев (1757-1807): 11:0.

М.Н. Муравьев был поэтом и прозаиком, близким к сентиментализму и предромантизму, учителем Батюшкова; некоторые источники даже именуют его "основоположником жанра легкой поэзии в России". Тем не менее, *й*-формы в его языке, судя по всему, не существовали вообще; отметим, правда, что все примеры *й*-деепричастий в его стихах относятся к 1770-м – 1780-м гг.

И.А. Крылов (1769-1844): 2:0.

Любопытно, что оба примера *ш*-форм у Крылова встретились в одном и том же контексте: *вышед из терпенья*. По данным Основного подкорпуса НКРЯ, выражение *вышед из терпения* было достаточно употребительным вплоть до 20-х – 30-х гг. XIX в., тогда как вариант *выйдя из терпения* фиксируется значительно позже, с 1870-х – 1880-х гг.

А.Ф. Воейков (1778(1779?)-1839): 1:0.

Снилось мне, что в Петрограде,

Чрез Обухов мост пешком
Перешед, спешу к ограде –
И вступаю в Желтый Дом.
("Дом сумасшедших", 1814-1839)

Разумеется, со статистической точки зрения единичный пример *ш*-формы, встретившийся в стихах Воейкова, непоказателен. См., однако, ниже о возможном отражении этих строк в творчестве других поэтов.

Н.И. Гнедич (1784-1833): 1^2:1 <без учета перевода "Илиады">.

Деепричастие *взошед* употреблено Гнедичем в "высокой" поэме "Рождение Гомера" (1816), деепричастие *выйдя* – в пародийном стихотворении "Циклоп" (с подзаголовком "Феокритова идиллия, приноровленная к нашим нравам"; 1813), написанном в форме послания Батюшкову.

Н.И. Гнедич, перевод "Илиады" (1829): ≈20:2.

В переводе "Илиады" абсолютно преобладают *ш*-формы; едва ли можно сомневаться в том, что такая картина представляет собой одно из проявлений общей установки Гнедича на архаизацию языка перевода.

В.А. Жуковский (1783-1852): 22:4 <без учета перевода "Одиссеи">.

Если *ш*-формы встречаются в стихах Жуковского на протяжении полувека – от юношеского "К Тибуллу" (1800) до последней неоконченной поэмы "Странствующий жид" (1851-1852), – то *й*-формы не только куда менее многочисленны, но и, что еще важнее, ограничены достаточно узкими хронологическими и жанровыми рамками.

С учетом сказанного выше едва ли стоит считать простым совпадением тот факт, что впервые *й*-форма (*пройдя*) появляется у Жуковского в послании "К Ив.Ив. Дмитриеву" (1813); скорее перед нами своего рода оммаж старшему другу и собрату. Еще две формы (*зайдя*, *войдя*) встретились в третьей части послания "К Варваре Павловне Ушаковой и гр. Прасковье Александровне Хилковой" (1818). Наконец, форма *дойдя* имеется в стихотворении "Ноябрь, зимы посол, подчас лихой старик..." (1814); хотя это стихотворение не имеет обозначенного адресата, фактически оно также представляет собой послание, обращенное, по-видимому, к кому-то из родных ([Жуковский 1999: 727]; комментарий принадлежит О.Б. Лебедевой).

Как видно, "*й*-период" в творчестве Жуковского находит себе достаточно четкое соответствие в его биографии. Это время наиболее тесного дружеского и даже "игрового" общения поэта с другими карамзинистами, время становления и расцвета "арзамасского братства". "Арзамасское братство возникло в начале 1810-х годов <...>. Апогеем существования арзамасского братства явилось образование "Арзамаса" (1815-1818). Распад "Арзамаса" совпал с расслоением арзамасского братства на оппозиционное и лояльное направления. Умеренное крыло арзамасского братства возглавили Карамзин, Жуковский и Блудов..." [Гиллельсон 1974: 143][26]. И.И. Дмитриев в период существования "Арзамаса" жил в Москве и не принимал участия в его деятельности; тем не менее на одном из заседаний общества он был избран его почетным членом, наряду, в частности, с Карамзиным и Нелединским-Мелецким [там же: 104-105].

В.А. Жуковский, перевод "Одиссеи" (1849): ≈40:2.

В том, что касается употребления *й*-деепричастий, Жуковский как переводчик Гомера следует Гнедичу с поистине удивительной точностью: в его переводе единичные

[26] Разумеется, в рамках настоящей статьи мы не имеем возможности обсуждать "литературно-политические" оценки М.И. Гиллельсона, да и не считаем себя достаточно компетентными в этой области. Что касается приводимых исследователем датировок, они, как представляется, не вызывают сомнений.

формы на *-йдя* также смотрятся случайными отклонениями на фоне абсолютно преобладающих (даже еще более многочисленных, чем у Гнедича) форм на *-шед*.

К.Н. Батюшков (1787-1855): 1:1.

В 1810 г. в стихах Батюшкова встретилась форма *пришед*, в 1816-1817 гг. – форма *пройдя*. Как отмечено выше, неупотребление поэтом формы *придя* может и не быть случайным, однако надежных доказательств этому нет: в своих прозаических очерках Батюшков употребляет только *й*-формы, но деепричастие от глагола *прийти* в его прозе не представлено.

К.Ф. Рылеев (1795-1826): 2:2.

В стихах Рылеева представлены, с одной стороны, форма *вошед* (1822, 1825), с другой – формы *войдя* (1821-1822) и *подойдя* (1825). Последние две стоят в позиции рифмы и, соответственно, являются вынужденными; тем не менее, они показывают, что Рылеев, несмотря на склонность к архаике, *й*-форм полностью не избегал.

А.С. Пушкин (1799-1837): 12:0.

В поэзии Пушкина *ш*-формы встречаются на протяжении почти 20 лет – от "Городка" (1814-1815) до "Медного всадника" (1833); *й*-формы отсутствуют вообще. Единственный пример формы на *-ши* (*взошедши*) обнаруживается в одном из самых ранних стихотворений – "Монах" (1813) – и может быть просто данью традиции; таких форм довольно много, в частности, у Державина. Эта картина настолько поразительна для поэта, родившегося в самом конце XVIII века, что заставляет задаться вопросом, отражает ли она реальное пушкинское словоупотребление, или же Пушкин в своих стихах сознательно отдавал предпочтение устаревающей модели.

Обращение к прозе однозначно свидетельствует в пользу первого варианта. Как и в поэзии, в прозе Пушкина *ш*-формы встречаются начиная с Лицея и до последних лет жизни; их довольно много в том числе в дневниковых записях, едва ли предназначавшихся для печати. В общей сложности *ш*-формы засвидетельствованы в пушкинской прозе более 50х. Напротив, формы на *-ши* и *й*-формы немногочисленны (3 и 5 примеров соответственно) и появляются в прозе лишь в 30-е годы, причем последние – только в нехудожественных текстах (черновик письма А.Х. Бенкендорфу, "История Пугачева", подготовительные материалы к "Истории Петра").

Любопытным образом, в подтверждение своего тезиса о том, что во времена Греча в русской литературе употреблялись почти исключительно *ш*-формы (см. выше), Л.А. Булаховский приводит один-единственный пример, взятый из пушкинского "Гробовщика" [Булаховский 1948: 128]. Возможно, ученый был подспудно убежден, что если уж у Пушкина в роли *й*-деепричастий выступают архаичные формы, то у его современников и подавно.

Форму *нашед*, встретившуюся в монологе главного героя в IV главе "Евгения Онегина", автор критической статьи в журнале "Атеней" снабдил следующим замечанием: "*Нашед* в разговорном слоге неупотребительно". Комментируя это высказывание, И.Б. Серебряная пишет: "Критик не назвал форму, которая, на его взгляд, была бы более предпочтительной в данном контексте. Но можно с достаточной степенью уверенности предположить, что это форма на *-ши* (*нашедши*) <...> Формы на *-ши* в своих мемуарах "Мелочи из запаса моей памяти" употреблял и сам Дмитриев" [Серебряная 2012: 40-41]. Отсылка к прозаическим сочинениям Дмитриева представляется вполне оправданной (что касается поэзии, в известных нам стихотворениях Дмитриева ни одного *й*-деепричастия нет); при этом, однако, исследовательница странным образом не учитывает того обстоятельства, что замена *нашед* на *нашедши* была бы метрически невозможна. Соответственно, ход мысли критика гипотетически может быть реконструирован следующим образом: Дмитриев не привел никакого конкретного варианта исправления

данной строки, поскольку видел, что форма *нашедши* не подходит по размеру, а форму *найдя* считал, наоборот, "слишком разговорной" (в ряде отношений Дмитриев-племянник был куда более консервативен, чем его карамзинист-дядя).

Начальная строка первого восьмистишия из цикла "На картинки к "Евгению Онегину" в "Невском Альманахе"" – *Вот перешед чрез мост Кокушкин...* – обнаруживает близкое сходство с процитированной выше строфой Воейкова. Знакомство Пушкина с "Домом сумасшедших" подтверждается свидетельствами современников ([Черейский 1988: 73] со ссылкой на П.И. Бартенева). Рассматриваемое восьмистишие представляет собой автоэпиграмму; перекличкой с Воейковым (если она действительно имеет место) Пушкин, возможно, хотел усилить обращенную на самого себя иронию этих строк.

Е.П. Ростопчина (1811-1858): 1:2.

В двух ранних (1830 и 1836 гг.) стихотворениях Ростопчиной представлены *й*-формы *войдя* и *пройдя*, тогда как в сатире "Дом сумасшедших в 1858 году" имеется следующая строфа:

Комитет, прошед с вниманьем
Умственных недугов дом,
Беспристрастным совещаньем
Тайно занялся потом...

Поскольку "Дом..." Ростопчиной отнюдь не написан в архаизирующем стиле, появление в его тексте формы *прошед* едва ли может объясняться иначе, нежели прямой отсылкой все к той же строфе Воейкова. При этом для Ростопчиной, в отличие от Пушкина, употребленная Воейковым *ш*-форма, по-видимому, была уже чужда.

А.И. Полежаев (1804-1838): 2:1.

Случай Полежаева примечателен тем, что формы *вышед, пришед* и *сойдя* встретились у него в одном и том же произведении – поэме "Эрпели" (1830), где, кроме того, представлены формы *пришедши* и *прошедши*. Как кажется, это дает нам основания с достаточной долей уверенности утверждать, что в языке Полежаева все три способа образования *й*-деепричастий были более или менее равноправны.

М.Ю. Лермонтов (1814-1841): 1:9.

Единственная *ш*-форма (*нашед*) обнаруживается в поэзии Лермонтова в 1828 г. ("Корсар"). В более поздних произведениях, начиная с "Джюлио" (1830), представлены только *й*-формы (в общий подсчет включены три ремарки к драме "Маскарад").

Наиболее правдоподобное объяснение такого соотношения, на наш взгляд, состоит в следующем: для собственного идиолекта Лермонтова нормой были уже *й*-формы, а форма *нашед* была позаимствована начинающим поэтом "из книг", вероятнее всего – у Пушкина. Из сочинений Пушкина, опубликованных до написания "Корсара", эта форма встречается в IV главе "Евгения Онегина" (см. выше) и в таком важном для Лермонтова произведении, как "Кавказский пленник".

П.П. Ершов (1815-1869): 1:0 → 0:0.

В первом издании "Конька-Горбунка" (1834) встретилась форма *обшед*; в существенно переработанном пятом издании (1856) этой формы нет. Л.Л. и Р.Ф. Касаткины считают этот факт одним из свидетельств того, что "Конек-Горбунок" написан Пушкиным, поскольку сибиряк Ершов якобы "не мог знать" такой формы [Касаткин, Касаткина 2012а: 31, 2012б: 276]. Данный аргумент несостоятелен уже потому, что Ершов не заменил "чуждое" ему *(И) обшед...* на *Обойдя...*, а просто изменил соответствующее место текста настолько сильно, что в нем вообще не оказалось глагола *обойти*. Если же рассматривать все поэтическое творчество Ершова в целом, то, как совершенно справедливо отмечает Н.В. Перцов, "форма деепричастия *пришедши* есть в "Сибирском

казаке", а для приставочных глаголов от *идти* форм деепричастий на *-я* у Ершова в известных нам текстах нет" [Перцов 2015: 597]. Однако дело, разумеется, не только в этом. Утверждение о том, что Ершов не мог знать форм на *-шед*, совершенно фантастично: с тем же успехом их "не мог знать", например, 14-летний Лермонтов или молодой Гончаров, как известно, родившийся в Симбирске: в его ранней повести "Лихая болесть" (1838) встретилась форма *вышед*. Трактовка Л.Л. и Р.Ф. Касаткиными форм на *-шед* как специфической черты северо-западных говоров также не выдерживает никакой критики; показательно, что, ссылаясь на книгу С.П. Обнорского в связи с примерами из Пушкина, они "не дочитали" соответствующий раздел до следующего замечания: "Спорадические свидетельства об этом типе форм можно встретить и в диалектном распространении: *не дошедь дому*. **Колым.** (Богор. 46)..." [Обнорский 1953: 219] (выделено нами. – И.И.).

В.Г. Бенедиктов (1807-1873): 1:1.

В поэзии второй половины XIX в. *ш*-формы встречаются редко и почти исключительно как подчеркнутые церковнославянизмы. Показателен пример В.Г. Бенедиктова, у которого формы *прешед* и *отойдя* представлены почти одновременно, но первая из них употреблена в стихотворении на библейский сюжет ("Исход", 1856), а вторая – в грустно-шутливой зарисовке с натуры ("Елка", 1857).

А.К. Толстой (1817-1875): 2:0.

Поэзия А.К. Толстого на этом фоне выглядит исключением. Скорее всего, однако, дело здесь не в том, что Толстой был носителем какой-то особенно архаичной нормы, а в его жанровых предпочтениях: формы *взошед* и *вышед* встретились соответственно в балладе "Ругевит" (1870) и поэме "Дракон" (1875), действие которых происходит в далеком прошлом, что и объясняет некоторую приподнятость слога. Такое предположение подтверждается тем, что в историческом романе "Князь Серебряный" (1861-1863), написанном по большей части обычным, не стилизованным языком, 4х представлены *й*-формы, 3х – формы на *-ши*, а *ш*-форм нет совсем.

М.И. Цветаева (1892-1941): 4:2.

Среди поэтов еще более позднего времени отчетливо выделяется Марина Цветаева, у которой *ш*-формы встречаются вдвое чаще, чем *й*-формы, и представлены в четырех разных произведениях. Три из шести форм – *сшед* ("Автобус", 1934-1936), знаменитое *сошед* в рифме в "Попытке ревности" (1924) и *войдя* также в рифме ("И если где прольются слезы...", 1919-1920) – вынужденные, но в целом речь, безусловно, идет о последовательной стилизации под грамматику "Золотого века", возможно, вдохновленной непосредственно Пушкиным.

Таким образом, можно утверждать, что формы на *-йдя* были введены в русскую поэзию Н.М. Карамзиным и его единомышленниками, в первую очередь И.И. Дмитриевым, в конце XVIII века. На протяжении примерно 40-50 лет *ш*-формы и *й*-формы сосуществовали как более или менее равноправные варианты. У тех поэтов, для которых модель на *-йдя* не была единственно возможной или преобладающей (Державин, Хвостов, Гнедич, Жуковский), обнаруживается несомненная склонность к ее использованию в дружеских посланиях – не столько под прямым влиянием "Анакреонтических стихов..." Карамзина, сколько в соответствии с общими представлениями об этом жанре как допускающем (и даже предполагающем) большую по сравнению с другими жанрами близость к разговорному языку.

РОД. ПАД. МН. Ч. СЛОВА *ВРЕМЯ*

В том же критическом разборе IV и V глав "Евгения Онегина", опубликованном в 1828 г. в журнале "Атеней", есть следующий пассаж:

"Но эта важная забава
Достойна старых обезьян
Хваленых дедовских *времян* <...>.

Следственно, Державин ошибся, сказав:

Глагол *времен*".

И.Б. Серебряная комментирует эту эскападу следующим образом: "Ставшая объектом критики форма *времян* <...> сама по себе вовсе не была необычной. <...> В Национальном корпусе русского языка имеется свыше 40 случаев использования этой формы, как в стихотворных, так и в прозаических текстах XVIII – 1-й половины XIX вв. <...> Думается, что негативная реакция Дмитриева на форму *времян* была вызвана не столько непривычностью этой падежной формы, сколько её нетипичным и даже не вполне приличным по тем временам употреблением. Нарушив устойчивую традицию, Пушкин включил книжную форму *времян* в стилистически сниженный контекст и, срифмовав со словом *обезьян*, лишил данное образование обычного ореола возвышенности" [Серебряная 2012: 36].

Приведенное объяснение спорно. И рифма *времян – обезьян*, и общая тональность пушкинских строк, безусловно, были намеренно шокирующими, однако если у Дмитриева имелись какие-то претензии именно на этот счет, совершенно непонятно, что мешало ему высказать их более или менее прямо. На наш взгляд, куда проще предположить, что Дмитриев написал именно то, что хотел написать: форма *времян* (независимо от рифмы и контекста) казалась критику даже не устаревшей, а просто неправильной, и вполне естественно, что в подтверждение своей точки зрения он привел цитату из хрестоматийного стихотворения такого авторитетного поэта, как Державин. Добавим, что у Державина форма *времян* действительно не встречается вовсе, а в написанном значительно позже стихотворении Дмитриева "Песнь правде" (1842) использована традиционная рифменная пара *времен ~ племен*.

Что касается "обычности" или "необычности" формы *времян*, приведенная И.Б. Серебряной статистика непоказательна, поскольку не учитывает хронологическую динамику ее употребления. Между тем, данные ПП НКРЯ свидетельствуют о том, что появление формы *времян* в "Евгении Онегине" было в русской поэзии той эпохи **последним**: в следующий раз она обнаруживается в 1897 (!) г. в пародийно-сатирическом стихотворении В.С. Соловьева "Уносит все река времян...". Таким образом, к середине 1820-х годов эта форма уже фактически "выбыла из игры", и обращение к ней Пушкина действительно не могло не казаться читателям и критикам несколько странным.

С.А. Бурлак и А.Б. Пеньковский независимо друг от друга пришли к выводу, что форма *времян* была использована Пушкиным не только иронически, но и иконически. Ср.: "Может быть, форма на *-ян* была выбрана поэтом именно для того, чтобы ещё сильнее подчеркнуть устарелость "любовной науки", позволявшей "наслаждаться не любя"?" [Бурлак 2010: 74]; "В этом тексте заслуживает особого внимания <...> форма <...> ***времян***, своей безусловной архаичностью материализующая мысль Онегина о холодном разврате как о постыдном явлении, ушедшем в дедовское прошлое. <...> Ср. морфологически стандартную форму *времен* в содержательно сходном с онегинским, но в полярном, о ц е н о ч н о п о л о ж и т е л ь н о м контексте: "Так своеволием пылая, / Роптала юность удалая, / Опасных алча перемен, / Забыв отчизны давний плен, / Богдана счастливые споры, / *Святые брани, договоры* / *И славу дедовских времен*" ("Полтава", 1828-1829)" [Пеньковский 2012: 176, сн. 7].

Насколько нам известно, никто из исследователей (возможно, вследствие особенностей русской орфографии) не обращал внимания, что в годы творчества Пушкина в стихах сосуществовали не две, а три формы род. мн. от слова *время*: *времян*, *времен* (через ['э]) и *времён*. Надежно различить формы *времен* и *времён*, разумеется, можно лишь в позиции рифмы и лишь тогда, когда произношение второго члена рифменной пары однозначно, т.е. в случае, например, рифмовки *стен ~ времен*, *времен ~ Карфаген*, *закон ~ времён*, *времён ~ Парфенон*, но не в случае рифмовки *име/ён ~ време/ён* или *време/ён ~ оживле/ён*. Ниже мы рассматриваем только абсолютно надежные примеры.

В XVIII – начале XIX в. в стихах встречается исключительно форма *времен* (отметим изысканную пару *времен ~* (*природных*) *феномен* в философском стихотворении А.Х. Востокова "Бог в нравственном мире" (1807)). Рассмотрение истории формы *времён*, как кажется, целесообразно начать с уже упомянутой поэмы А.И. Полежаева "Эрпели" (1830, опубл. 1832).

В шестой главе поэмы описание кавказских событий прерывается своего рода лирическим отступлением ("О Эрпели, о Эрпели! И ты уроком для земли!.."), посреди которого автор перебивает себя требованием возвратиться к реальности. Заканчивается глава так:

...Заняться вздумал я мечтою
Нелепой, странной и пустою –
О счастье будущих времен,
А настоящие оставил,
Тогда как первый батальон
Еще палаток не поставил.
Итак, моя галиматья,
Adieu до будущего дня!

По силе стилистической какофонии (безусловно, намеренной) эти строки имеют себе мало равных в тогдашней поэзии. Можно думать, что невиданная рифма *времён ~ батальон* производила на современников (с поправкой на несопоставимость двух поэтических имен) не меньшее впечатление, чем рифма *времян ~ обезьян*. Обращает на себя внимание сходство между строкой "Полтавы" *И славу дедовских времен* и строкой *О счастье будущих времён* у Полежаева. При этом Пушкин, говоря о "дедовских временах", т.е. о прошлом, в "Евгении Онегине" употребил форму подчеркнуто архаичную, а в "Полтаве" – обычную для поэзии, но едва ли соответствовавшую реальной языковой практике. Напротив, Полежаев, говоря о будущем, употребил форму, за которой в лингвистическом смысле как раз и было будущее. С учетом того, что "Полтава" (как и "Эрпели", "поэма о войне") была опубликована в марте 1829 года, нельзя исключать, что Полежаев был с ней знаком и перед нами – его прямой полемический отклик.

В 1836 г. поэт еще раз использовал форму *времён*, причем, по-видимому, вновь не без некоторого вызова – как и впоследствии у В.С. Соловьева, переделке подверглась знаменитая державинская формула:

Всему в природе есть закон:
Луна сменяется луной,
И годы мчит река времен
Невозвратимою волной!
("Красное яйцо")

Правда, напечатано это стихотворение было только в 1860 г.

Почти одновременно с "Эрпели", летом 1832 г., вышла поэма В.И. Соколовского (1808-1839) "Мироздание". В этой поэме трижды встречается рифма *времён ~ закон*; вот один из примеров:

Исполняя Твой закон,
Свет разрушится веками,

И последний вал времен
Расплеснется над гробами.

Как видно, содержание и стиль поэмы Соколовского полностью исключают вероятность того, что форма *времён* воспринималась им как сниженная. Очевидно, он просто писал так, как говорил, не зная, что в стихах "полагается" использовать вариант с ['э]. В следующем, 1833 году, была издана книга Соколовского "Рассказы сибиряка"; в одном из вошедших в нее стихотворений – "Кто важно в свет вступил при шпаге..." – присутствует рифма *времён ~ он*.

В истории русской литературы имена Полежаева и Соколовского тесно связаны. Поэты были знакомы и дружны; между ними "было много общего" [Поэты..., т. II: 345]. Приятель Соколовского художник А.В. Уткин – автор замечательного портрета Полежаева. Удивительно, однако, другое. В 1834 г. несколько молодых людей были арестованы по "Делу о лицах, певших в Москве пасквильные стихи". Едва ли не главным пунктом обвинения была остросатирическая песня "Русский император..."; Соколовскому и Уткину[27] ее исполнение фактически стоило жизни[28]. Большинство исследователей приписывает сочинение "Русского императора" Соколовскому, однако существует и точка зрения, что ее автором был не кто иной, как Полежаев [Безъязычный, Гурьянов 1957].

В том же 1833 году будущий знаменитый религиозный философ В.С. Печерин (1807-1885) пишет поэму "Pot-pourri, или Чего хочешь, того просишь" (опубликованную 28 лет спустя Герценом и Огаревым), где есть такое двустишие:

Я знаю балладу из новых времен,
Как с войском Дон Педро вошел в Лиссабон.

Со второй половины 1830-х гг. форма *времён* становится обычной, а вскоре – и преобладающей; в частности, в поэмах М.Ю. Лермонтова "Сашка" (1839) и И.П. Мятлева (1796-1844) "Сенсации и замечания госпожи Курдюковой..." (1840) использована невозможная ранее рифма *времён ~ умён*.

У Пушкина вариант *времён* не представлен; впрочем, и имеющийся материал совсем невелик: помимо приведенного отрывка из "Полтавы", можно отметить еще только рифму *согбен ~ времен* в юношеском стихотворении "Кольна" (1814). Не представлен этот вариант и у Ф.И. Тютчева (1803-1873) – при наличии рифм *времен ~ священ* ("На новый 1816 год" (1815-1816)) и *плен ~ времен* ("Теперь тебе не до стихов...", 1854).

Полежаев и Соколовский, однако, не были первыми поэтами, в стихах которых появилась форма *времён*. Еще за 11 лет до публикации "Эрпели" и "Мироздания", в поэме Жуковского "Пери и ангел" (1821), представляющей собой перевод второй части поэмы Томаса Мура "Лалла Рук", появляется следующий фрагмент:

И голову потупил он;
И все, что с давних тех времен
В душе ожесточенной спало,
<...>
Все вдруг пред ним возобновилось
И в душу, свежее, втеснилось...

---

[27] В ряде работ среди арестованных по "Делу..." вместо Алексея Васильевича Уткина (1796-1838 (по другим сведениям, 1836)) упоминается "Н.И. Уткин". В действительности художник Николай Иванович Уткин (1780-1863), выдающийся гравер и, вероятно, побочный сын поэта М.Н. Муравьева, прожил долгую и благополучную жизнь. Источником путаницы, по-видимому, послужила дважды повторенная ошибка в [Поэты..., т. II: 363, 721].

[28] См. об этом: А.И. Герцен, "Былое и думы", ч. II, гл. XII. Герцен, Огарев и некоторые другие обвиняемые были приговорены к ссылке в разные города.

Как и в "Мироздании", употребление формы *времён* не несет в "Пери и ангеле" никакой специальной стилистической нагрузки (в тексте длинной и, в общем, довольно "монотонной" поэмы это нововведение едва ли могло привлечь чье-то особенное внимание); и все же, по крайней мере до появления новых находок, именно Жуковский может с полным правом считаться ее "открывателем".

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Два рассмотренных нами сюжета не изоморфны. В случае с *й*-деепричастиями Жуковский следовал, причем в очень ограниченной степени, модели, введенной в поэтическую практику Карамзиным и его единомышленниками, тогда как словоупотребление Пушкина нельзя не признать архаичным в самом точном смысле этого слова. Напротив, в случае с род. пад. мн. ч. слова *время* Жуковский действительно выступает (пусть, скорее всего, достаточно случайно) в роли первопроходца, Пушкин же просто сохраняет верность традиции, которая к моменту завершения его творческого пути еще оставалась вполне живой. Тем не менее, несмотря на 17 лет разницы в возрасте, в обоих этих аспектах язык Жуковского оказывается более близким к нашему современному языку, чем язык Пушкина.

Любой человек, говорящий и пишущий на родном языке, в десятках и сотнях точек грамматической системы вольно или невольно делает выбор между конкурирующими формами, конструкциями и т.п.; чаще всего один из возможных вариантов является более старым, другой – более новым. Применительно к языку пушкинской эпохи даже список таких точек вариативности установлен еще далеко не полностью; что же касается предпочтений Пушкина и других поэтов и писателей его времени, они изучены более чем фрагментарно. Как кажется, большая и очень важная работа по описанию "языковых личностей" Пушкина и его современников только еще начинается.

Литература

Абдулхакова 2007 – Абдулхакова Л.Р. Развитие категории деепричастия в русском языке: дис. ... д.фил.н. Казань, 2007.

Безъязычный, Гурьянов 1957 – Безъязычный В.И., Гурьянов В.П. "Кто был автором песни "Русский император"?" // Вестник МГУ, историко-филологическая серия. 1957. № 1. С. 179-184.

Булаховский 1948 – Булаховский Л.А. Русский литературный язык первой половины XIX века. Фонетика. Морфология. Ударение. Синтаксис. Т. II. Киев, 1948.

Бурлак 2010 – Бурлак С.А. [Решение задачи 10 для 10-11 классов] // "Русский медвежонок"-2009. Задачи, решения, информация, статистика. / Сост. Е.В. Муравенко, И.С. Рубанов, И.Ф. Богдалов. Киров, 2010. С. 73-74.

Гиллельсон 1974 – Гиллельсон М.И. Молодой Пушкин и арзамасское братство. Л., 1974.

Греч 1827 – Практическая русская грамматика, изданная Николаем Гречем. СПб., 1827.

Греч 1834 – Практическая русская грамматика, изданная Николаем Гречем. Второе издание, исправленное. СПб., 1834.

Добровольский 2001 – Добровольский Д.О. К динамике узуса (язык Пушкина и современное словоупотребление) // Русский язык в научном освещении. 2001. № 1(1). С. 161-178.

Жуковский 1999 – Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. Т. 1. Стихотворения 1797—1814 годов / Ред. О.Б. Лебедева, А.С. Янушкевич. М., 1999.

Касаткин, Касаткина 2012а – Касаткин Л.Л., Касаткина Р.Ф. Язык – свидетель беспристрастный: Проблема авторства сказки «Конёк-горбунок» // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2012. Т. 71. № 5. С. 23-45.

Касаткин, Касаткина 2012б – Касаткин Л.Л., Касаткина Р.Ф. Псковские диалектизмы в сказке "Конёк-Горбунок" как свидетельство авторства А.С. Пушкина // Смыслы, тексты и

другие захватывающие сюжеты. Сборник статей в честь 80-летия И.А. Мельчука. М., 2012. С. 273-287.
Обнорский 1953 – Обнорский С.П. Очерки по морфологии русского глагола. М., 1953.
Падучева 2001 – Падучева Е.В. Русский литературный язык до и после Пушкина // G. Ressel (ed.). A.S. Puškin und die kulturelle Identität Rußlands. Frankfurt/Main, 2001. С. 97-108.
Пеньковский 2012 – Пеньковский А.Б. Исследования поэтического языка пушкинской эпохи: филологические исследования. М., 2012.
Перцов 2015 – Перцов Н.В. Сказка П.П. Ершова "Конек-Горбунок" в лингвистическом и историко-литературном освещении // Перцов Н.В. Лингвистика, поэтика, текстология: избранные статьи. М., 2015. С. 587-604.
Поэты... – Поэты 1820-х – 1830-х годов. В 2 тт. / Биогр. справки, сост., подгот. текста и примеч. В.С. Киселева-Сергенина. Под общей редакцией Л.Я. Гинзбург. Изд. 2-е. Л., 1972.
ППК 1828-1830 – Пушкин в прижизненной критике. 1828-1830 / Под общей редакцией Е.О. Ларионовой. СПб., 2001.
Серебряная 2012 – Серебряная И.Б. Грамматические оценки в русской критической литературе 1-й половины XIX века (морфология). Казань, 2012.
Черейский 1988 – Черейский Л.А. Пушкин и его окружение. Издание 2-е, дополненное и переработанное. Л., 1988.

В.В. Казаковская
Институт лингвистических исследований РАН,
Санкт-Петербург,
Н.К. Онипенко
Институт русского языка им. В.В. Виноградова,
Москва

Функциональные возможности вводно-модальных слов в речи взрослых и детей

Объектом исследования являются функции вводно-модальных слов в системно-языковом (синхрония vs. диахрония) и онтогенетическом аспектах. Условием образования вводных слов признается появление в семантике лексемы эгоцентрической составляющей. Вработе используются материалы НКРЯ (художественный нарратив), а также данные речевого онтогенеза, полученные лонгитюдными срезовым методами.Они представлены расшифрованными и морфологически размеченными в соответствии с CHILDES (http://childes.psy.cmu.edu) аудио- и видеозаписями звучащей речи –раннего диалога «взрослый – ребенок»,а также материалами устной и письменной речи подростков – учащихся 7–11 классов общеобразовательных школ России, дополненные анкетами, отражающими отношение современных тинейджеров к вводным словам.

Системное функционально-грамматическое описание вводных слов соединяет лексическую семантику, морфологию, синтаксис и анализ текста; устанавливает связи между типом модуса и набором языковых средств (лексических и синтаксических), предназначенных для выражения этого модуса [Золотова, Онипенко, Сидорова 2004: 279–310], выявляет отношение различных по модусной семантике лексем к категории лица [Онипенко 2013]. Семантика вводных слов интерпретируется двумя терминами – «модальные» и «модусные». Первый термин используется в связи с тем, что часть вводных слов принадлежит к средствам выражения эпистемической модальности. При

этом другую часть относят к метатекстовым средствам или к категории эвиденциальности[Падучева 2016]. Замена прилагательного «модальный» прилагательным «модусный» позволяет соединить все средства выражения точки зрения говорящего в один класс слов, что представляется перспективным для современной русистики.

Термин «вводные слова» в его синхронном понимании можно определить как слова, словосочетания (а в широком смысле и предикативные конструкции, в том числе союзные), которые, формально находясь в составе высказывания, не входят в его структуру, не вступают в синтаксические связи с членами этого предложения и выражают 1) отношение говорящего к содержанию и оформлению его высказывания;2) источник информации, заключенной в высказывании; 3) поддержание контакта с адресатом и 4) место высказывания в линейной последовательности текста. Отличительными признаками вводных слов являются: 1) невозможность постановки вопроса; 2) возможность изъятия при сохранении синтаксической структуры предложения и его общего пропозиционального смысла; 3) ограничение словоизменительных возможностей слова (идиоматизация); 4) отсутствие закрепленной позиции по отношению к началу и концу предложения; 5) участие в актуальном членении предложения (как правило, в составе ремы); 6) особое интонационное выделение, оформляемое на письме парными пунктуационными знаками (чаще парной запятой); 7) способность взаимодействовать с союзными средствами связи или выступать как средство связи в составе сложного предложения. А.А. Шахматов называл и еще один признак: «формальным их отличием является возможность быть замененными полным предложением» [(1920) 2001: 265].

Л.Н. Иорданская и И.А. Мельчук указывают четыре признака вводных слов (в их терминологии «вводных выражений», для которых они используют символ Advввод): «1) с семантической точки зрения, сфера действия оборота Advввод включает все высказывание; 2) с коммуникативной точки зрения, смысл, который выражен посредством Advввод, представляет собой информацию второго плана; 3) с точки зрения линейной организации высказывания, Advввод может занимать любую позицию в предложении; 4) с просодической точки зрения, Advввод имеет специальную интонацию и может отделяться от остальной части предложения паузами» [2007: 372].

В русской синтаксической традиции генезис вводных слов принято связывать с предикативными единицами. Так, Д.Н. Овсянико-Куликовский считал, что вводные слова — это неполные предложения: вводные слова составляют «как бы часть неоконченного, недоговоренного предложения, или, наоборот, … результат сокращения некогда полного предложения, от которого осталась лишь та или другая часть» [1912: 297]. Ту же точку зрения отстаивал А.А. Шахматов [2001: 265]. В.В. Виноградов указал два направления образования класса вводных слов: «Многие из модальных слов, действительно, произошли из вставных предложений. На многих из них еще и теперь лежит отпечаток этого их происхождения. Но многие из модальных слов и частиц возникли и другим путем, например из наречий. Чем бы они раньше ни были, в современном языке они образуют одну грамматическую категорию» [(1947) 2000: 598].

Современные исследователи представляют процесс образования вводных слов как результат семантической «эволюции» именных или глагольных словоформ [Кустова 2012]. При этом выделяется 2 этапа этой эволюции: 1 этап – переход из дескриптивных языковых единиц в иллокутивы (глагольные словоформы, используемые для осуществления определенных иллокутивных актов – *брось, зашибись, пойдет*); 2-й этап – переход иллокутивов в дискурсивы (***Погоди****, разве он уехал?*), к которым относятся, в том числе, и вводные слова. Соотношение между вводными словами и репликами согласия/несогласия, или «автономного выражения» (Ты *идешь в кино? – Конечно/Возможно*) обсуждается также в связи с понятием «текстового коннектора» [Иорданская, Мельчук 2007: 397]).

Для русских лексем с модусной семантикой возможны разные синтаксические позиции. Модусные лексемы могут быть частью сложноподчиненного предложения с придаточным изъяснительным (рамочная позиция), входить в состав сказуемого или занимать позиции других членов предложения (внутрисинтаксическая позиция), быть вводным словом (парентетическая, внешнесинтаксическая позиция), выступать в качестве ответной реплики (диалогическая позиция).В грамматических описаниях истории русского литературного языка XIX в. было отмечено параллельное употребление «модальных» лексем во вводной позиции и в сложноподчиненном предложении [Очерки… 1964]. Периодом активного формирования в русском языке вводно-модальных слов как особого лексико-грамматического разряда называют XVIII–XIXвв. За два с лишним века произошла «специализация» модусных лексем: одни из них закрепились во вводной позиции и – как следствие – в позиции ответной реплики (*по-видимому, наверное, конечно*), другие – сохранили возможность употребления в рамочной и внутрисинтаксической позициях (*очевидно, вероятно, кажется, разумеется*) (см. также об этом [Кузнецова 2017]).

Материалы НКРЯ позволили проследить динамику в соотношении вводных слов и рамочных союзных конструкций. По данным основного корпуса НКРЯ в период с 1800 по 1870 гг. для *очевидно* соотношение рамочной (перед союзом *что*) и вводной позиций составляет 1:2. В период с 1900 по 1970 гг. количество употреблений слова *очевидно* во вводной позиции значительно увеличивается, и соотношение вхождений по каждой из этих позиций становится 1:5 в пользу вводности. Изменяется также соотношение вводной и внутрисинтаксической позиций для отыменных модальных слов – оно изменяется в пользу вводности. При этом и в XXI в. для многих лексем сохраняется выбор позиции: он зависит от точки зрения говорящего (субъектной перспективы текста), что непосредственно связано с принадлежностью текста к определенному стилю и жанру.

В силу того, что сферой действия семантики вводных слов является текст или устный дискурс, для интерпретации вводных слов важным исследование особенностей функционирования вводных слов в текстах разной стилистической принадлежности, исследование роли вводных слов в художественном нарративе.

Материалы НКРЯ (например, корпус текстов Л.Н. Толстого) показывают, что отыменные слова модусной семантики (*действительно, определенно, несомненно, очевидно*) во внутрисинтаксической позиции частотны в публицистике, во вводной позиции они чаще употребляются в художественном нарративе.

Так, слово *очевидно* в присловной позиции употребляется в нехудожественных текстах (публицистических и научных) XIX в. и до сих пор (в контекстах неактуального времени), в которых обозначает уверенность в собственном мнении автора и является средством убеждения читателя:

Что были за люди родители графа Толстого, мы знаем очень мало. Портреты их в «Войне и мире» (Николай Ростов и Марья Волконская) ***очевидно*** *идеализированы, чтобы можно было положиться на них как на документ.*

…. Учится он не то чтобы плохо, а беспорядочно, не зная середины, то увлекаясь, то чувствуя полнейшее отвращение. Он ***очевидно*** *болен, и болен прежде всего богатством своей неуравновешенной, слишком нервной натуры* [Е. А. Соловьев-Андреевич. Л. Н. Толстой. Его жизнь и литературная деятельность (1895)] = явно, не только для данного субъекта речи, но и для всех.

В публицистических текстах самого Л.Н. Толстого встречаем *очевидно* как показатель уверенности:

…Существует много различных Гаданий о том, что и где будет после смерти; но все эти гадания от самых грубых до самых утонченных не могут удовлетворить разумного человека. Блаженство, сладострастие Магомета слишком грубо и ***очевидно*** *несовместимо с истинным понятием о человеке и боге. Точно так же несовместимо с*

понятием о боге любви и церковное представление о рае и аде. [Л. Н. Толстой. Христианское учение (1896)].

См. также в научном тексте XX в.:

Толстой явно говорит здесь не от своего лица. Принятая им в данном случае точка зрения совершенно ***очевидно*** *расходится с его общей позицией (которая в данном случае отсутствует, но о которой мы достаточно легко можем догадываться) и с той позицией, на которой, по замыслу автора, должен находиться читатель* (Б.А. Успенский. Поэтика композиции, 1970).

Дело не в том даже, что черта эта не подтверждается в дальнейшем, а в том, что эта деталь ***очевидно*** *перерастает узко характерологические цели, что она является из некоей другой сферы и преследует цели иные, несоотносимые с теми, которыми «заряжены» остальные детали* (А.П. Чудаков. Поэтика Чехова 1971).

В художественном нарративе слова модусной семантики занимают вводную позицию, в которой они соотносятся с определенным субъектом модуса и тем самым усложняют субъектную перспективу текста [Золотова 1973; Онипенко 1994; 2013]. Вводные слова в третьеличном нарративе указывают на внутритекстовую точку зрения автора, нередко на его позицию в субъектной сфере героя. Б.А. Успенский называл вводные слова в художественном тексте «словами отстранения» [Успенский 1970]. В третьеличном нарративе возможны разные варианты взаимодействия субъектных сфер автора и героя: 1) их дистантное существование (диалогическое взаимодействие); 2) их сближение до полного совпадения точек зрения; 3) использование подвижной точки зрения, соединяющее первый и второй варианты.

Второй аспект исследования – онтолингвистический. Анализ спонтанного диалога взрослых с маленькими детьми[29] позволил определить время появления вводно-модальных слов в детской речи, выявить начальный репертуар, оценить частотность использования и описать функции, с которыми они используются обоими партнерами (см., в частности, [Казаковская 2016])[30]. Диалогическая ситуация, в которой осуществляется начальное усвоение языка и происходит категоризация эпистемической семантики, «провоцирует» появление редуцированных маркеров модуса, свойственных диалогу. Ими являются ментальные модусные рамки в варианте эгоцентрических вводно-модальных слов. Исследование показало существенное влияние так наз. Модального инпута – речи взрослого, обращенной к ребенку и содержащей соответствующие маркеры (равно как модусные вопросы [Казаковская 2019: 252–268]), – на формирование состава и функций вводно-модальных слов. Такими функциями являются их первичные – собственно эпистемические – функции, а именно выражение уверенности / неуверенности в сообщаемом. Вторичные функции, связанные с нейтрализацией основного значения в пользу подчеркивания той или иной ипостаси говорящего, начинают развиваться позже, после 4 лет [Там же: 159–165]. При этом во всех доступных нам русских лонгитюдных корпусах данных, как и в ряде разноструктурных

---

[29] Авторы сердечно благодарят коллег и сотрудников, принимавших участие в создании корпуса данных: Т.В. Пранову, М.Д. Воейкову и В. Прокофьеву (корпусы «Филипп», «Виолетта»), Е.К. Лимбах и Н.В. Гагарину («Ваня»), М.Б. Елисееву («Лиза»), Е.А. Офицерову («Витя»), К.А. Иванову (корпус «Кирилл», а также помощь при автоматическом создании выборки), И.В. Яковлеву («Тома»), М.И. Аккузину и Е.К. Лимбах (расшифровка, транскрипция и кодирование большинства записей), М.В. Хохлову (помощь в создании выборки из НКРЯ), Е.И. Николаеву (консультирование при статистической обработке данных).

[30] Объем аудио- и видеозаписей составил около 250 часов звучащей речи (7 диад «взрослый — ребенок»). К анализу привлекаются наблюдения, почерпнутые из родительских дневников, и результаты экспериментов, направленных на определение понимания детьми «эпистемической силы» модальных маркеров и выявления частотности их использования в монологе [Овчинникова, Угланова, Краузе 1999; Седов 2004]. Учитываются записи речевого взаимодействия взрослых и детей в семье с низким социально-экономическим статусом [Казаковская 2017а], а также данные разноструктурных языков [Kazakovskaya, Argus 2016; Kazakovskaya, Argus, Uziel-Karl 2018].

языков [Kazakovskaya, Argus, Uziel-Karl 2018], эпистемическое маркирование начиналось с экспликации неуверенности (*наверно(е), может (быть), по-моему*).

Пилотный анализ письменных нарративов, полученных от старших школьников, показал, что большинство информантов употребляет вводные компоненты, однако с разной степенью частотности [Казаковская, Гаврилова 2019]. Так, в одном из срезов сочинений 11-классников (социально-экономический профиль) вводные слова маркировали от 3 до 30% предложений (объем текстов составил от 16 до 34 предложений). При этом наиболее употребительными оказались вводные слова, отмечающие место высказывания в линейной последовательности текста (65%), и слова, отражающие генезис рассуждений, уверенность/неуверенность в эпистемической оценке пропозиционального содержания высказывания – некоторого положения дел (30%). Доля вводно-авторских и вводно-эмоциональных компонентов была невелика – 5%. Рамочные союзные конструкции (*Я считаю/думаю, что…; Можно сказать, что…*) оказались менее частотными, по сравнению с вводными компонентами, и встречались в основном в сочинениях-рассуждениях. Таким образом, пишущие выступили в двух ипостасях – автора собственного текста и автора эпистемической оценки.

Вместе с тем мы обратили внимание на а) высокую функциональную оправданность использования вводных компонентов при создании различных текстов – рассуждения, повествования и описания, а также на б) обусловленность их появления не только стилем и/или жанром создаваемого текста, но и ментальным статусом говорящего / пишущего и полнотой / неполнотой его знаний в отношении оцениваемой и/или излагаемой ситуации. В частности, при порождении текстов-рассуждений старшеклассники часто использовали маркеры неуверенности (*вероятно, возможно, казалось бы*) при формировании суждений и тем самым при экспликации собственной точки зрения в отношении действий героя повествования (третьего лица) в ситуации нравственного выбора, который возник как результат совершенной им ранее этической ошибки. Показательно, что меньшая категоричность суждений, высказываемая при оценке поступка героя, положительно коррелировала с принятой в обществе мерой этичности их выражения[31]. В свою очередь, употребление маркеров уверенности (*действительно, на самом деле, конечно, несомненно, безусловно, разумеется, бесспорно*) происходило при солидаризации информанта с мнением автора литературного произведения, рассматриваемого в сочинении.

Языковой материал, полученный от восьмиклассников, позволил нам сравнить использование вводных компонентов не только в разных формах речи школьников – письменной и устной, но и в разных типах речи (описании, повествовании, рассуждении). Описания (картина с историческим сюжетом, сюжетная фотография, портрет) влекли за собой в основном использование вводно-модальных маркеров неуверенности (*возможно, наверное, видимо, похоже* и др.), что не зависело от формы речи – письменной или устной, тогда как в рассуждениях использовались маркеры уверенности и рамочные союзные конструкции *Я думаю/считаю, (что)…* При этом было заметно, что слабо успевающие дети пользовались ими именно как «рамками», которые помогали в момент их произнесения «додумать» и вербализовать высказываемую мысль. В целом данные устных монологов старшеклассников[32] соотносятся с результатами письменных работ.

Анализ так наз. рефлексивов – высказываний о нужности/ненужности вводных компонентов – показал расхождения с результатами подобного опроса, проведенного ранее [Маркасова 2009]. Так, вместе с полным списком вводных компонентов информантам было предложено оценить степень их обязательности («нужности») в учебниках будущего: оставить нужное, вычеркнуть ненужное (см. *да/нет*-вопрос) и мотивировать свое решение. Приведем основные результаты.

---

[31]Подобную некатегоричность суждений продемонстрировали восьмиклассники в устных монологах при описании внешности человека по фотографии («неэтично критиковать незнакомых»).

[32]Объем расшифрованных монологов (аудиозапись) составил более 500 фраз.

Восьмиклассники, которые еще не изучали соответствующую тему, хорошо чувствовали выход слов из активного запаса («есть современные слова и устаревшие» (А.К.)[33]) и/или их книжность: «Я бы удалил те, которые я не использую, то есть очень старые … *чай, надеюсь, полагаю* (В.Д.); «*дескать, мол* нужно удалить либо поставить «устаревш.» (А.К.); *подлинно, не ровен час, (не)чего греха таить* (В.К.); *чего доброго* (Д.М.); *с позволения сказать, по преданию* (А.П.);*быть может, надо полагать* (Р.Х.); *с позволения сказать, скажите на милость, не в укор будь сказано, сказать по чести, заметьте себе, между нами будь сказано*. Многие в той или иной форме отметили, что русский язык «не стоит на месте и постоянно меняется и преобразовывается (А.Е.), «растет и развивается» (В.К.): «В настоящее время многие конструкции не употребляются, а многие наоборот набирают популярность. Это значит, что русский язык развивается» (Н.С.),«Учебники составляют для нового поколения, поэтому эти слова им будут чужды, поэтому включать их в учебную программу не имеет смысла» (Д.С.).

Тинейджеры протестовали против «выбрасывания» («отказа от») вводных слов вообще: «без них наша речь обесцветится» (А.Е.), «вводные слова – это важная часть текста», «На самом деле я бы ничего не убирал из этого списка, поскольку они мелькают в каждом втором предложении» (И.К.), «каждое слово можно применить в каком-либо случае» (А.К.), «наш словарный запас на половину состоит из вводных слов» (Т.Л.), «Мне кажется, что без этих слов наша речь невозможна» (А.П.); «На самом деле все вводные слова играют свою роль. Я не могу вот так сказать какие убрать, какие оставить. Сейчас в своем возрасте мы используем одни вводные слова, а когда вырастем будем использовать другие» (Т.Л.), «Большую часть вводных слов я бы оставила, чем убрала» (Д.М.).При этом особый протест вызвала идея отказаться от вводных слов, которые «помогают выразить эмоциональность», что абсолютно противоречит результатам в [Маркасова 2009]. Так, ребята писали: «без этих слов человек не проживет и не сможет описывать свои чувства» (Д.А.), «вводные слова, которые выражают чувство говорящего особенно важны» (А.Д.).

Наиболее частотными («используем ежедневно» (Р.Х.)) сегодняшние подростки считают *к счастью, к сожалению, конечно, наверное, очевидно, безусловно, итак, значит, говорят, по словам…, бывает*: «самые распространенные и ходовые … *может быть, видимо, вероятно, возможно*», *по-моему, так сказать, честно говоря*; *по правде*. Более того, некоторые пытались вспомнить, в устной или письменной речи обычно используюттакие слова и конструкции: «…с друзьями использую *разумеется, самое большее, по крайней мере*» (В.Д.), «Чаще всего на уроке, при написании каких-либо письменных работ я использую *следовательно, иными словами, видите, представьте себе, по словам, очевидно* (Н.С.).

Осознавая использование вводных слов как примету «хорошей, красивой и удобной речи» («с их употреблением проще общаться» (В.К.)), юные реформаторы рекомендовали умеренность в их употреблении: «Умных слов должно быть в меру, иначе наша речь превратится в бессвязный бред (А.Е.), а также объединение «близких по смыслу» групп (И.К.). Например, было предложено объединить «выражение чувств» с «экспрессивностью высказывания», «связь мыслей, последовательность изложения» с «указанием на приемы и способы оформления мыслей»(В.К., Н.С.).

Наконец, некоторые предлагали отказаться от «указания на оценку меры того, о чем говорится: «Я считаю, это вполне очевидные вещи (последнее слово зачеркнуто. – *Прим. наше.*) и слова» (А.Д.), «Думаю все остальное, можно оставить, поскольку … часто используется» (Н.С.). Самое радикальное предложение последовало от информанта, в анкете которого значилось наибольшее количество ошибок: «Передомною список вводных слов он очень большой. Мне кажется в нем много лишних слов и их можно убрать».В целом восьмиклассники пришли к выводу, «что редактировать учебник нелегко» (Н.Н.). (И здесь нам хочется поставить сочувственно улыбающийся смайлик.)

---

[33]Орфографические и пунктуационные особенности анкет сохранены; личные данные информантов зашифрованы.

Выпускники в 60% случаев высказались за «нужность» всех вводных слов и конструкций, кроме устаревших и просторечных. Ряд анкет содержал разного рода редакции списка.Для краткости приведем два наиболее типичных комментария: «Я считаю, что в русском языке не нужно убирать вводные слова и конструкции, так как: они придают языку богатство речи; с помощью вводных слов легче донести до собеседника информацию, и, наоборот, легче его понять; вводные слова позволяют уточнить то, что мы хотим сказать; с их помощью мы можем привлечь внимание; они помогают связывать и не терять мысли» (О.М.); «С одной стороны, список вводных слов нужно увеличивать, добавлять сложные вводные слова и словосочетания, которые, может быть, ребенок не слышал. Они могут попасться на экзамене и, если их не знать, стать причиной потери баллов. К тому же, пополнение словарного запаса всегда идет на пользу, а вводные слова делают речь выразительнее. С другой стороны, такие сложные вводные слова (устаревшие, малознакомые), как *чай, дескать, помилуйте*, уже почти не употребляются, им на смену приходят новые, более современные, поэтому вскоре, может быть, их можно будет убрать из сборника» (У.Ш.).

Нужны ли вводные слова тинейджерам? В чем причина отмеченных нами расхождений в результатах анкетирования школьников об их отношении к вводным конструкциям с опросами, проведенными ранее? … В таланте учителя-словесника, прививающего любовь к родному языку? В богатом инпуте и традициях речевой культуры, принятых в семье? В бóльшем количестве прочтенных книг? В «положительно сформулированном» первом вопросе анкеты, не провоцирующем желание подростка ответить «иначе» и «разрушить до основания»? Безусловно, в полученных нами позитивных ответах можно было бы заподозрить, образно выражаясь, неискушенность нестоличной молодежи, если бы не новейшие материалы, поступившие от студентов СПбГУ и петербургских школьников,[34]которые с определенностью свидетельствовали «в пользу» вводных компонентови даже устаревших. Так, рефреном звучало: «Оставить. Используются часто, учащиеся должны знать пунктуационные нормы» (Е.М.). Приведем отдельные комментарии (1–2), в том числе выражающие противоположные точки зрения об употребительности одних и тех же вводных компонентов (3–5). (1) «*С позволения сказать* – так нарочито по-интеллигентски, даже слишком» (М.Ф.); (2) «*Если можно так выразиться* – звучит очень неформально, но в этом и суть, стоит вводить традиционно неформальную речь в учебники и менять ее статус, ведь так можно гораздо точнее выразиться и быть свободнее в выборе лексики» (Е.А.); (3) «*Нечего греха таить* – слишком религиозно для светского образования, плюс концепт греха совсем разрушителен для человеческого сознания, хуже стыда (Е.А.), ср. «Здесь мне все кажется уместным, поскольку конструкции наподобие *нечего греха таить* сложные, и примеры с подобными случаями в школьном учебнике будут очень полезны. Это даст ученику представление о разнообразии вводных конструкций, которые часто состоят из только одного или двух слов» (М.Л.); (4) «*Дескать* … опять же стоит поместить в отдельную категорию устаревших, но убирать упоминания из учебников будет ошибочным решением (Е.А.), ср. «*Дескать* несколько устарело, поэтому я бы его убрала», хотя многие люди (в основном, старшего поколения) все еще используют его» (М.Л.); (5) «*Чай* какое-то устаревшее или просторечное, остальные (вводные. – *Прим. наше.*) оставить» (М.Ф.), ср. «*Чай* – неактуально, но нужно понимать, что это, а то Гоголя не почитать (Е.А.)».

Вместо заключения. Представленные наблюдения и обобщения свидетельствуют о перспективности соединения системно-языкового (грамматического), текстового и онтолингвистического подходов при описании столь сложных лексико-грамматических объектов, которыми являются вводные слова: сочетание подходов позволяет выявить их свойства. Вводные слова занимают особое место в языковой системе — между

[34]Мы благодарим Е. Павлючик и М. Фролову (СПбГУ) за помощь в проведении электронного анкетировании. Объем и качество выборки будут доведены до уровня, пригодного для статистического анализа.

полнознаменательными частями речи и служебными, между лексемами и синтаксемами, между словами и предложениями. Их модусная семантика принадлежит трем модусам: ментальному, эмотивному и речевому. Она может реализоваться в разных синтаксических позициях, однако наиболее важными и связанными друг с другом являются рамочная и вводная позиции. Переход отдельных словоформ разных частей речи в класс вводных слов свидетельствует об их выходе из разряда дескриптивных единиц номинации и приобретении ими статуса дискурсивных эгоцентрических элементов.

Данные речевого онтогенеза эпистемической модальности – наиболее «ранней» семантической сферы, принадлежащей модусу, – указывают на прототипичность средств выражения и – далее – на их ядерный или периферийный системно-языковой статус. Вводно-модальные слова с семантикой неуверенности в достоверности сообщаемого являются первыми средствами выражения эпистемической семантики и — шире — ментального модуса. Они лидируют по разнообразию репертуара и частотности использования в речи. Основная тенденция эпистемического маркирования заключается не только в появлении новых средств выражения рассматриваемой семантики, но и в расширении тех ситуаций (диктумных/объективных пропозиций), по отношению к которым ребенок выражает модальную оценку и свою рефлексию. Особенность эпистемического онтогенеза заключается в том, что маркеры, обладающие высокой эпистемической силой и частотностью в инпуте, имеют шанс попасть в речь ребенка. Более поздний речевой онтогенез эпистемической модальности (по сравнению с деонтической и динамической разновидностями) объясняется ее когнитивной сложностью — вербализацией субъективной позиции говорящего. Полагаем также, что очередность усвоения разновидностей модальности в онтогенезе коррелирует с их диахроническим развитием и связана с грамматикализацией этой категории в русском языке [Казаковская 2017а]. В частности, историки языка указывают на то, что вводно-модальные *видимо* и *возможно* начинают использоваться позже, лишь в XIX веке [Гатинская 2007: 18–19].

Мысклонны предположить, что бóльшая когнитивная зрелость 11-классников, позволяющая им лучше чувствовать позицию автора и таким образом учитывать точку зрения Другого, увеличивает частотность использования вводно-модальных слов с семантикой уверенности. В раннем онтогенезе, заметим, это более поздние и менее употребительные эгоцентрики. На разнообразие эпистемическогои в целом субъективно-модального репертуара подростков способны влиять гуманитарный склад личности и уровень развития коммуникативной компетенции.[35]Повторяемость заданий и многократность создания текста одного стиля и жанра приводят, по нашим наблюдениям, к обеднению репертуара и своего рода шаблонизации в употреблениивводных слов выпускниками (нацеленными на сдачу экзамена установленного формата), что неминуемо начинает сказываться на их письменном творчестве.

Представляется очевидным, что использование вводных компонентов свойственно детям и подросткам, однако в различной степени, как, собственно, и взрослым носителям языка (что подтверждается данными НКРЯ и работами лингвистов, посвященными этой проблематике). Отсутствовали они только в речи одного ребенка – девочки из семьи, социально-экономический статус которой определяется как низкий (*lowSES*)[36], а отказаться от них предложил плохо успевающий по предмету ученик. Вне всякого сомнения, у говорящих / пишущих существуют и излюбленные слова и словечки, которые являются приметой их идиостиля.

---

[35]Результаты гендерных, когнитивных, социально-экономических, психологических и пр. корреляций находятся в процессе обработки. В частности, по предварительным данным, эпистемическая плотность текстов девочек (8 кл.) существенно превышала этот индекс в работах мальчиков.

[36]Подробнее см. (Казаковская 2017а).

Виноградов В.В. (1947) 2000. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.
Гатинская Н. В. 2007. Модально-оценочные слова в современном и историческом контексте // Вестник РУДН. Сер. Вопросы образования: языки и специальность. №1. С. 17–24.
Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. 2004. Коммуникативная грамматика русского языка. М.
Иорданская Л.Н., Мельчук И.А. 2007. Смысл и сочетаемость в словаре. М.
Казаковская В.В. 2016. Эпистемическая модальность в русской детской речи // Грамматические процессы в синхронии и диахронии. Труды ИРЯ РАН им. В.В. Виноградова. Вып. 10.
Казаковская В.В.2017. Языковое и когнитивное в усвоении эпистемической модальности // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. Т. 13. Ч. 3. СПб.
Казаковская В.В. 2019. Вопрос и ответ в диалоге «взрослый – ребенок»: Психолингвистический аспект. М.
Казаковская В.В., Гаврилова М.В. 2019. Вводность и тинейджер (к проблеме точки зрения) // Проблемы онтолингвистики – 2019. СПб. (*в печати*).
Кузнецова С.М. 2017. Системно-синтаксическое описание отадъективных модусных транспозитивов на *–о*. АКД. М.
Кустова Г.И. 2012. Об иллокутивной фразеологии // Смыслы, тексты и другие захватывающие сюжеты. Сборник статей в честь 80-летия И. А. Мельчука. М., С. 349–366.
Овсянико-Куликовский Д.Н. 1912. Синтаксис русского языка. Изд. 2-е. СПб.
Онипенко Н.К. 2013. Модель субъектной перспективы и проблема классификации эгоцентрических элементов // Проблемы функциональной грамматики: Принцип естественной классификации. М.
Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. 1964. Т. 5. Изменения в строе сложноподчиненного предложения. М.
Падучева Е.В. 2016. Модальность. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (http://rusgram.ru). На правах рукописи. М.
Успенский Б.А. 1970. Поэтика композиции. М.
Шахматов А.А. (1920) 2001. Синтаксис русского языка. М.
Kazakovskaya V. V., Argus R. Acquisition of epistemic marking in Estonian and Russian. Estonian Papers in Applied Linguistics.2016. № 12. P. 57–80 DOI: 10.5128/ERYa12.04.
Kazakovskaya V., Argus R., Uziel-Karl S. 2018.The Early Expression of (Un)certainty in Typologically Different Languages: Evidence from Russian, Estonian and Hebrew //Philologia Estonica, 3.https://doi.org/10.22601/PET.2018.03.04

Н. М. Кобозева
Московский университет имени М. В. Ломоносова
(Россия, Москва)
kobozeva@list.ru

КАЛЕЙДОСКОП СОСТАВНЫХ СОЮЗОВ НЕПОСРЕДСТВЕННОГО ПРЕДШЕСТВОВАНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ПОКА НЕ ПРИЗНАННЫЕ, НО УЖЕ ФУНКЦИОНИРУЮЩИЕ СОЮЗЫ

В статье рассматривается один из механизмов образования русских составных союзов непосредственного предшествования, обеспечивающих наличие большого количества показателей связи с одним и тем же значением, одни из которых со временем устаревают и уступают место другим, — механизм грамматикализации темпоральных наречий со значениями ‘сразу’ или ‘скоро’, приводящий к их включению в качестве морфологических элементов в состав этих союзов. К синонимической группе союзов непосредственного предшествования относят: 1) союзные частицы *только*, *лишь*, *едва*, *чуть*; 2) составные союзы, представленные разнообразными сочетаниями указанных частиц (*лишь только*, *едва лишь, едва лишь только* и др.), а также устойчивыми сочетаниями *только* с союзами *как* и *что* — *как только* и *только что*; 3) двухместные союзы, представленные комбинацией вышеуказанных союзных частиц или составных союзов в придаточной части либо с «коррелятом» *так* или *то*, либо с союзом *как*, *и* или *а* в главной части. В статье приводятся синтаксические, просодические и семантические аргументы в пользу того, что в данную группу в современном русском языке должны быть включены также союзы с грамматикализованными наречиями: *сразу как* (*только*), *тотчас как* (*только*). Обращается внимание на то, что составные союзы

непосредственного предшествования с грамматикализованным темпоральным наречием уже существовали в русском языке (см. устаревший союз *как скоро*). Отмечается, что наречия со значениями ‘сразу’ и ‘скоро’ входят в состав союзов непосредственного предшествования и в других языках, что в конечном счете объясняется тождеством условий истинности сложноподчиненных предложений с союзами непосредственного предшествования и сложносочиненных предложений со значением ‘P, и сразу / скоро (т. е. с нулевым / малым интервалом после P) Q’.

Ключевые слова: русский язык, союзы непосредственного предшествования, образование составных союзов, темпоральные наречия, грамматикализация, *сразу как*.

1. Введение

В русском языке есть группа синонимичных подчинительных временных союзов, которые маркируют тот факт, что ситуация, обозначенная придаточной частью, непосредственно предшествует той, что обозначена главной частью. В типологии выражаемое ими темпоральное отношение рассматривается в рамках грамматической категории таксиса и называется «контактным предшествованием» [Храковский 2009, 11–113]. В [Русская грамматика 1980] они называются союзами со значением «непосредственного следования», что нарушает общий принцип номинации типов подчинительных союзов, состоящий в том, что название типа союза отражает семантическое отношение придаточной части к главной (ср. причинные, целевые, уступительные, временные и др. союзы), а не наоборот. В предложениях с союзами рассматриваемой группы придаточная часть находится к главной части в отношении предшествования, а не следования. В соответствии с этим принципом мы и называем союзы данной группы союзами со значением «непосредственного предшествования» (далее — союзами НП), как это принято также в Русской корпусной грамматике [Апресян, Пекелис 2012].

К данной группе в [Русская грамматика 1980] отнесены: 1) союзные частицы *только*, *лишь*, *едва*, *чуть*; 2) составные союзы, представленные разнообразными сочетаниями указанных частиц (*лишь только*, *едва лишь, едва лишь только* и др.), а также устойчивые сочетания *только* с союзами *как* и *что* — *как только* и *только что*; 3) двухместные союзы, представленные комбинацией вышеуказанных союзных частиц или составных союзов в придаточной части либо с «коррелятом» *так* или *то* либо с союзом *как*, *и* или *а* в главной части.

Эксплицируем общее для союзов данной группы значение на примере доминанты этого синонимического ряда — союза *как только*, самого частотного члена группы.

(1) *Как только P*, (*так*) *Q* (для случая, когда P и Q — конкретные единичные события в прошлом) =

1) ‘в t_i ($t_i < t_j$)имело место событие P’
2) ‘в t_j имело место Q’
3) ‘величина интервала I между t_i и t_j минимальна’[37]
4) ‘Q более существенно, чем P’

[37] Иначе говоря, величина I столь мала (в масштабах ситуаций P и Q), что ею можно пренебречь.

Компоненты значения 1-3 относятся к пропозициональному содержанию предложения, а компонент 4 отражает различия в коммуникативных (дискурсивных) статусах / рангах главной и придаточной частей: P – фон, Q – фигура [Talmy 1978], или P – сателлит, Q – ядро [Mann, Thompson 1987].

В главной части СПП с союзами НП факультативно употребляются темпоральные наречия ***сразу, тотчас, сейчас же*** и под., которые согласно [Русская грамматика 1980, § 2984] относятся к функциональной категории «конкретизаторов» — языковых выражений, позволяющих специфицировать интерпретацию союзов «недифференцированного значения». Все такие наречия относятся к семантической группе «адвербиалов типа ПОСЛЕ» [Богуславский 1996], т. е. таких наречных выражений, которые маркируют ситуацию Q, обозначаемую предложением, в котором они употреблены, как наступившую (или долженствующую наступить) после ситуации P, введенной в ближайшем контексте или ясной из ситуации общения. В отличие от других наречий этой группы (*затем, потом, вскоре* и др.) данные наречия дополнительно указывают на «нулевой», или минимальный интервал между P и Q. В ССП с союзом *и*, например, такие адвербиалы в составе присоединяемого конъюнкта, действительно, конкретизируют семантическое отношение между конъюнктами как отношение временного следования, а точнее — непосредственного следования Q за P:

(2) *P, и сразу Q* (для случая, когда P и Q — конкретные единичные события в прошлом)

1) ‘в t_i имело место событие P’
2) ‘в t_j ($t_j > t_i$) имело место Q’
3) ‘величина интервала I между t_i и t_j минимальна’
4) ‘P и Q одинаково существенны’

Как мы видим, семантическое представление (СемП) предложения (2) отличается СемП предложения (1) только в коммуникативном аспекте: в (2) P и Q имеют одинаковый коммуникативный (или дискурсивный) статус. При этом компоненты, формирующие пропозициональное содержание (1) и (2) либо совпадают, либо логически эквивалентны. Действительно, P предшествует Q тогда и только тогда, когда Q следует за P.

Ясно, что в СемП предложений типа (3):

(3) *Как только P, так сразу Q*

дублирующие друг друга пропозициональные компоненты, вносимые союзом НП и наречием *сразу* (или синонимичным ему адвербиалом), конечно, не повторяются, но их повторное выражение в поверхностной структуре создает коммуникативный эффект подчеркивания, подобный тому, который наблюдается и в случаях редупликации некоторых союзов НП, ср. *только-только P, (как) Q*; *едва-едва P,* (*как*) *Q*. И в том, и в другом случае подчеркивается минимальность интервала между предшествующим событием P и следующим за ним Q.

Таким образом, в составе предложений типа (3), содержащих союз НП и наречие *сразу* или любой другой синонимичный ему адвербиал, этот адвербиал в силу его избыточночти почти полностью десемантизируется.

Можно предположить, что именно десемантизация темпоральных наречий со значением ‘сразу’ создает базу для их дальнейшей грамматикализации, которая, как мы покажем далее, приводит к превращению некоторых из них в элементы составных союзов НП.

2. **Союзы НП, производные от темпоральных наречий *сразу и тотчас*.**

Обращение к НКРЯ позволяет увидеть, что в [Русская грамматика 1980] при всем желании авторов дать полную картину языковых средств, выражающих семантические отношения между предложениями в составе СПП, не замеченными остались составные союзы, которые образованы на основе темпоральных наречий *сразу* и *тотчас.* Они не вошли в список синонимов союза *как только,* приведенный § 2984.

Анализ корпусных данных показывает, что в ряд союзов НП в современном русском языке вошел союз *сразу как.* Поиск по НКРЯ на дату обращения 04.12.2018 выдал десятки примеров, подобных нижеследующим[38]:

(4) *Сам он посетил Чехова за день до отъезда того за границу,* ***сразу как*** *приехал в Москву.* [Руслан Киреев. Чехов. Посещение Бога // «Нева», 2004]

(5) *Вечером, т. е.* ***сразу как*** *приехали, позвали Лифшицев чай пить с пирогами …* [Нина Катерли. «Сквозь сумрак бытия» // «Звезда», 2002]

(6) *Давид Якобашвили говорит, что о музее начал думать* ***сразу, как*** *стал собирать коллекцию*...[Ирина Осипова. Новые русские музеи // «Эксперт», 2014]

(7) *Мы учимся погружением и сдаем* ***сразу, как*** *освоили предмет*. [коллективный. Форум: 227 школа (2013)]

(8) *У меня пудель воет* ***сразу как*** *я за порог…* [коллективный. Форум: Ошейник АНТИЛАЙ ПОМОГАЕТ ЛИ ОШЕЙНИК (2011-2013)]

(9) **—** *Я прислала тебе ее* ***сразу, как*** *ты пришла.* [Полина Волошина, Евгений Кульков. Маруся (2009)]

Предложения (4) — (9) показывают, что пунктуационно союз *сразу как* оформляется пока по-разному. При постпозиции придаточного чаще между *сразу* и *как* мы видим запятую, но при этом *сразу* просодически не отделяется от *как*. Если в предложениях этого типа и есть просодический шов, то он проходит перед *сразу*, а не после этого первого элемента союза, точно так же, как это происходит в случае прочих составных коннекторов — *как только, едва лишь, только лишь, едва лишь только, едва-едва* и др. Такое расхождение не удивительно. Несоответствие между пунктуацией и просодией — не редкое явление в русском языке, см. (Кобозева, Захаров 2014).

Широко представлена в корпусе и трехэлементный составной союз *сразу, как только* (191 пример на указанную выше дату):

---

[38] Мы не можем назвать точное число релевантных примеров из 739 выданных вхождений по запросу биграммы «*сразу* на расстоянии 1 от *как*», потому что среди них попадаются предложения с другой семантико-синтаксической структурой, напр., *Мишину отпустили* ***сразу, как*** *и всех вызванных женщин….* К тому же в выдачу по такому запросу попадают и примеры с союзом *сразу как только*. Тут требуется статистический анализ, подобный тому, который был проведен в отношении освященных авторитетом академической гнрамматики союзов НП в [Киданова 2017].

(10) ***Сразу, как только*** *я приехала, мы устроили репетицию.* [Татьяна Тарасова, Виталий Мелик-Карамов. Красавица и чудовище (1984-2001)]
(11) *Тумаш уснул* ***сразу, как только*** *свалился наземь…* [Василь Быков. Болото (2001)]
(12) *Замуж она быстро выскочила.* ***Сразу, как только*** *кончила учиться на учительницу английского языка.* [Петр Акимов. Плата за страх (2000)]
(13) *… Они позвонят?* ***— Сразу, как только. —*** *Ну что ж…* [Виктор Пронин. Банда 8 (2005)]
(14) *Мы работаем без сна почти 20 часов — и это только в пещере, а ведь мы начали спуск не* ***сразу, как только*** *проснулись.* [Константин Серафимов. Экспедиция во мрак (1978-1996)]
(15) *Пушкин пишет пародию на Шекспира…,* ***сразу как только*** *сам стал нашим Шекспиром.* С. Г. Бочаров. О возможном сюжете: «Евгений Онегин» (1999)]
В письменном тексте, за исключением единичных, примеров типа (15)[39], *сразу* и *как только* разделены запятой. При этом, если придаточное в препозиции, то просодического шва между *сразу* и *как только* нет, элементы союза следуют один за другим без пауз, аналогично элементам союза *едва лишь только. Сразу* в (10) вместе с *как только,* несомненно, образуют союз, синтаксически и семантически относящийся к придаточной части, а не к главной части, в которую, если ориентироваться на пунктуацию, якобы вложено придаточное, начинающееся с *как только*. В этом легко убедиться, если попробовать устранить из (10) составляющую, возглавляемую *как только*. Оставшаяся цепочка (*Сразу мы устроили репетицию*) имеет неестественный для русского языка порядок слов, поскольку в предложениях с ненулевым подлежащим наречия с семантикой непосредственного следования, к которым относится *сразу*, занимают позицию после группы подлежащего (*Мы сразу устроили репетицию*).
Что касается СПП типа (11) с сочетанием *сразу, как только* на границе между главной и придаточной частью, то в них данное сочетание может произноситься как с паузой между *сразу* и *как только*, так и без паузы. Но, с паузой или без нее, было бы странно рассматривать *сразу* как «конкретизатор» значения союза *как только*. Не случайно в «Русской грамматике» все типы адвербиальных «конкретизаторов» при союзах НП иллюстрируется примерами, в которых адвербиал находится в постпозитивной главной части, см. (Ук. соч., § 2984).
Ярким свидетельством того, что элемент *сразу* в сочетании *сразу, как только* синтаксически относится к придаточной части (образует с ней одну составляющую), а не к главной части, служит отделимость конструкции *сразу, как только Р*. Как известно, отделимость — один из синтаксических критериев фразовой категории [Тестелец 2001, 134-135]. В данном случае это категория союзной группы, или (придаточной) клаузы. Отделимость

[39] Заметим, что данный пример взят из текста, написанного филологом, и можно думать, что в данном случае пунктуационное оформлении более точно отражает коммуникативный замысел автора.

представлена в форме парцелляции в (12), и в форме фрагментирования в (13). Слово *сразу* в рамках парцеллированной или фрагментированной части уже не совпадает по значению с наречием *сразу*, указывающим на то, что ситуация, обозначенная предикатом клаузы, с «нулевым» интервалом **следует** за некоторой другой ситуацией, введенной в рассмотрение ранее, поскольку предикат парцеллированной или фрагментированной вместе со *сразу* клаузы (который в (13) был опущен) обозначает ситуацию, которая **предшествует** введенной ранее. Это означает, что наречие *сразу* **грамматикализовалось**, став элементом союзов НП *сразу (,) как* и *сразу (,) как только*.

Впрочем, процесс грамматикализации еще не вполне завершился. Об том свидетельствует возможность модифицировать наречный элемент союза при помощи наречия *почти*, как в (16) или частицы *же*, как в (17):

(16) *Кирик, он из командировок без подарков никогда не возвращался и камешки начал мне дарить очень давно,* ***почти сразу как*** *поженились.* [Марина Зосимкина. Ты проснешься. Книга первая (2015)]

(17) *Она вскочила* ***сразу же, как*** *скрылся Прат…* [Юлия Лавряшина. Улитка в тарелке (2011)]

Еще одним семантическим доказательством принадлежности *сразу* придаточной клаузе служит сфера действия отрицания в предложениях типа (14). Если бы *сразу* было наречием в функции обстоятельства времени в составе главной части, то придаточное с союзом *как только,* следующее за этим наречием, должно было бы пониматься как уточняющее обстоятельство времени. В такой конструкции показатель отрицания при первом обстоятельстве включает в свою сферу действия (СД) только его, но не второе обстоятельство. Так, в предложении *Мы пробыли в пещере не долго, до обеда*, обстоятельство *до обеда* не входит в СД отрицания. То есть, компонент смысла ‘Мы пробыли в пещере до обеда’ не отрицается. Аналогично в (14) не должен был бы отрицаться компонент смысла, соответствующий обстоятельственному придаточному *как только проснулись* — ‘интервал между t_i , когда (мы) проснулись, и t_j (когда мы начали спуск) был минимальный’. Но единственно возможная интерпретация (14) — та, в которой отрицается именно этот компонент смысла: ‘интервал между t_i , когда мы проснулись, и t_j (когда мы начали спуск) НЕ был минимальным’ (т. е. к 20 часам беспрерывной работы в пещере надо добавить еще какое-то время, проведенное без сна). Гипотетическая интерпретация, в которой отрицание включало бы в свою СД *сразу*, но не включало *как только (P)* должна была бы выглядеть так: ‘мы начали спуск в t_k после некоторой ранее упомянутой ситуации X, имевшей место в t_i; интервал между t_i и t_k НЕ был минимальным; мы проснулись в t_j; интервал между t_j и t_k был минимальным’. Такая интерпретация соответствовала бы, например, следующему сценарию: мы могли бы начать спуск в пещеру сразу по прибытии на место, но решили лечь поспать и начали спуск, как только проснулись. Но такая интерпретация совершенно не вписывается в контекст

(14). Таким образом, *сразу, как только* попадает в сферу действия отрицания как одно целое — составной союз НП.
Союзы *сразу как* и *сразу как только* (теперь мы имеем основания записывать их без противоречащей синтаксическому и семантическому членению СПП запятой перед *как*) по данным основного корпуса НКРЯ более частотны, чем такие удостоенные упоминания в [Русская грамматика 1980] союзы «непосредственного следования», как *едва лишь, чуть только, лишь, только-только, едва-едва, только лишь, только чуть, чуть лишь* (см. данные о частотности последних, полученные в корпусном исследовании [Киданова 2017]).
Очевидно, что составные союзы с элементом *сразу* занимают место их устаревающих синонимов *тотчас как* и *тотчас как только,* также обойденных вниманием в «Русской грамматике». Вот лишь несколько примеров из НКРЯ с составными союзами с элементом *тотчас*:
(18) *На карточке его была приписана просьба быть к нему непременно,* ***тотчас как*** *возвращусь.* [Роман Шмараков. Камеристка кисти Клотара // «Сибирские огни», 2013]
(19) *Лариса,* ***тотчас как только*** *осталась одна с Подозеровым, взяла его за руку* ... [Н. С. Лесков. На ножах (1870)]
По внутренней форме пары союзов с элементом *сразу* и с элементом *тотчас* аналогичны: *тотчас* – книжный синоним *сразу* в современном русском языке. В НКРЯ союзы НП, производные от наречия *тотчас* встречаются значительно реже, чем их синонимы, производные от *сразу*: всего 41 вхождение *тотчас как только* против 191 вхождения *сразу как только*. При этом большая часть примеров с союзом *тотчас как (только)* (примерно две трети) относится к XVIII-XIX векам, а среди тех, которые относятся к XX веку, отсутствуют примеры из разговорной речи или интернет-коммуникации.

3. Устаревшие союзы НП, производные от темпоральных наречий.

Единственный союз НП с элементом наречного происхождения в его составе, упомянутый в «Русской грамматике» в набранном петитом примечании, — это устаревший союз *как скоро*, снабженный соответствующей стилистической пометой (устар.).
В НКРЯ мы обнаружили два союза НП, производные от наречия *скоро — как скоро* и *тотчас как скоро*, в настоящее время вышедшие из употребления. Союз *как скоро* представлен в НКРЯ шестью примерами, из которых последний по времени относится к 1928 году:
(20) *… больные, присланные в дом умалишенных заблаговременно, т. -е.* ***как скоро*** *обнаружились первые признаки их сумасшествия, нередко, выздоравливают совершенно.* [Ю. В. Каннабих. История психиатрии (1928)]
Союз *тотчас как скоро* представлен восемью примерами, относящимися к XVIII-XIX векам, последний из которых по времени принадлежит перу Льва Толстого:

(21) *Соблазны власти… представляются достойной целью деятельности людей только до тех пор, пока она не достигнута, но* ***тотчас, как скоро*** *человек достигает их, обличают свою пустоту и теряют понемногу свою притягательную силу…*_[Л. Н. Толстой. Царство Божие внутри вас, или христианство не как мистическое учение, а как новое жизнепонимание (1893)]

Еще один вышедший из употребления «деадвербиальный» союз НП — это *только что.* Трактовка его в [Русской грамматике 1980] как непосредственно произведенного от частицы *только,* представляется нам ошибочной. Союз НП *только что* в деривационном аспекте отличается от всех прочих составных союзов с элементом *только*. Если в образовании последних непосредственно участвует семантический дериват ограничительно-выделительной частицы *только*, то союз *только что* связан с этой частицей опосредованно, а непосредственно он образован от темпорального адвербиала *только что*. В режиме дискурса этот адвербиал обозначает момент времени, непосредственно предшествующий моменту речи, а в режиме нарратива — моменту в прошлом, заданному в ближайшем контексте (ср. *Пойдем пообедаем. — Я только что пообедал* и *Меня пригласили к столу. Я только что пообедал, и потому отказался от угощения*). Очевидно, что данный адвербиал служит маркером таксиса контактного (= непосредственного) предшествования. В синтаксической позиции союза, связывающего две клаузы, такой адвербиал приобретает союзную функцию, практически не меняя своего таксисного значения.

В основном корпусе НКРЯ зафиксировано всего два примера, оба относящиеся к XIX в., один из которых одноместный, а второй — двухместный, см. (54):

(22) *P. S.* ***Только что*** *собрался бросить в ящик предыдущие два листика,* ***как*** *получил Ваше дорогое письмо.* [П. И. Чайковский. Письма Н. Ф. фон-Мекк (1882)]

Место данного союза в грамматике современного русского языка должно быть там же, где находится союз *как скоро* — в примечаниях[40].

4. Отдельные параллели в других языках

Отметить, что составные союзы НП, образованные от наречий со значением ‘сразу’ и ‘скоро’, встречаются и в других языках.

Так, во французском языке существует союз НП *aussitôt que*, букв. ‘сразу что’. Это точная параллель русскому *сразу как*, если учесть, что элемент *que* восходит к единственному во французском языке изъяснительному союзу (комплементатору) *que*, а в русском языке действуют два комплементатора — *что* и *как*, выбираемые в зависимости от логического типа придаточной

[40] Причиной попадания *только что* в список «действующих», не устаревших временных союзов, вероятно, был авторитет А.М. Пешковского, который в своем знаменитом труде именно на примере СП *только что он вошел, (как) началась музыка* разъяснял трудности разграничения сочинения и подчинения в случае, когда компоненты того, что мы называем двухкомпонентным коннектором, оказываются в разных предложениях в составе СП (Пешковский 1935, 413-414).

клаузы: *что* — тип «факт / пропозиции», *как* — тип «событие» [Арутюнова 1988, Падучева 1986]. В [Кобозева 2019] на этой основе объясняется, почему в составе временных союзов в русском языке может фигурировать элемент *как*, но нет ни одного временного союза с элементом *что*. Таким образом, элемент *как* в составе союза НП *сразу как* безальтернативен.

В английском языке существует союз НП *as soon as*, букв. ‘как скоро как’. Это почти точная параллель устаревшему русскому *как скоро*, если не считать дублирования *as*. Напомним, что в группе русских союзов НП встречаются союзы, образованные путем редупликация союзных частиц: *едва-едва*, *только-только*. Но трехэлементных союзов с двумя совпадающими элементами не встречается. Даже если речь идет об двухместных союзах, элемент, находящийся в главной части, не может совпадать ни с одним из элементов составного союза, находящегося в придаточной части. В [Русской грамматике 1980] это формулируется в виде правила, запрещающего использовать элемент *как* в главной части, если в придаточной употребляется союз *как только*. Возможно, однако, что этот запрет продиктован не собственно языковыми ограничениями, а чисто стилистическими соображениями. Ср. нарушающий данный запрет пример СПП из романа всеми признанного русского писателя:

(22) ***…как только*** *вы явитесь в кальсонах в милицию и скажете, что виделись с человеком, лично знавшим Понтия Пилата,* ***— как*** *моментально вас привезут сюда, и вы снова окажетесь в этой же самой комнате.* [М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита, часть 1 (1929-1940)]

Возможно, это стилистические погрешность, не замеченная редактором, возможно — опечатка, но ощущения грамматической неправильности в любом случае не возникает.

В связи с указанными параллелями возникает вопрос: в случае составных союзов с наречными элементами имеем ли мы дело с влиянием французского или английского языков на русский, или же это независимые проявления сходства путей семантической деривации? Однако это тема для отдельного диахронического сопоставительного исследования. Отметим лишь, что в отличие от русских «деадвербиальных» коннекторов, их французские и английские аналоги в письменной форме не имеют запятой между исходно наречным и исходно союзным элементами коннектора.

Литература

Апресян В. Ю., Пекелис О. Е. Подчинительные союзы // Русская корпусная грамматика [Электронный ресурс] URL: http://rusgram.ru/, 2012.

Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М. : Наука, 1988. 341 с.

Богуславский И. М. Сфера действия лексических единиц. М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. 464 с.

Киданова М. Е. Корпусное исследование структуры составных коннекторов, выражающих отношение контактного предшествования // Вестник Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2017. № 4.
Кобозева И. М., Захаров Л. М. Просодия как ключ к пониманию смысла и ее искажение в «кривом зеркале» пунктуации // Филология и культура. Philology and culture. 2014. № 2 (36). С. 27–32.
Кобозева И. М. Семантика и дистрибуция союзов *что* и *как* в функции комплементаторов // Русская грамматика: Структурная организация языка и процессы языкового функционирования. Москва: URSS, 2019. С. 33–42.
Падучева Е. В. О референции языковых выражений с непредметным значением» // Научно-техническая информация. Сер. 2. 1986. № 1. С. 23–31.
Русская грамматика. Т. 2. Синтаксис / гл. ред. Н. Ю. Шведова. М. : Наука, 1980. 709 с.
Тестелец Я. Г. Введение в общий синтаксис. М. : Изд-во РГГУ, 2001. 798 с.
Храковский В. С. Таксис: семантика, синтаксис, типология // Типология таксисных конструкций / отв. ред. В. С. Храковский. М. : Знак, 2009. С. 11–113.
Mann W., Thomson S. A. Rhetorical Structure Theory: A Theory of Text Organization. University of Southern California, 1987.
Talmy L. Figure and Ground in Complex Sentences. // Universals of human language. Vol. 4. Syntax / ed. by J. Greenberg. Stanford, CA: Stanford University Press,1978. P. 625–649.

Г. И. Кустова
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
galinak03@gmail.com

Стратегии кодирования неагентивного субъекта

Агентивная ситуация может получать неагентивную концептуализацию, если на ее реализацию влияют неблагоприятные (реже — благоприятные) факторы. Одна из стратегий — конструкция *У Х-а Р* с посессивным кодированием субъекта.

Ключевые слова: агенс, посессор, контроль, неагентивная концептуализация

Речь пойдет о двух – взаимосвязанных – способах кодирования неагентивного субъекта – формах *у* + Род. и Дат. Группу *у* + Род. будем называть посессивной группой.

Вообще, посессивной группой в русском языке (РЯ) кодируются самые разные субъекты [Золотова 1988]: субъект состояния: *У него грипп*; субъект будущего действия – своего рода профетическое употребление: *Сегодня вечером я занят. У меня встреча*. Это уникальная конструкция. Формально это настоящее время, хотя тут нет глагола. И оно, теоретически, должно обозначать текущее состояние – *Окно закрыто* (сейчас). Если у глагола есть и синхронное настоящее (с синхронным наблюдателем), и настоящее историческое (*Иду я вчера по улице*) и настоящее профетическое (*Завтра я еду в командировку*), то у существительного должно быть синхронное настоящее. Но в данном случае у существительного – настоящее профетическое. *У меня встреча* может обозначать ‘сейчас встреча’ и ‘в будущем встреча’. Посессивное кодирование бывает у субъекта характеристики: *У тебя все не как у людей*; *У тебя семь пятниц на неделе*. Т.е. у самых разных с семантической точки зрения ситуаций субъект может кодироваться посессивной группой.

Датив тоже имеет много значений, которые можно разбить на 2 большие группы – субъекта (напр., в инфинитивных и безличных конструкциях) и, условно говоря, объекта – это реципиент (*дать кому яблоко*), бенефактив (*помочь маме вымыть посуду*), адресат.

Вообще, у отдельного глагола слишком маленький захват – одна ситуация. А в жизни ситуации взаимосвязаны и образуют единый сценарий – цепочки событий. И одни и те же участники переходят из одной ситуации в другую, с одного интервала на другой.

Реципиент и бенефактив тесно связаны с посессором – это части единого сценария. Например, реципиент некоторой ситуации: *Он дал мне Х*, – на следующем интервале становится посессором и выражается формой *у* + Род.: *У меня есть Х*.

Но глагол *дать* имеет семантическую роль реципиента. А бывает так называемый дательный выгоды, или дательный интереса – это свободный дательный: *Бабушка вяжет варежки внуку* – на следующем интервале у внука будут варежки. У *вязать* в модели управления нет датива. Это бенефактив, в интересах которого совершается действие. Т.е. данная концептуализация захватывает следующий интервал, где бенефактив станет посессором. Но это не обязательно обладание конкретным предметом – речь может идти вообще о полезном результате в более широком смысле. Т.е. здесь происходит вовлечение посессора из следующей ситуации.

Другой вариант – вытеснение субъекта из некоторой ситуации, – например, агенса, – который затем кодируется посессивной группой.

Бывает вытеснение агенса из текущей ситуации и из предыдущей ситуации:

ТЕКУЩАЯ СИТУАЦИЯ – два варианта.

(1) Ситуации с инициальным контролем

Бывает синхронный контроль – когда Агенс занят на всем интервале ситуации, и ситуация не совершается без участия субъекта. А бывают ситуации, когда агенс только запускает процесс, но не участвует в каждый момент ситуации, т.к. используется энергия из внешнего источника: *Я сушу белье*, *Я варю суп*, *Я печатаю статью* (на принтере), *Я проветриваю комнату*. В таких ситуациях можно сказать: *У меня суп варится, комната проветривается, белье сушится, статья печатается* (на принтере).

Во-первых, это не пассив, а во-вторых, это не агенс. Некорректно было бы сказать, что агенс кодируется посессивной группой (ПГ). Агенс не может кодироваться ПГ: **У меня красится стена* – так сказать можно, но в смысле ‘пачкается’. Такая конструкция,

наверное, могла бы быть, но в русском языке ее нет. Агенс может кодироваться Им.п. в активной конструкции и творительным – в пассивной. В данном случае можно говорить, что референт Агенса – контролер данного фрагмента мира, данной ситуации – кодируется ПГ. Пассива у этих конструкций практически нет – именно потому, что Агенс ничего не делает.

И здесь есть совершенный вид на –ся, чего не бывает в пассиве.

Это не пассив – есть СВ: *У меня суп сварился*.

(2) Второй вариант вытеснения Агенса из текущей ситуации – потеря контроля: деятельность есть, а результата нет.

Агенс может вытесняться из главной синтаксической позиции – это пассив, – а может вытесняться из семантической структуры:

У меня мотор не заводится

У меня замок не открывается

Физически это одна и та же ситуация – просто разные концептуализации. Получается склеивание ситуаций: Агенс действует на этом интервале (в отличие от конструкции *У меня суп варится*) – агентивная представляет собой попытку, не достигающую результата, а посессивно-модальная показывает утрату контроля Агенсом:

Х заводит / пытается завести мотор / У Х-а не заводится мотор.

В некоторых работах эта конструкция считается модальным пассивом. В таком случае можно считать, что это просто другое значение слова пассив, потому что пассив – это производная диатеза.

Итак, мы рассмотрели случаи вытеснения Агенса из синхронной ситуации.

Но агенс может вытесняться и в связи с переходом на следующий интервал

АГЕНС – ВЛАДЕЛЕЦ РЕЗУЛЬТАТА

Я сдал экзамен – на следующем интервале: *У меня экзамены сданы / У меня уроки сделаны*. *У меня* – это уже не агенс, а посессор. Он, так сказать, владелец результата.

Вообще, интерпретация таких конструкций очень прагматически обусловлена и связана с семантикой предиката, ср.: *У меня об этом две статьи написаны*; но странно звучит: ?*У меня выучено стихотворение* – возможно, потому, что человек учит не для себя, а по заданию учителя. А *уроки сделаны* может означать то, что вечер свободен, и можно идти гулять – и вот этим результатом владеет и может пользоваться субъект.

Совершенно по-другому интерпретируются формально такие же предложения типа *У меня ФОРТОЧКА открыта* – они произносятся с другой интонацией и имеют другую коммуникативную организацию: *У меня экзамены сданы* – ударение на сказуемом; *У меня ФОРТОЧКА открыта* – на подлежащем, – потому что цель не в открытии форточки, а в том, чтобы проветрить. Это нечленимая рема (ср. пример Т.Е. Янко *Тише, бабушка спит*]– ответ на вопрос «Почему у тебя холодно» или объяснение, почему не надо заходить в комнату.

Здесь много прагматических факторов, которые меняют смысл.

Во 2-м лице посессор может интерпретироваться как субъект ответственности.

УПРЕК

Почему у тебя форточка открыта? – т.е. ты виноват, что холодно. Т.е. контроль над состоянием сохраняется за агенсом (ср.: *Почему у тебя уроки не сделаны?*)

В отличие от: *У тебя форточка открылась* – это деагентив: Сама открылась [Падучева]. Фразу *Почему у тебя форточка открылась?* невозможно интерпретировать как упрек. Это вопрос просто о причине.

Но если цель – именно открыть, чтобы было открыто, то ударение опять на сказуемом: *У меня дверь ОТКРЫТА, входи*.

Еще важно заметить, что краткое страдательное причастие может иметь, как известно, значение статального перфекта (состояния) и акционального перфекта –

события, ср. *Магазин был открыт в 10 часов* – это событие, акциональный перфект; или: *Наконец, хоть и с большим трудом, дверь была открыта* – событие.

Но при наличии посессивного субъекта конструкция – *У меня* + кратк. причаст. – не может выражать событие, т.е. не может иметь значение акционального перфекта:

**Наконец у меня дверь открыта*

Можно: *В кои-то веки у него дверь открыта*

Другой случай неагентивного субъекта – БЕНЕФАКТИВ – тоже связан с посессором. Человек что-то делает не для себя, а для другого человека. Этот другой человек – получатель пользы – имеет роль бенефактива. Бывает и получатель вреда – малефактив. Прототипически бенефактив выражается дательным, и это может быть валентность глагола:

Ты мне помогаешь / мешаешь

В этом случае они выглядят симметрично, но вообще, конечно, польза и вред не симметричны.

Бывает и свободно присоединяемый бенефактив – так называемый дательный пользы. Это не-участник ситуации, а просто лицо, в интересах которого производится действие:

Я купил тебе молока

То же – в просьбах (вообще, в побуждениях):

Открой мне дверь

Посчитайте нам (в ресторане)

Это будущий посессор – владелец результата – но в рамках данной ситуации это бенефактив, и кодируется он дативом. Кажется, что тут особых ограничений быть не должно, т.к. любую ситуацию можно выполнить в интересах другого человека.

Но на самом деле этот бенефактив употребляется довольно избирательно, и тут возникают значительные сложности в преподавании РКИ – трудно объяснить иностранцам, каковы правила и ограничения в употреблении свободного бенефактива:

Я тебе суп варю – правильное предложение. Здесь подлежащее – Агенс, он контролирует действие в интересах бенефактива. При другой концептуализации предложение звучит плохо (скорее всего – неправильно):

?*Тебе суп варится / подогревается* – скорее: *Твой суп варится / подогревается* - просто посессор.

Бенефактив выражается, но другой формой: *Суп для тебя варится*. Это другая концептуализация. Выражение бенефактива формой *для тебя* не создает единое пространство. Датив *тебе* – как бы связывает ситуации – за счет того, что у агенса есть цель обеспечить бенефактива каким-то результатом.

И этот бенефактив – референт дательного – оказывается втянутым, вовлеченным в текущую ситуацию, между ним и текущей ситуацией создается отношение, пусть и ментальное – за счет того, что агенс имеет в виду сделать Р для бенефактива.

Здесь желательно, чтобы бенефактив был будущим посессором какого-либо конкретного предмета:

Принеси ей стул;

Поставь ему тарелку = для него. Эта тарелка не его, но будет его. Как бы будущий посессор

?*Задерни мне шторы* – может быть, шторы не мои, а может быть, даже мои, но предложение не является корректным. Однако: *Включи мне свет* – правильно и приблизительно означает (имплицирует) ‘мне темно’.

?*Выключи мне свет* – хотя <u>мне</u> бенефактив: мне свет мешает спать, и выключение света – это польза для меня.

**Посмотри мне в окно: дождя нет?* – это действие в моих интересах – но предложение неправильно – может быть, потому, что нет обладаемого, ср., однако: *Посмотри мне почту* – для меня, с тем же глаголом – нормально.

Здесь действует много прагматических факторов, иногда плохо объяснимых.

бенефактив

?*Я им с собакой гуляю* – с их собакой;

Он нам стоянку охраняет – мы его наняли, чтобы он делал Р в наших интересах.

Он у нас стоянку охраняет – здесь нет информации, кто его нанял, просто это наша стоянка.

Но: **Он мне за безопасность отвечает → Он у меня за безопасность отвечает* – я хозяин предприятия или начальник, и это действие в моих интересах, но все равно должно быть *у меня*.

Возможно, потому, что здесь нет обладаемого объекта, который находится в распоряжении бенефактива – как *стоянка*.

(Бывает *Ты мне за это ответишь* – это другой дательный – этический).

Еще примеры:

Преподаватель прочитал нам лекцию – можно считать, что у чтения лекций просто есть адресат. Но он же отчасти и бенефактив – здесь есть бенефактивная семантика: можно сказать *прочел для нас лекцию*.

**Преподаватель провел нам занятие* – кажется, что этот запрет объясняется тем, что *провел* не предполагает бенефактива, но:

Он нам проводит корпоративы – по нашей просьбе для нас.

Т.е. дело не в глаголе, а в прагматических соображениях: преподаватель обязан читать лекции (это не одолжение), а студенты обязаны их посещать, поэтому их нельзя интерпретировать как бенефактив, это другие отношения.

То же самое: ?*Преподаватель проверил мне сочинение* – в значении ‘мое сочинение’

Но если я его попросил проверить сочинение вместо меня, т.е. сделать мою работу, тогда правильно.

?*Сейчас вам документы проверят, и можете идти* – это тоже действие не в интересах, а по обязанности – *у вас проверят* (*У вас* – тоже выражение внешнего посессора).

Ср.: *Сейчас вам зрение проверят, и можете идти* – это действие в ваших интересах.

Т.е. не любой посессор может выражаться дательным, недостаточно, чтобы объект кому-то принадлежал.

Последние примеры – и некоторые предыдущие – это так называемый дательный посессивный. Этот синтаксический процесс еще называется подъем посессора: посессор, выражаемый при существительном притяжательным местоимением, переподчиняется глаголу, управляющему этим существительным, и выражается уже дательным.

Есть большая литература (ср. [Кибрик 2003]), существуют разные способы повышения синтаксического ранга посессора ([Рахилина 2010], [Апресян 2010]). Но что касается именно дательного – то неоднократно отмечалось, что здесь есть семантическое приращение – бенефактив: *Он мне пуговицу пришил* или малефактив: *Он сломал мне руку / Он мне пятно посадил*. Но можно сказать, что здесь происходит нейтрализация нормального бенефактива и поднятого посессора – важно не то, что это посессор, а то, что это бенефактив:

Донеси мне сумку – это мою сумку, а *Принеси мне стул* – это не мой стул, а просто ‘для меня’.

И снова есть неочевидные прагматические ограничения:

Ты мне всю клубнику потоптал; *Ты мне суп пересолила* – мою клубнику, мой суп

Ты мне экран загородил – не мой экран, просто малефактивная ситуация – вред

?*Он мне вазу любимую разбил* – моя ваза

**Ты мне всю воду выпил* – мою воду

**Ты мне опять свет не выключил*

**Ты мне деньги зря потратил* – мои деньги

Клубнику потоптал – значит, клубники нет, а воду выпил значит воды нет.

Несимметричность: СКЛЕИВАНИЕ С АДРЕСАТОМ

Глагол *назначить* сам по себе управляет дативом со значением адресата: *Вам назначили процедуры* – это бенефактив, склеенный с адресатом. В пассиве можно сказать и *Вам назначены процедуры* и *У вас назначены процедуры* – это разная концептуализация, но и то и другое возможно – у вас значит наступление нового состояния и всего, что с ним связано: например, *У вас назначены процедуры на 5 ч, вы не можете пойти в кино* - у вас занято это время.

Но: *Вам назначено наказание / Вам назначен штраф*

**У вас назначено наказание / У вас назначен штраф*

Не обязательно отрицательная ситуация:

*Вам переданы полномочия – *У вас переданы полномочия* = у вас есть

*Вам вручена повестка - *У вас вручена повестка*

Таким образом, выбор форм Дат. или у + Род. при выражении бенефактива помимо семантических условий регулируется еще совокупностью прагматических факторов.

Литература

1. *Золотова Г.А.* Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М.: Наука, 1988. 440 с.
2. *Кибрик А.Е.* Внешний посессор в русском языке // Кибрик А.Е. Константы и переменные языка. СПб.: Алетейя, 2003. С. 307–319.
3. *Кибрик А.Е., Брыкина М.М., Леонтьев А.П., Хитров А.Н.* Русские посессивные конструкции в свете корпусно-статистического исследования // Вопросы языкознания, 2006. № 1. С. 16–45.
4. Possessive and Beyond: Semantics and Syntax / Ed. by Kim J., Lander Yu.A., Partee B.H. GLSA Publications, Amherst, Mass., USA, 2004. 439 p.
5. *Рахилина Е.В.* Конструкция с дательным посессивным // Лингвистика конструкций / Отв. ред. Рахилина Е.В. М.: Азбуковник, 2010. С. 289–308.
6. *Карттунен Л.* Логика английских конструкций с сентенциальным дополнением // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. М.: Прогресс, 1985. С. 303–332.
7. *Зализняк Анна А.* О понятии импликативного типа (для глаголов с пропозициональным актантом) // Логический анализ языка. Знание и мнение. М.: Наука, 1988. С. 107–121.

Крылов С. А.

(ИВ РАН)

(Москва)

Krylov-58@mail.ru

Концепция «формальной парадигматики» в русистике: опыт металингвистического комментария с точки зрения неоструктуралистского подхода в грамматическом описании [41]

АННОТАЦИЯ: В докладе рассматривается.

Ключевые слова: граммема, русский язык, грамматическая категория, грамматическая форма, квазиграммема, флективность, синтетизм, агглютинация, аналитизм, грамматическое значение, лексикализация, грамматикализация, аналитические формы, парадигма, словоизменение, формообразование, части речи, грамматические разряды, формальная парадигматика.

0.0. Вводные замечания

§ 0.1. Предмет анализа

Предметом анализа в настоящей работе является концепция «формальной парадигматики» (далее - ФПП), развитая А. К. Поливановой в работах Поливанова 1990, Поливанова 2001/2008. ФПП представляет значительный интерес как для общей теории грамматики (далее - ОТГ), так и для теории русской грамматики (далее - ТРГ), поэтому здесь уместно будет дать «металингвистический» комментарий к ФПП. Изложение ведётся с позиций т .н. неоструктуралистского подхода (далее - НСтрП) к ТРГ.

Предметом внимания в ФПП является набор грамматических классов лексем (иными словам, «частей речи», «грамматических разрядов»), набор грамматических категорий, набор словоизменительных разрядов, система словоизменительных парадигм (а также «субпарадигм», или «подпарадигм»), и грамматическая классификация словоформ в русском языке (РЯ). Сперва остановимся на отличительных особенностях ФПП по сравнению с предшествующими концепциями ТРГ (одновременно отмечая при этом и сходства ФПП с некоторыми из этих концепций). Особый интерес представляет соотнесение ФПП:

(а) с «канонической» точкой зрения, принятой в современной русистике;

(б) с разными вариантами «традиционных» ТРГ;

(в) с так наз. «формально-грамматической школой» (ФГШ) в русистике 1920-х гг.;

(г) с концепцией А. А. Зализняка (в книгах РИС, ГСЗ).

§ 0.2. Грамматика синхроническая vs. грамматика диахроническая.

Эксплицитно эта дихотомия в ФПП не затрагивается. Однако для металингвистического анализа ФПП этот аспект надо, конечно, прояснить. Предметом внимания в ФПП является преимущественно проблемы синхронии, однако фактически в центре её внимания оказываются проблемы, лежащие на пересечении интересов синхронической и диахронической грамматики, а именно, проблема трактовки результатов некоторых так называемых неморфологических (безаффиксных) способов словообразования – а именно, так называемой «конверсии» («рекатегоризации») и «лексикализации» грамматических форм слов [42]. Как и вообще вся проблематика дериватологии, проблемы неморфологических способов деривации лежат, разумеется, на пересечении интересов синхронной и исторической грамматики. Этот факт уже сам по себе сближает ФПП с «традиционными» ТРГ, независимо от того, какие различия

---

[41] Работа выполнена при частичной поддержке грантов РФФИ № 17-04-00594 «Автоматический словарь РУСЛАН: обновленная концепция, новая лексика», РФФИ № 18-012-00650 «Семантические категории в грамматическом строе РЯ» и РФФИ № 17-29-09158 «Создание корпуса официально-деловых текстов РЯ (ОДКРЯ)».

[42] Несколько парадоксальным образом, хотя сами термины «конверсия» и «лексикализация» в авторском изложении ФПП ни разу не употребляются; тем не менее при переводе центральной проблематики ФПП на метаязык НСтрП приходится констатировать, что соответствующие проблемы фактически занимают в ФПП центральное место.

обнаруживаются между ФПП и традиционными ТРГ в трактовках дискуссионных случаев.

§ 0.3. Грамматика устной речи vs. грамматика письменной речи.

Из двух форм существования РЯ – устной и письменной – в ФПП исходным предметом рассмотрения фактически служит лишь письменная форма РЯ, а устная упоминается лишь мельком, в связи с проблемой делимитации исходного материала на словоформы, то есть проведения синтагматических границ словоформ (Поливанова 2001/2008: 167, где даны 2 примера в фонологической транскрипции). Оговорка «фактически» не случайна, так как эксплицитно (в явном виде) в ФПП проблема дихотомии между устной и письменной формой существования языка эксплицитно не затрагивается, и читателю приходится интерпретировать эти тексты, ориентируясь на критерий «здравого смысла». А «здравый смысл», разумеется, подсказывает, что все конкретные примеры из русского языка, иллюстрирующие положения ФПП, даны в письменном виде. Так, например, цепочки букв типа *вприпрыжку*, *набок* (Поливанова 1990: 55), *всухую*, *наконец* (Поливанова 2001/2008: 174) рассматриваются как целостные словоформы, а не как сочетания словоформ, иначе бы не было оснований трактовать эти цепочки как «внелексемные словоформы». Из этого следует, что проблемы грамматики устного языка остаются за пределами ФПП.

§ 0.3. Морфология vs. синтаксис.

ФПП, в отличие от большинства предшествующих ТРГ, не затрагивает сферу синтаксиса (в любом из распространённых пониманий этого термина «синтаксис»). Поэтому термин «грамматика» и все термины, включающие в свой состав слово «грамматический» («грамматическая классификация», «грамматические классы», «грамматические категории», «грамматическая характеристика», «грамматические оппозиции») понимаются в ФПП в более узком смысле слова (то есть имеют более узкий объём), чем это следует из буквального (и, по-видимому, более согласующегося с общепринятым пониманием, а также с НСтрП) значения этих терминов.

Здесь уместно сделать одну существенную оговорку. Исключением из того, что было сказано о предшествующих ТРГ, могут на первый взгляд показаться работы А. А. Зализняка - Зализняк 1967 (далее – РИС) и Зализняк 1977 (далее - ГСЗ). Действительно, проблемы синтаксиса (а точнее говоря, морфолого-синтаксического «интерфейса», то есть как бы «мостика» между морфологией и синтаксисом) в работах РИС и ГСЗ занимают периферийное место. Однако напомним, что эти проблемы всё-таки затрагиваются в указанных работах (хотя и «вскользь»).

Так, в РИС подробно обсуждается понятие согласования и согласовательный аспект грамматических категорий предметных слов (рода, одушевлённости, числа и падежа), а кроме того, «рекционный» («контролируемый», или «пассивный») аспект категорий падежа и числа существительных.

ГСЗ включает описание вышеупомянутых явлений (вслед за книгой РИС), а также признаков «переходности/непереходности» и «личности/безличности» глаголов. Кроме того, неизменяемые лексемы в ГСЗ распадаются на несколько классов (выделяемых на синтаксических основаниях): это традиционные классы (наречия, предлоги, союзы, частицы и междометия), а также класс предикативов.

§ 0.4. Синтетизм vs. аналитизм в грамматическом строе языка.

ФПП, точно следуя в этом за «формально-грамматической школой» (ФГШ) [43] и книгами РИС и ГСЗ, ограничивается подсистемой «синтетической» парадигматики (по терминологии НСтрП), а всю проблематику, связанную с выделением «составных» («аналитических») форм, полностью оставляет вне сферы своего рассмотрения. С этим связан также то факт, что и сами термины «морфология» и «морфологический» имеет в ФПП (разумеется, вслед за РИС и ГСЗ) более узкий смысл, чем в «традиционной»

[43] Концепция ФГШ ясно изложена в работах Ушаков 1916, Дурново 1925, Петерсон.

(«канонической», «мейнстримовой») русистике [44], которая проблематику аналитических форм, безусловно, включает в свою сферу.

В работе Поливанова 2001/2008 вполне эксплицитно формулируется т. н. «принцип синтетичности словоформ», запрещающий «рассматривать аналитические словоформы» (с. 167). Обратим внимание на то, что никаких дистактных «аналитических» образований, будь то «составные (аналитические) словоформы» (типа *ни к кому*) или «составные (аналитические) лексемы» (то есть наборы тех же «аналитических словоформ» типа *друг друга*, *друг другом*, *друг другу* и т. п.) не должно выделяться уже на самом начальном этапе анализа – просто по определению, в силу «принципа синтетичности словоформ».

Именно поэтому тезис, согласно которому существуют какие-то «уникальные нарушители» этого принципа (типа лексемы «ДРУГ ДРУГА») или «нарушения» (типа *не к кому*), строго говоря, внутренне противоречив. Ведь *друг другу* или *не к кому* – это не целостные словоформы, а сочетания словоформ (по определению!). О каких же «нарушителях» и «нарушениях» может идти речь? Это остаётся непонятным. К тому же термин «уникальный» в данном контексте тем более загадочен, поскольку про всякий фразеологизм, написание которого содержит пробелы (а их в русском языке как минимум десятки тысяч!) можно на тех же основаниях сказать, что он нарушает «принцип синтетичности словоформ».

§ 0.5. Морфология флективная vs. агглютинативная.

ФПП (как и подавляющее большинство ТРГ) ограничивается только подсистемой «флективной морфологии» (в терминах НСтрП), почти полностью оставляя в стороне всю проблематику «агглютинативной морфологии» (в терминах НСтрП) [45]. В этом ФПП следует не только принципам РИС и ГСЗ (а также ФГШ), но и вполне «канонической» русистике, которая тоже почти полностью игнорирует проблематику агглютинативной морфологии.

Здесь уместно сделать несколько уточнений. Слово «почти» в пункте 0.3. употреблено не случайно. Если быть более точным, то некоторые наиболее заметные проявления «агглютинативной морфологии» всё же описываются в «традиционных» ТРГ (хотя и не входят в «каноническую» концепцию).

Во-первых, диминутивные (уменьшительные) и увеличительные образования (от существительных, прилагательных и наречий) порой трактуются как формы одного слова. Ср., напр., трактовку Л. В. Щербы в его диссертации «Восточно-лужицкое наречие» (1915); В. В. Виноградов сочувственно отзывается о концепции Л. В. Щербы в своей статье «О формах слова» (Виноградов 1944: 40). А. А. Шахматов говорит о грамматической категории «субъективной оценки» (Шахматов 1925, § 516). Естественно, при принятии такой трактовки «уменьшительно-ласкательные суффиксы» трактуются как «формообразующие» (Виноградов 1947, § 22).

Во-вторых, для обозначения примерно того же класса явлений, который в НСтрП именуется «агглютинативными граммемами», И. А. Мельчук в «Курсе общей морфологии» ввёл особый термин «квазиграммема» (Мельчук 1997: 286-288). Вскоре Н. В. Перцов доказал обоснованность применения этого термина в русистике, подведя под понятие «квазиграммемы» [46] такие факты русского языка, как:

---

[44] Традиционная концепция представлена, напр., в Литневская 200, Багрянцева и др. 2006.

[45] Об «агглютинативной морфологии» русского языка см. Крылов – Старостин 2003.

[46] В целях большей эксплицитности изложения заметим, что в НСтрП понятие «квазиграммемы» (в смысле И. А. Мельчука и Н. В. Перцова) вовсе не используется, однако явления, подводимые И. А. Мельчуком и Н. В. Перцовым под понятие квазиграммемы, в НСтрП квалифицируются как разновидность «граммем», а именно, как «агглютинативные граммемы». «Агглютинативные граммемы» являются можно охарактеризовать также (в других терминах) как «привативные граммемы», так как они являются членами «привативных оппозиций». На связь понятия «квазиграммема» как с привативным характером грамматической оппозиции, так и с агглютинативным грамматическим строем языковой системы совершенно справедливо указывает В. А. Плунгян. См. Плунгян 1998/2003: 133-136, Плунгян 2011: 43-46.

сравнительную степень прилагательного и наречия (Перцов 2001: 74, 101-102) [47];

«побуждение к совместному действию» в глагольных формах типа *пойдёмте* (часто относимое к разновидности императива) (Перцов 2001: 74, 137) [48];

«фамильярное побуждение», выражаемое постфиксом *-ка* (преимущественно в сочетании с формами императива типа *пойди-ка*, но не только с ними: *пойду-ка*, *пошёл-ка*, *на-ка* и т. п.), (Перцов 2001: 73-74, 138-144) [49];

адвербиальную репрезентацию прилагательного (наречие типа *смело* или *геройски* как формы прилагательных *смелый* или *геройский*) (Перцов 2001: 74, 144-145) [50];

«аттенуативное» значение, выражаемое формами типа *поважнее*, противопоставленными формам типа *важнее* (Перцов 2001: 74, 145) [51];

значение отрицания, выражаемое префиксом *не-* (в частности, в причастиях типа *непрекращающийся* [52]) (Перцов 2001: 74, 145-146).

В ФПП «адвербиальная репрезентация прилагательного» как принадлежащая сфере словоизменения; сравнительная степень (компаратив) – как особый класс словоформ, связанный с исходными для них прилагательными отношениями словообразовательной производности; а остальные явления, трактуемые Н. В. Перцовым как «квазиграммемы» (мы оставим в стороне случаи, которые сам Н. В. Перцов считает дискуссионными [53]), остаются вне сферы рассмотрения.

§ 0.6. Словоизменение vs. словообразование.

Теперь будет уместно остановиться на проблематике дихотомии «словоизменение» вс. «словообразование». В авторском изложении ФПП данная дихотомия, хотя и занимает периферийное место, но всё же имплицитно затрагивается.

Так, в работе Поливанова 1990 утверждается, что видовая характеристика причастий принадлежит его «словообразовательной характеристике» (с. 59), что собственно адъективные словоформы «словообразовательно родственны» компаративным словоформам (там же, с. 59)

В работе Поливанова 2001/2008 ни термины «словообразование», ни его синтаксический вариант – термин «словообразовательный», ни какие-либо синонимы этих

---

[47] В «канонических» ТРГ правомерность зачисления компаратива в словоизменение бесспорна; с точки зрения НСтрП, компаратив принадлежит к числу «агглютинативных» граммем.

[48] В «канонических» ТРГ это значение не имеет внятного статуса; по Якобсону, это «корреляция числа» (Якобсон 1932/1985: 218); с точки зрения НСтрП, формы на *–те* выражают особую «агглютинативную» граммему «адгортативного числа», присоединяемую к формам «гортатива».

[49] В «канонических» ТРГ это значение не имеет внятного статуса; по Якобсону, это «корреляция интимности» (Якобсон 1932/1985: 218); с точки зрения НСтрП, формы на *–ка* выражают особую «агглютинативную» граммему «интимности //фамильярности», присоединяемую к формам императива, гортатива и претерита (в императивной функции).

[50] В «канонических» ТРГ это значение трактуется как словообразовательное; по Мельчуку, это «отадъективная синтаксическая адвербиализация» (Мельчук 1998: 461, 473-475); по ФПП, здесь представлена особая граммема, входящая в словоизменительную парадигму прилагательного; с точки зрения НСтрП, эта последняя трактовка предпочтительна.

[51] В «канонических» ТРГ это значение трактуется порой фактически как словоизменительное (Шведова 1952: 292, § 484) (с чем хочется полностью согласиться), порой как словообразовательное (Лопатин 1980: 307, § 702) (эту трактовку вряд ли можно считать убедительной). По Мельчуку, это «аттенуативный компаратив» (Мельчук 1998: 118; по сути дела, похожая трактовка форм на *по-* предлагается в Плунгян 2011: 319), что справедливо; ФПП эти формы не рассматривает вообще. В НСтрП аттенуативный компаратив трактуется как агглютинативная граммема.

[52] Трактовка отрицания как особой агглютинативно выражаемой граммемы русского языка (Крылов 2000) восходит к введённой Р. О. Якобсоном категории «статуса», одной из граммем которой является «отрицательный статус» (Якобсон 1957/1972: 100) и к использованию одноимённой категории в описании Т. В. Булыгиной литовской синтетической морфологии (Булыгина 1970: 69-70).

[53] Вдобавок к этому, Н. В. Перцов рассматривает теоретические возможности «квазиграммемной» трактовки вокативных форм у существительного (*мам*, *пап*), кратких форм у прилагательного, пассивного залога у глагола (см. Перцов 2001: 147-149).

терминов не употребляются вообще. Однако имплицитно соответствующая проблематика всё же затрагивается.

А именно, затрагиваются такие темы, которые в «традиционной» ТРГ (как в «канонических», так и в «не очень канонических» ТРГ) принято трактовать как проходящие по ведомству дериватологии и поэтому, соответственно, принадлежащие к числу гипонимов термина «производные слова» или «дериваты» (в наиболее распространённом понимании этих терминов). Так, напр., проводится различение между «адвербиальными» и (собственно) «адъективными» вхождениями словоформ типа *свободно, хорошо, ясно* (с. 168) (отношения между которыми в традиционных ТРГ, как известно, трактуются как принадлежащие к сфере «словообразования»). Упомянуты такие известные в традиционных ТРГ явления, как «субстантивированные прилагательные» (они же «отадъективные существительные») (с. 169) (традиционно подводимые под «транспозицию», «конверсию», или «субстантивацию»), а также «отпричастные прилагательные» (с. 169) (традиционно трактовавшиеся как результат «лексикализации» или «адъективации причастий»).

Сравнение ФПП с «традиционным» («каноническим») подходом к ТРГ позволяет сделать выводы о том, что можно обнаружить два класса расхождений между ними в этой сфере:

(а) некое явление, традиционно зачисляемое по ведомству словообразования, в ФПП фактически трактуется как принадлежащее сфере словоизменения;

(б) некое явление, традиционно зачисляемое по ведомству словоизменения, в ФПП фактически трактуется как принадлежащее сфере словообразования.

К классу (а) принадлежат такие явления, как конверсия (сужение словоизменительных парадигм), субстантивация, лексикализация грамматических форм.

К классу (б) принадлежат такие явления, как образование сравнительной и превосходной степени от адъективных основ, а также образование причастных форм от глагольных основ.

Тем самым границы между «словоизменением» и «словообразованием» предлагается сдвинуть в случаях (а) и (б) соответственно в две противоположных стороны: в случае (а) объём «словообразования» сужается, а объём «словоизменения», наоборот, расширяется; тогда как в случае (б), напротив, объём «словообразования» расширяется, а объём «словоизменения», наоборот, сужается.

При этом понятия «словообразования» и «словоизменения» имеют в ФПП принципиально различный гносеологический статус. А именно, логической экспликации подлежат лишь понятия «словоизменения», то есть они задаются в авторском изложении эксплицитно. Сфера «словообразования», напротив, задаётся имплицитно, и поэтому основные понятия из этой сферы читателю приходится «реконструировать» в явном (эксплицитном) виде уже самостоятельно. Для «автономного» («сепаратного») металингвистического анализа ФПП как своеобразной «алгебраической конструкции» можно было бы замкнуться в той сфере, которая в концепции ФПП относится к словоизменению, однако для сопоставления ФПП с НСтрП (и с любыми предшествующими ТРГ) неизбежно прибегнуть к мысленной (пусть и довольно гипотетичной) реконструкции того, как именно мыслится та общая концепция ТРГ, в рамки которой ФПП вписывается – в частности, то, как именно мыслится в рамках этой ТРГ «дериватологический» компонент грамматики [54].

---

[54] Заметим мимоходом, что и само существование такого компонента является сугубо гипотетичным. По крайней мере, отсутствие какого бы то ни было дериватологического компонента грамматики (то есть отсутствие всякого упоминания принадлежащих к этому компоненту или относящихся к нему тем) в грамматике Поливанова 2013: 3-11, 133-148 (далее «СтСлЯГС»), конечно, не случайно: в этой книге «словоизменение» (= «парадигматика») связывается с изучением «оппозиций форм внутри одной лексемы», а «словообразование» - с изучением «оппозиций форм, принадлежащих разным лексемам»; исключение словообразования из сферы описания автор СтСлЯГС вполне убедительно мотивирует своим стремлением

В любом случае надо напомнить о том, что в описании любых языков (и РЯ, разумеется, не составляет исключения!) действует своего рода закон сохранения количества информации («закон компенсации»): всякое изъятие того или иного фрагмента модели языка из одного (напр., «словоизменительного») субкомпонента грамматики заставляет включить соответствующий ему фрагмент в другой субкомпонент (напр., «синтаксический», «словообразовательный», «лексико-семантический» или «грамматико-семантический»). Как справедливо отмечает Т. В. Булыгина, «во многих случаях упрощение описания на одном участке языка связано с усложнением описания другого его участка» (Булыгина 1977: 94) [55] В результате экономия описательных средств, достигаемая в рамках одного из субкомпонентов (то есть «разгрузка» этого субкомпонента), оказывается сугубо относительной, так как приводит к дополнительным затратам средств на других участках описания, то есть к повышению дополнительной «нагрузки» другого субкомпонента (или других субкомпонентов) [56]. Поэтому убедительным выводом является заключение Т. В. Булыгиной: «Простота, выражающаяся в минимизации используемых в описании признаков, может также служить формальным выражением лингвистической естественности фигурирующих в описании классов. Следует отдавать себе отчет в существенной ограниченности этого критерия. Простота всегда подчинена эмпирической адекватности и, кроме того, использование критерия простоты имеет смысл только в том случае, если во внимание принимается полное лингвистическое описание» (Булыгина 1977: 109).

Одним из проявлений сформулированного выше «закона компенсации» является то, что отсутствие «дериватологического компонента» в грамматике в принципе не приводит к отсутствию описания соответствующих фактов (которые в традиционных ТРГ трактуются как проходящие по ведомству «словообразования») в словаре. Напротив, в силу этого «закона компенсации» не вызывает удивления то, что факт наличия между инвентарными единицами словаря отношения систематических (хотя и не очень регулярных) формально-смысловых сходств (= отношений мотивации) таки отражается (причём с должной степенью эксплицитности) на метаязыке лексикографического описания.

Так, в работе Поливанова 2013, вопреки предметному указателю к ней, где отсутствуют такие словарные входы, как «лексема» [3, 242] , «корень» [6.1, 36], «основа» [250], «приставка» [6.1, 36], «префикс» [6.1, 36], «словообразование» [81, 627], «основообразование» [87, 862], «словообразовательная характеристика» [306, 315, 328], «членимость» [627], «этимология» [298, 627] и т п. [57]), факты старославянского

избежать «трудностей, связанных с необходимостью отличать действующие правила от случайных фактов, закреплённых традицией» [СтСлЯГС: 60]. Такое ограничение внимания следует признать вполне резонным.

[55] Так, напр., в частности, частными проявлениями или следствиями из того же «закона сохранения» информации являются такие ситуации в лингвистическом описании, когда «увеличение числа исходных понятий позволяет сократить число правил, и наоборот» (Апресян 1966: 271); или когда «критерий простоты при фонемном описании может (…) привести к тому, что в дальнейшем, при описании морфем, окажется, что последние описываются слишком сложно» (Степанов 1966: 47).

[56]Иными словами (не прибегая к использованию специальной терминологии) этот «закон сохранения» можно было бы выразить поговорками типа «Тришкин кафтан» или пословицами типа «Нос вытащишь – хвост увязнет, хвост вытащишь – нос увязнет».

[57] Я сознательно ограничился перечнем тех терминов, которые непосредственно относятся к теме «словообразования». А вообще функция предметного указателя в книге СтСлЯГС осталась для меня совершенно загадочной, то есть необъяснимой. Напр., в нём отсутствуют такие словарные входы, как: (общенаучные, логические, философские и математические термины): «класс», «таблица», «группа», «таблица», «среда», «построение», «система», «соответствие», «цепочка», «состав», «выбор», «описание», «версия», «компонент», «стандарт», «композиция», «закон», «замена», «переход», «преобразование», «список», «различие», «место», «начало», «скелет», «инвентарь» [9], «выражения (внутренние/внешние)» [64], «циклы» [65], «блоки» [65], «типы стандартные», «варьирование», «каталог» [289]; (лингвистические термины) «форма», «глагол», «распределение», «письмо» [II; 134, 135], « транслитерация» [IX, 132], «графика» [4, 8, 10, 32], « фонема» [5, 6, 32-33], «стандартная фонология» [5, 6], « фонология» [6, 8, 10, 32, 33], «морфонология» [6, 8, 10], «озвучивание» [7], «словарь» [9], «синтагматика» [11], «аллоформия» [13], «алфавит» [16, 131], « буквы» [16, 32-22], «гласные» [18-20, 22-26], «согласные» [19, 27-31], «зияние» [46], «полиформия» [78], «словоизменение» [87, 248, 301, 862], «императив» [90, 174, 252, 455, 458, 462, 464, 465, 620, 752], «графическая система» [130], « вокабула», «слово», «грамматика», «сочетание»,

словообразования вполне эксплицитно, последовательно и тщательно описываются с помощью гнездового словообразовательного словаря, именуемого в СтСлЯГС «корневым словарём» (СтСлЯГС: 639-711).

1.0. Попытка непосредственного сопоставления ФПП и НСтрП.

§ 1.1. «Материальное» vs. «синтаксическое» осмысление словоформы

Всякая попытка напрямую сопоставить основные положения ФПП с их аналогами в альтернативных ТРГ неизбежно наталкивается на принципиальное препятствие, связанное с различиями в понимании семиотической природы словоформы (и, соответственно, всех понятий парадигматики, которые базируются на понятии словоформы).

Согласно декларациям, содержащимся в ФПП, словоформа понимается как незнаковая, односторонняя сущность (т. е. «цепочка букв»), тогда как в НСтрП и во всех предшествующих ТРГ (при всех различиях между ними) словоформа трактуется как знаковая, двусторонняя (билатеральная) сущность. Само по себе это различие настолько кардинально, что сопоставление ФПП с альтернативными концепциями ТРГ «напрямую» оказывается затруднено. Однако всё же некоторая часть сопоставляемых концепций обнаруживает значительную долю содержательных сходств, поэтому попытаемся базируясь именно на этих сходствах, осуществить (по возможности адекватный) металингвистический «перевод» некоторых (хотя, разумеется, далеко не всех – это было бы попросту невозможным!) положений некоторой (якобы «унилатералистической») ТРГ (а именно, ФПП) с метаязыка этой (якобы «унилатералистической») ТРГ на метаязык одной « откровенно билатералистической» ТРГ (а именно, НСтрП), сознавая всю нетривиальность и трудность решения задачи такого «перевода».

Здесь необходимо следующее пояснение. В действительности та трактовка словоформы, которая декларируется в ФПП, не является последовательно «унилатералистической». А именно, неотъемлемым компонентом словоформы является (переводя на метаязык НСтрП) её «внутренняя сторона», включающая её «грамматическую характеристику» (в терминах ФПП). А вот в интерпретации этой «грамматической характеристики» как раз и начинается расхождение между ФПП и традиционными подходами к ТРГ (в том числе работами А. А. Зализняка и И. А. Мельчука [58]).

§ 1.2. Конверсия частей речи в русском языке: «омонимия» vs. «полисемия»

Одно из ключевых положений ФПП – это критика традиционной трактовки конверсии частей речи (в частности, «субстантивации» и «адвербиализации» прилагательных), согласно которой её результатом является образование омонимических пар [59] (а иногда даже и омонимических троек). В частности, трактуя словоформы типа *свободн=о*, *хорош=о*, *ясн=о*, некоторые учебные грамматики, как язвительно отмечает А. К. Поливанова, предлагают «почитать форматив *=о* флексией в адъективных вхождениях соответствующих словоформ, но суффиксом – в адвербиальных» (Поливанова 2001/2008: 168) Эта критика, на мой взгляд, совершенно справедлива.

Дело в том, что омонимия отличается от полисемии именно тем, что она не имеет семантического обоснования. С точки зрения семантики омонимия – факт случайный, а не закономерный. Между тем конверсия и лексикализация отдельных граммем и грамматем (в том числе субстантивация, адвербиализация и другие проявления лексикализации граммем и грамматем) представляет собой не только вполне закономерное, но иногда и

«аллоформ», «позиция», «парадигма», «швы», «морфология», «смягчение», «причастие» [407], «инфинитив» [407], «исходы», «оппозиция», «грамматическая категория» [243], «падеж» [243], «число» [243, 406], «грамматическая характеристика» [244, 407], «род» [249], «анафорическое местоимение» [253.6], «ключевые формы» [256], «адъективы» [268], «субстантивы» [268], «этимология» [298], «парадигматическое содержание» [291], «местоимения» [375-380], «чужие окончания» [386], «презенс» [406], «личные окончания», «время» [406], «видо-временные оппозиции» [406], «наклонение», «лицо» [406], «абсолютив» [407], «личные формы глагола» [406], «условные конструкции» [546], «морфологическое строение» [876],

[58] А также Н. А. Еськовой, И. А. Большакова и И. Г. Бидера по русской морфологии в русле концепции «МСТ».

[59] По терминологии А. К. Поливановой – «дублетов».

довольно регулярное явление. Поэтому трактовать результат конверсии как образование «омонимов» действительно довольно неестественно и противоречиво.

Рассуждая с позиций НСтрП, следовало бы придерживаться «билатералистической» концепции словоформы. С этой точки зрения как раз и строится дальнейшее изложение.

§ 1.3. Функциональный аспект граммем в НСтрП

НСтрП исходит из положения о том, что граммемы обычно (в большинстве своём, или даже принципиально - вообще всегда) многозначны [60] (как и вообще все языковые знаки).

Далее, НСтрП исходит из положения о том, что семантический (или «функциональный») спектр любой граммемы имеет одну и ту же общую «внутреннюю структуру». В этом НСтрП опирается на теорию функций языковой единицы, разработанную В. Г. Гаком [61]. Фундаментальный характер этой теории проявляется, между прочим, в том, что она оказывается в одинаковой степени применима и к единицам лексики, и к единицам грамматики. Граммемы, как и другие языковые единицы, вообще говоря, полифункциональны. Среди множества функций граммемы может быть выделена основная, или главная, называемая также первичной. Она проявляется в оппозиции данной формы другим формам, т.е. в условиях свободного значимого выбора. Остальные функции данной граммемы ощущаются как вторичные. Вторичные функции граммемы актуализуются в особых условиях, а именно, под влиянием особых контекстов. Сигналом того, что граммема выступает во вторичной функции, является нарушение семантического согласования знаков с контекстом. Вторичные функции подразделяются на значимые (семантические) и незначимые (асемантические). Вторичные семантические функции возникают: (а) в контексте нейтрализации (//генерализации); (б) в контексте транспозиции. Вторичные асемантические функции возникают (в) в контексте десемантизации. Таким образом, у граммемы вырисовывается четыре типа функций:

Первичная (основная, собственная) ф.	1. Отражательная ф.	Семантические ф.
Вторичные (побочные, несобственные) ф.	2. Ф. нейтрализации (//генерализации)	
	3. Ф. транспозиции	
	4. Ф. десемантизации (строевая ф.)	Асемантическая ф.

Первичная семантическая функция граммемы состоит в отображении действительности. Такой подход к семантике может быть охарактеризован как “менталистический” (в широком смысле слова). Его нетривиальность становится особенно очевидной при трактовке таких явлений, как порядок слов, интонация, согласование (особенно по роду), управление (выбор предложно-падежной формы). Порядок слов может иметь не просто отражательную функцию, но быть иконичным (напр., при описании последовательности событий: *Он встал, позавтракал и отправился в институт*); интонация заведомо семантична как показатель коммуникативной целеустановки (подобно геометрическому очертанию дорожного знака); род семантичен у одушевлённых имён в том случае, когда он соотносится со значением пола обозначаемого существа; выбор грамматического

[60] Наиболее чётко этот тезис включил в аксиоматику общей лингвистики Ю. С. Маслов. См. Крылов 2013 и указанную там литературу по истории вопроса.

[61] См. подробнее Крылов 2004; Крылов 2007 и указанную там литературу.

числа семантичен в том случае, когда число указывает на реальную единичность/множественность и т. п.

Использование граммем в несобственнной функции не есть какое-либо уклонение от общего принципа функциональной нагруженности граммем. Оно имеет троякое значение, выполняя:

(а) собственно номинативную нагрузку (восполняя языковую лакуну, позволяя обозначить то, для чего в языке нет специального средства): так, при смысловом расширении немаркированный член оппозиции используется для обобщённого обозначения родового понятия;

(б) экспрессивную и стилевую нагрузку (выражая попутно эмоции и жанр речи);

(в) строевую, или служебную, нагрузку (обеспечивая связность, полноту текста).

Разновидностью строевой функции является дистинктивная функция, при которой знак выступает в качестве средства дифференциации других знаков (ср. родовое отличие в парах типа рус. *премьер* vs. *премьера*).

Таким образом, нейтрализация включает в себя генерализующую функцию; транспозиция – стилистическую, экспрессивную и эмоциональную функцию, десемантизация – строевую или служебную функцию (в частности, дистинктивную функцию).

Эта схема лежит в основе всего «функционального» подхода, последовательно проводимого В. Г. Гаком при трактовке самых различных явлений грамматики. Порой применение этой универсальной схемы требует некоторой степени теоретической смелости, так как приводит к довольно нетривиальным решениям. Например, вопреки распространённой (“формалистической”) трактовке согласовательной функции рода как основной, при «функциональном» подходе основной (первичной) функцией рода должна быть признана функция выразителя семантического признака “пола” [62].

Нетривиальность функционального подхода В. Г. Гака становится в особенности видна по сравнению с другими подходами: с «унитарным» подходом к грамматическому значению (преувеличивающим роль инварианта), с «плюралистическим» подходом (преувеличивающим роль частных значений в ущерб инвариантам и излишне расщепляющим значения), с «формализмом» (игнорирующим отражательную функцию знаков), с упрощёнными вариантами «ментализма» (в том числе с «логицизмом», «психологизмом» и «наивным реализмом», т. е. с подходами, недооценивающими специфику языкового преломления или языковой интерпретации действительности).

§ 1.4. Внутренняя форма (мотивировка) сложного языкового знака

НСтрП исходит из того, что у всех языковых знаков есть «внутренняя форма» (= «мотивировка»).

У простых (элементарных) языковых знаков (то есть морфем) она является «вырожденной», то есть полностью совпадает с их означаемым [63].

Однако у всех более сложных языковых знаков мотивировочный компонент в

---

[62] Трактовка признака биологического пола как семантического ядра родовой корреляции предлагалась в 1970 г. также Т. В. Булыгиной при описании литовской морфологии. См. Булыгина 1970: 26-33.

[63] Именно поэтому, на мой взгляд, Ф. де Соссюр, понимавший под языковым знаком преимущественно **минимальный** языковой знак (то есть морфему в современном её понимании, преобладающем во второй половине XX века и в XXI веке), включал в лингвистическую аксиоматику тезис о немотивированности (произвольности, условности, арбитрарности) языкового знака.

принципе может являться и не «вырожденным», то есть представлять собой вполне нетривиальный предмет для лингвистического исследования.

При этом тот предельный случай, когда значение сложного языкового знака автоматически (тривиально) вычислимо на базе значений тех простых знаков, из которых он строится (это случай т. н. «закона композициональности» [64]), интересует не столько лингвистов, сколько логиков.

Для лингвистов же в центре внимания находятся именно те случаи, когда для вычисления значения более сложного языкового знака необходимо разработать некоторые нетривиальные «правила взаимодействия» (или «правила сложения») значений [65] и применить эти правила.

При обсуждении проблемы взаимодействия значений в составе сложного языкового знака, как правило, обсуждались главным образом проблемы взаимодействия между значениями отдельных слов в составе словосочетания и предложения. Однако уже начиная с работ Ш. Балли, включавшего «произвольное взаимное обусловливание» основ и аффиксов в проявления «обязательного грамматического плеоназма» [66], правила семантического взаимодействия основ и аффиксов в составе производного слова также вошли в орбиту внимания лингвистов [67].

Однако предметом нашего внимания будут правила семантического взаимодействия между значением формообразовательной основы (=так называемым «лексическим значением») и значением флексии (так называемым «грамматическим значением», или «значением грамматической формы»). Наиболее эксплицитно существование таких правил сформулировал Ю. С. Маслов.

§ 1.5. Доктрина Ю. С. Маслова о взаимодействии грамматических категорий с лексико-грамматическими разрядами слов

Примечательным свойством общеграмматической концепции Ю. С. Маслова является наличие в ней особого компонента - учения о взаимодействии лексики и грамматики. Как известно, сам Ю. С. Маслов, в 1948 году опубликовав свою статью «Вид и лексическое значение глагола», фактически стал первопроходцем этой сферы лингвистики в нашей стране. Но в данном случае для наших рассуждений существенно то, что он не только положил этот принцип (осовременивая термины, принцип “синергетики”) в основу своих аспектологических исследований, но и сформулировал его в качестве одной из фундаментальных аксиом теории грамматики, разработав учение о взаимодействии грамматических категорий с лексико-грамматическими разрядами слов (Маслов 1975: 161-163; Маслов 1987: 129-130). Указанное взаимодействие имеет несколько проявлений, а именно: в “модификации конкретного содержания граммем при их накладывании на слова определённого семантико-грамматического разряда”; в явлении “семантически обусловленной дефектности граммем”, когда значение граммемы и значение разряда (или отдельных входящих в него слов) несовместимы или трудно совместимы; в том, что “одна и та же информация нередко может быть выражена то как грамматическое, то как лексическое значение, то как сочетание того и другого”; в том, что значение слова может дублировать или уточнять информацию, передаваемую грамматической формой; в том, что языки могут избегать подобного дублирования.

Представляет интерес также другое (в сущности, близкое доктрине Ю. С. Маслова) учение, разработанное В. Г. Гаком в его теоретической грамматике французского языка.

---

[64] Принцип композициональности, восходящий к идеям Г. Фреге, стал популярен в логике благодаря работам Р. Карнапа, А. Тарского и Р. Монтегю. Об экспансии этого принципа на сферу естественного языка (прежде всего, в сферу лингвистической семантики) см. Partee 1984; Partee 1995; Богуславский 1996; Падучева 1999; Апресян 2005; Boguslawski 2011; Апресян 2006.

[65] О таких правилах см. Апресян 1974/1995а: 79-94; Апресян 1980/1995б:

[66] См. Балли 1944/1955: 169-175. Пример Ю.Д.Апресяна (из русского языка): в прилагательном красноватый «значение “признак” выражается основой *красн-* и суффиксом *–оват-*» (Апресян 1974/1995: 79).

[67] Кроме того, изучению подверглись и правила семантического взаимодействия деривационных аффиксов друг с другом. Так, И. Г. Милославский усматривает действие «правил зачёркивания» компонентов значения (Милославский 1980: 35-36) в некоторых комбинациях аффиксов.

§ 1.6. Доктрина В. Г. Гака о функционально-семантической связи лексики и грамматики.

«Между грамматическими формами в их семантических функциях н лексическими средствами языка может устанавливаться взаимосвязь на семантическом уровне, которая состоит либо в семантическом взаимодействии, либо в функциональной компенсации.

1. Семантическое взаимодействие лексики и грамматики проявляется в том, что присоединяемые грамматические значения согласуются с лексическими значениями слов. В предложении *Il partira demain* и глагол, и обстоятельство семантически согласуются благодаря наличию общей семы «будущее время». В функции орудийного дополнения может употребляться только неодушевленное существительное: *Pierre a brisé la vitre avec une pierre*. При несовместимости лексических и грамматических значений имеют место следующие явления:

1) лексика влияет на грамматику: она накладывает ограничения на использование грамматических форм (см. § 33, 37). Названия веществ (*encre, coton*) не имеют форм множественного числа (кроме случаев переосмысления), непереходные глаголы не образуют пассивного залога. Синтаксическая функция небезразлична к семантике слова: подлежащее при переходном глаголе обычно указывает на одушевлённый субъект;

2) грамматика влияет на лексику: грамматические формы дифференцируют или изменяют значение слова. Если грамматическая форма, несовместимая со значением слова, всё же присоединяется к нему, то это свидетельствует об изменении значения слова. Форма des cotons показывает, что несчитаемый объект заменился считаемым и существительное изменило свое значение, обозначая сорта хлопка. Во французском языке изменение морфологической формы или синтаксической связи слов часто свидетельствует об изменении значения слова. Наиболее характерные случаи: число существительных: *l'amitié–des amitiés*; форма артикля: *un mouton – du mouton*; переходность прилагательного: *un garçon capable – un garçon capable de bonnes actions*; переходность глагола: *décoller* vt – отклеить; *décoller* vi – взлететь (о самолете).

Явления, отмеченные в п. 1.2, объясняются семантическим согласованием, в силу которого сочетание лексем и граммем не должно содержать противоречивых сем. Например, «считаемость» [a] выражается лексически в словах, обозначающих предметы, и грамматически в форме множественного числа. Единственное число к понятию «считаемость» безразлично:

лексема	граммема	Форма	
(1) table = [a]	+ мн. ч. [a]	Tables	прямое значение
(2) gloire = [a]	+ ед. ч. –	gloire	« «
(3) gloire = [a]	+ мн. ч. [a] +	*gloires«славы»	неправильная форма
(4) gloire = [a]	мн. ч. [a]	gloires	переносное значение

В случае (3) семантическое согласование лексемы и граммемы отсутствует, форма оказывается бессмысленной, неправильной. В случае (4) лексема, переосмысляясь, приобретает значение считаемости и форма становится правильной (значение «знаменитости»).

2. Функциональная взаимная компенсация лексики и грамматики основывается на том, что лексические средства используются для выражения грамматических значений, тогда как грамматические средства используются вместо средств словообразования.

1) Грамматикализация лексических элементов (лексическое средство в функции грамматического). Лексические элементы могут: а) выражать категорийные значения, обычно передаваемые грамматическими средствами; например, выражение женского рода: femme-peintre, выражение пассивного значения: *Le chambre approuva la loi – La loi reçut l'approbation de* (= *fut approuvée par*) *la chambre* (глагол *recevoir* выражает

направленность действия на подлежащее подобно пассивному залогу); б) переводить слово в иной функциональный класс (ср.: *homme plein de courage*, и *homme courageux*, где *plein de* позволяет существительному выступать в функции прилагательного); в) связывать слова между собой (ср.: *homme plein de courage* и *homme de courage – plein de* выполняет функцию, аналогичную предлогу *de*), входить в грамматическую форму другого слова (*avoir, être*) При грамматизации слово приобретает полуслужебную функцию. Различие между собственно служебными и полуслужебными (или десемантизированными) словами состоит в том, что первые специально существуют в языке как служебные, строевые слова (предлоги, союзы и т. п.), тогда как вторые суть знаменательные слова, способные выполнять грамматическую, строевую функцию. Полуслужебные глаголы называют иногда глаголами-операторами (*faire, mettre, prendre,* etc.).

2) Лексикализация грамматических форм имеет место при переосмыслении значения грамматического элемента, который выступает как средство образования слова и устойчивых сочетаний либо как средство дифференциации их значений. К факторам лексикализации относятся:

– отмирание грамматической категории (или синтаксической конструкции), остатки которой служат для образования слов или устойчивых словосочетаний. Например, остатки старофранцузских падежных форм: *sire – seigneur* являются теперь разными словами. Прежний порядок слов лексикализовался во фразеологизмах типа *sans coup férir*;

– отпадение формы от всей парадигмы, её переосмысление. Форма причастия лексикализовалась в предлогах *durant, pendant*, которые уже не воспринимаются как формы глаголов *durer, pendre*;

– устранение семантической оппозиции, различающей грамматические формы. При этом разные формы выступают не как разные формы слова, но как разные слова (или словосочетания). Так, в словах *semeur* сеятель – *semeuse* “сеятельница” род сохраняет свое значение; но в *semeuse* “сеялка” он лексикализовался; суффикс ж. рода *-euse* служит для образования названий машин (ср. *fraiseuse* и т. п.)» (Гак 2000: 34-35).

§ 1.7. Внутренняя форма (мотивировка) словоформы

Внутренней формой любого сложного языкового знака является то потенциальное содержание, которое бы складывалось из его компонентов путём тривиального сочетания «основных» (т. е. «первичных», «буквальных») значений составляющих (компонентов) этого знака, без учёта нетривиальных правил взаимодействия значений и без учёта фактора идиоматичности.

Словоформа, вообще говоря, является сложными языковым знаком. Поэтому естественно предположить, что и словоформа может иметь «буквальное» прочтение, которое может отличаться от «результирующего» прочтения, вычислимого с учётом фактора несвободной сочетаемости.

Так, словоформы (класса «А») типа *утром, вечером, днём, ночью, зимой, весной, летом, осенью* могут иметь как «адвербиальное» («слабоуправляемое»), так и «сильноуправляемое» прочтение, в отличие, напр., от словоформ (класса «Б») типа *годом, месяцем, сезоном, январём, сумерками, погодой, рассветом, закатом* и т. п., допускающим лишь «сильноуправляемое» прочтение. «Сильноуправляемое» прочтение таких словоформ (обоих этих классов) соответствует их «внутренней форме», а адвербиальное – не соответствует.

Усматривать в словоформах класса «А» омонимические пары (как это принято в «канонической» русистике) действительно противоестественно.

Аналогичным образом противоестественно усматривать омонимические пары в таких словоформах, как *ясно, светло, хорошо*: адвербиальное и предикативное прочтение здесь соответствуют двум функциям одной и той же грамматической формы (= «грамматемы»).

§ 1.8. Сопоставление грамматической классификации словоформ в ФПП с предшествующими ей классификациями

Сопоставление грамматической классификации словоформ в ФПП с

предшествующими ей классификациями приводит к очевидному выводу: классификация в ФПП – это классификация словоформ по их словоизменительным флективным свойствам. И разряды получаются при этом флективные. Тогда как большинство предшествующих классификаций частей речи – это классификации слов по их семантико-синтаксическим свойствам, и разряды получаются при этом семантико-синтаксические. С точки зрения НСтрП, обе классификации нужны для описания грамматики, поэтому ни одна из них не может заменить другую.

Вопрос в том, как быть в таких случаях, когда эти классификации конфликтуют друг с другом. Бывают ли такие случаи в действительности?

Строго говоря, если придерживаться буквального содержания вопроса, то ответ будет отрицательным: таких ситуаций не бывает, потому что «S-лексемы» (= «субстантивы») - это не совсем «существительные», «A-лексемы» («адъективы») - это не совсем «прилагательные», а «V-лексемы» - не совсем «глаголы».

Однако если «не придираться к словам», а рассмотреть проблему «по существу дела», то ответ будет положительным: да, ситуации конфликта возникнуть могут.

Поэтому на метаязык НСтрП эти термины переводятся так:

Авторские неологизмы	Нерекомендуемые жаргонизмы	Рекомендуемые термины
S-лексемы	Субстантивы	Морфологические (//флективные //словоизменительные) субстантивы
A-лексемы	Адъективы	Морфологические (//флективные //словоизменительные) адъективы
V-лексемы	Глаголы	Морфологические (//флективные //словоизменительные) глаголы
	Внелексемные словоформы	Морфологические (//флективные //словоизменительные) наречия

§ 1.9. Дискуссионные вопросы грамматической классификации словоформ в ФПП

Дискуссионные вопросы всё же остаются. Обсудим их подробнее при случае в другой раз.

Литература

Апресян 1966 - Апресян Ю. Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики. М.: Просвещение, 1966.- 000 с.

Апресян 1974/1995а - Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. 1. Лексическая семантика [1974]. М.: ЯРК, 1995а.- 472 с.

Апресян 1980 - Апресян Ю. Д. Типы информации для поверхностно-семантического компонента модели «Смысл ⇔ Текст». Wien: WSA, 1980.- 000 с.

Апресян 1980/1995б -Апресян Ю. Д. Типы информации для поверхностно-семантического компонента модели «Смысл ⇔ Текст» // *Апресян Ю. Д.* Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: ЯРК, 1995б.- 000 с.

Апресян 2005 - Апресян Ю. Д. Правила взаимодействия значений и словарь // Русский язык в научном освещении. 2005. № 9. С. 7-45.

Багрянцева В. А. и др. Русский язык. Учебное пособие для школ гуманитарного профиля. Изд. 2-е. М.: Изд-во МГУ, 2006.- 560 с.

Богданов С. И. (отв. ред.). Морфология современного русского языка: учебник для высших учебных заведений. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009.- 634 с.

Богородицкий В. А. Общий курс русской грамматики. Изд. 5-е, исправленное. — М.; Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1935. — 356 с.

Болла К., Палл Э., Папп Ф. Курс современного русского языка. Budapest: Tankönyvkiadó, 1968. — 669 с.

Бидер И. Г., Большаков И. А. Формализация морфологического компонента модели «Смысл ⇔ Текст». I. Постановка проблемы и основные понятия. - М., Изв. АН СССР, Техническая кибернетика, 1976, № 6. С. 42-57.

Бидер И. Г., Большаков И. А. Формализация морфологического компонента модели «Смысл ⇔ Текст». II. Общие основы оптимизации морфологического компонента модели «Смысл ⇔ Текст». - М., Изв. АН СССР, Техническая кибернетика, 1977, № 1. С. 66-75.

Богуславский 1996 – Богуславский И. М. . Сфера действия лексических единиц. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.- 460 с.

Бондарко 1976 – Бондарко А. В. Теория морфологических категорий. Л.: Наука, ЛО, 1976.-

Буланин Л. Л. Трудные вопросы морфологии. Л.: Наука, 1976.-

Булыгина 1970 - Булыгина Т. В. Морфологическая структура слова в современном литовском литературном языке (в его письменной форме) // Жирмунский В. М., Арутюнова Н. Д. (отв. ред.). Морфологическая структура слова в индоевропейских языках. М.: Наука, 1970.- С. 7-70.

Булыгина 1977 - Булыгина Т. В. Проблемы теории морфологических моделей. М.: Наука, 1977.-

Виноградов 1944/1975 - Виноградов В. В. О формах слова (1944) // *Виноградов В. В.* Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М.: Наука, 1975.- С. 33-50.

Виноградов 1947/1972 - Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1947.- 784 с.; 2-е изд., М.: Высшая школа, 1972.- 614 с.

Гак В. Г. Языковые преобразования. М.: ЯРК, 1998.- 768 с.

Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка. М., Добросвет, 2000.- 832 с.

Гращенков 2017а - Гращенков П. В. К типологии отклонений от композициональности // Acta Linguistica Petropolitana, 2017, № 1.- С. 883-910.

Гращенков 2017б - Гращенков П. В. Композициональность в лексической и синтаксической деривации разноструктурных языков: Дис.... д-ра филол. наук. М., МГУ им. М.В. Ломоносова, 2017.- 000 с.

Гращенков 2017в - Гращенков П. В. Композициональность в лексической и синтаксической деривации разноструктурных языков: Автореферат дис.... д-ра филол. наук. М., МГУ им. М.В. Ломоносова, 2017.- 22 с.

Еськова Н. А., Мельчук И. А., Санников В. З. Формальная модель русской морфологии. I. Формообразование существительных и прилагательных // Проблемная группа по экспериментальной и прикладной лингвистике. Предварительные публикации. Вып. 15. М.: Ин-т русского языка АН СССР, 1971. С. 1-71.

Еськова Н. А., Большаков И. А., Бидер И. Г. Формальная модель русской морфологии. I. // Проблемная группа по экспериментальной и прикладной лингвистике. Предварительные публикации. Вып. 111. М.: Ин-т русского языка АН СССР, 1978. С. 1-48.

Еськова Н. А., Большаков И. А., Бидер И. Г. Формальная модель русской морфологии. II. // Проблемная группа по экспериментальной и прикладной лингвистике. Предварительные публикации. Вып. 112. М.: Ин-т русского языка АН СССР, 1978. С. 1-59.

Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. М.: Наука, 1967.- 370 с.

Зализняк А. А. «Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по общему языкознанию и русскому языку. М.: ЯСК, 2002.- 749 с.

Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка. М.: Советская энциклопедия, 1977.-

Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка. Изд. 4., исправленное и дополненное. М.: Русские словари, 2003.- 795 с.

Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Ч. 1. Братислава, 1952.

Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Ч. 2. Братислава, 1952.

Карцевский 1928 - *Карцевский С. И.* Повторительный курс русского языка. М.: Госиздат, 1928.- 112 с.

Карцевский 1928/2000 - *Карцевский С. И.* Повторительный курс русского языка // *Карцевский С. И.* Из лингвистического наследия. М.: ЯСК, 2000.- С. 97-204.

Карцевский С. И. Система русского глагола // *Карцевский С. И.* Из лингвистического наследия. Т. 2. М.: ЯСК, 2004.- 00с.

Копецкий Л. В. Лекции по фонетике и морфологии русского языка.

Крылов 1997 - *Крылов С. А*. «Русское именное словоизменение» А. А. Зализняка тридцать лет спустя: Опыт ретроспективной рецензии с позиций неоструктуралистской морфологии // Studia linguarum. М.: Изд-во РГГУ, 1997. С. 252-315.

*Крылов 2*000 - *Крылов С. А*. Автоматический морфологический анализ русских словоформ с префиксальным отрицанием: Несколько теоретических проблем // «Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Диалог-2000. Материалы международной конференции: В 2 т. Т. 2. Протвино, 2000. С. 220-225.

Крылов 2002 - *Крылов С. А*. «Русское именное словоизменение» А. А. Зализняка тридцать лет спустя: Опыт ретроспективной рецензии с позиций неоструктуралистской морфологии // Зализняк 1967/2002, с. 699-748.

*Крылов –Старостин 2*003 - *Крылов С. А., Старостин С. А*. Актуальные задачи морфологического анализа и синтеза в интегрированной информационной среде StarLing // «Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Диалог-2003 (Протвино, 11—16 июня 2003 г.). Материалы международной конференции: М.: 2003. С. 000-000.

Крылов 2004 - *Крылов С. А*. О лингвистической концепции В. Г. Гака // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2004. Т. 63. №6. т. 63. вып.6. М. 2004.- 42-51.

Крылов 2007 - *Крылов С. А*. Некоторые особенности лингвистической концепции В. Г. Гака // Мазо В. Д. (отв. ред.). Язык и действительность. Сборник научных трудов памяти В. Г. Гака. М.: УРСС. 2007.- с. 27-41.

Крылов 2013 - *Крылов С. А*. Особенности общеграмматической концепции Ю. С. Маслова // Риехакайнен Е. И., Чуйкова О. Ю. (сост.). Конференция, посвященная 150-летию Кафедры общего языкознания Санкт-Петербургского государственного университета: тезисы. СПб.: [Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет» (СПбГУ)]. 2013.- с. 73-76.

Литневская Е. И. Русский язык: краткий теоретический курс. М.: МГУ, 2000.- 487 с.

Литневская Е. И., Багрянцева В. А. Методика преподавания русского языка. М.: Академический проект, 2006.- 590 с.

Маслов Ю. С. Введение в языкознание. М.: Высшая школа, 1975.-

Маслов Ю. С. Введение в языкознание. 2-е изд. М.: Высшая школа, 1987.-

Мельчук И. А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ⇔ Текст». Ч. I. Семантика, ситнтаксис. М.: Наука, ГРВЛ, 1974.- 314 с.

Мельчук И. А. Курс общей морфологии. Т. I. Пер. с франц. М.: ЯСК, 1997.-

Мельчук И. А. Курс общей морфологии. Т. II. Морфологические значения. Пер. с франц. М. - Вена: ЯРК – WSA. Sonderband 38/2, 1998.- 543 с.

Милославский 1990 - *Милославский И. Г.* Вопросы словообразовательного синтеза. М.: Изд-во МГУ, 1980.- 295 с.

Падучева 1999 — Падучева Е. В. Принцип композиционности в неформальной семантике // Вопросы языкознания, 6, 1999. С. 3-24.
Панов М. В. Позиционная морфология русского языка. М.: ЯСК, 1999.-
Панов М. В. Русский язык // Языки народов СССР. Т. 1. Индоевропейские языки. М.: Наука, 1965.-
Перцов Н. В. Инварианты в русском словоизменении. М.: ЯСК, 2001.- 279 с.
Плунгян В. А. Общая морфология. Введение в проблематику. Изд. 2-е, испр. М.: УРСС, 2003.- 000 с.
Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011.- 672 с.
Поливанова А. К. Опыт построения грамматической классификации русских лексем // Иванов Вяч. Вс. (отв. ред.). Язык логики и логика языка. М.: ЯСК, 1990. С. 41-69.
Поливанова 2001/2008 - Поливанова А. К. Формальная парадигматика и классы слов в русском языке // *Поливанова А. К.* Общее и русское языкознание. Избранные работы. М.: РГГУ, 2008 (= Смирнов И. С. (отв. ред.). Orientalia et classica. Труды Института восточных культур и античности. Вып. XVII).- С. 167-180.
Степанов Ю. С. Основы языкознания. М.: Просвещение, 1966.- 000 с.
Ушаков Д. Н. Краткое введение в науку о языке.
Финкель А. М., Баженов Н. М. Современный русский языка. Харьков: Наука, 1954.-
Шведова Н. Ю. (отв. ред.). Русская грамматика. М.: ЯСК, 1980.-
Шведова Н. Ю. Имя прилагательное // Грамматика русского языка. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1952/1953.- С. 281-367.
Якобсон 1932/1985 - Якобсон Р. О структуре русского глагола // Якобсон Р. Избранные работы. М.: Прогресс, 1985.- С. 210-221.
Якобсон 1957/1972 - Якобсон Р. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Успенский Б. А. (отв. ред.). Принципы типологического анализа языков различного строя. М.: Наука, ГРВЛ, 1972.- С. 95-113.
Boguslavsky 2011 – Bogulavsky I. M. Remarks on compositionality (with reference to Gennadij Zeldovič's article "On Russian dative reflexive constructions: Accidental or compositional") // Studies in Polish Linguistics. Kraków, 2011, № 6.- P. 173–179.
Garde P. Grammaire russe. I. Phonologie. Morphologie. Paris: Klinsiek, 1980.
Isačenko A. W. Die russische Sprache der Gegewart. Lpz., 1965.

Partee 1984 — B. H. Partee. Compositionality // F. Landman, F. Veltman (eds.).

Varieties of formal semantics. Dordrecht: Foris; 1984. P. 281-312. Partee 1995 — B. H. Partee. Lexical semantics and compositionality // D. Osherson (ed.). Invitation to Cognitive Science, 2nd ed. L. Gleitman, M. Liberman (eds.). Part I: Language. Cambridge, MA: MIT Press, 1995. P. 311-360. Partee 2004 — B. H. Partee. Compositionality in Formal Semantics: Selected

Papers of Barbara Partee. Oxford: Blackwell Publishers, 2004.

Timberlake A. A reference grammar of Russian.

Е.М. Лазуткина
Институт русского языка им. В.В.Виноградова РАН
(Россия, Москва)

СИНТАГМАТИЧЕСКИЙ КЛАСС ГЛАГОЛОВ: ОПРЕДЕЛЕНИЕ И ИСЧИСЛЕНИЕ

Связь между отдельными явлениями
языка гораздо теснее, чем кажется…
Мы умеем читать лишь самые
грубые указания на родство явлений
А.А. Потебня

I. Выявление законов синтаксической организации речи является центральной проблемой в языкознании. Синтаксис – сфера общения, и при исследовании синтагматики естественно использовать когнитивно-прагматический подход, при котором происходит, по выражению Ю.С. Степанова, «описание языка в модальности субъекта речи». «Работа» языка предстает как действие системных прагматических механизмов, вобравших в себя исторический опыт вербальной коммуникации. При этом оценка, присутствующая в замысле говорящего, выступает облигаторным строевым компонентом предложения. Ср.: «Высказывания без оценки не построишь. Каждое высказывание есть прежде всего оценивающая ориентация»; «Оценка будет определять выбор и размещение всех основных значащих элементов высказывания» [Бахтин 1996: 303-323]. Ср. также: «К человеческому сознанию следует подходить не только как к знанию, но и как к отношению» [Мигунов 1986: 91]. Типы оценок обычно описываются как модусы высказываний. Н.Н. Болдырев вводит термины «модусные концепты» и «модусные категории» [Болдырев 2018: 264]. Лингвистические исследования в русле когнитивно-прагматического подхода согласуются с современными исследованиями в таких смежных науках, как эпистемология гуманитарного знания и психолингвистика, акцентирующих роль диалоговой основы языка, личности говорящего и мира адресата.

Направление такого рода исследований уже было задано учением Ф. И. Буслаева о существования логики самого языка, его мыслью «соединения языкознания с философией языка». Вследствие этого, в качестве исходного принимается тезис, что естественная категоризация действительности отражается в построении предложений, что схемы (модели) предложений, как устойчивые коммуникативные образцы, предопределены интерпретативными процессами. Модели предложений обнаруживают когнитивную оценку, социальные и культурологические предпочтения, т.е. демонстрируют способ видения коллективного говорящего и содержат сигналы их однозначного прочтения.

Наиболее близка к теме «синтагматика» тема «категория падежа». Понятия «падеж», «форма слова», «словоформа» являются средствами выражения синтаксической зависимости. Этой теме посвящено также исследование А.А. Зализняка «О понимании термина «падеж» в лингвистических описаниях» [Зализняк 1973: 53-87]. О необходимости исследовать парадигматические отношения в синтаксической системе говорит Ю.С. Степанов: «Первичная семантическая (точнее, семиологическая) функция каждого падежа не может быть определена в рамках одного отдельно взятого предложения или типа предложений. Она определяется в минимальной системе перифраз или, в отдельных случаях, трансформаций» [Степанов 1989: 136-137].

Начиная от Аристотеля, постоянный предмет лингвистических разысканий - особые конструктивные свойства глагола. Ср.: «Глагол – душа предложения <…> ему акт синтетического укладывания присущ как грамматическая функция» [Добиаш 1898: 40]. На материале разных языков для исследования законов глагольной сочетаемости выбирались группы близких по значению глагольных лексем, например, глаголы дачи-передачи, поссесивные глаголы, глаголы движения, глаголы звучания, в то время как одинаковые или сходные синтаксические свойства могут быть присущи совершенно разным лексико-семантическим группам глаголов, в том числе глаголам разной категориальной семантики (например, акциональным и стативным).

Синтагматический класс глаголов – это функционально-семантическая категория глаголов-предикатов, определяющая валентностные свойства глагола, композиционную семантику моделей предложений, направление развития полисемии и внутримодельные деривационные процессы. Эта категория объединяет глагольные слова разных лексико-семантических групп. Вследствие этого, выявление синтагматических свойств глаголов – это установление неочевидных связей глагольных слов в системе, которые могут проявиться в смысловой организации предложения и на уровне семантических связей моделей предложений.

Как известно, языковая категория представляет собой ряд форм, объединенных со стороны значения [Пешковский 2001: 89-90; Кручинина 2009: 13-16]. Целесообразно применение общего принципа подведения под категорию Л.В. Щербы, в соответствии с которым обязательный этап работы – это формулировка предположения, выдвижение гипотезы. К методу эксперимента Л.В. Щербы восходит гипотетико-дедуктивный метод исследования семантики языковых единиц, который описывается в ряде работ. Процедура исследования разбивается на основные этапы: «1) сбор фактов и их индуктивное обобщение, 2) выдвижение теории в виде гипотезы для их объяснения и уточнение ее в сопоставлении и частичном противопоставлении с существующими теориями, 3) выведение дедуктивным путем различных следствий из выдвинутой теории, 4) проверка теории путем сопоставления дедуктивно полученных следствий с фактами» [Селиверстова 1976: 133 -143]. См. также: [Степанов 1975: 118; Лекомцев 1980: 152-163].

В нашем исследовании выдвижение гипотезы - это построение мыслительного конструкта сигнификативного ядра моделей глагольных предложений. Синтагматический класс глаголов может быть исчислен в случае обнаружения константного значения у максимально большого

количества моделей предложений и выявления одного набора архисем у разных глагольных слов.

Методологически важным является опыт разработки теории категориальных значений в морфологии, разработка вопроса о тождестве грамматического значения в трудах таких ученых XIX-XX вв., как К.С. Аксаков, А.А. Барсов, А.А. Потебня, А.В. Добиаш, А.А. Шахматов, А.М. Пешковский, Р.О. Якобсон, И.А. Бодуэн де Куртенэ, И.И. Мещанинов, Л.В. Щерба, С.О. Карцевский, В.В. Виноградов, А.В. Бондарко, Т.В. Булыгина, Н.А.Слюсарева, А.А. Зализняк, И.Н. Кручинина и др. В их работах описаны разные виды грамматических категорий, разнообразие типов членов категорий и категориальных значений - прямые, производные, общие, конкретные, узкие, специальные, беспризнаковые, скрытые, нулевые. См. об этом: [Кручинина 2009: 5-14].

О сущности грамматических категорий образно выразился Л. Талми: «Грамматические категории - это способ структурирования элементов картины мира с точки зрения говорящих (носителей языка). Классы, или категории такого структурирования представляют собой «скелет или строительные леса для концептуального материала, выражаемого лексически» [Талми 1999: 92].

Главным инструментом анализа семантики модели предложения является понятие *синтаксической позиции формы слова,* введенное в теорию синтаксиса Т.П.Ломтевым в 1958 г. В своем учении о синтаксической позиции он назвал ее главной единицей смысловой организации предложения. Понятие «синтаксическая позиция» раскрывает значимость формы слова (ее «реляционные свойства») в модели предложения [Ломтев 1960: 15 – 28]. Функция морфологической формы проявляется в целом ансамбле других характеристик предложения [Апресян 1988; Бондарко 2008; Бондарко 2017].

Синтаксическая позиция имеет более отвлеченные содержательные характеристики, чем уже описанные в системе категориальные разряды существительных, занимающих эти позиции. Это понятие показывает, что модель предложения связана с миром знания через семантические структуры языка более высокой степени абстракции, нежели значение слова, - посредством отнесенности форм слов особой категориальной семантики в особой синтаксической позиции к определенной когнитивной категории, к базовому концепту. Кореферентность синтаксических позиций в соотносительных моделях предложений выявляет концептуальную суть лексических элементов.

Для демонстрации гипотетико-дедуктивного метода исследования глагольной синтагматики благодатным материалом является разряд событийных глаголов.

Модель сигнификативного ядра предложений с событийными глаголами локально направленного действия строится на основе предложения с двухвалентными каузативами, в котором все «участники» события обозначены очевидным образом, т.е. эта структура предложения высокой степени прототипичности. Ср. указание Л.Щербы «разыскивать», какая категория навязывается самой языковой системой: «Если в языковой системе какая-либо категория нашла себе полное выражение, то уже один смысл заставляет нас подводить то или иное слово под данную категорию» [Щербы 1974: 80].

Если функционально-семантическая категория предиката «диатеза» имеет в своей основе всего лишь корреляцию предложений с

гомоморфными глаголами, то категория «синтагматический класс» принадлежит к более абстрактному уровню научного знания: эта категория свойственна не только близким по значению глаголам, объединенным в одну группу, но и разным лексико-семантическим группам глаголов; например: а) событийные глаголы локально направленного действия с семой «полноты заполнения, охвата»: *Она подперла щеку рукой; Мама пропитывала торт ромом;* б) акциональные глаголы с бытийной семой: *В разведке добылась ценная информация; До села доносился гул тракторов.*

Центральный компонент мыслительного конструкта синтагматического класса - предикат с зависимым компонентом (с именной формой в винит. пад.), связанным с ним сильной синтаксической связью, поскольку этот компонент естественным образом участвует в реализации значения предиката. Еще в XIX в. М.М. Покровский обратил внимание на особую роль в построении предложения сильноуправляемых словоформ: их связь с глаголом-предикатом более тесная, чем у подлежащего со сказуемым. На этот факт указывает Н.Д. Арутюнова: «Именно объект определяет характер действия, направленного на его создание, изменение или уничтожение»; «…глагол без дополнения остается семантически незавершенным» [Арутюнова 1976: 125-127]. А.Е. Кибрик также подчеркивает наличие более сильной синтаксической связи между предикатом и названием предмета, на который направлено действие, по сравнению с силой связи между предикатом и предицируемым компонентом, производителем действия [Кибрик 1992: 180].

Особенно тесная связь с объектом действия у событийных глаголов, которые обозначают переход пациенса из одного состояния в другое (безотносительно противопоставления их по виду). Структура значений событийных глаголов обязательно включает отрицательный компонент [Daneš 1971: 197-207; Daneš, Hlavsa a kol. 1981; Лазуткина 1980: 49-56]. Об этом направлении исследований см.: [Демьянков 1983: 324].

Таким образом, мыслительный конструкт «событийные глаголы локально направленного действия, имеющего своим следствием полноту заполнения объекта (окружения, пропитывания, охвата и т.п.)» включает *предикат, объект, субъект действия и адъект* (средство воздействия, названное словоформой в твор. пад.). Это модель предложения с двухвалентным глаголом, например: *Мы покрыли пол лаком.* В модели обязательная синтаксическая позиция именной словоформы конкретной семантики в винит. пад. со знач. места локализации и полноты его заполнения (охвата, проникновения и т.п.). Эксплицитность выраженности всех компонентов заставляет нас считать эту модель исходной в деривационной цепи.

II. Синтагматический класс событийных глаголов локально направленного действия.

По сигнификативному ядру предложений мы выявили 1400 глаголов, принадлежащих 11 лексико-семантическим группам, которые на основе их синтаксического «поведения» можно объединить в один синтагматический класс - класс глаголов **локально направленного действия**. См. например: ***Пронизала*** *вершины дерев желто-бархатным светом заря* (А. Белый); *Он* ***подпер*** *камешком струю воды,*

и она тихо щебетала над его ухом (П. Павленко); *Дамы* ***увешивали*** *грудь и шею бриллиантами, а любители считать чужие богатства вычисляли их стоимость* (К.С. Станиславский).

Синтагматический класс «глаголы локально направленного действия, имеющего своим следствием полноту заполнения (охвата, окружения, проникновения, и т.п.)» – это языковая категория и, в то же время, базовый концепт, когнитивная структура, феномен онтологии языка. Структура этого концепта сложная, потому что, помимо предицирующего компонента, включает «участников события», исполняющих свои роли, в зависимости от ракурса отображения события. Естественно, что в интерпретативных процессах участвуют базовые концепты, которые могут иметь не только номинативный характер, но могут обладать и линейно расчлененной структурой. см., например, синтаксические концепты «субъект и его признак», «активно действующий субъект» [Попова 2009].

Внутримодельные модификации демонстрируют разные типы функционального приспособления компонентов модели предложения для сохранения семантики ядра, разные способы их существования в предложении: в качестве формы имени существительного, нулевого члена (подразумеваемого средства воздействия) или инкорпорированного члена (названного глагольной лексемой); например: *Надо* ***перегородить*** *проход (чем-то). Дорогу опять* ***асфальтируют****; Девушка* ***надушилась****; Ветки* ***заиндевели****; Губы* ***обметало*** *(лихорадкой).*

Данный синтагматический класс глаголов показывает следующее развитие деривационных отношений моделей предложений.

1) Исходная модель – с двухвалентным каузативным глаголом, которую можно использовать как перифразу при толковании других моделей: *Мы* ***окружили*** *дом сиренью. Мама* ***пропитывала*** *коржи кремом.*

2) Производная модель – с атокаузативом: *Я* ***покрылась*** *шалью; Ребенок* ***облился*** *кефиром.*

3) Производная модель как деривация декаузации от исходной модели - с одновалентным гомоморфным каузативным глаголом, т.е. направление развития полисемии бикаузативов – **декаузация**. Ср.: *Мы* ***окружили*** *дом сиренью* ---- *Дети* ***окружили*** *тренера. Мы* ***заняли*** *всю посуду морсом* --- *Аромат дыни* ***занял*** *все комнаты.*

Здесь имя в субъектной позиции берет на себя роль субъекта действия и средства воздействия, каузатора, соединяет обе синтаксические функции. Обобщенное значение имени в этой позиции - «субстанция, способная к самостоятельному перемещению».

Субъектная позиция показывает такую закономерность в синтаксической семантике русского языка: формы **ед. ч.** вещественных или отвлеченных существительных *синонимичны* формам **мн. ч.** конкретных существительных. Они могут выполнять одну функцию, поскольку обозначают несчитаемое множество, единое целое, массив, т.е. представляют концепт «Множество» в такой его ипостаси, как «недискретное множество».

4) Производная модель со значением ««изменение состояния субъекта, являющегося объектом действия, которое имеет своим следствием пространственную смежность объекта и каузатора» имеет обратный порядок слов; например: *Комнату окутывает дым. Лодку*

захлестнула волна.

Эта производная модель представляет интерес в аспекте лингвокультурологии как системная метафора на основе доминантной семы «полнота заполнения, охвата», поскольку ее использует для своей репрезентации концепт «Человек, испытывающий воздействие стихийных сил, мыслей, чувств». Строение модели предложения говорит о том, что для говорящих на русском языке важно сделать именно человека темой высказывания, даже если его статус – объект. Модель передает стихийный характер действия чувств и мыслей, явлений природы, поглощение ими всего человека. Ср.: *От радости ходить по земле охватывает* ***его душу*** *ветерок счастья…* (Ю. Бондарев); ***Меня*** *захватила жажда новых открытий;* ***Его*** *пронзила сырость.*

Названия стихийных сил, чувств, хотя выполняют функцию подлежащего, занимают периферийную позицию каузатора в структуре предложения.

5) Производная модель с безличным предикатом и обратным порядком слов подчеркивает роль объекта (места) как субъекта, изменяющего свое состояние. Роль стихийного каузатора ослаблена: его позиция в творит. пад на периферии предложения или он назван глагольной лексемой; например: *Солнце закрывает тучами. Горло обложило. Дорогу заснежило.*

6) Производная модель «непроизвольное изменение состояния субъекта под действием стихийного каузатора» организуется глаголами с постфиксом *-ся.* Обозначается неконтролируемое стихийное событие; субъектная словоформа в им. п. называет предмет, изменяющий свое состояние в результате воздействия локализующейся субстанции; например: *Борщ взялся жиром; Корка заплесневела* (инкорпорированный каузатор)*; Свечи оплывали в канделябрах* (обобщенный каузатор).

III. Типы лексикографических ошибок при описании глаголов данного класса в толковых словарях.

1) В словарных статьях, как правило, отсутствует синтаксическая помета *чем*, указывающая на облигаторный член предложения. Ср.: *Расшили костюм бисером.*

Морфологически невыраженная возвратность также должна конкретизироваться словоформой в твор. пад. и снабжаться пометой *чем*; например: *Рассказ обрастал подробностями*.

2) Часто не разграничиваются разные значения глагольного слова – двухвалентного и одновалентного каузативных глаголов. Ср.: **ЗАКРЫВАТЬ, ЗАКРЫТЬ.** 1. *кого-что чем***.** *Закрывать грядки пленкой.* 2. *кого-что. Облака закрыли солнце.*

В позиции субъекта производной модели (2-е значение глагола) имя с пропозитивной семантикой [Лазуткина 1988]. При этом обычно в дефиниции не указывается обобщенная семантика имени существительного в субъектной позиции. Это макросемантический разряд имен, представляющих концепт «Субстанция, способная к самостоятельному перемещению». Не указываются семантические маркеры синтаксической позиции - «множественность» и «определенность»; например: *Игроки окружили тренера.*

3) Не указываются ограничения в употреблении форм категории

лица глагола. Следует: **ЗАЛИТЬ, ЗАЛИВАТЬ**, **-ЕТ** (**1 и 2 л. ед. не употр.**). *Река залила луга.*

4) Не различаются глаголы разных синтагматических классов как самостоятельные значения одной лексемы. Так, в БАСРЯ глагол **ОБВЯЗЫВАТЬ,** *несов.;* **обвязать**, *сов. перех.* иллюстрируется примерами с распространителями «что чем-н.» (например: *обвязать руку бинтом*) и «что вокруг чего-н.». (например, *веревку вокруг столба*).

Часто неправильно подбирается иллюстративный материал к значению глагола рассматриваемого синтагматического класса. Так, например, предложение ***Намазать масло на хлеб*** не является иллюстрацией значения глагола локально направленного действия, имеющего своим следствием полноту заполнения поверхности чего-л. Эта конструкция иллюстрирует другое значение глагола *намазать* иного синтагматического класса, где глагол не имеет семы «полнота заполнения объекта». В нашем случае следует привести в качестве примера предложение ***Намазать хлеб маслом***.

5) Неправильно иллюстрируется дериват исходной глагольной конструкции: так, к одновалентному каузативному глаголу *заполнять* (*Вода заполнила желоб*) приводится пример с двухвалентным каузативом: **ЗАПОЛНИТЬ, ЗАПОЛНЯТЬ** *что*: **Заполнили желоб водой.*

7) Не дается помета «обратный порядок слов в предложении» при толковании глагола, обозначающего воздействие на человека мыслей, чувств; например: *Его охватила радость.*

8) Изменение характеристик грамматических и семантических характеристик членов модели предложения (внутримодельная модификация) не выделяется как отдельное значение глагола. Не указывается неакциональное значение глагола. Ср. ошибочный пример из БАСа с глаголом релятивной семантики как иллюстрация акционального глагола *обвязывать*: *Худую, жилистую шею его* ***обвязывал*** *шерстяной зеленый шарф, скрывающийся под полушубком* (Л.Толстой); ***Оторачивали*** *озеро лохматые пихты, кедры* – (Вс. Иванов).

Модель с акциональным глаголом и с семантикой «действие субъекта, имеющее своим следствием его локализацию и изменение состояния объекта (полноту охвата объекта)»; например: *Публика стала окружать негодяев, и тогда в дело вступил Коровьев.* (М. Булгаков) - становится базой для формирования модели со значением *факта,* вследствие усиления модусного компонента в семантике предложения, подчеркивания оценочного плана высказывания. Вместо отвлеченных, вещественных существительных во мн. ч. в позиции субъекта появляется конкретное неодушевленное существительное ед. или мн. ч.; глагол теряет сему акциональности; например: *Коричневые брюки чуть прикрывают каблук* (Е. Катасонова).

В словарной статье должны быть соответствующие пометы при глаголе (НСВ) и имени (конкретное неодушевл. сущ.).

IV. Структура синтагматического класса в синхронии и диахронии.

По своей организации синтагматический класс представляет собой нечеткое (расплывчатое) множество, по терминологии Л. Заде и Р. Лакоффа, поскольку нельзя утверждать, что каждый глагол этого класса организует все модели предложений рассмотренной деривационной

сети. Это происходит потому, что, во-первых, не все ракурсы локально направленного действия-события могут быть названы конкретной глагольной лексемой; во-вторых, не всегда система глагольного словообразования «помогает» сделать очевидной синтаксически значимую архисему, не все словообразовательные форманты (префиксы и постфикс *–ся*) согласуются со значением корневой лексемы; в-третьих, носители языка, следуя своему языковому вкусу, могут оставить невостребованной какую-нибудь словообразовательную модель.

И.С. Улуханов подчеркивает строгое соответствие синтаксического поведения глаголов и их словообразовательной деривации: «Мотивирующий глагол сильно управляет вин. беспредложным, префиксальный глагол имеет двойное сильное беспредложное управление – вин. и тв. п., причем в форме тв. п. стоит то имя, которое занимает позицию сильноуправляемого вин. п. при мотивирующем глаголе. Это соотношение имеет место у словообразовательных типов с префиксами *вы-*: *плести косы на голове – выплести косами голову*; *до-*: *лить что-н. во что-н. – долить что-н. чем-н.; за-: ставить что-н. на что-н. – заставить что-н. чем.н.; из-: рисовать что-н. на чем-н. – изрисовать что-н. чем-н.; о-: сыпать что-н. на что-н. – осыпать что-н. чем-н.; об-: лить что-н. на что-н. – облить кого-что-н. чем-н.; от-: дарить что-н. кому-н. – отдарить кого-н. чем-н.; пере-: сыпать что-н. на что-н. – пересыпать что-н. чем-н.; у-: вешать что-н. на что-н. – увешать что-н. чем-н.*» [Улуханов 2017: 227-228]. Полного списка дериватов у каждого глагола 11-ти лексических групп не может быть в силу специфики денотативных признаков действия. Весь набор корреляций присущ только глаголам с наиболее общим значением, например: *заполнять, покрывать, заливать, захватывать.* См.: *Мороз покрывает лужи тонким ледком - Тонкий ледок начал покрывать лужи – Лужи начал покрывать тонкий ледок – Лужи начало покрывать тонким ледком - Лужи начали покрываться тонким ледком.*

Глаголы с конкретным узким значением вносят «свои» поправки в строение предложений, в зависимости от активности субъекта действия, а также от специфики самого действия-события. Речевые образцы свидетельствуют о том, что конструкции с такими глаголами, как правило, представляют собой лишь отдельные участки деривационной сети; например: *Лужа взялась коркой льда. Повар обдал кастрюлю кипятком. Тишину пронзил резкий звук*; менее частотный вариант: *Трубач пронзил тишину резким звуком*.

Попытки построить высказывания с этими предикатами по другим моделям деривационной сети приводят к нарушению языковой нормы. Ср. невозможность активных конструкций: **Корка льда взяла лужу, *Лужу взяло коркой льда*. **Кипяток обдал кастрюлю; *Кастрюлю обдало кипятком; *Кастрюля обдалась кипятком*. **Тишина пронзилась резким звуком*.

Кроме того, системные связи глаголов в каждый исторический период существования языка имеют свою специфику, поэтому состав класса может изменяться. Этот аспект языковых процессов представляет интерес для интерпретативной лингвистики и лингвокультурологии.

По сравнению с употреблением в XIX веке в современном русском языке увеличилось число синтаксических моделей, в которых имеет место тематизация названий лица, человека, вне зависимости от

того, что его роль в описываемом процессе пассивная. Это говорит об интересе в социуме к человеку. Соответственно, уменьшается количество безличных конструкций, описывающих неконтролируемые процессы, и моделей, в которых имеет место тематизация предметной лексики при обозначении процессов, происходящих с человеком.

Так, например, каузативный глагол *обрасти,* еще недавно употреблявшийся в знач. 'распространиться по всей поверхности, вокруг` с сильноуправляемым компонентом в винит. пад. (*обрасти что*), в настоящее время употребляется с распространителем *чем*, напр., *обрасти волосами, бородой, щетиной*. Ср. устаревшие употребления: *Борода и усы обросли нижнюю часть лица* [Пьера] (Л. Толстой); *Грязно-серая борода обросла его лицо от глаз до шеи* (М. Горький). Таким образом, носителя языка сделали темой своих высказываний человека и отказали стихийному каузатору (*волосы, борода, щетина*) в статусе субъекта в центральной синтаксической позиции в предикатном ядре. Он переведен в периферийную позицию слабого каузатора – в позицию творит. пад. со значением средства воздействия («творительного итоговой смежности»). Как слабые каузаторы, эти словоформы имеют более низкий коммуникативный статус и становятся менее обязательными. Их значение аккумулировало глагольное слово, поэтому они могут отсутствовать.

Не употребляется в настоящее время автокаузатив *окружиться*: *Он, окружась толпой врачей, На ложе мнимого мученья Стоная молит исцеленья* (Пушкин).

Глагол *заступить* изменил свои синтаксические свойства. Ср. узуальные употребления этого глагола в XIX веке как двухвалентного каузатива с архисемой «полнота заполнения объекта», синонима двухвалентного глагола «закрыть» (*что-н. чем-н*.) и как одновалентного каузативного глагола (*что*)*: Опустивши мешок, они* [ткач и кум] *заступили его собою и закрыли полами...* (Н. Гоголь); *Загорецкий заступил место Скалозуба* (А.С. Грибоедов). В современном употреблении этот глагол встречается в устойчивых выражениях, в которых прослеживается более тесная связь с другим синтагматическим классом – классом глаголов движения-перемещения: *заступил за черту; заступил на вахту, на дежурство.*

Потеряли связь с исходным событийным глаголом данного синтагматического класса два глагола, обозначающие локальные отношения: *застить* и *облегать* (об одежде); например: - *Сейчас прочитаю* [письмо], *отойди-ка немного от света, а то застишь* (А. Гайдар); *Вскочил я сгоряча, пробег сажен пятнадцать, а кровь глаза застит и кругом-кругом из-под ног катится земля* (М. Шолохов); *...розовый свитер плотно облегает фигуру, коричневые брюки чуть прикрывают каблук* (Е. Катасонова).

V. Синтагматический класс бытийных предложений. Типы предложений, организуемые акциональными глаголами с экзистенциальным компонентом значения.

Если синтагматический класс событийных глаголов, показывая разные ракурсы локально направленного действия, подчиняется правилу прототипичности и образует сеть деривационно связанных моделей предложений, то синтагматический класс бытийных предложений демонстрирует связь линейного состава предложений с фокусом интереса

говорящего и с актуальностью модусного плана «когнитивная оценка субъекта восприятия».

Скрытый бытийный компонент значения акциональных глаголов проявляется, прежде всего, системно закрепленным обратным порядком слов в модели предложения: сказуемое предшествует подлежащему. Ядро бытийных предложений включает три основных компонента: «(1) область бытования (локализатор) – пространственный или временной параметр, (2) показатель существования (глагол), (3) бытующий предмет» [Арутюнова 1999: 742].

Таким образом, если событийный предикат дает читателю представление о нюансах протекания действия и о его участниках, то в бытийном предложении эта информация преподносится в качестве «положения дел», факта, и эта информация включена в смысл пропозиции. Т.е. строение предложения говорит об информационном обогащении значения предложения: включении денотативного плана, названного конкретной глагольной лексемой, в план эпистемической оценки высказывания.

О.Н.Селиверстова делает вывод, что «значение языковой единицы – это концепт, т.е. явление принципиально отличное от денотативной отнесенности», и признает справедливыми «прозрения лингвистов психологической школы конца XIX и начала XX веков о том, что эти концепты соответствуют не уровню восприятия, а сформировались на более высоком уровне обработки и переработки (переосмысления) получаемой извне информации» [Селиверстова 2002: 21-24].

а) **Конструкции с количественной характеристикой, с накопительным компонентом в глагольном значении.**

Эти конструкции могут рассматриваться как вариант экзистенциальных предложений, поскольку в них присутствуют названные семантические составляющие,

Модели предложений с экзистенциальным компонентом в значении акционального глагола СВ в форме прош. вр. существуют в языке в двух ипостаясях: с препозицией обстоятельственной словоформы со значением места или без этой словоформы (с нулевым членом модели); например: *В дом набежало народу / В дом набежал народ / Набежало народу; В избу набились ребятишки / Набились ребятишки; Под куртку наползли муравьи / Наползли муравьи.*

б) **Предложения наличия, положения в пространстве.** Эти конструкции обязательно включают указание места. В группе стативные и процессуальные глаголы. Формы 1-го и 2-го лица глагола не употребляются.

Над ним довлеет страх; В пейзаже доминируют золотистые цвета.

Глаголы самопроизвольного движения редуцируют сему акциональности и актуализируют сему бытийности; например, о текучей массе: быть, течь (*откуда, куда, по чему). С гор движется сель. Движется лавина, лава, грязевые потоки.*

в) **Предложения, организованные глаголами восприятия.** Н.Д. Арутюнова относит их к «пограничным» случаям бытийности: «На границе между бытийными и субъектно-предикатными структурами расположена обширная область предложений с глаголами восприятия и воспринимаемых признаков (*синеть, блестеть*), явления, положения в пространстве и именем неопределенной референции» [Арутюнова 1999:

790]. Ср.: *До деревни* ***докатились раскаты грома****. Под елью* ***виднелись лисички****. Из-за реки донеслась песня. Тень от меловой горы сюда не достигала, и весь берег* ***заливала луна*** (М.Булгаков).

г) К этому типу предложений близки **соматические речения** с указанием субъекта оценки, изменения состояния или с подразумеваемым субъектом восприятия, что обусловливает фразеологизацию остальной части предложения. Подлежащее и сказуемое выступают как единый *комплекс с характеризующим значением.*

Ср.: *У Павла* ***ёкнуло сердце****, но сгоряча он не захотел спрашивать, что это за указание* (В. Белов); *При мысли о дочери остро* ***клешнило сердце*** (О.В. Богомолов); *У Тимофея* ***перехватило горло****, но он пересилил себя* (Б. Екимов); *И только душу* ***захлестнуло*** *Сребристой мглой из-под подков* (А. Блок).

д) **Предложения с глаголами явления, возникновения.** В таких предложениях присутствует локальный или темпоральный указатель или подразумевается; например: *В клубе даётся сеанс одновременной игры в шахматы; Приближалась довольно скучная пора – Стоял ноябрь уж у двора* (Пушкин); *На коже делаются пятна; В народе удержались* (не исчезли) *старые обычаи; У него завелись деньги. У кого / В доме завелись тараканы; Куда девалась моя книжка?*

Вывод. Функционально-семантическая категория «синтагматический класс глаголов» относится к разряду скрытых категорий. При выявлении синтагматического класса глаголов необходимо использовать метод моделирования сигнификативного ядра предложений и понятие «синтаксическая позиция формы слова». Обнаружение разных типов синтагматических классов глаголов происходит с учетом информационной «глубины» предложения и парадигматических связей моделей предложения.

Литература

Апресян Ю.Д. Прагматическая информация для толкового словаря // Прагматика и проблемы интенсиональности. М.: 1988. - 302 с. - С. 7 – 44.

Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. М.: «Наука», 1976. – 383 с.

Арутюнова Н.Д. Бытийные предложения в современном русском языке // Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: «Языки русской культуры». 1999. - С. 737-792.

Бахтин М.М. Полн. собр. соч. Т. 6. М.: 1996. - С. 303-323.

Болдырев Н.Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория яыка. М.: Изд. Дом ЯСК, 2018. – 480 с.

Бондарко А.В. Категоризация семантики в системе грамматики // Проблемы функциональной грамматики. Категоризация семантики. – СПб: 2008. – 472 с.

Бондарко А.В. Глагольные категории в системе функциональной грамматики. 2-е изд. Изд. Дом ЯСК. М.: 2017. - 336 с.

Демьянков В.З. «Событие» в семантике, прагматике и в координатах интерпретации текста // Изв. АН СССР. Сер. литературы и языка. 1983. - т. 42, № 4. - с. 320-329.

Добиаш А.В. Опыт частей речи и их форм на почве греческого языка // Известия историко-филологического института кн. Безбородко в

Нежине, т.16. Нежин, 1898 - 544 с.

Зализняк А.А. О понимании термина «падеж» в лингвистических описаниях. Часть I. // Проблемы грамматического моделирования. М.: 1973. - 261 с.

Кибрик А.Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. - М.: МГУ, 1992. - 336 с.

Кручинина И.Н. Структура и функции сочинительной связи в русском языке. 2009. - 212 с.

Лазуткина Е.М. Событийные глаголы в аспекте их синтаксических свойств. // Филологические науки. 1980, № 3.

Лазуткина Е.М. К проблеме разграничения первичных и вторичных глагольных значений // Словарные категории. М.: «Наука», 1988. - 222 с.

Лекомцев Ю.К. Структура лингвистической гипотезы в аспекте формализации // Гипотеза в современной лингвистике. М.: 1980. – 384 с. - С. 152-163.

Ломтев Т.П. Об абсолютных и реляционных свойствах синтаксических единиц (О понятии позиции в теории синтаксиса) // Филологические науки. М.: 1960. № 4. - С. 15 – 28.

Мигунов А.С. Искусство и наука: о некоторых тенденциях к сближению и взаимодействию // Вопросы философии. - М.: 1986. № 7. - С. 91-97.

Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 8-е. - М.: 2001. - 544 с.

Попова З.Д. Синтаксическая система русского языка в свете теории синтаксических концептов. Воронеж: 2009. - 210 с.

Селиверстова О.Н. Об объекте лингвистической семантики и адекватности ее описания. // Принципы и методы лингвистических исследований. М.: «Наука», 1976. – 380 с.

Селиверстова О.Н. Когнитивная семантика на фоне общего развития лингвистической науки // Вопросы языкознания. 2002. № 6. С. 12-26.

Степанов Ю.С. Методы и принципы современной лингвистики. М.: «Наука», 1975. - 313 с.

Степанов Ю.С. Индоевропейское предложение. М.: «Наука», 1989. - 284 с.

Талми Л. Отношение грамматики к познанию // Вестник МГУ. Филология. - 1999. № 1. - С. 91-115.

Улуханов И.С. Глагольное словообразование современного русского языка. Том II.: Глаголы, мотивированные глаголами. М.: Изд. центр «Азбуковник», 2017. - 432 с.

Щерба Л.В. О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л.: 1974. - 427 с.

Daneš F. Pokus o strukturní analýzu vyznamů českého slovesá // Slovo a slovésnost. Praha: 1971, № 3. – S. 197-207.

Daneš F., Hlavsa Zd. a kol. Větné vzorce v cěstiné. Praha, 1981. - 272 s.

Ирина Левонтина
ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН

Об экспансии винительного падежа в количественных оборотах[1]

Многие обращают внимание на нередко встречающееся странное использование винительного падежа в контекстах типа: *У меня кучу дел; Есть минутку?; Есть еще парочку подтипов; Было уйму впечатлений; Купила билеты по тыщу; Было половину десятого; Сказать по пару слов.* Это явление было отмечено в небольшой работе М. А. Холодиловой и А. Б. Летучего «Было пару человек: об одной количественной конструкции в русском языке» (Тезисы конференции 2011 г.). В ней

[1] Исследование поддержано РФФИ, грант 19-012-00291А, “Подготовка четвертого выпуска Активного словаря русского языка”.

сказано, что квантификаторы *пара, куча, масса* могут использоваться в ВИН в естественных контекстах номинатива и что в интернете есть и примеры, в которых «форма аккузатива заменяет, например, датив или генитив при предлогах». Многие из таких примеров выглядят совершенно ненормативными, однако есть и вполне естественные, пусть и не канонические:

Прошло ***пару месяцев*** *<****тысячу лет****>*;

В ***тысячу*** *триста восьмидесятом году*;

Ср. также следующий пример из записи, автор которой, Лев Рубинштейн, бесспорно, замечательный стилист:

Удивить никто не удивил, но ***пару имен****, скажем так, огорчили* (ответ на вопрос *Вас кто-то удивил?* о списке подписавших некое письмо).

А употребление ВИН *тысячу* вместо ИМ в составе составных числительных не только давно и часто встречается, но и специально отмечается как ошибочное:

— *Я, браток, в* ***тысячу*** *девятьсот пятом годе на усмирении был.* [М. А. Шолохов. Тихий Дон. Книга первая (1928-1940)]

Выберите нужную форму числительного:

*1)(****В тысячу девятьсот тридцать девятом - в тысяча девятьсот тридцать девятом****) году началась Вторая мировая война.*

https://znanija.com/task/2071853

6 февр. 2012 г. - грамматическая ошибка допущена в предложении: - название химических элементов, открытых ***до тысячу восьмисотого года****…*

https://otvet.mail. ru › Домашние задания Ответы@Mail.Ru: помогите по русскому!!!!

Оказывается, что неканоническое употребление ВИН присуще более широкому кругу существительных с количественным значением: *тысяча* и *тыща (тыщонка), сотня, соточка, сотка, дюжина, пара* и *парочка, уйма, прорва, тьма, половина, тонна, минута* (речь идет о существительных склонения на *-а*, потому что именно у них не совпадают формы ИМ и ВИН), – и круг контекстов ВИН тоже намного больше (и другие падежи, в том числе и без предлогов):

В качестве пару *слов хотелось бы вам сказать…;*

Машина была найдена ***в пару*** *кварталов от дома;*

Отдам лекарства. Почти все нетронутые. ***В пару пачек*** *не хватает по 1-2 таблетки;*

плиз подскажите игру <…> чтобы ***пару людьми*** *управлять)) спасибо вам;*

Мне кажется я вернулась с ***пару килограммами****, потому что это выпечку, хлеб, булочки, просто не возможно не попробовать;*

будешь общаться с ***тысячу людьми*** это не значит, что в твоем сердце не будет пустоты;

А для некоторых нормальная жизнь - это жизнь ***с кучу друзей****, не работая вообще.*

При рассмотрении примеров по отдельности нередко возникает соблазн предложит какие-то «локальные» объяснения появления ВИН: смешение разных конструкций, анаколуф и т. д. Ср., например, приведенный выше пример:

Машина была найдена ***в пару*** *кварталов от дома.*

Здесь можно было бы сказать, что произошло смешение двух конструкций: *в паре кварталов* и *за пару кварталов*. Такое объяснение, однако, было бы невозможным для следующего примера:

В пару пачек *не хватает по 1-2 таблетки.*

Фразы типа *Пришло пару человек, Было кучу гостей* можно было бы пытаться объяснить тем, что говорящий начинает фразу с глагола в форме среднего рода, как это естественно при подлежащем – сочетании с числительным (*Было пять человек*), однако существительное женского рода плохо монтируется с глаголом в форме среднего, поэт ому говорящий как-то уходит от необходимости сочетать глагол с существительным по роду, отказавшись от ИМ. Однако это не объясняет, почему выбирается именно ВИН. Кроме того, форма среднего рода глагола все-таки встречается в сочетании с существительными женского рода:

Каждый год ,перед Новым Годом , я мечтаю ,чтобы у меня было пара-тройка спокойных, свободных от работы дней.
https://www.pinterest.ru/pin/685180530781703635/

Там было парочка вариантов.
https://rutube.ru/video/ae319ca5c27f67f647c4ea63dd6b7c5a/

Наконец, такое объяснение не работает для предложений с глаголом в форме настоящего времени или нулевой связкой; ср. *У меня по дороге кучу магазинов*. Сочетание *есть парочку*, которое никак невозможно объяснить трудностями согласования по роду, например, – совсем не редкость:

Мне 21 год. У меня светлые кучерявые волосы, болотные глаза. Я считаю себя интровертом, но у меня ***есть парочку*** *друзей из универа.*
https://ficbook.net/readfic/6572307

Есть парочку вопросов.. Всем здравствуйте, вчера встретилась с двумя вопросами health-diet.ru› 255822/blog/151575

*Движемся дальше..., **есть парочку** новых идей, которые хочется протестить в этом году* instagram.com›p/BtFGKGTnKKu/?hl=bn

Есть парочку *способов, но они легальные, поэтому даже не надейтесь, что здесь вам попадётся статья, для получения чего-либо обманным путем…хотя, мы еще посмотрим.* computerinfo.ru›Лайфхак на 6 способов

есть парочку *минусов, но они минимальны,в целом хорошее средство. ... эффект есть).* irecommend.ru›content/est-parochku-minusov-no-oni…

Показателен следующий пример, где говорящий использует конструкцию с ВИН, а собеседник его поправляет:

Ответы Mail.Ru: *Всем привет! У меня* ***есть парочку*** *вопросов, может кого заинтересует, присоединяйтесь... "Есть парочку" - звучит как-то не по-русски. Падежи прогулял в школе? Надо было сказать "есть парочкА вопросов" :-)* otvet.mail.ru›question/191798561

Конечно, в таких случаях можно говорить о влиянии посессивной конструкции с глаголом *иметь*. И скорее всего, частные объяснения, подобные приведенным выше, имеют право на существование, однако лишь как указания на дополнительные факторы, а должен быть какой-то общий механизм, объясняющий поведение ВИН во всех подобных случаях.

При этом кажется довольно удивительным, что так активизируется здесь именно ВИН. Гораздо естественнее было бы ожидать здесь активизацию РОД: у него есть и какие-то количественные ассоциации (*добавить соли*), и возможность сочетания со связкой во фразах типа *Их там не было*, а в просторечии и без отрицания: *Их есть у меня.*

Чем же объясняется экспанисия не РОД, а ВИН, на первый взгляд непонятно.
Впрочем, отдельно стоит сказать о предлоге *по* в распределительном значении.
В описании предлога по Л. Иомдин в Иомдин 1991 выделяет специальное распределительное ПОIV с ДАТ, ВИН и РОД (*по сотне, по сто, по пятидесяти*) и описывает правила выбора падежа (с. 118-119). Заметим, что три вариант падежа при предлоге в однотипном контексте – это для русского языка некоторая редкость. Существительные в норме выступают здесь в ДАТ *По **рублю**, по **гривеннику**, по **доллару**, по полтиннику – по **десять**, по **сто**. По тыщу, по пару слов* при всей странности этих сочетаний как раз конструктивно проще всего – здесь можно усмотреть выравнивание по числительным. Если бы дело было только в распределительной конструкции, можно было бы ограничиться констатацией изменения предложного управления.
Разнобой в выборе падежной форме в распределительной конструкции с предлогом *по* – явление далеко не новое; ср.:
*Да чтобы не запрашивать с вас лишнего, **по сту** рублей за штуку! - сказал Собакевич. - **По сту**! - вскричал Чичиков, разинув рот...* (Николай Гоголь, Мертвые души)
*... нынѣшнему окладу жалованіемъ, при рисовальномъ–мастеръ одинъ **по сту** по **сороку** рублей, подмастерье одинъ **по сту** рублей, учениковъ четверо, ...*
https://books.google.ru/books?isbn=5458157486
*За выводимых из своей вотчины «девок» княгиня приказывала присылать **по ста** рублей с каждой. За всякую провинность предписывались ею строгие ...*
Е. Р. Дашкова. Ее жизнь и общественная деятельность В. В. Огарков - 2018 - Biography & Autobiography https://books.google.ru/books?id=-WtNDwAAQBAJ
*... чтобы нѣкоторое число торгующихъ казаковъ было освобождаемо отъ службы, со взносомъ отъ каждаго изъ нихъ въ войсковой доходъ **по ста** рублей.* В.Д. Сухоруков - 2013 - Historyhttps://books.google.ru/books?isbn=5458090462
*В Перми за шесть взяток **по сто** рублей уволили женщину-полицейского.*
https://progorod59.ru/news/26601
*Туристы скинутся **по сто** рублей за Крым* — Рамблер/новости
https://news.rambler.ru/articles/36816690-turisty-skinutsya-po-sto-rubley-za-krym/
На эту тему есть корпусное исследование [Гришина 2011].

Прежде, чем высказать гипотезу о механизме экспансии ВИН, приведем материал, в основном извлеченный из блогов, демонстрирующий, что описываемые неканонические употребления ВИН достаточно распространены. Материал рассортирован по группам количественных слов и проводится с сохранением орфографии и пунктуации источника.

Тысяча, дюжина, сотня, половина
*И прошло **сотню** лет, вспоминаю о всём*
Что так было давно и прошло одним днём.
https://steamcommunity.com/id/DooM_Archi
*— Оленька, боже ты мой, когда это было! Прошло **тысячу** лет, после нашего расставания я очень переменился.* [Евгений Сухов. Делу конец – сроку начало (2007)]
*Пьют кровушку народную, а сами воруют сволочи, пенсия вот у меня **тыщу** рублев, а как, скажите, люди добрые, на такие деньги жить-то?*
https://books.google.ru/books?isbn=5457279367

ахаха, у меня ***тыщу*** *таких фото) муж их называет ласково - кораллы . — какие ножки смешные. пальчики так торчат смешно.*
https://www.babyblog.ru/.../56a66992843983ae168b456a-nu-hot-chem-to-syn-pohoz...
Ответы@Mail.Ru: *Чёт так жить хотца до* ***тыщу*** *лет! К чему бы такая нездоровая фигня?* otvet.mail.ru›question/35318726
Кстати имеются Рупь с Николашкой, Яндекс грит по состоянию может стоить ***до тыщу*** *баксов* forum.ykt.ru›viewmsg.jsp?id=21182862
Ответы@Mail.Ru: *что пожелать брату? что пожелать брату на день ...*
. - Скажи ему душевно так- братишка живи ***до тыщу*** *лет.... Потом умри! Бесогон*
https://otvet.mail.ru
до тыщу *лайков еще долгооо :*
https://www.e1.ru/talk/forum/read.php?f=67&i=13416600&t=13416600...
1 июн. 2018 г. - ... более 50 километров только за счет электричества и при этом будут весьма динамичными – разгон ***до сотню*** *займет около 4 секунд*
evmode.ru/2018/06/01/alfa-romeo-vyipustit-srednemotornyiy-supergibrid-8c/
Тренируйся, пиши какие-нибудь черкушечки, никому их не показывай, пиши, переписывай по ***дюжину*** *раз, только тренируйся. вроде бы все есть, но в ...*
https://pikabu.ru/.../zaranee_proshu_proshcheniya_za_oshibki_sintaksicheskie_punktuat...
каждый год этих автобусов списывали по ***дюжину****.*
dnevniki.ykt.ru/Grenadier_Thomas/1091508?promo_inner&mobile=true
... бывшим чемпионом. И тот и другой имеют по ***дюжину*** *побед за плечами, и лишь один проигрыш, который получили в битве друг против друга…* https://www.ivi.ru › Фильм › Комедии › Забойный реванш
Если бы я мог знать, что я попытаюсь успокоиться, я получу разум, чтобы быть уверенным, что у меня есть ***половину*** *ума*. https://textypesen.com/the-lemonheads/rest-assured/
В восторженных тонах оценил прошедший чемпионат и Владимир Морозов: «Очень удачный чемпионат Европы для нас, самый лучший в нашей российской истории. Учитывая, что у нас многих не было - Юлии Ефимовой, ребят, которые уехали на чемпионат мира среди военнослужащих, - и то, что было ***половину*** *больных, выступили мы очень даже неплохо».* https://www.mos.ru/news/item/34262073/
в то время, когда на наружных часах, над подъездом, было ***половину*** *10-го, часы в вестибюле показывали — четверть 12-го, в зале первого класса — одиннадцать!..*
[неизвестный. Слухи и факты (1912.12.11) // «Одесский листок», 1912]
Уже не первый раз сталкиваюсь с ситуациями где обычно нужно повторять какой либо фон ***до половину*** *а на вторую другой*. toster.ru›q/169957
13 comments on " В общем с передними стеклами какая та фигня когда поднимаю ***до половину****"*. ffocus-help.ru›…obshhem…perednimi…ta…do-polovinu/
1 сентября импорт газа на Украину по реверсу из Словакии сократился почти ***до половину*** *от максимальной мощности --- сообщает РИА Новости*
aif.ru›money/market/kiev_snizil_pochti_do…revers…
Нажмите до половины кнопку спуска затвора, чтобы загорелась метка ... В нормальном режиме при нажатии кнопки спуска затвора до ***половину*** *фиксируются AF (автофокус) и AE (автоматическая экспозиция),*
photomanual.ru›download/olympus/manuals/olympus_e…
... заранее выписать пропуск на определенный час,когда еще работает бюро пропусков-до ***половину*** *пятого*. https://adiaphora22.livejournal.com/196234.html

26 апр. 2011 г. - ... по УБ не выглядит недостижимой. Индекс ПФТС до ***половину*** *пятого, скорее всего останется между отметками в 1040 и 1060 пунктов.* www.ux.ua/ua/m/12/1836/20110426-utrenniy-obzor-26-aprelya-vse-samoe.aspx
... а нижний - Христорождественский. Работает только верхний храм, но и то, до ***половину*** *пятого (до 16.30).* https://otzovik.com/review_6430003.html
21 мая 2012 г. - ... кто обычно спокойно относится к спортивным баталиям, сегодня в Хабаровске с ***половину*** *пятого утра не сомкнули глаз, наблюдая за ...* khab-vesti.ru › Новости
30 дек. 2013 г. Люди которые стояли с ***половину*** *пятого утра, попали в храм к половине десятого , вечера.* www.logoslovo.ru/forum/all_362/topic_8479_9_0_0/

Пара, парочка

Прошло ***пару*** *лет, разочарование от МКЦ прошло, и где-то я вычитала про чай для похудения «Летящая ласточка».* [Красота, здоровье, отдых: Красота (форум) (2005)]
Прошло пару месяцев, он был арестован вторично и расстрелян. [Анна Бергер. Annenschule (2003) // «Вестник США», 2003.12.24]
— *прошло* ***пару*** *месяцев, и все как будто подернулось ряской.* [Антон Петров. Дочь, ложь и видео (2003) // «Вслух о…», 2003.07.01]
Прошло ***пару*** *месяцев, пока я привык к мысли, что теперь они приходят нас не вязать, а охранять.* [Андрей Макаревич. Все очень просто (1990)]
Было ***пару*** *маргиналов, которые" общались "с духами, а потом духи пускались в бега, не боясь, что им влепят за дезертирство.* [коллективный. Форум: Дедовщина и неуставные отношения. Кто есть кто в современной армии (2011-2013)]
Дружба,что это вообще такое? Да ты думаешь,у тебя есть ***парочку*** *друзей,которые с тобой будут до конца,он же с детства,либо знакомы пару лет и...* https://vk.com/lotov3

Минута (секунда), тонна

И мы можем пойти, как вы хотите пойти. Теперь у меня есть ***минуту****.* slushat-tekst-pesni.ru/jagged-edge/what-you-tryin-to-do
На всё про всё у тебя есть ***минуту*** https://vk.com/gogunskaya_milana_star
15 июн. 2015 г. - Сыграем в игру, Джерри Ли. У тебя есть ***минуту****, чтобы отыскать своего милого бакугана. Не успеешь - последствия будут плачевными.* https://ficbook.net/readfic/2742946/8666011
Правда машину я не взял, поскольку косяков там было ***тонну****, но именно с того дня я понял, что хочу именно чепырку* https://www.drive2.ru/l/465402932146209275/
Просто хотелось узнать, как тормозилки показывают себя. +1. 4 года · somebody. Ну блин, нельзя сравнивать. У меня ***тонну*** *семсот, а у тебя 900* https://www.drive2.ru/c/1839849/
У меня ***тонну*** *техники от сяоми, от телефона, до камеры. Я очень люблю эту фирму* https://technopoint.ru/product/7eb34a18621d3330/provodnaa...xiaomi.../opinion/
у меня ***тонну*** *дел...* https://www.wattpad.com/579536445-чанс-любовь-между-монстром-и-человеком-.....
Люди, которые говорят, «Там было ***тонну*** *людей» на мероприятии, если буквально означает только около 15 человек.* https://allwomenstalk.com/ru/5689596d0c4fe7e8488b47cc

... поэтому...в понедельник мы были на диком пляжу, который оказывается не был диким, потому что там было ***тонну*** *людей, как и на всех пляжах* www.pictaram.org/hashtag/джуниорклуб
Надо, впрочем, отметить, что слово *тонна* употребляется здесь в либо в значении ‘тысяча’ (*тонна семьсот* об объеме двигателя), то есть примыкает к первой группе, либо в значении ‘очень много’, то есть примыкает к следующей группе. Примеров типа *Было тонну песка* пока не встретилось, но они, скорее всего, тоже бывают.

Куча, масса, тьма, уйма, прорва
1300 руб. Здравствуйте, меня зовут Валентина. С недавних пор я пенсионер, и у меня ***массу*** *свободного времени, но так как за все нужно платить, даже за это...* rutwi.ru›mos/moscow/service/uborka/82/
Вот и у меня ***массу*** *счастливых примеров. Но где эту достойную пару найти!!!* mur-zilka. ... 23 марта 2017 в 12:19 sovet.kidstaff.com.ua›question-1781641-1
Анекдот №237995. Меня не беспокоит то, что у меня ***кучу*** *минусов... меня беспокоит отсуствие плюсов*. vk.com›topic-46515657_27406964
У меня ***кучу*** *вопросов!!! Но буду по одному кидать)* BabyBlog.ru›momlife/ru/post/…-u-menya-kuchu…no-bud forum.ykt.ru›viewtopic.jsp?id=1337117
Ответ на тему: У меня ***кучу*** *вопросов появилось после прочтения "отчеты о родах".*
Помогите, у меня ***кучу*** *проблем* otvet.mail.ru›question/199685964
Девочки,у меня ***кучу*** *вопросов 1) Нужно открепить ребенка от поликлиники,чтоб прикрепиться к другой,по причине переезда. Нужны ли какие-нибудь документы? И может ли сделать это бабушка?* mamysmolenska.ru›devochki-u-menya-kuchu-voprosov/
(@salnikovama) on Instagram: *“Весь этот год было* ***уйму*** *эмоций, есть хорошее и плохое.* https://www.instagram.com/p/Br_OHxcFa5w/
Мы могли общается до самого вечера, ведь тёплых воспоминаний было ***уйму****, но, почему-то вдруг настала тишина* https://books.google.ru/books?isbn=5041358575
На самом деле было ***уйму*** *времени чтобы вывернуть на встречную полосу, но и женщина тоже не права. Водитель если бы смотрел мог бы немного ...* https://vc.ru/u/126715-lubsan-banteev
Вот и практически закончился учебный год 2016-2017... Этот год был очень тяжёлым, активным, насыщенным и ярким... Было ***уйму*** *побед, травм, боли и* ... https://vk.com/wall-1114505?own=1
3 нояб. 2018 г. - ... подружились уже в Америке, съездили в такие места, как Ниагарский водопад, Чикаго и два раза в Кливленд. Впечатлений было ***уйму****.* www.workandtravel.ru/history-members/work-and-travel-2018-cedar-point.html
29 сент. 2015 г. - Достался он нам с женой после космича 2141.Эмоций ***было прорву****. Но прошло уже два года, я сменил уже две машины...* https://stapico.ru/tag/янаписала https://media.auto.ru › ... › Mercedes-Benz › C-klasse › I (W202) Рестайлинг
еле-еле провели набор было очень сложно было ***тьму*** *людей но мы это сделали !!! всем спасибо кто участвовал !!!15. 00-17.22.* https://vk.com/ppsnext

Подобные употребления имеет смысл рассматривать не как разрозненные конструктивные сдвиги, а как следствие того, что в количественных оборотах падежные противопоставления ослаблены (мы воспринимаем *пять столов* как ‘столы числом 5’), так что количественные выражения могут застывать в одной падежной форме. На роль этой формы, как естественно ожидать, может претендовать и форма ИМ:

*Корейская монета **в половина** вона (1907)*
*Может, **в половину**?*
Угу, исправил
https://www.bestiary.us/images/korejskaja-moneta-v-polovina-vona-1907
В половина случаев / в половина случаях;
*Почти в **половина случаев** больные поступали в стационар (4о,3%) с "синдромалышми" диагнозами medical-diss.com › Инфекционные болезни* -Ошибочные-чеки-и-КУРиД
*28 июн. 2011 г. - **В половина случаев** они даже подпись не ставят (про печать и указания своих реквизитов я вообще молчу).*
ttps://www.glavbukh.ru/forum/showthread.php/58361
*10 июн. 2008 г. - **в половина случаях** согласен.... как говорится девушка за рулем как обезьяна с гранатой!!!* https://otvet.mail.ru › Авто, Мото
*Наш тотал в домашних матчах Бетиса и в выездных матчах Реала пробивался примерно **в половина случаях**.*
https://vprognoze.ru/forecast/pro/fcpfootball/.../6993098-betis-foly-real-m-foly.htm

Можно привести и примеры существительных, не различающих формы ИМ и ВИН, где форма ИМ/ВИН используется на месте формы косвенного падежа:

*Суть игры мы должны досчитать **до миллион** Так я начну!*
icraft.uz›topic1200.html
*Продажа авто с пробегом **до миллион** рублей в Москве.* carsguru.net›Быстрый подбор автомобиля›ag_used_car_million

Благоприятный контекст для этого явления создает и ситуация со склонением числительных. У большинства числительных различаются три падежных формы (*пять, пяти, пятью*), у *сорок, девяносто* и того меньше (с числительным *сто* сложнее, так как, кроме формы *ста*, есть *-сот* и *-стами* в составе сложных числительных); у *полтора* есть еще женская форма *полторы*.
При этом носители русского языка в большинстве своем очень неуверенно владеют склонением числительных – не только сложных (ср. недостижимую для большинства форму ***тремястами***) и даже составных. Чаще всего здесь вместо нужной формы фигурирует РОД: *трехстами* или *трехсот* вместо *тремястами*, *пяти* вместо *пятью* и т. д.:

Возвращаясь к словам на *-а*, различающим формы ИМ и ВИН, отметим, что при указании времени слово *половина* вообще очень часто встречается в форме ИМ с предлогом: *встретимся **в половина пятого***;

*28 мар. 2013 г. - Я сегодня успела только **к половина** первого :*
https://www.yburlan.ru/.../obsuzhdenie-zanjatij-pervogo-urovnja-gruppy-1590-800.ht...
*2 нояб. 2016 г. - Разве сейчас это проблема. Вот когда я ходил в школу в третью смену, **к половина** четвертого* https://abonents-ntvplus.ru › Форум › Спорт › Футбол
--*С удовольствием Джон. Посмотрим кто больше острижёт овец **к половина** четвёртого дня.* www.obshelit.com/remarks/add/11619/

... на завтра и ложиться отдохнуть. Подъём, с учётом впереди лежавшего пути, назначен на три часа. Рассчитывали быть у цели ***к половина*** *седьмого*. altfishing-club.ru/articles_fishing.html/_/ohota/vesna-pod-kamnem16-god-r43
Вчера я был на известном уже многим форелевом платнике. Рыбалка можно мягко сказать не удалась! Приехал ***к половина*** *второго* ... https://lilix-fishing.com › ... ›
И только ***к половина*** *пятого поняла-лялька хочет манной каши). Ну че делать-встала сварила кашу)))))))).* https://www.disput.az › Форумы › Пенелопа - Women Forum › Материнство

Причем такое употребление совершенно не новое:

Две минуты ***после половина*** **первого**. – Пора, – сказал Пален. – Höchste Zeit, – подтвердил Беннигсен (М. Алданов)
https://books.google.ru/books?isbn=5447552540
Я хотя попадал почти ежедневно часам ***к половина второго****, к двум на службу, — и успевал там поперевести из Тирсо де Молина* (В. Пяст)
silverage.ru/pastvstrech/

А вот застывание в форме ВИН действительно необычно и связано, видимо, с типичностью для количественных оборотов объектного и особенно обстоятельственного употребления (*потратил сто рублей, провел там две недели, через десять дней, за пять лет, был там пять раз, спал два часа, шесть лет назад*). Таким образом, пониженная семантическая нагруженность падежных противопоставлений у количественных слов приводит к тенденции к редукции этих противопоставлений до оппозиции прямые падежи – косвенные падежи, с экспансией формы РОД, а затем и только до прямых падежей, которые у большинства числительных не различаются. Когда же используются количественные существительные, в парадигме которых ИМ и ВИН различается, между этими формами происходит конкуренция, в которой нередко выигрывает ВИН как более естественный для слов, типичных для неагентивных употреблений.
Как кажется, можно наблюдать усиление этой тенденции в последнее время, однако это трудно достоверно установить, так как явление это очень разговорное, а только для современного состояния мы располагаем надежным материалом (устная речь, блоги). Ясно, однако, что сама тенденция не новая, а возможно, стоит говорить о том, что у количественных слов система падежных противопоставлений так до конца и не сформировалась.

ЛИТЕРАТУРА

Гришина Е. А. Дистрибутивная конструкция с предлогом по в русском языке 18-20 вв. // Лексико-грамматические инновации в современных славянских языках. Материалы 5 Международной научной конференции. Днепропетровск, 2011, с. 82-87
https://www.academia.edu/221802/Дистрибутивная_конструкция_с_предлогом_по_в_русском_языке_18-20_вв
Иомдин Л.Л. Словарная статья предлога ПО // Семиотика и информатика. Вып.32, М., 1991. С. 94–120.
М. А. Холодилова, СПбГУ, Санкт-Петербург А. Б. Летучий, ИРЯ РАН, Москва Было пару человек: об одной количественной конструкции в русском языке
https://iling.spb.ru/confs/rusconstr2011/pdf/XolodilovaLetuchiy.pdf

Е.А. Лютикова
МГУ им. М.В. Ломоносова,
МПГУ,
Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина,
Москва

Островные ограничения в свете экспериментальных данных

Аннотация:
В статье предполагается представить новый проект по экспериментальному исследованию островных ограничений в русском языке. Проект преследует как описательные, так и теоретико-методологические цели. С дескриптивной точки зрения проблема островных ограничений в русском языке изучена явно недостаточно: в теоретических работах используются противоречащие друг другу данные (например, о возможности извлечения составляющих из придаточных предложений с союзами *что* и *как*, о наличии эффекта «подчинительный союз + след») , а многие вопросы не получают никакого освещения (например, о параметрах слабых островов, о допустимости интрузивных местоимений в разных типах структур). С теоретической точки зрения может быть поставлен вопрос о том, вызываются ли разные виды островных ограничений грамматическим запретом либо чрезмерной нагрузкой на когнитивные системы, задействованные в обработке высказывания. Наконец, с методологической точки зрения серьезный интерес представляет проблема внутриязыкового варьирования и сосуществования в пределах одной языковой общности различных вариантов грамматик, что отражается в неоднородных суждениях респондентов о приемлемости предложений, содержащих исследуемые конструкции.

Ключевые слова: экспериментальный синтаксис, островные ограничения, русский язык

1. Введение

В этой статье я предполагаю остановиться на вопросе, который, как мне кажется, должен быть интересен всем филологам, поскольку все они так или иначе имеют дело с языковыми произведениями и их восприятием носителями языка. Речь пойдет о приемлемости языковых выражений для носителей языка и о «звездочке» — символе, которым лингвисты помечают грамматически неприемлемые языковые выражения.

Существует несколько версий возникновения такого обыкновения. Одна из них связана с именем Фреда Хаусхофера, который заимствовал символ, принятый в сравнительно-историческом языкознании для обозначения гипотетических незасвидетельствованных форм, для обозначения гипотетических, но невозможных в языке выражений[2]. Примеры использования этого символа показаны в примерах (1) и (2). (1) и (2) сообщают, что такие выражения неграмматичны в русском и английском языке, соответственно.

---

2 “I suppose that I may be somehow responsible myself for the spread of this notation; in the summer of 1958 I taught a course in ‘morphology-syntax’ at the Michigan Institute, in which I complained that the problems we had to solve never included specification of ungrammatical strings. For one or two special problems we did get some sample ungrammatical strings and listed them, using the asterisk to mark them”.

(1) *дом, котором я живу в
(2) *I saw himself.

Статья будет построена следующим образом. Сперва я поясню важность данных о грамматичности и, что не менее важно, неграмматичности для построения модели грамматики. Затем мы перейдем к важнейшему способу получения данных о (не)грамматичности — суждениям носителей языка о приемлемости языковых произведений. Я покажу некоторые примеры исследований, опирающихся на суждения носителей языка. Самое примечательное свойство этих суждений — это их неоднозначность. Неоднозначность суждений может разочаровать исследователя, стремящегося получить такие данные, которые бы соответствовали бинарной модели грамматичности. Однако я предполагаю показать, что эта неоднозначность может послужить предметом отдельного анализа. В ряде случаев неоднозначность суждений носителей языка позволяет пролить свет на устройство некоторого грамматического феномена.

2. Роль данных о грамматичности в теории языка

Начнем с того, что зададимся вопросом: что значит, что некто знает некоторый язык? Очевидно, что этот человек способен создавать и понимать языковые выражения на этом языке. Эти языковые выражения обладают следующими важными свойствами. Во-первых, они могут быть новыми, в том смысле, что ни говорящий, и его собеседник их никогда не слышали и никогда не произносили. Во-вторых, важное свойство языковых выражений состоит в том, что они способны к теоретически неограниченному усложнению. Если нам дать предложение Петя приехал, мы можем его усложнить, вложив исходное предложение в объемлющее: Маша думает, что Петя приехал. Следующий шаг индукции даст нам, например, Коля знает, что Маша думает, что Петя приехал, и так далее. Это свойство языковых выражений, несомненно, осознается носителями и обыгрывается в различных языковых жанрах с рекурсивной структурой. Таким образом, мы приходим к выводу, что язык содержит потенциально бсконечное количество языковых выражений, построенных из конечного набора элементов.

Эта характеристика языка накладывает определенные ограничения на то, как может быть устроена модель языка. Понятно, что бесконечный набор языковых выражений не может быть представлен в виде списка. Модель языка должна содержать систему правил, которые создают бесконечно разнообразные языковые выражения из исходных данных — набора начальных элементов. Хорошая модель — это такая модель, которая создает только такие языковые выражения, которые принадлежат данному языку, и не создает таких языковых выражений, которые не принадлежат данному языку.

Какие языковые данные нужны, чтобы сформулировать грамматическое правило? Во-первых, нам, несомненно, нужны примеры грамматически правильных выражений данного языка. Во-вторых, и это не менее важно, нам нужны примеры выражений, которые не принадлежат данному языку, то есть являются для него грамматически неправильными.

Зачем это нужно? Рассмотрим один пример. Предположим, мы хотим сформулировать правило образования общего вопроса в английском языке.

(3) a. Is Mary at home?
(Answer: Yes, Mary is at home)
b. Can Bill sing?
(Answer: Yes, Bill can sing)
c. Will Mary be at the party tomorrow?
(Answer: Yes, Mary will be at the party tomorrow)

Положительные данные в примере (3) позволяют нам сформулировать следующую гипотезу:

(4) Чтобы получить общий вопрос о ситуации, описываемой предложением S, нужно преобразовать S следующим образом: найти вспомогательный глагол (Aux) и поставить его в начало предложения.

Добавим теперь к набору положительных данных предложение (5).

(5) Will Mary believe that Frank is here?
(Yes, Mary will believe that Frank is here)

Оно отличается от тех данных, с которыми мы уже имели дело, тем, что представляет собой полипредикативную конструкцию и содержит два вспомогательных глагола — в главной и зависимой клаузе. Какие гипотезы совместимы с грамматичностью предложения (5)?

(6) a. Передвинь Aux главной клаузы в начало предложения.
b. Передвинь самый левый Aux в начало предложения.
c. Передвинь любой Aux в начало предложения.

Грамматичность примера (7) позволяет исключить гипотезу (6b): в (7) передвигается не самый левый вспомогательный глагол, и предложение при этом грамматично. Однако для того, чтобы исключить гипотезу (6c), положительных данных принципиально недостаточно. Только из НЕграмматичности примеров типа (8) можно сделать вывод, что гипотеза (6c) неверна.

(7) Will the man who is tall leave now?
(Yes, the man who is tall will leave now)
позволяет исключить (6b)
(8) *Is Mary will believe that Frank here?

Итак, для создания модели грамматики необходимы сведения о грамматичных и неграмматичных языковых выражениях. Как они могут быть получены?

3. Суждения о приемлемости: ожидания и реальность

Эмпирические данные в лингвистике всегда непрямые. К ним относятся, в частности:
— физиологические корреляты процесса использования языка (электрическая активность мозга — ЭЭГ, усиление кровотока в коре мозга — фМРТ, …);
— внешние характеристики процесса использования языка (движение глаз, скорость чтения, …);
— языковые произведения (лингвистические корпуса, элицитация, …);
— суждения носителей о приемлемости языковых произведений.
Суждения о приемлемости чрезвычайно привлекательны как источник данных о грамматичности. Они наиболее доступны (поскольку включают интроспекцию) и позволяют получить суждение о любых феноменах, в т.ч. редких или с трудом поддающихся элицитации. Кроме того, они содержат отрицательные данные.
Как соотносятся суждения о приемлемости и грамматичность языковых выражений? Довольно часто между приемлемостью и грамматичностью имплицитно ставится знак равенства, и суждения о приемлемости называют суждениями о грамматичности.

“One way to test the adequacy of a grammar proposed for L is to determine whether or not the sequences that it generates are actually grammatical, i.e., acceptable to a native speaker, etc.” (Chomsky 1957: 13).

Так, в первой из приведенных цитат фактически грамматичность перефразируется приемлемостью, а знание носителем языка включает способность отличать правильные языковые выражения от неправильных и выносить суждения о грамматичности — оценивать грамматическую правильность языкового выражения в отвлечении от его семантической адекватности, вероятности появления в речи, уровня структурной сложности. Те, кто имел дело с суждениями о приемлемости, быстро приходят к выводу, что суждения о приемлемости представляют собой функцию многих переменных, и грамматичность — только одна из них.

“Acceptability judgments are a behavioral response that is the result of successful sentence processing <…>, and as such could be influenced by any of the cognitive systems that are implicated in successful sentence processing, from the multiple mental representations that can be used to characterize a sentence (e.g., phonological, morphological, syntactic, semantic, pragmatic), to the different components of the parsing system that must be deployed during normal sentence comprehension (e.g., structure-building operations, ambiguity resolution heuristics, working memory systems)” (Sprouse, Hornstein 2013: 3).

Таким образом, грамматичность и приемлемость представляют собой неэквивалентные предикаты, приложимые к тому же к аргументам разных типов. Приемлемость характеризует эмпирические данные, а грамматичность — теоретические конструкты, привлекаемые лингвистами для объяснения данных. Грамматичность некоторой модели является лишь одним из факторов, предопределяющих приемлемость языкового выражения, построенного с использованием данной модели.

Как устроены суждения о приемлемости, и каким образом мы как исследователи можем их получить? Самый простой вариант при изучении исследователем своего родного языка — прибегнуть к интроспекции. Например, мы интересуемся стратегиями падежного маркирования плавающих определителей — единиц типа сам, один, оба — в русских инфинитивных оборотах. Составив предложения с равносубъектными инфинитивными оборотами (10), мы можем оценить (10a) как приемлемое и (10b) как неприемлемое. Из этих оценок мы можем вывести утверждения о грамматичности конструкций с плавающим определителем в номинативе и дативе: в (11a) представлена грамматичная конструкция, в (11b) — неграмматичная.
Это рассуждение может быть объявлено ненадежным как в отношении собственно суждения о приемлемости — мы имеем дело с мнением одного (при этом заинтересованного в результате) носителя языка, так и в отношении перехода от суждения о приемлемости некоторого языкового выражения к грамматичности конструкции.

(10) a. Маша решила не ходить туда одна. ☑
b. Маша решила не ходить туда одной. ☒

(11) a. Маша решила не ходить туда одна.
b. *Маша решила не ходить туда одной.

Такого рода соображения на рубеже веков привели к формированию нового направления — экспериментального синтаксиса. Это направление подразумевает перенос основных требований, предъявляемых к сбору эмпирических данных в социальных науках, на извлечение суждений о приемлемости. Среди этих требований, в частности,

— репрезентативная группа испытуемых

— достаточное количество языковых стимулов
— шкалирование оценок (более адекватно для поведенческих феноменов)
— статистическая обработка данных

Методики экспериментального синтаксиса призваны обеспечивать более надежные суждения о приемлемости (нивелируется элемент случайности, влияния когнитивных эффектов, напр., склонности к подтверждению (confirmation bias)), а также более надежный переход от приемлемости к грамматичности (устранение «возмущающих факторов» — лексического наполнения, семантической естественности, абсолютной структурной сложности).

В качестве первой иллюстрации рассмотрим исследование, посвященное лицензированию отрицательно-полярных феноменов в русском языке. Под отрицательно полярными феноменами понимаются языковые явления, которые возможны в контексте сентенциального отрицания. В русском языке к таким явлениям относятся, например, отрицательные местоимения, неопределенные местоимения *–либо* и *–нибудь* серий, оформление прямого дополнения и некоторых подлежащих генитивом, использование сослагательного наклонения в зависимой клаузе и некоторые другие.

— отрицательные местоимения
(12) Я не успел никого заметить.
— неопределенные местоимения –либо и –нибудь серий
(13) Я не успел кого-либо заметить.
— генитив отрицания
(14) Я не получал писем.
— сослагательное наклонение в зависимой клаузе
(15) Я не помню, чтобы он приходил.

Наличие в языке нескольких феноменов, ориентированных на сентенциальное отрицание, дает нам возможность попытаться прояснить грамматические механизмы, стоящие за лицензированием. На сегодняшний день предложено два подхода к анализу лицензирования. «Анафорический» подход проводит аналогию между лицензированием отрицательно-полярных феноменов отрицанием и связыванием анафоров антецедентом. Этот подход предсказывает независимое лицензирование каждого из отрицательно полярных феноменов.

(16) [… NEG … [… NPP_1 … [… NPP_2 …]]]

Второй подход, опирающийся на просачивание признака «отрицательности» во вложенные составляющие, предсказывает невозможность лицензирования отрицательно-полярных феноменов в составляющей А, если отрицательно-полярные феномены не лицензируются в составляющей В, доминирующей над А.

(17) [… NEG … [+NEG … NPP_1 … [+NEG … NPP_2 …]]]

Таким образом, мы имеем возможность узнать, какой из двух анализов лицензирования делает правильные предсказания, если рассмотрим конструкции с двумя отрицательно-полярными феноменами. В частности, в исследовании, о котором я рассказываю, изучалось лицензирование отрицательных местоимений в составе инфинитивного

оборота, зависящего от прямого дополнения, которое может оформляться генитивом в контексте сентенциального отрицания.
Рассмотрим предложения (18a) и (18b). Они отличаются падежом дополнения, от которого зависит инфинитивный оборот, содержащий отрицательное местоимение. В (18a) дополнение получает генитив, в (18b) — аккузатив.

(18) a. Губернатор не давал [обещания [ничего строить]].
b. Губернатор не давал [обещание [ничего строить]].

Две теории лицензирования делают одинаковые предсказания о грамматичности (18a) и разные предсказания относительно грамматичности конструкций (18b). Анафорическая теория, согласно которой лицензирование отрицательных местоимений независимо от лицензирования генитива, предсказывает грамматичность (18b). Согласовательная теория предсказывает, что отрицательное местоимение не может появиться в инфинитивном обороте, если объемлющая составляющая — именная группа-дополнение — не обладает признаком отрицательности. Соответственно, если попросить оценить приемлемость предложений (18), то мы ожидаем одинаково высоких оценок при анафорической теории и существенного контраста при согласовательной теории.

Результаты эксперимента мы видим на гистограммах.

Очевидно, что в целом носители оценивают предложение с генитивом выше, чем предложение с аккузативом. Однако уровень и распределение оценок далеки от наших ожиданий. Во-первых, мы наблюдаем очень высокую дистрибуцию оценок по носителям: так, например, предложение с генитивом получило одинаковое количество пятерок и единиц.

Во-вторых, если мы от суждений о паре предложений (18a-b) перейдем ко всему объему стимульного материала (Таблица 2), то мы обнаружим значительные колебания в оценках однотипных предложений. Даже используя средний балл, который представляет собой достаточно грубую оценку, можно увидеть, что приемлемость однотипных стимулов сильно отличается. Средний балл предложений с генитивом варьирует от 4 до 2,9; средний балл предложений с аккузативом — от 3,3 до 2,3.

Таблица 2

№ стимула	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18
Gen	3,4	3,6	4	3	3,6	2,8	2,9	3,5	3,5	2,9	3,2	3,2	3,3	3,3	3,2	2,9	3,4	3,3
Acc / Nom	2,7	3	3,3	2,6	2,9	2,3	2,4	3,1	3	2,8	2,6	2,6	2,6	2,8	2,9	2,6	2,3	3

Таким образом, использование суждений о приемлемости в качестве источника сведений о грамматичности/неграмматичности затруднено их неоднозначностью. Как представляется, можно выделить несколько проблем в использовании суждений о приемлемости. Во-первых, суждения носителей неконсистентны — непоследовательны при оценке однотипных стимулов одним носителем и несогласованны между разными носителями. Во-вторых, в ряде случаев оказывается, что суждения о приемлемости отличаются от языкового поведения носителей при использовании языка. В-третьих, оценки приемлемости небинарны, что затрудняет их перевод в бинарную оппозицию грамматичности.

3. Неоднозначные суждения: почему они возникают и о чем говорят

Самый простой случай — это отличия в оценках предположительно однотипных стимулов, которое прослеживается в ответах разных испытуемых. Обычно это следствие ошибок в составлении стимульного материала — подобран неудачный стимул, который в действительности не является представителем исследуемого феномена. В том же эксперименте с лицензированием отрицательных местоимений первоначально в корпус стимульных предложений попала пара предложений (19).

(19) a. Задержанный не просил позволения никому звонить.
b. Задержанный не просил позволение никому звонить.

Существенные отличия в оценках оказались связаны с тем, что генитив при глаголе просить возникает вне зависимости от отрицания (ср. *Он попросил позволения выйти*), и, следовательно, данная пара представляет другой феномен.

Несогласованность суждений разных носителей о приемлемости одного и того же стимула имеет целый ряд возможных причин. Конечно, для лингвистов-теоретиков, заинтересованных в построении модели грамматики, наибольший интерес представляют различия между испытуемыми, связанные с отличиями грамматических подсистем, однако такой вывод можно сделать, лишь отклонив возможное влияние не-грамматических факторов, таких как разная разметка шкалы у разных носителей, когнитивные и социолингвистические различия.

В экспериментальном синтаксисе обычно используется заимствованная из психологических исследований шкала Ликерта — психометрическая шкала, позволяющая судить о степени согласия респондента с суждением. Для лингвистического эксперимента, имеющего целью сбор суждений о приемлемости, шкала Ликерта адаптируется, так что низший балл означает полностью неприемлемое, а высший — полностью приемлемое предложение.

Использование такой шкалы для оценки приемлемости имеет достаточно очевидные слабые стороны. Во-первых, оценка на шкале является, вообще говоря, ранговой переменной. Это означает, что различие в приемлемости, например, между оценками 5 и 4 может быть не равно различию между оценками 4 и 3: вполне возможно, что 4 не настолько хуже, чем 5, насколько 3 хуже чем 4. Это обстоятельство крайне неудобно для анализа результатов эксперимента: многие статистические критерии и оценки работают только на параметрических данных, причем они являются более чувствительными, чем непараметрические критерии. Достаточно сказать, что такая оценка, как средний балл, вообще говоря, для ранговых шкал некорректна.

Ранговая шкала заведомо не является реляционной, а это значит, что конечные точки шкалы не связаны с какими-либо реальными эталонами абсолютной приемлемости и абсолютной неприемлемости. Поэтому у разных испытуемых шкала может быть сдвинута друг относительно друга.

Конечно, существуют способы приблизить данные, получаемые для ранговой шкалы, к интервальным и реляционным переменным. Можно попробовать «настроить» шкалу у испытуемого, предложив оценить заведомо приемлемые и неприемлемые предложения. Сдвиг шкалы можно нивелировать при помощи нормализации оценок каждого испытуемого. Наконец, существуют специальные методики проведения эксперимента, например, метод оценки величины стимула, которые призваны заставить испытуемого относиться к приемлемости как к реляционной переменной.

Существует большое количество внешних по отношению к грамматике факторов, влияющих на суждения носителей. К ним относятся, в частности, возраст, гендер, уровень образования, профессиональные «деформации», когнитивные факторы (объем оперативной памяти, …), социолингвистические факторы (уровень владения языком, …), тренированность интуиции, наконец, утомление. Некоторые из этих факторов могут быть исключены за счет организации эксперимента и отбора испытуемых. Например, в экспериментальном исследовании управления послелогов в татарском языке обнаружилась сильная корреляция между использованием номинатива личных местоимений вместо генитива и объемом использования татарского языка в повседневном общении. Другие переменные, такие как возраст, должны быть по возможности сбалансированы. При этом обнаружение значимости такого рода факторов также представляется весьма интересным. Например, в экспериментальном исследовании позиции клитики же в современном русском языке (Валова 2016) обнаружилось, что на оценку влияет возраст ($p < 0{,}01$) и уровень образования испытуемых ($p = 0{,}04$).

(19) Отец пошел на работу,
Марфа (же) Степановна (же) осталась дома.

(20) К супу никто не притронулся,
вчерашний (же) торт (же) был съеден молниеносно.

Так, в старшей возрастной группе наблюдается тенденция расположения клитики после первого фонетического слова (Марфа же Степановна осталась дома, Вчерашний же торт был съеден молниеносно), а более молодые испытуемые предпочитают смещение клитики в позицию после первой синтаксической составляющей (Марфа Степановна же осталась дома, Вчерашний торт же был съеден молниеносно). Это хорошо соотносится с данными, полученными на материале корпусных исследований, которые свидетельствуют о постепенном разрушении в русском языке Вакернагелевской позиции и переосмыслении ее как синтаксической.

Следует иметь в виду также достаточно неожиданный факт: суждения носителей о приемлемости могут отличаться от их собственного языкового поведения. Такие результаты были получены коллективом авторов, в который входят два сегодняшних лектора, в серии экспериментов, исследующих оформление аргументов в событийной номинализации в русском языке. Хорошо известно, что русская номинализация устроена

по так называемой эргативной модели: единственный аргумент одноместной основы и внутренний аргумент переходной основы получают генитив (вымирание языков, катание фигуристки, разрушение города), а внешний аргумент переходной основы маркируется творительным падежом (разрушение города врагом). Если мы имеем дело с двухместной глагольной основой, лексически управляющей внутренним аргументом в косвенном падеже или в составе предложной группы, то внешний аргумент получает генитив (мщение пешехода водителю).

(21) a. разрушение города врагом — переходные
b. вымирание языков — неаккузативы
c. катание фигуристки — неэргативы
d. мщение пешехода водителю — непереходные с лексическим управлением

Анализ корпусных данных, однако, показыват, что происходит экспансия творительного падежа в область, обслуживаемую родительным: при неэргативных основах и непереходных основах с лексически управляемым аргументом отмечается использование творительного падежа, как в примерах (22).

(22) a. хождение ребенком на цыпочках
b. подражание человеком природе

Экспериментальное исследование состояло из двух частей. В эксперименте на порождение от испытуемых требовалось заполнить пропуски в соответствии с описанием ситуации в предыдущем контексте. Например, вариантом ответа на стимул (23a) является предложение (23b).

(23) a. В тот месяц **армия** освободила **столицу**, и освобождение _____ _____ сильно подняло боевой дух всех солдат.
b. В тот месяц **армия** освободила **столицу**, и освобождение *армией столицы* сильно подняло боевой дух всех солдат.

Стимульный материал содержал сбалансированное количество глаголов разных типов с более дробным делением на классы глагольных основ с лексически управляемыми внутренними аргументами.
Эксперимент показал, что, действительно, испытуемые спорадически используют творительный падеж при неэргативных основах и непереходных основах с лексически управляемым аргументом. Этот феномен довольно популярный — 56% испытуемых хотя бы один раз использовали творительный падеж вместо родительного.

Таблица 2. Доля ответов с тв.п. от общего числа ответов

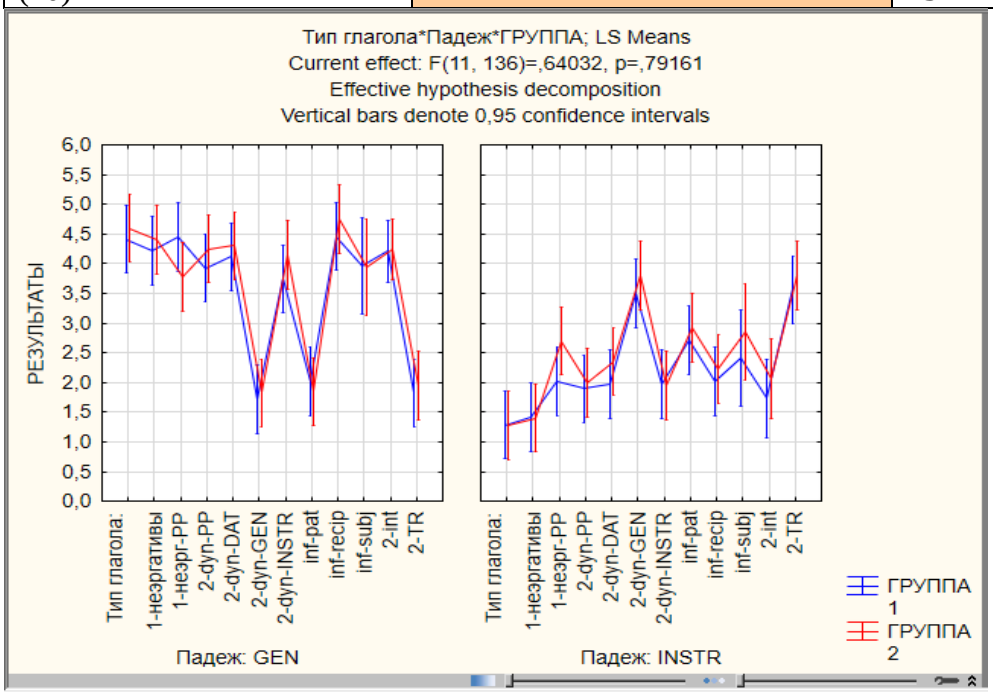
Тип основы	Доля ответов с тв. п.
переходная	99 %
управляющая DAT	19,8 %
управляющая INSTR	18,9 %
управляющая PP	10,43 %
неэргативная	0,9 %
неаккузативная	0

Планируя эксперимент на оценку приемлемости, мы ожидали, что те носители, кто употреблял творительный вместо родительного, поставят лучшие оценки соответствующим стимулам; у тех же, кто последовательно использовал родительный, оценки стимулов с творительным будут ниже. По результатам первого эксперимента

испытуемые были разбиты на две группы — в группе 1 были употреблявшие творительный, в группе 2 — не употреблявшие творительный. По результатам второго эксперимента, в котором оценивалась приемлемость конструкций с творительным падежом, респонденты образовали два кластера с высокими и низкими оценками. В таблице 3 показано распределение респондентов по группам и кластерам.

Таблица 3. Распределение носителей в двух экспериментах

	высокие оценки тв.п. (кластер 2)	низкие оценки тв.п. (кластер 1)
Группа 1 (употр. тв.п.) (53)	+ 19	34
Группа 2 (не употр. тв.п.) (20)	7	+ 13



Вопреки ожиданиям, заполненными оказались не только ячейки таблицы, помеченные плюсами, но и ячейки, закрашенные цветом. Более того, распределение испытуемых по группам в первом эксперименте оказалось незначимым для предсказания попадания испытуемых в кластер во втором эксперименте. Это хорошо видно на графиках оценок по разным типам основ для двух групп: синий график, соответствующий группе 1, и красный график, соответствующий группе 2, практически накладываются друг на друга.

Представляется, что полученные результаты весьма важны для разработки методики перехода от оценки приемлемости к грамматичности. Действительно, такие сочетания значений параметров, как «не использует, но считает приемлемым» и «использует, но считает неприемлемым» обычно вообще не рассматриваются с точки зрения того, что здесь соответствует общей грамматической системе, что — конкретному идиолекту испытуемого, а что привносится обстоятельствами использования языка. Нулевая гипотеза здесь, по-видимому, должна состоять в том, что и использование некоторой конструкции носителем при порождении, и высокие оценки приемлемости означают, что грамматика допускает такую конструкцию. Типология вариативности в употреблении и суждениях о приемлемости, безусловно, нуждается в разработке. Однако уже очевидно, что если паттерн, полученный нами в ходе эксперимента, регулярно воспроизводится и при исследовании других феноменов, то переход от эмпирических данных к обобщениям о грамматичности возможен только на основе экспериментов, моделирующих разные типы использования языка.

Из уже сказанного ясно, что суждения о приемлемости — не такой простой путь к расставлению звездочек, как это представлялось с самого начала. Кажется, что чем больше эмпирических данных мы получаем, тем сложнее уложить их в бинарную оппозицию грамматичности/неграмматичности. В последней части статьи я покажу более вдохновляющий пример, когда небинарность оценок носителей и их несогласованность могут быть использованы как ключ к структуре сложного феномена.

Речь пойдет о пилотном исследовании островных свойств русских придаточных предложений с союзом *что*. Во многих работах по формальному синтаксису утверждается, что русские придаточные изъяснительные с союзом что являются слабыми островами (Lubańska 2005; Antonenko 2006, 2010; Orszulak 2010; Bailyn 2016, to appear). Слабый остров — это такая синтаксическая структура, из которой могут быть выдвинуты — например, при вопросительном передвижении — только некоторые типы составляющих.

Наиболее известный тип слабых островов — острова, подчиняющиеся принципу пустой категории, или ECP-острова: разрешено извлечение жестко управляемых (properly governed) составляющих (дополнений), запрещено извлечение прочих типов составляющих (подлежащих и адъюнктов).

В примере (24) показан контраст в приемлемости извлечения дополнения и адъюнкта из острова косвенного вопроса в английском языке: вопросительное дополнение может быть выдвинуто из косвенного вопроса (24a), а обстоятельство нет (24b).

(24) a. What$_i$ do you wonder [how to fix __$_i$]?
‘Что ты не знаешь, как починить?’
b. *How$_j$ do you wonder [what to fix __$_j$]?
‘*Как ты не знаешь, что починить?’

Дополнительные сложности с извлечением подлежащего из зависимых клауз могут быть связаны с эффектом комплементайзер+след, обнаруженном во многих языках. Пример (25) показывает действие этого эффекта в английском языке.

(25) a. Who$_i$ do you think **that** Sue met __$_i$?
‘Кого ты думаешь, что Сюзанна встретила?’
b. *Who$_j$ do you think **that** __$_j$ met Sue?
‘Кто ты думаешь, что встретил Сюзанну?’

В (25a) из финитной клаузы с союзом that извлекается дополнение, этот пример признается грамматически правильным. В (25b) из такой же клаузы выдвигается подлежащее, вследствие чего образуется последовательность из комплементайзера that и следа от передвижения подлежащего. Примеры со структурой (25b) признаются неприемлемыми носителями английского языка.

Поскольку для меня извлечение из придаточных предложений с союзом *что* не кажется неприемлемым, я решила провести пилотный опрос носителей русского языка, имеющий целью получение оценки приемлемости. Стимульный материал представлен в (26) и включал предложения с извлечением подлежащего (26a), прямого дополнения (26b) и обстоятельства (26c).

Если русские придаточные с союзом что действительно являются ECP-островами, то мы ожидаем низких оценок для подлежащего и обстоятельства и высоких — для дополнения.

(26) a. [Какой фильм]$_i$ ты думаешь, что __$_i$ идет в «Киномаксе» сегодня?
SUBJECT
b. [Какой фильм]$_j$ ты думаешь, что Петя посмотрел __$_j$ в «Киномаксе»?
OBJECT

c. [В каком кинотеатре]$_k$ ты думаешь, что Петя посмотрел «Аватар» $__{}_k$?
ADJUNCT

Результаты опроса представлены в таблице 4. Подсчет средних дает нам характерный пример феномена, известного под названием «средняя температура по больнице». Конвертировать эти оценки в обобщения о грамматичности, на которые могла бы опираться синтаксическая модель русского языка, невозможно: они не приближают нас к ответу на вопрос, является ли придаточное с союзом *что* слабым островом.

Таблица 4. Несортированные данные и средние

Респондент	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	Σ	Av
SUBJECT	2	1	3	1	1	4	1	1	4	1	1	3	2	1	1	2	4	1	4	3	2	4	1	1	49	2,04
OBJECT	1	1	2	1	1	4	1	1	4	1	2	1	1	1	1	2	4	3	4	3	4	4	1	2	50	2,08
ADJUNCT	1	1	1	1	1	1	1	1	2	1	1	1	2	1	1	2	4	3	4	2	3	2	1	3	41	1,70

Чуть более внимательный взгляд на таблицу 4 подсказывает нам, что мы имеем дело с несколькими грамматиками, и отличия между суждениями носителей укладываются в несколько моделей.
Начнем с тех респондентов, кто оценил все три типа предложений как неприемлемые. В таблице 5 соответствующие колонки выделены красным цветом. Близок к ним респондент 16, поставивший всем трем типам одинаковую оценку 2.

Таблица 5. «Сильный остров»

Респондент	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24
SUBJECT	2	1	3	1	1	4	1	1	4	1	1	3	2	1	1	2	4	1	4	3	2	4	1	1
OBJECT	1	1	2	1	1	4	1	1	4	1	2	1	1	1	1	2	4	3	4	3	4	4	1	2
ADJUNCT	1	1	1	1	1	1	1	1	2	1	1	1	2	1	1	2	4	3	4	2	3	2	1	3

Этот тип грамматики можно обозначить как «сильный остров»: из него запрещено извлечение всех типов составляющих — подлежащих, дополнений и обстоятельств.
С другой стороны, обращают на себя внимание ответы респондентов, выделенные зеленым в таблице 6: все предложения получили одинаково высокий ранг полностью приемлемых.

Таблица 6. «Не остров»

Респондент	1	3	6	9	11	12	13	17	18	19	20	21	22	24
SUBJECT	2	3	4	4	1	3	2	4	1	4	3	2	4	1
OBJECT	1	2	4	4	2	1	1	4	3	4	3	4	4	2
ADJUNCT	1	1	1	2	1	1	2	4	3	4	2	3	2	3

Эта грамматика в отношении островного статуса придаточных изъяснительных с союзом что похожа на английскую; при этом в английском действует эффект комплементайзер+след, а здесь этого эффекта нет.
В таблице 7 выделены респонденты, в грамматике которых противопоставлены аргументы и адъюнкты: примеры с извлечением подлежащих и дополнений получают высокие

оценки, извлечение обстоятельств признается менее приемлемым. У этих респондентов также, очевидно, отсутствует эффект комплементайзер+след.

Таблица 7. «Аргументы vs. адъюнкты»

Респондент	1	3	6	9	11	12	13	18	20	21	22	24
SUBJECT	2	3	4	4	1	3	2	1	3	2	4	1
OBJECT	1	2	4	4	2	1	1	3	3	4	4	2
ADJUNCT	1	1	1	2	1	1	2	3	2	3	2	3

Таблица 8 показывает респондентов, в грамматике которых может быть выявлено действие эффекта комплементайзер+след: извлечение подлежащего получает самые низкие оценки приемлемости и противопоставляется извлечению дополнений и обстоятельств.

Таблица 8. «That-trace эффект»

Респондент	01	11	12	13	18	21	24
SUBJECT	2	1	3	2	1	2	1
OBJECT	1	2	1	1	3	4	2
ADJUNCT	1	1	1	2	3	3	3

Наконец, среди оставшихся респондентов только один, причем с большой натяжкой, может рассматриваться как обладатель грамматики с ECP-островом. Суждения последних трех респондентов несовместимы ни с одним из известных шаблонов.

Таблица 9. «ECP-остров?»

Респондент	1	11	12	13
SUBJECT	2	1	3	2
OBJECT	1	2	1	1
ADJUNCT	1	1	1	2

Эти результаты обобщаются в таблице 10. Мы видим, что за суждениями респондентов о приемлемости стоят разные профили грамматик, образованные значениями нескольких параметров — возможности извлечения из придаточного предложения, наличия противопоставления аргументов и адъюнктов, наличия эффекта комплементайзер + след.

Таблица 10. Профили грамматик по суждениям о приемлемости

		Сильный остров	Не остров	Аргумент vs. Адъюнкт	That-trace эффект	Слабый остров (ECP)	Прочее
Количество респондентов		10	2	5	3	1?	3
% респондентов от общего числа		41,7%	8,3%	21%	12,5%	4%	12,5%
Средние	SUBJECT	1	4	3,6	1,3	1	2,3
	OBJECT	1	4	3,4	3	2	1
	ADJUNCT	1	4	1,6	3	1	1,3

Вычисленные внутри подгрупп респондентов средние существенно ближе к таким оценкам, которые могли бы противопоставлять грамматичные и неграмматичные конструкции. Важно, что при таком подходе противоположно направленные тенденции не усредняются, мы можем увидеть распространенность разных профилей среди носителей языка, изучать силу влияния некоторого фактора, релевантного для данной группы, внутри этой конкретной группы, и в конечном итоге строить более адекватную модель грамматики языка.

4. Заключение

Подведем итоги. Для создания описательно адекватной модели грамматики необходимы как положительные, так и отрицательные языковые данные. Наиболее плодотворный путь получения отрицательных языковых данных — суждения носителей языка о языковых произведениях.

Суждения носителей о (не)приемлемости языковых произведений на самом деле характеризуют не языковую компетенцию (competence), а особый тип использования языка (performance). Тем не менее, такого рода эмпирические данные обеспечивают более прямой доступ к грамматической системе языка, в первую очередь, за счет сопоставления с использованием и контроля факторов, влияющих на использование.

Литература

Герасимова 2016 — Герасимова А.А. Параметрический подход к внутриязыковому варьированию: проблемы и методы // Rhema. Рема. 2016. № 3. С. 63-74.

Зализняк, Падучева 1979 — Зализняк А. А., Падучева Е. В. Синтаксические свойства местоимения КОТОРЫЙ // Категория определенности-неопределенности в славянских и балканских языках. М.: Наука, 1979. С. 289–329.

Земская (ред.) 1979 — Земская Е. А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. — М.: Русский язык, 1979.

Лютикова 2009 — Лютикова Е. А. Относительные предложения с союзным словом «который»: общая характеристика и свойства передвижения // Корпусные исследования по русской грамматике / Под ред. К. Л. Киселевой, В. А. Плунгяна, Е. В. Рахилиной, С. Г. Татевосова. М.: Пробел–2000, 2009. С. 436–511.

Лютикова 2018 — Лютикова Е.А. Декомпозиция «звездочки»: что стоит за суждением о грамматичности. XXI Открытая конференция студентов-филологов в СПбГУ (приглашенный доклад). СПбГУ, 16-20 апреля 2018.

Моргунова 2019 — Моргунова Е.В. Структурные и признаковые асимметрии A’-передвижений в русском языке. ВКР бакалавра. М., МГУ, 2019.

Студеникина 2019 — Студеникина К.А. Дискурсивная связанность и эффекты превосходства в русском языке. Курсовая работа. М., МГУ, 2019.

Фоменко 2018 — Фоменко М.А. Корпусное исследование островных конструкций в русском языке. Отчет по практике. М., МГУ, 2018.

Antonenko 2008 — Antonenko, A. The nature of Russian subjunctive clauses. Qualifying paper. Stony Brook University. New York, 2008.

Antonenko 2010 — Antonenko, A. 2010. Puzzles of Russian subjunctives. J.S. Stevens (ed.) University of Pennsylvania Working Papers in Linguistics. Vol. 16 (1). Philadelphia. P. 1–10.

Bailyn 2018 — Bailyn, J. Zemskaya’s Paradox and the Typology of Feature Classes. Ms., 2018.

Chisholm et al. 1984 — Chisholm, W., L. Milic, and J. Greppin (eds.). Interrogativity: A colloquium on the grammar, typology and pragmatics of questions in seven diverse languages. Amsterdam: Benjamins, 1984.

Dyakonova 2009 — Dyakonova, M. A phase-based approach to Russian free word order. LOT Dissertation Series. Netherlands Graduate School of Linguistics, 2009.

Knyazev 2016 — Knyazev, M. Licensing clausal complements: The case of Russian čto-clauses. Utrecht: LOT Publications, 2016.

Müller, Sternefeld 1993 — Müller, G., Sternefeld W. Improper movement and unambiguous binding. Linguistic Inquiry 24(3), 1993: 461-507.

Ross 1967 — Ross, J. Comstraints on variables in syntax. PhD thesis, MIT, 1967.

Sprouse et al. 2012 — Sprouse, J.,Wagers, M., and Phillips, C. A test of the relation between working memory capacity and syntactic island effects. Language 88, 2012: 82–123

Sprouse, Hornstein 2013 — Sprouse, J., and Hornstein, N. (eds.). Experimental Syntax and Island Effects. Cambridge: Cambridge University Press, 2013.

Szabolcsi 1997 — Szabolcsi A. Strategies for scopetaking. Szabolcsi A. (ed.). Ways of Scope Taking. Dordrecht: Kluwer, 1997. P. 109—155.

Szabolcsi 2002 — Szabolcsi, A. Strong and Weak Islands. Syntax Companion, Case Study n. 102, University of Utrecht, 2002.

Szabolcsi, den Dikken 1999 — Szabolcsi, A., and den Dikken, M. Islands. GLOT International 4/6, 1999.

И. Мендоза
Университет Зальцбурга

Маркирование объектов относительных придаточных предложений в славянских языках

[1. Вводные замечания]

Во многих языках анализ маркирования прямого дополнения представляет немалые трудности для лингвиста. Это касается не только именных объектов, но и таких, которые являются релятивизируемым элементом относительного придаточного. В моей статье я буду анализировать один тип стратегии, используемый для релятивизации объектов, а именно употребление несклоняемых маркеров, таких как русское *что*:

(1) Та самая книга, *что* ты мне подарил, «Корни снов». (Е. Чижов, Перевод с построчника, 2012; НКРЯ)

[2. Иерархия доступности]

Одним из самых важных инструментов для анализа относительных предложений является иерархия доступности, которая сопоставляет разные синтаксические позиции по их способности выступить в качестве релятивизируемой позиции. Так как я предполагаю, что иерархия доступности всем вам известна, я остановлюсь на ней только кратко.

Классическая иерархия, предложенная Comrie & Keenan-ом в 1970-ых годах, имеет следующий вид:

SU DO IO OBL GEN OCOMP

[SU : подлежащее
DO: прямое дополнение
IO: непрямое дополнение
OBL: ИГ в другом косвенном падеже или предложное дополнение
GEN: генитивное приименное зависимое
OCOMP: основание для сравнения]

Подлежащее доступно релятивизации больше всех. Оно поддается релятивизации в любом языке, который употребляет относительные придаточные предложения. Второе место занимает прямое дополнение, за ним следуют: непрямое дополнение, косвенные объекты, генитивное приименное зависимое, и наконец основание для сравнения, которое меньше всех доступно релятивизации.

С помощью иерархии доступности можно также описать стратегии, используемые для релятивизации внутри одного языка. Данная стратегия может занимать любой фрагмент иерархии доступности, важно только, чтобы сегмент оказался неперерывным.

Позиция прямого дополнения в классической модели изображается как монолитная позиция. Однако, при более подробном анализе отдельных языков оказывается, что эта позиция отнюдь не монолитная и что разные факторы играют роль при выборе подходящей стратегии для релятивизации.

[3. Несклоняемые относительные маркеры]

Прежде чем анализировать употребление несклоняемых относительных маркеров в позиции прямого объекта, надо сказать пару слов об этом понятии и связанных с ним стратегиях.

Термином «несклоняемые относительные маркеры» я буду обозначать несклоняемые слова, такие как русское *что*, польское *co,* чешское *co* и т.п., которые могут вводить относительные придаточные предложения. Во многих языках несклоняемый маркер может сопровождаться резумптивным местоимением, которое служит показателем синтаксической функции релятивизируемого элемента. Этот случай иллюстрируется следующим примером из польского языка, где местоимение *go* маркирует позицию прямого дополнения:

(2) To jest ten, *co go* wczoraj puścili z aresztu. (Topolińska 1984, 345)

Это тот, которого [дословно: что его] вчера выпустили из ареста.

Использование резумптивного местоимения зависит от разных факторов, но об этом речь будет идти позже.

Употребление несклоняемых маркеров обнаруживается во многих языках Европы, в частности в разговорных и нестандартных разновидностях. В принципе, они могут охватывать любой фрагмент иерархии доступности. Однако, стратегия с использованием маркера без резумптивного местоимения типична для позиций подлежащего и прямого объекта, в то время как стратегия с использованием местоимения редко позволяет релятивизировать подлежащее (Kennan & Comrie 1977, 92; Murelli 2011, 216).

В славянских языках несклоняемые маркеры сосуществуют рядом со склоняемыми относительными местоимениями типа рус. *который*. В сравнении с последним несклоняемые маркеры считаются более разговорными, так, как и в других европейских языках.

Теперь перейдем к рассмотрению употребления несклоняемого маркера в позиции прямого дополнения. Начну с восточнославянских языков.

[4. Несклоняемые маркеры в функции прямого дополнения в славянских языках]

[4.1 Восточнославянские языки]

Употребление несклоняемых маркеров в восточнославянских языках до некоторой степени зависит от одушевленности объекта. Важно отметить, что здесь имеется в виду ономасиологическая одушевленность, а не грамматическая.

В русском языке используется исключительно стратегия с маркером без резумптивного местоимения. В кодифицированном языке неизменямое *что* употребляется чаще всего при неодушевленной вершине. В качестве примера можно привести первое предложение:

(1) Та самая книга, *что* ты мне подарил, «Корни снов». (Е. Чижов, Перевод с построчника, 2012; НКРЯ)

Но в принципе такая стратегия возможна и при одушевленных объектах, в частности в более разговорном стиле. Пример (3) из национального корпуса иллюстрирует этот случай:

(3) не жаль *таких вот или немного постарше парнишек*, *что* тысячами бросают в бой […]? (В. Быков, 2001; НКРЯ)

Кодифицированный белорусский язык похож на русский: резумптивное местоимение не используется, и несклоняемый маркер *што* лицензирован прежде всего при неодушевленной вершине.

В разговорных разновидностях таких ограничений нет. Вершины могут быть одушевленными, а рядом с несклоняемым маркером может выступать резумптивное местоимение. В следующем примере одушевленный объект релятивизируется с помощью резумптивного местоимения:

(4) Эге ж, *той самы выжал, што* пан любіў *яго* браць на паляванне (С. Василёнак; Атрахович 1966, 609)

Это вот этот выжлец, [што] барин с удовольствием [яго] брал с собой на охоту.

Украинский язык, кажется, самый толерантный из восточнославянских. Здесь возможны и неодушевленные и одушевленные вершины, при этом резумптивное местоимение может присутствовать или отсутствовать. Следующий пример служит иллюстрацией употребления несклоняемого маркера *що* плюс резумптивного местоимения для релятивизации одушевленного объекта:

(5) я зустрівся з земляком, *що його* я давно не бачив. (Danylenko 2014, 183)

Я встретился с земляком, [*що його*] я давно не видел.

4.2 Западно-славянские яызки

Ситуация в западно-славянских языках является более комплексной. Стратегия с резумптивным местоимением и стратегия без него представляют собой варианты, которые обусловлены разными факторами.

Чешский и польский языки различают одушевленные и неодушевленные объекты. Одушевленные вершины предпочитают наличие резумптивного местоимения, тогда как неодушевленные вершины в приципе допускают оба варианта. Следующий пример из чешского языка иллюстрирует употребление «голого» маркера при релятивизации неодушевленного объекта:

(6) Asi jste špatně rozuměl *dopisu, co* Vám poslali (Fried 2010, 21)

‘Вы, наверное, не правильно поняли письмо, [*co*] Вам послали.

В польском языке наблюдается воздействие дополнительных факторов. Он, кажется, различает объекты, обозначающие людей, от объектов, обозначающих животных. Последние позволяют опущение резумптивного местоимения легче, чем первые. В следующем примере стратегия с маркером без местоимения приемлемая, потому что референтом является собака.

(7) [О собаке]

A to nie jest *ten co* my widziałyśmy? (SPOKES; Guz 2017, 122)

Напротив, в примере (8) опустить местоимение нельзя:

(8) *ta dziewczyna, co zaprosiłeś do domu. (Guz 2017, 99)

та девушка, [co] ты пригласил домой.

Еще одним фактором, оказывающим влияние на выбор стратегии, является формальное отношение между вершиной и релятивизируемой позицией, а именно так наз. «case matching». Совпадение синтаксических функций вершины и релятивизируемой позициии облегчает опущение резумптивного местоимения. Это становится видно при сопоставлении следующих примеров. Пример (9) не совсем удачный, хотя он является оригинальным примером из корпуса SPOKES:

(9) (о компьютерной игре)

może rozbrajaj najpierw *te, co* nie widać (SPOKES; Guz 2017, 107)

может быть, сначала разряди те, которые не видны/не видно

Здесь вершина стоит в винительном падеже, а релятивизируемый элемент имеет функцию родительного при отрицании. Если же мы согласуем функции в главном и придаточном предложениях, то пример становится безупречным:

(9a) może nie rozbrajaj *tych co* nie widać (Modified; Guz 2017, 108)

может быть, не разряжай те, которые не видны.

В словацком языке обнаруживается влияние семантических и морфологических факторов. Несклоняемый маркер *čo* без резумптивного местоимения употребляется в следующих случаях: при релятивизации неодушевленных объектов, при одушевленных объектах женского рода, не обозначающих людей, и при объектах, у которых совпадают формы именительного и винительного падежей. Во всех иных случаях употребление резумптивного местоимения обязательно.

Пример (10) показывает употребление «голого» маркера при вершине, и которой совпадают формы именительного и винительного падежей:

(10) *Ženy*1, *čo* sme cestou stretali, mali tváre zahalené závojom. (Darovec 1985, 119

1 *Ženy* = NAPl.

2 GSg. *žony*, ASg, *žonu*, GPl. *žonow*, APl. *žony*.

В следующем примере использование резумптивного местоимения обязательно, так как формы именительного и винительного не совпадают:

(11) To bol ten *pán, čo* sme *ho* nechali na ulici. (Jašík; Darovec 1985, 119)

Воздействие морфологических факторов еще ярче выявляется в лужицких языках. В кодифицированном верхнелужицком языке несклоняемый маркер *kiž* употребляется только при вершинах, у которых формы винительного и родительного падежей не совпадают. Этот случай можно проиллюстрировать следующими примерами:

(12) znaju *žonu*/ *žony, kiž* widźiš2 (Bartels, Spieß 2012, 229)

Я знаю женщину/женщин [kiž] видишь.

(13) znaju *muža, kiž widźiš (Bartels, Spieß 2012, 229)

Употребление резумптивного местоимения в кодифицированной разновидности невозможно.

Разговорные стили являются более толерантными. Во-первых, в них возможна релятивизация объектов, у вершин которых винительный падеж не совпадает с именительным:

(14) Ja znajem *towo muža, kiž* sym ja čora widźał.

'I know *the man whom* I saw yesterday' (Bartels, Spieß 2012, 229)

Во вторых, они разрешают употребление резумптивного местоимения. В примере (15) показана релятивизация неодушевленного объекта с помощью резумптивного местоимения:

(15) Je to *kniha, kiž* sym *ju* wčera kupił/. (Polański 1967, 80)

Это кинга, [kiž ju] я вчера купила.

В нижнелужицком языке ситуация является очень похожей на верхнелужицкий, так что можно отказаться от цитирования примеров.

4. 3 Южнославянские языки

Из южнославянских языков интересен для нашей темы только сербохорватский язык, поскольку другие южнославянские языки не дифференцируют релятивизируемые объекты .

Сербохорватский язык отличает одушевленные от неодушевленных вершин. Неодушевленная вершина допускает обе стратегии, в то время как одушевленный объект требует резумптивного местоимения. Пример (16) иллюстрирует неодушевленную вершину и несклоняемое местоимение без резумптивного местоимения:

(16) To je jedini *šešir, što* imam. (Kordić 1999, 146)

Это единственная шляпа, [što] у меня есть [дословно: что имею]

В (17) имеется одушевленная вершина, поэтому употребление резумптивного местоимения обязательно:

(17) *čovjek što ga* je sreo (Bošković 2009, 82)

человек [*što ga*] он встретил.

5. Заключение

Прежде чем резюмировать результаты, надо сделать две оговорки. Во первых, речь будет идти толко о всеобщих тенденциях, а не о строгих правилах. Во-вторых, результаты надо считать предварительными, потому что мы пока не располагаем надежными данными в достаточном количестве о всех славянских языках, особенно о белорусском и украинском языках.

Итак, в славянских языках можно обнаружить следующие тенденции:

1. Социолингвистический уровень: степень кодификации/формальности

Кодифицированные разновидности не любят резумптивных местоимений, зато разговорные стили допускают обе стратегии:

«Голый» маркер маркер + рез. мест.

Кодиф. разговорн.

разговорн.

2. Семантический уровень: одушевленность

Неодушевленные вершины позволяют использовать обе стратегии, а объекты, обозначающие людей, предпочитают маркирование с помощью резумптивного местоимения. Животные референты находятся где-то в середине:

Голый маркер + рез. мест.

неодушевл. животные лица

3. Синтаксический уровень: Case matching

Совпадение синтаксических функций вершины и релятивизируемой позиции облегчает опущение резумптивного местоимения:

голый маркер + рез. мест.

совпадение несовпадение

4. Морфология: Парадигматичские соотношение объектных падежей вершины

Тождество винительного и именительного падежей облегчает опущение резумптивного местоимения.

Голый маркер + рез. мест.

Тождество различие

Теперь встает такой вопрос: каким образом можно интерпретировать эти тенденции?

Интерпретация социолингвистических и синтаксических явлений не очень трудна: они представляют собой общеевропейские тенденции. К тому же, эффекты «case matching» обнаруживаются также при релятивизации других позиций.

Для интерпретации семантических критериев напрашивается теория дифференцированного маркирования объектов. Неодушевленный объект является более типичным, чем одушевленный объект, в частности чем объект, отсылающий на людей. Поэтому первые не требуют эксплицитного маркирования, тогда как последние должны получать падежный маркер в форме резумптивного местоимения

Интерпретация морфологических факторов оказывается труднее, так как формальное отношение словоформ не выявляется в актуальном высказывании, но существует только в языковом системе, т.е. на абстрактном уровне.

Я предполагаю, что здесь мы имеем дело с отражением, т.е. с косвенным влиянием грамматической категории одушевленности и подобных категорий, таких как категория личности. Они выражаются именно формальными отношениями между винительным, именительным и родительным падежами. является более типичным, чем одушевленный объект, в частности чем объект, отсылающий на людей. Поэтому первые не требуют эксплицитного маркирования, тогда как последние должны получать падежный маркер в форме резумптивного местоимения

Интерпретация морфологических факторов оказывается труднее, так как формальное отношение словоформ не выявляется в актуальном высказывании, но существует только в языковом системе, т.е. на абстрактном уровне.

Е.В. Урысон
uryson@gmail.com

К определению видовой пары: глаголы НСВ в сценических ремарках[3]

АННОТАЦИЯ. Объект предлагаемой работы – парные глаголы НСВ в сценических ремарках. Хорошо известно, что в сценическом настоящем действие, обозначаемое глаголом НСВ (даже непарным), часто и начинается в описываемый момент, т.е. глагол НСВ в таком контексте обозначает не только процесс как таковой, но и его начало. Так, ремарка *Нервно ходит по комнате* может значить 'начинает нервно ходить по комнате' [Зализняк Анна, Шмелев 2015: 287]. Глагол НСВ и в других случаях может «высвечивать» начало длящегося действия [Падучева 1996: 68 сл.]. Неясно, то ли это указание является частью значения видовой граммемы, то ли специфическим «контекстным наращением», то ли оно предопределено лексическим значением глагола. В предлагаемой работе, в рамках концепции [Урысон 2019], сделана попытка дать системное описание данного явления.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Глагольный вид, парные глаголы, граммема вида, лексическое значение, настоящее сценических ремарок.

0. Введение

Объект предлагаемой работы – парные глаголы НСВ в сценических ремарках; ср. *Падает и умирает; Садится и читает газету; (Дети) останавливаются и поют песню*. Хорошо известно, что в таких ремарках действие, обозначаемое глаголом НСВ (даже непарным), часто и начинается в описываемый момент, т.е. глагол НСВ в таком контексте обозначает не только процесс как таковой, но и его начало. Так, в примерах выше *читает* значит 'начинает читать', а *поют* – 'начинают петь'. Требуется уяснить природу этого смыслового компонента.

Поставленная задача решается в рамках подхода, предложенного в [Урысон 2019]. Этот подход кратко излагается в разделе 1. Затем (раздел 2) описываются частные значения НСВ в контексте настоящего сценических ремарок; этот раздел содержит собственно решение поставленной задачи. В последнем разделе рассматриваются некоторые теоретические проблемы определения видовой парности и уточняется критерий Маслова.

Глагол, как правило, многозначен, т.е. представляет собой совокупность лексико-семантических вариантов (по Смирницкому) или лексем (в терминологии московской семантической школы). Хорошо известно, что в видовую пару объединяются не два многозначных глагола (один – СВ, а другой НСВ), а две лексемы СВ и НСВ. В дальнейшем, говоря о глаголе, мы будем иметь в виду его какую-либо конкретную лексему (обычно – это первая лексема данного глагола), представление о которой дается в примерах.

1. Семантическая интерпретация критерия Маслова

По определению, глаголы СВ и НСВ внутри видовой пары имеют тождественное лексическое значение и различаются только видовой семантикой. Существующие корпусные и статистические методы не позволяют установить тождество лексического значения глаголов СВ и НСВ (как и других языковых единиц).

[3] Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ 19-02-00291А.

Казалось бы, идеальным инструментом для определения видовой парности должен быть семантический критерий, т.е. такой критерий, который оперирует с лексическим и грамматическим значением глагола. Однако подобный критерий предполагает полное и точное описание семантики достаточного представительного массива глаголов. В настоящее время такие описания отсутствуют.

Надежным критерием установления видовой парности является критерий Маслова [Маслов 2004]. Он опирается на дистрибуцию парных глаголов СВ и НСВ в некоторых, т.н. масловских, контекстах: в этих контекстах для обозначения реального события используется не глагол СВ, а его видовой коррелят НСВ. Одним из масловских контекстов является настоящее историческое. Ср.

(1) *Он переехал* [СВ] *в деревню и женился* [СВ] *на простой крестьянке*. – *Он переезжает* [НСВ] *в деревню и женится* [НСВ] *на простой крестьянке*.

(2) *В Москве он построил* [СВ] *себе дом*. – *В Москве он строит* [НСВ] *себе дом*.

В [Урысон 2019] предложена семантическая интерпретация дистрибутивного критерия Маслова: указание на событие входит в лексическое значение обоих глаголов внутри пары (т.е. и СВ, и НСВ). Глаголы в паре различаются модальной или темпоральной характеристикой этого события, причем эта характеристика входит уже не в лексическое значение глагола, а в семантику видовой граммемы, которая в свою очередь определяется контекстом.

Действительно, возьмем классический пример А. Вежбицкой с предложенным ею толкованием НСВ [Wierzbicka 1967]:

(3) *Ян умирает* [актуально-длительное] ‘Ян последовательно проходит состояния такого ряда состояний, что если он пройдет все состояния этого ряда, то наступит событие: Ян умер’.

Вслед за Е.В. Падучевой [Падучева 1996: 18], попытаемся представить толкование (1) в обобщенном виде:

(4) ‘Имеет место процесс P; если процесс будет развиваться естественно, то в какой-то момент будет иметь место событие Q - результат данного процесса’.

Как видим, глагол НСВ в актуально-длительном значении содержит в своем значении указание на результирующее событие, т.е. включает в себя семантику парного глагола СВ. Аналогичным образом можно толковать и парные глаголы НСВ, обозначающие действия, ср. *рисовать*. Ср.

(5) *Ян рисует дерево*.

(6) ‘Субъект действует P; если он будет продолжать действовать, то в какой-то момент будет иметь место событие Q – результат данного действия’.

Очевидно, что указание на событие – результат данного действия содержат и глаголы «моментального достижение цели», ср. *ловить – поймать, решать – решить* и т.п.

По определению, лексическое значение глаголов внутри видовой пары тождественно [Маслов 2004/1948; Виноградов 1947; Кузнецов 1952; Мучник 1956; Бондарко, Буланин 1967; Грамматика 1970; Грамматика 1980; и многие другие работы]. Поскольку указание на результирующее событие входит в семантику как глагола СВ, так и его парного коррелята НСВ, то, следовательно, это указание является частью лексического значения парного глагола.

На долю видовой семантики остается модальная (и отчасти темпоральная) характеристика этого события, т.е. указание на его реальность / гипотетичность, указание на сохранение результата к моменту речи, как и указание на однократность / многократность / узуальность.

Более точно, в актуально-длительном значении указание на событие участвует в импликации А. Вежбицкой:

(7a) ‘Если процесс P будет развиваться естественно, то в какой-то момент будет иметь место событие Q - результат данного процесса’.

(7б) ‘Если субъект будет продолжать действовать P, то в какой-то момент будет иметь место событие Q – результат данного действия’.

В многократном значении (ср. *Осирис оживал каждую весну; Он трижды делал ей предложение*) указание на событие входит в один из двух следующих компонентов значения:

(8а) ‘Неоднократно имел место процесс P, который развивался естественно, и каждый раз в какой-то момент имело место событие Q – результат данного процесса’.

(8б) ‘Субъект неоднократно действовал P, и каждый раз в какой-то момент имело место событие Q – результат данного действия’.

Аналогичным образом обстоит дело с другими значениями НСВ (подробнее см. [Урысон 2019]).

Итак, указание на событие как таковое входит в лексическое значение парного глагола НСВ, а характеристика этого события входит в значение видовой граммемы. Благодаря этому в глагольной словоформе значение вида и лексическое значение глагола (основы глагола) всегда слиты – подобно тому, как слиты лексическое значение основы и грамматическое значение числа в словоформе существительного. В результате «нельзя естественным образом истолковать значение глагольной словоформы как лексическое значение глагольной основы, очищенное от значения вида, плюс значение видового показателя» [Гловинская 2001: 56]. Тем не менее, мы можем делать выводы о том, какие отдельные компоненты значения глагола относятся к лексическому значению, а какие – к видовой семантике.

Приведем возможное обобщенное представление лексического значения парного предельного глагола, т.е. как СВ, так и НСВ:

(9) ‘Процесс / действие P; естественный результат P - событие Q’.

Подчеркнем, что выражение (9) не является толкованием в смысле московской семантической школы: это лишь схематическое представление лексического значения глагола.

Исходя из общих представлений о системе языка, естественно предположить, что указание на событие содержится в лексическом значении всех парных глаголов – как предельных, так и непредельных. В лексическом значении парного предельного глагола есть указание на результирующее событие, к которому естественно приводит данное действие или данный процесс. Ясно, что парные непредельные глаголы не предполагают никакого результата. На какое же событие они указывают?

На основе имеющихся знаний о видовом противопоставлении (см. в особенности [Гловинская 1982; 2001; Татевосов 2005]) и видовой семантике, естественно думать, что указанием на событие в лексическом значении такого глагола (как СВ, так и НСВ), является указание на начало или конец ситуации. Для нашей темы важен первый случай, и мы им сейчас ограничимся.

Пример: *обижаться – обидеться*.

В первом приближении, *обижаться* ‘быть в эмоциональном и ментальном состоянии P’. Ср. *Она долго на него обижалась*. Здесь глагол *обижаться* сближается с выражением *быть в обиде*. Толкование глагола СВ *обидеться* тоже не вызывает затруднений: *обидеться* ‘начать быть в состоянии P’. При этом, в соответствии с постулатом Грайса, высказывание *Он обиделся* предполагает, что субъект некоторое время находится (или находился) в данном состоянии.

Глаголы *обижаться – обидеться* образуют видовую пару по Маслову. Действительно, в масловских контекстах НСВ *обижаться* обозначает событие. Ср.

(10) *Он внезапно обиделся и ушел – Он внезапно обижается и уходит* [настоящее историческое].

(11) *Он очень обижался на меня за этот поступок* [общефактическое значение НСВ].

(12) *Она много раз на него обижалась* [многократное значение НСВ].

Отметим, что глагол НСВ *обижается* в настоящем историческом может иметь и стативное значение, ср. *После этого он три дня на нее обижается*. Однако в (10) наречие *внезапно* указывает на то, что данный глагол обозначает событие, а именно начало состояния, или переход в новое состояние. Действительно, «сочетаемость со словом *внезапно* может рассматриваться как своего рода дополнение к тесту Маслова, поскольку внезапными могут быть только события (ср. *Он внезапно уезжает*), но не процессы и состояния (см. [Булыгина, Шмелев 1998])» [Зализняк Анна, Шмелев 2015г: 287].

Итак, в толковании СВ *обидеться* содержится указание на начало состояния. На начало состояния указывает и НСВ *обижаться* в масловских контекстах. По определению лексическое значение глагола НСВ и СВ в видовой паре тождественно – следовательно, указание на начало состояния входит в лексическое значение и НСВ *обижаться*, и СВ *обидеться*. В первом приближении: *А1 обижается* ‘А1 находится в эмоциональном и ментальном состоянии Р; это состояние начало иметь место в какой-то предшествующий момент времени’. В обобщенном виде:

(46) ‘Состояние / процесс Р; Р начало иметь место в какой-то момент времени’.

Более подробно об этой группе непредельных глаголов см [Урысон 2019].

С логической точки зрения практически любой процесс и любое состояние имеют начало.

В некоторых случаях эта информация является компонентом лексического значения парного глагола, т.е. как глагола СВ, так и глагола НСВ, ср. *обижаться – обидеться*. Однако в других случаях эта же информация представляет собой просто фрагмент нашего общего знания об устройстве мира и не входит в лексическое значение глагола НСВ, ср. *тосковать – затосковать, болеть – заболеть* и подобные пары, не удовлетворяющие критерию Маслова. Таким образом, в видовых парах этого типа в лексическом значении глагола зафиксирована информация, которая вообще говоря дублирует фрагмент наших общих знаний о мире.

Аналогичным образом устроены и парные предельные глаголы. Действительно, информация о том, что всякий процесс или действие имеют «естественный конец» является частью наших знаний о мире. Однако в одних случаях эта информация закреплена в лексическом значении парного предельного глагола, а в других случаях – нет; ср. глаголы *искать – найти*: в лексическое значение глагола *искать* не входит указания на событие ‘найти’, из-за чего эти глаголы и не удовлетворяют критерию Маслова.

Рассмотрим теперь значения НСВ в контексте сценических ремарок.

2. Частные значения НСВ в контексте настоящего исторического

Прежде всего, будем различать два случая употребления глагола НСВ в настоящем сценическом. Первый случай иллюстрируется примерами типа

(10) *Сидит за роялем и играет вальс* [сценическая ремарка].

Здесь значение глаголов НСВ *сидит* и *играет* аналогично актуально-длительному значению. Ср.

(11) *Ты видишь, что он сейчас делает? – Да, он сидит за роялем и играет вальс* [настоящее время, актуально-длительное значение НСВ].

В (11) действие ‘сидит за роялем и играет’ имеет место в момент речи. Что касается сценической ремарки (10), то здесь «читатель представляет себе названное действие как бы происходящим в момент чтения» [Гловинская 2001: 223 сл.].

Значение НСВ в сценическом настоящем, близкое актуально-длительному, ср. (10), можно назвать «процессным сценическим», или «актуально-длительным сценическим».

Для аспектологии более интересен второй случай, ср.

(12) *Падает и умирает* [сценическая ремарка].

В (12) действия ‘падает и умирает’ представляются как бы происходящими в момент чтения – и это сближает данный случай с предыдущим. Однако в данном случае глагол НСВ указывает и на начало действия, и на его протекание, и на завершающее его событие, которое в обычном повествовании обозначается глаголом СВ. Перед нами «своеобразная комбинация противоположных значений обоих видов» [Маслов 2004/1974: 110], т.е. особое частное видовое значение НСВ. (См. об этом также работы [Кошмидер 1962 / 1934; Бондарко 1971: 226 сл.]). Назовем это видовое значение «процессно-событийным».

Приведем толкование глагола *умирать* в процессно-событийном значении НСВ:

(13) *Умирает* [процессно-событийное, в сценической ремарке]

‘(i) субъект начинает последовательно проходить состояния такого ряда состояний, что если он пройдет все состояния этого ряда, то наступит событие: он умер;

(ii) субъект последовательно проходит все состояния этого ряда состояний;

(iii) имеет место событие: субъект умер’.

Обобщенная схема толкования имеет следующий вид:

(14) ‘Процесс P начинает иметь место, естественно развивается, и в какой-то момент имеет место событие Q – результат данного процесса’.

Аналогичным образом толкуется процессно-событийное значение НСВ глаголов, обозначающих действия; ср. *Заклеивает конверт и надписывает его* [сценическая ремарка]. Приведем обобщенную схему толкования таких глаголов:

(15) ‘Субъект начинает действовать P, действует, и в какой-то момент имеет место событие Q – результат данного действия’.

Применительно к примеру *Заклеивает конверт и надписывает его*, результирующие события Q – ‘заклеить конверт’ и ‘надписать конверт’[4].

Эти два частных значения НСВ в контексте настоящего сценических ремарок описаны в [Урысон 2019]. Теперь перейдем к еще не рассмотренному нами случаю, ср.

(16) *Садится за рояль и играет вальс* [сценическая ремарка].

(17) (а) *Иван нервно забегал по комнате.* VS.

Иван нервно бегает по комнате [сценическая ремарка].

(18) *В ответ дети дружно запели песню.* VS.

В ответ дети дружно поют песню [сценическая ремарка].

В данных сценических ремарках: *бегать* ‘начать бегать’, *петь* ‘начать петь’.

Однако компонент ‘начать’ появляется не у всех глаголов в контексте настоящего сценического. Ср.

(19а) *Иван садится за стол и засыпает сидя* [сценическая ремарка].

(19б) * *Иван садится за стол и спит сидя* [сценическая ремарка].

Ремарка (19б) невозможна потому, что *спит* здесь не имеет значения начинательности. Причина в том, что данный компонент не входит в лексическое значение глагола *спать*.

По логике нашего рассуждения, компонент ‘начать’ входит в лексическое значение глаголов *бегать* и *петь*. Однако этот компонент имеет особый статус: по-видимому, он «высвечивается», акцентируется только в контексте сценических ремарок, но не в других

[4] Значения, аналогичные этим, выражает глагол НСВ и в контексте настоящего исторического [Урысон 2019].

контекстах. В частности, этот компонент не активизируется в контексте многократности, почему невозможно * *Иван часто вдруг бегал по комнате* при нормальности *Иван часто вдруг начинал бегать по комнате*. Этим глагол *бегать* отличается от глаголов типа *обижаться*, в которых указание на начало состояния является «полноправным» компонентом лексического значения, ср. *Иван часто вдруг на нее обижался*.

Итак, наличие компонента 'начать' в значении глагола НСВ в контексте сценической ремарки определено лексическим значением глагола.

Данный компонент высвечивается только в контексте настоящего сценических ремарок, входя в семантику соответствующей видовой граммемы в обобщенном виде):

(20) 'Процесс / действие Р начинает иметь место и продолжает иметь место'.

3. Некоторые теоретические проблемы и уточнение критерия Маслова

В контексте настоящего сценических ремарок СВ *запеть* заменяется на НСВ *петь*. Данный контекст относится к масловским контекстам. Следует ли из этого, что *петь* и *запеть* образуют видовую пару? Положительный ответ на этот вопрос противоречит общепринятым представлениям. Во-первых, СВ *запеть* образует видовую пару с НСВ *запевать*. Во-вторых, НСВ *петь* входит в видовую пару с СВ *спеть*. Тем не менее, исходя из критерия Маслова, мы вынуждены констатировать конкуренцию двух глаголов СВ (*спеть* и *запеть*) на роль видового коррелята глагола НСВ *петь*.

Обратим внимание на то, что во всех масловских контекстах СВ *спеть* заменяется на НСВ *петь*. Ср.

(21) *Он спел романс, и занавес упал – Он поет романс, и занавес падает* [наст.ист.].

(22) *Он много раз пел эту песню* [контекст многократности].

(23) *Он пел эту песню на конкурсе* [общефакт.].

Что касается *запеть*, то этот глагол заменяется на *петь* лишь в одном масловском контексте - в контексте сценических ремарок. Ср.

(24) *Останавливается под балконом и поет серенаду* [сценическая ремарка].

Естественно предложить следующее уточнение критерия Маслова: глагол НСВ объединяется в видовую пару с тем глаголом СВ, который заменяется данным глаголом НСВ в большем числе масловских контекстов.

ЛИТЕРАТУРА

Бондарко 1971 – Бондарко А.В. Вид и время русского глагола. М., 1971.

Булыгина, Шмелев 1998 – Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. *Неожиданности* в русской языковой картине мира // Πολυτροπον. М, 1998. 306-324.

Зализняк Анна, Шмелев 2015 – Зализняк Анна А., Шмелев А.Д. Введение в русскую аспектологию // Зализняк Анна А., Микаэлян И. Л., Шмелев А.Д. Русская аспектология: в защиту видовой пары. М. ЯСК.

Кошмидер 1962 / 1934 – Кошмидер Э. Очерк науки о видах польского глагола // Вопросы глагольного вида. М., 1962. С. 159 – 161 [Koschmieder E. Nauka o aspektach czasownika polskiego w zarysie. Wilno, 1934. S. 97 - 102].

Маслов 2004 / 1948 – Маслов Ю.С. Вид и лексическое значение глагола в современном русском литературном языке // Ю.С. Маслов. Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание. М.: ЯСК, 2004. С. 71 – 90 [впервые напечатано в: Изв. АН СССР, отд. лит. и яз. 1948. Т. 7. Вып. 4. с. 303 – 316].

Маслов 2004/1974 – Маслов Ю. С. Система частных видовых значений и типы противопоставлений совершенного и несовершенного вида // Ю.С. Маслов. Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание. М.: ЯСК, 2004. С. 96 – 110

[первый вариант: Zur Semantik der Perfektivitaetsopposition // Wiener Slawistischer Jahrbuch. 1974. Bd. 20. S. 107 – 122].

Падучева 1996 – Падучева Е.В. Семантические исследования (Семантика вида и времени в русском языке; Семантика нарратива). М., 1996.

Урысон 2019 – Урысон Е.В. Лексическое значение глагола в видовой паре: семантическая теория и критерий Маслова // ВЯ, 2019, № 3.

Wierzbicka 1967 – Wierzbicka A. On the Semantics of the Verbal Aspect in Polish // To Honor Roman Jakobson. The Hague – Paris, Mouton, 1967. P. 2231 – 2243.

И.А. Шаронов

РГГУ

Москва

ВОТ ВЕДЬ И ***НАДО ЖЕ!*** Путь от конструкции ко вторичному междометию

Vot ved' and *Nado zhe!* The path from construction to secondary interjection

Аннотация

Статья посвящена попытке выявления путей и этапов перехода свободных синтаксических конструкций во вторичные междометия. Этапными являются стереотипизация и частичная десемантизация конструкций в дискурсе в качестве метатекстовых единиц, частичная потеря знаменательных и служебных компонентов, идиоматизация и наполнение конструкции субъективными смыслами. В диалогической речи такие модификации конструкций могут служить эмоциональными звуковыми реакциями вместе с жестово-мимическим сопровождением, то есть выступают как вторичные междометия.

Вот ведь и *Надо же* относятся ко вторичным междометиям – единицам языка, передающим непроизвольные эмоциональные реакции человека. *Вот ведь* и *Надо же* являются звуковыми эмоциональными симптомами неподготовленности человека к воспринимаемой в данный момент информации. Наиболее нерасчлененное выражение такой неподготовленности передается в языке глаголом *удивиться*. Иорданская дает следующее толкование глагола *удивиться*: А удивляется В = ‘А испытывает "возбужденное" эмоциональное состояние’, А или уверен в осуществлении события В или

считает, что осуществление В высоковероятно, до t_0 А считал, что осуществление события В маловероятно’. [Иорданская 1970, с. 24]. Этологи относят удивление к базовым и универсальным эмоциям, поскольку симптоматика удивления имеет характерные мимические признаки, отмечаемые во всех исследованных культурах: приоткрытый рот, округленные глаза, приподнятые брови и т. д. [Бутовская 2004].

Непроизвольная эмоциональная реакция удивления выражается главным образом вокальными жестами, неязыковыми звуками: *О-о!, Ой!, Ба!, Вау!,* которые в лингвистике относят к первичным междометиям. Вторичные же междометия построены с помощью стандартных единиц языка при грамматической аморфности и десемантизированности всей конструкции. Кроме двух названных междометий удивление может быть передано целым рядом других вторичных единиц: *О Боже, Батюшки, Вот так так, Вот это да, Вот те и на, Вот черт, Блин* и т.п. Все эти языковые единицы, будучи вторичными, являют собой переход от стандартных языковых употреблений слов и конструкций в междометные. Источники и пути перехода во вторичные междометия не всегда очевидны. Их анализ может позволить уточнить особенности употребления и выбора говорящим той или иной единицы при выражении удивления.

Согласно теории грамматикализации [Lehmann 2004] между высказываниями, имеющими общие компоненты, можно выстроить систему связей с наследованием признаков, представить высказывания как некоторую последовательность формальных и семантических модификаций, идущих от «источника», то есть от наиболее полной и неидеоматизированной формы или конструкции к более идиоматичным и грамматикализованным. Вторичные междометия – это результат грамматикализации языковых форм и конструкций, в результате которой такие они получают новый грамматический статус. Грамматикализация переводит семантику языковой формы на более абстрактный уровень, позволяя им передавать сообщения об эмоциях говорящего лица (Traugott 1995). Модификации проходят, в частности, в дискурсивных контекстах – монологических и диалогических, где конструкции способны приобретать прагматические свойства и подвергаться опрощению, сближаясь либо с дискурсивными маркерами (вводными словами, коннекторами, релятивами), либо с грамматически аморфными реактивными репликами (коммуникативами, вторичными междометиями). В последнее времени исследователей, занимающихся междометиями, все чаще привлекает анализ путей перехода словоформы в междометие. Например, в работе (Gehweiler's 2008) проводится анализ междометия 'gee!' этимологичкски связанный с 'Jesus'. В работе (Cruz 2017) описываются пути перехода некоторых групп знаменательных слов во вторичные междометия, главным образом за счет расширения своего значения. Однако кроме

вторичных междометий, построенных на одиночных словоформах, существует большой класс грамматических идиом – междометий и коммуникативов, построенных на основе сочетаний служебных слов. Такого рода единицы происходят из свободных конструкций и фразеосхем путем эллипсиса значимых компонентов и некоторых других преобразований (см. Шаронов 2008, 2009).

Настоящая статья посвящена попытке построения пути трансформаций, который претерпевает синтаксически свободная «конструкция-источник» по пути к вторичному междометию. В качестве конечного пункта последовательно рассматриваются междометия *Вот ведь (как)!* и *Надо же!*

ВОТ ВЕДЬ (КАК)

Представляется, что «источником», обратным концом цепочки модификаций к вторичному междометию *Вот ведь (как)* является стандартная финитная конструкция: *Они ходят / здороваются / спят*. Добавление в такие предложения частиц *вот как* привносит указание (*вот*) на способ совершения действия (*как*): *Вот как они ходят / здороваются / спят* и т.д.

Идиоматизированное сочетание частиц *вот ведь как* с фразовым ударением на частицу *вот* при обобщающем глаголе *бывает* приводит к формированию модализованной дискурсивной единицы, используемой говорящим / пишущим лицом, чтобы ввести или завершить им сообщение о необычном или странном событии, поделиться своим удивлением перед непредсказуемостью жизни.

> *Язычник и огнепоклонник стал набожным православным; мефистофелеподобный анархист и панк склоняется к тоталитаризму; внук антифашиста пишет совершенно нацистские песни.* ***Вот ведь как бывает в жизни****, э? (М. Свирепый. Байда: музыка).*
>
> *Удачно получилось у меня с тёщей, как говорят — осенило. Потом я её даже полюбил, и она меня, хотя ругались по-прежнему. Умерла она года через два, — я о ней очень жалел,* ***вот ведь как бывает*** *(И. Грекова. Хозяева жизни).*
>
> ***Вот ведь как бывает****, оказывается. ЛЮ и Роман Якобсон знали друг друга с далекого детства, дружили еще их матери. (В. Катанян. Прикосновение к идолам).*

Данной дискурсивной единице близка аналогичная конструкция с глаголом *получается* , используемая говорящим / пишущим лицом, чтобы ввести или завершить им сообщение о неожиданном, странном следствии из какой-либо деятельности. В социальных контекстах семантика конструкции может окрашиваться негативной оценкой, связанной с идеей о несправедливости жизни («комплекс Сальери»).

Вот ведь как получается *— люди трудятся, в результате их работы меняется мир. Но чем больше они старались, тем меньше в старости такого дела, к которому они привыкли, которое умели. (С. Гансовский. Млечный путь).*

— Ну, голубчик, рассказывай: где, как, когда, почему и откуда? — Родион Иванович дотронулся до локтя Гурова и легонько подтолкнул его к выходу из зала. ***— Вот ведь как получается****… Раньше в отряде я бы вас так спросил. А нынче вы командуете (Г. Семар. Снежка — речка чистая).*

Регулярность использования обеих модализованных конструкций приводит к эллипсису глаголов без изменения их значения.

Вот ведь как бывает/получается ➡ Вот ведь как!

Переводил я очень хорошо, это быстро поняли, — и в итоге образовалась почему-то целая очередь поэтов, <…> жаждущих, чтобы книги их перевел именно я, только я, непременно — я, и никто другой, ***вот ведь как*** *(В. Д. Алейников. Тадзимас).*

Геройское участие в защите Отечества не считалось стоящим внимания доводом против обвинения в безродном космополитизме. ***Вот ведь как!*** *(К. Ваншенкин. Писательский клуб).*

Дополнительная потеря частицы *как* также не приводит к изменению семантики конструкции, хотя появляется тенденция к дискурсивному ограничению: *Вот ведь* имеет тенденцию к использованию только в инициальной позиции.

— Я вас забинтую, — сказал Вадим Петрович. — Я этому обучился на сборах. ***Вот ведь!*** *Считал дурьим делом, а могу вам помочь (Г. Щербакова. Актриса и милиционер).*

Я к Веселому — он то же самое: «Не знаю никакого Тихона». Тогда разыскал самого себя. Но и я его не помнил. ***Вот ведь!*** *В четверг Тихона помню, а во вторник — нет. (Е. Прошкин. Механика вечности).*

Если сопоставить приведенные примеры, будет заметно, что потеря компонентов конструкции не приводит к семантическим сдвигам, однако усиливает эмоциональную составляющую – удивление, недопонимание говорящим возможности того, о чем он рассказывает.

Вот ведь как бывает в жизни

Вот ведь как бывает

Вот ведь как!

Вот ведь!

Шарль Балли в «Французской стилистике» пишет об обратно пропорциональных отношениях между эмоциональной составляющей и полнотой выражения мысли в предложении. В качестве иллюстрации исследователь приводит ряд возможных высказываний человека при неожиданной встрече – от максимально полного высказывания: *«Я удивлен тем, что встретил вас здесь»* до междометного выкрика «*О*!» [Балли 2011].

В диалогических контекстах конструкция ***Вот ведь (как)*** претерпевает окончательную модификацию. Она используется в качестве непроизвольной реакции говорящего на восприятие события, нарушающего представление о чем-л., о возможности чего-л. Конструкция передает удивление, растерянность или легкую досаду. Говорящий может покачать головой слева направо, удивленно раскрыть глаза, присвистнуть.

Молодая женщина вдруг плачет — рассказывает, что недавно она сбилась с дороги и её изнасиловали. Вовка-стрелок, удивлённый, присвистывает: ***вот ведь как!*** *Посочувствовав, он спрашивает (с любопытством), сколько же их было? (В. Маканин. Кавказский пленный).*

Мы с братом очень похожи, только я без усов. Он попросил меня подежурить, пока он свою девушку свозит к морю. Это сразу можно было бы заметить — на мне фуражка не в размер. — ***Вот ведь как****, — сказал К. М., — а я подумал, это у вас голова в рост пошла. (И. Адамацкий. Утешитель).*

— А мать его как зовут? Гурский широко раскрыл глаза: — ***Вот ведь!*** *Из головы вон… Маша… Варя… (С. Д. Мстиславский. Грач – птица весенняя).*

Вторичное междометие *Надо же!*

В словаре под редакцией В.В. Морковкина (ССРЯ 1998) есть статья Надо же:

Надо же, надо ж, это же надо, это ж надо, *междометие, разговорное*.

1.0. Восклицание, которое употребляется для выражения удивления, изумления.

Аня, надо же, успела- таки на поезд. Вы Леонид Павлович Мухин? – Надо же, узнали!

1.1. *в составе сказуемого.* Употребляется для выражения возмущения или досады.

Зимой ходить без шапки – надо же такое придумать! Надо же мне было именно сегодня забыть записную книжку! Надо же так испачкаться!.

«Источником» для формирования вторичного междометия предположительно являются конструкции: ‘Х-у надо + инфинитив / и Надо, чтобы Р’. Центральный компонент конструкции на который слово падает фразовое ударение – модальное слово *надо*. *Надо* связано с социальной необходимостью и целеполаганием. Природе вроде бы

ничего не надо, надо человеку, обществу. Под *Х-ом* подразумевается лицо, одушевленный субъект. В настоящем времени конструкция описывает нефактивную пропозицию: *Николаю надо войти; Начальству надо, чтобы мы сдали работу в срок.*

В прошедшем времени конструкция может передавать фактивное значение описываемого действия в полемическом контексте, мотивирующем совершение действия. Добавление частицы *же* усиливает мотивацию, акцентируя внимание на *надо* в качестве носителя фразового ударения:

В Париже принудительный выбор был куда уже, да и материальные возможности дающего стали уже не те. Однако **надо же было кому-нибудь давать** и здесь (Д. Маркиш. Стать Лютовым. Вольные фантазии из жизни писателя Исаака Бабеля)

Эти жалобы звучали довольно глупо в письме исключенного гимназиста. <…> Ведь я и месяца еще не прослужил на позициях. **Надо же было мне свалить** на кого-то свою неприспособленность к новым условиям жизни и вечное ощущение беспричинной грусти (В. П. Катаев. Юношеский роман).

Конструкция ‘Х-у же надо было + инфинитив’ имеет субъективно-модальную модификацию с фиксированным порядком слов: ‘(И / Ну) Надо же было Х-у + инфинитив’. Агент действия, намеренного или ненамеренного, в модализованной конструкции может быть как одушевленным, так и неодушевленным. Целеполагание, передаваемое словом *надо* метафорически приписывается судьбе, игре случая. Конструкция выражает удивление, недоумение, досаду говорящего по поводу описываемого им события.

Жизнь иногда устраивает также пируэты… **Надо же было Никите Михалкову**, подбирая музыку к титрам в фильме «Пять вечеров», **напасть** в архивах радио именно на эти «Бульвары» (Л. Гурченко. Аплодисменты)

Блин, **надо же было этому розовому свечению так нам подгадить**! (Д. Емец. Таня Гроттер и колодец Посейдона).

Конструкция используется в монологическом дискурсе при описании никак не контролируемых совпадений, странных случайностей, вторгающихся в судьбу человека. При замене инфинитива с дательным субъекта обобщенным оборотом со значением события *такому случиться*: ‘(И) Надо же было такому случиться!’ происходит дискурсивная модификация конструкции, переход ее в интродуктивную формулу описании действия, приводящего или связанного с непредвиденной ситуацией, в которую попал герой повествования.

И надо же было такому случиться*, что, когда он нажимал на кнопку звонка, появилась Нина Софьина. (А. Слаповский. Любовь по-нашему).*

Стереотипность употребления приводит в действие закон экономии языковых средств. Не меняя своего значения, интродуктивная конструкция теряет значимые компоненты: *было* и *такому случиться*, дрейфуя в сторону вводных слов и конструкций.

***И надо же такому случиться* —** *за несколько мгновений до того Лена хладнокровно пригнула голову, как если бы знала наперед о грозящей опасности. (Д. Емец. Таня Гроттер и колодец Посейдона).*

И надо же *– плохое настроение само собой куда-то улетучилось! (Т. Рик. Лекарство от плохого настроения).*

В диалогических контекстах конструкция *И надо же* претерпевает окончательную модификацию. Она используется в качестве вторичного междометия, выражающего оценку воспринятого как неожиданную, вызывающую сильное удивление, пораженность, растерянность. Конструкция «обрастает экспрессивными частицами и возможностью инверсии компонентов, в результате чего получается набор синонимичных вариантов:

НАДО ЖЕ!, НУ НАДО ЖЕ!, ЭТО НАДО ЖЕ!, ЭТО Ж(Е) НАДО!.

— Это стоматолог из поликлиники, — прошептала я ему. — Они со Струминым вместе учились. — ***Ну надо же****, как тесен мир! — поразился Лешка.*
(Е. Топильская. Помни о смерти (memento mori).

Жуткий, между нами, Юлечка, <...> бабник. — ***Надо же****. А по виду не скажешь.*
— О! Так вы его не знаете. (С. Данилюк. Рублевая зона).

— Они зеленые? — насторожилась Ольга. Я кивнула. — ***Надо же!*** *— восхитилась она. — А пару секунд назад были терракотовые. (Д. Донцова. Доллары царя Гороха);*

Тетка Наталья, накинув ей под утро на плечи платок, отошла на два шага в сторону, оценила свою работу и даже как будто слегка всплакнула. — ***Ну, надо же****, Нюра… Какая красавица… (А. Геласимов. Степные боги).*

Литература

Балли Ш. (2011) Французская стилистика. М.

Бутовская *М.Л.* (2004) Язык тела: природа и культура. М.

Иорданская *Л.Н.* (1970) Попытка лексикографического толкования группы русских слов со значением чувства. // Машинный перевод и прикладная лингвистика. Вып. 13. М., С. 3–26.

ССРЯ (1997) Словарь структурных слов русского языка. Под. Ред. В.В. Морковкина. 1997.

Шаронов И.А. (2008) О скрытых признаках производных междометий // Скрытые смыслы в языке и коммуникации. М., 2008. С. 223-237.

Шаронов И.А. (2009) Коммуникативы и методы их описания// Материалы международной конференции Диалог 2009, вып. 8 (15). М., 2009. с. - С. 543-548

Cruz M. P. (2017) *Applications of Relevance Theory: From Discourse to Morphemes.* Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, p. 299-326.

Gehweiler, E. 2008. From proper name to primary interjection. The case of *gee! Journal of Historical Pragmatics* 9, no. 1, p. 71-93.

Lehmann C. (2004). Theory and method in grammaticalization / Zeitschrift für germanistische Linguistik, 32 (22), p. 152–187.

Traugott, E. C. 1995. Subjectification in grammaticalisation. In *Subjectivitiy and subjectivisation*. Cambridge: Cambridge University Press.

А.Д. Шмелев

ИРЯ РАН, МПГУ
Москва

Когда и как можно исправлять ошибки в грамматических описаниях?

Ошибки и противоречия в существующих грамматических описаниях разнообразны, и в зависимости от того, с каким типом ошибки мы имеем дело, можно предложить разные способы их исправления.

В некоторых случаях речь идет об очевидном недосмотре авторов описания, когда исправление ошибки не связано ни с каким новым лингвистическим знанием (как, напр., утверждение «Грамматики-1970», будто у существительных с основой на [г], [к], [х] формы именительного падежа множественного числа всегда образуются от основ на мягкие согласные [г'], [к'], [х']). Говорилось буквально следующее: «Существительные 1-го субстантивного склонения, основы которых оканчиваются на твердые [г], [к], [х, помимо названных форм, образуют от основы на мягкие [г'], [к'], [х'] также и формы именит. (винит.) пад. мн. ч.; например: *пироги*, *окошки*, *мухи*». Ясно, что автор этого описания просто забыл о таких формах, как *рога*, *окорока*, *меха*, где никакого смягчения основы не происходит. Нелепо было бы на основании этого описания говорить, что «Грамматика»-1970 предписывает употреблять формы «рогя», «окорокя», «мехя» со смягчением основы (и считает именно эти формы «правильными»). Такие ошибки легко могут быть исправлены; они не представляют особого интереса.

С противоположной ситуацией мы имеем дело, когда неточность в грамматическом описании вызвана тем, что какие-то языковые факты не попали в поле зрения автора. В таких случаях ошибку можно исправить, лишь обнаружив языковой факт, ускользнувший от внимания грамматистов. При этом чрезвычайно важно быть предельно внимательными к описываемым языковым фактам, иначе, исправляя действительные или мнимые обнаруженные ошибки, можно легко сделать новые ошибки. Проиллюстрируем сказанное на ряде примеров.

В «Грамматике-1953» говорится (автор соответствующего раздела – А. Б. Шапиро), что местоимения «*несколько, сколько* и *столько* обнаруживают полную аналогию с числительными». При этом отмечается: «Неопределенно-количественные числительные, за исключением *несколько,* могут сочетаться не только с названиями предметов, поддающихся счету, но и с существительными вещественными и отвлеченными, напр.: *сколько муки, сколько сахару, сколько радости…*» По этому поводу мы написали (в статье [Булыгина, Шмелев 1992]), что в «Грамматике-1953» не учитывается «тот факт, что подобные сочетания возможны только в именительном и винительном падеже», Там же мы обратили внимание на формулировку П. Гарда: « Les numéraux non chiffrés peuvent aussi avoir complément au génitif singulier, s'il s'agit de choses qui ne se comptent pas... Mais les syntagmesde ce genre ne peuvent s'employer qu'au nominatif et à l'accusatif ». В связи с ней мы написали, что П. Гард «делает общее утверждение о способности неопределенно-

количественных существительных в именительном и винительном падеже сочетаться с обозначениями неисчисляемых существительных (в родительном падеже единственного числа), никак не различая *сколько* и *столько,* способные к такому употреблению, и *несколько,* сочетающееся только с обозначениями дискретных множеств». Однако, как будет видно из дальнейшего: сочетания слов *сколько* и *столько* с вещественными и отвлеченными существительными возможны не только в именительном и винительном падеже, но и в других косвенных падежах.

Здесь уместно заметить, что до самого последнего времени грамматики игнорировали формы ед. ч. слов *столько* и *сколько*.[5] Так, во вступительной статье к первому изданию «Грамматического словаря русского языка» А. А. Зализняка парадигма словоизменения этих слов была описана следующим образом: «Числительные **ско́лько**, **не́сколько**, **сто́лько**, **мно́го**, **немно́го** склоняются по следующему единому образцу: И. *ско́лько*, Р., П. *ско́льких*, Д. *ско́льким*, Т. *ско́лькими*, В. неод. *ско́лько* (ср.: *ско́лько корабле́й вы́ ви́дите?*), В. одуш. *ско́льких* ‖ *ско́лько* (т. е. возможно, например: *ско́льких госте́й вы́ пригласи́ли?* и *ско́лько госте́й вы́ пригласи́ли?*)» [Зализняк 1977]. Словарные статьи указанных числительных в «Грамматическом словаре» соответствовали приведенному описанию, а прочие описания русского словоизменения давали ту же картину, только в большинстве случаев менее эксплицитно и корректно.

Однако несложный мысленный эксперимент показывает, что *столько* изменяется по числам и в единственном числе имеет полный набор падежных форм (*столького не хватает*; *столькому научился*; *я ему стольким обязан*; *о стольком надо поговорить* и т. д.). Соответствующие формы нередко встречаются в текстах на русском языке.

Эта лакуна в грамматических описаниях русского языка была отмечена в нашей статье [Булыгина, Шмелев 2000], а незадолго до ее публикации я рассказал об этом А. А. Зализняку. В настоящее время ситуация отчасти изменилась к лучшему: в новое издание «Грамматического словаря» [Зализняк 2003] была внесена уточненная информация относительно парадигм словоизменения слова *столько*. К общему описанию склонения числительных **ско́лько**, **не́сколько**, **сто́лько**, **мно́го**, **немно́го** во вступительной статье к словарю было добавлено замечание: «Отметим, что **сто́лько** может выступать также как местоимение со значением "столь многое" и тогда склоняется с окончаниями единственного числа: *я сто́льким Вам обя́зан*, *о сто́льком переговори́ли* и т п.» [Зализняк 2003: 68]; соответственно модифицирована и словарная статья в словаре.

До сих пор большинство грамматических справочников (в том числе лучших, напр. [Еськова 2015]), по-прежнему не учитывает возможности склонения с окончаниями единственного числа для слова *столько*. Но и в «Грамматическом словаре» уточнение не было доведено до конца: в нем пока недостает информации о возможности употреблять с окончаниями единственного числа не только слово *столько*, но и слово *сколько*.

Между тем такой же мысленный эксперимент показывает, что возможностью употребляться с окончаниями единственного числа обладает и местоимение *сколько* в «восклицательном» значении (*Скольким я ему обязан!* и т. д.), и, кстати, соответствующие формы также нередко встречаются в текстах (напр., *А сколького я еще не рассказала!* [Марина Цветаева]). В то же время необходимо подчеркнуть, что для неопределенного местоимения *несколько* склонение с окончаниями единственного числа невозможно, поэтому в «уточнении» важно не зайти слишком далеко, не попасть в плен аналогии и не приписать способность изменяться по числам слову *несколько*.

Можно заметить также, что из описания слова *столько* в словаре [Зализняк 2003; 2008] может создаться впечатление, что в присубстантивном употреблении оно склоняется с окончаниями множественного числа, а в абсолютивном употреблении (без указания предмета) – с окончаниями единственного числа. Это не совсем так.

---

[5] В нескольких последующих абзацах кратко пересказываются некоторые положения моей статьи в электронном сборнике, посвященном 80-летию А. А. Зализняка (https://inslav.ru/zalizniak80/congratulations/Shmelev.pdf).

Во-первых, в абсолютивном употреблении возможно не только единственное, но и множественное число, и поэтому неточны указания, которые даются в словаре в отношении обоих слов: «косв. формы употребляются только с названиями предметов…». Соответствующий пример приводился еще в словаре В. И. Даля: *Стольких перехватали, что беда!* — и давалось пояснение: «столько людей». При этом семантическое различие между абсолютивными употреблениями единственного и множественного числа вполне прозрачно и системно, оно полностью аналогично различию между абсолютивными *всё* и *все* или *многое* и *многие*. Единица с характеристиками единственного числа представляет собою обобщенное обозначение «вещей» или явлений, тогда как единица с характеристиками множественного числа, указывает на людей [Булыгина, Шмелев 2000: 293].

Во-вторых, слова *столько* и *сколько* могут склоняться с окончаниями единственного числа не только в абсолютивном, но и в присубстантивном употреблении. Случаи такого рода относительно немногочисленны, но и не являются чем-то исключительным (впрочем, как кажется, ограничиваются средним и – реже – мужским родом)[6]:

- …этой-то женщине, так величаво сидящей на ее диване, окруженной *стольким богатством*, такою изящною роскошью, говорят, что ее побьют. [Надежда Дурова]
- …зачем оставить это дело, *стольким трудом* приобретенное?.. [Николай Гоголь]
- Сколько можешь сделать добра. *Сколькому злу* помешать… [Константин Станюкович]
- Ни один край прежней царской России (…) не был облеплен *стольким количеством* глупейших резолюций и высказываний, как заполярный Мурман. [Константин Паустовский]
- после *столького пережитого* [Евгений Евтушенко]
- Ты, *стольким покаяньем*, раскаяньем и мукой искупивший свои грехи! [Владлен Давыдов (2004)]

Таким образом, мы видим, что мнимое «упущение» А. Б. Шапиро в «Грамматике-1953» на поверку оказывается лишь недостаточно эксплицитным описанием соответствующего фрагмента языковой системы, тогда как описание П. Гарда отклоняется от языковых фактов в двух отношениях: во-первых, сочетания слов *сколько* и *столько* с вещественными и отвлеченными существительными возможны не только в именительном и винительном падеже, но и в других косвенных падежах, а во-вторых, из неопределенно-количественных числительных в именительном и винительном падеже только *сколько* и *столько* способны сочетаться с обозначениями неисчисляемых существительных, в то время как *несколько* сочетается только с обозначениями дискретных множеств.

Встает вопрос, как отразить эти факты в грамматическом описании. Самое простое решение могло бы состоять в том, чтобы приписать местоимениям *столько* и *сколько* (но не *несколько*!) в присубстантивном употреблении способность изменяться по числам. Что касается до абсолютивного употребления, формальное числовое различие соответствует содержательному противопоставлению «вещей» и людей; не так уж важно, считать ли это различие словоизменительным или классифицирующим.

Можно добавить, что есть и другие формы от рассматриваемых основ, употребительные в современном языке, но также не предусмотренные словарями и грамматическими справочниками. Слово *сколько* в сочетании с предлогом в современной разговорной речи активно используется в значении ‘который час’ (заметим, что аналогичного значения нет

[6] Часть примеров извлечена из «Национального корпуса русского языка» (НКРЯ). Они приводятся в том виде, в каком содержатся в Корпусе.

у слов *столько* и *несколько*). Первоначально использовались конструкции со словом *час*, как в следующих примерах из романа «Что делать?» Николая Чернышевского:

- *Во сколько часов* вы будете у нее?
- Это значит, ты *во сколько же часов* уснула?
- *Во сколько же вы часов* трапезуете, отче? [В. И. Немирович-Данченко. Святые горы (1880)]

Однако эти конструкции издавна встречались и без слова *час*, напр.:

- Если хотите, приходите, и мы почитаем вместе. — *Во сколько*? [Иван Бунин]
- *Во сколько* едешь? — В десять тридцать. [Серафимович А. С. (Попов А. С.). Что я видел (1929-1930)]
- Капитан взглянул на часы: — *Во сколько* у нас встреча с Солнечкой, помнишь? [Сергей Розанов. Приключения Травки (1938)]
- *Во сколько* у нас стрельба? — В 6: 30. [Л. К. Бронтман. Дневники и письма (1932-1942)]
- *Во сколько* встаешь? — Обычно в 2–3. [Л. К. Бронтман. Дневники и письма (1932-1942)]
- …*во сколько* мы пойдем на стрельбище? [Тихий Дон]
- Скажите, пожалуйста, *во сколько* завтра начнут пускать посетителей? [Владимир Дудинцев]
- Мама встает в семь часов и тратит на одевание десять минут. Зато папа чистит зубы пять минут. Бабушка ходит в магазин столько, сколько мама одевается плюс папа чистит зубы. А дедушка читает газеты, сколько бабушка ходит в магазин минус *во сколько* встает мама. [Виктор Драгунский]
- *Во сколько* же ты легла? [Руслан Киреев. Мать и дочь (1964)]
- Так *во сколько* вас завтра разбудить по телефону? [Юрий Домбровский]

По-видимому, эти формы следует считать принадлежащими не просторечию, а разговорной речи. С грамматической точки зрения существенно, что при склонении слова *сколько* в рассматриваемом значении ударение переходит на окончание (*со скольки́х* и *до скольки́х*). Вообще говоря, ударение на окончании в формах слова *сколько* считается просторечным; в новейшем «Орфоэпическом словаре» [Еськова 2015] оно характеризуется как «неправильное», что является более решительным запретом, нежели просто «не рекомендуемое». Однако произношение формы *скольких* в рассматриваемом значении с ударением на основе было бы неестественно и воспринималось бы как речь иностранца, не вполне овладевшего закономерностями русской разговорной речи. Поэтому для данного значения следует считать нормативным именно ударение на окончании. Кроме того, в устной речи широко используются формы *со скольки́* и *до скольки́*, как правило, также игнорируемые нормативными словарями; правда, здесь есть основания пока еще считать использование этих форм не вполне отвечающим литературной норме.

Приведу еще один пример неточности в формулировке грамматического правила, связанной с тем, что не были учтены некоторые языковые факты. В статье [Копчевская, Шмелев 1994] мы писали: «словосочетание *слова папы* неоднозначно: оно может пониматься - в соответствии с двумя значениями слова *папа* - как 'слова отца' или как 'слова папы римского'. Но сочетание *папины слова* однозначно понимается как 'слова отца'». Мы связывали это с требованием «фамильярности»: посессивы рассматриваемого типа могут быть образованы только от неформальных номинаций лица, а поскольку *папа*

(Римский) к неформальным номинациям не относится, посессив на *-ин* от него не может быть образован. (Эта формулировка с незначительными изменениями была повторена в [Шмелев 2008].)
Сейчас мне кажется удивительным, что в момент написания цитированной статьи мы не вспомнили хорошо известное нам стихотворение Алексея Толстого «Бунт в Ватикане», в котором в первой же строфе говорится:

- Взбунтовалися кастраты,
  Входят в *папины* палаты…

Посессив *папины* образован как раз от существительного *папа (Римский)*. Тем самым становится очевидным, что наша формулировка должна была бы быть менее категоричной.
С иной ситуацией мы сталкиваемся, когда имеем дело с несогласованностью разных фрагментов описания, напр. когда одновременно утверждается, что наречия не имеют форм словоизменения и что наречия на *-о* имеют сравнительную степень в качестве формы словоизменения. Факты прекрасно известны авторам такого описания, но очевидно, что они не позаботились о том, чтобы оно было непротиворечивым. Здесь сделать описание последовательным обычно бывает можно разными способами, но в любом случае придется отказаться от одного из противоречащих друг другу утверждений.
От случаев такого рода отличаются случаи, когда описание недостаточно эксплицитно, так что при помощи специальных разъяснений можно сделать его формально верным, хотя, возможно, не оптимальным. Так, обычно считается, что род для имен существительных – словоклассифицирующая категория и что фамилии относятся к существительным. Этому явно противоречит представление, согласно которому при заключении брака можно «взять фамилию мужа» и фамилия берется в особой, женской форме, не совпадающей с мужской, и при этом женская форма не считается «другой» фамилией. Формальный выход из этого противоречия мог бы состоять в том, чтобы объявить мужские и женские фамилии разными словами, связанными словообразовательными отношениями (напр. словообразованием «по конверсии»). Впрочем, важно учитывать все импликации таких разъяснений: часто они влекут за собою существенное увеличение громоздкости каких-то других фрагментов грамматического описания. Это касается, в частности, ряда случаев супплетивизма (выбор между словоформами *лет* и *годов* в качестве формы род. мн. слова *год*, распределение основ *люд-* и *человек-* в качестве основ форм мн. числа слова *человек* и др.). Кроме того, есть еще целый ряд случаев, когда попытка посредством разъяснений сохранить имеющееся описание (которое не учитывало взаимодействия разных областей грамматики), приводит к крайней неестественности грамматических правил.

Литература

Булыгина, Т.В., А.Д. Шмелев 1988. Механизмы квантификации в естественном языке и семантика количественной оценки // Референция и проблемы текстообразования. М.: Наука. С. 5-18.

Булыгина, Т.В., А.Д. Шмелев Семантические и морфологические особенности местоимений: структура парадигм // Linguistique et slavistique. Mйlanges offerts a Paul Garde. Paris, 1992.

Булыгина, Т.В., А.Д. Шмелев 2000. Числительные в русском языке; лексикографические лакуны // Слово в тексте и слово в словаре. М.: Языки русской культуры. С. 289-306.

Еськова, Н.А. (ред.) 2015. Орфоэпический словарь русского языка. М.: АСТ.

Зализняк, А.А. 1977. Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. М.: Русский язык.

Зализняк, А.А. 2003. Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. М.:

Русские словари.

Зализняк, А.А. 2008. Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА.

Шапиро А. Б. Имя числительное // Грамматика русского языка.—М., 1953.—Т. 1.

Шмелев, А.Д. 2014. Числительные и числовые конструкции в русском языке; лакуны в словарях и грамматических описаниях //Логический анализ языка: Числовой код в разных языках и культурах. М.: ЛЕНАНД. С. 57-67.

Bulygina, T.V., A.D. Shmelev. Quantifiers in the Dictionary // EURALEX’90: Proceedings of the IV International Congress. Malaga. P. 257-263.

Garde, Paul. Grammaire russe. Paris, 1980. Vol. 1.

II. ГРАММАТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И СИСТЕМЫ В ДИАХРОНИИ

О. Азам
École Normale Supérieure, Centre de Linguistique en Sorbonne
azamoam@club-internet.fr

Особенности выбора вида инфинитива, употребляемого в современном русском языке в функции древнерусского супина

На фоне обычного преобладания совершенного вида инфинитива для выражения цели — особенно после союза «чтобы» — обращает на себя внимание противоположная тенденция, когда инфинитив цели употребляется без союза как дополнение к глаголу передвижения, то есть в функции древнерусского супина. Здесь наблюдается явная склонность к употреблению несовершенного вида, особенно заметная, когда при введении в высказывание союза «чтобы» несовершенный вид инфинитива приходится заменить на совершенный вид.

- Наполеон не просто шёл в Россию, он шёл **освобождать** крестьян от крепостного права. [М. Задорнов]
- ≠ Наполеон не просто шёл в Россию, он шёл, чтобы *освободить* крестьян от крепостного права.

После обзора выбора вида инфинитива после разных приставочных и простых глаголов передвижения мы покажем, что бóльшая совместимость инфинитива с несовершенным видом объясняется как особой, узкой связью между глаголом передвижения с инфинитивом в супинальном употреблении, так и особым типом цели, который выражает этот инфинитив. В отличие от остальных инфинитивов цели инфинитив в функции супина выражает цель лишь вторично, через выражение места назначения, делая из назначения целью перемещения.

0. Введение. Инфинитив назначения как наследник древнерусского супина

Настоящий доклад посвящён одной из важнейших трудностей в освоении русского языка — особенностям выбора вида инфинитива, а именно — инфинитива «цели» или «назначения» при глаголе передвижения.

При выражении цели действия внимание говорящего само собой сосредоточивается на достижении результата, который часто совпадает с достижением запредельного состояния, выражаемым употреблением совершенного вида (СВ), что и объясняет частоту использования инфинитивов СВ для выражения цели.

В самом распространенном типе выражения обстоятельства цели посредством глагола, а именно в придаточных предложениях с союзом «чтобы», пропорция случаев употребления СВ так велика, что в педагогических целях иностранным студентам обычно говорят, — правда не без обобщений и упрощений —, что после «чтобы» без отрицания по умолчанию употребляется СВ.

1. Наполеон не просто шёл в Россию, он шёл, чтобы *освободить* крестьян от крепостного права.

А употребление несовершенного вида (НСВ) инфинитива после «чтобы» требуется лишь при наличии таких веских факторов, как повтор действия или фокусирование на его обстоятельствах и на самом его процессе[7].

Зато при употреблении инфинитива цели в качестве дополнения к глаголу передвижения тенденция противоположна: преобладает употребление НСВ.

2. Наполеон не просто шёл в Россию, он шёл **освобождать** крестьян от крепостного права. [М. Задорнов]

В своем классическом учебнике О. П. Рассудова уже отмечала, что «в сочетаниях, передающих направленность субъекта к действию, преимущественно употребляется инфинитив несовершенного вида» [Рассудова, 1968. Стр. 63]. К сожалению, этому вопросу автор посвящает всего лишь пару страниц, и большинство её примеров не аутентичны, а выдуманы *ad hoc*; а проведённое О. П. Рассудовой разграничение между «сочетаниями, имеющими значение цели» и «сочетаниями, обозначающими не цель, а лишь направленность субъекта к какому-то действию», неоперативно в силу своей недостаточной ясности. Тем не менее, предлагаемое разграничение дало интересную зацепку и послужило точкой отправления нашему размышлению.

Как известно, в функции обстоятельства цели после глагола передвижения современный инфинитив заменяет древнерусский *супин*, другую глагольную форму именного типа.

3. Идоущю на рѣкоу воды **пить** [Пожгай 2003. Синайский Патерик (69v.17)]
4. Идоу **видѣть** тебе [Пожгай 2003. Синайский Патерик (46v.15)]
5. Идохъ **мыть** сѧ [Пожгай 2003. Синайский Патерик (133.10)]

Супин существовал не только в общеславянском, но и в других индоевропейских языках, как латынь, но с самого появления старославянского и древнерусского как письменных языков инфинитив стал конкурировать с супином. В следующем знаменитом отрывке «Повести временных лет» встречается супин «княжитъ», соединённый с инфинитивом «володѣти» при помощи союза «и»:

6. землѧ наша велика и wбилна· а нарѧда в ней нѣтъ· да поидѣте **кнѧжитъ**[супин] и **володѣти**[инфинитив] н^{а}ми· [Повесть временных лет (л.7) по ПСРЛ 1926, стр. 20]

Судя по современным работам И. Пожгая и Г. Мольква, эта форма, по всей видимости, сохранялась дольше в живой восточнославянской речи, чем в южнославянской[8]. Сама дата окончательной потери супина в истории русского языка достаточно поздняя. «В древнерусских рукописях […] — пишет И. Пожгай — употребление супина наблюдается вплоть до XIV века, и только начиная с XV в. он был вытеснен окончательно инфинитивом» [Пожгай, 2003. Стр. 400].

Я попробую растолковать преобладание употребления НСВ инфинитива при глаголах передвижения. Разумеется, супин как таковой давно ушёл в прошлое. Но, учитывая, что современный инфинитив цели при глаголе передвижения выполняет не одну из исконных функций инфинитива, а заменяет древнюю глагольную форму, расшатанную давно, но утраченную сравнительно недавно, можно задаться вопросом, не связано ли преобладание употребления НСВ изучаемого инфинитива с его ролью бывшего супина?

Опираясь на тщательный анализ взаимоотношений глагола передвижения и инфинитива, мы покажем, чем сочетание глагол передвижения + инфинитив существенно отличается от параллельной конструкции с союзом «чтобы» с инфинитивом и выявим необходимость признать

---

[7] В этом докладе будет рассматриваться только инфинитив без отрицания, выражающий неповторяющееся действие.

[8] «При учете материала рукописей разных изводов отчетливо выделяются две группы: восточнославянские, сохраняющие супин почти в том же объеме, в каком он был известен старославянским памятникам, и южнославянские (болгарского и сербского изводов), в которых отражена систематическая правка -тъ на -ти.» [Мольков, 2003. Стр. 328]

особенность статуса инфинитива, употребляемого в современном русском языке в функции древнего супина.

Сейчас проведём обзор выбора вида инфинитива в зависимости от типа и формы управляющего глагола передвижения, начиная как раз с тех глаголов передвижения, которые требуют инфинитива СВ.

1. Пределы выбора вида инфинитива назначения. Практически обязательное употребление совершенного вида при некоторых приставочных глаголах передвижения

Примеры от №7 до №23 показывают, с какими глаголами — вопреки общей тенденции — практически всегда или в большинстве случаев требуется инфинитив назначения СВ. Речь идёт

- о парных приставочных глаголах передвижения с приставкой **<за.>** (типа **«заходить/зайти»**)

7. Зайду *спросить*, как у него дела. [@]
8. Отец его ждет сегодня с обеда, вероятно, не утерпит и зайдет *рассказать* окончание «казуса». [Н. Э. Гейнце. Аракчеев (1898) RC]
9. Что это на тебя нашло? — Заходил *попросить* о помощи. Дурацкая история, но я не знаю, как из нее выпутаться. [Игорь Ефимов. Суд да дело (2001) RC]
10. Правда, когда бывал за границей, заходил *посмотреть* соборы большие, знаменитые. [Владимир Молчанов, Консуэло Сегура. И дольше века... (1999-2003) RC] *Здесь действие* заходить *повторяется, и при каждом повторе потенциально осматривается несколько соборов*.

- об одновидовых глаголах передвижения СВ с приставкой **<с.>** (**«сходить»**);

11. Сходил *снять* копии с последних страниц — вот этих самых. [Геннадий Николаев. Вещие сны тихого психа // «Звезда», 2002 RC]
12. Он сходил *напоить* коня, затем спустился к Ангаре, чтобы посмотреть, не видать ли чего постороннего. [Валентин Распутин. Живи и помни (1974) RC]
13. — Я схожу *позвонить* по телефону-автомату, — сказал Щуровский. [Л. Овалов (Л. С. Шаповалов). Рассказы майора Пронина (1939) RC]
14. Вот и Опанас не сходил *посмотреть*, что делают ослы [Н. В. Кукольник. Максим Созонтович Березовский (1844) RC]

- о приставочных глаголах передвижения СВ с приставкой **<в.>** (типа **«войти»**)

15. Никто не вошел *проверить*, спят ли они на самом деле. [Мариам Петросян. Дом, в котором... (2009) RC]
16. Вошёл *взглянуть*, *проверить*. <Rassudova 1968>

- о парных приставочных глаголах передвижения с приставкой **<вы.>** (типа **«выходить/выйти»**)

17. Он вышел на минуту *подышать* свежим воздухом. <Spagis 1968>
18. Итак, дождаться, когда он выйдет *покурить* или *подышать* перед сном океанской прохладой, и сделать это. [Дина Рубина. Белая голубка Кордовы (2008-2009) RC]
19. Инструктор периодически выходит *покурить*, оставляя меня одну за рулем. [Дарья Данилова. Вождение за нос (2014) RC]
20. Старому доктору было скучно постоянно находиться в своей комнате, иногда он выходил *посидеть* на крыльце [В. А. Каверин. Открытая книга (1949-1956) RC]

- о приставочных глаголах передвижения СВ с приставкой **<под.>** (типа **«подойти»**)

21. Подошёл *узнать*, *спросить*, *посмотреть*. <Rassudova 1968>
22. Я хотела подойти *рассмотреть* черно-белые фотографии на стенах. [Елена Негода. Педсовет с последним из могикан (2003) RC]
23. К вождю же сейчас даже подойти *положить* цветочки нельзя. [Первомайские глюки (2003) RC]

При глаголах типа «заходить/зайти» или при одновидовом «сходить» употребление СВ инфинитива объясняется спецификой семантики приставки: в приставках <за.> и <с.> в одновидовых глаголах передвижения заложена идея о возвращении, о передвижении туда и обратно. Конечная цель передвижения — возвращение к исходной точке, отсюда и употребление инфинитива СВ для завершения действия.

Для глаголов типа «подойти» или «войти» помимо семантики предлога на выбор вида инфинитива могло сыграть значительную роль воздействие близких по смыслу конструкций, требующих СВ типа

24. Вот я войду, *спрошу*: «Ну, как дела?» [@]

или

25. «Наверное, боятся летать, — решила она. — Надо подойти, *успокоить*». Подошла, склонилась к старшему, хотела сказать что-нибудь доброе. [Кровавый промысел (2004) RC]
26. Так и хочется подойти, *погладить* её и *сказать*: «Гут!» [Владимир Скрипкин. 2002 RC]

Что же касается глаголов типа «выйти», в наших примерах (от №17 до №20) при них употребляется инфинитив СВ делимитативных глаголов с приставкой <по.>. Выбор СВ обусловлен здесь синергией семантики приставки глагола передвижения <вы.> и приставки делимитативного инфинитива <по.>.

2. Преобладание инфинитива НСВ, когда выбор совершается свободно, (но не произвольно)

2.1. Глагол принадлежит к грамматической категории «глаголов передвижения»

Со всеми остальными глаголами передвижения возможно употребление обоих видов при явном преобладании инфинитива НСВ. Эту тенденцию иллюстрируют примеры употребления НСВ при самых показательных глаголах передвижения — при простом

однонаправленном «идти» (примеры от №27 до №40) и ингрессивном «пойти» (примеры от №41 до №49).

идти

27. Лично я иду **спать**. [Екатерина Завершнева. Высотка (2012) RC]
28. Не зря же в русском языке принято говорить «иду **слушать** оперу», а не «иду **смотреть** оперу». [И. К. Архипова. Музыка жизни (1996) RC]
29. Эта мысль мне нравится, отвечает Митя, но в постель потом — сейчас я иду **спасать** кошку, а вы, девушки, будете мне ассистировать. [Екатерина Завершнева. Высотка (2012) RC]
30. Иду **успокаивать** Сашу. [Татьяна Тарасова, Виталий Мелик-Карамов. Красавица и чудовище (1984-2001)]
31. Ещё мы с Русланом во вторник идем **записываться** в горный клуб наш мгушный (если хочешь, присоединяйся) [RC]
32. Я, как обычно, в 6. 30 иду сына **будить**, а он уже не спит — настроение — хуже некуда [Наши дети: Подростки (2004) RC]
33. Я иду **мыть** руки в ванную. [Зоя Масленикова. Разговоры с Пастернаком (2001)]
34. Бабуля будит меня в пять часов утра, я иду **доить** корову и выгоняю в стадо — какие утра, боже мой! [Татьяна Набатникова. День рождения кошки (2001)]
35. То ли дорогу иди **строить**, то ли мастерскую заводи. [А. И. Мусатов. Клава Назарова (1958) RC]
36. «Ничего не бойся, иди опять **учиться**, справишься». [Кундузой Юлдашева. Дочери смотрят на нас (1987) RC]
37. Я немедленно Маринке говорю: — Сейчас же иди **выгуливать** собаку. [Сергей Есин. Стоящая в дверях (1992) RC]
38. Закончил школу, получил документ — иди **сдавать** самостоятельно. [Сергей Шерстенников. Генерал Федоров: спасибо за подсказку (2002) RC]
39. От этого увлекательного занятия [его] оторвал голос Муртазы: — Иди **смотреть**, про вас показывают. На маленьком экране переносного телевизора... [Евгений Чижов. Перевод с подстрочника (2012) RC]
40. — Ты иди **смотреть** закат, — говорит она. [Нина Щербак. Роман с филфаком (2010) RC]

пойти

41. Я от вас не скрою, что пойду **говорить** по телефону с княгиней Верой Николаевной. [А. И. Куприн. Гранатовый браслет (1911) RC]
42. А когда распущенное чадо принесёт аттестат в конце года, я поиду **нюхать** и **колоться**? [Наши дети: Подростки (2004) RC]
43. Пойдёшь **гулять**, а очутишься всегда здесь у ворот. [А. Н. Островский. Гроза (1860) RC]
44. Гагин объявил нам, что пойдёт сегодня **рисовать** этюд с натуры! [И. С. Тургенев. Ася (1858) RC]
45. Дело моё важное, вероятно, сам прокурор пойдёт **обвинять**. [А. Ф. Кони. Игуменья Митрофания (Из записок и воспоминаний судебного деятеля) (1908) RC]
46. Едут, в самом деле. Пойдём **встречать**. Узнает ли она меня? [А. П. Чехов. Вишневый сад (1904) RC]
47. Пришлось пойти **гулять** одной. [Сати Спивакова. Не всё (2002) RC]

48. И пошёл **переодеваться**, **мыться**, облил голову холодной водой, смочил одеколоном и причесал короткие курчавые волосы, ещё раз взглянул в зеркало: лицо было свежо, глаза блестели! [И. Бунин. Митина любовь.]
49. После обеда Анна пошла **одеваться** в свою комнату, и Долли пошла за ней. [Л. Н. Толстой. Анна Каренина (1878)]

С глаголом «идти» встречаются примеры с инфинитивом СВ, но редко. И преимущественно в прошедшем времени:

50. Я не себя шёл *показать*, мне журнал дорог. [Г. Я. Бакланов. Жизнь, подаренная дважды (1999) RC]
51. И он шёл *проверить*, лично *удостовериться*. Но — инкогнито. [*Ibidem*]
52. Леонидов сам выслушал от него сегодня обидные слова и, однако, шёл: может, даже как раз и шёл *доказать*, что его зря, напрасно обидели. [Константин Симонов. Живые и мертвые (1955-1959) RC]

С глаголом «пойти» инфинитив СВ встречается ещё реже и почти все примеры восходят к XIX веку или даже к концу XVIII века:

53. Теперь пойду *сделать* к тому распоряжение. [Д. И. Фонвизин. Недоросль (1782)]
54. «Я пойду экскурсию *проводить*» — говорит нам накануне отец Андрей. [А. А. Данилова. Местность любви (2015.11.09)]
55. Напоивши их, пошла *одеться*. Няня мне сказала: «Не сказывайте вашему мужу, что вы были ночью у них». [А. Е. Лабзина. Воспоминания (1810) RC]
56. — Папа, и я пойду с вами, — сказала, картавя, княжна. (…) — Allons! — сказал князь и, пока княжна пошла *одеться*, провел гостя в кабинет, который тоже оказался умно и богато убранным кабинетом [А. Ф. Писемский. Тысяча душ (1858) RC]

2.2. Глагол, управляющий инфинитивом, обозначает передвижение в широком смысле и не принадлежит к категории глаголов движения

Как супин в древнерусском, инфинитив назначения в НСВ употребляется также при глаголах, не принадлежащих к грамматической категории глаголов передвижения.

57. Первый появившийся офицер /.../ послал **будить** командира роты [Олег Павлов. Степная книга (1990-1998) RC]
58. Ты и меня послал **умирать**, но я вот, уж извини, выжил… [Николай Дежнев. Год бродячей собаки (2002) RC]
59. Бельё **сушить** повесили. [Из к/ф]
60. — Потом сел **играть** в карты, а я пошла одеваться; в этот вечер он был в нашей ложе и на другой день объявлен женихом. [И. А. Гончаров. Обрыв (1869) RC]
61. В эту пасхальную ночь 1914 года, после замечательной ночной службы в церкви Екатерининского дворца, мы все вчетвером, без отца, который был с Царской Семьей в Ливадии, отправились **разговляться** домой. [Т. Боткина]

2.2.3. Эллиптические обороты. Употребление инфинитива-супина возможно даже при эллипсисе глагола передвижения.

В русском языке часто опускается сам глагол передвижения, если в высказывании наличествует указание на место назначения: *«Ты куда?»* И самыми показательными примерами, может быть, являются *эллиптические* высказывания с опущением глагола передвижения:

62. Бери и делай. [Комментарий] И куда? Стены **красить**? [@, VK]
63. — Тренер, Вы куда?
    — **Знакомиться**. [Из к/ф]

64. *(После минуты молчания водитель говорит случайной попутчице, которая только что упомянула жениха)*. А вы? С родителями **знакомиться**? [Из к/ф]

Примеры эллиптических высказываний с опущением глагола передвижения доказывают, что инфинитив при глаголе передвижения обозначает в *самую первую очередь* именно *назначение*, а не цель, что и отражается на выборе НСВ. *A contrario* наличие инфинитива НСВ позволяет адресанту правильно интерпретировать эллипсис и понять, что был опущен именно глагол передвижения.

3. Типология инфинитивов назначения НСВ при глаголе передвижения

Обилие примеров позволяет составить типологию инфинитивов, употребляемых в несовершенном виде.

3.1. Инфинитив обозначает НЕПРЕДЕЛЬНОЕ действие или предельное действие, представляемое как непредельное.

— Инфинитив НСВ может обозначать непредельное действие или действие, представляемое как непредельное*:*

65. Иду **спать**.
    ≠ Мне нехорошо. Пойду, *прилягу*.

66. Пойдёмте **ужинать**. И снова настала тишина. [Б. Л. Пастернак. Воздушные пути (1924) RC]
67. Пойду **готовить**. [Из к/ф]
68. Ладно! Я **бухать** поехал. Если что, пишите в ЛС. [@]

Здесь глагол передвижения — это почти что фазисный глагол, указывающий на начало действия. Это касается в особенности глагол «пойти» в прошедшем времени:

69. Стиль: пошла **поливать** огород. [Виктория Складчикова. @]
70. Хватит дуться! Пошли **танцевать**! [Из к/ф]
71. Пойдёмте **танцевать**… (Танцует с Петей.) [А. П. Чехов. Вишневый сад (1904) RC]

3.2. Инфинитив обозначает ПРЕДЕЛЬНОЕ действие

— Инфинитивом может обозначаться также *предельное* действие, и здесь следует различать несколько случаев.

3.2.1. Инфинитив обозначает предельное действие, которое можно себе представить как сложный продолжительный процесс.

3.2.1.1. Первый вариант

Действие, обозначаемое инфинитивом, не обязательно достигнет своего предела.

72. О чём может мечтать провинциальная девчонка, приехавшая **покорять** Москву? [Из к/ф]
73. Ладно, пойду **мириться**[ИКЗ]. [Из к/ф]
    ≠ Пошла... Пойду *помирюсь* с ним и выйду за него. (В. Даль. Старик годовик.)
    ≠ Я пойду *помирюсь* с ней. [Из к/ф]

Здесь употребление НСВ не вызывает никаких вопросов, так как о достижении предела речь не идет.

3.2.1.2. Второй вариант.

Действие, обозначаемое инфинитивом, скорее всего, достигнет своего предела, но говорящий по каким-то причинам воспринимает его как оказывающее некоторое **«сопротивление»** либо потому, что действие неприятно говорящему, либо потому, что оно кажется ему более или менее сложным:

74. — В Москву?
    — Да, поеду **сдаваться**. [Из к/ф]

75. А Вы туда случайно но не няней **наниматься** пришли? [Из к/ф]
76. Иди **оформлять** пропуск. [Из к/ф]
77. Потом сел играть в карты, а я пошла **одеваться**; в этот вечер он был в нашей ложе и на другой день объявлен женихом. [И. А. Гончаров. Обрыв (1869)]

3.2.2. Инфинитив обозначает простое предельное действие, долженствующее достигнуть своего предела, и не представляющее особой сложности.

- ***Совершенный вид***

Конечно, такие действия могут быть выражены посредством инфинитива СВ. Здесь можно привести три примера О. П. Рассудовой:

78. Он вышел на дорогу *посмотреть*, идёт ли Люба. <Rassudova 1968>
79. Пришёл *проститься*. <Rassudova 1968>
80. Пришёл *дать* Вам совет, как организовать работу. <Rassudova 1968>

- ***Несовершенный вид***

Но видовая особенность инфинитива назначения при глаголе передвижения заключается в том, что *даже если он обозначает простое предельное действие* инфинитив может употребляться в НСВ.

81. В два часа ночи встаю, иду **снимать** кастрюлю с огня. [Татьяна Тарасова, Виталий Мелик-Карамов. Красавица и чудовище (1984-2001) RC]
82. Тут мне кто-то звонит, пошел **отвечать**, но в трубке было молчание, затем смех и какой-то шум. [Из к/ф]
83. Пойдём **знакомиться** с пассажиром. [Из к/ф]

Вместо того чтобы представить предельное действие, как точку или ограниченный отрезок времени, говорящий, выбирая НСВ инфинитива, имеет возможность представить его как *полупрямую*, наподобие непредельного или сложного предельного действия.

3.3. Определение круга глаголов, которые невозможно употреблять в инфинитиве несовершенного вида при глаголе передвижения для обозначения простого предельного действия, долженствующего достигнуть своего предела

Примеры от №84 до №94 показывают, что приемлемость употребления инфинитива НСВ для обозначения действия, долженствующего достигнуть своего предела, прямо зависит от степени сложности, которую говорящий может приписать действию, обозначаемому инфинитивом назначения. Тем проще действие, обозначаемое инфинитивом, тем маловероятнее употребление НСВ вида.

84. Виталий побежал после уроков домой оставить сумку.
85. Виталий побежал после уроков домой, чтобы оставить сумку.
86. *~~Виталий побежал после уроков домой оставлять сумку~~.
87. *~~Виталий побежал после уроков домой, чтобы оставлять сумку~~.
88. *~~После уроков Виталий будет оставлять сумку дома.~~
89. Анна пошла в библиотеку взять новый учебник.
90. Анна пошла в библиотеку, чтобы взять новый учебник.
91. *~~Анна пошла в библиотеку брать новый учебник~~.
92. Анна пошла в библиотеку выбрать новую книгу
93. ?? Анна пошла в библиотеку выбирать новую книгу
94. Анна пошла в книжный магазин выбирать новую книгу

~~Мы установили, что в НСВ, как правило, не употребляются лишь инфинитивы тех глаголов, которые в том же самом контексте не могут употребляться в будущем времени НСВ в общефактическом значении (см. №88).~~

Вычеркнутые примеры могут быть корректны (даже в случае действия, которое должно достигнуть предела), но только при особых обстоятельствах. Можно сказать: «*Пошла брать новый учебник»*, но это значит, что «брать» — это целая процедура. Поэтому можно сказать также *«Пошла выбирать»* — но это опять акцент на длительности, т.е. действие не такое простое.

~~Обычно, когда надо сходить в библиотеку за книгой, знаешь, какую книгу хочешь взять. Зато когда заходишь в книжный магазин, процесс может быть сложнее: заходя, покупатель необязательно знает, какую книгу он купит или вообще вернется ли он домой с какой-либо книгой. Поэтому употребление НСВ в варианте №94 безоговорочно принимается информантами, а без широкого контекста в примере №93 — НСВ вызывает у них сомнения.~~

4. Выводы

4.1. Выражение цели через назначение. Первичность *аллативного* значения инфинитива, употребляемого в современном языке в функции древнерусского супина

Из рассмотрения приведённых примеров можно заключить, что преобладание употребления НСВ инфинитива при глаголе передвижения объясняется *аллативным* значением, присущим инфинитиву, употребляемому в роли древнерусского супина.

Нельзя согласиться с О. П. Рассудовой, что инфинитив-супин «обозначает не цель». Разумеется, инфинитив в своем супинальном употреблении существует в *блоке* с управляющим глаголом и выступает здесь как естественный *распространитель* глагола передвижения. Инфинитив действительно обозначает в первую очередь *назначение*, но это не повод не видеть в нём также выражение цели. На самом деле инфинитив-супин всегда обозначает и направление, и цель, но цель он выражает только вторично, через выражение назначения. В других же инфинитивах цели первично именно обозначение цели, а *аллативная* сема, как правило, отсутствует. Аллативная сема отсутствует, даже после глаголов передвижения, употребляемых с союзом «чтобы», так как при помощи союза *синтаксически* чётко отделяется *назначение* от *цели*, на которой тогда и сосредотчивается внимание говорящего, ориентируя его чаще всего на выбор СВ с союзом «чтобы». Но в инфинитиве-супине первично именно *аллативное* значение, а выражение цели только *вытекает* из самого аллативного значения.

Первоначальное аллативное значение инфинитива-супина чётче всего ощущается в том случае, когда инфинитив употребляется как дополнение к бесприставочному однонаправленному глаголу: *Иду спать*. Инфинитив-супин «спать» приводит необходимое уточнение места назначения.

4.2. Древнерусский супин. Диахроническое подтверждение первичности аллативного значения современного инфинитива при глаголе передвижения

Первичность аллативного значения вытекает из истории этого инфинитива. Что такое общеславянский супин, который был заменён изучаемым нами инфинитивом? Именная форма, от которой сохранилась лишь устойчивая форма винительного падежа, употребляемого в качестве аллатива, то есть для обозначения места направления.

Итак, этимологически любой супин древнерусского языка и, следовательно, семантически любой инфинитив направления, заменивший супин, является не только обстоятельством цели, но и в первую очередь обстоятельством *места* с *аллативным* значением. Вот почему современный инфинитив в супинальном употреблении выражает заодно направленность и цель, но в первую очередь направленность, и только во вторую очередь — цель, делая из самого действия, обозначающего направленность, цель передвижения.

Ввиду первичности выражения направленности и неотделимости инфинитива-супина от глагола передвижения, все семы, которые так или иначе уточняют описываемое передвижение, играют значительную роль, которая отражается на выборе вида.

Вырисовывается такая картина. При союзе «чтобы» по умолчанию употребляется СВ, а при употреблении инфинитива-супина по умолчанию выбирается НСВ. Как мы напомнили во введении, с союзом «чтобы» для замены СВ инфинитива на НСВ вид

требуются веские причины. При употреблении же инфинитива-супина наблюдается аналогичная, хотя и противоположная ситуация: по умолчанию употребляется инфинитив НСВ и несовершенный вид заменяется совершенным видом только при наличии таких факторов, как семантика приставки глагола передвижения *(зайти, выйти*) или инфинитива *(покурить, подышать)*, вес контекста *(пойти купить чего-нибудь на ужин)*, лексическое значение глагола в инфинитиве или влияние близких по смыслу, но синтаксически разных конструкций *(войду, скажу; пойду спрошу)*.

При том, когда употребляется *несовершенный* вид с союзом «чтобы», конструкция с союзом почти приравняется к конструкции с инфинитивом без союза и, наоборот, при употреблении инфинитива *совершенного* вида после глагола передвижения без союза «чтобы» конструкция с инфинитивом-супином по смыслу и типу фокусирования почти приравняется к конструкции с союзом «чтобы».

5. Заключение. Пояснительные схемы. Инфинитив цели как точка, отрезок времени или полупрямая. Полупрямая как типичное представление об инфинитиве-супине

Рассмотрим логическую цепочку А-В-С, в которой «А» обозначает глагол передвижения, «В» — действие в инфинитиве, и «С» — результат действия в инфинитиве или действия, следующие за действием «В».

Когда говорящий выбирает конструкцию «чтобы» + инфинитив, он смотрит на конец этой цепочки, на связь между В и С, лексически выражаемую союзом «чтобы» и эксплицитно выделяемую употреблением СВ.

Наполеон не просто шёл в Россию, он шёл, чтобы *освободить* крестьян от крепостного права.

Инфинитив после «чтобы» выражает только цель, чаще всего конечную цель. Поэтому при помощи союза «чтобы» редко делается акцент на самом процессе.

Зато, когда вместо «чтобы» выбирается конструкция с инфинитивом назначения и цели, употребляемым как древний супин,

Наполеон не просто шёл в Россию, он шёл **освобождать** крестьян от крепостного права.

говорящий больше фокусируется на связи между А (то есть передвижением) и В (действием в инфинитиве), чем между В (действием в инфинитиве) и С (результатом действия в инфинитиве или действиями, следующими за действием в инфинитиве).

С *прагматической* точки зрения в первом случае, с союзом «чтобы», говорящий смотрит вперёд, направо. Во втором же случае — при употреблении инфинитива в функции супина — он смотрит левее. Впрочем, видимо, этот прагматический нюанс именной формы глагола, выражающей заодно направление и цель перемещения, уже чувствовался латинскими грамматиками. «Supinus» в латыни значит «загнутый назад». В том-то и раскрывается парадоксальный статус инфинитива-супина: хотя он обозначает направление и цель передвижения, он выражает их, прежде всего, как распространение передвижения и сосредотоачивает внимание говорящего именно на связи между действием-назначением и исходным *передвижением*, чаще всего оставляя на периферии поля зрения результат действия в инфинитиве. Именно этим и объясняется, что в примере О. П. Рассудовой:

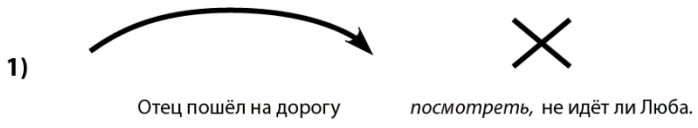
95. Звонок. Тата бежит **открывать**. <Rassudova 1968>

инфинитив-супин позволяет представить предельное, несложное действие, неминуемо долженствующее достичь своего результата, именно как *процесс*, тогда как инфинитив цели после «чтобы» требовал бы здесь выбора СВ. В предложении *«Звонок. Тата бежит*

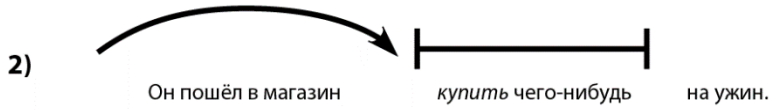
открывать» для говорящего важна связь между действиями «бежать» и «открывать», а не то, кого Тата увидит, открыв дверь, или то, что произойдёт потом.

Итак, употребляя инфинитив в качестве супина, говорящий может представить себе цепочку действий тремя разными способами. Вернёмся в заключение к трём показательным примерам О. П. Рассудовой, изменяя предлагаемые ею схемы.

1. действие-объект (инфинитив) представляется как точка.



2. Действие-объект представляется, как отрезок времени, контекстуально ограниченный, в первую очередь последовательными действиями.



В обоих случаях употребляется СВ, даже при таком глаголе, как «пошёл». Для инфинитива-супина эти первые две схемы иллюстрируют исключение, сближая его с конструкцией с союзом «чтобы».

Правило иллюстрирует третья схема:

При употреблении инфинитива-супина вместо конструкции с союзом «чтобы» говорящий обычно представляет действие, как **полупрямую**. *Иду спать. Он пошел покупать новый костюм.* В поле зрения говорящего входит только начальный этап действия-объекта, говорящий фокусируется на стыке между движением и действием-объектом (*иду* и *спать*, *пошёл* и *покупать*, *бежит* и *открывать*), а достижение предела действия в инфинитиве остается вне фокусирования, чем и объясняется употребление НСВ не только с непредельными глаголами *(иду спать, иди работать)*, как ожидалось, но и с предельными глаголами *(пошла переодеваться, Тата бежит открывать)*, что для иностранца может на первый взгляд показаться особенно парадоксальным на фоне преобладания СВ для выражения цели.

Поэтому для изучения микрограмматики выбора вида при выражении цели инфинитивом нам представляется необходимым чётко отделить инфинитивы, выражающие только цель, не от инфинитивов, выражающих «лишь направленность субъекта к какому-то действию», как предлагала О. П. Рассудова, а от инфинитивов, выражающих цель только *вторично* и через выражение *назначения*. Для последних предлагаем название «инфинитив-супин» в значении «инфинитива, употребляемого в функции древнерусского супина». Такое название полностью соответствует как современному функционированию, так и истории этих форм, из которой они получили свои видовые особенности.

ЛИТЕРАТУРА

Бондарко А.В. Вид и время русского глагола (значение и употребление). М.: Просвещение, 1971. 239 с.

Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.; Л., 1947 / Под ред. Г.А. Золотовой. 4-е изд. М.: Русский язык, 2001. 720 с.

Маслов Ю.С. Вид и лексическое значение глагола в современном русском литературном языке // Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка, 1948. Т. 7. Вып. 4. С. 303–316.

Мольков Г. Супин в древнерусских списках Евангелия XI-XIII веков // Rozprawy komisji językowej., 2018. Tom LVI. Łódź: Łódzkie towarzystwo naukowe. С. 319–332.

Мирохина Т.М. Грамматическая категория вида русского глагола: учебное пособие. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2009. 54 с.

Падучева Е.В. Семантика вида и точка отсчета (в поисках инварианта видового значения) // ИАН СЛЯ, 1986. № 5. С. 413–424.

Падучева Е.В. К семантике несовершенного вида в русском языке: общефактическое и акциальное значение // Вопросы языкознания, 1991. № 6. С. 34–45.

Падучева Е.В. Результативные значения несовершенного вида в русском языке: общефактическое и акциональное // Вопросы языкознания, 1993. № 1. С. 64–74.

Падучева Е.В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке, семантика нарратива. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 479 с.

Пожгаи И. [Pozsgai István] Употребление супина в Синайском патерике // Studia Slavica Savariensia, 2003. 1-2. С. 397–403.

Пожгаи И. [Pozsgai István] Употребление инфинитива в Синайском патерике // Studia Slavica Hung., 2013. 58/2. С. 449–458.

Рассудова О.П. Употребление видов глагола в современном русском языке. Изд. 2-е. М.: Русский язык, 1982. 149 с.

М. А. Бобрик
НИУ ВШЭ, Москва
marina.bobrik@online.de

Грамматические таблицы А.А. Зализняка как инструмент понимания русской языковой эволюции

В архиве А.А. Зализняка в папке «Древнерусский язык» хранятся грамматические таблицы древнерусского языка, которыми А.А. (по меньшей мере, с начала 1990-х годов) пользовался в преподавании. Таблиц три – субстанстивное склонение, местоименное и адъективное склонение, спряжение; их основное наполнение составляет материал языка, который Зализняк называл «стандартным» древнерусским; варианты флексии отмечаются по трем идиомам, а именно: старославянский, русский извод церковнославянского языка, древненовгородский. Принципы компактного представления грамматики в этих таблицах – те же, что в таблицах современной русской морфологии в «Грамматическом словаре» (1977; 2003) и в таблицах в составе грамматического очерка «Древненовгородского диалекта» (1995; 2004). В статье речь идет о некоторых отразившихся в этих таблицах взглядах А.А. Зализняка на изучение истории языка и о важности всей серии его таблиц для понимания русской языковой эволюции как в теории, так и в преподавательской практике.

В домашнем архиве А. А. Зализняка в папке с этикеткой «Древнерусский язык» хранятся материалы к лекциям и отдельным занятиям. Черная картонная папка с бордовым подбоем, на резинке, обложка – как лист бумаги А4 в клетку: белая сетка по черному фону. Сверху - бледно-розовая прозрачная папочка – конспект лекций «Древнерусский язык (в б. Архивном ин-те). Осень 1991 г. (1-я лекция – 9 октября)», 8 нумерованных, исписанных с обеих сторон разворотов А4 в линейку.

Курс лекций устроен следующим образом. После краткого введения о двучастном устройстве истории русского языка как дисциплины и периодизации самой этой истории ААЗ переходит к исторической грамматике 11 – 14 вв.:

фонетическая система и основные события ее эволюции в трех ракурсах:

- «в синхронном аспекте»
- «в аспекте диахронического развития» (напр., осн. событие в истории редуцированных)
- «в контр-диахроническом аспекте».

Покончив с фонетикой, А. А. Зализняк пишет: «Что касается *морфологии* – см. таблицы».

Следом за конспектом курса лежат «Грамматические таблицы древнерусского языка». Таблиц три – субстантивное склонение, местоименное и адъективное склонение, спряжение. В папке они в другом месте есть и по-русски, и по-французски. По меньшей мере, с начала 1990-х годов Зализняк пользовался ими в преподавании сам и, насколько знаю, делился с коллегами (я получила в свое время французскую версию, перевела ее на русский и только много позже узнала, что есть русский авторский оригинал).

Базовое наполнение этих таблиц составляет материал языка, который Зализняк называл «стандартным» древнерусским (VR, vieux russe, наддиалектный язык непереводных текстов); варианты флексии отмечаются по трем идиомам, а именно:

старославянский (СС, VS, vieux slave), русский извод церковнославянского языка (РЦС, SR, slave russe), древненовгородский (ДН, VN, vieux novgorodienne).

Принципы компактного представления грамматики в этих таблицах – те же, что и в таблицах в составе грамматического очерка книги «Древненовгородский диалект» (ДНД 1995; 2004), с той разницей, что в ДНД взят только материал древненовгородского диалекта.

Принципы эти, по сути, те же, что и в таблицах современной русской морфологии в «Грамматическом словаре» (1977; 2003): субстантивное склонение, местоименное и адъективное склонения; массивные изменения в современной глагольной системе удобно рассматривать именно на фоне компактной таблицы древнерусского спряжения.

Этапы интереса Зализняка – а по его убеждению, интерес есть двигатель научных занятий – к русскому языку. Движение шло от современного языка в ретроспективном направлении. Цельность представления, которая обеспечивается единством исследовательской личности. По мере накопления им материал укладывался в систему. Каркасом ее (в морфологии) были таблицы. И внутри этой системы движение взгляда «в три взмаха» - синхронный, диахронический, контр-диахронический – ему самому было необходимо для понимания устройства языка и его эволюции. О еще одном аспекте я скажу в заключение.

Как пользователи мы оказались в неоценимо счастливом положении:

для русского языка мы имеем картину движения грамматической системы, и это движение можно проследить от таблицы к таблице, в то время как в других лингвистиках, как правило, нужно сначала соотнести между собою разные способы представления в работах разных авторов. А у нас есть Зализняк.

«Занятия акцентологическим словарем для меня, - говорил А. А. Зализняк о себе, - идеальны, ничем другим не стал бы сейчас заниматься. Это я умею. <...> Важно, что словарь делает один человек» (из записи разговора в апреле 2014 года).

Вся серия таблиц Зализняка важна для понимания русской языковой эволюции как в диахронических исследованиях, так и в преподавательской практике.

В исследовании отдельных памятников:

представление морфологии в таблицах, соотношение вариантов, статистические данные – в комментариях к ней (ср. ДНД). Из таких рабочих таблиц по отдельным памятникам можно составить спектр вариативных возможностей письменного языка и движение его морфологии.

В преподавании:

пользуюсь немало лет в курсах древнерусского языка, древнецерковнославянского (старославянского), в занятиях по чтению древнерусских текстов.

Если приходится смотреть на исторические изменения в русской морфологии, по выражению Н. С. Трубецкого, «с высоты птичьего d'oiseau» (например, с лингвистами-магистрантами) – если нужно сосредоточить внимание на эволюции структур и категорий, а не конкретных флексий – то таблицами Зализняка удобно пользоваться в виде **void**'ов[9], когда таблица берется с названиями клеток, но без их содержимого. Практическое освоение таблиц дается студентам без больших трудностей.

На лекциях по акцентологии ААЗ не раз говорил, что в истории ударения движение происходит от одной стройной системы (раннедревнерусской) к другой стройной системе, а современное русское ударение – это система смешанная, промежуточная, с ее *пока еще*, *уже* и *еще не*. Эта формулировка, конечно, может быть отнесена не только к акцентной системе, но и к грамматической (тем более что они тесно взаимосвязаны).

Он как будто бы допускал, что в обеих крайних точках – в обоих случаях стройности системы – мы имеем дело не с языковой реальностью (зафиксированной в

---

[9] Термин *void* (англ. 'пустота') я употребляю в том же смысле, в каком в современной архитектуре им пользуется, например, Даниэль Либескинд для обозначении пустых, субстанционально не заполненных, но семантически, символически значимых пространств. Термин аналогичен тыняновскому «эквивалент текста» в отношении «пустых» строф в «Евгении Онегине» («Проблема поэтического языка», 1924).

текстах), а с конструктом: реконструкцией (в случае раннедревнерусской системы) или с прогнозом (в случае будущей системы), ибо языковая реальность, наблюдаемая в текстах, всегда смешанная, она всегда включает в себя элементы и старины, и новизны.

Но формулировка эта характерным образом отражает и взгляд Зализняка на науку как на поиск истины, и его способ лингвистической работы – до точки, где «всё чисто!».

Убежденный в разумности языкового устройства, он как лингвист стремился представить это устройство в максимально ясной, систематичной и – что очень важно – компактной форме. Таблицы как образ грамматики (древне)русского языка – образец такой стройной красоты и простоты.

Приведу черновой рукописный текст А. А. Зализняка из той же черной папки:

Мы читаем тексты и занимаемся мелкой «деталистикой», но цель шире:
а) древнерусский
б) история – сложение современной системы
Но мне еще важнее:
в) лингвистика (как таковая, а не русистика) как стержень и опора познания в этих вопросах.
Т.е. на всех уровнях есть конкретности, к-рые неплохо узнать, но можно и не знать; и есть опыт применения лингвистического подхода (лингв. критериев истины).
Отличие лингвистики от математики:
доказательства не абсолютны. Причина:
гуманитарная сфера – где разные человеческие (и иные) факторы могут нарушать идеальное действие закономерностей.
Напр. описка писца;
эффект какого-то единичного события в обществе или престижа отд. лица, etc.
Отсюда, увы, возм-ть массы чепухи и шарлатанства по поводу языка. Этруски – это русские. «Этимологии» Фоменко etc. etc.
На критику – их ответ (напр., о нерегул. фонет. соотв-ях): но разве так не бывает?
Увы, бывает. Но, к счастью, редко. И статистика выручает.
Язык очень сложен. Закономерностей много. Поэтому тычок пальцем в небо нарушает обязательно их несколько. А малая вероятность в 3-4-й степени – это ≡ опровержение.
И, напротив, признак истины – схождение плюсов в одной точке; когда всё чисто.
Случайно «всё чисто» почти не бывает.
Наше чтение – упражнение в этом!

Ниже публикуются составленные А.А. Зализняком грамматические таблицы древнерусского языка.

Иллюстрации 1-3.

И. В. Вернер
ИСл РАН
inna.verner@mail.ru

Средства грамматического параллелизма в церковнославянских переводах Псалтыри XI-XVI вв.

Будучи метрически организованным поэтическим текстом, Псалтырь строится по принципу содержательного и формального параллелизма как в еврейском тексте, так и в греческом и церковнославянском переводах. В докладе на материале разновременных славянских переводов (от Синайской Псалтыри до Псалтыри Максима Грека) будут рассмотрены случаи уподобления/расподобления грамматических форм в параллельных структурах текста. Возникающая при расподоблении вариативность носит не генетический (южнославянские/восточнославянские формы) и не функциональный характер (книжные/некнижные формы), но обусловленный структурой текста характер стилистического варьирования. В наибольшей степени такая стилистическая грамматическая вариативность, касающаяся различных форм (от присубстантивных Род. и Дат. падежей до аориста и перфекта 3 л.), присуща текстам XVI в. (Псалтырь Максима Грека).

Будучи метрически организованным поэтическим текстом, Псалтырь строится по принципу содержательного и формального параллелизма как в еврейском тексте, так и в греческом и церковнославянском переводах. В докладе на материале разновременных славянских переводов (от Синайской Псалтыри до Псалтыри Максима Грека) будут рассмотрены случаи уподобления/расподобления грамматических форм в параллельных структурах текста. Возникающая при расподоблении вариативность носит не генетический (южнославянские/восточнославянские формы) и не функциональный характер (книжные/некнижные формы), но обусловленный структурой текста характер стилистического варьирования. В наибольшей степени такая стилистическая грамматическая вариативность, касающаяся различных форм (от присубстантивных Род. и Дат. падежей до аориста и перфекта 3 л.), присуща текстам XVI в. (Псалтырь Максима Грека).

Параллелизм, как известно, является основным структурно-поэтическим приемом, использованным в древнееврейской Псалтыри и отраженным в ее греческом и славянском переводах. С тех пор как епископ Роберт Лоут в середине 18 в. выделил три основных типа параллелизма (синонимический, антитетический и синтетический), в современных исследованиях счет конкретных приемов, с помощью которых содержание псалма представляется в параллельных структурах одного или нескольких стихов, идет на десятки. Попросту говоря, речь идет о повторах, повторах различного типа с вариациями. Типичным случаем является синтаксический параллелизм, когда строфы тождественны друг другу по своей конструкции частично или полностью. Действенным средством параллелизма на уровне лексики выступают синонимы, антонимы или члены лексико-семантической группы. О лексическом параллелизме в церковнославянской Псалтыри писал в свое время Е.М. Верещагин. Что же касается грамматических форм, то они «работают» на синтаксис, т.е. используются в рамках параллельных синтаксических структур. И в том случае, если эти структуры синонимичны, мы имеем дело просто с идентичными по своей грамматической характеристике формами – одного и то же падежа, например, в одинаковых конструкциях синтаксической связи. Альтернатива в этом случае – это повтор с расподоблением форм, но в отличие от лексики, где вариантов достаточно, причем градуированных, расподобление грамматических форм парадигматически ограничено. Поэтому и примеры такие ограничены: на том же слайде ниже приведены 2 примера расподобления в греческом тексте, отраженные в славянском переводе, которые оба носят не собственно грамматический характер. В первом случае это вариативность греческого имени существительного и субстантивированного инфинитива, во втором – мена личных форм глагола, обусловленная изменением коммуникативной направленности

высказывания: во втором стихе адресат высказывания совпадает с субъектом речи, т.е. это обращение к горам.

В обоих приведенных примерах греческая вариативность будет просто воспроизводиться в славянском тексте, так что эти примеры интереса не представляют. Интересны же будут те случаи, в которых вариативные грамматические формы появляются в параллельных структурах текста независимо от греческого, т.е. там, где в греческом будут одинаковые формы. Таких примеров очень мало в ранних текстах: как правило, греческие абсолютные повторы будут воспроизводиться по-славянски также без каких-либо вариантов в большинстве случаев.

Однако исключения есть : 46:7 – *пойте богу нашему пойте, пойти царю нашему пойте*: древнейшая Синайская Псалтырь дает параллельные формы дат. падежа, а вот в позднейших редакциях, начиная с Норовской псалтыри до Геннадиевской юиюлии, читается *богу* и *цареви*, и вариативные флексии Дат. здесь очевидно работают в связке. Есть также пример с вариативностью притяжательного прилагательного и Род. приименного падежа: в 49 псалме «ем ли я мясо волов или пью кровь козлов» большинство разновременных переводов, начиная с Синайской Псалтыри, переводит греч. формы Род. мн. притяжательными прилагательными, однако в Норовской Псалтыри мы имеем *мяса юнча*, но *кровь козел*. Конечно, эта форма могла быть соотнесена с греч. Род. мн., однако изменению подверглась лишь одна из парных форм.

Есть еще один пример с вариантами такого рода, который присутствует во всех переводах, но это не вполне корректный пример параллельной вариативности, поскольку во второй конструкции «*от лица господа всея земли*» Род. падеж имеет при себе зависимые слова, а это стандартный случай, когда в приименной позиции должен быть только Род., а не притяжательное прилагательное, и в Грамматике Смотрицкого это будет позднее зафиксировано в виде правила. Тем не менее, косвенно и этот пример тоже подтверждает сосуществование форм Род. приименного и притяжательного в параллельных сегментах текста как вариативных форм. Эта вариативность может быть квалифицирована, как кажется, как исключительно стилистическая. О некоторых других ранних параллельных чтениях Псалтыри с грамматической вариативностью речь пойдет в связи с поздними примерами 16 в.

К XVI веку количество примеров такой вариативности заметно увеличивается, и тому самый яркий пример - Псалтырь Максима Грека 1552 г. На следующем слайде 3 представлен еще один случай расподобления параллельных форм притяжательных прилагательных. Все домаксимовы редакции Псалтыри в 8-9 стихе 8 псалма используют одинаковые формы: *скоты польскыя, птицы небесныя, рыбы морския и стези морския* (здесь мы имеем дело с параллелизмом «внахлест», поскольку *рыбы морския* включены в ряд предшествующих прилагательных и одновременно соотносятся со стезями морскими). У Максима Грека *рыбы моря, но стези морския*. В греческом τῆς θαλάσσης – это ед.ч. в отличие от θαλασσῶν во мн.ч., но причина замены не в этом, поскольку в иных случаях Максим Грек не меняет форму притяжательного во мн.ч. на месте греч. имени в ед.ч., и пример из 68 псалма внизу на слайде это демонстрирует. Причина может быть именно в разбиении таким способом однообразных повторов в двух стихах псалма.

У Максима Грека довольно широкий арсенал средств такого рода варьирования. Используются, например, полноударные и энклитические местоимения: в первом примере на слайде это *мне* и *ми* при том, что и старшие тексты, и греческий текст дают здесь одинаковые формы – *ми* и *ми* и *ἀνταποδώσει μοι* соответственно; во втором примере мы опять имеем дело со сложной четырехчленной параллельной конструкцией – *храняй тебе* и *храняи израиля* и *господь сохранит тя* дважды. Перекрестно параллельные (оксюморон) формы *тебе* и *тя* появляются на месте нормальной пары (тройки) *тя-тя*, соответствующей греческой паре (тройке) *σε-σε*. Т. е. вопреки традиционному представлению о грекообусловленности исправлений МГ греческий текст здесь ничего не

диктует, равно как и старшие славянские переводы, которые МГ тоже принимал во внимание. Зато структура текста здесь, на наш взгляд, очень красноречива.

Вариантами в параллельных стихах могут выступать и приименные дат. и род. падежи. Например, в 45 псалме присутствует удаленный параллелизм – полностью повторяются два дистантно расположенных стиха, 8-й и 12-й. Большая часть старших переводов единообразно передает греческий приименной генетив – славянским генетивом, либо, как в болгарской Норовской Псалтыри, – двойным дативом. Однако «Киприановская» Псалтырь № 142 (15 века), редакция которой и была славянским источником Максима Грека, дает пару *господь силам – господь сил*, которую сохраняет и Максим Грек. И здесь совершенно ни при чем южнославянская принадлежность этого дат. приименного, его функция – стилистическое варьирование в повторе. И кстати, в контексте варьирования можно обратить еще внимание на орфографию (в П1552) – *иаковль* через и восьмеричное и десятиричное.

Это не единственный пример, где Род. и Дат. выступают контекстными синонимами. В 31 псалме таким же образом передается греч. Род. мн. относительного местоимения ὅς (*блажени ихже отпустишася беззакония* и *имже прикрышася греси*). Все предшествующие редакции дают одинаковые формы дат. падежа.

Есть еще целый ряд контекстно вариативных грамматических форм, в частности, краткие и полные формы прилагательных (пример параллельных стихов в разных псалмах 34, 37, 108, во всех повторяется конструкция *воздати/ положити злая воз благая*). Это вообще довольно любопытный случай во всем срезе переводов Псалтыри: как передаются субстантивированные формы греческих прилагательных мн.ч. ср.р. Самая ранняя Синайская Псалтырь сразу дает три разных варианта: два уподобленных, т.е. с одинаковыми формами (*злаа въз добраа, зло въз добро*) и один расподобленный (*зла въз добраа*). Возникает вопрос, есть ли *зла* Род. существительного или это краткое прилагательное. Здесь, действительно, присутствует омонимия, но вот есть в Норовской Псалтыри в 34 псалме форма *лукава*, которая может быть только кратким прилагательным, и потому я склонна думать, что расподабливались именно адъективные формы. Несовпадающие формы выделены синим, и мы имеем приблизительно равное соотношение (в масштабе трех псалмов и пяти разновременных текстов) совпадающих и несовпадающих форм, причем как внутри каждого отдельного псалма, так и трех псалмов в каждом из текстов. Максим Грек в этом смысле вполне вписывается в общий контекст, хотя комбинация вариантов в этих трех псалмах у него своя.

У Максима Грека есть еще замечательный пример параллельных форм Вин. мн. субстантивированных прилагательных, одно из которых оформлено по неодушевленному варианту, а второе по одушевленному, т.е. Вин. совпадает с Род.: 146 пс. *вознося кроткыя господь смиряя же грешных до земли*. Все ранние редакции дают во втором случае существительное *грешникы* на место греч. прилагательного, поэтому сравнивать практику Максима Грека в данном случае не с чем, разве что с Нор. Пс., где пара адъектив – субстантив также противопоставлена по одушевленности.

Наконец, параллельная вариативность присуща у Максима Грека и аористу с –л формой. На слайде представлены примеры с параллельными формами внутри одного стиха, как *рече и повелел* (эта пара встречается сразу в двух стихах разных псалмов), точно такой же случай есть в 43 псалме (*смирилася в персть душа наша, прилпе земли утроба наша*); есть также пример с параллельными конструкциями в разных стихах одного псалма, но в одном из них мы имеем варианты (л-форма и аорист – *услышал и спасе*), а в другом – две л-формы (*услышал и избавил*).

Все примеры вариативных в тексте Псалтыри Максима Грека форм до сих пор приводились в максимально чистом виде, т.е. рассматривались исключительно те случаи, которые единообразно отражено во всех списках П1552, а их 7. Однако этот перечень можно расширить за счет примеров интерлинеарных списков П1522 начала 17 в., которые довольно регулярно фиксируют вариантные грамматические формы, помещая варианты

под или над строкой. На слайде такие варианты показаны для Вин. и Вин.=Род., причем не только прилагательных, но и существительных, и личных местоимений (первые четыре примера), есть также формы вокатива и номинатива на месте вокатива (5й пример, из 43 псалма, причем заслуживает внимания тот факт, что в строке и под строкой уже представлены две разные формы – *царю и бог*, под строкой *царь и боже*, та же самая ситуация и выше с формами Вин. *кроткыя и кроткых, верныя и грешных, царя и царей* – расподобленные варианты уже в строке); наконец, вариантные формы дв. и мн.ч. парных существительных – *очима и вѣком*). Трудно сказать, в чем состояло намерение переписчиков 17 в.: подводили ли они эти варианты, используя разные списки П1552, где были расподобленные формы, и таким образом закрепляли в тексте эту особенность перевода Максима Грека, или, напротив, они стремились нивелировать ее, дав и уподобленный вариант. Скорее первое, на мой взгляд: книжникам была известна эта лингвостилистическая характеристика текстов Максима Грека.

И мы знаем, что эксперименты со стилем имели место в цсл. текстах Максима Грека. Хорошо известны два варианта перевода с греческого героического и элегического стиха текста под названием *Инока Максима Грека о том, како подобает входити во святыя божия храмы*. Разница, однако, между этими вариантами состоит лишь в порядке слов, в синтаксисе, при минимальных грамматических различиях (но этот текст очень краток). Что же до грамматической вариативности, то рассмотренные мною примеры из текста Псалтыри находят поддержку и в оригинальных сочинениях Максима Грека, например, в Слове на сожжение тверского собора: «*не призывати на пир ни богатыя сосѣды, ни сродники своя, ни другов, но слѣпыхъ, сухихъ, хромыхъ, убогихъ и нищенствующая вся*» (Максим Грек, Сочинения, ч. II, Казань 1860. С. 268). И здесь тоже риторически организованный текст, тоже два синонимических ряда, противопоставленные другу, в каждом из которых последняя форма имеет иную флексию Вин., чем предшествующие, а основной набор форм в каждом ряду также имеет расподобленные флексии в первом ряду старый Вин., во втором – новый.

Разумеется, для Максима Грека естественным было перенести на славянскую почву византийские и европейские представления о литературно-языковых стилях и риторических приемах, и это не раз отмечалось в работах, посвященных его оригинальным сочинениям; похоже, что и стандартный церковнославянский текст Псалтыри оказывается включенным в сферу приложения этих установок. И этот механизм, когда различные формы – новые/старые, южнославянские и восточнославянские по происхождению, грецизированные/исконные – используются в стилистических целях, причем примерно так, как мы сегодня это понимаем, в конечном счете, работает на формирование того самого гибридного церковнославянского, однако не в смысле сниженного и упрощенного, как это обычно понимается, а стилистически обработанного и разнообразного. И как показывают ранние тексты, отдельные случаи такой стилистической грамматической вариативности имели место быть в цсл. задолго до XVI в. и Максима Грека.

Е. А. Галинская
МГУ, Москва
eagalinsk@mail.ru

Грамматическая вариативность в языке новгородской деловой письменности конца XVI века

В статье рассматриваются некоторые вариативные морфологические и синтаксические явления, находившиеся за пределами нормы приказного языка, которые отразились в двух рукописях новгородского происхождения (РГАДА, ф. 1144 оп. 1, № 1 «Книга записная кабалам на холопей» и № 4 «Книга кабальная записей на разных лиц» 1597–1598 гг.). Они представляют собой один документ, учтенный в РГАДА в виде двух самостоятельно существующих единиц хранения, которые были оформлены по раздельным переплетам еще в конце XIX века. Пример морфологической вариативности: сосуществование именных и местоименных окончаний в склонении притяжательных прилагательных. Пример синтаксической вариативности: конструкции с координируемым и некоординируемым причастием при форме именительного падежа существительных. Анализ вариативных форм позволяет проследить процесс видоизменения и становления тех или иных элементов грамматической системы новгородского диалекта.

Исследование А.А. Зализняком новгородских берестяных грамот показывает, что при всей морфологической специфике древненовгородского диалекта, во многих точках грамматической системы уже в ранний период, когда древненовгородский диалект еще не испытывал влияния говоров центра, существовала некоторая вариативность окончаний.

Например, формы И. и В. пп. мн.ч. твердого варианта *ā-склонения имели окончания -ѣ и -ы, хотя и при преобладании окончания -ѣ, напр.: а) кѣлѣ № 247 (сер. XI в.), [г]вѣздкѣ великѣѣ Ст. Р. № 8 (перв. пол. XII в.), коунѣ № 164 (кон. XI – перв. четв. XII в.), подъшьвѣ № 438 (кон. XII – нач. XIII в.); б) коуплены № 439 (кон. XII – нач. XIII в.), роукы № 9 (сер. XII в.).

Есть отдельные указания на то, что в И. и В. пп. дв.ч. мягкого варианта *ā-склонения наряду с окончанием -и было и окончание -ѣ, напр.: а) дъвѣ дѣжѣ (‘мера количества зерна’) № 863 (втор. четв. XII в.), б) ·в҃· гривни… мое (с графическим эффектом ѣ → е) № 483 (втор. пол. XIII в.). Такая же вариативность наблюдалась в форме И.п. мн.ч. муж. р. *ŏ-склонения, напр.: а) въкоупникѣ № 821 (сер. XII в.); б) смьрьди № 247 (XI в.) и в форме М.п. ед.ч. муж. р. мягкого варианта *ŏ-склонения, напр.: а) на конѣ № 78 (вт. пол. XII в.); б) на т[ѣ]хони кони № 926 (перв. пол. XIII в.) [Зализняк 2004: 98–99, 108–109].

Вариативность в ненормированном диалектном языке вообще встречается не так уж редко, в чем мы можем убедиться, обратившись к современным русским говорам. Так, в пределах южнорусского наречия и среднерусских говоров есть целый ряд ареалов, где сосуществуют формы с окончаниями -а и -ы в И.п. мн.ч. существительных среднего рода с основой на парный твердый согласный типа сёлы, óкны, вёдры и сёла, óкна, вёдра [ДАРЯ II, карта 33], а на востоке великорусской территории (и на севере, и на юге) имеются говоры, где сосуществуют формы типа в гóроде и в городý [ДАРЯ II, карта 22].

При работе с деловыми текстами XVI–XVII вв. следует обращать внимание на явления, находившиеся за пределами нормы делового языка, в которую входили, например, окончания *ŏ-склонения во множественном числе, формы прилагательных Р.п. ед.ч. жен. р. на -ые. Тогда, выявив вариативность, можно проследить процесс видоизменения и становления тех или иных элементов грамматической системы.

Материалом для настоящего исследования послужили две рукописи новгородского происхождения, хранящиеся в РГАДА (ф. 1144 , оп. 1, № 1 и № 4). Название книги № 1 в описи архива – «Книга записная кабалам на холопей», а название книги № 4 там же – «Книга кабальная записей на разных лиц». На сайте РГАДА обе они имеют одинаковое название «Записная книга старых и новых крепостей по Новгороду, явленных дьяку Дмитрию Алябьеву» 1597–1598 гг., но по сути представляют собой один документ, учтенный в РГАДА в виде двух самостоятельно существующих единиц хранения, которые

были оформлены по раздельным переплетам еще в конце XIX века, когда они пребывали в Московским архиве Министерства юстиции. Записные книги старых и новых крепостей велись в Новгороде с 1 декабря 1597 года по 31 января 1598 года. Они представляет собой изложение полных, докладных и кабальных грамот, оформлявших права на владение холопами в XVI веке (в основном в последней его четверти) и в некоторых весьма редких случаях в начале XVI века и последней трети XV века. Важно заметить, что мы имеем дело в основном с пересказами указанных документов, а не со списками с них, хотя небольшие фрагменты списков иногда присутствуют. Дело в том, что обычно пересказы, в отличие от списков, которые копируют более ранние оригиналы, отражают языковую ситуацию периода, когда они создаются (ср. анализ типов падежного синкретизма, отраженного списками и пересказами XVII в. псковских грамот XIV–XV вв. [Алпатова, 2005: 89–92]). Книга № 4 состоит из 230 лл., на каждом из которых стоит скрепа дьяка Дмитрия Алябьева, служившего в Великом Новгороде с марта 1594 г. по май 1602 г. [см. Веселовский, 1975: 21]. Книга № 1, состоящая из 201 л., имеет скрепу Дмитрия Алябьева на лл. 1–141, которые и были нами изучены для настоящего исследования. Далее приплетена челобитная грамота 1596 года (л. 142), а оставшиеся листы написаны в XVII в., поскольку лл. 143–167 скреплены подписью дьяка Федора Опраксина (Апраксина), служившего в Великом Новгороде с 21 марта 1624 г. по 1625/26 гг. [Там же: 28], а лл. 168–201 имеют скрепу Ивана Зиновьева, о котором известно, что он был дьяком в Великом Новгороде в 1660 г. [Там же: 195].

Лл. 1–141 книги № 1 (далее – К1) написаны шестью почерками: 1-й почерк: лл. 1 – 8 об.; 2-й почерк: лл. 9 – 75 об.; 3-й почерк: лл. 76 – 77, часть л. 85 об., сер. л. 90 об. – 92 об.; 4-й почерк: лл. 77 об. – 90 об. до сер. л., 93 – 93 об.; 5-й почерк: лл. 94 – 125 об.; 6-й почерк: 126 – 141 об. Книга № 4 (далее – К4) написана пятью почерками: 1-й почерк: лл. 1 – 32 об.; 2-й почерк: лл. 33 – 104 об.; 3-й почерк: лл. 105 – 136 об.; 4-й почерк: лл. 137 – 222 об.; 5-й почерк: лл. 223 – 230 об.

Следует заметить, что 1-й и 3-й почерки К4 внешне схожи, графически относятся к одному типу, но анализ орфографических особенностей показывает, что они принадлежат разным писцам. Так, в 1-м почерке 35 замен ѣ на е в слоге под ударением, и 18 случаев замены в этой же позиции ѣ на и, а в 3-м – только 3 замены ѣ на е и 3 замены ѣ на и в ударном слоге при примерно равном количестве листов, занятых каждым из почерков.

Показательны также окончания И.-В. пп. мн.ч. прилагательных (в том числе субстантивированных): в 1-м почерке сосуществуют примерно в равном количестве формы с окончаниями -ые (напр., двѣ служилые кабалы К4-12) и -ыя (напр., две служилыя кабалы К4-10 об.), а в 3-м почерке есть только окончание -ые (напр., три служилые кабалы К4-110)[10]. При этом 3-й почерк К1 и 5-й почерк К4 принадлежат руке одного и того же писца. Это видно как из анализа начерков, так и из графико- орфографических навыков, представленных в обоих почерках. 3-м почерком К1 написаны пять листов, а 5-м почерком К4 – восемь листов, и в обоих почерках одинаково активно заменяется ѣ на и в слоге под ударением при отсутствии замен и на ѣ; используется лигатура «ва», где к «в», пишущемуся в виде треугольника, снизу без отрыва руки приписывается «а» в виде греческой альфы (помимо этого, в 3-м почерке К1 есть аналогично устроенная лигатура «на», а в 5-м почерке К4 – «ца»).

Одному и тому же писцу принадлежат 4-й почерк К1 и 4-й почерк К4. Об этом можно сделать вывод не только по графическому типу письма, но и в результате анализа орфографии и языка обоих отрезков текста. И в том и в другом почерке имеются

---

[10] При приведении примеров из рукописей используется упрощенная орфография: і передается как и, ѡ как о, ѕ как з, ⍰ и ѧ как я, ѯ как кс, ѳ как ф; титла раскрываются, а восстановленные буквы берутся в круглые скобки. Во всех почерках в большинстве случаев употребления букв ъ и ь они имеют единый размашистый начерк. В тех случаях, когда твердость или мягкость согласного очевидна, будут ставиться соответственно буквы ъ и ь, а там, где твердость или мягкость могут быть связаны с диалектными особенностями, используется нейтральный знак Ъ.

многочисленные замены ѣ на и, которым сопутствуют обратные замены и на ѣ. И там и там мы находим отсутствующее в других почерках обозначение долгого глухого шипящего буквосочетаниями сщ, сш: пусщин К1-79 об., прикасщики К1-79 об., восшаная К1-89; Вересщаги (Р. ед., имя) К4-138 об., 172, восщаная К4-142., исщею (‘истца’) К4-195, 203, Насщокин К4-198, с плосщади К4-172, отвесшика (В.п.) К4-195. И, наконец, в этих двух почерках мы находим форму М.п. (и в одном случае Р.п.) слова оба с окончанием -ух: в обиюх кабалах К1-86 об, в ои|бѣюх кабалах (с опиской) К1-83 об., в обиюх кабалах К4-183, 192, у полных … ув обиюх К4-212об.

Итак, обе книги насчитывают девять почерков. Без сомнения, все писцы были новгородцами, так как они отражают фонетические диалектные черты, которые реконструируются по другим деловым текстам новгородского происхождения конца XVI – первой половины XVII в. (см., например, [Галинская 2002:]). Самая яркая из этих черт – взаимная мена букв ѣ и и в ударных, а иногда и в безударных слогах. Впрочем, интенсивность замены ѣ на и у разных писцов разная – у некоторых примеры обнаруживаются в обильном количестве, а у других – редко. Обратная (гиперкорректная) замена и на ѣ есть не во всех почерках. Ср. некоторые примеры:

Замена ѣ на и Замена и на ѣ

К1, 1-й почерк крипости 5 об., дити 3, Медвидевъ с(ы)нъ 2, диловую запис 3 об. о нѣх 1 об., Тѣханко 2, Максѣмков 4 об., Клѣмко 7, за Тѣмоѳ иева с(ы)на 6 об.

К1,2-й почерк дви 22 об, згорила 43 об. онѣ 27 об., 28, 31, 42 об., 52 об.

К1, 3-й почерк = К2, 5-й почерк бигает К1-76, ти крипости К1- 92, Ондрии К1-92 об., соби К4- 230, у…Краснослипова К4-226 об., намистника (Р.п.) К4-224

К1, 4-й почерк = К2, 4-й почерк сестри (Д.п.) К1-90, Тимофию К1-82, владит К4-191 об., соби К4-212 Денѣско К1-78 об., от нѣхъ К1- 79, с Оксѣньицею К1-81, Орѣнку К1-82, Дмѣтрѣев с(ы)нъ К1-83, з детмѣ К4-147, Дмѣтреика (Р.п.) К4-172 об., Домнѣца К4-147 об.

К1, 5-й почерк дивку 95 об., с…нимкою 99, у дида 114 об., вели л 110 об., на их дитеи 101 об. того ж днѣ 98 об. в пятѣ рублехъ 101 об., бѣти челомъ 108 об., челобѣтную 122 об., Фѣлип 99

К1, 6-й почерк Сергиева доч 129 об., Матфиева доч 141, во двори 127 об. и др. (часто) от здвѣженя 130 об., очмѣ 127 об., не служила нѣгдѣ 141

К4, 1-й почерк велил 1 об., не умиет 3, дити 10 об., Фадиикова (Р.п.) 23

К4, 2-й почерк а ничто … б(о)гъ пошлет 57 за Оксѣньею 46, Фетѣньица 70 об.

К4, 3-й почерк Сергиеву доч 13 об., Патракиеву доч 128 онѣ 118, Фетѣшка 125, перед … Черкаскѣм 117об.

В К1 и К4 свободно отражаются и другие фонетические явления, так что написаниям, за которыми мы усматриваем грамматические особенности новгородского диалекта конца XVI века и которые находятся за пределами норм делового языка, тоже можно доверять. Перейдем, таким образом, к некоторым разновидностям грамматической вариативности, отраженным в исследованной рукописи.

1. В истории русского языка прошел процесс отпадения конечных безударных гласных фонетического слова. А.А. Зализняк сформулировал правило (с небольшим количеством исключений), которому подчинялся этот процесс: отпадавшему гласному предшествовал одиночный согласный или группа [ст], и такие гласные не составляли отдельного морфа. В ряде случаев процесс носил факультативный характер (подробнее см. [Зализняк 2002: 550– 558]). Под действие указанного правила попадала и флексия творительного падежа слов женского рода -ою/-ею. В силу специфики содержания записной книги в ней употребляется огромное количество форм творительного падежа, ср.: …да Нилова жена з детми с Лешкою да с Миткою да с Васкою да с Богданком да з Грункою да Максим Григорев с(ы)нъ прозвище Скоков с(ы)нъ з женою с Фунею з Дмѣтриевою дочерю да з детми с Созонком прозвище с Первушкою да с Матюшею да с Офроскою да с Ненилкою К4-191. При этом подавляющее большинство таких форм

имеют окончание с не отпавшим еще гласным, тогда как формы с окончанием -ои/-еи (например, с мужем с Тимошкои К1-81 об., за дочерю своею за Федосеи К1-100 об., с Василискои с Фоминои дочерю К4-36 об., з женою ево з Дуницои с полонянкои К1-101, с Олексои К4-216 об.) на их фоне крайне малочисленны. Причем есть почерки, в которых вообще всегда употребляются только окончание -ою/-ею – К4, 1-й почерк и К4, 3-й почерк. Таким образом, вариативность окончания творительного падежа женского рода, хотя и существовала, но в конце XVI века очень большой перевес был в сторону флексии -ою/-ею, что и не удивительно, поскольку даже в XIX веке формы с этой флексией были вполне употребительны, ср. у Пушкина в «Капитанской дочке»: Матушка отыскала мой паспорт, хранившийся в ее шкатулке вместе с сорочкою, в которой меня крестили, и вручила его батюшке дрожащею рукою.

2. В древнерусском языке слово трие имело, как известно, парадигму множественного числа *ĭ-склонения, то есть после падения редуцированных формы выглядели так: И. трие/три, Р. треи (-ej), Д. трем, В. три, Т. треми, М. трех.

Одна из первых инноваций, произошедших в склонении слова трие, – это влияние местного падежа на родительный и появление в нем формы трех. О.Ф. Жолобов обнаруживает форму трехъ в памятниках XIV века [Жолобов 2006: 243].

Однако во 2-м почерке К1 отмечается результат весьма нестандартного пути развития противоположного типа: здесь в М.п. регулярно употребляется форма треи: кабала… в треи рублех К1-23, 24, 35, 44 об., кабала… в треи рублех К1-38 об., 50, 54 об. То есть тут произошла нетривиальная экспансия формы Р.п. на М.п. Но случаи употребления формы трехъ в этом почерке тоже есть: в трех рублех К1-12, 18, 47 об., 49, 56 (2 р.). Для остальных почерков форма трехъ – единственная. Склонение числительных не входило в зону нормирования делового языка, поэтому можно думать, что обе формы существовали в новгородском диалекте в широком смысле этого понятия, а варьирование могло быть как между разными говорами новгородского типа, так и в пределах одного говора.

3. В процессе преобразования числительных, который был весьма сложным, происходило и изменение их синтаксической сочетаемости. В частности, в результате утраты категории двойственного числа бывшая форма И.-В. пп. дв. ч. существительных *ŏ-склонения, имевшая флексию -а и находившаяся в сочетаниях со словами *два, оба* стала осознаваться как форма Р.п. ед.ч. Вновь сформировавшаяся сочетаемость распространилась и на два других счетных слова – трие, четыре, которые исконно согласовывались с существительными, стоявшими в И.-В. пп. (И. трие/четыре столи В. три/четыри столы), отчего сейчас в русском литературном языке представлены сочетания не только типа два дуба, но и типа три дуба, четыре дуба. О.Ф. Жолобов пишет, что они утвердились лишь в XVII в., «получив распространение во второй половине XVI в.» [Жолобов 2006: 226], хотя спорадически формы на -а проникали в сочетание с числительным три и раньше (приводятся три примера из новгородских берестяных грамот XIV в. и четыре примера из книжных текстов XIV–XV вв.) [Там же: 225-226].

В исследуемой новгородской рукописи конца XVI в. перед нами предстает следующая картина.

С числительными *три* и *четыре* в основном сохраняется старая сочетаемость (в тексте представлены формы В.п.): три рубли К1-5 об., 76, 133, 134, три рубли К1-45, К4-87 об., 139, 140, 141, 146 об., 179 об. и др., три рубли К4-85, 85 об., 86, три сыны К4-22, четыре рубли К1-8, 46 об., об., 129, 132, 133 об., 137, К4-38 об., 84, четыре углы К4-207 об. Но изредка встречаются и новые формы: три рубля К1-114, К4-118, четыре рубля К2-225.

При этом исконные формы на -а при слове *два* единичны: за два рубля К1-33, два рубля К1-76 об., К4-124 об. Видимо, в новгородском диалекте влияние старой сочетаемости существительных с два было не столь сильно, хотя, несомненно, имело место. Более продуктивным оказалось противоположное влияние – конструкция типа три рубли воздействовала на сочетание существительного с числительным два, отчего

многочисленными оказались следующие примеры: два рубли К1-10, 20 об., 64, 138 об., два рубли К1-77 об., 80 об., 123, 141, К4-22, 61 об., 137 об., 138, 139 об., 141 об.,142, 146, 160 об., 176, 197, 199 об. и др. Мало того, существительные на -ы/-и могли вытеснять существительные на -а из «половинного» счета, где исконной была форма Р.п. существительного (полъ вътора рубл□), отчего мы находим: полтора // рубли К4-153 об., 200 об.//201, полтора рубли К4-139, 224, полтора рубли К4-62 об., 66 об., полтретя рубли 140, полчетверта рубли К4-161 об., хотя бывает и полтора рубля К4-128 об., полтретя рубля К4-119.

В итоге сформировалась вариативность: конструкция «два / три / четыре / полтора и др. + форма на -ы/-и», сосуществовала с конструкцией«два / три / четыре / полтора и др. + форма на -а» при значительном преобладании первой. Бóльшая или меньшая рхаичность сочетания числительного с существительным здесь роли не играла: например, в 5-м почерке К4 сочетаются два рубли 230 и четыре рубля 225. Впрочем, возможно, были индивидуальные предпочтения в выборе одной из двух конструкций. Так, писец, которому принадлежит 4-й почерк К1 и 4-й почерк К4, использует только конструкцию «два / три / четыре + форма на -ы/-и». 4. Как известно, под влиянием того, что слова пять – девять были существительными *ĭ-склонения женского рода, любые сочетания числительного в И.-В. пп. с существительным присоединяли к себе согласуемые слова в форме женского рода [Зализняк 2004: 168]. Такое согласование представлено и в текстах записной книги (встречены только формы В.п., примеры для сокращения списка приводятся без учета срединных выносных букв): два рубля московскую К1-76 об., за два рубля московскую К1-33, два рубли московскую К1- 64, 80 об., 123, 138 об., три рубли московскую К1-5 об., 76, 85, об., 86, 133, 134 об., три рубля ноугородцкую К1-114, три рубли ноугородцкую К4-87 об., четыре рубли московскую К1-8, 46 об., 129, 132, 133 об., 137, четыре рубли денег ноугородцкую К4-84, пят рублев московскую К1-127 об., 128 об., 130 об., 135 об., 137, 138, 139 об., шесть рублев московскую К1-45 об., 47 шесть рублев денег московскую К1-46, семЪ рублев московскую К1-126 об., сем рублев московскую К4-6, полтора рубли ноугородцкую К4-62 об. 10

То же может происходить при опущении слова «один»: дал … рубль ноугородцкую К1-2 об. Однако чаще в таком случае представлено согласование в мужском роде со словом «рубль»: рубль ноугороцкои К4-140 об., рубль ноугородкои (sic) К4-198 об., рубль ноугородцкои К1-104 рубль наогоротцкои (sic!) К4-21 об., взял … рубль московскои К1-124. Сочетания со словами, обозначающими другие числа, уже также могут присоединять к себе определения не в женском роде, причем есть два варианта форм множественного числа – более частотный В.п. и более редкий Р.п.: 1) два рубли ноугороцкие К4-142, полтора рубля ноугородцкие К1-128 об., четыре рубли ноугородцкие К4-38 об., полтора рубли ноугородцкие К4-66 об., три рубли денег московские К4-85; 2) полтретя рубля московских К4-119, два рубли ноугородцкихъ К4-61 об.

Таким образом, в конце XVI в. сосуществовали древний вариант родо-числового синтаксического оформления количественных сочетаний и новый вариант при преобладании первого.

4. В праславянском языке притяжательные прилагательные склонялись по именному склонению, а в древнерусском языке в их парадигмы началипостепенно проникать местоименные формы. Первыми приобрели полные формы Т.п. ед. ч. муж. и ср. р. и косвенные падежи множественного числа, например, со розбоиниковымъ товаромъ Гр. рижан к Витебскому кн. Михаилу Константиновичу ок. 1300 г., робьихъ вѣ(вериць) ‘денег за рабыню’ Новг. бер. гр. № 335 (60–70-е гг. XII в.), с Оаѳрлемовими людми ‘с Офремовыми людьми’ Новг. бер. гр. № 192/191 (нач. XIV в.). Материалы памятников письменности показывают, что становление местоименных форм у притяжательных прилагательных во множественном числе завершилось в XIII в., а в Т.п. ед. ч. муж. и ср. р. – к началу XIV в. [Кузнецов, Иорданиди, Крысько 2006: 166, 173]. Постепенно новые местоименные формы стали проникать и в другие косвенные падежи единственного числа

(сейчас их нет только у притяжательных прилагательных с суффиксом -ов в Р. и Д. пп. ед. ч. муж. и ср. р.).

Далее будет приведен материал записной книги, который позволяет показать, как в конце XVI в. складывается картина в тех косвенных падежах мужского и женского рода (средний род не представлен), которые сохранили именные флексии после XIV в., т.е. в Р., Д. и М. пп. муж. и жен. р.

В мужском роде есть только именные флексии: Р.п. денги заняла ув ахмета дмитриева с(ы)на жолтухина К1-23, с намѣстнѣча докладу К4-195 об. Д.п. михаилу старкову с(ы)ну К1-29 об., по федорову веленю К4-107. М.п. в ч(е)л(о)в(ѣ)ки в матфѣики якушеве с(ы)не горчаки К4-195 об. (форма М.п. единственная, а форм Р. и Д. пп. много, но они интереса не представляют, поэтому приведено только по два примера).

В женском роде картина не столь однозначна.

В Р.п. имеются лишь именные флексии -ы и -ѣ/-е (вариативность -ы/-ѣ обусловлена двумя типами падежного синкретизма в именном склонении новгородского диалекта XVI в., см. [Галинская 1991: 32]; вариативность ѣ/е орфографическая): и у кабалы руки послуховы нѣт К1-73 об., и дмѣтриевы руки нѣтъ К1-99, у уляны михаиловы жены трусова К4-35 об., 36, да степановы дочерѣ (ѣ исправлен из и) овдотки… у них в холопстве двѣ дочери К1-125 об., у гордѣевы жены зеновевы дочери К4-38 об., в мариино ивановы жены … мѣсто К4-59 об., в сестры своеи оленино мѣсто яковлевы жены кобылина К4-171, у мари у ивановѣ дочери новокщенова К1-100 об., з боркове улицы К1-132 об., 133.

В Д.п. и М.п. обнаруживается сосуществование именных и местоименных окончаний.

В Д.п. именное окончание -ѣ(е) и местоименное окончание –ои представлены примерно в равных небольших количествах: сестре своеи

Т.п. ед.ч. жен.р. не рассматривается, поскольку там именные и местоименные формы всех прилагательных исконно совпадали (напр., новою).

ануси петрове дочери К4-30 об., по ег иванове данои К4-149, // жены ег дружининои овдотицы на матфея и на ег жену на маланю дѣла не дѣлати никакова ‘Дружининой жене Овдотьице не следует предъявлять претензии к Матфею и его жене Маланье’ К1-62. В то же время в М.п. именные окончания -ѣ(е) и -ы встречаются регулярно в больших количествах (например: женат … на денисеве дочери К4-110, женат … на неждане на мишуковы дочери К4-123), а местоименное окончание -ои отмечено только два раза: женитца (inf.) … на овдотице на андрѣевои дочери К1-62, женат был … на огафице на кабалнои на дмитриевои дочери К4-41 об. Таким образом, в Д. и М. пп. присутствовала вариативность именных и местоименных флексий, и можно констатировать, что в М.п. местоименная флексия еще не была частотной.

5. В посессивных конструкциях в древнерусском и старорусском языке наиболее частотными были две: с двумя притяжательными прилагательными типа княжь Федоровъ намѣстьникъ (‘наместник князя Федора’) и с родительным принадлежности и притяжательным прилагательным типа Ивановъ крестьянинъ Климова (‘крестьянин Ивана Климова’). Обе эти конструкции, часто в еще более осложненном виде, например с относительным прилагательным, образованным от имени, широко представлены в записной книге. Значительная вариативность здесь наблюдается при упоминании принадлежности князю, называемому по имени (и фамилии).

а) В редких случаях используется Р.п. слова «князь», например: княз василеи кн(я)зя иванов с(ы)нъ мышецкои К1-16 об., княз михаило кн(я)зя тимофиевъ снъ мышетцкои К1-92.

б) Столь же редко встречается несклоняемая форма князь: кн(я)зь иван кн(я)зь офонасев с(ы)нъ мещерског К4-157, дал … за племяннѣцею за своею за родною за татяною за княз ивановою дочерю княж дмитриева сна мешерсково К4-107. Можно полагать, эта форма была усеченной и застывшей, такое известно в современной

разговорной речи с именами при отчествах: у Михал Иваныча, к Василь Петровичу и т.д. Доказательством того, что так и было, служат случаи, где форма князь написана вместо Р.п. князя вне притяжательных конструкций: от великого кн(я)зь ивана василевичя К4-11, кн(я)з ивана денги дошли К4-124, за печатю намѣстника и воеводы княз семена ардасовичя Черкасског К4-117 об., по г(о)с(у)дар(е)ве ц(а)ря и великого кн(я)з ивана василевичя всеа русии грамоте К4-117 об., от кн(я)з михаила федоровича К4-118, от кн(я)з семена романовичя К4-119.

в) Один раз отмечено притяжательное прилагательное «княжии»: писано тамга княжя вереисково К4-208 (это форма княжья, так как в скорописи при вынесении над строкой буквы согласного перед буквой гласного опускается обозначение йота).

г) Частотно употребление притяжательного прилагательного «княжь», например: княз михаило княж иванов с(ы)нъ мещерског К4-19 об. При этом определяемое имя может быть не мужского рода и стоять не только в И.п., но и в косвенных падежах, ср.: княж василева жена никитина сн҃а белоселског К1- 2 об., у кн(я)зя михаила у княж тимофѣева с҃ на мышецког К1-16 об., княж тимофиеву сну К1-82 об. То есть форма княжь не в И.п. ед.ч. муж.р. также была усеченной и застывшей.

д) Столь же часто употребляется еще одна застывшая форма – княже, причем определяемое имя также может быть мужского или женского рода и стоять в любом падеже: степан кн(я)же иванов с(ы)нъ елецког 18 об., кн(я)же ондрѣева жена К4-187, денги заняли у кн(я)же дмитриевскои княини кропоткина К1-17, кн(я)зю ивану кн(я)же иванову с(ы)ну елецког К1-45.

е) И, наконец, видимо, в результате контаминации между Р.п. *князя* и притяжательным *княже* появляется застывшая форма князе: кн(я)зь егуб да.

Возможно, что это прилагательное, образованное по праславянской модели с суффиксом *j было еще живым, поскольку есть и другие аналогичные случаи: митрополич дияк К4-123, митрополич дьяк К4-148, с намѣстнѣча докладу К4-195. кн(я)зь роман кн(я)зе ондрѣевы дѣти мышицкие К1-89, женат на мареце на кн(я)зе иванове приданои К1-86, на ег кн(я)зе данилово имя К1-80, Федор кн(я)зе матфѣев с(ы)нъ мещерского К4-148.

Итак, в притяжательных конструкциях наблюдается вариативность форм князя, князь, княжии, княжь, княже и князе, причем они могут варьироваться в одной фразе: у кабалы руки княж федора да кн(я)зя василя мышетцкихъ К1-118. Можно предположить, что в последних двух случаях княже и князе становились своего рода первыми частями сложных слов с соединительным гласным.

6. В современных севернорусских и западных среднерусских говорах распространены конструкции «И.п. имени + некоординируемая форма краткого страдательного причастия» типа курочка унесено, см. [Кузьмина, Немченко 1971: 29–36 и карта № 1]. В записной книге встречены такие конструкции наряду с конструкциями с координируемым причастием.

Приведем некоторые примеры.

а) Причастие не координировано: и у них прижыто в холопстве с(ы)нъ нечаико да доч матрушка К1-53, на кабалѣ подписано рука губново стросты К4-169, на заде данои написано рука ждана // тыркова К1-39//39 об., на печати рѣзано пр(е)ч(и)стая на пр(е)ст(о)ле со младенцом К4-96 об., печят печятано К4-118 об., печат писано К4-147, печат черчено К4-207 об., печати писано 230 об.

б) Причастие координировано: кабала писана К1-115 об., печат писана К4-22, 66 об., 119, у полных печат ув обиюх писана К4-212об., послуси писаны К4-119, 138, прикащики … писаны К4-122 об., … которые писаны К4-47 об.

При этом бывает, что две разнотипные конструкции стоят рядом: писано тамга кнѧжя вереисково да туто ж писана птица К4-208.

Интересно заметить, что если в конструкцию вклинивается деепричастие, то причастие координировано всегда: и тѣ крипости записав отданы салтанаку да роману

кушелевымъ К1-5 об., и та полная кабала // записав отдана самсону з братею К1-7 об//8, и та даная и кабала записав отдана богдану зеленину К4-223 (подобные случаи весьма многочисленны).

Таким образом, мы видим, во-первых, что конструкции с некоординируемым причастием, характерные сейчас для новгородских говоров, были достаточно распространены уже в XVI веке (в новгородских берестяных грамотах отмечены лишь единичные примеры – такие, как ѫ радѧтѣ не възѧто полъ третьѣ гривьнѣ № 799, XII в., куплено по полу гривни роже а пешеница по сороку бес куни № 775, XIII в.), а во-вторых, что они еще сосуществовали с конструкциями, в которых причастие координировано.

Итак, в целом ряде звеньев грамматической системы новгородского диалекта конца XVI в. шли процессы перехода от одного состояния к другому, что и обусловило наличие вариантных форм и конструкций.

Литература

Алпатова 2005 – *Алпатова Е.А*. Формы родительного-дательного-местного падежей единственного числа существительных с исторической основой на *-а в памятниках псковской письменности XIV-XVII веков. Дисс. ... канд. филол. н. М., 2005.

Веселовский 1975 – *Веселовский С.Б*. Дьяки и подьячие XVI–XVII вв. М.: Наука, 1975.

Галинская 1991 – *Галинская Е.А*. К истории синкретичных именных форм в русских северо-западных говорах // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 1991. № 5. С. 28–36.

Галинская 2002 – *Галинская Е.А*. Историческая фонетика русских диалектов в лингвогеографическом аспекте. М.: Издательство Московского университета, 2002.

ДАРЯ II – Диалектологический атлас русского языка (Центр европейской части СССР). Вып. II. Морфология. М., 1989.

Жолобов 2006 – Историческая грамматика древнерусского языка. Том IV. *Жолобов О. Ф*. Числительные. М., 2006.

Зализняк 2002 – *Зализняк А. А*. Правило отпадения конечных гласных в русском языке // *Зализняк А. А*. «Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию. М., 2002. С. 550–558.

Зализняк 2004 – *Зализняк А.А*. Древненовгородский диалект. М., 2004.

Кузнецов, Иорданиди, Крысько 2006 – Историческая грамматика древнерусского языка. Том III. *Кузнецов А. М., Иорданиди С. И., Крысько В. Б*. Прилагательные. М., 2006.

Кузьмина, Немченко 1971 – *Кузьмина И.Б., Немченко Е.В*. Синтаксис причастных форм в русских говорах. М.: Наука, 1971.

С.В. Дьяченко
ИРЯ РАН, Москва
svet-lan-a@list.ru
Е. Г. Жидкова
ИРЯ РАН, ГГГУ, Москва
zhidkova_elena85@mail.ru
А.В. Тер-Аванесова
ИРЯ РАН, Москва
teravan@mail.ru

Формы перфекта и перфектные конструкции в говорах под Опочкой

В статье рассматривается образование форм перфекта в говорах окрестностей г. Опочки Псковской обл., в частности, такая диалектологически значимая их особенность: строгая зависимость залога причастия прош. времени в составе перфектных форм от переходности глагола (*Он ушодчи* (*уйти,* неперех.); *Он оставши* (*остаться,* неперех.); *У него оставлено* (*оставить,* перех.). Подчеркивается семантическое разнообразие глаголов, от которых в говоре возможно образование форм перфекта. Как правило, перфектные формы образуются от глаголов совершенного вида, но есть исключения. Перфектные конструкции охарактеризованы по следующим параметрам: синтаксическое подлежащее и способы его выражения; падежное маркирование субъекта и объекта; глагол-связка *быть,* его формы наст. и прош. времени, сослагательного наклонения, согласование с каноническим и неканоническим подлежащим, формы связки в конструкциях без подлежащего; формы причастий и их согласование с подлежащим, формы причастий в конструкциях без подлежащего. Коротко охарактеризовано употребление причастий прош. времени не в перфектных конструкциях.

Перфектным конструкциям в северо-западных русских говорах посвящена большая литература. Важнейшими диалектологическими работами по русскому перфекту остаются монографии и статьи И.Б. Кузьминой и Е.В. Немченко, В.И. Трубинского; в первую очередь это (Кузьмина, Немченко 1970; Кузьмина 1975; Трубинский 1977; Трубинский 1982). В этих работах описаны все встречающиеся в русских говорах типы перфектных конструкций (и шире – употребления причастий прош. времени), с использованием материала ДАРЯ, экспедиционных записей; собран и проанализирован материал более старых диалектологических работ (в первую очередь И.Б. Кузьминой). Русские перфектные и результативные конструкции рассматривались в типологической перспективе, в сопоставлении с типами европейского перфекта (Трубинский 1982; Плунгян 2016), и в ареальном аспекте. Вместе с тем не пропала необходимость изучения употребления перфектных конструкций в отдельных говорах. В работах, посвященных частным проблемам русских перфектных конструкций, уточняются ареалы употребления некоторых из них (например, (Пожарицкая 2012) о положении дел в архангельских говорах), уточняется характер варьирования форм перфекта в одном говоре (например, (Морозова 2004) о варьировании согласованных и несогласованных *-н-/-т*-причастий в говоре старообрядцев на р. Иссе), предпринимались попытки установить условия употребления *ши*-причастий и форм прош. времени в одном селигеро-торжковском говоре (Рыко 2002). Работ, посвященных системам перфектных конструкций в русских говорах немного, можно назвать (Маркова 1989; Эркер 2012). Однако, можно думать, что говоры различаются не только набором этих конструкций, но и даже в большей степени частотой употребления тех или иных конструкций; с типами перфектных конструкций тесно связан вопрос об образовании залоговых форм причастий.

Перфектные формы и конструкции в псковских опочецких говорах рассматриваются в этой работе в следующих аспектах: образование форм перфекта и причастий прошедшего времени; соотношение залоговых форм причастий в перфектных конструкциях с переходностью глагола; вид причастий; подлежащее и падежное маркирование субъекта и объекта; согласование связки с подлежащим и ее формы в случае отсутствия

подлежащего; согласование причастия с подлежащим и его формы в случае отсутствия подлежащего.

Семантики форм перфекта мы не касаемся; отчасти этот пробел восполнен тем, что в приложении к работе приводятся полные списки глаголов, от которых в нашем материале зафиксированы формы перфекта. Это два списка глаголов, от которых формы перфекта образуются *ш*-причастиями и *н/т*-причастиями; они представляют собой полную сводку данных, на которые мы опирались и которые, в свою очередь, являются полной выборкой из некоторого объема текстов материала по употреблению причастий прош. времени в составе форм перфекта. Глаголы даны в форме инфинитива (во многих случаях реально не засвидетельствованной), при которой приводятся реально зафиксированные формы причастий, обычно – с минимальным контекстом.

Материал собран в 2017 г. в нескольких деревнях Опочецкого р-на Псковской обл.

Опочецкие говоры по диалектному членению К.Ф. Захаровой – В.Г. Орловой (1970) относятся к среднерусским говорам Псковской группы. На юге они граничат с так называемыми южнопсковскими говорами Невельского, Себежского и Пустошкинского р-нов Псковской обл., до 1929 г. входивших в состав Витебской губ.; эти говоры относятся к Западной группе южнорусского наречия (Захарова, Орлова 1970: 00), однако ранее считались говорами белорусского языка в составе его северо-восточного диалекта (Карский 1903; Опыт 1915: 00). Н.Н. Дурново считал опочецкие говоры севернорусскими, смешанными с белорусскими, относя это смешение приблизительно к XV в. (Дурново 20XX: 00), тот же взгляд на эти говоры отражен и на карте Е.Ф. Карского.

Историко-диалектологическая реконструкция племенного диалекта кривичей, предложенная С.Л. Николаевым, показала, что только в современных говорах окрестностей Опочки представлен весь набор явлений, восходящих к древнему кривичскому диалекту, его псковской ветви (Николаев 1988, 1989). Таким образом, говоры с синхронной точки зрения смешанные и пограничные в результате классификации на основании специально отобранных явлений, существенных с точки зрения исторической фонетики и акцентологии, оказываются «центральными». Вместе с тем на современной диалектологической карте эти говоры выделяются рядом «эксклюзивных» изоглосс. Это ни много ни мало: (1) «свои» правила редукции безударных гласных: в предударной позиции аканье и сильное яканье практически без отклонений, в конечной безударной позиции факультативно сохраняется оканье и ёканье, а также «расширение» гласных верхнего подъема *и* и *ы,* см. (Образование 1970: 00; Чекмонас 2002; Дьяченко и др. 2017); (2) «своя» система флексий презенса – компромисс между «белорусской» (чередование тематических [е] и [о] в презенсе глаголов I спряжения) и «псковской» системами (окончания 3 л. без *-ть*); (3) «своя» система флексий I склонения, (4) «свои» компаративы типа *легоше, крепоше,* и, наконец, «своя» внутренне непротиворечивая система перфектных конструкций (ее, как будет показано ниже, тоже можно рассматривать как компромисс между северо-восточной белорусской и псковской системами).

Оказалось, что опочецкие говоры на р. Великой и на ее левом притоке Иссе, где живут старообрядцы федосеевского согласия, различаются некоторыми немногочисленными, но важными особенностями, и немного – образованием форм перфекта. Крайние западные говоры Опочецкого р-на (Барсановская волость) тоже обладают особенностями, отличающими их от основного, более восточного массива опочецких говоров.

1. **Формы перфекта** образованы глаголом-связкой *быть* и причастием прош. времени, действительным или страдательным. Страдательные причастия, или *н/т*-причастия, как правило, краткие, (полные формы встречаются редко), могут быть согласованы или не согласованы в роде и числе с подлежащим; действительные причастия, или *ш*-причастия – неизменяемые, обычно такие формы называют деепричастиями. Связка всегда согласуется с подлежащим.

1.1. Образование причастий прошедшего времени. Образование *н/т*-причастий тривиально; отдельные особенности их форм и ударения см. в (Дьяченко и др. 2017).

Ш-причастия образуются от основы прош. времени при помощи суффикса *-ш-* (от *С*-корневых и *пи*-глаголов: *разм'áкшый, пам'óршы, ушóччы*) или *-лш-* (от основ прош. времени на гласный: *йав'úлшы, спáлшы*). -л- в суффиксе, скорее всего, объясняется непосредственным влиянием форм прош. времени. Его появление могло быть поддержано фонетически (совпадением /в/ и /л/ в конце слога; в современном говоре, однако, фонемы /л/ и /в/ в данной позиции различаются). Отметим, что среднее и младшее поколения носителей говора, в языке которых перфект хорошо сохраняется, предпочитают «стандартные» формы деепричастий с суффиксом *–**вши**-*; то же свойственно по крайней мере для некоторым жителям Барсановской волости даже старшего поколения.

На карте 110 ДАРЯ II можно видеть, что образования на *-лши* характерны только для опочецких и ближайших соседних с ними говоров, это тем самым еще одна эксклюзивная опочецкая изоглосса.

Конечный гласный деепричастий – [ы] или гораздо реже [е] (*-(л)**шы*** или *-(л)**ше***), что, видимо, также объясняется фонетически – факультативным «расширением» конечного гласного верхнего подъема, представленным и в других разрядах слов, напр., прош. мн. *пил**и** / пил**е***. Об этом см. (Чекмонас 2002, 2004); более категорично о фонетическом происхождении этого явления – (Дьяченко и др. 2017).

1.2. Залоговые формы причастий в составе форм перфекта в опочецких говорах строго зависят от переходности/непереходности глагола: переходные глаголы образуют формы перфекта с страдательными причастиями, непереходные, в том числе возвратные — с действительными причастиями (деепричастиями); суффикс *-ся* у причастий от возвратных глаголов отсутствует. Вот несколько примеров опочецкого употребления перфектных форм от переходных и непереходных глаголов:

(1) *У мяня тапéрь **астáлшы** там аннá или дьвé нибальшéнькии кнúшки, а тáк, фсú там ф ц'ерькви **астáвленъ**, што мне фсú и ня нáда, тóльке сáмые глáвные* ЕГЯ

У меня сейчас **остались** там одна или две небольшие книжки, а все остальные **оставила** в церкви, потому что мне все и не нужны, только самые главные.

(2) *Ну éто тáм **нъстайáлшы** éт адувáн.* ЕНМ

Ну это там **настоялся** этот одуванчик.

(3) *И **вы́лит** такóй бальшéнный стукáн какóй-то ш чавó-ту там, с éтый с ызвёстки, там што-то бéлаё, штó там, ш чавó развóдють, **развядёна** какáя-нить кáшыцай, и йóн туды́ **вмёршшы**, **пасáжанэй** он туды, и вот бальшéй такóй, лимúневый, вот такóй бальшéй, и тудá **влúт*** ЕГЯ

И **отлит** такой огромный истукан (памятник) какой-то, из чего-то там, из извёстки; там что-то белое, что там, что разводят — что-то **развели** кашицей, и он (крест) туда **влип** намертво, он туда **вставлен**; и вот такой величины, алюминиевый, вот такой большой, и туда **вмурован** (описание надгробия со староообрядческим крестом).

Данное распределение иллюстрируется материалом, помещенным в приложении к статье. В говорах по реке Великой это правило практически не знает исключений.

Немногочисленные имеющиеся исключения, то есть *ш*-причастия от переходных глаголов и *н/т*-причастия от непереходных в составе перфектных форм, имеют, по-видимому, общерусский характер; ниже мы приводим все встретившиеся случаи. Это (а) перфектные формы глаголов *есть* (обратим внимание, что в нашем примере (дее)причастие может получать двоякую трактовку: и как сказуемое основной предикации, и как сказуемое зависимой предикации – деепричастного оборота), *выпить*:

(4) *Мы тó ли **йéлшы**, тó ли **н'е йéлшы**, з'амл'у капáим* ЕНМ.

Мы то ли ели, то ли не ели, землю копаем ~ То ли поев, то ли не поев, мы копаем землю

(5) *Пáр'н'и фс'егдá **вы́п'илшы** на д'ев'áтн'ик* ЕНМ.

Парни всегда пьяные на девятник (престольный праздник в Барабанах, день ярмарки)

(б) Перфектные формы непереходного глагола (*про*)*гореть* образованы с суффиксом –*н*-:

(6) *Згаро́да мал'е́н'ка* ***бы́ла пръгар'о́н*** ЕГФ.

Немного прогорела изгородь.

Отметим, что предикативные *н/т*-причастия в результативных конструкциях от этой глагольной основы фиксируются и в восточнорусских говорах, ср. в говоре с. Пустоша Шатурского р-на Московской обл. с яркими восточнорусскими особенностями: *Была был клюква тут рядом, а всё сгорело. Теперь там всё* ***сгорето***. (Впрочем, в восточнорусских говорах такого рода «выбивающиеся из правила о переходности» формы встречаются в системах с предикативными *н/т*-причастиями в объектно-результативных конструкциях; *ши/мши*-причастия как сказуемые основной предикации в этих говорах фиксируются лишь от небольшой группы глаголов, обозначающих состояние человека: *(не) емши, (не) пимши, (не) спамши, выпимши, согнумши* и под.).

(в) Имеется несколько двусмысленных случаев, в которых характер основы, от которой образована перфектная форма, не может быть надежно установлен. В примере (7) *нашо́ччы* может быть образовано от переходного *найти* или непереходного *найтись*; в первом случае отклонение от общего правила соотношения переходности глагола и залоговой формы причастия можно объяснить влиянием очень частотных непереходных глаголов от основы *идти* (см. приложение); образование от *найтись* соответствует правилу. В примере (8) – образование от неясной диалектной основы: *прозабыть* или *прозабыться* 'забыть всё, потерять память (?)'. Неясно, от *подгошить* или от *подгошиться* образована форма *подгошилши* 'исхудать', пример (9); видимо, в любом случае это образование от непереходного глагола. Образование *занялши* 'занят' в примере (10) – видимо, от *заняться* и соответствует основному правилу.

(7) *Мам, бы́л у тея до́ш? – Да так, тока н'е́скъл'ка ка́пл'ей в в'адр'е́* ***нашо́ччы*** ЕГФ.

Только несколько капель в ведре *(я) нашла ~ нашлось.*

(8) *Вот в'и́д'иш в м'ан'а́ ско́л'к'и сабы́т'ий фс'а́к'их бы́лъ. И йа ъшше н'а wс'о́ забы́ла. Та́к уже* ***йа́ пръзабы́лшы****, а вот как загъвар'и́ла, ишшо́ вот ы па́м'ет' йе́с', мно́гу гадо́w мн'е!* ЕГЯ.

И я ещё не всё забыла. Так-то уже я (всё) *перезабыла*, а вот когда начала говорить – ещё вот память есть. Много лет мне!

(9) *Дъ фс'а́, йа и па в'е́су и пъ фс'аму́, йа* ***пъдгашы́лшы****, ка́к с таво св'е́ту пр'ишо́ччы* ЕГФ.

Да вся, и по весу и по всему, я *исхудала*, как будто пришла с того света.

(10) *Сын въп'ива́йа, а вну́к н'е вуп'ива́йа. Ну мъладе́й, нъ рабо́ту хо́д'а,* ***зан'а́лшэ*** *фс'о д'ала́м, рабо́туй* ЕГЯ.

Ну (внук) молодой, на работу ходит, *занят* всё делами, работой.

Специально подчеркнем, что указанное выше распределение залоговых форм в зависимости от переходности глагола в опочецких говорах характерно <u>только для форм перфекта</u>, употребляемых как сказуемое основной или зависимой клаузы. Для зависимых предикаций – деепричастных оборотов, одиночных деепричастий, характерно употребление *ши*-форм независимо от переходности глагола; проблема, однако, в том, что не всегда удается надежно разделить деепричастные обороты и клаузы с перфектными формами, ср. выше пример (4). Материал по диалектным деепричастным оборотам не очень велик, что, видимо, отражает относительно невысокую их употребительность.

В примерах (11-14) представлены *ши*-причастия, образованные от переходных глаголов (только в примере (12) возможна трактовка *забралши* как образования от переходного глагола *забрать* или от непереходного *забраться*. «Деепричастное» почтение может конкурировать с «предикативным перфектным» прочтением в примерах (11-12), однако в примерах (13-14) предпочтительна трактовка *ши*-форм как деепричастий, обозначающих действие, предшествующее другому, выраженному финитной формой. По-

видимому, во всех этих случаях морфология причастных форм указывает на предпочтительность «деепричастного», а не «перфектного» их прочтения, с учетом достаточно жесткого распределения залоговых форм причастий в перфектных конструкциях.

(11) *Ад'айáлъ* ***ск'úнълшы****, балтáйе нагáм* ЕНМ.

Скинула одеяло, болтает ногами ~ Скинув одеяло, болтает ногами (о тяжело больной).

(12) *В долк* ***забрáлшы****, атрабатывът' нáдъ* ЕНМ.

В долги забрался, (и теперь) надо отрабатывать ~ Забравшись в долги, надо отрабатывать ~ (Если) забрал в долг, (то) надо отрабатывать ~ Забрав в долг, надо отрабатывать

(13) *Пашл'ú, рей* ***абмълат'úлшы****, а мужык'ú кóс'ут', а бáбы тада грáб'ут' грабл'áм* ЕНМ.

Пошли, обмолотив овин; а мужики косят, а бабы гребут граблями.

(14) *Йа идý карóвы* ***пъдаúлшы****, н'и магý даже н'искóл'ка шагáт'* ЕНМ.

Я иду, подоив коров – совсем не могу шагать (из-за ушиба).

Ср. также ярко диалектные обороты с деепричастиями, образованными от непереходных глаголов:

(15) *А йá в'úд'ела т'ихóн'ку, што йóн стаúт'* ***пр'ишóччы****, йа вз'áла спр'áталас'а и н'е пъказáлас'а* ЕГЯ.

А я видела из укрытия, что он *пришёл* и стоит, я взяла спряталась и не вышла к нему.

(16) *А йа ад'éлас'а так з гълавóй, гълавý ад'éла, л'ажý* ***пр'ит'úхшы*** ЕГЯ.

А я накрылась с головой, *притихла* и лежу.

(17) *Кавó мне д'éлът', нъдайéл'и* ***зван'úлшы*** ЕГФ.

Что мне делать, надоели, *которые звонят (тем, что звонят мне по телефону)*.

(18) *Мне и тáк нарот нъдайéл* ***хадúлшы*** *к т'аб'е* ЕГФ.

Мне и так надоел народ, *который ходит* к тебе.

(19) *И кáк ты жы́ла* ***н'и гул'áлшы****, кáк ты кар'м'úлас'а?* ЕГЯ.

И как ты жила, *не гуляя* (т. е. ничего в жизни не видела).

Однако у старообрядцев на Иссе изредка в безличных конструкциях встречаются формы перфекта, образованные *н/т*-причастиями от непереходных глаголов (Н.А. Морозова приводит 4 примера, притом что проанализированный ею материал составляет около 500 контекстов (Морозова 2004). – *в презентации*. В этом можно видеть влияние более северных псковских говоров на говоры по р. Иссе (возможно, это отражает какие-то давние миграции старообрядцев или приток к ним населения из других районов Псковской области).

Залог причастий в формах перфекта в лингвогеографическом аспекте. Распределение залоговых форм причастий в зависимости от переходности глагола в составе форм перфекта, существующее в опочецких говорах на р. Великой, характерно далеко не для всей обширной территории распространения перфектных конструкций.

КАРТА

На карте показаны изоглоссы предикативного употребления (в составе форм перфекта) *н/т*- и *ш*-причастий от переходных и непереходных глаголов в русских и части белорусских говоров. За основу этой карты взята одна из карт, приложенных к монографии И.Б. Кузьминой и Е.В. Немченко, на нее нанесены изоглоссы с других карт из той же монографии и из ДАРЯ, также выполненных И.Б. Кузьминой. На карте можно видеть границы распространения:

1) предикативных *ш*-причастий от непереходных глаголов, или субъектно-результативных конструкций с *ш*-причастиями (*Он ушотчы* ‘он ушёл’),

2) двух ареалов *ш*-причастий от переходных глаголов, или объектно-результативных конструкций с *ш*-причастиями (*Дом построивши* ‘дом построен/построили’), это

селигеро-торжковские говоры и говоры северо-западной Белоруссии, примыкающие к Литве и Латвии;

3) *н/т*-причастий от непереходных глаголов, или посессивно-перфектных (результативных) конструкций с *н/т*-причастиями (*У него уйдено; У него жененось; Было жито* ‘Он ушел’; Он женился; ‘(Вот так) жили’);

4) что касается предикативных *н/т*-причастий от переходных глаголов, или объектно-результативных конструкций с *н/т*-причастиями (*Дом построен*), то они распространены повсеместно и на карте не показаны.

Те же изоглоссы показаны на карте XX ДАБМ. Из этой карты видно, что конструкции с предикативными *ши*-причастиями фактически являются принадлежностью северо-восточного диалекта белорусского языка, впрочем, распространяясь и южнее границ этого диалекта – на территорию среднебелорусских говоров; южнобелорусские говоры знают это явление в очень малой степени. Аналогичным образом, те говоры Западной группы южнорусского наречия, которые тесно связаны или даже составляют единство с северо-восточным диалектом белорусского языка (южнопсковские, смоленские до линии Рославль – Брянск), характеризуются вполне последовательным и частым предикативным употреблением *ши*-причастий, в то время как «северские» говоры южнее Брянска имеют его в малой степени (Кузьмина 19XX).

Как и в русских говорах, в белорусских предикативные *ши*-причастия образуются в основном только от непереходных глаголов; образование их от переходных глаголов на территории русского и белорусского языков ограничено очень небольшими четко очерченными ареалами, которые производят впечатление довольно поздних инновационных, причем возникших независимых друг от друга. Яркой особенностью (северо-восточных) белорусских говоров является то, что в них не встречаются инновационные конструкции третьего типа, т. е. с *н/т*-причастиями от непереходных глаголов, как не встречается в них и маркирование субъекта (агенса) при помощи *у*+родительный; такие конструкции приходится считать специфически русской диалектной инновацией, весьма широко распространенной. Таким образом, для подавляющего большинства северо-восточных белорусских говоров характерны субъектно-результативные конструкции с *ши*-причастими от непереходных глаголов и объектно-результативные конструкции *н/т*-причастиями от переходных глаголов, в которых агенс не выражен. Залоговые формы причастий в белорусских, а также южнопсковских и смоленских (которые по старым классификациям относились к белорусскому языку) перфектных конструкциях распределены так же, как в опочецких говорах, однако опочецкие говоры добавляют к этой системе такую особенность, как выражение агенса в конструкциях со страдательными причастиями (ср. (Эркер 2014) о белорусских говорах Браславщины).

Таким образом, опочецкие, небольшая часть великолукских и торопецких говоров объединяются с большей частью белорусских говоров и русскими говорами Западной группы (по Захаровой - Орловой), они же белорусские – по Опыту Дурново и соавторам, **в том, как** в составе перфектных конструкций распределены *н/т* и *ш*-причастия относительно переходности глаголов. (То же распределение этих причастий, согласно картам И.Б. Кузьминой, имеется в южных вологодских говорах). Вместе с тем опочецкие с небольшой частью названных тверских отделяются от «белорусского» ареала систем перфекта тем, что в них может быть выражен агенс при помощи *у*+род., и кроме того *н/т*-причастия утрачивают согласование с подлежащим (см. об этом ниже). Опочецкая система перфектных форм и конструкций, опять же, является уникальной и – в сопоставлении с русскими говорами – архаичной, хотя и представляет собой компромисс между белорусским и русским принципами устройства.

1.3. Вид. Перфект обычно выражается глаголами совершенного вида. Редкие случаи употребления глаголов несовершенного вида нуждаются в дополнительном изучении:

(20) *А вот в ма́ме што* ***тка́ныйе*** *там, то йе́с'т' шматы́ — фс'о фк'и́нуты в е́тъм сундук'е́* ЕГЯ

А вот что там **ткала** мама, то есть куски (полотна) — всё положены (лежат) в этом сундуке.

1.4. Полные и краткие формы причастий.

2. Перфектные конструкции. В нашем материале около 400 примеров перфектных конструкций.

2.1. Синтаксическое подлежащее. Большинство примеров – это конструкции с подлежащим, в меньшей части подлежащее отсутствует. Однако в разговорной речи эти случаи иногда бывает трудно разграничить, т. е. отделить случаи эллипсиса подлежащего («неполные предложения») от конструкций без подлежащего («односоставных»).

Для нашей темы важно разграничить подлежащие, выраженные одиночными именами и местоимениями в И. п. (канонические подлежащие),

() *И* ***яна́*** *ужо́ <u>саста́рилшы бы́ла</u>, и яна́ кака́я-то безуро́нная, кто́ ёй где́ састро́ил там бу́тку, анна́ жы́ла, вро́де у ёй никаво́ не́ было. Гъвари́ть, што* ***йа*** *<u>бажéсвенна</u> <u>аста́лшы</u>, давно́* ***фси*** *<u>вмёршы</u>* ЕГЯ;

И *она* уже (к тому времени) состарилась, и она не имела родственников, кто-то где-то построил ей домик, жила одна, вроде, у нее никого не было. Говорит, что *я* осталась божественной (монахиней), *все родные* давно умерли.

(21) *Где* ***ста́рыи*** *<u>пало́жън</u>, туда́ и мълады́х кладу́ть* ЕНМ

Где похоронены *старые* (т. е. родители), туда, в ту же могилу, хоронят и молодых (т. е. их детей): положение дел на городском кладбище)

и подлежащие, выраженные другими способами, в наших примерах прежде всего – количественными сочетаниями (неканонические подлежащие):

(22) ***Нас пятера*** *<u>аста́лшы</u>* ЕНМ;

(23) ***Вво́лю синяко́w*** *<u>пано́шън</u>* ЕНМ

Сколько хочешь синяков было (или: поносила за всю жизнь, букв. *поношено*);

(24) *А* ***нас*** *там <u>сагна́н</u>* ***наро́ду по́лные дьве́ дере́вни*** ЕИИ

А нас там согнали полные две деревни народу;

(25) *А эф там* ***ки́п навязано мно́гу****! А, там* ***ки́п мно́гу наки́дано*** ЕГЯ

А вон там **навязано/навязали** <u>много кип сена</u>.

К неканоническим подлежащим можно отнести случаи выражения объекта **Р. падежом** в конструкциях со страдательными причастиями (*Нам* ***льгот*** *не дан,* ***Чего-то*** *накидано,* см. примеры ниже).

Широко представлены *<u>перфектные конструкции без подлежащего</u>* в И. падеже («безличные») (примеры 9—13, а также 20, 39—45):

(26) *Вот туды́ к Макси́михе, там тапе́рь* ***заро́шшы*** (там сейчас (всё) **заросло**) ЕГЯ;

(27) *А в дяре́вни наро́ду нет,* ***вбе́кшы*** *з дамо́ф* (А в деревне народу нет, (все) **убежали** из домов — эллипсис подлежащего?) ЕНМ;

(28) *Тябе́* ***аста́лшы*** *жы́ть нямно́га* (тебе **осталось** жить немного) ЕГФ;

(29) *Тебе́* ***зде́лънъ*** (На тебя **навели** порчу) ЕГФ;

(30) *И в до́м'е* ***зала́мано*** (и в доме (всё) **заставили/заставлено** мебелью) ЕГЯ.

(31) *У м'ан'а́* ***вы́ръбътън****, йа рабо́тъла ф калхоз'е* (Я **выработала** (стаж), я работала в колхозе) ЕГЯ.

2.2. Падежное маркирование субъекта и объекта.

Семантический субъект в конструкциях с предикатом — *действительным причастием* обычно выражается И. падежом (примеры 1—2); субъект состояния может быть выражен и Д. падежом:

(32) *А **мнé** и сóн был сасни́лшы* (**Мне** приснился сон) ЕНМ.

В перфектных конструкциях со *страдат. причастиями* изредка субъект выражен Т. падежом:

(33) *Фс'ó нажы́т **самóй*** (Всё **сама** нажила) ЕГФ.

Регулярно субъект (агенс) выражается сочетанием «предлог *у (в)* + «родительный-местный» падеж». «Родительно-местный» падеж с предлогом *у (в)* представлен флексиями, совпадающими с Р., в ед. числе, и флексиями, совпадающими с местным падежом, — во мн. числе; во мн. числе, однако, для различения Р. и М. релевантны только формы существительных. Контаминация окончаний Р. и М. у именных/местоименных форм при предлоге *у,* несомненно связана с фонетическим совпадением предлогов *u и *vъ; это явление отмечается во всех псковских (ссылка) и многих других русских говорах, где имеет место фонетическое неразличение этих предлогов. Например, в южнорусских воронежских говорах (Собинникова; Черенкова); точные ареалы этого явления неизвестны.

(34) *Ета фсё **в йавó** былъ акóшена* ЕГЯ

Это всё **он** (тогда) выкосил;

(35) ***У мяня** вы́ръбътън, йа рабóтъла ф калхозе* (**Я** выработала (стаж), я работала в колхозе) ЕГЯ.

(36) *Хоть бы адин струк асталшы, фсё уже **w крысах** ъбмълóчън* ЕГФ

Хоть бы один стручок гороха остался, всё уже обмолотили **крысы**;

(37) *Мáмка гвари́ть анá в Стрéлине, там **ф пъртизáнъх** зан'áта* ЕГФ

Мама говорит: она в Стрелине, там (ее) захватили **партизаны**

Вопрос о том, выражен ли в приведенных конструкциях (примеры 15—20) агенс или посессор, мы здесь не рассматриваем. Между тем, применительно к рассматриваемым конструкциям в типологической литературе встречается термин «посессивный перфект»: Плунгян 2016: 27, но есть, разумеется, и более ранние источники: Типология результативных конструкций, Трубинский). В связи с этим отметим, что в опочецких говорах при предлоге *у (в)* «родительно-местный» представлен независимо от значения, например, в посессивных конструкциях (примеры 38—41) это сочетание маркирует посессора:

(38) *Вот такú делá **в бáбе*** ЕНМ

Вот такие дела **у бабы**;

(39) *А ф прóшлъм гаду́ — ой, **ва фс'и́х** мнóга йáблък* ЕНМ

У всех много яблок;

(40) *Раньшы цыгáни — бы́л **у них** важáк, **в цыгáнех**, ф тáбъре*

Раньше цыгане – был **у них** вожак, **у цыган**, в таборе ЕНМ;

(41) *А ду́мають, **ф пиньсианéрах** дéньги*

А думают, что **у пенсионеров** есть деньги ЕИИ;

Аблативное значение в следующем примере:

(42) *Куплю бáнку мълакá **в сасéда*** ЕНМ.

Изоглосса конструкции у+родительный, маркирующей агенс (субъект), показана И.Б. Кузьминой (**фиолетовая** на нашей карте 1).

В интересующей нас зоне она входит в относительно толстый пучок синтаксических изоглосс (разумеется, и изоглосс явлений других уровней), отделяющий опочецкие говоры Псковской группы от «южнопсковских» (белорусских по Дурново и Карскому).

Само возникновение этого типа конструкций – очень раннее где-то в новгородско-псковской зоне, ср. знаменитый пример из берестяной грамоты № 607/562, третья четв. XI в., который А.А. Зализняк интерпретирует как перфектную конструкцию:

Жизнобоуде погоублене у сычевиць (Зализняк 2005: 245).

Отметим специально в этом примере Род. мн., а не местн. Однако распространение этой конструкции в говорах, очевидно, относится к более позднему времени, в частности на смоленско-полоцкую территорию, или на территорию Великого Литовского княжества оно совершенно не заходит, зато полностью повторяет границы последнего на определенном участке. На северо-восточных территориях (Вологодская, Архангельская обл.) эта конструкция, очевидно, с определенностью указывает на «новгородский (и псковский) вклад» в образование соответствующих говоров.

2.3. Семантический объект (в конструкциях со страдательным причастием) обычно выражается И. падежом, и никогда - В. (примеры вроде **Корову подоено*, известные в восточноновгородских говорах, в Опочке отсутствуют). Но отмечены случаи выражения прямого объекта Р. падежом — в отрицательных конструкциях (пример 27) и при выражении количества (пример 28); эти случаи в аспекте нашей темы ничем не отличаются от конструкций с неканоническим подлежащим.

(43) *Эсли п не ба́пки, уш* ***я*** *давно́* ***захаро́нен бы́ла*** ЕГФ

Если бы не бабки (знахарки), **меня бы** уже давно **похоронили**;

(44) *Не, нам* ***льго́т не да́н*** ЕНМ

Нет, нам **не дали льгот**;

(45) *Пагляжу́ — и тапе́рь фсё в мяня* ***каво́-то нары́то****; там фсякии кака́я-то то́ча бы́ла ра́ньше, тка́ли ставы́ бы́ли,* ***то́чы*** *како́й-то* ***нало́жънъ****, падру́шники каки́е-то и сеча́с ста́рые.* ***Каво́-ту нары́то*** *туды* ***фсяво́****, фсячына* ЕГЯ

Посмотрю — и сейчас всё у меня чего-то **накидано** (в сундуке), там всякие — какая-то раньше была точа (полотно), в те времена ткали ставы — **наложено** какой-то точи, полотенца какие-то старые и сейчас. Чего-то **накидано** туда всего, всячина.

2.4. Формы глагола-связки. В большинстве примеров связка — в изъявительном наклонении, наст. или прош. времени; буд. время не зафиксировано. Есть примеры перфекта сослагательного наклонения.

В прош. времени (и сослагат. наклонении) связка всегда согласуется в роде и числе с подлежащим.

Нужно заметить, что формы связки ж. и ср. рода различаются в очень редких случаях: они имеют одинаковое ударение на корне или частице *не*: {бы́ло, бы́ла}{не́ было, не́ была}, а в говорах имеет место факультативная редукция конечного /о/.

В этой форме редукция представлена в 9 примерах [бы́лъ], бы́ла], лишь в 3 – [бы́ло, не́ было]. В др. формах прош. времени ср. рода у Евф. [о] встречается чаще.

(46) *Ну* ***ате́ц*** *приме́рна* ***был*** *как-тъ* ***устро́илшы*** *— сплав гна́ли лес па ряке́* ЕНМ

Отец (тогда) вроде как-то устроился (на работу) – лес сплавляли по реке;

(47) *А* ***он*** *семиме́сичный* ***был ро́жена, был приве́зена*** ЕГФ

А его (внука) родила семимесячным и привезла;

(48) *И* ***нага́ бы́ла сла́ман*** ЕНМ

Ногу тогда сломала;

(49) ***Бы́ла*** *разби́лшы,* ***пъзвано́чник разби́т был*** *весь. Вот тут бальшу́шшы* ***ко́стки бы́ли вы́ръшшы*** ЕГФ

Я тогда разбилась, разбила весь позвоночник. Вот тут выросли большие косточки;

(50) *У йой* ***лицо́*** *фсё* ***бы́лъ*** *туда́* ***пиривернулшы*** ЕГФ

У нее всё лицо перекосилось набок.

В случае неканонического подлежащего или при отсутствии подлежащего (в безличных конструкциях) связка имеет форму ср. рода.

Конструкции с подлежащим, выраженным количественным сочетанием:

(51) *Ско́льки-то вод даду́ть тябе́ со́тог жжать, вот свякро́ви* ***бы́ло*** *там ско́лке-то* ***да́д'ин*** *со́ток* АЯЕ

свекрови тогда сколько-то там **дали** соток;

(52) *w мяня* ***былъ насу́шан*** *два́ мяшка́ сухаре́й яму́* ЕГФ

Я тогда **насушила** ему два мешка сухарей.

Безличные конструкции:

(53) *А я вот уже по́сле вайны́, со́рък чатьвёртъй гот, уже* ***ъсвъбаждён бы́ла****, а я уже зямлю капа́ла* ЕНМ

А я вот уже после войны — 44-й год, уже **освободили** — а я уже копала землю;

(54) *А е́тъ ярмънки,* ***бы́лъ не спа́лшы*** АЯЕ

А это (когда) праздничные гуляния — (тогда) **не спали**;

(55) *Яблъки вязли́ тут в Бараба́нах — то́же* ***бы́лъ пиривярну́лшы*** ЕНМ

Яблоки везли тут в Барабанах — (в тот раз) тоже **перевернулись**.

2.5. Формы страдательных причастий. Страдательные в части примеров согласованы с подлежащим в роде и числе, а в части примеров согласование отсутствует. В случае отсутствия согласования с подлежащим (как и в случае отсутствия подлежащего и при неканоническом подлежащем) страд. причастие может иметь одну из двух форм: форму, совпадающую с формой ср. рода (*про́дано, про́данъ*) или с формой м. рода (*про́дан*). Последние, видимо, развиваются из форм ср. рода в результате усечения конечного гласного.

Несогласованные формы *н/т*-причастий картографированы И.Б. Кузьминой (наша карта – *но, то,* ДАРЯ – *н, т*).

Помимо морфо(но)логического варьирования, в говоре имеется *фонетическое варьирование*: в конечных заударных слогах имеется факультативное оканье и ёканье, более последовательные на Иссе. Правила редукции в безударных слогах – также одна из «эксклюзивных» опочецких изоглосс. В результате в говорах наблюдается очень большое варьирование форм причастий, с некоторым трудом поддающееся интерпретации.

При подлежащем м. рода:

(55) *Ф камо́т* ***фк'и́нът*** *па́спърт* ЕГЯ (согласованная или несогласованная усеченная форма причастия);

(56) ***Мага́з'ин закры́тъ****, а е́ты ж къбак'и́ ден' и но́т таргу́йут'* ЕНМ (несогласованная неусеченная форма с редукцией конечного /о/);

При подлежащем ж. рода:

(57) *Зъплат'и́л за е́ту машы́ну, зад'в'и́нъл'и гроп, пайе́хъл'и,* ***маг'и́ла вы́къпън****, апус'т'и́л'и, закъпа́л'и и пашл'и́* ЕНМ (несогласованная усеченная форма);

(58) *Вот и́хнайа* ***до́чка*** *маи́м рабо́тникъм и йес', з зашшы́т'е* ***да́на*** ЕНМ (согласованная форма или несогласованная неусеченная форма с редукцией конечного /о/);

При подлежащем ср. рода (аналогично при отсутствии подлежащего):

(59) *Што́-н'ибут' е́то и фс'о́ так, ышше й н'и* ***забы́то*** ЕГЯ;

(60) *Т'ап'е́р'* ***з'д'е́лънъ фс'о*** *н'ь па-мо́йьму, фс'о па-сво́йиму* ЗИИ;

(61) *Сквоз'н'а́к –* ***акно́ аткры≅т*** ЗИИ;

При подлежащем мн. числа:

(62) ***Каро́вы пр'ив'а́зан****, ну как г б'ер'о́ск'и, на це́п'и* ЕНМ (несогласованная усеченная форма).

(63) *Вот в Бърабанъх и* ***дама́ ку́пл'ена*** ЕНМ (несогласованная неусеченная форма с редукцией конечного /о/ или расширение конечного [ы]).

(64) ***З'д'е́лъны*** *к е́тым лапт'а́м такийе* ***ву́шы****, с ни́тък* ***спл'е́т'ена****, нъзыва́йуццъ або́ры, вот тагда́ зам'ета́еш вакрук но́к, и пашо́л ф по́л'е.* ЕНМ.

При отсутствии подлежащего:

(65) *Мнé* ***бы́ла здéлана*** ЕГФ (На меня навели порчу, букв.: *мне было сделано*);

(66) *Ф Филёве* ***бы́лъ*** *у нáс* ***пýщен****… ну, вот тáк аннá пълавúнъ, тут сéни, а тут в другóй пълавúне жы́ли дéдушкъ з бáбушкъй, а тáйа пълавúна бы́ла дáден нам ну, звáли рáньше избá-читáльня, мы хадúли тудá гуляли вот* АЯЕ

(67) *Кавó-ту* ***нары́то*** *туды фс'авó, фс'áчына* ЕГЯ

Здесь приведены примеры с основными фонетическими завершителями причастных форм. Обращает на себя внимание то, что конечный безударный [о] в этих примерах причастных форм встречается только при подлежащем ср. рода или отсутствии подлежащего (всего 8 примеров у ЕГЯ и 1 у ЕГФ). Подобную картину с [о] наблюдала и Морозова, однако у нее конечный *о* причастной формы зафиксирован еще и при подлежащем мн. числа.

Попытка количественно оценить вариативность форм страдательных причастий представлена в след. таблице. В скобках указано общее число примеров.

	% несогласованных форм на ***-нV,*** подлежащее м. рода	% несогласованных форм на ***-н,*** подлежащее ж., ср., мн.	% несогласованных форм на ***-н,*** безличные предл.
ЕГЯ1927 Марфино	13 (8х)	16 (25х)	22 (9х)
ЕГФ1929 Сорокино	33 (6х)	38 (24х)	33 (12х)
ЕНМ1928 Барабаны	25 (12х)	47 (45х)	80 (5х)
ЗИИ1935Кадниково	13 (8х)	55 (11х)	25 (4х)
АЯЕ1938 Глубокое	50 (2х)	92 (28х)	100 (3х)

Количественное распределение вариантов у информантов различно и, по-видимому, коррелирует с возрастом.

Формы причастий типа *сделан* независимо от наличия/отсутствия подлежащего или его формы подлежащего преобладают у самой младшей информантки АЯЕ 1938 г. р. Идиолекты ЕНМ и ЗИИ близки в отношении употребления форм страдат. причастий. В целом меньше релевантных несогласованных форм у ЕГЯ и ЕГФ.

Выводы. Смешанный характер опочецких говоров в том, что касается причастных форм и конструкций, проявляется в том, что они совпадают с белорусским ареалом в отношении строгого распределения залоговых форм причастий относительно переходности глаголов. БОльшая часть русских говоров, которым известны формы перфекта, такой строгой зависимости не имеют. С другой стороны, опочецкие говоры отличаются от белорусских и совпадают с русскими в том отношении, что им свойственны «посессивные» перфектные конструкции – с предикативным страдательным причастием и маркированием субъекта/агенса сочетанием предлога *у*+Род./местн. падеж. Яркой чертой опочецких форм перфекта является наличие несогласованных с подлежащим форм страдательных причастий на *но, то* и на *н, т.* Первые широко распространены, практически повсеместно в русских говорах с перфектом, вторые образуют компактный ареал на северо-западе. Южные границы распространения тех и других совпадают друг с другом, а также в целом с границей южнорусских (южнопсковских) и говоров Псковской группы; в то же время они практически совпадают с юго-западной границей конструкции *у+род.* Территорией распространения опочецких перфектных конструкций, тем самым, является небольшой зазор между северной границей систем выражения перфекта белорусского типа и мощным пучком изоглосс,

образующих южную границу распространения синтаксических явлений, свойственных северо-западным и северным говорам русского языка.

Литература

ДАБМ – Дыялекталагічны атлас беларускай мовы. Карты. Мінск, 1963.

ДАРЯ – Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР. Вып. I. Фонетика. М., 1986. Вып. II. Морфология. М., 1989. Вып. III, часть 1. Лексика. Минск, 1997. Вып. III, часть 2. Синтаксис. Лексика. Минск, 2000.

Захарова, Орлова 1970 – К.Ф. Захарова, В.Г. Орлова. Диалектное членение русского языка. М., 1970.

Дьяченко и др. 2017 – С.В. Дьяченко, Е.Г. Жидкова, А.В. Малышева, Р.В. Ронько, А.В. Тер-Аванесова. Экспедиция в Опочецкий р-н Псковской обл. // Русский язык в научном освещении. М., 2017. Вып. 2.

Зализняк 2004 – А.А. Зализняк. Древненовгородский диалект. М., 2004.

Карский 1903 – Е.Ф. Карский. Этнографическая карта белорусского племени. СПб., 1903.

Кузьмина, Немченко 1970 – И.Б. Кузьмина, Е.В. Немченко. Синтаксис причастных форм. М., 1970.

Морозова 2004 – Несогласованные пассивные конструкции в говорах под Опочкой на Псковщине // Материалы и исследования по русской диалектологии. Вып. II (VIII). М., 2002. С. 185-207.

Морозова, Чекмонас 2004 – Две заметки о причастных формах в Псковских говорах под Опочкой // Материалы и исследования по русской диалектологии. Вып. II (VIII). М., 2002. С. 159-167.

Николаев 1988, Николаев 1989 – С.Л. Николаев. Следы особенностей восточнославянских племенных диалектов в современных русских народных говорах. 1. Кривичи // Балто-славянские исследования 1986. М., 1988. Балто-славянские исследования 1987. М., 1989.

Опыт – Н.Н. Дурново, Н.Н. Соколов, Д.Н. Ушаков. Опыт диалектологической карты русского языка в Европе с приложением очерка русской диалектологии. М., 1915.

Плунгян 2016 – В.А. Плунгян. К типологии перфекта в языках мира // Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. Т. XII, часть 2. Исследования по теории грамматики. Вып. 7. Типология перфекта. СПб., 2016.

Трубинский 1984 – В.И. Трубинский. Очерки русского диалектного синтаксиса. Л., 1984.

Чекмонас 2004 – В.Н. Чекмонас. Заударное оканье в псковских говорах под Опочкой // Материалы и исследования по русской диалектологии. Вып. II (VIII). М., 2002. С. 36-57.

Приложение

<u>Глаголы, от которых в опочецких говорах зафиксированы *н/т*-причастия в перфектных конструкциях</u> (в алфавитном порядке корней)

прибить (приколотить молотком) (*Даска приби́та и этът гилёк приби́т;* пр’иб’и́д даска́ вот так к’ с’т’е́нк’е.)

пробить (*изба́ къ́к р’ишато́ была праб’и́та*)

разбить (*пъзвано́чник разби́т был весь*)

подбить (*Жал’е́знъи но́шк’и, там р’аз’и́на падб’и́тъйа.*)

собрать (*Фс’о́ сабра́н.*)

выбрать (*жыры́-та фс’и́ вы́брана*)

бросить (*к’и́ндъры у на́с бро́шънъ вот, ра́во бро́шънъ вот там, бру́дъры*)

забыть (*Што́-н’ибут’ е́то и уфс’о́ так, ышше й н’и забы́то.*)

позабыть (*а в м’ан’а́ ужо ка́к пъзабы́тъ*)

привезти (*он… был приве́зена*)

отвести (*Там бы́лъ вот така́йъ пло́ш’ът’ ътв’ад’о́н*)

развести (*ръзв’ад’о́на кака́йа-н’т’ ка́шыцай*)

провести (*Мн’е вада́ прав’е́д’ьн, и в ба́н’у прав’е́д’ьн, и в ъгаро́т.*)

подвесить (*падв’е́шън така́йа была… па́лка бал’шу́ннъйа, ла́ннъйа; Па́лка, и к’ийо́к падв’е́шън на па́лку*)

повесить (*така́йа ба́нъч’ка пав’е́шън, штоп т’акла́ смалу́ в е́ту; Так ла́мпа пъс’ар’о́т стала́ пав’е́шън нът… нът сталóм, а мы фс’е круго́м стала́. Ла́мпа гд’е́-н’ит’ вот так пав’е́шън ф пъталку́, а мы гул’а́им; на н’и́тк’и пав’е́шън*)

навязать ‘много связать’ (*А еф там к’и́п нав’а́зъно мно́гу!*)

привязать (*Каровы прив’а́зан; в’ар’о́wка пр’ив’а́зън; па́лка пр’ив’а́зан*)

привезть ‘привязать’ (К э́тъй зы́пк’е бы́лъ пр’ив’е́з’ьн така́йа апу́т’инка,)

выгнать (*Н’и ра́зу н’е́ был вы́гнът с рабо́т’е.*)

прогореть НЕПЕРЕХОДН. (*згаро́да мал’е́н’ка бы́ла пръгар’о́н*)

загородить (*Бы́ла згаро́тка зъгаро́жън*)

наготовить (*х’е́на нъгъто́вл’ен*)

грузить (*И машы́на бы́ла гружо́на*)

загрузить (*машы́на загружо́на, йа и н’е зна́йу што машы́на бал’ша́йа зъгружо́н.*)

дать (*л’готы да́н*; *л’го́т н’е да́н*; *усло́в’ийе да́нъ; Дан* (помощница); *з зашшыт’е да́на; чълав’ек дан* 2х; *У ней дар w бога да́н был; Агаро́ды бы́л’и да́ны, з’амл’у́ ъбраба́тывъл’и;* св’акро́в’и бы́ло там ско́лк’ъ-то да… да́д’ин со́ток;)

продать (*дама́ про́дъны; Дом ф Пар’а́д’ин’е и с’ечá́с, н’е про́дана*)

отдать (*И мн’е́ бы́л’и адда́ны.*)

одеть (*Та́н’къ пъшла́, у какуйу пла́т’йе ъде́та,*)

сдеть ‘снять’ (одежду) (*руба́ха бы́ла з’д’е́та,*)

наделать (*гърад’и́ны над’е́ланъ*; *камо́ры над’елънъ; Вада́ над’е́лъна два катла́; ст’а́гъвъл’и про́въл ъкуй ал’ еты гът’аны́ как над’е́лъны,*).

приделать (*кр’учк’и́ пр’ид’е́ланъ*)

сделать ‘сделать’, ‘навести порчу’ (*З’д’е́лъны ву́шы; зд’е́лън згаро́да; като́мка бы́лъ з’з’е́лъна; Мн’е́ бы́ла з’д’е́лънъ. Тебе з’д’е́лънъ т’аб’е аста́лшы жы́т’ н’амно́га; Д’евк, т’аб’и з’д’е́лънъ и зна́иш с’ильнъ кр’епкъ ззелънъ; фс’о, фс’о з’д’е́лън; Ана́ з’д’е́лън гла́д’ин’къа-*

гла́д'ин'къа; Лапа́та така́йа бы́ла з'д'е́лън; Так'и́и мълат'и́лк'и бы́ли з'д'е́лан с па́лк'и, У ма́м'е бы́л'и так'и́и п'а́лы з'д'е́лън; на е́ту па́лку бы́л'и наб'и́д гво́з'д'ик'и; рукавы́ вот таг бы́л'и з'д'е́лън; И бы́л'и так'и́и ја́ш'ш'ик'и з'д'е́лън – па сто́ к'илъгра́м)

проесть (*уш маи сухар'и фс'и прайе́д'ина*)

сжечь (*фс'и с наро́дом бы́л'и съжжо́н; та́м жъ с наро́дъм бы́лъ сажжо́н; фс'и… сажжо́ны, и фс'и наро́т сажжо́ный был;* фс'о́ сажжо́н, Л'а́т'и сажжо́н;)

нажить (*Фс'о нажы́т само́й*)

накачать (*Фс'агда́ вада́ нака́чънъ.*)

накидать (*Белай во́тка и накида́н кар'енйа; А, там к'и́пъ мно́гу нак'и́дано*)

вкинуть (*Ф камо́т фк'и́нът па́спърт; шматы́ фс'о фк'и́нуты в е́тъм сундук'е́*)

накласть (*уже два́ м'ашка́ накла́д'енъ,*)

выкопать (*маг'и́ла вы́къпън*)

окосить (*етъ фс'о у йаго́ былъ ако́шънъ*)

выкосить (*А веγ'д'е́ бы́ла н'е вы́къшена; И w на́с бы́лъ вы́къшъна*)

закрыть (*Мага́з'ин закры́тъ, а е́ты ж къбак'и́ ден' и нот таргу́йут'*)

покрыть (крышей) (*ба́йн'а… пакры́та,*)

купить (*дама́ ку́пл'ена; до́м ку́пл'ен* 2x; *А сунду́к у ма́м'е ку́пл'енъ,* то́же ку́пл'ина е́тъд дом; гармо́н' бы́ло ку́пл'инъ,)

откупить 'выкупить' (*дама́ атку́пл'ен*)

вылить 'отлить' (*И вы́л'ит тако́й бал'ше́ннъй стука́н*)

влить 'вмуровать' (*и он туда́ вл'и́т*)

наложить (*то́чы како́й-то нало́жънъ; Ут така́йа ка́м'инка и нало́жън ка́мн'и*)

положить (*ста́рыи пало́жън*)

обложить (*Кирп'ичом он абло́жън; тока он к'ирп'ичо́м абло́женъ*)

сложить (гумно́ бал'шо́йе, и там сло́жын п'е́ч'ка.)

заломать 'заставить вещами' (*Дъ и <u>зала́маны</u>, и в до́м'е зала́мано.*)

сломать (*нага́ бы́ла сла́ман; рука́ сло́ман* 2x; *же́н'ш'ш'ины, като́райа с'ид'и́т нага́ сло́мънъ.*)

наметить (*Фс'о́ в йово́ нам'е́чоно.*)

обмолотить (*фс'о уже w крыса́х ъбмъло́чън*)

намотать (*основа нама́тънъ, ни́тка нама́тънъ*)

вынести (*вы́н'ес'ен он <u>ф къл'идо́р'е</u>.*)

поносить (*Вво́л'у с'ин'акоw пано́шън*)

напарить (*С'в'о́кла напа́р'ен*)

записать (*ф па́спър'т'и бы́лъ зап'и́сън,*)

выписать (*мн'е́ ш вы́п'исън ачк'и́*)

сплести (*с ни́тък спл’е́т’ена; он спл’е́т’ан*)

заполнить (*чу́т’ што н’а по́лный был запо́лн’ен,*)

выполоскать (*вы́пълъскън нъ р’ак’е́ платно́*)

отправить (*жо́нка ва Псков бы́ла атрпра́вл’ена*)

пустить (*Ф Ф’ил’о́в’е бы́лъ у на́с пу́ш’ш’ън*)

выработать (*У м’ан’а́ вы́ръбътън, йа рабо́тъла ф калхоз’е*)

срезать (*трава́ с кар’н’а́ ср’е́зън*)

прорезать (*вото так прар’е́занъ*)

родить (*он - семимесичный был ро́жена,*)

разрушить (*разру́шън ц’ерквы; д’ир’авн’а́ по́лнъс’т’йу разру́шана;*)

нарыть ‘набросать’ (*фс’о́ у м’ан’а́ каво́-то нары́то; каво́-ту нары́то туды фс’аво́,*)

посадить (*в на́с давно́ паса́жена йана́; В Въдаб’е́г’ъ был паса́жын турн’е́пс, вон туд бы́лъ и капу́ста паса́жын, и марко́wка паса́жын*)

освободить (*уже ъсвъбажд’о́н бы́ла*)

прислать (*бы́лъ пр’исла́н в ызбу́-ч’ита́л’н’у э́та*)

разослать (*Фс’и пъ гърада́м разо́слъна*)

заставить (мебелью) (*там фс’о́ заста́вл’ено*)

поставить ‘построить’; ‘поставить’ (*ба́йн’а пъста́вл’ъна, гроп пъста́вл’ен; А у меня накно был паста́влен; Бы́л’и так’и́и жо́рны ф сара́йе паста́вл’ин, Атм’е́ткъ уже́ паста́вл’ън;*)

оставить (*фх’и́ там ф ц’ер’к’и аста́вл’енъ,*)

построить (*е́та (церковь) па но́вай пастро́йена. Ета н’ада́внъ пастроън, патом ешчо́ адна пастро́ън*)

настроить (*дама́ настро́ена*)

судить (*Зна́чыт су́жъна та́к, вот ы мн’е́ так су́жъна*)

насушить (*w м’ан’а́ был насу́шън два́ м’ашка́ сухаре́й йаму́*)

натереть (*С’в’о́кла… на т’ортку нат’о́рт*)

потерять (*ухо́ пат’е́р’ено, гла́с пат’е́р’ен*)

соткать (*йа ду́му йе́с’ саткáны када хо́ш пълат’е́нцы.*)

стопить ‘истопить’ (*ба́н’а там сто́пл’ена,*)

приучить (*син пр’иву́чън в м’ан’а́*)

захоронить (СОСЛАГАТ. *уж йа давно зъхаро́нен бы́ла*)

сохранить (*фс’е́ съхран’о́на*)

начинить (*п’ираг’и́ нъчын’о́на; начы́н’ън, етъ п’ираг’и́*)

вычистить (*ф т’аб’а́ так н’икада́ н’е́ было вы́чышшън, как йа́ вы́чыс’т’ил кат’о́л.*)

сшить (*Мн’е и пал’то́ од бы́ло з’и́мн’ийо шшыт.*)

взять (*аднá бы́ла вз’’áта; йа чытáла бы́ла вз’áта*)

занять ‘захватить в плен’ (*анá в Стр’éл’ин’е, там с… ф пър’т’изáнъх зан’áта*

Глаголы, от которых зафиксированы *ш*-причастия в перфектных конструкциях.

помереть (*пам’óршы* 13х)

умереть (*ум’óрше, вм’óршы* 3х)

погибнуть (*паг’и́пшы*)

привыкнуть (*пр’ивы́кшы*)

притихнуть (*пр’ит’и́хшы*)

вмёрзнуть ‘намертво вклеиться’ (*вм’óршшы*)

примерзнуть (*пр’им’éршшы*)

засохнуть ‘заснуть’ (*засóхшы*).

околеть ‘замерзнуть, потерять чувствительность от холода’ (*ноги ъкал’éлшы*)

заболеть (*зъбал’éлшы* 2х)

подгошить ‘исхудать’ (*пъдгашы́лшы*).

сгореть (*н’е згар’éлшы*)

выгореть (*вы́гър’елшы*)

вырасти (*вы́ръсшы* 2х)

зарасти (*зарóшшы* 3х)

подрасти (*падрóшшы*)

расцвести (*рас’ц’в’óлшы* 2х).

приехать (*прийéхълшы, прийéхафсы* БР, *прийéхафшы* Б 10х)

отъехать ‘отодвинуться’ (*атйéхълшы*)

съехать ‘съездить, уехать’ (*с’йéхълшы*)

уехать (*вйéхълшы* 5х)

пройти (*прашóччы*)

прийти (*пр’ишóччы* 6х)

перейти (*п’ир’ешóтшы*)

выйти (замуж) (*вы́шетшы* 4х)

найти ПЕРЕХОДН.! или найтись (*Мам, бы́л у тея дóш? – Да так, тока н’ескълка кáпл’ей в в’адр’е нашóччы*).

прибечь (*прибéкшы*)

убечь (*вбéкшы*)

спать (*н’е спáлшы*)

есть ПЕРЕХОДН.! (деепр. об.? *тó ли йéлшы, тó ли н’е йéлшы*).

выпить ПЕРЕХОДН.! ‘выпить, стать пьяным’ (*вы́п’илшы*)

остаться (*аста́лшы* 16х).

сделаться ‘стать’ (*з’д’е́лалшы*),

разойтись ‘распространиться’; ‘разболеться’ (*ръзъшо́ччы* 2х)

собраться ‘сойтись’ (*сабра́лшы*)

нагнуться (*нагну́лшы*)

закрыться ‘запереть дверь, запереться’ (*закры́лс’и*)

разбиться ‘ушибиться’ (*разби́лшы*)

поколоться ‘покрыться трещинами’ (*пъкало́лшы*)

расколоться ‘покрыться трещинами’ (*ръскало́лшы*).

переправиться ‘потолстеть, поправиться’ (*п’ер’апра́в’илшы*)

замазаться ‘испачкаться’ (зама́зълшы)

скорнуться ‘согнуться, скрючиться’ (*ско́рнулшы*)

прозабыть ПЕРЕХОДН.! или прозабыться? (*Та́к уже йа́ пръзабы́лшы*)

состариться (*саста́р’илшы*)

договориться (*дъгъвар’и́лшы*).

устроиться ‘устроиться на работу’ (*устро́илшы* 2х)

заняться (*зан’а́лшэ фс’о д’алам*)

развалиться (*ръзвал’и́лшы*).

отвалиться (*атвал’и́лшы*)

настояться (*нъстайа́лшы*)

явиться не запылиться (*йав’и́лшы н’и запыл’и́лшы*).

спрятаться (*спр’а́тълшы*).

привязаться ‘пристать, вести себя навязчиво’ (*пр’ив’аза́лшы*)

родиться (*рад’и́лшы* 2х)

сосниться ‘присниться’ (*со́н был сасн’и́лшы*)

перевернуться (*п’ир’ив’арну́лшы* 2х).

расстроиться ‘расстроиться, настроить много домов’ (*расстро́илшы*)

О. Ф. Жолобов
Казанский (Приволжский) федеральный университет
(Казань, Россия)
ozolobov@mail.ru

Диагностические глагольные формы в древнерусских паримейниках и Толстовском сборнике XIII в.[11]

Диагностические единицы – лексические, морфологические, фонетические русизмы – играют важную роль в исторической русистике. Не менее значимы также конфигурации распределения в древнерусских источниках таких диагностических форм претеритов, как простой и сигматический аорист от инфинитивных основ на согласный, аорист с добавочным окончанием *-тъ*, простые претериты 2-го л. ед. ч., имперфект с первичными окончаниями в 3 л. ед. и мн. ч., имперфект совершенного вида, перфект 3 л. с нулевой и ненулевой связкой. Такой мегатекст, как Толстовский сборник XIII в., представляет объемный диахронический срез универсальной грамматики, включающей, наряду с глубокими архаизмами, модернистские проявления – образования, современные созданию памятника. Внутри мегатекста диагностические формы претеритов распределены чрезвычайно неоднородно. Причины этого коренятся в генетической и дискурсивной разнородности текстов, характере их внутренней структурированности, а также глубиной языкового горизонта авторов или переводчиков.

Недавний опыт исследования переводческой деятельности в домонгольской Руси показал, что она опирается на некую транскультурную мегаграмматику, единицы которой по-разному реализуются и распределяются в конкретных текстах, при том что те или иные граммемы генетически соотносятся с несколькими центрами книжности и, по существу, воспроизводят диалектные различия в праславянском, а кроме того, в ряде случаев зависят от греческих источников. А. А. Пичхадзе выделяет в этом своем исследовании раннедревнерусских переводов следующие типы глагольных форм, которые определяют классификацию группировок текстов, так что данные типы форм следует считать диагностирующими: (1) аорист с приращением -тъ, -сть, (2) аорист рэхъ, рэша, (3) имперфект на -шета, -шете, (4) формы дв. числа на -те, (5) формы вэмь и вэдэ, (6) перфект, (7) перифрастический прохибитив, (8) сослагательное наклонение в целевых и косвенно-побудительных предложениях (см. [Пичхадзе 2011а: 347–349 и др.]). Данные типы форм вместе с тем характеризуют и оригинальные древнерусские тексты, к показаниям которых А. А. Пичхадзе в своем исследовании также эпизодически обращается. Это лишний раз подтверждает транскультурный характер средневековой книжной грамматики в целом. Приведенный перечень диагностических глагольных форм, несомненно, должен быть расширен. В него должны быть включены (9) формы перфективного имперфекта и (10) формы 2 л. ед. числа простых претеритов, как это сделано А. А. Зализняком в исследовании «Слова о полку Игореве» (см. [Зализняк 2008б: 94–114]). Диагностической значимостью при классификации текстов обладают (11) формы простого и (12) сигматического аориста от основ на согласный, (13) имперфекты 3 л. с добавочным окончанием -ть, (14) имперфекты с отменой чередования в основе, а также (15) формы нулевого презенса, (16) praesens historicum и (17) супин (см. [Жолобов 2016а; Жолобов 2016б; Жолобов 2016в; Жолобов 2016г; Жолобов 2017: 122–126, 146–155; Крысько 2014; Крысько, Мольков 2017; Мольков 2017а; Мольков 2018б; Страхова 2011; Žolobov 2016]). Малоизученным остается диагностический статус (17) причастных форм (см., в частности, новые данные в работах [Мольков 2017б; Пичхадзе 2011б; Пичхадзе 2016]). Нередко определяющее значение при классификации текстов принадлежит количественно-статистическому статусу тех или иных грамматических форм.

Общая мегаграмматика XIII в. объемлет все наличные формы, встречающиеся в рукописных источниках этого времени. Наряду с нейтральными формами, она включает

[11] Исследование выполнено при поддержке РФФИ (проект № 18-012-00428).

целый ряд диагностических единиц, которые содержат дополнительную лингвистическую, лингвотекстологическую или культурную информацию, помимо собственно грамматической.

Ярким примером таких единиц являются формы простого аориста. Простой аорист, как известно, восходит к формам индоевропейского безаугментного имперфекта, т.е. инъюнктива (см. [Елизаренкова 1982: 281–283; Мейе 1951: 199, 203; Семереньи 1980: 317]). Его морфонологическая невыразительность – отсутствие аффиксальных показателей, по-видимому, и послужила толчком для нового претеритального удвоения в праславянском и восстановления индоевропейской тернарной оппозиции – образования суффиксального имперфекта (см. [Жолобов 2017: 26–33]). Зоны консервации простого аориста связывают с западными южнославянскими диалектами, носителями которых были Кирилл и Мефодий, а также их ученики. В восточных южнославянских диалектах, как и в восточнославянских, простой аорист замещается сигматическим тематическим аористом. Таким образом, формы простого аориста диагностируют моравское или македонское происхождение текстов. Мы обнаружили позднедревнерусскую рукопись, в которой простой аорист оказался довольно частотным. В Захариинском паримейнике 1271 г. представлено 16 простых аористов. Это больше, чем в каком-либо другом позднедревнерусском источнике.

Сохранность простых аористов в Захариинском паримейнике свидетельствует о том, что антиграфом рукописи был, вероятно, самый архаичный источник, поскольку даже в наиболее ранних и считающихся самими близкими к протографу древнерусском Сковородском паримейнике XII в. и болгарском Григоровичевом паримейнике XII–XIII вв. простые аористы в ряде случае заменяются сигматическими тематическими[12]. См. некоторые такие замены, наряду с сохранением форм:

и погнаша же ёгоуптяне . и <u>вънидоу</u> въ слэдъ ихъ Зах 9г18–10а2	внид№ Григ 6 об., 4

и <u>не 8брэтоу</u> воды да быша пили Зах 10г3–5	не 8брэтош№ Григ 7, 5

Простой аорист замещен сигматическим тематическим уже в самом раннем Сковородском паримейнике. Показательна среднеболгарская инновация – аорист с окончанием имперфекта и перемещение в постпозицию возвратного местоимения.

сыны родихъ и възнесохъ . ти же ся <u>8Åвьргоу</u> мене Зах 27г9–13	сыны родихъ и възвысихъ . ти же ся <u>8Åвьргоша</u> мне Сков 10а4–6[13]; ти же <u>8Åвръгох№</u> с© мене Григ 14, 3–4

Еще более выразителен пример простого аориста в 3 л. дв. числа, где представлен, кроме того, диагностический тип форм с генетически первичным окончанием -те, в то время как в восточно-болгарском и восточнославянском ареалах здесь рано было обобщено вторичное окончание -та, ввиду омонимии дуальных форм на -те и форм 2 л.

[12] Сковородский паримейник (РГАДА, Тип. 50) является самым ранним из сохранившихся списков древнеславянского паримейника. В записи XVII в. указана его принадлежность Сковородскому, а затем Лазареву монастырю. Первоначальная его датировка XIV в. в последнее время существенно удревнена. С некоторым колебанием рукопись отнесена ко второй половине XII в. в [СК 2002: 641]. С. М. Михеев, однако, обнаружил в рукописи почерк писца Милятина евангелия Домки, которое недавно было издано и исследовано Г. А. Мольковым, доказательно датировавшим рукопись первой половиной XII в. [Мольков 2018а: 47]. Начало и конец в рукописи паримейника утрачены.

[13] В Сков несколько раз встречается окказиональная форма личного местоимения род. п. ед. ч. мне вместо мене.

мн. ч. В других паримейниках здесь уже представлена замена простого аориста на сигматический тематический:

и идете оба въкоупэ Зах 134б6–7	и идоста оба вък□/пэ Сков 59б3–4	и йдоста 8ба въкᵘп1 Григ 53, 20–21

См. также ошибки в передаче первой формы простого аориста в Григоровичевом паримейнике при сохранении правильной формы в Захарьинском.

въздвигоу же ся 8Å ёлима . и приидоу въ вьсь съньмъ сн=въ из=лвъ Зах 11б11–15	възъдвигн№ же с© 8Å елима .:. и прид№ въ снемъ сновъ йз=левъ Григ 7, 20–21

Заметим, что только в Захариинском и Сковородском паримейниках сохранился и архаичный имперфект 3 л. дв. ч. на -шете, который, судя по Житию Андрея Юродивого, еще мог быть актуальной формой в древнерусской письменности к. XI в. (в Зах с графическим эффектом ь=е):

дъ/вэ дъвэ съчетанэ/ къ себэ . и дъвэма/ прикривашете вьрь/хоу телеса ихъ Сков 76г14–18; двэ съчтанэ къ себэ . и двэ прикрывашеть вьрхоу телесе ихъ Зах 171в15–171г1	.:.в=.:. съчетанэ къ себ1 .:.в=.:.ма връхѹ прикрывах№ т1леса ихъ Григ 68, 18–20

В среднеболгарском Лобковском паримейнике 1294–1320 гг., как и в древнерусском Троицком паримейнике XIV в. простого аориста уже нет вовсе. В приводящемся ниже чтении он отсутствует и в самом раннем списке – Сковородском паримейнике, хотя в этой рукописи немало примеров и сохранения простого аориста 3 л. мн. ч.

и 8Å всехъ гадъ соущихъ по земли . дъва дъва . вънидоу къ ноёви въ ковьчегъ . моужьскъ полъ и женьскъ Зах 81а8–15	и 8Å всэхъ га/дъ нечистыихъ соу/щихъ по земли дво/ё двоё . вънидоша/ къ ноёви въ ковьче/гъ моужьскъ полъ/ и женьскъ Сков 38г3–9; й 8Å всэхъ гадъ сущихъ по земли внидошᵃ к ноёви в ковчегъ . мужескъ полъ да женьскъ Тр 34в14–19	и 8Å всэхь гадъ с№щыхь по земи .(. дво№ дво№ внидош№ к ноевы в ковчегь Лоб 54, 10–12

Воспроизведение подобных форм простого аориста 3 л. мн. ч. в новгородских паримейниках могло поддерживаться широким использованием в новгородском диалекте нулевых форм презенса 3 л. мн. ч., омонимичных простому аористу, при том что оба типа форм восходят к безаугментному имперфекту-инъюнктиву. В рукописях изредка встречается правка простого аориста, воспринятого как нулевой презенс, на форму со стандартной флексией -ть:

и сътвори море соушѹ и раздэлися море . и вънидоуть сн=ве изл=ви посредэ моря по соухоу Сков 94б16–20	и створи море соушю . и раздэлися вода . и вънидоша сн=ве изл=ви посредэ моря по соухоу Зах 9г10–15

В Захариинском паримейнике находим и нетематический аорист от основ инфинитива на согласный, в то время как в более ранних Сковородском и Григоровичевом паримейниках здесь также уже выступает сигматический тематический аорист:

вьсь дн=ь развръшася вси источници бездьны . и хлаби нбсьскы1 8Åврэшася . и быС+ дъжгь на земли .м=. дн=ии . и м= нощии Зах 84а7–14	въ сь/ дн=ь развьрзо/шася источьни/ци бездьны1 ./ и хляби нб=сны/1 8Åвьрзошася Сков 41а7–12; весь дн=ь разверзошас^я^ воды й хляби нбС+ний . и быС+ дождь великъ на земли Тр 36б1–6	весъ дн=ъ разъвръзош№ с© вси йсточнйци бездъныя .:. и хл№би небесныя 8Åвръзош№ с© .:. в)= . и быС+ дъждъ на земи .:. :м=.:. дн=еи .:. и .:.м=: нощеи Григ 35, 5–8

Хотя все эти кирилло-мефодиевские формы являются частью общей мегаграмматики XIII в., их положение в древнерусской письменности существенно различается[14]. Так, в отличие от нетематического аориста без чередования в суффиксе и от основ на согласный, простой аорист был широко распространен в древнерусских списках конца XI – начала XII в., когда и происходило развитие древнерусской литературной нормы. Согласно Г. А. Молькову [2017а], в древнерусском Погодинском евангелии XI в. представлено 22 формы простого аориста, а в Толстовской псалтыри XI в. – 124 формы (!)[15]. Тем не менее простой аорист полностью отсутствует в оригинальных древнерусских источниках, а это означает, что другие формы простых претеритов были актуальными, узуальными, а не искусственными книжными образованиями.

Являясь мегатекстом, Толстовский сборник XIII в. представляет такой же срез транскультурной мегаграмматики, как и гораздо большая по объему сумма древнерусских рукописных книг[16]. Мегаграмматика мегатекста включает, наряду с глубокими архаизмами и славянизмами разного происхождения, своего рода модернистские проявления – образования современные созданию памятника. Внутри мегатекста диагностические глагольные формы распределены чрезвычайно неоднородно, так что совокупная его грамматическая система складывается из несовпадающих грамматических субсистем. Причины этого коренятся в генетической и дискурсивной разнородности входящих в сборник текстов, характере их внутренней структурированности, а также глубине языкового горизонта авторов или переводчиков. Толстовский сборник (далее Тол) – рукопись РНБ, F.п.I.39, которую датируют второй половиной XIII в. [СК 1984: 324]. Хотя рукописи Зах и Тол фактически имеют одинаковую датировку, набор и дистрибуция диагностических глагольных форм в них разительно расходятся. Это обусловлено тем, что в состав Тол входят оригинальные раннедревнерусские сочинения и переводы, а также южнославянские переводы постстарославянского периода, в то время как Зах восходит к антиграфу, который в ряде чтений ближе всего стоит к кирилло-мефодиевскому протографу. В Тол встретилась лишь одна форма, которую можно истолковать и как причастную, и как простой аорист 1 л. ед. ч., хотя первое выглядит предпочтительнее: 1ко бо дв=а днС+ь роди вэдэ . и 1ко бъ= роди преже вэкъ вэрую . несказаньное ему ржС+тво молчаниемь чисти навыкъ и не словомь испытати при1хомъ Тол 51об. Контекст находится в Слове на Рождество Иоанна Златоуста, как значится в заглавии текста. Однако М. О. Новак доказала, что в действительности Слово является

[14] Примеры сигматического нетематического аориста без чередования в суффиксе -с- от разных основ в раннедревнерусских списках южнославянских переводов единичны. См., в частности: се же и створ\ . и аще малъмь выше начясъ ГБ 144а; и не показахъ . мякъчаишими врачеваниими навэсъ 301в; и поимъше и бэси биюще и свэся и въ бездьноу и прэдаша и тьмнымъ княземъ ЖНК 320.

[15] Ранние датировки этих источников принадлежат Г. А. Молькову.

[16] О составе сборника см. [Жолобов 2018].

компиляцией, осуществленной, судя по всему, на славянской почве [Новак 2019]. В приведенном контексте как раз обнаруживается, вероятно, один из текстовых швов, поскольку 1 л. ед. ч. сказуемых внезапно сменяется 1 л. мн. ч.

Вместе с тем ряд форм, которые относятся к разряду диагностических, известны и оригинальным древнерусским текстам. Это относится прежде всего к сигматическому аористу основного глагола речи: рэхъ, рэхомъ, рэсте, рэша. Так, в Зах в переводном тексте нередко встречается тематический аорист, тогда как в оригинальной паримьи Борису и Глебу – нетематический, который заменяется тематическим в Троицком списке XIV в.:

и рэша новгородци можемъ княже бороти по тебе Зах 257, 24–26	и рекоша новгородци можемъ княже борити по тебэ Тр 138а9–12

Как установил А. А. Гиппиус, в начальной части летописи употребляется исключительно нетематический сигматический аорист рэша [Гиппиус 2009: 249]. Полагаем, это свидетельствует о том, что данная форма как индоевропейско-праславянский архаизм сохранялась в разных славянских ареалах в силу ее функциональной специализации и особой значимости – подобно тому, как был унаследован изолированный индоевропейский перфект вэдэ ‘я знаю’, которому наследует частица *ведь* в русском языке.

Употребление нетематического аориста типа рэша представляло собой речевой автоматизм, как это отчетливо видно по следующей греко-славянской параллели в Супрасльской рукописи (см. [SJS I: 121]):

ти ни вьсего прос©тъ . дадите бо рэш© намъ отъ масла вашего Supr 373, 5 (cf. дадите намъ отъ олэа вашего Mt 25, 8 Mar)	καὶ οὐδὲ τὸ πᾶν ζητοῦσι. Δότε γὰρ ἡμῖν, φησίν, ἐκ τοῦ ἐλαίου ὑμῶν

В славянском переводе грамматическая форма имеет иные морфологические характеристики, нежели греческая форма, а кроме того, что более важно, она находится, в отличие от греческого текста, в позиции энклитики, что и свидетельствует об автоматизированном речевой практикой ее употреблении. А. А. Зализняк рассматривал энклитическое употребление отдельных форм данного глагола (*реку*, *рече*, *рьци*), однако только по поздним среднерусским источникам [Зализняк 2008а: 44–45].

Такое же связанное с речевым автоматизмом употребление аориста рэша мы находим в проповедях Кирилла Туровского в списке Толстовского сборника второй половины XIII в.:

> истрэбимъ бо рэша память ёго Тол, 10; Nъ испытаимъ рэша добрэ . възовэмъ и ёще второё прозрэвъшаго 28 об.; моужи бо рэша галилэистии что стоите зряще на нб=о 33; сънидe бо рэша на землю никомуже не чювшю . и се рабии нося 8бразъ въсходить . 8ни же рэша не боудемъ покори . аще не оуслышимъ слова би=1 36[17].

Доказательством устойчивости такого употребления является не только частотность, но и распределение по четырем разным гомилиям. Встречается и неэнклитическое, самостоятельное употребление данной формы в синтаксическом параллелизме:

[17] В списке XIV в. по изданию М. Сухомлинова первая форма отсутствует, вместо второй находим реко^{ш} [Сухомлинов 1858: 54].

ни въздаша хвалы бв=и . въздвигноувъшоомоу раслабленаго 8Å ödра немощи . ни рэша како ти ся брате жилы оукрэпиша Тол 20 об.[18]

Нейтральная тематическая форма также встречается, однако намного реже и в другой синтаксической позиции:

Sи бо рече соломонъ помыслиша и прэльстишася öслэпи бо 1 злоба ихъ . рекоша бо оуловимъ правьдника . руганиёмь и ранами стяжемъ ёго . и см=ртию безлэпотьною 8соудимъ ёго Тол 9; Qто же и ёще хощете 8Т мене слышати . понеже рекохъ вамъ и не вэроуёте . ёда и вы оученици ёго съ мною хощете быти 29 об.; к немоуже възгласивъше ст=ии наши рекоша 8ц=и 40 об.

Позиционное разграничение форм говорит об их равной актуальности в речи. Интернет-издание Толстовского сборника, которое мы готовим в рамках проекта РФФИ, сопровождается модулями онлайн-поиска и онлайн-указателей. Онлайн-указатели фиксируют очень неравномерное распределение нейтральных и диагностических форм в сборнике. Всего на 97 листах, где уже проведена разметка, представлено восемь форм рэша, из которых шесть распределены между четырьмя гомилиями Кирилла Туровского, занимающими первые 46 листов рукописи, а оставшиеся две находятся в Житии Василия Великого (л. 68 об.–88 об.) рядом с тематической формой нарекоша (л. 81)[19].

На этих же 97 листах обнаруживается пять тематических форм рекоша, из которых две находятся в двух гомилиях Кирилла Туровского (см. выше), а оставшиеся три в небольшом по объему апокрифическом Сказании Афродитиана на л. 56 об.–62 (л. 59 2х, 60), что может свидетельствовать в пользу болгарского происхождения переводчика. См. в приложении 1 иллюстрацию работы модуля обратного онлайн-указателя, включающую искомую форму вместе с ее адресами в интернет-издании рукописи.

Из других форм этого глагола встречаются лишь 1 л. ед. и мн. ч. со следующим распределением форм: рэхъ – 2 (гомилии Кирилла Туровского, л. 19 об., 32 об.), 1 (гомилия Кирилла Иерусалимского, л. 94 об.); рекохъ – 1 (гомилия Кирилла Туровского, 29 об.), 1 (Слово на Рождество Христово, л. 57); рэхомъ – 0; рекохомъ – 2 (Сказание Афродитиана, 61 2х), 1 (Житие Василия Великого). Тематический аорист 1 л. ед. ч. изрекохъ встречается в анонимном поучении (л. 23 об.), 1 л. мн. ч. 8Åрекохомъ – в Сказании Афродитиана (л. 62). У Кирилла Туровского в 1 л. мн. ч. употребляется другой перфективный глагол – съказахомъ (л. 13 об.).

Столь неравномерное распределение аористных форм основного глагола цитирования рещи/речи (без учета нейтральной формы 3 л. ед. ч. рече) – 11 из 19 являются частью гомилий Кирилла Туровского – подчеркивает его особую значимость для дискурсивно-прагматической характеристики структурных частей Толстовского сборника как мегатекста. Частотные глагольные формы цитирования у Кирилла Туровского связаны с проповеднической стратегией, тяготеющей к сюжетам драматургического типа, диалогической речи, которые нацелены на достижение выразительности и своеобразного документализма – исторической достоверности. Заметим, что в проанализированном материале сборника имеются и другие гомилии – это два анонимных поучения, Слово о премудрости, Слово на Рождество с именем Иоанна Златоуста, два размеченных в интернет-издании огласительных поучения Кирилла Иерусалимского. По частотности указанных аористных форм с гомилиями Кирилла Туровского сопоставимо только Сказание Афродитиана – произведение с необычным для средневекового текста драматургическим дискурсом, почти целиком построенное на диалогах персонажей.

[18] В списке XIV в. по изданию М. Сухомлинова рекоша [Сухомлинов 1858: 40].

[19] На л. 23–25 находится анонимное поучение, которое не принадлежит Кириллу Туровскому, после шести проповедей Кирилла Туровского размещено еще одно анонимное поучение (л. 46–48), а затем анонимное Слово о премудрости (л. 48–49 об.).

Частотность нетематического аориста вместе с тем свидетельствует о сохранении у Кирилла Туровского архаической системы морфосинтаксического оформления цитирования, а также о значимости использования документально-прямой речи самой по себе.

Только у Кирилла Туровского встречается прямая речь в прямой речи, которая вводится в этом случае закономерным перфектом того же глагола:

> къ собэ сами прю съставльше гл=хоу . что створимъ галилэ1ниноу семоу)с=оу <…> се же 1вэ ёсть 1ко роугаёться чюдьнэи сеи цр=кви . ибо и въ соухомэ блоудьници реклъ ёсть . настанеть врэмя . ёгда ни въ горэ сеи ни въ иёрС+лмэ . поклоняться бв=и дх=мь Тол 27 об., 28.

Еще более необычно то, что этим же глаголом в сослагательном наклонении у Кирилла Туровского вводится воображаемый экзегетический монолог Христа – ‘но словно бы так сказал Господь’:

> нъ да не+ мнимъ . 1ко семоу ёдиномоу се гл=а хс=ъ . нъ всэмъ намъ приёмъшимъ кр=щени1 блгДть <…> нъ 1ко се бы реклъ къ ицэлэвъшемоу томоу гС+ь . се в тобэ всего адама мозоли исцэлихъ . и падъша престоуплениёмь възведохъ и всеродьноую клятвоу того ныня 8Å1хъ <…> Тол 22.

С помощью сослагательного наклонения в целевом предложении второго по частотности глагола прямой цитации глаголати у Кирилла Туровского вводится ожидаемая долженствующая речь, противопоставленная реальной ситуации:

> нъ зависть не дадяше имъ познати би=1 блгДти . да быша гл=али тако . велии ёси гС+и и чюдьна дэла тво1 . 1ко посэтилъ ёси насъ млС+тию . и створи избавлениё людемъ своимъ . нъ изгнавъше 8Å сбора прозрэвъшаго . къ собэ сами прю съставльше гл=хоу <…> Тол 27 об.

С цитированием связаны в сборнике номинативные причастные формы рекъ и глаголя, которые, в отличие от лично-спрягаемых форм глагола, относительно равномерно распределены в сборнике: три формы рекъ находятся в Словах Кирилла Туровского, по одной – в двух анонимных поучениях и две – в Житии Василия Великого; 13 примеров глаголя находятся в Словах Кирилла Туровского, по одному – в двух анонимных поучениях, два – в Слове на Рождество Христово с именем Иоанна Златоуста, два – в Сказании Афродитиана, три – в Легенде об Авгаре, три – в Житии Василия Великого, два – в оглашениях Кирилла Иерусалимского.

В то же время только у Кирилла Туровского однотипная форма причастия используется как предикат в придаточном предложении. Этот тип конструкций отмечается в Киевской летописи в записях середины – второй половины XII в., совпадающих по времени с периодом деятельности Кирилла Туровского[20]. См.:

> а не боуди невэрьнъ акы валамъ . иже дх=мь ст=мь прорекъ моё за миръ оумьртвиё и въскрьсениё . и пакы мьзды ради прэльстивъся погыбе Тол 4.

Только у Кирилла Туровского используется архаичная нечленная форма вин. и род. п. глаголюща в атрибутивной функции как одно из морфосинтаксических средств введения цитирования:

---

[20] Об этих конструкциях см. [Пичхадзе 2011б: 472].

слышалъ бо ёси прО+рка гл=ща . 1ко 8троча родиться сн=ъ вышьняго Тол 19 об.; слыши матфэ1 гл=ща 8 нихъ . и многа телеса почившихъ ст=хъ въсташа . и внидоша по въскрС+нии въ ст=ыи градъ 33 об.; си же 8Å иёреми1 разоумэи гл=ща . дш=а 1же врагъ въ прэисподьня1 съведе . ты1 же гС+ь на нб=са възведе 35 об.

Эти контексты важны также тем, что в них обнаруживаются синтаксические зоны консервации архаичных нечленных форм.

Таким образом, только Кирилл Туровский использует весь арсенал грамматических способов введения цитирования, документирования прямой речи. Очевидно, что значительное место в нем занимают узуальные архаизмы, так что их употребление у Кирилла Туровского важно для реконструкции синтаксических зон консервации архаизмов.

Неравномерно распределены в мегатексте аористы на -тъ, которые принято связывать с кирилло-мефодиевской книжной традицией. Как и в случаях с аористом рэша, только в гомилиях Кирилла Туровского полностью господствуют аористные формы на -тъ, в то время как в восходящем к кирилло-мефодиевскому переводу Захариинском паримейнике наблюдается вариативность форм аориста при существенном преобладании тъ-форм. Распределение вариативных форм в сборнике следующее: възятъ – 0 vs. взя – 2 (Сказание Афродиана, л. 59 об., 61 об.), 2 (Житие Василия Великого, л. 70, 81 об.); начатъ – 3 (гомилия Кирилла Туровского, л. 39, 39 об., 40), 1 (Житие Василия Великого, л. 78) vs. нача – 1 (Легенда об Авгаре, л. 63), 7 (Житие Василия Великого, л. 70 об., 78 об., 80 об., 81, 81 об., 85); 8Å1тъ – 1 (Легенда об Авгаре), 2 (гомилия Кирилла Иерусалимского, л. 96 2х) vs. 8Å1 – 0; подъ1тъ – 1 (гомилия Кирилла Туровского, л. 35 об.) vs. подъ1 – 0; по1тъ – 1 (гомилия Кирилла Туровского) vs. по1 – 0; при1тъ – 4 (гомилии Кирилла Туровского, л. 5 об. 2х, 6 об., 30 об.) vs. при1 – 1 (Легенда об Авгаре, л. 65 об.), прия – 1 (Житие Василия Великого, л. 78), пр)я – 1 (оглашение Кирилла Иерусалимского, л. 97 об.); сънятъ – 1 (гомилия Кирилла Туровского) vs. съня – 0. Таким образом, только в гомилиях Кирилла Туровского в сборнике аористы с добавочным окончанием -тъ от основ на этимологический носовой гласный становятся единственно возможным типом форм, так что в этом случае воспроизводится норма наиболее архаичных старославянских источников. Нужно заметить, что и лексический состав подобных глаголов у Кирилла Туровского наиболее разнообразен. Вместе с тем аористы от корневых основ на -и и -ы употребляются в его гомилиях без добавочного окончания: изби Тол 4; разби 13 об.; скры 15. Ср. в Сказании Афродитиана: 8Åкрыся 58; в компилятивной гомилии, приписанной Иоанну Златоусту: 8Åкры 50 vs. прижитъ 51 об. Только у Кирилла Туровского встречается русифицированная форма аориста с добавочным окончанием: оумреть Тол 10 об. vs. 8боумре 86 об., 8тре 63 об., оумре 88 об. – все в Житии Василия Великого; простре 95; съѹмре 95 об. – в огласительном поучении Кирилла Иерусалимского.

Аорист глагола быти в 3 л. ед. ч. во всех текстах сборника употребляется с добавочным окончанием. Аналогичные формы глагола дати также употребляются с добавочным окончанием в древнерусской форме -(с)ть, тогда как приставочные образования от него в ряде текстов варьируются с формами без добавочного окончания, см.: подасть 83 об. vs. вда Тол 86 об; въдася 70; възда 82 об. – все в Житии Василия Великого; 8Åдасть 96 об.; подасть 90 vs. възда 97 об. – в огласительных поучениях Кирилла Иерусалимского. В отличие от этого, в гомилиях Кирилла Туровского приставочные глаголы всегда имеют добавочное окончание: въдасть 22 об.; въздасть 33 2х, 42 об.; подасть 31; предасть 7 об.; прэдасть 9, 9 об., 25 об. См. распределение форм с добавочным окончанием в копии фрагмента обратного онлайн-указателя интернет-издания сборника – приложение 2.

Расширенный языковой горизонт гомилий Кирилла Туровского отразился также в особых формах имперфекта – маркированных, диагностических единицах мегаграмматики: только у него в сборнике встречаются новые имперфекты с отмененным

чередованием, которые могут быть соотнесены с основами презенса: мысляше Тол 4; възмоутяшеться 16 об., възмоутяше 17, льстяше 40. Только у него находим имперфекты с кратно-перфективным значением: възмоутяшеться 16 об.[21], презряхоу 16 об., възмоутяше 17, не оумълъкняху 21 об.[22], не дадяше 27 об. Отрицание не создает новой семантической разновидности перфективных имперфектов, вопреки предположению о развитии у них значения «напрасного ожидания» (ср. [Мишина 2015]). Инвариантное грамматическое значение у всех форм одно и то же – они обозначают действие завершенное неопределенно многое количество раз, отрицание лишь подчеркивает интенсивность обозначенного имперфектом действия, что для глагола дати равносильно модальной семантике невозможности:

> и все се съдэвахоу жидовьскы1 старэишины . нъ завистъ не дадяше имъ познати би=1 блгДти Тол 27 об.

Такое же значение передается и предикативным причастием настоящего времени данного глагола в другой проповеди Кирилла Туровского:

> добрии хС+ва стада пастыри . за неже и дш=ю свою положисте . не дадоуще вълкоу къ агнецьмъ приближитися Тол 43 об.–44.

В сборнике, помимо проповедей Кирилла Туровского, встречается лишь два имперфекта 3 л. мн. ч. с добавочным первичным окончанием -ть в синтаксической позиции консервации праславянской по происхождению формы перед местоимением и: въпрашахуть и Тол 60 (Сказание Афродитиана)[23]; моляхуть и 96 об. (огласительное поучение Кирилла Иерусалимского). В гомилиях Кирилла Туровского, в отличие от этого, наблюдаются самые разнообразные случаи употребления форм с добавочным окончанием как в 3 л. мн., так и ед. ч., что подчеркивает собственно древнерусскую узуальную особенность имперфекта:

> ёгоже сн=омь би=ёмь нарицяхуть книжьници Тол 8 об.; събирахоуться въ иёрС+лмъ 16 об.; не вэровахоуть ёмоу . нъ противоу блгДти хоулять 16 об.; ёгда бо възмоутяшеться вода 16 об.; ёже и нб=са повэдахоуть звэздою 31 об.; Імэ1шеть же съ собою гС+ь 35 об.

Перед местоимением и у него отражено развитие напряженного редуцированного, как в древнерусских юго-западных источниках: сърэтахоути и 9 об.

Гомилии Кирилла Туровского противопоставлены другим текстам антологии по частотности форм перфекта, в том числе с нулевой связкой. В его проповедях на 43 листах представлено 53 формы перфекта: 28 форм 2 л., из которых 2 формы мн. ч. и почти равное количество форм 3 л. ед. ч. – 25, из которых 4 формы с нулевой связкой. Вместе с тем в сборнике представлен текст с еще бóльшей частотностью форм перфекта 3 л. ед. Это апокрифическое Сказание Афродитиана. Здесь встречается 16 форм перфекта в 3 л. ед. ч., при том что текст имеет небольшой объём – 5 листов с половиной. Для сравнения отметим, что в Житии Феодосия Печерского при гораздо бóльшем объеме, близком объему гомилий Кирилла Туровского, встречается лишь 13 перфектов. Кроме того, в Сказании представлена одна форма 2 л. ед. ч., одна форма 1 л. мн. ч. и три формы 2 л. мн. ч. Перфект в переводе не зависит и от греческого оригинала, в котором господствует

---

[21] В списке XIV в. по изданию М. Сухомлинова възмущащеся [Сухомлинов 1858: 36].

[22] В списке XIV в. по изданию М. Сухомлинова умолкаху [Сухомлинов 1858: 41].

[23] В этом случае по ошибке – перед союзом и, как видно из контекста: гл=щемъ иерлС+мляномъ . что се есть 1ко премудрымъ персьскымъ прити съ 1влениемь звэздьнымь . и въпрашахуть и старэишины жидовьскы1 . 8 будущемь чего дэля есте пришли . и 8Åвэщахомъ се . егоже нарэчете месию . родилъся есть.

аорист (см. [Пенькова 2018]). В других текстах сборника перфекты либо отсутствуют, либо представлены единичными примерами, среди которых лишь четыре формы 3 л. ед. ч. и одна форма 3 л. мн. ч.: Слово о премудрости – ся … родилъ Тол 48; Слово на Рождество Христово Иоанна Златоуста – посэтилъ есть 54 об.; Легенда об Авгаре – ицэлилъ еси 62 об.; Житие Василия Великого – пре1ли соуть 73 об., еси … измудрилъ 82 об., есть … видэлъ 84, створила 85 об., слышала ли еси 86 об.; в двух поучениях Кирилла Иерусалимского – 8Åлож)лъ еси 93, дэала ес) 95, съгрэш)лъ ес) 95 об.

Необычно высокая частотность форм перфекта в Сказании Афродитиана по предположению Я. А. Пеньковой может свидетельствовать о восточнославянском происхождении перевода. Однако указанные выше диагностирующие единицы свидетельствуют скорее в пользу преславской традиции перевода: в Сказании при отсутствии нетематических частотны тематические аористы глагола рещи, употребляются аористы без добавочного окончания -тъ, встречается старославянская форма имперфекта бэаше (л. 58, 58 об.), целевые и косвенно-побудительные предложения оформляются только индикативом[24], наблюдаются ошибки в согласовании причастий, как в ранних южнославянских переводах[25]. То, что перфект в 3 л. ед. ч. всегда употребляется со связкой не соответствует обычной древнерусской норме, когда при соседстве с подлежащим выступает нулевая связка.

Тем не менее широкое употребление перфекта в самом раннем из трех имеющихся переводов Сказания требует объяснения. Оно обусловлено особым драматургическим дискурсом, проявляющемся в обилии диалогических пассажей, о чем уже речь шла выше. Этот факт очень важен, он лишний раз подтверждает исходную тесную связь перфекта со сферой прямого обмена информацией. В Сказании в диалогах могут употребляться и аористы, которые обозначают историческое прошедшее, в отличие от перфектов, сообщающих о том, что стало известно в текущий момент. См., в частности:

> жерче прупе что сэдиши сдэ дэ1ние писани1 доспэло есть на ны . и есть намъ 8Å сановита лица 8бличеномъ быти . еже лжюще мечтахомъ и владэхомъ . к сему оуже не даемъ пррчС+тва Тол 59 об.

Показательно, что перфект со связкой употребляется в цепи именных сказуемых с препозиционной связкой, обслуживающих дефинирующие суждения типа А есть Б, но не смешивается с ними. Перфектные причастия, напротив, осложняются постпозиционной связкой и нужны для экзистенциальных предикаций ‘ставшего известным’ в текущей ситуации момента речи. См.:

> и рекоша цр=ю корень бж=ьскыи и црС+кыи въсклонилъся есть . нбС+наго и земнаго цС+ря 8бразъ принося . йсточникъ бо каринъ вифле8мьскыя земля есть дщи вэнець же 8браза црС+каго есть проповэдание на земли чюдотворимо . 8Å июды въстало есть црС+тво еже жидовьску память 8Åвержеть . а ёже бз=и падоша на дъскахъ . скончание чС+ти ихъ преспэло есть Тол 59.

Таким образом, перфект в Сказании отчетливо соотносится с типом текста, с его драматургической структурой, насыщенной диалогической речью, как это наблюдается в той или иной мере и в проповедях Кирилла Туровского, также отличающихся высокой частотностью перфектных форм. Можно утверждать, что высокая частотность форм перфекта продуцируется дискурсивно-прагматической природой текста, а ранний перевод Сказания Афродитиана в Толстовском списке подтверждает исходную принадлежность

---

[24] В отличие от идущей вслед за Сказанием апокрифической Легенды об Авгаре (л. 62 об.–68 об.), которая включает, наряду с русизмами, и сослагательное наклонение в целевом предложении: да бы послалъ к нему прчС+тую ту йкону Тол 67.

[25] См., например: мы же 8бою 8бличье написано имущи . въ страну свою занесохомъ Тол 61 об.

перфекта прямой речи с экзистенциальными предикациями, обусловленными семантикой связочного глагола.

Источники и электронные коллекции

ГБ – 13 слов Григория Богослова (XI в.). РНБ, Q.п.1.16. 377 л.; по интернет-изданию: Т. В. Кокорина, А. А. Соколова, О. А. Зуга, «13 слов Григория Богослова» (http://manuscripts.ru/mns/portal.main?p1=8&p_lid=1).

Григ – Григоровичев паримейник (XII–XIII вв.). РГБ, Григ. 2. 104 л.; по изд.: Рибарова, Хауптова 1998.

ЖН – Житие Нифонта Констанцского (1222 г.) // Матеріяли з історії візантійско-слов'яньскої литератури та мови / Підг. А. В. Ристенко. Одеса, 1928. С. 239–383.

Зах – Захариинский паримейник (1271 г.). РНБ, Q.п.I.13. 264 л.; по интернет-изданию: О. Ф. Жолобов, А. И. Кузовенкова, «Захариинский паримейник 1271 г.» (http://manuscripts.ru/mns/portal.main?p1=54).

Лоб – Лобковский паримейник (1294–1320 гг.); разночтения по изд.: Рибарова, Хауптова 1998.

Сков – Сковородский паримейник (первая половина XII в.). РГАДА, Тип. 50. 126 л.

Тол – Толстовский сборник (вторая половина XIII в.). РНБ, F.п.I.39. 184 л.; по интернет-изданию: О. Ф. Жолобов, А. А. Бакшаева и др. «Толстовский сборник втор. пол. XIII в.» (http://manuscripts.ru/mns/portal.main?p1=54).

Тр – Паримейник (втор. пол. XIV в.). РГБ, Тр. 4. 142 л.; по интернет-изданию: О. Ф. Жолобов, А. И. Кузовенкова, «Паримейник втор. пол. XIV в.» (http://manuscripts.ru/mns/portal.main?p1=54).

Литература

Гиппиус 2009 – А. А. Гиппиус. «Рекоша дроужина Игореви… – 3». Ответ О. Б. Страховой (Еще раз о лингвистической стратификации Начальной летописи) // Palaeoslavica. 2009. Т. XVII. № 2. С. 248–287.

Елизаренкова 1982 – Т. Я. Елизаренкова. Грамматика ведийского языка. М., 1982.

Жолобов 2016а – О. Ф. Жолобов. Древнерусский глагол: к истории презенса. Казань, 2016.

Жолобов 2016б – О. Ф. Жолобов. Заметки о словоформе *е* 'есть' в древнерусской и старославянской письменности // Slověne = Словѣне. International Journal of Slavic Studies. 2016. Т. 5, № 1. С. 114–125.

Жолобов 2016в – О. Ф. Жолобов. Простой индикатив в Выголексинском сборнике // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2016. 1 (63). С. 91–99.

Жолобов 2016г – О. Ф. Жолобов. Простой индикатив в кирилло-мефодиевских источниках (к интернет-изданию Захариинского паримейника 1271 г.) // Russian Linguistics. 2016. Vol. 40, No. 2. С. 153–172.

Жолобов 2017 – О. Ф. Жолобов. Древнерусская грамматика: простые претериты и praesens historicum. Казань, 2017.

Жолобов 2018 – О. Ф. Жолобов. Толстовский сборник XIII в. как мегатекст // Лингвокультурологические исследования развития русского языка в условиях полиэтнической среды: опыт и перспективы. Т. 2. Казань, 2018. С. 73–77.

Зализняк 2008а – А. А. Зализняк. Древнерусские энклитики. М., 2008.

Зализняк 2008б – А. А. Зализняк. «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста. М., 2008.

Крысько 2014 – В. Б. Крысько. Об издании Скитского патерика // Вопросы языкознания. 2014. № 5. С. 122–148.

Крысько, Мольков 2017 – В. Б. Крысько, Г. А. Мольков. Языковые особенности Учительного евангелия Константина Преславского и его древнейшего списка // Zeitschrift für Slavische Philologie. 2017. Bd. 73. H. 2. С. 331–395.

Мейе 1951 – А. Мейе. Общеславянский язык. М., 1951.

Мишина 2015 – Е. А. Мишина. Несколько наблюдений над употреблением перфективного имперфекта в древнерусском и старославянском (в напрасном ожидании редких форм) // http://www.inslav.ru/zalizniak80/congratulanions/Mishina.pdf

Мольков 2017а – Г. А. Мольков Простой аорист в древнерусской письменности // Русский язык в научном освещении. 2017. № 1 (33). С. 179–195.

Мольков 2017б – Г. А. Мольков Несогласованные причастные формы в ранних древнерусских списках Евангелия // Русский язык в научном освещении. 2017. № 2 (34). С. 180–193.

Мольков 2018а – Милятино евангелие. Рукопись РНБ, F.п.I.7. Лингвистическое издание. Указатели. Исследование / Описание языка, подгот. текста, коммент., словоуказатели Г. А. Молькова. М.; СПб., 2018.

Мольков 2018б – Г. Мольков Супин в древнерусских списках Евангелия XI-XIII веков // Rozprawy Komisji Językowej ŁTN, t. LXVI, 2018. С. 319-332.

Новак 2019 - М. О. Новак. Слово на Рождество Христово в Толстовском Сборнике XIII в. (РНБ, F.п.I.39): атрибуция и композиция // Девятые Римские Кирилло-Мефодиевские чтения. Материалы конференции (Рим - Салерно, 4-9 февраля 2019 г.). М., 2019. С. 137-142.

Пенькова 2018 - Я. А. Пенькова. Перфект и аорист в Сказании Афродитиана по Толстовскому списку XIII в. // Лингвокультурологические исследования развития русского языка в условиях полиэтнической среды: опыт и перспективы. Т. 2. Казань, 2018. С. 155-159.

Пичхадзе 2011а – А. А. Пичхадзе Переводческая деятельность в домонгольской Руси: лингвистический аспект. М., 2011.

Пичхадзе 2011б – А. А. Пичхадзе Славянское причастие-сказуемое в зависимых предикациях как показатель модальности и эвиденциальности // Библеистика. Славистика. Русистика: К 70-летию заведующего кафедрой библеистики профессора Анатолия Алексеевича Алексеева. СПб., 2011. С. 462–480.

Пичхадзе 2016 – А. А. Пичхадзе О предикативном vs. атрибутивном употреблении причастий в древнерусском: неизменяемые причастия // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 10. 2016. С. 499–515.

Рибарова, Хауптова 1998 – З. Рибарова, З. Хауптова. Григоровичев паримејник. I. Текст со критички аппарат. Скопје, 1998.

Семереньи 1980 – О. Семереньи. Введение в сравнительное языкознание. М., 1980.

СК 1984 – Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв. М., 1984.

СК 2002 – Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в России, странах СНГ и Балтии. XIV век. Вып. 1. М., 2002.

Страхова 2011 – О. Б. Страхова. Аугментный имперфект и две нормы: новый взгляд в свете статистических данных // Palaeoslavica. 2011. Т. XX. № 2. С. 240–293.

Сухомлинов 1858 – М. Сухомлинов. Рукописи графа А. С. Уварова. Т. II. СПб., 1858.

SJS I–IV – Slovník jazyka staroslověnského. T. I–IV. Praha, 1956–1997.

Приложение 1

Приложение 2

Запросная форма "Толс

manuscripts.ru Запросная форма "Толстовский сборник (РНБ, F.п.I.39, XIII в.)"

Скорость соединения увеличилась. Отключить Турбо Оставить

смрть 54.2.1-24.25

(16) дасть 46.2.1-11.10, 3.2.1-4.8, 10.2.1-12.11, 42.2.1-4.1, 63.2.1-8.16, 63.2.1-19.3, 67.1.1-10.3, 70.2.1-11.15, 77.1.1-4.3, 78.1.1-10.13, 79.2.1-18.22, 81.1.1-6.8, 85.1.1-11.20, 90.1.1-12.27, 97.2.1-9.33, 97.2.1-11.3

прѣдасть 7.2.1-23.27

(3) въздасть 33.1.1-15.6, 33.1.1-21.18, 42.2.1-8.3

(4) подасть 2.2.1-12.2, 31.1.1-17.10, 83.2.1-11.22, 90.1.1-12.7

ѿдасть 96.2.1-18.34

въдасть 22.2.1-10.27

(3) прѣдасть 9.1.1-2.19, 9.2.1-25.9, 25.2.1-26.14

ѿбласть 65.2.1-22.12

(5) власть 4.2.1-21.24, 31.1.1-18.7, 37.1.1-4.22, 82.2.1-22.14, 88.1.1-9.5

напасть 17.2.1-19.9

(2) участь 82.1.1-10.28, 85.1.1-11.15

(82) есть 1.1.1-25.15, 53.2.1-26.19, 54.2.1-8.10, 54.2.1-16.18, 55.1.1-23.18, 56.1.1-2.1, 56.1.1-26.1, 56.2.1-21.14, 57.1.1-13.5, 57.1.1-17.3, 57.1.1-19.20, 57.2.1-1.13, 57.2.1-4.1, 57.2.1-6.21, 57.2.1-7.11, 57.2.1-9.13, 57.2.1-11.11, 57.2.1-14.8, 58.1.1-22.15, 58.1.1-24.8, 58.2.1-4.8, 59.1.1-3.24, 59.1.1-7.24, 59.1.1-9.21, 59.1.1-13.3, 59.1.1-25.9, 59.2.1-2.22, 59.2.1-3.7, 59.2.1-6.30, 59.2.1-8.25, 60.1.1-13.28, 60.1.1-20.23, 62.1.1-3.19, 62.1.1-15.25, 63.1.1-6.20, 64.2.1-17.22, 64.2.1-19.19, 64.2.1-20.21, 65.1.1-5.24, 71.2.1-3.10, 75.2.1-24.10, 76.1.1-10.3, 76.1.1-12.25, 76.2.1-26.25, 77.1.1-19.11, 80.1.1-18.5, 80.2.1-18.7, 80.2.1-20.17, 82.2.1-18.3, 84.1.1-3.23, 84.1.1-7.22, 84.1.1-15.15, 85.1.1-5.24, 86.1.1-25.3, 88.1.1-3.21, 90.2.1-19.2, 92.2.1-8.22, 92.2.1-13.4, 92.2.1-19.5, 93.1.1-12.16, 93.1.1-13.17, 93.1.1-25.19, 93.1.1-26.8, 94.1.1-20.24, 94.2.1-3.22, 94.2.1-19.7, 95.1.1-19.22, 95.2.1-1.30, 95.2.1-2.11, 97.2.1-13.3, 1.1.1-13.17, 1.1.1-17.30, 59.1.1-6.19, 59.2.1-15.1, 60.2.1-4.16, 62.2.1-17.1, 66.1.1-25.23, 75.2.1-11.31, 93.1.1-24.20, 93.1.1-25.5, 93.1.1-25.31, 95.2.1-7.3

(4) лесть 28.2.1-20.4, 31.2.1-21.4, 54.2.1-18.12, 69.2.1-20.16

прелесть 71.2.1-19.3

горесть 93.1.1-1.9

(3) шесть 63.2.1-22.6, 65.1.1-11.22, 67.1.1-15.1

(3) есть 48.1.1-7.8, 52.2.1-11.25, 52.2.1-14.14

(3) зависть 27.2.1-5.22, 47.1.1-10.1, 49.1.1-1.31

(2) користь 10.2.1-5.4, 32.2.1-26.11

(2) сладость 2.2.1-11.3, 71.2.1-1.7

(6) радость 7.1.1-5.11, 13.1.1-7.18, 36.2.1-23.1, 41.1.1-22.7, 55.2.1-8.14, 68.1.1-15.15

твердость 76.2.1-20.24

(2) гордость 48.2.1-1.11, 49.1.1-12.5

дьрзость 3.2.1-5.7

РУС RU 20:51 17.07.2019

С. И. Иорданиди
ИРЯ РАН, Москва
siordanidi@yandex.ru

К истории Nom. Pl. на - á в именах несреднего рода

Статья продолжает тему статьи («Из истории форм существительных именительного множественного на -á в русском языке»), опубликованной автором довольно давно, но новые наблюдения и факты оправдывают еще одно обращение к названной теме. Толчком к работе над становлением и развитием номинативных плюральных форм послужила статья А. А. Зализняка, опубликованная в журнале «Русский язык в научном освещении» (2018/1), в третьей части которой исследован названный сюжет («Вопрос об Им.мн. несреднего рода на -*á*», с. 21 – 30). В нашем докладе обсуждаются такие вопросы, как: 1) генезис исследуемых форм; 2) структурная и акцентная характеристика слов, усвоивших новую флексию на первых этапах ее существования; 3) распространение форм на -*á* на протяжении истории языка (с вниманием к их хронологической и территориальной отнесенности). Вопрос о происхождении рассматриваемых форм, сложный и, на наш взгляд, дискуссионный, все еще требует пересмотра роли различных факторов в становлении и развитии nom. pl. несреднего рода на –*á*.

Поводом к работе над становлением и развитием номинативных плюральных форм мужского рода на -*á* (*городá, рукавá*) послужила блестящая статья А. А. Зализняка, опубликованная в первом номере журнала «Русский язык в научном освещении» за 2018 г., в третьей части которой исследован названный сюжет («Вопрос об Им.мн. несреднего рода на -á», с. 21–30). Вопрос о происхождении рассматриваемых форм, сложный и, на наш взгляд, дискуссионный, все еще требует пересмотра роли различных факторов в становлении и развитии Nom. Pl. несреднего рода на -*á*.

В предлагаемой статье обсуждаются такие вопросы, как: 1) генезис исследуемых форм; 2) структурная и акцентная характеристика слов, усвоивших новую флексию на первых этапах ее существования; 3) распространение форм на -*á* на протяжении истории языка (с вниманием к их хронологической и территориальной отнесенности). Стимуляторами появления нетривиальных плюральных номинативных форм в именах несреднего рода стали исконные образования среднего рода на -*á*, поддержанные унифицированными формами косвенных падежей на -*амъ*, -*ахъ*, -*ами*.

Ключевые слова: история языка, морфология, плюральные формы, флексия, акцентная парадигма.

Предварительные замечания

В 1 номере журнала «Русский язык в научном освещении» за 2018 год опубликована блестящая статья Андрея Анатольевича «Функции флексии именительного падежа на -а в русском языке», заслуживающая самого пристального изучения. Мы остановимся на третьей части статьи, посвященной формам Ип.мн.числа на -á (типа *лесá*), которая представляет большой интерес для меня как для автора аналогичной по проблематике работы, опубликованой довольно давно [Иорданиди 1982: 247–266]. Представляя уважаемым коллегам свои соображения, наблюдения и материалы, хочу подчеркнуть, что исследование Андрея Анатольевича, глубокое и аргументированное, как всегда, остается высоким образцом всестороннего видения интересующей нас проблемы. Моя задача заключается в том, чтобы мере сил и возможностей сосредоточиться на их интерпретации.

В соответствии нашими представлениями о становлении исследуемых форм выделяем 3 сюжета: 1) структурная и акцентная характеристика слов, усвоивших нетривиальную флексию (удачный термин А.А. Зализняка) в начальный период ее существования; 2) расширение состава слов с флексей -á на протяжении истории языка,

подкрепленные материалами, распределенными по хронологии и территориальной отнесенности; 3) происхождение.

Как кажется, чтобы осознать весь масштаб этой морфологической истории, имеет смысл сначала обратиться к материалам, чтобы, как писал Р. Якобсон по другому поводу, «уяснить себе исторический процесс и усвоить правила игры аналогий» [Якобсон 1985: 176].

Отметим, что существует более двух десятков работ, специально посвященных нашей проблеме. В статье наряду с собранными нами материалами, извлеченными из памятников и исторических и диалектных словарей, использованы также материалы авторов, исследовавших нашу проблематику. В предлагаемой статье по мере необходимости затрагиваются, конечно, проблемы связи акцентных парадигм с процессом распространения флексии исследуемого номинатива в начальный и в неначальный периоды его развития. Известно, что этот сюжет подробнейшим образом изложен в многочисленных публикациях А. А. Зализняка: «Закономерности акцентуации русских односложных существительных мужского рода»; «О показателях множественного числа в русском склонении»; «К вопросу об акцентной эволюции энклиноменов в русском языке»), и поэтому нет необходимости подробно излагать вопросы, досконально изученные.

Материалы

Итак, начало функционирования нетривиальных (термин А. А. Зализняка, прочно вошедший в обиход лингвистов) номинативов относится к XV в. В этот период формы на *-á* в различного рода исследованиях представлены лишь единичными примерами, в первую очередь словами со значением парности (*бока*, *рукава*). Их трактовка как плюрализованных форм дв. числа в некоторых контекстах представляется убедительной. Первоначально новое окончание *-а* возникает в акцентной парадигме **с**, где все слова выступали с начальным ударением, а во мн. числе единого ударения не было (го́родъ го́рода — городо́въ, го́роды и т.д.). В дальнейшем происходит расширение акцеантуационных рамок слов, принявших флексию И.мн. *-á*.

По нашим наблюдениям, к числу ранних случаев употребления исследуемых форм в значении мн. ч. можно отнести следующие: имяше *рога* подобна агньцу Чуд.НЗ, 154 об.[26]; *рукава* же риз ихъ широци (мн.ч.) Сб. Кир.-Белозер., 1476; *Рукава* же ризъ широци а долзи Хожд. Игн. Смольнянина 1392 г. по сп. XV в. Другие примеры: *города* поимаша нѣмѣчкие (мн.ч.) Лет Авр 1495 (но – начаша воевати *городы* и села по Сулѣ Там же, 37 об. (1136)); а в *колокола* латыни звонят Путеш. новг. архиеп. Антония, сп. нач. XV в. (но – *колоколы* съима у сты̑ софие ЛН XIII–XIV, 3 об. (1066), *колоколы* изнесоша всѣ ЛИ ок. 1425, 194 об. (1171)). В примере: Того лѣта пригонъ былъ хрестьяномъ к Новугороду города ставити Лет Авр, стб. 178. Форма *города* в значении ‘ограда’, ‘стена’может быть интерпретирована как форма дв. ч. В Комиссионном списке I Новг. летописи и в IV Новг. летописи в этом контексте ей соответствует форма ед. числа *городъ* (*городъ* ставити). В МЛС XV – взявъ *два* города (но вевати *городы* и села, 37 об.) (ПСРЛ 1949, 25: 37). Сюда же можно отнести с некоторыми колебаниями и формы дв.числа со словом *три*: изѣмь. три *златника* Пр 1383, 73в; видѣста три *столпа* яко дугы зарны 75б; 3 *поясы* золоты ГрМ 1336, 1а (примеры из монографии [Жолобов 2001: 200–202]. Автор видит здесь не формы мн.ч., а лишь потенциальную линию их развития. В берестяных грамотах сочетания с числовым словом *три* и флексией *-á* представлены

[26] Сокращения названий источников соответствуют принятым в цитируемых источниках и словарях.

также спорадически: *по* :г: *р҃бл* • ГрБ 65 (первое сорокалетие XIVв.); *ω ·г· р҃бл* • 144 (10 – 30 XIV в.); *·г· полосца* (70 – 90 XIV в.) [Там же]. В грамоте Ивана Даниловича Калиты 1336 г. (Гр М № 1а) также отмечено несколько форм И.мн. с флексией *-á*: *·в· чума золота болша҃* ; *·в· овкача золота*; *·в· кожуха*. По справедливому замечанию О. Ф. Жолобова, в двойственном квантитативе, утратив ясную морфологическую принадлежность, эта форма стала выступать не как член подпарадигмы дв.ч., а как изолированная форма И–ВП муж.р. на -а [Там же: 203].

В среднерусский период закрепление ИП мн.ч. *-á* в этом классе слов происходит в условиях длительного сосуществования с флексией номинатива мн.ч. *-и*(*ы*): *глазы* – обычная форма до конца XVI в., напр.: о стыи Пантелеймоне поспѣши уже *глази* спа(т) хотять Пар XIV–XV, прип., 99 об. (хотя в значении ‘орган зрения’ в подавляющем большинстве случаев употребляется лексема *око – очи*); *роги, рукавы* отмечаются на протяжении XVIII в.

В течение XVI–XVII вв. формы на *-á* получают дальнейшее распространение, хотя все еще остаются малоупотребительными. В деловых документах этого периода можно отметить следующие: *жернова* новые запасные АЮ, 1568 г.; пожаловати… *леса* пашенные Арх. Маслова 26, 32; и *леса* велѣно отмѣжѣвати Арз. акты 162; луга Там же [Ананьева 1960, 148, 10: 326]; *тагана* и решотки… все было в счете Дом XVI, 125 [Демидова 1958, 144: 79] а также *города, моста, мастера, луга, струга, снега*. Дублетность форм на *-а*/ *-и*(*ы*) обнаруживается в оформлении одних и тех же лексем в пределах одного контекста: на лѣвой сторонѣ *луга* Гороховских слободщиков, а сошлис… тѣ *луги* съ Спаскими луги Гр 1529, 154 и т.д.

Флексия *-á*, закрепляясь в как новообразование народно-разговорного типа языка, неравномерно распространяется в различных диалектных системах. Более широкая употребительность исследуемых форм наблюдается в южнорусском ареале. Чрезвычайно показательны данные курских, воронежских и др. южнорусских деловых документов, содержащих бóльшее число форм на *-á* в сравнении с данными новгородских, двинских, в особенности, московских памятников, представляющих эти образования в единичных случаях. Так, форма *леса* отмечается 16 раз в «Материалах для истории колонизации и быта Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губерний в XVI–XVIII столетии»; *колокола* – 12 раз в «Воронежских писцовых книгах» 1651–1661 гг. «Памятники южновеликорусского наречия», изданные усилиями Коткова, содержат ряд словоформ на *-á*. В то же время деловой язык Москвы демонстрирует строгую лимитированность форм ИП мн.ч. на *-á*: в «Уложении» 1649 г. зафиксирована лишь словоформы *лѣса* 82, 159, 211, 233 и *суда* (но обычно – *суды*) [Андреева 1969: 16]. В «Письмах и бумагах Петра I» также отмечается несколько аналогичных форм: *берега, бока, колокола, леса* [Семин 1953: 250].

Опережающее развитие форм на *-а* в обиходно-разговорной речи находит отражение в скудном инвентаре примеров на *-а* в языке литературно-художественных памятников XVI–XVII вв. В «Казанском летописце» зафиксирована лишь одна такая словоформа – во граде Казани звонъ в *колокола* 395; в бытовых повестях этого периода отмечены формы *глаза, острова, леса, города* [Фролова 1948, 9: 183] Ср. также – за волосы дерут, и под *бока* толкают…, и в *глаза* плюют Жит. Авв. XVII, 25 (меня водили пешева на патриархов двор. также *руки* ростяня (в дв.ч. было бы руцѣ) Там же.

К середине XVIII в. список лексем, оформляемых флексией *-а*, значительно расширяется, но нетривиальное окончание в ряде случаев выступает одновременно с тривиальным окончанием *-и*(*ы*). М. В. Ломоносов в «Российской грамматике» приводит такие дублетные формы, как *береги – берега, луги – луга, лѣсы – лѣса, островы – острова, снеги – снега, струги – струга, колоколы – колокола*. Только с флексией *-а*

отмечены *бока*, *рога*, *глаза* [Ломоносов 1952, VII: 46] О закреплении форм ИП мн.ч. на *-á* к концу XVIII в. дает представление перечень словоформ, извлеченных их памятников этого периода различных жанров: *берега*, *бока*, *борова*, *вечера*, *воза*, *глаза*, *голоса*, *города*, *доктора*, *дома*, *колокола*, *края*, *леса*, *лоцмана*, *луга*, *мастера*, *меха*, *невода*, *образа*, *обшлага*, *острова*, *паруса*, *повара*, *погреба*, *пояса*, *рога*, *снега*, *струга*, *терема*, *хлева*, *якоря*, *завеса*, *плуга*, *шага*, *ордена*, *волоса*, *стога*, *ястреба* [Очерки 1964: 209]. Образования с флексией *-а*, принадлежащие народно-разговорному типу языка, в литературном языке не являются стилитстически маркированными, что находит отражение в употреблении этих форм в произведениях «высокого» жанра: града, луга, берега, острова и др. [Там же: 208].

На протяжении XIX в. сфера функционирования флексии -á значительно расширяется, распространяясь далее в область суффикальных и заимствованных образований: *лекаря*, *асессора*, *писаря*, *лоцмана*, *доктора*, *профессора*, *смотрителя*, *служителя*, *вензеля*, *корпуса*, *автора*, *рубежа*, *молота*, *слесаря*, *кельнера*, *фельдшера*, *тормоза* и мн. др. Параллельно с ростом дублетных образований (*веки – века*, *ветры – ветра*, *волосы – волоса*, *домы – дома*, *поясы – пояса*, *суды – суда*, *учители – учителя*, *месяцы – месяца*, *стоги – стога* и др.) наблюдается тенденция к вытеснению отдельных форм на *-и*(*ы*) формами на *-á* (*снега*, *дома* и др.). Дальнейший рост словоформ с флексией *-á* уже не связан с ограничениями акцентного и структурного характера лексем, а являются фактом грамматическрй аналогии и семантики. В современном литературном языке, по данным А. А. Зализняка, насчитывается около 250 слов м.р. с флексией ИП мн.ч. *-á* (в разговорной профессиональной речи и в диалектном языке таких форм существенно больше) [Зализняк 2002: 546–547]. Замечу, что совсем недавно услышала *флота* (по радио), *матеря* (по телевидению) и *ключа* (в речи рабочих).

Диалектные материалы свидетельствуют об активном распространении флексии *-á*, которая обладая сильным индуцирующим характером, оформляет не только сущ. муж. рода, но и женского. По говорам отмечаются следующие словоформы на *-á*: *бора*, *вереда*, *воза*, *волка*, *ворона*, *голода*, *грома*, *двора*, *дуба*, *жука*, *ключа*, *куста*, *лова*, *морока*, *моста*, *парома*, *пола*, *полка*, *ряда*, *конюха*, *выхода*, *запаха*, *пальца*, *пластыря*, *приговора*, *промысла*, *ситца*, *уговора*, *арбуза*, *войлока*, *дьякона*, *кавалера*, *оратора*, *рекрута*, *топора*, *верста*, *в голова*, *крутыи гора*, *деревня*, *яблоня*, *пустота*, *податя*, *волостя*, *зеленя*, *круча*, *грязя*. *печа*, *площадя*, *степя*, *церквя*, *шинеля* и мн. др. [Обнорский]

Материалы ДАРЯ показывают, что распространение флексии *-á* связано с широким диалектным массивом, ограничиваемым соседством с блр. и укр. языковой территорией, хотя и там изредка встречаются такие формы (напр., *вуса*). В ряде севернорусских говоров флексия *-а* оформляют суффиксальные образования на задненебный согласный, оставась в этом случае безударной: *вороненка*, *сапоженка*, *башмаченка*, *мужичонка* [Обнорский]; *братишка*, *дворишка*, *глазка*, *рукавка* [Бромлей, Булатова 1972: 102–103] *парнишоночка*, *торфушка*, *крайка* [Соцкова 1976: 41] Окончание *-а* распространяется в говорах гораздо шире, чем в литературном языке, оформляя имена, известные нормированному языку только с флексией *-и(ы)*: *парня*, *волоса*, *моста*, *фунта*, *кола*, *солода*, *хмеля*, *севера*, *живата*, *сока*, *груза*, *двора*, *хвартука*, *мънастыря*, *выбара*, *hълубя*, *лъдыря* и др.

Процесс распространения наблюдаемой флексии захватывает сущ. женского рода, в основном в ареале южнорусского наречия и среднерусских акающих говоров. По наблюдениям С. В. Бромлей и Л. Н. Булатовой, оформление имен женского рода флексией мн. числа *а* связано не только с типом склонения, но и принадлежностью определенному акцентологическому классу (имеется в виду принадлежность генетическим -**а* и -**i* - основам и ударенность основы в ед. числе и окончания во мн. числе). В говорах отмечаются такие номинативы, как: *бровя*, *ведомостя*, *вестя*, *ветвя*, *вещя*, *властя*, *волостя*, *горстя*, *грудя*, *дверя*, *должностя*, *дробя*, *жердя*, *зеленя*, *кистя*, *плетя*, *крепостя*, *кровя*, *лошадя*, *матеря*, *дочеря*, *ноча*, *областя*, *очередя*, *печа*, *плетя*, *площадя*, *податя*, *помоча*, *речa*, *сетя*, *скатертя*, *снастя*, *соля*, *степя*, *цепя*, *церквя*, *частя*, *щеля*, *баня*, *буква*,

вишня, воля, груша, деревня, дыня, книга, конюшня, кожа, кофта, куча, мельница, оглобля, роща, свадьба, сила, ступа, тыква, тысяча, улица, хата, шуба и мн. др. Здесь также обнаруживается флективный параллелизм – И.мн. на *-а* и *-и*(*ы*), т.е. *брови – бровя, силы – сила* и т.п.

Становление номинативов мн. на *-а*, как и становление унифицированной парадигмы мн. числа с показателем множественности ***а***, относится не к простым поступательным процессам, а к сложным и неравномерным. «Необычайная внешняя прихотливость» истории форм на *-а* [Ожегов 195 1: 26] связана со многими разноплановыми факторами: сменой акцентовки, частотностью, семантикой, сменой стилистической маркировки и т.п. Приведем сравнительные данные об интересующих нас формах по работам А. Х. Востокова (1831), Я. К. Грота (1899), В. И. Чернышева (1912, 1915). Эти работы демонстрируют увеличение год от года списка исследуемых словоформ, вместе с тем Грот не включает в свой список слова *боров, брег, возраст, ректор*; список Чернышева существенно шире, но автор не включает такие слова, как *вахтер, веред, вертел, вымпел, гетман, пекарь, ротмистр, рупор, череп* (как ненормативные для описвыаемого периода). Как справедливо отмечал С. И. Ожегов, «многие слова, приобретая это окончание, в дальнейшем его не сохранили и возвращались к старому. Взамен появлялись новые серии слов с окончанием *-а*» [Ожегов Там же].

Происхождение

Относительно происхождения номинатива плюралис с флексией *-а* в именах несреднего рода было выдвинуто множество гипотез. Они известны, но позволим себе совсем коротко напомнить о них.

А. И. Соболевский полагает, что появление новообразований на -а (*л ѢЕса́, города́*) связаны с дуальными формами (*бока́,* для которых предполагается конечное ударение), собирательными типа (*господа* с ударным *-а*, *латина* с безударным *-а*), и сущ. на *-ья* (*братия, зятья, дядья, каменья* и под. с любым ударением.) [Соболевский 1907:]. А. А. Шахматов, считая основным в решении исследуемой проблемы вопросы акцентологии, и опираясь на представление о развитии номинатива-аккузатива на *-а* в дуалисе от слов с подвижным ударением, полагает, что формы мн. И. на *-а* являются продолжением исчезнувших форм дв.ч. [Шахматов 1910–1911: 503]. С. П. Обнорский обосновывает точку зрения А. А. Шахматова обширным диалектным матералом и делает ряд интересных наблюдений в период их дальнейшего развития [Обнорский. Именное склонение, 1931]. Выводы Н. Ван-Вейка [?] об отсутствии в формах именит.–винит. дв. ч. муж. рода наконечого ударения дают основание Л. А. Булаховскому усомниться в образовательной активности этих форм и вернуться к гипотезе В. Ягича об аналогических отношениях Р. ед. – И. мн. (*о́блака – облака́, бе́рега – берега́*) [Булаховский]. В работах последующего приода причины появления флексии И. мн. муж.р. на *-а* рассматриваются или в связи с утратой форм дв.ч. или с индукцией именит. мн. сред. рода при участии ряда сопутствующих факторов, в частности, акцентологического аспекта, унификации флексий Д, М.,Т мн. и выделении показателя множественности ***а***.

Оригинальное видение этого процесса изложено в вышеназванной статье А. А. Зализняка. Ученый подробнейшим образом рассматривает процесс постепенного распространения форм И.мн. на *-а*, исходя из принадлежности соответствующих слов определенным акцентным парадигмам. Полагая, что замена старых форм на новые была стимулирована тенденцией к установлению единого ударения во всей субпарадигме мн. числа, ученый констатирует, что новое окончание появляется только в акцентной парадигме ***с***, где все слова в ед. числе имели начальное ударение (*г**о́**родъ, г**о́**рода, л**у**г, л**у**га*), а во мн. числе «единого ударения не было», и это сотношение «получило статус синхронического правила». Далее, по мере продвижения к нашему времени, в описываемый процесс включаются слова других типов акцентовки – с различного рода

нюансами (в литературном языке), но в говорах процесс развития исследуемых форм не подчиняется разного рода ограничениям.

А. А. Зализняк, делая выводы о причинах становления номинатива на *а*, категорически отвергает участие в этой истории форм дв. числа [Зализняк 2018: 28] и называет два фактора, приведшие к появлению образований на *-а* в И.мн.: 1) распространение единого показателя мн. числа ***а*** — из косвенных падежей и 2) и развитие новых словоформ И.мн. со значением собирательности или усиленной множественности и с синтаксической амбивалентностью, позволяющей им сочетаться с определениями и предикатами как в ед., так и во мн. числе [Там же].

Поддержанная Андреем Анатольевичем теория о развитии в Nom. Pl. флексии *а* – из косвенных унифицированных форм Д., Т., М. кажется убедительной. Но, как мы полагаем, резонно было бы обратить внимание на историю форм И.мн. сущ. сред. рода — типа *дѣлы*, появляющихся в то время, когда унифицированные флексии мн. числа *-ам, -ах, -ами* уже утвердились в языке. Как нам представляется, этот процесс не что иное, как экспликация мощнейшей тенденции нейтрализации рода в парадигмах мн. числа, вылившаяся в «зеркальный» процесс появления нетривиальной флексии *-и*(*ы*) в И.мн. имен сред. рода из имен муж.рода.

Стоит заметить, что В. Ягич [1889: 104–105] первым высказал предположение о том, что «…эти формы (И.мн. на *-á* — *С. И.*), довольно поздние, стали входить в употребление только тогда, когда в трех косвенных падежах уже установились окончания амъ, ахъ, ами… Нельзя, однако, утверждать, что упомянутых трех падежей было достаточно для воспроизведения именительного на а…. Спрашивается, не действовала ли тут, в самом деле, аналогия окончания среднего рода на а?». Вот что важно, как нам представляется.

На этом вопросе есть смысл остановитья. Правомерный вопрос о причинах, по которым И.мн. сред. рода был взят «на вооружение» И.мн. муж. рода, может быть аргументирован. Мы исходим из положения, наиболее четко сформулированного В. К. Журавлевым и В. П. Мажюлисом о том, что генерализация флексий осуществлялась по горизонтальному ряду парадигм. А ударность флексии Им. мн. ***а*** не столько результат влияния индуцирующих форм, сколько следствие включения таких форм в парадигму с иновационными флексиями *ам-, -ами, -ах*. Эта «тройка» формирует во множественной парадигме в косвенных падежах колонное ударение Журавлев, Мажюлис 1978:?]

Итак, важнейший процесс, определивший судьбу субстантивных парадигм во множ. числе, – процесс нейтрализаци признака грамматического рода. Он представлен, в частности, и в «зеркальной» замене исконных форм сущ. сред. рода мн. числа на *-а* формами на *-и*(*ы*): *селы, бревны, письмы* и под. Такие формы появляются одновременно с формами И.мн. муж. на *-а*, т.е. в начале среднерусского периода: *числы* Пч XV, 1 об., *лѣты* Гр (двин.) XV в., *селы* с бортью ДДГ 1401–1402; а въ грамотѣ у васъ…*имяны* не писаны АЮБ, 15. Б. Унбегаун приводит такую форму, как *осмеры колесы* ЛО 1553, 133 [Unbegaun 1935: 163–164]; В XVI–XVII вв. представлено более широкая фиксация таких образований: *блюды, государствы, царствы, княжествы, помѣстьи, болоты, бревны, воеводствы, войски, деревьи, жилищи, зеркалы, знамены, колесы, окны, письмы* и т.п. Что касается территориального распространения таких инноваций, то в новгородских и двинских грамотах они минимальны — напр., *ловищи*. В южных деловых документах, напротив, весьма многочисленны: *месты, стоилы, письмы, окны, урочищи, гумны, тяглы, копыты, наси*(л)*ствы* и под. Эти формы отмечаются очень часто в памятниках деловой письменности XVII в.; С. П. Обнорский приводит ряд примеров, извлеченных им из диалектных материалов и фольклора: *болоты, гнезды, лицы, бревны, веслы, вороты, кольцы, пойлы, ествы, полотенцы, платьи, кольцы, пойлы, ружьи, корыты, сукны, полены, мясы, бельмы, дровы, полотны* и мн. др. Ареал распространения флексии И.мн. сред. рода на *-и*(*ы*) – западные области, пограничные с территорией укр. и блр. языков, а

также центральные и южные области, где наблюдается функционирование исследуемых образований параллельно с исконными формами на *-а*.

О значительном распространении форм на *-и(ы)* имен сред. рода можно говорить лишь, начиная с конца XVII в. В книжно-письменном типе языка XVIII–первой половины XIX в., несмотря на стилистическую маркированность (они квалифицируются как разговорные), отмечаются очень часто (в том числе в текстах литературного и нейтрального характера): *правилы*, *правы*, *ядры*, *эхи*, *злодействы*, *предисловии*, *состоянии*, *блажнствы*, *поученьи*, *белилы*, *блюды*, *знамены*, *кольцы*, *копыты, леты, лицы, монисты, озеры, окны, паникадилы, перила, письмы, полотны, пугалы, пятны, ребры, румяны, селы. сердцы, стеклы, сушилы, удилы. утры, чады, чучелы, яйцы, яствы* и др. Резкое сокращение форм на *-и*(*ы*) начинается со второй половины XIX в. [Очерки 1964: 234]. В книжно-письменном языке исследуемые формы утверждаются в кругу лексем на *-ко*: *яблоки*, *окошки*, *перышки*, *местечки* и др. Однако в диалектном языке и фольклоре И-В мн. на *-и*(*ы*) у имен сред. рода представлен широко*: болоты, коленцы, гнезды, лицы, бревны, веслы, пойлы, ведры, корыты, сукны, буркалы, полотны, сёдлы и т.п.* Ареал распространения этой флексии – западные области, пограничные с территориями укр. и блр. языков, а также центральные и южные ареалы, где наблюдается функционирование рассматриваемых образований параллельно с формами на *-а*. В «Атласе говоров центральных областей к северу от Москвы» И. ср. на *-и(ы)* зафиксирован в оскольских, костромских, калининских говорах (карта № 182) в виде разорванных ареалов; такие формы засвидетельствованы в старобелорусских материалах (*дЫелы*, *мЫесты*) и в современных белорусских говорах: *воиски, вороты, вёдры, леты, письмы, пёры, палотны, помёлы, сёдлы, яйцы, яблоки* и др., но отсутствуют в укр. языке.

Унификация системы падежных флексий (как и унификация системы падежных противопоставлений) является содержанием процесса нейтрализации признака рода в парадигмах мн. ч. Эта унификация протекает как сокращение ряда синонимичных флексий**: (м.р. *столи*/*столы*/*столове*/*стола*) – т.е. от ср. р. к мужск. – флексия *-á*, используемая наряду с *-и*(*ы*) или вместо нее; от муж. р. к сред. *-и*(*-ы*) наряду с *-а* или вместо нее (*окна*/*окны*)**.

Думается, что в описании становления флексии им. мн. *-á* в кругу сущ. несреднего рода, как это вытекает уже из предыдущего изложения, полезно было бы ввести такие понятия, как причины и средства.

В нашем случае *причиной* формирования унифицированной парадигмы мн. числе явился процесс нейтрализации грамматического рода, а *средством* стала замена маркированных по роду флексий немаркированными. Полагаем, что возникновение номинатива плюралис муж. рода на *-а* инициировано формами номинатива сред. рода мн.ч. на *-а* с одновременной поддержкой формами косвенных падежей на *-ам*, *-ах*, *-ами*. Мы, таким образом, разделяем точку зрения В. Ягича. Ученым впервые четко был показан ход распространения номинативных форм Nom. Pl. на *-а*.

А. А. Зализняк в своей статье уделяет особое внимание роли форм И.дв. на *-а* в истории И.мн. муж. рода на *-а*. Описание сложных перипетий, сопровождавших стабилизацию акцентовки форм именительного падежа дуалиса, приводит автора к мысли, что явная конкуренция форм рОга и рогА, бОки и бокА, глАзы и глазА, фигурирующих в древнерусских текстах, не могла создать благоприятную ситуацию для закрепления номинатива множ. муж. рода на *-а* под влиянием этих форм [Зализняк 2018 1:]

Выводы ученого о «непричастности» форм дуалиса к формированию именит. мн. на *-а*, как кажется, требует еще изучения. На основе статистических данных об ударенности/безударности интересующих нас форм, ученый приводит материалы из акцентуированных памятников, где ударенные формы уступают ударным, и солидаризируется с В. М. Марковым, который писал: «…от решающей роли образований типа бЕрега, бОка по небходимости приходится отказаться» [Марков].

В последних исследованиях показано, что дуальные формы существовали вплоть до конца древнерусского периода, а в таких сочетаниях, как например, *два часа*, *два шага* В. В. Виноградов и А. А. Зализняк видели здесь на синхронном уровне счетный падеж или счетную форму.

И все-таки, по нашему мнению, формы И дв. на *-а*, несомненно, входили в число индукторов И.мн. муж. р. на *-а*. Согласно О. Ф. Жолобову, «утрата дв. числа в в древнерусском языке была длительным процессом. Она прошла **четыре этапа** накопленния нейтральных числовых форм, заменявших маркированные формы, результатом чего явилось внутрикатегореальное семантико-грамматическое обобщение… четвертый этап (завершился) к началу XV в…. Наиболее значительная роль в речевой трансформации числового противопоставления принадлежала… конструкциям с двумя именами, которые начинают смешиваться с конструкциями, содержащими многоонимные последовательности». И еще: «Распад дуальной подпарадигмы не затронул формы И–ВП дв.ч в сочетаниях типа *два года*» [Жолобов]. Добавлю со своей стороны, эти формы функционировали еще в XVII в., превратившись впоследствии в квази-родительный падеж ед. числа. Говоря об утрате дв. числа, надо разделять две составляющих: категорию дв.ч. и ее формы. Ср. высказывание А. Мейе: «…исчезновение дв. числа происходило постепенно и оставило во всех языках обильные следы, морфологические и синтаксические» [Мейе 1951: 260].

Приходится сделать непопулярный вывод о том, что ударенность флексии *-а* в кругу индуцирующих слов не имела определяющего значения в процессе закрепления флексии *а* в словах м.р. (ср. И. мн. ср. рода *óкна, болóта, ядра, сукна, озéра, но сердцá, делá, местá, стадá*). Распространению инновационных форм на *-а* способствовали также собирательные этнонимы: *башкира, зимягола, ижера, корела, литва, меря, морава, мордва, мурома, норова, печера, свея, черемиса, угра, чуваша, латина* и другие разнородные многочисленные образования на *-ья*, фиксирующиеся, начиная с XIII в.: *камения* ПрЛ XIII в., Пр 1383, ЛИ ок. 1425; *листия, колосья, уголья*; *братья*, *шурья*, также не имеющие стабильной наконечной акцентовки [&]

Итак, развитие номинатива на *-á* в именах несреднего рода привело к следующим процессам: а) формированию унифицированной парадигмы с элементом ***а*** как показателя значения множественности и б) вытекающим отсюда противопоставлением парадигм ед. и мн. числа по структурно-акцентологическим признакам.

Но обратимся к той категории слов, которые в контексте нашей проблемы не были предметом особого внимания [Иорданиди 1985: 247–266]. В древнерусском языке старшей поры слова типа *горожанинъ*, *родитель*, *мытарь* составляли особый словоизменительный класс в склонении, объединяющем существительные бывших согласных основ. Но их словоизменение можно назвать контаминированным. На протяжении XI –XVII вв. исконная флексия *-е* (как *камене*) заменяется флексией *-и*: *граждане*, *вавилуняне*, *аравляне*, *амазоняне*, *дворяне*, *бояре*, *полочане*, *селчане*, *поселяне/ татари* (*ы*), *суряни*, *горожани*(*ы*), *хрестьяни(ы*), *болгары*; *родителе*, *дѣлателе*, *учителе*, *мучителе/ грабители*, *чистители*, *съвѣдѣтели*; *мытаре/ пушкари*, *рыбари*, *государи*, *постари*, *келари* и т.д.

С конца XV в. памятниками народно-разговорного типа языка, а в XVI –XVII вв. и в книжно-письменном языке у сущ. типа *горожанинъ* и *родитель* документируются словоформы номинатива на –‘*а*: *христьяня*, *бояря*, *устюжаня*, *дворяня*, *гражданя*,

мѣщаня, *никонияня*, *гречаня* и под. Позднее, с первой трети XIX в., эту флексию получают словна -*тель*: *родителя*, *смотрителя*, *служителя* и под.

Начиная с XVI в. появляются формы номинатива на -*а* у слов типа *горожанинъ*, *мытарь*: *бесермена*, *бояра*, *галичана*, *дворяна*, *граждана*, *новгородчана*, *миряна*, *хуторяна*, *самаряна*. Они отмечаются на севере русской диалектной территории.

Вопрос о происхождении таких форм был предметом специального исследования ряда лингвистов. По мнению А. А. Шахматова, формы на -*а*(-*я*) являются результатом перехода конечного безударного е→'а; развитие же унифицированных флексий косвенных падежей стало причиной отвердения исходных согласных и появления номинатива на -*а* [Шахматов] Аналогичного мнения придерживается Н. Н. Дурново [Дурново]. С.П. Обнорский связывает подобные образования с влиянием собирательных этнонимов (*корела*, *черкеса*) и под [Обнорский]. П. С. Кузнецов высказывает предположение о происхождении флексии -'*а* под влиянием форм типа *братия*. Что касается флексии И.мн. -*а*, то, по мнению Кузнецова, следует иметь в виду два индуцирующих фактора: класс собирательных имен на -*а*, согласовывавшихся по мн. числу (*корела*, *литва*, *латигола*, *меря*, *мордва*, *мурома*, *черемиса*, *ижера* и др.) и формы на -*а*, получившие твердый согласный в конце основы под влиянием косвенных падежей. [Кузнецов]. Подытоживая, подчеркнем, что определенная роль в развитии номинатива на -*а* в этой категории слов играла лексическая семантика — и те, и другие имеют значение лица и собирательности.

Литература

Ананьева В.П. К вопросу о формах именительного падежа множественного числа имен существительных мужского рода на -*и*, -*ы*, -*ове*, -*а* в «Казанском летописце» // Учен. зап. ЛГПИ. Т. 144. Л., 1958.

Булаховский Л.А. Курс истории литературного языка (Исторический комментарий). Т. 2. Киев, 1953.

Воронцова В.Л. Русское литературное ударение XVIII–XX вв. Формы словоизменения.М., 1979.

Демидова Г.И. Из истории форм именительного падежа множественного числа имен существительных в русском языке XII – XVII вв. // Учен. зап. ЛГПИ. Т. 144. Л., 1958.

Журавлев В.К., Мажюлис В.П. Из диахронической морфологии славянских и балтийских языков. Вильнюс, 1978.

Зализняк А.А. Русское именное словоизменение с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию. М., 2002.

Зализняк А.А К вопросу об акцентной эволюции энклиноменов в русском языке // Язык. Константы. Переменные. К вопросу об акцентной эволюции энклиноменов в русском языке. Сб. статей. Памяти А.Е. Кибрика. СПб., 2014. С. 269 – 276.

Зализняк А.А. Функции флексии именительного падежа -*а* в русском языке // Русский язык в научном освещении. 2018. № 2 (35). С. 9–32.

Иорданиди С.И. Из истории форм существительных именительного множественного на -*á* в русском языке // Общеславянский лингвистический атлас Материалы и исследования. 1980. М., 1982.

Иорданиди С.И. Формы именительного множественного существительных типа *горожанинъ*, *родитель*, *мытарь* в истории русского языка. Материалы и исследования. 1982. М., 1985.

Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. Т.7. М., 1952.

Обнорский С.П. Именное склонение в русском языке. Вып. 2. Л., 1931.

Очерки исторической грамматики русского литературного языка XIX в. Изменение в формах существительного и прилагательного в русском литературном языке XIX века. М., 1964.
Соболевский А.И. Лекции по истории русского языка. М., 1907.
Шахматов А.А. Курс истории русского языка. 1910–1911.
Ягич И.В. Критические заметки по истории русского языка. СПб.,1889.
Якобсон Р. Морфологические наблюдения над славянским склонением // Избранные работы. М., 1985.
Unbegaun B. La langue russe au XVI-e siècle. Paris, 1935.

Sofia I. Iordanidi
Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)
siordanidi@yandex.ru

To the history of Nom.Pl. on *-á* in non-average names

Annotation

The reason for the work on the formation and development of nominative plural forms of the masculine gender in -á was the brilliant article by A. A. Zaliznyak, published in the first issue of the journal Russian Language in Scientific Illumination for 2018, in the third part of which the plot was studied The Question of Imn. Non-average clan in -á, pp. 21-30). The question of the origin of the forms under consideration is complex and, in our opinion, debatable, still requires a review of the role of various factors in the formation and development of nom. pl. middle sort on -á.

The proposed article discusses such issues as: 1) the genesis of the studied forms; 2) the structural and accentual characteristics of the words that have mastered the new inflection in the first stages of its existence; 3) the extension of forms to -á throughout the history of a language (with attention to their chronological and territorial affinity). The stimulators of the appearance of non-trivial plural nominative forms in the names of the non-average genus are the primordial formations of the middle genus on *-a*, supported by unified forms of indirect cases on *-am*, *-ah*, *-ami*.

Key words: language history, morphology, plural forms, inflection, accent paradigm.

А. М. Кузнецов
Даугавпилсский университет
anatolijs.kuznecovs@du.lv

Употребление указательных местоимений сь**,** тъ**,** онъ **в Зографском евангелии**

Указательные местоимения *сь, тъ, онъ* нормально выполняют собственно указательную функцию в присубстантивной позиции в ситуации диалога. Занимая место существительного, они получают одновременно с указательной и функцию местоимения третьего лица. В Зографском евангелии дейксис не определяется связью с личными местоимениями: местоимение **сь** указывает на предмет, находящийся в центре внимания, а на отсутствующий предмет – все три местоимения, при этом они становятся анафорическими. То же наблюдается в нарративном режиме. Вытеснение Им.п. исконно анафорического местоимения *и* прошло в дописьменный период скорее всего для ликвидации омонимии, ср. сочетания с союзами *а сь, и тъ, онъ же* (**а и, *и и, *и же*). Местоимение *онъ* сокращало сферу своего употребления как в присубстантивной позиции (*на онъ полъ*), так и в субстантивной роли, где продолжало использоваться только в случаях сопоставления: *съниде сь въ домъ свои оправъданъ паче оного*.

В старославянском языке указательные местоимения образовывали тернарную систему, которая в отличие от реконструируемой индоевропейской уже не была связана с личными местоимениями. В присубстантивной позиции сь в диалоге обычно указывает на предмет, находящийся перед глазами и в центре внимания, а тъ – на отсутствующий предмет, т.е. становится анафорическим, онъ – сохраняется в некоторых устойчивых сочетаниях типа на онъ полъ. Те же местоимения-субстантивы сочетали в себе указательную функцию и функцию 3-его лица.

В старославянской системе мы находим три указательных местоимения сь, тъ, онъ. К ним примыкают еще местоимение овъ, которое использовалось обычно в перечислительных конструкциях с сопоставительным значением – овъ… овъ/дроугыи, и анафорическое местоимение *и/1/ё. Указательная функция нормально реализуется в присубстантивной позиции в ситуации диалога. Но дейктическая функция, как указывали уже античные авторы, плавно перетекает в анафорическую, если объектом указания является не присутствующий предмет, а то, что следует искать в речевом потоке [Бюлер 1993: 109–114]. В таком случае указательные местоимения совершают экспансию в сферу действия анафорического местоимения *и/1/ё. Действительно, использование последнего в присубстантивной позиции представляло уже редкие случаи в славянской речи [Кузнецов, Иорданиди, Крысько 2006: 81–90].

Самым трудным является вопрос о первоначальных семантических различиях трех указательных местоимений. Считается, что система указания в некоторых индоевропейских языках была трехстепенная, например, в латинском: «**Hic** есть указательное местоимение первого лица; оно указывает на предмет, близкий говорящему по месту или времени или только что упомянутый. По-русски ему соответствует **этот**. Часто оно подходит по значению к словам: *мой, наш*. <…> **Iste** есть указательное местоимение второго лица; оно указывает на предмет, находящийся перед говорящим. По-русски ему соответствует **этот** (иногда **тот**). Часто подходит по значению к словам: *ты, вы, твой, ваш*. <…> **Ille** есть указательное местоимение третьего лица; оно указывает на предмет, отдаленный от говорящего по месту или времени или упомянутый раньше» [Соболевский 1998: 372–375].

Такую же систему исследователи видят и в праславянском: сь – ‘этот, ближайший предмет и предмет в отношении к говорящему лицу’, тъ – ‘тот предмет и предмет в отношении ко 2-ому лицу’, онъ – ‘тот, вне отношения к говорящим’ [Мейе 1951: 353–354]. Однако, как соотносится эта гипотетическая система с системой местоимений в

старославянских памятниках, пока остается неясным.

Что касается латинского местоимения *iste*, то В.Н. Топоров доказал у этого местоимения изначальность значения ‘тот самый, именно тот’ и его происхождение из соединения двух местоимений **is-to-* (ср. славянское прилагательное истыи ‘истинный, настоящий’) [ЭССЯ, 8 1981: 246–247]. Уцелевшие редкие примеры употребления атрибутивного местоимения *и/1/ё дают повод интерпретировать и его как ‘этот самый, вот этот’. Например, в приписке дьякона Григория к ОЕ в молитвенной части (диалогической в начале) используется указательное местоимение се: Σлава тебэ ги= цр=ю нб=сьныи . 1ко съподо/би мя написати jуГ+лие§ се; Ѧписахъ же jуГ+/лие се . рабоу бж=ию; Ѧънога же лТ+э . дароуи б=ъ съ/тяжавъшоумоу jуГ+лие§ се, а во второй части (монологической), сообщая свое имя, Григорий употребляет уже анафорическое местоимение – AZ} GRIGORII DI/1коН+ . написахъ jуГ+лие е§, т.е. с эмфатической функцией ‘это самое, вот это’. Значение ‘тот самый’ обнаруживается и у местоимения тъ (см. примеры ниже).

1. Присубстантивная позиция

Анализ употребления указательных местоимений в присубстантивной позиции в Зографском евангелии показал, что указание не связано с отношением к лицу участников диалога, как это предполагается для праславянского периода (сь ↔ азъ, тъ ↔ ты, онъ ↔ *и), ср.:

Лк 15.23 ˘@ приве/дъше тельць оупитэны ./ заколэте . ˘@ эдъше да ве/селимъ ся . 24 эко сн=ъ мо) сь (οὗτος ὁ υἱός μου; *hic* filius meus) ./ мрътвъ бэ ˘@ оживе . ˘@згы/блъ бэ ˘@ обрэте ся . ˘@ начя/шя веселити ся,

но: Лк 15.32 възвесели/ти же ся ˘@ въздрадова/ти подобааŚше . эко братръ/ тво) сь (ὁ ἀδελφός σου οὗτος; frater tuus *hic*) . мрътвъ бэ ˘@ о/живе . ˘@згыблъ бэ ˘@ о/брэте ся.

На самом деле и там, и там местоимение указывает на предмет в центре внимания не только говорящего, но и слушателей. Нет и обязательной зависимости от греческого оригинала (сь – οὗτος, тъ / онъ – ἐκεῖνος), ср.:

Ин 18.17 Gл|а же раба двь/рьница петрови . еда ˘@ ты/ отъ оученикъ еси чк=а того (τούτου) .// гл=а онъ нэсмь.

В центре внимания может оказаться любой присутствующий предмет:

Мк 15.39 Vидэвъ же съ/тьникъ сто_) прэмо еŚмоу ./ эко тако възъпивъ ˘@здъше ./ рече . Vъ @стин№ чк=ъ сь (οὗτος) ./ сн=ъ бж=ь) бэ;

Мф 4.3 £ при/ст№пи къ нŽемоу диэволъ ./ ˘@скоуша_ и ˘@ рече . аште сн=ъ/ еси бж=)и . рьци да камение се (οὗτοι; ut lapides *isti*) / хлэби б№д№тъ;

Лк 18.11 фарисэ/@ же ставъ . сице вь себэ/ молŽэаŚше ся . бе <нет титла> хвал№/ тебэ възда\ . эко нэсмь/ эко ˘@ прочи) чц=и . хышть/ници . неправьдьници ./ прэлŽюбодэ) . ли эко ˘@ сь (οὗτος) / мытарь;

Мк 8.1 Vъ ты дьни пакы многоу на/родоу с№штю . ˘@ не ˘@м№ште/мъ чесо эŚсти . призъвавъ/ ис= оученикы сво_ гл=а ˘@мъ ./ 8.2 милъ ми естъ народъ сь (τὸν ὄχλον)./ эко оуже три дьни присэдя/тъ мнэ . ˘@ не ˘@м№тъ чесо/ эŚсти.

Это же местоимение используется в ситуациях, когда интересующий говорящих предмет не находится перед глазами. В таких случаях дейксис переходит в анафору – отсылку к предтексту, что особенно заметно в отречении Петра, где используется придаточное определительное с местоимением иже:

Мк 14.71 *Źнъ же начятъ ротити ся/ ˘@ кляти ся . эко не вэмь чк=а/ сего (τοῦτον; hominem *istum*) . еŚже <= ВП ед. муж. иже (ὃν, егоже МЕ)> гл=ете. [˘@ вътори – *стерто*]// ˘@ въторице\ коуръ въспэтъ ./ ˘@ помэн№ петръ гл=ъ . экоже/ рече еŚмоу ис=;

Ин 11.47 събъ/рашя же аŚрхиеŚре) . ˘@ фари/сэ) съборъ . ˘@ гл=ааŚх№ чьто/ сътворимъ . эко чк=ъ сь (οὗτος; hic homo) зна/мениэ многа творитъ;

Ин 7.46 отъвэшташя слоу/гы . николиже тако естъ .// гл=ъ чк=ъ . эко сь (οὗτος) чк=ъ.

Предмет может быть и неконкретным:

Лк 10.5 Vъ нŽьже домъ вьнидете ко/лижьдо . пръвэе гл=ите ./ миръ домоу семоу

(τούτῳ).

В таких же контекстах отмечается и местоимение тъ:

Мф 27.19 сэдяштю же е/моу на с№дишти . посъла/ къ нЖемоу жена своэ глЖ|\/шти . ничьсоже тебэ ./ ˘@ правьдьникоу томоу (ἐκείνῳ; iusto *illi*) ./ много бо пострадахъ днь/сь въ сънэ его ради;

Лк 19.27 *баче врагы мо_ ты (τούτους; inimicos meos *illos*) . не/ хотэвъшя_ мьнэ . да цр=ь би/мь былъ надъ нЖими . при/ведэте _ сэмо . ˘@ исэцэ/те _ прэдъ мно\;

Лк 1.61 ˘@ рэшя еи ./ эко никътоже еŚстъ отъ рожде/ньэ твоего . ˘@же нарицаетъ/ ся ˘@менемь тэмь (τούτῷ; *hoc* nomine);

Мк 9.29 £« рече @мъ . тъ (τοῦτο; *Hoc* genus) родъ не ˘@матъ/ ничимьже ˘@зити . тъкъмо// молитво\ ˘@ постомь.

В монологической речи наиболее часто встречается соединение местоимения тъ с местоимением иже в определительном придаточном:

Ин 18.16 Ретръ же/ стоэше при двьрехъ вьнэ ./ £«зиде же оученикъ тъ (ἄλλος ‘другой’) ./ ˘@же бэ знаемъ аŚрхиереови ./ ˘@ рече двьрьници . ˘@ въве/де петра;

Лк 19.15 ˘@ бысть/ егда ся възврати при)мъ/ цр=сье . ˘@ рече да пригла/сятъ емоу рабы ты (τούτους) . ˘@мъ/же дастъ съребро . да оувэ/стъ как№ коуплЖ№ с№тъ съ/творили.

Что касается употребления в диалоге атрибутивного онъ, то отмечен единственный пример, где местоимение относится к отсутствующему предмету и является анафорическим:

Мф 27.63 глЖ|\ште ./ ги= помэн№хомъ . эко льсть/ць онъ (ἐκεῖνος; seductor *ille*) рече . еште живъ сы ./ по трьхъ дньхъ въстан№.

Таким образом, все три местоимения в таких контекстах конкурируют, но онъ уже уходит из употребления.

В собственно указательном значении местоимение онъ отмечается только во фразеологических сочетаниях пространственного значения, причем в монологических частях евангельского текста, где субъектом ориентации является Иисус:

Мф 4.25 ˘@ по нЖемь @дошя// народи мно^и . оŚтъ галиле_/ ˘@ декаполэаŚ . ˘@ отъ @л=ма @ и/юде_ . ˘@ съ оного полоу (πέραν! ‘на той стороне’) ˘@оŚрдана;

Мф 8.18 оузьрэвъ же ис= ./ многы народы окръстъ/ себе . повелэ ˘@ти на онъ (εἰς τὸ πέραν! ‘на противоположный берег’) / полъ;

Лк 8.26 ˘@ прээŚдошя на/ землЖ\ Зенисаретьск№ ./ эже естъ об онъ полъ (ἀντιπέρα) гали/ле_;

Мф 14.22 £ абие оубэди оуче/никы вълэсти въ корабь ./ ˘@ варити) на ономь полоу (εἰς τὸ πέραν!) ./ доньдеже отъпоуститъ на/роды.

Примеры с темпоральным значением также допускают взаимозамену всех трех анафорических местоимений в монологических контекстах:

Лк 1.24 по сихъ (ταύτας; Post *hos* autem dies) же дьньхъ ./ зачятъ елисавьть жена/ его . ˘@ таэŚше пять мЭць гл|Ж\/шти;

Лк 6.12 Выстъ же въ дь/ни ты (ταύταις; in *illis* diebus) . ˘@зиде въ гор№/ молити ся . ˘@ бэ об ношть// въ молитвэ бж=)и;

Мф 26.55 Vъ тъ (ἐκείνῃ; In *illa* hora) часъ ре/че ис= къ народомъ . эко на/ разбо˘@ника ли ˘@зидосте ./ съ ор№жиемь ˘@ дрькол»ми ./ _ти мя . по в»ся д»ни сэдэ/хъ съ вами . въ цр=къве оучя ./ ˘@ не _сте мене;

Мф 14.1 Vъ оно (ἐκείνῳ; In *illo* tempore) врэ/мя . слышавъ ˘@родъ тетра/аŚрхъ . слоухъ хв=ъ . 14.2 ˘@ рече/ отрокомъ сво˘@мъ . се естъ/ ˘@оаŚнъ крьстителЖь.

Особый случай представляют примеры, где греческое местоимение αὐτός ‘сам, тот самый’, т.е. выделительно-отождествительное, переведено славянским местоимением тъ. Чаще всего эти приметы содержат темпоральные существительные –

Лк 2.38 ˘@ та въ тъ (αὐτῇ ‘в тот же самый’; Et haec *ipsa* hora) часъ . приста/въши ˘@сповэдааŚше ся/ гв=и . ˘@ гл=ааŚше оŚ нЖемь .// вьсэмъ ча\ште˘@мъ ˘@/збавлЖеньэ въ)лм=э;

Лк 12.12 ст=ы бо дх=ъ наоучитъ вы ./ въ тъ (αὐτῇ; in *ipsa* hora) часъ экоже подоба/етъ гл=ати;

Лк 20.19 ˘@ вьзи/скашя . аŚрхиеŚре) ˘@ кънижь/ници . възложити на нŽь// р№цэ въ тъ (αὐτῇ; in *illa* hora) часъ . ˘@ оубоэ/шя ся лŽюди) . разоумэшя/ бо эко къ нŽимъ рече притъч№/ сь\;

Лк 23.12 ˘@ бысте же си/ дроуга . ˘@родъ же ˘@ пила/тъ въ тъ (αὐτῇ; in *ipsa* die) дьнь съ собо\ ./ прэжде бо бэаŚшете вра/жд№ ˘@м№шта междю со/бо\;

Лк 13.14 *Źотъвэ/штавъ же аŚрхŽис-нагогъ ./ негодоу_ . занŽе въ с№/бот№ ˘@цэли \ ис= . гл=ааŚше/ народоу . шесть дьнъ естъ ./ въ нŽяже досто@тъ дэла/ти . въ ты (αὐταῖς; in *his* ergo) оубо приходя/ште цэлите ся . а не въ дь/нь с№ботъны;

Лк 13.1 Рриключи же ся ./ еŚтери˘@ въ то (αὐτῷ; *ipso* in tempore) врэмя ./ повэда\ште . емоу оŚ/ гаЛлЕи˘@хъ . ˘@хъже кръ/вь питэтъ <Пилат!> . съмэс) съ/ жрътвами ˘@хъ.

Реже местоимение относится к абстрактным существительным и названиям человека:

Ин 14.11 вэр№ ˘@мэте мьнэ . эко азъ/ въ оц=и . ˘@ оц=ь въ мьнэ . АŹште/ ли же ни . за та (αὐτὰ; propter opera *ipsa*) дэла вэр№/ емлŽэте ми;

Лк 23.40 *тъвэ/штавъ же дроугы прэштааŚ/ше еŚмоу гл=я . ни ли ты/ бо@ши ся ба= . эко въ томь/жде (αὐτῷ; in *eadem* damnatione) ос№ждени) еŚси;

Ин 9.18 не _ся же вэры ˘@юде) оŚ нŽемь .// эко бэ слэпъ ˘@ прозьрэ . до/ньдеже възгласишя роди/телŽэ . того (αὐτοῦ; *eius*, qui viderat) прозьрэвъша/его;

Лк 2.8 £« бэаŚх№ па/стыри въ то@жде (αὐτῇ←; in regione *eadem*) стражи/нэ бьдяште . ˘@ стрэг№ште/ страж№ ноштьн№\ . оŚ стадэ/ своеŚмь.

Особенно интересны сочетания с именем собственным:

Мк 6.17 Тъ (αὐτὸς; *Ipse* enim Herodes) бо @родъ . по/сълавъ _тъ ˘@оŚана . ˘@ съвя/за) . въ тьмьници . ˘@роди/эды ради . жены филипа/ братра своего . эко оŚжени ся ./ е\;

Мк 12.36 тъ (αὐτὸς; *Ipse* David) бо да=дъ рече . дх=о/мь ст=ъ@мь . Рече гь= гв=и/ моемоу . сэди оŚдесн№\/ мене . дон»деже полож№ вра/гы тво_ . подъножие нога/ма тво˘@ма.

Подобное употребление местоимения тъ известно и в древнерусских деловых текстах, ср. в *Грамоте Мстислава Владимировича и его сына Всеволода 1130 г.*:

даже которыи князь по мо˘ёмь кня/жени˘и почьнеть хотэти 8Å˘1ти оу ст˘го ге8°рги/˘1 . а б˘ъ . боуди за тэмь ˘и ст˘а˘1 бц˘а ˘и т˘ъ <= тот самый, сам> ст˘ы˘и геó°/рги˘и оу негото <= у которого> 8°тимаёть *5–8*;

да соудить ˘ёмоЕ б˘ъ въ дн˘ь пришьстви/˘Їа сво˘ёго ˘и тъ ст˘ы˘и геó°рги˘и *20–21*.

Наконец, местоимение сь может использоваться в перечислительно-сопоставительных конструкциях в соединении с другими местоимениями –

Лк 20.16 придетъ ˘@ погоубитъ/ дэлателŽя сь_ (τούτους; colonos *istos*) . ˘@ въдастъ/ виноградъ ˘@нэмъ (ἄλλοις ‘другой, иной’; *aliis*) . слы/шавъше же рэшя да не б№де/тъ;

Мф 10.23 Егда же гонятъ вы въ/ градэ семь (ταύτῃ; in civitate *ista*) . бэгаите въ/ дроугъ@ (ἑτέραν ‘другой, иной’; in aliam) . аминь бо глŽ|\/ вамъ . эко не ˘@матъ ˘@ско/ньчати ся градъ @л=евъ ./ дон»деже придетъ сн=ъ/ чс=къ@.

2. Позиция субстантива

Если же указательные местоимения занимают место существительного, то они начинают выполнять одновременно с указательной и функцию местоимения третьего лица, т.е. относятся к лицу или предмету, не участвующему в диалоге. А в монологическом тексте, где дейктическая функция полностью преобразуется в анафорическую, они не могут занимать начальную позицию, здесь они появляются только после соответствующего существительного. Именно в субстантивной роли указательные местоимения начинают конкурировать с анафорическим местоимением *и/1/ё.

Итак, в диалогическом тексте местоимения-субстантиваты возможны в начальной позиции. Именно здесь они сохраняют свою дейктическую функцию, если предмет указания присутствует в данной ситуации и находится в центре внимания или уже отсутствует, но остается в центре внимания.

В вопросительном предложении относительно местоимения-подлежащего сь задается вопрос (в предикате), а далее по тексту местоимение сь (греч. οὗτος) сменяется анафорическим *и/1/ё (греч. αὐτός) в косвенном падеже:

Мф 8.27 чц=и же чюди/шя ся гл=\ште . както сь (οὗτος) е/стъ эко вэтри . ˘@ море по/слоуша\тъ его (αὐτῷ)

Мф 12.23 ˘@ дивлЖэах№/ ся вси народи . глЖ|\ште ./ еда сь (οὗτός) естъ сн=ъ дав=ъ

Мф 13.55 не сь (οὗτός) ли естъ// тектоновъ сн=ъ . не мати ли/ его (αὐτοῦ) нарицаетъ ся мариэ . ˘@/ братриэ его ˘@эковъ . ˘@ осифъ ./ ˘@ симонъ . ˘@ юда

Во всех примерах местоимение сь можно передать по-русски словом *это* или *этот*. В этих контекстах складывается одна из супплетивных пар сь/ёго.

Она дополняется отношением сь/ёгоже:

Лк 9.9 ˘@ рече ˘@родъ . ˘@оŚа/нна аŚзъ оусэкн№хъ . както/ же естъ сь (οὗτος). оŚ нЖемьже (περὶ οὗ) аŚзъ/ слыш№ таковаэ . ˘@ иска/аŚше видэти)

Ин 6.42 ˘@ гл=ах№ ./ не сь (οὗτός) ли естъ сн=ъ ˘@осифовъ ./ емоуже (οὗ) мы знаемъ . оц=а/ ˘@ матерь . како оубо сь (οὗτος – здесь уже анафорическое употребление) гл=е/тъ . эко съ нс=е сънидъ

Ин 7.25 гл=ах№/ же етери) оŚтъ ˘@илмл=энъ ./ не сь (οὗτός) ли естъ егоже (ὃν) ˘@шт№/тъ оубити

С указательной функцией в прямой речи местоимение сь используется и в повествовательных предложениях:

Мф 3.17 ˘@ се гласъ съ нб=се гл=я .// сь (Οὗτός) естъ сн=ъ мои . възлЖюблЖе/нъ@ . о немьже (ἐν ᾧ) благовилихъ

Мф 27.37 ˘@ положишя връ/хоу главы его . вин№ на/псан№ . сь (Οὗτός) естъ @с= . црь ˘@ю/дэ@скъ

Мф 27.54 сътьникъ же ˘@ и/же бэаŚх№ съ нЖимь . стрэг№/ште ис=а . видэвъше тр№съ/ ˘@ бывъшааŚ . оубоэшя ся/ глЖ|\ште . въ ˘@стин№ бж=)и/ сн=ъ сь (οὗτος) бэ

Ин 6.58 сь (οὗτός) естъ хлэбъ съшьды/ съ нс=е . не экоже эшя оц=и// ваши ман»н№ ˘@ оумрэшя ./ эŚд©и хлэбъ сь живъ б№/детъ въ вэкъ

Ин 9.20 отъвэштасте ˘@мъ/ родителЖэ его ˘@ рэста ./ то вэвэ эко сь (οὗτός) естъ сн=ъ/ наю . ˘@ эко слэпъ роди ся

Мк 14.69 ˘@ видэвъ/ши) пакы ˘@на рабынЖи . начя/тъ гл=ати къ сто_шти)мъ ./ эко сь (Οὗτος) оŚтъ нЖихъ еŚстъ

Если же предмет оказывается уже определенным, то у указательного местоимения сь или тъ на первый план выходит анафорическая функция 3-его лица ‘он’:

Мф 9.3 ˘˘@ се еŚтери отъ кънижьни/къ рэшя къ себэ . сь (οὗτος) вла/свимисаетъ

Мф 26.61 рэсте . сь (Οὗτος) рече мог№/ разорити цр»ковь бж=и\ ./ ˘@ трьми д»ньми възъда/ти \ .

Лк 23.35 ˘@ стоэаŚх№ лЖюдье ./ зьряште . подражааŚх№ же)/ кънязи гл=\ште съ нЖими ./ ˘@ны естъ сп=слъ . да сп=е/тъ ˘@ ся . аште сь (οὗτος) естъ хъ= сн=ъ/ бж=)) ˘@збъраны .

Ин 6.5 възведъ же очи ис= ./ видэ эко мъногъ народъ гря//детъ къ нЖемоу . гл=а къ фи/липоу . чимь коупимъ хлэ/бы да эдятъ си) (οὗτοι)

Если предмет отсутствует перед глазами участников диалога, а сам является уже известным, то используются местоимения онъ или тъ (греч. ἐκεῖνος, οὗτός):

Ин 7.11 ˘@юде) же его/ ˘@скаx№ въ праздьникъ ./ ˘@ гл=ах№ . къде естъ онъ (ἐκεῖνος)

Ин 16.13 егда/ [ж]е придетъ онъ (ἐκεῖνος) дх=ъ ˘@сти/[н]ьны наставитъ вы . на/ всэк№ ˘@стин№ . не оŚ себэ бо/ гл=ати ˘@матъ . нъ елико аŚште/ оуслышитъ . гл=ати ˘@матъ ./ ˘@ грядˆ№штааŚ възвэститъ вамъ . 16.14 онъ (ἐκεῖνος) мя прославитъ . эко отъ/ моего при)метъ . ˘@ възвэ/ститъ вамъ

Ин 9.12 рэ/шя же емоу както тъ (ἐκεῖνος) еŚстъ ./ гл=а не вэмь

Ин 4.29 при/дэте ˘@ видите чк=а . ˘@же ре/че ми вьсэ елико сътвори/хъ . еда тъ (οὗτός) естъ хъ=

Ср. пример, где сначала используется указательное сь в указательно-анафорической функции, а затем усилительно-отождествительное тъ ‘это именно он; он самый’ в отношении того же лица:

Мф 14.2 ˘@ рече/ отрокомъ сво˘@мъ . се (= сь, οὗτός) естъ/ ˘@оаŚнъ крьстителЖь . тъ (αὐτὸς) въ/скръсе отъ мрътвъ@хъ ./ ˘@ сего ради силы дэ\тъ/ ся о нЖемь (ἐν αὐτῷ)

Но даже в ситуации, где речь идет о двух разных лицах, возможно использование одного и того же местоимения сь:

Ин 11.37 еŚтери) же отъ/ нихъ рэшя . не можааŚше/ ли сь (οὗτος) оŚтвръзы очи слэ/поуемоу . сътворити . да ./ @ сь (οὗτος) не оумьрЖетъ

Лк 21.4 вьси бо си) (οὗτοι)/ отъ ˘@збытъка въврьго/шя въ дары бв=и . аŚ си (αὕτη) отъ/ лишеньэ своего . в»се ˘@/мэнье свое въвръже

В местоименно-соотносительных конструкциях гораздо чаще, чем пара сь–иже (οὗτος – ὃς), используется соотношение тъ–иже (οὗτός, ἐκεῖνος или αὐτός – ὃς) или тъ – *членное причастие*:

Мф 26.48 прэда_˘@ же) . дастъ ˘@/мъ знамение . еŚгоже (ὃν) аште/ лобъж№ . то (= тъ, αὐτός) естъ . ˘@мэте и (αὐτόν)

Мф 26.23 *нъ же отъвэ/штавъ рече . оŚмочи) (ὁ ἐμβάψας) съ мно/\ въ солило р№к№ . тъ (οὗτός) мя прэ/дастъ

Мф 12.50 ˘@же (ὅστις) бо аште/ творитъ волЖ\ оц=а моего/ ˘@же естъ на нб=схъ . тъ (αὐτός) бра/тъ мои . ˘@ сестра . ˘@ мт=и е/стъ

Мк 8.35 ˘@же бо аŚ/ште хоштетъ дш=№ сво\ съ/пасти погоубитъ \ . ˘@ иже (ὃς)/ погоубитъ дш=№ сво\ мене/ ради . ˘@ ев=а3лиэ тъ (–) сп=етъ/ ся (αὐτήν)

Мк 7.20 гл=ааŚше же . эко ˘@сходяштее/ отъ чк=а . то (ἐκεῖνο) скврънитъ чк=а

Лицо, о котором говорится, может быть как конкретным и определенным, так и неконкретным и неопределенным. Местоимение тъ чаще оказывается в постпозиции к иже или к причастию. Ср. соединение двух конструкций, вложенных одна в другую:

Ин 1.33 ˘@ азъ не видэхъ его ./ нъ посълавы (ὁ πέμψας) мя крьсти/тъ въ водэ . тъ (ἐκεῖνός) мнэ рече ./ надъ ньже (Ἐφ ὃν) оузьриши дх=ъ ./ съходяшть ˘@ прэбыва\/шть на нЖемь . сь (οὗτός) естъ крь/стя) дх=омь ст=ъ@мь .

В монологической части текста все три указательных местоимения используются в анафорической функции. В интродуктивных контекстах:

Мф 27.57 поздэ же бывъшю . приде/ чк=ъ богатъ . отъ аŚриматеŚ_ ./ ˘@менемь ˘@осифъ . ˘@же/ ˘@ оучи ся оу @с=а . Мф 27.58 сь (οὗτος) прист№/пь къ пилатоу . проси тэ/ла ˘@св=а

Лк 19.2 ˘@ се/ м№жь ˘@менемь нарица/емы закЖьхеаŚ . ˘@ сь (αὐτὸς) бэ/ старэ) мытаремъ . ˘@ тъ (αὐτὸς)/ бэ богатъ

Лк 2.36 ˘@ бэ аŚнна пророчица . дъшти/ фаноу˘@лЖева . оŚтъ колэна/ с-рова . си (αὕτη) заматерэвъши ./ въ дьнехъ мно^эхъ . живъ/ши съ м№жемь ж= лэТ+ . оŚтъ/ дэвъства своего

Лк 8.41 £« се приде/ м№жь . еŚмоуже бэ ˘@мя ˘@/аŚрь . ˘@ тъ (οὗτος) кънязь сънъми/штю бэ . ˘@ падъ при ногоу/ ˘@св=оу . молЖэаŚше) вьни/ти въ домъ сво)

Лк 7.12 эко же при/ближи ся къ вратомъ града ./ ˘@ се ˘@зношааŚх№ оумьръшь/ сн=ъ . ˘@ночядъ матери сво/е) . ˘@ та (αὐτὴ) бэ въдова . ˘@ наро/дъ оŚтъ града многъ бэ съ нЖе/\

В сопоставительных контекстах ‘народ – субъект’:

Мк 6.47 £« вечероу бывъшю . бэ бо ко//раблЖь посрэдэ морЖэ . аŚ сь (αὐτὸς) еди/нъ на землЖи

Мф 8.24 ˘@ се тр№съ/ вели бысть въ мори ./ эко покрывати ся кораблЖю/ вльнами . а тъ (αὐτὸς) съпааше

Лк 5.1 ВыС+ же/ належяштю емь народоу . да/ б№ слышали слово бж=ие ./ ˘@ тъ (αὐτὸς) бэ сто_ при езерэ 3ени/саретьсцэ

Ин 9.9 А ˘@ни гл=ах№ подо/бьнъ емоу (αὐτῷ) естъ . онъ (прозревший, ἐκεῖνος) же/ гл=аше эко азъ есмь

Лк 6.8 онъ (αὐτὸς) же вэ/дэаŚше помышлŽеньэ ˘@хъ ./ ˘@ рече м№жеви ˘@м№штю/емоу . соух№ р№к№ . въста/ни . ˘@ стани посрэдэ . онъ (–)/ же въста

В повествовательных контекстах в последовательности *существительное – анафора*:

Ин 13.6 приде же къ симо/ноу петроу . ˘@ гл=а емоу тъ (ἐκεῖνος)/ ги= . ты ли мо@ оумыеши/ нозэ

Лк 15.27 онъ (ὁ) же рече емоу . братъ/ тво) приде ˘@ закъла оц=ь/ тво) . тельць оупитэны ./ эко съдрава) при_тъ

Мк 4.27 ˘@ съпитъ . ˘@ въста/етъ ношть ˘@ дьнь . ˘@ сэмя про/зябаетъ . ˘@ растетъ экоже не/ вэстъ онъ (αὐτὸς)

Ин 9.11 отъвэшта онъ (ἐκεῖνος) ˘@/ рече . чк=ъ . нарицаемы ис= ./ брьние сътвори . ˘@ пома/за очи ми . ˘@ рече ми . ˘@ди/ въ к№пэль силааŚмлŽ№ .// ˘@ оумы ся . шьдъ же . ˘@ оу/мывъ ся прозьрэхъ

Мф 27.32 ˘@схо//дяште же обрэт№ чк=а . кŽ-ри/нэ˘@ска . ˘@менемь симона/ семоу (τοῦτον) задэшя понести кр=стъ/ его .

Лк 19.19 ре/че же ˘@ томоу (τούτῳ). ˘@ ты б№ди/ надъ . д= \ градъ .

В сопоставлении нескольких субъектов могут использоваться пары тъ – сь, тъ – онъ, личные местоимения и тъ – онъ. Здесь наблюдаем и формы косвенных падежей всех трех местоимений:

Ин 6.29 8тъ/вэшта ис= ˘@ рече ˘@мъ ./ се естъ дэло бж=ие ./ да вэроуете въ тъ . его/же (εἰς ὃν) посъла онъ (ἐκεῖνος).

Ин 5.19 отъвэшта же ис= . ˘@ рече/ ˘@мъ . аŚмин' аŚмин' гл=\ ва/мъ . не можетъ сн=ъ творити/ о себэ ничесоже . аŚште не е/же видитъ оц=а творяшта ./ эже (ἃ) бо онъ (ἐκεῖνος) творитъ . си (ταῦτα) ˘@ сн=ъ// такожде творитъ .

Ин 5.38 ˘@ словесе его не ˘@мате прэ/быва\шта въ васъ . занŽе/ егоже (ὃν) тъ (ἐκεῖνος) посъла . семоу (τούτῳ) вы/ вэры не емлŽете .

Ин 21.21 сего (τοῦτον) ви/дэвъ петръ гл=а ˘@св=и . ги= ./ а сь (οὗτος) чьто . Ин 21.22 гл=а емоу ис= ./ аŚште хошт№ да тъ (αὐτὸν acc.+inf.) прэб№/детъ . доньдеже прид№ .//чьто е тебэ . по мнэ ты гряди

Ин 5.35 онъ (ἐκεῖνος) / бэ свэтильникъ горя . ˘@ свь/тя . вы же хотэсте въздра/довати ся . въ часъ свьтэ/ниэ его (αὐτοῦ) . (об Иоанне)

Лк 3.16 *тъвэ/штавааŚше ˘@мъ ˘@оанъ гл=я ./ аŚзъ оубо водо\ крьшта\ вы ./ грядетъ же крэплŽи мене ./ еŚмоуже нэсмь досто˘@нъ ./ оŚтрэшити ремене сапогоу/ его . тъ (αὐτὸς) вы крьститъ дх=о/мь ст=ъ@мь . ˘@ огнŽемь

Ин 4.12 еси оц=а нашего ˘@экова . ˘@же/ дастъ намъ кладязь . ˘@ тъ (αὐτὸς)/ ˘@ж него питъ ˘@ сн=ове его/ ˘@ скоти его

Мф 13.11 онъ же отъвэштавъ рече ./ эко вамъ дано естъ разоу/мэти . та@наа цр=ствиэ/ неб=скааго . онэмъ (ἐκείνοις) же не дано/ естъ

Ин 7.27 нъ сего (τοῦτον) вэмъ отъ/к№доу сь (–) естъ . аŚ хъ= егда// придетъ . Nикъ/тоже не вэстъ/ отък№доу естъ

Лк 18.13 аŚ мытарь/ ˘@здалече сто_ . не хотэ/аŚше ни оŚчию своею вьзве/сти на нб=о . нъ бьэше пръ/си сво_ гл=я . бе= милости/въ б№ди мьнэ грэшьникоу ./ 18.14 гл|Ž\ вамъ . сьниде сь (οὗτος) въ/ домъ сво) оправъданъ па/че оного (παρ' ἐκεῖνον). эко всэкъ възно/ся@ ся . съмэритъ ся . ˘@ съ/мэрэ_) ся вьзнесетъ ся

Мф 8.9 ˘@бо азъ чк=ъ есмь/ подъ владыко\ . ˘@мы по/дъ собо\ во@ны . ˘@ глŽ|\ ./ семоу (τούτῳ) ˘@ди . ˘@ идетъ . ˘@ дроу/гоумоу приди . ˘@ придетъ ./ ˘@ рабоу моемоу сътвори се(τοῦτο) / ˘@ сътворитъ

Лк 14.9 ˘@/ пришьдъ зъвавы тя . ˘@ оŚного (αὐτὸν) .// речетъ ти . даждь семоу (τούτῳ) мэ/сто . ˘@ тъгда начьнеши съ/ стоудомь . послэдьнŽее мэ/сто дръжати

Мф 4.10 тогда гл=а емоу ис= ./ отиди диэволŽе . пишетъ бо/ г=ю б=- своемоу поклониши ся/ ˇ@ томоу (αὐτῷ) единомоу послоу/жиши

Ин 5.47 аŚште ли того (ἐκείνου) къ/нŽигамъ вэры не емлŽете ./ како моˇ@мъ гл=омъ вэр№ ˇ@/мете .

Ин 9.28 они же оукори/шя) (αὐτὸν) ˇ@ рэшя . ты оучени/къ еси того (ἐκείνου). мы мосэови/ есмъ оученици .

Таким образом, местоимения сь, тъ, онъ в атрибутивной позиции испоьзуются в указательной и анафорической функциях и имеют полную парадигму, причем употребление местоимения онъ уже резко сокращено до устойчивых словосочетаний. В субстантивной роли они сохраняют указательное значение в диалогическом режиме, однако противопоставление между ними базируется не на корреляции с личными местоимениями и вполне свободно от греческой системы местоимений. Обычно для указания на лицо или предмет, присутствующий в ситуации диалога, используется местоимение сь, а об отсутствующем говорится тъ или онъ. В монологическом режиме все три местоимения выполняют анафорическую функцию и являются взаимозаменимыми. Однако если речь идет о нескольких сопоставляемых объектах, то данные местоимения регенирируют свое указательное значение, создавая пары сь – онъ/тъ. Что касается местоимения онъ, то его косвенные падежи продолжают использоваться только в сопоставительных контекстах, вне этих контекстов употребительна только форма И. падежа.

Литература

Бюлер 1993 – *Карл Бюлер*. Теория языка. Репрезентативная функция языка. Пер. с нем. М., 1993. (Языковеды мира).

Кузнецов 2018 – *Кузнецов А.* Употребление указательных местоимений сь, тъ, онъ в присубстантивной позиции в Зографском евангелии // Valoda–2018. Valoda dažādu kultūru kontekstā. XXVIII Zinātnisko rakstu krājums. Atb. red. S. Polkovnikova. Daugavpils: Saule, 2018. С. 31–37. https://du.lv/wp-content/uploads/2019/02/Valoda_2018_DRUKA_GALA.pdf

Кузнецов, Иорданиди, Крысько 2006 – *Кузнецов А.М., Иорданиди С.И., Крысько В.Б.* Историческая грамматика древнерусского языка / Под ред. В.Б. Крысько. Т. III: Прилагательные. М., 2006.

Соболевский С.И. *Грамматика латинского языка: Часть теоретическая. Морфология и синтаксис*. Фототипическое изд. (Москва, 1948 г., Изд-во литературы на иностранных языках). С.-Петербург: Алетея, 1998.

ЭССЯ – *Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд*. Выпуск 8 (*xa–*jьvьlga). Под ред. О.Н. Трубачева. Москва: Наука, 1981.

А. Ф. Литвина
ИСл РАН, НИУ ВШЭ, Москва
alitvina@hse.ru
Ф.Б. Успенский
ИСл РАН, Москва
fjodor.uspenskij@gmail.com

К вопросу о ктиторах церкви Жен Мироносиц во Пскове (XVI в.)

Статья посвящена анализу свидетельства из 1-й Псковской летописи под 1546/7054 г. о церковном строительстве, предпринимаемом постепенно осваивающимися во Пскове переселенцами (ПСРЛ. Т. V. Ч. 1. М., 2003. С. 112). В свое время Вл. В. Седов, отмечая это летописное известие, счел, что заказчиков было трое: Богдан Ковырин, Григорий Иванович Титов и Кирилл Мыльник. Однако в работе исследователя оговаривалось, что такое прочтение можно принять лишь в том случае, если мы допускаем, что летописная запись в известном смысле дефектна, отличается явным аграмматизмом. В своем выступлении мы попытаемся показать, что искомая — не построенная на том, что летописец допустил грамматическую ошибку, — интерпретация текста возможна, если мы примем в расчет такой феномен, как светская христианская двуименность.

В 1-й Псковской летописи под 1546/7054 г. мы обнаруживаем интереснейшее свидетельство о церковном строительстве, предпринимаемом постепенно осваивающимися во Пскове переселенцами: «Поставиша церковь каменоую святого Стефана в монастыри над Великою рекою, а поставил Якимъ Переславець сведенои; а другую церковь поставиша на скудельницах святых жен Мироносицъ приказщикъ Богдан Ковырин да Григореи Иванов Титова Кирила мыльника, да и придѣл в него имя святого Кирила поставиша да и слоужбу вседневноую учиниша и попов и дьякона, да общее житие составиша, да и ямоу у дьяков взяли на церковь, гдѣ оубогиа кладуть, священникомъ на слоужбу» (ПСРЛ, V/1 (2003): 112).

Более всего в данной работе нас будут интересовать имена ктиторов второй из упоминающихся здесь церквей — храма Жен-Мироносиц. В свое время Вл. В. Седов [1994: 48–51], отмечая это летописное известие, счел, что заказчиков было трое: Богдан Ковырин, Григорий Иванович Титов и Кирилл Мыльник. Однако в работе исследователя оговаривалось, что такое прочтение можно принять лишь в том случае, если мы допускаем, что летописная запись в известном смысле дефектна, отличается явным аграмматизмом.

В самом деле, такая интерпретация исходит из того, что два участника ситуации поименованы, в соответствии с синтаксическими нормами, в именительном падеже, тогда как имя третьего фигуранта этого перечня неожиданным образом приведено в родительном падеже. Проявляется, кроме того, и более допустимая, но все же требующая некоторого объяснения асимметрия в именовании — один из жертвователей, Богдан Ковырин, назван с отчеством или семейным прозвищем, другой, Григорий Иванов Титов — с отчеством и дедчеством или семейным прозванием, тогда как третий, пресловутый Кирилл Мыльник, лишен каких бы то ни было генеалогических атрибутов. Помимо всего прочего, имена двух первых заказчиков соединены союзом «да», тогда как имя третьего вводится без какой-либо соединительной конструкции.

Нельзя ли, однако, прочесть эту запись таким образом, чтобы исчезли не только эти мелкие шероховатости, но и самый аграмматизм последнего элемента перечня?

Как кажется, искомая — не построенная на том, что летописец допустил грамматическую ошибку — интерпретация текста возможна, если мы примем в расчет такой феномен, как светская христианская двуименность. Эта традиция, когда человек в миру носил два христианских имени, причем одно из них являлось именем публичным, широко упоминаемым в разнообразных документах, будь то государева грамота,

налоговая перепись, купчая или данная монастырю, а другое — куда более раритетным, реже появляющимся в текстах, но не менее значимым в его церковной жизни, переживала в XVI столетии бурный расцвет. Двуименность в эту эпоху была явлением социально и гендерно нейтральным — публичное и непубличное христианские имена могли быть у великого князя, боярина, думного дьяка, дворянина, беглого холопа и, конечно же, у купца. Василий III, по распоряжению которого во Пскове оказались его новые насельники, был еще и *Гавриилом*, не только *Иваном*, но и *Титом* был Иван Грозный, при котором происходило строительство церкви Жен Мироносиц, Юрием / Софонием Сидоровым звался, в частности, знаменитый дьяк Большой казны, заказавший для псковской Троицкой церкви образ князя Всеволода / Гавриила, и казненный здесь же во Пскове.

Число примеров такой антропонимической практики легко многократно умножить. Вкладные и кормовые книги и синодики псковских монастырей, как, впрочем, десятки других источников этого типа по всей Руси, пестрят подобного рода свидетельствами. Встречаются они и в хронографических сочинениях и в надписях на предметах — словом, практически всюду, где присутствия одного лишь публичного имени по тем или иным причинам оказывается недостаточно. Зачастую непубличное имя характеризуется в записях неким особым образом, как «прямое», «молитвенное», «крестное имя», «имя» — в противопоставлении «прозвищу» (а именно так нередко помечалось имя публичное). Однако такие характеристики и эпитеты, несмотря на их широкую распространенность, были отнюдь не обязательными: публичное и непубличное имена могли безо всяких дополнительных пояснений фигурировать в простом соседстве друг с другом. Приведем лишь несколько примеров.

Казначей и окольничий эпохи Грозного Иван Петрович Головин, который носил еще и имя *Фома*, упомянут в летописи следующим образом: «А в другои пролом за Аталыковыми вороты велѣл от князя Михаила же казначѣю И в а н у Ф о м ѣ Петровичю, а помогати имъ царю великому князю своим полком» [ПСРЛ, XXIX (1965): 200], а о посольстве боярина Воронцова в Никоновской летописи говорится, в частности, так: «А къ Яналѣю царевичю послалъ князь великы въ городокъ Ф е д о р а Д е м и д а Семенова сына Воронцова…» [ПСРЛ, XIII/1 (1904): 57]. В Псково-Печерском монастыре на одной из надгробных плит обнаруживается следующая запись: «лѣ^та ҂зо вторaго ге^нварѧ в ке дн҃ь на памѧ^т и҃же во сты^х wца нашего григо^рѧ бг҃ослова архїепїскупа костѧ^нтинагра(да) убие^н бысть ї в а н ъ е s е к ѣ ї анкїѳо^в снъ wть лїтвы со кнѧзе^м пе^тр^ом ивановиче(мъ) шуйски^м» [Плешанова, 1966: 158 <№ 12>]. Обратим внимание, что здесь рядом названы оба имени усопшего, *Иван* и *Езекия*, а двуименный князь Шуйский обозначен здесь лишь публичным именем *Петр*. Ср, однако, поминальную запись по самому князю Шуйскому: «Того жъ мѣсяца <января> въ 26 день по князѣ П е т р ѣ п о Г у р і ѣ Ивановичѣ Шуйскомъ кормъ съ поставца» [Майков, 1909: 11].

Нередко два мирских христианских имени одного и того же лица могут приводиться не подряд, а как бы «с разрывом», образуемым отчеством. Ср., например, упоминание в Разрядных книгах родного брата Федора / Демида Воронцова — Ивана / Фоки: «В левой руке з боярином и воеводою с Ы в а н о м Семеновичем Ф о к о ю Воранцовым велел быти на Васильево место Воронцова князю Ивану Семеновичю Мезецкому», или упоминание одного из свидетелей в Данной 1571 г.: «А у даной сидели люди добрые: <...> да В а с и л е й Лутьянов сын В а в и л а» [Либерзон, I (1988): 238 <№ 390>].

С другой стороны, христианская двуименность могла фиксироваться не только в передаче имен тех или иных контрагентов текста, но и в записи их отчеств или именований по мужу. Знаменитый сын раскольницы боярыни Морозовой был в миру, насколько мы можем судить по дошедшим до нас текстам, обладателем одного-единственного христианского имени *Иван*, а вот его отец, Глеб Иванович Морозов, был

без сомнения двуименным[1], что и отразилось в поминальной записи по Ивану из Синодика Макарьевской Жабынской пустыни: «Ивана Борисовича, а по реклу <т. е. по прозвищу> Глѣбовича Морозова» [Леонид Кавелин, 1865: 95]. Княгиня Татева (урожденная Голицына), в миру носила, по всей видимости, одно христианское имя (*Мария*), тогда как ее муж, Федор / Митрофан, был двуименным, что видно, в частности, из того, как обозначена княгиня во Вкладной книге Троице-Сергиева монастыря: «79-го <1571> году марта в 19 день дала вкладу княгиня Марья князь Федорова Митрофана Ивановича Татева...».

Итак мы знаем, что мирская христианская двуименность в XVI в. — явление крайне распространенное, что в текстах она может фиксироваться на уровне отчеств и, с другой стороны, в конкретной записи христианские имена одного и того же лица могут как бы обрамлять его отчество или родовое прозвание с двух сторон. В этой антропонимической перспективе летописное известие под 1546 г. обретает некую дополнительную ясность. Его можно интерпретировать таким образом, что заказчиков при строительстве церкви Жен Мироносиц было двое, а не трое, Богдан Ковырин и Григорий, сын обладателя двух христианских имен, *Иоанн* и *Кирилл*, у которого имелось христианское отчество или родовое прозвание *Титов* и некалендарное именование *Мыльник*, возможно, связанное с родом его деятельности. Соответственно, интересовавший нас фрагмент летописи можно передать следующим образом: '...Богдан Ковырин и Григорий, сын Ивана / Кирилла Мыльника, сына Тита (или: Титова) поставили на скудельницах церковь святых Жен Мироносиц'.

Имена ктиторов соединены союзом «да», что скорее подразумевает некое равноправие, но при этом у одного из них, Григория, родовые характеристики выглядят гораздо подробнее и обстоятельнее, чем у другого. Объяснение этой большей подробности мы находим непосредственно в тексте самой летописной статьи — Григорий позаботился о том, чтобы в церкви появился особый придел, посвященный тезке и небесному покровителю его отца. По всей видимости, публичным именем последнего было *Иван*, и под ним он был привычно известен своему окружению. В таком случае посвящение одного из церковных престолов св. Кириллу требовало некоторого пояснения, что и побудило составителя летописи привести непубличное имя Ивана Титова — *Кирилл*.

Необходимо заметить, что в эту эпоху для большинства людей за пределами великокняжеской семьи именно непубличные имена были крестильными, а, соответственно, именно им чаще отдавалось предпочтение при заказе икон, церковном строительстве и кормовом поминовении. Иными словами, коль скоро у некоего человека было крестильное имя *Кирилл* и публичное *Иван*, а его сын задумал почтить отцовского небесного покровителя, то с наибольшей вероятностью он и должен был давать по родителю поминальные вклады на память св. Кирилла и во имя этого же святого устраивать церковный придел. Как раз благодаря таким ситуациям непубличные крестильные имена зачастую и всплывают в источниках, обнаруживают свое существование для современного исследователя. Вместе с тем, синтаксически непротиворечивое прочтение записи Псковской летописи позволяет, как это нередко бывает при анализе конкретных эпизодов двуименности, не умножать число сущностей и

---

[1] В наречении братьев Морозовых сложным образом переплетены имена русских князей-мучеников Бориса и Глеба. Старший из них, воспитатель царя Алексея Михайловича, обладал непубличным именем *Илья* и публичным *Борис*, *Борисом* он и именуется в подавляющем большинстве источников. Младший же, муж боярыни Морозовой, носил публичное имя *Глеб* и непубличное *Борис*: «171-го <1663> году июля в 6 день дала вкладу боярина Глеба Ивановича Морозова жена вдова боярыня Федосья Прокофьевна с сыном своим Иваном Глебовичем по муже своем по боярине Борисе, прозвище Глебе Ивановиче Морозове денег 100 рублев серебряных» [Рыбаков, 1987: 54 <л. 166>]. Эта изящная антропонимическая перекличка в именах братьев доставляет немало затруднений исследователю и нередко ведет к возникновению путаницы.

говорить лишь о двух заказчиках церковного строительства, но при этом яснее увидеть фигуру отца одного из них.

Кем был Иван / Кирилл Титов, именуемый *Мыльником*, мы доподлинно не знаем. Очень соблазнительно, вслед за Вл. В. Седовым, отождествить его с купцом Иоанном Титовым, отцом некоего Климентия, упомянутого в агиографических преданиях о чудесах св. Саввы Крыпецкого [Повесть о начале и основании..., 1849: 134–136]. Если это отождествление верно, то мы можем допустить, что в семье Титовых из всех свв. Иоаннов месяцеслова более всего почитался Иоанн Богослов, поскольку именно в деле украшения его обители Климентий, сын Ивана Титова, проявляет, согласно сказанию, особую щедрость.

Можно пойти еще дальше и предположить, что переселенная из Москвы во Псков семья богатого купца Ивана / Кирилла Титова[2], счастливым образом, обнаруживает здесь монастырь, посвященный Иоанну Богослову, святому, который приходился тезкой и покровителем главе семейства по одному из его имен (*Иоанн*), и может направить ктиторские усилия на создание церковного придела, посвященного другому его небесному тезке — св. Кириллу. Необходимо учитывать, впрочем, что предание о чудесном исцелении Климентия, сына Ивана Титова, известно нам лишь по компиляции XIX столетия, где различные события трехвековой давности, фигуры живших в ту пору людей и тезоименитых им святых могли отождествляться и расподобляться вне строгой соотнесенностью с исторической действительностью середины XVI в.

[2] «...переведен бе от царствующего града Москвы повелением великаго князя Василия Иоанновича всея России Самодержца» [Повесть о начале и основании..., 1849: 134].

И. И. Макеева
ИРЯ РАН, Москва
irinamakeeva2007@mail.ru

Порядок слов в группе *личная форма глагола + прямое дополнение* в риторических произведениях Кирилла Туровского

В риторических произведениях Кирилла Туровского в целом незначительно преобладает порядок *личная форма глагола + прямое дополнение*. Обратный порядок зависит от целого ряда факторов. Обнаруживается определенное соответствие между порядком слов в этих сочетаниях и расположением атрибута в именных группах.

В многочисленных исследованиях, посвященных сочинениям древнерусского писателя XII в. Кирилла Туровского, неоднократно рассматривались языковые особенности текстов. Особое внимание уделялось системе образов, действительно очень интересной. Синтаксис произведений оставался и остается вне поля зрения. Между тем именно особенности построения словосочетаний и предложений демонстрируют специфику языка и стиля Кирилла.

В этом отношении весьма перспективно исследование восьми риторических произведений писателя, которые, хотя и принадлежат к одному жанру, оказываются довольно разными. Среди них есть как собственно похвальные Слова («Слово на Пасху», «Слово на Вознесение», «Слово в неделю цветоносную»), так и имеющие сюжетную основу («Слово о снятии тела Христова с креста», «Слово памяти отцов Никейского собора»). Разнообразна их тематика: они написаны на праздники начиная с Вербного воскресенья и кончая седьмой неделей после Пасхи, когда отмечается память отцов-участников I Вселенского Никейского собора. Все это сказывается на содержании и на используемых автором языковых средствах.

Общим для риторических произведений древнерусского писателя является немногочисленность сложноподчиненных предложений. Преобладают цепочки предикаций, которые можно рассматривать как простые предложения или как части сложносочиненного предложения. Во всех произведениях выделяется то или иное количество структурно-смысловых фрагментов (периодов), из которых складываются более крупные составные части текстов.

Проведенное ранее изучение расположения атрибута в именных группах в риторических сочинениях Кирилла показало, что для него характерна препозиция. В этом отношении Слова древнерусского писателя оказываются наиболее близкими к источнику совершенно другого рода – «Русской правде» [Макеева 2018; Макеева 2019]. Среди именных групп с атрибутом значительную долю составляют словосочетания со словоформами в винительном падеже прямого объекта. При этом нередко встречается дистантное расположение атрибута, которое возникает за счет его отделения от существительного личной формой глагола. Таким образом, именные группы с атрибутом оказываются тесно связанными со словосочетаниями *личная форма глагола + прямое дополнение*. И в некоторых случаях можно говорить о влиянии первых на вторые при выборе расположения компонентов словосочетаний.

В качестве прямого дополнения выступают имена существительные, иногда – субстантивированные причастия и прилагательные, расположение которых относительно глагола варьируется и потому представляет наибольший интерес. Дополнение, являющееся личным местоимением, обычно находится в постпозиции по отношению к глаголу, а остальные местоимения – в препозиции. Случаи отступления от такого расположения встречаются, но редко.

В старших списках Слов Кирилла Туровского, датируемых XIII-XIV вв.[3], как постановка атрибута, так и расположение прямого дополнения остаются неизменными. Расхождения встречаются, но они единичны[4]. Намеренные изменения порядка слов предпринимали только некоторые писцы в поздних списках. В рукописях XVI-XVII вв. возможны замены глагольных форм: вместо причастия употребляется личная форма глагола и наоборот. В старших списках в составе словосочетания *личная форма глагола + прямое дополнение* такие расхождения единичны.

Расположение личной формы глагола и прямого дополнения рассмотрено в восьми риторических произведениях Кирилла Туровского по списку Увар-589 XIV в.[5].

Порядок слов в группе *личная форма глагола + прямое дополнение*, обозначаемый как VO или OV (где V – личная форма глагола, O – дополнение-существительное), в риторических произведениях Кирилла Туровского представлен следующим количеством примеров.

Произведение	VO	OV
«Слово памяти отцов Никейского собора» (СПОНС)[6]	35	19
«Слово о слепце» (СС)	28	31
«Слово о снятии тела Христова с креста» (ССТХК)	58	38
«Слово на Пасху» (СП)	31	21
«Слово в неделю цветоносную» (СЦ)	18	22
«Слово на Фомину неделю» (СФН)	32	49
«Слово на Вознесение» (СВ)	38	13
«Слово о расслабленном» (СР)	26	27

В «Слове о снятии тела Христова с креста» группа *личная форма глагола + прямое дополнение* встречается чаще остальных не только потому, что это самый большой текст. На частотность группы влияет содержание: в основу этого произведения положены события Страстной пятницы и субботы. «Слово памяти отцов Никейского собора» ненамного меньше, но в силу специфики его содержания в нем чаще отмечаются именные группы с атрибутом.

В целом в риторических произведениях Кирилла Туровского преобладает препозиция глагола. В четырех текстах (СС, СЦ, СФН, СР) чаще встречается постпозиция глагола, и в «Слове на Фомину неделю» количество таких случаев значительно превосходит показатели остальных трех текстов.

В количественные показатели включены цитаты из Священного Писания, число которых в риторических произведениях древнерусского писателя довольно велико.

---

[3] Рукопись ркп. РНБ, F. п. I. 39, Сборник, XIII в. (далее Толст-39); рукопись ГИМ, собр. Уварова, № 589, 4º, Сборник, XIV в. (далее Увар-589); рукопись ГИМ, собр. Чудовское, № 20, Сборник, XIV в.

[4] Особо следует сказать о списке Тр-9 XV в. (РГБ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 9, Сборник). В эту рукопись вошли семь риторических произведений Кирилла Туровского: «Слово в неделю цветоносную» (л. 32 об.), «Слово на Фомину неделю» (л. 68), «Слово о снятии тела Христова с креста» (л. 73 об.), «Слово о расслабленном» (л. 81), «Слово о слепце» (л. 96 об.), «Слово на Вознесение» (л. 102), «Слово памяти отцов Никейского собора» (л. 111 об.). Два первых и двух последних текста в Тр-9 имеют незначительные отличия, как и начало «Слова о снятии тела Христова с креста» и конец «Слова о слепце». Однако примерно с л. 75 в Тр-9 начинается редакторская правка: дополнения фраз, замена лексики, другой порядок слов. Аналогичные изменения представлены в «Слове о расслабленном» и в большей части «Слова о слепце» (примерно до л. 100).

[5] Это единственный из старших списков, содержащий все восемь текстов, которые находятся на лл. 224 об. – 283. В приводимых примерах для большей ясности при описании структуры предикаций и особенно периодов упрощена орфография и частично расставлены знаки препинания. Расхождения в порядке слов и в отдельных словоформах с самым ранним, но неполным списком Толст-39 оговариваются особо.

[6] В скобках здесь и ниже приведены сокращенные названия произведений, используемые в примерах.

Изучение расположения атрибута показало, что при цитировании Библии он находится в постпозиции. Прямое дополнение в цитатах может находиться как в постпозиции, так и в препозиции: *пригвоздиша руцѣ мои и нозѣ мои, и въдаша въ ядь мою золчь* (СП); *сберу на ня злая и стрѣлы моя скончаю в них* (СС). Однако это не свидетельствует о его произвольной постановке древнерусским автором. Такое же место дополнение занимало в первоисточнике, и Кирилл сохранял его, хотя, конечно, нельзя полностью исключить вероятность неточного цитирования и изменения места одного из компонентов. Сложность заключается еще и в том, что Кирилл использовал ветхозаветный и новозаветный тексты достаточно свободно. Он мог соединить в одной цитате фрагменты из разных библейских книг или использовать аллюзию (парафраз), а также включал мелкие фрагменты и отдельные словосочетания из Священного Писания непосредственно в авторское повествование. Обычно цитаты, подчас вовсе не являющиеся таковыми в строгом смысле слова, вводятся разными формами глаголов *рещи* и *глаголати*; указание на источник может быть как точным, так и самым общим (**пророкъ**); нередко вместо этого назван персонаж, которому принадлежит высказывание (**самъ бо гь моисѣюмь гл҃ть** – СФН). Как правило, удается отделить авторский текст от использованного первоисточника, хотя установить, к какой именно библейской книге восходит фрагмент, можно далеко не всегда. Ввиду всего вышесказанного корректнее не производить подсчет случаев VO и OV без учета библейских цитат.

Преобладание препозиции глагола, хотя и незначительное, позволяет предположить, что его постановка на первом месте, а прямого дополнения – на втором была обычной и нейтральной. Об этом же свидетельствуют и примеры, где представлен такой порядок слов. Они не поддаются какой-либо группировке и объяснению. Большое количество словосочетаний с постпозицией глагола говорит об определенной роли такого порядка слов, прежде всего в риторической стратегии.

Расположение глагола в постпозиции, а объекта-существительного в препозиции обусловлено несколькими факторами, значимость и частотность которых сильно варьируются. Если на место постановки атрибута влияла его принадлежность, во-первых, к местоимению или прилагательному, во-вторых, к их определенному разряду, в-третьих, к конкретным лексемам, то при выборе расположения глагола и прямого дополнения их лексическая принадлежность и, следовательно, семантика имеют значение лишь в отдельных случаях. Однако при этом значимым оказывается следующее: является ли группа *личная форма глагола + прямое дополнение* несвободным словосочетанием или представляет собой figura etimologica.

Самым важным фактором, влияющим на расположение личной формы глагола и прямого дополнения, является структура фрагмента текста (периода), в которой реализуются риторические стратегии как общие для произведений этого жанра, так и свойственные стилю древнерусского писателя. Помимо общей структуры порядок следования компонентов в группе *личная форма глагола + прямое дополнение* может быть обусловлен противопоставлением и сопоставлением соседних предикаций, их параллелизмом или, напротив, разным построением, наличием обобщающего понятия при нескольких предикациях, нахождением рассматриваемого словосочетания в начале текста или структурно-смыслового фрагмента. Частными случаями являются особый порядок в конструкции с двойным винительным (accusativus duplex) и препозиция дополнения и постпозиция глагола в вопросительных предикациях с местоимениями *кыи* и *какъ*.

Явно выраженной зависимости расположения глагола и дополнения от того, находится ли группа в главном предложении или в придаточном, не наблюдается. Однако следует отметить, что в придаточных предложениях нередко отмечается постпозиция глагола: *...на муку волную, еюже ада попра, адама изведе и съмьрть попра* (ССТХК); *...иже Костянтина цѣсаря от проказы очисти и многа ины чюдеса створи; ...иже слѣпцю очи словом отверзе и нѣмому молитвою глаголати створи* (СПОНС); *… в нюже*

поновленье празнуемъ въскресения; … имаже слѣпымъ очи отверзохъ и глухымъ слухъ даровахъ (СФН)[7]; *аще и младеньцѣ избиі…*(Там же); *аще бо и брашно обрящю…* (СР); *… егда и Лазаря из гроба възва и от мертвхъ его въскрѣси* (СЦ)[8]; *… идѣже вы своя дѣти бѣсомъ закаласте* (СС); *… дондеже и чермъное море проидоша* (СФН). В ряде случаев постпозиция глагола обусловлена факторами, которые будут рассмотрены далее.

Поскольку структурно-смысловые фрагменты текстов (периоды) состоят из того или иного количества предикаций, целесообразно сначала рассмотреть, как могут быть построены две и более соседних предикации. При этом необходимо учитывать даже те из них, которые не имеют в своем составе группы *личная форма глагола + прямое дополнение*, поскольку общий принцип препозиции или постпозиции глагола распространяется и на них[9].

Один тип построения соседних предикаций основан на параллелизме, то есть в каждой из них глагол будет находиться или в начале, или в конце: *Како тя терниемъ вѣнчаша, и золчи с оцтомъ напоиша, и еще пречистая ти ребра копиемъ прободоша* (ССТХК); *Се бо наша болѣзни понесе, и за ны пострада, и раною его вси исцѣлѣхомъ* (Там же); *днесь апостоли на жребя своя ризы възложиша, и Христосъ верху ихъ въсѣде* (СЦ); *падшаго преступлениемь възведе, всѣхъ бо грѣхы вземъ на крестѣ пригвозди* (СП); *остави небеса и позвавшаго на ня Христа и обратися в преисподняя ада с прельстившимь его змиемь* (СПОНС). Хорошо демонстрирует параллелизм следующий пример, где в каждой предикации на последнем месте находятся соотносительные *във адъ – в раи* с предшествующей глагольной формой: *идеши бо във адъ да Адама съ Евгою… пакы въведеши в раи* (ССТХК).

Параллелизм распространяется и на целый период: *днесь бо Христосъ своя раздаваеть комуждо дары: даеть отцю принесеную имь жертву плоть, посылаеть апостоломъ святыи свои духъ, въводить душа святыхъ пророкъ въ небесное царство, раздѣляеть своимъ угодникомъ горняго града обители, отверзаеть праведникомъ раи, вѣнчаеть страдавшая за нь мученики, посылаеть страстотерпцемъ чюдес благодать, даеть святителемъ душеполезная прошения, отпущаеть грѣшиникомъ прегрѣшения, милуеть вся творящая волю его и хранящая заповѣди его, посылаеть благовѣрнымъ княземъ нашим здравье телесем и душамъ спасенье и врагом одолѣние, утвержаеть церкви, обогащаеть церковники, честны творить служащая ему ерѣя и дьяконы, освящаеть манастыри, прославляеть игумены, укрѣпляеть на терпѣнье мнихи, благословляеть вся крестьяны…* (СВ). Уникальность этого большого периода заключается в том, что в каждой предикации имеется глагол с прямым дополнением, расположенные в одном и том же порядке[10].

В другом – противоположном – типе построения соседних предикаций глагол меняет свое место в каждой из них: *днесь горы и холми точать сладость, удолия и поля плоды господеви приносять* (СЦ); *днесь народи постилають господеви ризы своя, друзии же от древа ломяще вѣтви постилаху* (Там же); *обнажи предо всѣми своя ребра и гвоздиньныя язвы на руку и ногу показаеть Томѣ* (СФН); *вѣнчаимъ, братие, царицю днемъ и дары честны с вѣрою тои принесемъ* (Там же); *Иисусъ Христосъ единъ ополчися*

---

[7] Однако в другом придаточном с тем же глаголом и дополнением обратный порядок: … *яко отверзе коли кто слѣпу очи рожену* (СС).

[8] Ср. другой порядок в аналогичном придаточном: … *егда призва… ефесьскыя священики* (СПОНС).

[9] Возможно, надо учитывать и фразы с причастиями, которые нередко выступают в роли второстепенного сказуемого.

[10] Поэтому в «Слове на Вознесение» количество примеров с препозицией глагола почти в три раза больше по сравнению с постпозицией.

на вся бѣсовьскыя силы и власти темныя испроверже (СВ); *вселестьное искоренисте тернье, и богоразумье во вся человѣки присадисте, и олядѣвшую грѣхи землю евангельскымь раломь въздѣласте* (СПОНС). Подобное изменение порядка слов в соседних предикациях можно рассматривать как разновидность хиазма[11], благодаря которому Кириллу Туровскому удается избежать однообразия и монотонности [12].

На сочетании параллелизма и хиазма древнерусский писатель нередко строит целые периоды, как, например, в «Слове на Фомину неделю»: *вижю руцѣ твои* (VO), *имаже преже створи всю тварь* (VO), *и рай насади* (OV), *и человѣка созда* (OV, *и имаже благослови патриархы* (VO), *имаже помаза царѣ* (VO), *имаже освяти апостолы* (VO); в «Слове о слепце»: *... сынове Ияковли погубити мыслять пришедъшаго, садукѣи прозрѣвшаго на судище влекуть* (OV)*, иродьяне сборище совокупляють* (OV)*.., книжници изумѣвшеся пытают родителю* (VO)*.., старци укаряють в суботу отверзшаго очи* (VO) *.., фарисѣи льстяще народы хулять чюдотворца* (VO)*, жерцы изгонять от сборища помилованаго богомь* (VO)*, архиерѣи претять прозрѣвшему да похулить просвѣтившаго и* (VO); в «Слове о расслабленном»: *се в тобѣ всего Адама мозоли ицѣлихъ* (OV), *и падша преступленьемь възведохъ* (OV), *и всеродную того клятву отяхъ* (OV), *отмыхъ скверну всякого прегрѣшенья…* (VO), *взискавъ обрѣтохъ шедшаго в пути…* (VO), *обязах раны уязвенаго бѣсовьскыми разбоиники* (VO), *възлияхъ на язвы его моея крови вино и масло* (VO).

Особым образом построен период в «Слове о снятии тела Христова с креста». Он состоит из нескольких пар предикаций. В первой предикации каждой пары речь идет о событиях последних дней земной жизни Христа и о его смерти, а во второй – о том, с чем это соотносится. За исключением двух случаев, вторая предикация в паре начинается с частицы *да*. Рассматриваемые словосочетания *личная форма глагола + прямое дополнение* находятся в каждой второй парной предикации, и расположение глагола и дополнения в них варьируется. Если не учитывать, как построен этот период, объяснить изменение порядка слов в группе глагола с прямым дополнением едва ли возможно. В приведенном ниже тексте для наглядности каждая пара предикаций расположена на новой строке и разделена знаком – (тире); частица *да* выделена:

*На трости губою оцта съ золчию вкуси – **да** загладитъ рукописание человѣчьскыхъ съгрѣшении* (VO).

*Копиемъ в ребра прободенъ бысть – **да** пламеньное оружие отложить, бранящее человѣкомъ входа в рай* (OV).

Кровь свою из ребръ источи (OV) – *имаже*[13] *телесную всю скверну очистивъ и душа человѣча освятилъ есть* (OV).

*Связанъ бысть и терниемъ вѣньчанъ – **да** разрѣшитъ от узъ дьяволь человѣкы* (VO) *и терние прельсти вражия искоренитъ* (OV).

Солнце помрачи (OV), *и землею потрясе, и твари всеи плакатися створи – **да** адьская разрушить скровища* (VO), *и тамо сущихъ души свѣтъ видѣша* (OV)…

Въ гробѣ яко мьртвъ положенъ бысть – и от вѣка умьршимъ животъ дарова (OV).

*Каменемъ с печатми утверженъ – **да** адова врата и верея от основания скрушить* (O и OV).

---

[11] О хиазме в русском литературном языке XVIII в. см.: [Ковтунова 1969: 78-79].

[12] Ср. пример с одинаковым порядком глагола и прямого дополнения, но разным расположением атрибута: *тамо побѣди власти темныя крьстомь, изведе всероднаго адама со всѣми…* . Намного реже, но все же встречаются примеры параллелизма и хиазма в расположении атрибута.

[13] Форма двойственного числа отсылает к похожему месту в «Слове на Фомину неделю», где Фома говорит об истекших крови и воде: **вижю ребра ѿ нихже источи кровь и вода** (л. 243).

Таким образом, как построение отдельных предикаций, обычно двух соседних, так и предикаций в составе периода, а в них – порядок слов в группе *личная форма глагола + прямое дополнение* зависит от общей риторической стратегии, которой следует Кирилл Туровский.

Особого внимания заслуживает «Слово на Фомину неделю», в котором количество употреблений глагола в постпозиции, а прямого объекта – в препозиции много больше, чем в других Словах. Причем основной массив таких примеров приходится на ту часть произведения, в которой Кирилл изображает картины весенней природы, сопровождая их символико-аллегорическими толкованиями. Именно в этой части сначала М.И. Сухомлинов, потом В.В. Виноградов[14] находили сходство со Словом Григория Богослова (Назианзина) с толкованиями Никиты Ираклийского «В новую неделю, и о весне, и о святом мученике Маманте, и о обновлении» (нач. «Поновления чтете…»).

Однако древнерусский писатель не повторяет византийский первоисточник. Он скорее отталкивается от этого произведения, по-своему рисуя картинки природы, не говоря уже о символико-аллегорических толкованиях. Достаточно двух примеров, чтобы увидеть больше различий, чем сходства:

Слово Григория Богослова: … *нынѣ лунѣ кругъ прозрачьнѣи*; Толкования Никиты Ираклийского: *Нынѣ лунѣ кругъ прозрачнѣи есть себе, зимѣ бо темнѣиши есть въздуха ради дебелости*. Слово Кирилла Туровского: *Нынѣ луна с вышняго съступивши степени большему свѣтилу честь подаеть. Уже ветхии закон по писанию преста с суботами, и церковь Христову закону с неделею честь подаеть*.

Слово Григория Богослова: *И рыбарь глубины съзираеть, и мрѣжу очищаеть, и на каменех сѣдитъ*; Толкования Никиты Ираклийского: *И рыбарь глубины съзираеть и очищаеть мрѣжу, и горѣ на камени сѣдя ловит*. Слово Кирилла Туровского: *Рыбари глубину божия вочеловѣчения испытавше полну церковную мрежу ловитвы обрѣтають*.

Даже если обнаруживается совпадение отдельных слов (**мрѣжа, рыбарь, глоубина** и др.) и близость некоторых фраз[15], предполагать влияние вышеназванного византийского произведения на порядок слов в группе *личная форма глагола + прямое дополнение* в сочинении древнерусского писателя нет оснований.

В целом часть «Слова на Фомину неделю» Кирилла Туровского, о которой идет речь, построена по определенной схеме[16], но она из-за большой величины фрагмента неочевидна. Рассматриваемая группа находится как в описаниях природы, так и в их символико-аллегорических толкованиях, и содержащие ее предикации не всегда являются соседними. Тем не менее обычно дополнение находится в препозиции, а глагол – в постпозиции. Приведенные ниже примеры включают предикации, находящиеся в

---

[14] См. [Сухомлинов 1858; Виноградов 1915: 106]

[15] Ср. у Кирилла Туровского: *и се уже огради сладку подавають воню*; в Толкованиях Никиты Ираклийского: *и овощници слатку воню посылають*; в Слове древнерусского писателя: *Нынѣ небеса просветишася, темных облакъ яко вретищь совлекошася*; у византийского автора: *Нынѣ небо свѣтлѣе, темных облакъ яко одежда чрьны съвлѣкся*.

[16] Она состоит из двух больших фрагментов, а те, в свою очередь, из нескольких периодов, начинающихся словами *ныне* или *днесь*: **дн҃ь ветхаꙗ конець приꙗша. и се быша всѧ нова.., нынѣ нб҃са просвѣтишасѧ.., нынѣ сл҃нце красуꙗсѧ.., нынѣ лꙋна.., нынѧ ѕима грѣховнаꙗ.., дн҃ь весна красꙋетсѧ.., нынѧ новоражаеми агньци и оуньци.., нынѧ древа лѣторасли испоущають.., нынѧ ратаи слова.., дн҃ь ветхаꙗ конець приꙗша. и се быша всѧ нова.., нынѧ все доброгла҃ныꙗ птица.., дн҃ь поновишасѧ всѣхъ ст҃ыхъ чинове.., дн҃ь новымъ людемъ…**

картинках природы и относящихся к ним толкованиях[17]; словосочетания с редким в этой части порядком VO снабжены соответствующей пометой:

небеса просвѣтишася … свѣтлымь въздухомь <u>славу</u> господню <u>исповѣдають</u>..; апостоли же … святымь духомь осѣнени <u>воскрьсение</u> Христово ясно <u>проповѣдають</u>;

солнце красуяся к высотѣ въсходить и радуяся <u>землю</u>[18] <u>огрѣваеть</u>; взиде бо праведное солнце от гроба Христосъ, и вся <u>вѣрующая</u> к нему <u>спасаеть</u>;

луна с вышняго съступивши степени болшему свѣтилу <u>чьсть</u> <u>подаеть</u>; … цьркы Христову закону с недѣлею <u>чьсть</u> <u>подаеть</u>; …

днесь весна красуется… и горнии[19] вѣтри тихо повѣвающе <u>плоды</u> <u>гобьзують</u>, и земля сѣмена питающи зеленую <u>траву</u> <u>ражаеть</u>; весна убо есть красная вѣра Христова[20], яже крьщениемь <u>поражаеть</u> человѣчьское <u>пакыестьство</u> (VO); *бурнии же вѣтри грѣхотворении помыслы, иже… душеполезныя <u>плоды</u> <u>гобьзують</u>; земля же естьства нашего… <u>духъ</u> спасения <u>ражаеть</u>; …*

новоражаемии агньци быстро путь перуще скачють… <u>млеко</u> учения <u>съсуть</u>; …

древа лѣторасли <u>испущають</u> и цвѣти благоухания процвитають, и се уже огради слатку <u>подавають</u> <u>воню</u> (VO)…; …

рѣкы апостольскыя рыбы наводняються, и язычныя рыбы <u>плодъ</u> <u>пущають</u>, и рыбари глубину божия вочеловѣчения испытавше полну цьрковную <u>мрѣжю</u> ловитвы <u>обрѣтають</u>; …

мнишьскаго образа трудолюбивая пчела… <u>ангелы</u> и <u>человѣки</u> <u>удивляеть</u>, и си на цвѣты излетающе медвеныи <u>сотъ</u> <u>ставряють</u>, да человѣкъмъ <u>сладость</u> и цьркви <u>потребная подасть</u>; …

постьници и пустыньници от рукы господня труда <u>мьзду</u> <u>прияша</u> въ горнимь градѣ съ святыми веселятся.

Расположение дополнения в препозиции, а глагола в постпозиции в очень большом фрагменте текста является неслучайным[21]. Кирилл Туровский использует его как стилистический прием, который, возможно, надо рассматривать вместе со структурой предложений, построенных по схеме *подлежащее (существительное) + прямое дополнение (существительное) + личная форма глагола*.

Количество примеров с постпозицией глагола и препозицией дополнения в «Слове на Фомину неделю» пополняет еще один фрагмент – обращение древнерусского писателя к пастве. В коротком периоде имеется пять случаев такого порядка: *вѣруемъ Христу богу нашему, распенъшему поклонимся, <u>въскресшаго</u> <u>прославимъ</u>, явлешемуся апостоломъ вѣруимъ, и своя Фомѣ <u>показавшаго</u> ребра <u>въспоимъ</u>, <u>пришедшаго</u> оживитъ насъ*

---

[17] В их число не включены предикации с двойным винительным и с дополнением *Христос, бог, господь*, которые рассматриваются отдельно.

[18] Такова правильная форма слова, находящаяся в Толст-39.

[19] Это прилагательное находится в Увар-589 и близких к нему списках. У Кирилла Туровского было *бурнии*, что и представлено в большинстве рукописей.

[20] В этой фразе по спискам варьируется порядок слов, из-за чего меняется ее смысл.

[21] В «Слове о расслабленном» в монологе Христа есть небольшой фрагмент, в котором он говорит о созданном ради человека мире. И здесь тоже глагол находится в постпозиции: *тебѣ всю <u>тварь</u> на работу <u>сътворих</u>; небо и земля тобѣ служита, оно влагою, а си плодомь; тебе ради солнце светомь и теплотою служить и луна съ звѣздами <u>нощь</u> <u>обѣляеть</u>; тебе дѣля облаци дъждемь <u>землю</u> <u>напаяют</u> и земля всяку <u>траву</u> сѣмениту и <u>древа</u> плодовитая на твою службу <u>въздращают</u>; тебе ради рѣкы носять, пустыни <u>звѣри</u> <u>питаеть</u>* .

похвалимъ, и просвѣтившаго ны исповѣдаемъ, всѣхъ благъ подавшаго намъ обилие възвеличимъ…

То, что Кирилл Туровский намеренно использует такой порядок слов, подтверждает обращение к пастве в другом сочинении писателя – «Слове в неделю цветносную». В нем в бóльшей первой части обращения первое место в предикациях занимает глагол, в том числе и в группах *личная форма глагола + прямое дополнение* (за исключением последнего придаточного предложения): *придѣмъ поклонимся ему; припадемъ ему яко блудница мысльно…; останѣмся якоже и она от злыхъ дѣлъ; излѣимы яко мюро на главу его вѣру и любовь нашю; изидемъ с любовью яко и народи въ стрѣтение ему; сломимъ гнѣводержание; … въскликнемъ молитвами и безлобиемъ яко младенци; преидемъ милостынми къ нищимъ; въслѣдуимъ смирениемь, постомь, бдѣниемь и божественымь покаяниемь; … уготоваимъ, яко и горлицю, смѣрениемь душа наша…; поидемъ съ идущимь на страсть волную; возмемъ крест свои претерпѣниемь всякоя обиды; распнемся браньми ко грѣху; умьртвимъ похоти телесныя; въскликнемъ осанна въ вышнихъ, благословенъ еси пришедыи на муку волную, еюже ада попра, адама изведе и съмьрть попра*. Далее следует фраза **до сде же слово ѡкративше**, устанавливающая границу между первой и второй частями обращения. После нее меняется общая тематика призывов и их построение – теперь глагол оказывается в постпозиции (кроме последней предикации): *пѣсньми яко цвѣты святую цьрковь вѣнчаемъ и празникъ украсимъ; богови хвалословление въслѣмъ; да спасителя нашего възвеличимъ…; да радостьно празновавше в мирѣ достигнемъ тридневнаго въскрьсения…* Короткое обращение к пастве есть также в заключительной части «Слова на Вознесение»: *придѣмъ и мы, братье, въ святую цьрковь, възвеличимъ Христа бога нашего, давшаго ны животъ прославим, и по сихъ обѣщавшаго небесное царство възнесемъ имя его вкупѣ…* Чередование предикаций с разным порядком слов в рассматриваемой группе и краткость обращения лишают его той стилистической выразительности и потенциального воздействия на паству, которой обладают другие аналогичные фрагменты риторических произведений Кирилла Туровского.

Семантика сопоставления или противопоставления – следующий по значимости фактор, оказывающий влияние на расположение личной формы глагола и дополнения. В подобных предикациях дополнение находится в препозиции, а глагол в постпозиции. Кирилл Туровский часто использует и сопоставление, и противопоставление, но не во всех предикациях присутствует рассматриваемая группа.

Обычно семантика сопоставления и противопоставления реализуется в одной предикации, в паре предикаций или в двух находящихся рядом парах: *да не токмо Иисуса, нъ и Лазаря погубять* (СЦ); *она купѣль многое*[22] *приимающи, единого исцѣляше* (СР); *Христос въскрьсе, а жерци и фарисѣи стражѣ мьздять* (СП); *в жидѣхъ бо чюдеса створи, а языкомъ благодать и спасение дарова* (СЦ); *израиль отречеся позвавшаго въ вѣчную жизнь, а языки вѣровавшая въ небесное царство въведе* (Там же); *Она бо от змия свѣть прия, вы же от ангела слово слышита. Радость вамъ глаголю, вы же спасение миру проповѣдите* (СП).

На основе такой же семантики может быть построен период: *Иисусъ Христосъ распинаемъ бѣ яко человѣкъ и яко богъ… яко человѣкъ възпивъ испусти духъ, нъ яко богъ землею потрясе и камение распадеся; яко человѣкъ в ребра ударяемъ, но яко богъ завѣсу*

---

[22] Правильным является чтение Толст-39 *многи*. Речь идет об Овчей купели, в которой многие страждущие окунались, но единицы получали исцеление.

перваго закона полма раздьра; яко агнець кровь свою источи за кровь агнець закалаемыхъ в пустыни на жьртву, и собою жертву за спасение всего мира богу и отцю принесе; яко человѣкъ въ гробѣ положенъ бысть, и яко богъ олтарь язычьскыя церкве освяти… (СП); *что сътворимъ галилѣяниу сему Иисусу яко…старечьская преданья в посмѣхъ* [23] *положилъ есть, а рыбарѣ тивериядьскаго езера невѣгласы сущая же по себѣ нынѣ водить…; изъ цьркве продающих овца и голуби изгонить, а мытари и грѣшники приимая в жертвенник въводить…; на архиерѣя и книжники господьскы грозится, фарисѣемъ с левгиты акы властель прѣтить.., а блудницѣ от любодѣиць отводя святы нарицая глаголеть…*(СС).

Сложной с точки зрения расположения глагола и дополнения является ситуация, когда на той же семантике сопоставления / противопоставления основана большая часть текста, как в «Слове памяти отцов Никейского собора». Чем крупнее фрагмент (период), тем больше вероятность того, что в нем окажется одна или более чем одна группа *личная форма глагола + прямое дополнение* не с постпозицией глагола, а с другим порядком слов. Именно это имеет место во вступлении «Слова памяти отцов Никейского собора». Оно частично построено на мотивах паримий, читающихся на великой вечерне накануне празднования памяти 318 отцов-участников I Вселенского Никейского собора, на котором было осуждено арианство. Речь в них идет об истории Авраама, и в связи с этим в Слове обыгрывается символическое значение числа 318[24]. Древнерусский писатель проводит параллель между ветхозаветными событиями и событиями церковной истории, сначала говоря об Аврааме, потом о святых отцах.

В начале, несмотря на семантику сопоставления, в постпозиции находится не глагол, а дополнение: *но Аврамъ телесную створи побѣду видимомъ воемъ, а си къ духовнѣи сдолѣша рати невидимыя побѣдиша бѣсы*. Такой порядок слов диктует дистантное расположение атрибута. Аналогичные случаи есть и в других приведенных выше примерах (*вселестьное искоренисте тернье, слатку подавають воню, адьская разрушить скровища*). Поскольку порядок слов в группе *личная форма глагола + прямое дополнение* оказывается гибким, а в именной группе с дистантным расположением атрибута – достаточно жестким, в постпозиции находится дополнение. Таким образом, фактор наличия дистантно расположенного атрибута оказывает влияние на постановку дополнения, поскольку место глагола в данном случае фиксировано[25].

Далее в тексте отмечается постпозиция глагола. Как и в примерах выше, для наглядности парные смысловые единицы даны через знак – (тире) и помещены в одном абзаце:

Аврамъ 5 цѣсарь съ силами ихъ побѣди и Лота сыновца своего възврати; – а си вся еретикы духовными исѣкоша мечи и церковь Христову възвратиша от кумирослуженья;

---

[23] Исправлено в соответствии с чтением Толст-39; в Увар-589 ошибочно *в помыслѣхъ*.

[24] Аврам, услышав, что [Лот] сродник его взят в плен, вооружил рабов своих, рожденных в доме его, триста восемнадцать, и преследовал неприятелей до Дана; и, разделившись, напал на них ночью, сам и рабы его, и поразил их, и преследовал их до Ховы, что по левую сторону Дамаска; и возвратил все имущество и Лота, сродника своего, и имущество его возвратил, также и женщин и народ. Когда он возвращался после поражения Кедорлаомера и царей, бывших с ним, царь Содомский вышел ему навстречу в долину Шаве, что *ныне* долина царская; и Мелхиседек, царь Салимский, вынес хлеб и вино, – он был священник Бога всевышнего, – и благословил его, и сказал: благословен Аврам от Бога Всевышнего, Владыки неба и земли; благословен Бог Всевышний, который предал врагов твоих в руки твои (Быт. 14, 14-19).

[25] Если не ограничиваться прямым дополнением, то есть формой винительного падежа существительного, количество подобных примеров увеличивается.

Аврама *възвращьшася от сѭча цѭсари*[26] *благослови* *иерѭи божии Мелхиседек и* *хлѭбъ* *с виномь* *изнесе; – а святии наши* *отци* *по низложеньи и по проклятьи богоборець еретикъ самъ богъ отець* *благослови* *и* *прослави* *и святыи духъ* *вѭнча* *и* *освяти*.

Еще один период, основанный на противопоставлении, находится в «Слове о снятии тела Христова с креста»:

онъ послушавъ свѭта вражия въсхотѭ быти богъ и проклятъ бысть; – се же послушавъ отца бысть сы богъ и человѭкъ да *змия* *погубить* *и* *человѭка* *спасеть;*

онъ простеръ руцѭ къ древу възъбраньному съмьртное *уторже* *ядро* *и бывъ рабъ грѭху сниде от едема въ адъ; – Христосъ же на крьстѭ руцѭ простеръ осужения грѭховнаго и от съмьрти* *человѭка* *свободи*.

Остальные факторы, влияющие на расположение личной формы глагола и прямого дополнения, хотя и встречаются нечасто, могут существенно повлиять на количественные показатели постпозиции глагола и препозиции дополнения.

И первый среди них – наличие обобщающего понятия, которое дважды встречается в «Слове о слепце». В одном случае период устроен очень просто: после такого общего понятия *всего человѭка* перечисляются разные исцеленные Христом люди: … *всего человѣка здрава створивъ: раслабленаго въстави, хромыя убыстри, прокаженыя очисти, слукия исправи, глухия и нѣмыя добрѣ слышаща и глаголивы створи, сухорукыя укрѣпи, бѣсы от чловѣкъ прогна, слѣпыя просвѣти*. Здесь нельзя исключать влияния «Слова о законе и благодати» мт. Илариона, к которому, возможно, восходит фрагмент, хотя первоисточником с большой долей вероятности следует считать Евангелие от Матфея 10, 8[27].

Другой случай использования обобщающего понятия с последующим перечислением нескольких объектов на первый взгляд не очевиден. На этом основан довольно большой фрагмент текста, который схематически выглядит следующим образом: …*не бысте избивали посланыхъ к вам от бога пророкъ… Иеремию каменьемь побисте… Исаю древяною претросте пилою… Иосию поразисте в Самарии… великаго Иезекиля прольясте кровь*. Сложность заключается в том, что предикации с прямым дополнением отделены друг от друга и от обобщающего понятия *пророкъ* другими предикациями, включая цитаты, так что нелегко понять, как организован период и почему глагол находится в постпозиции. Ср. последнее словосочетание *прольясте кровь*, которое не тождественно трем другим и потому имеет другой порядок.

В начале произведения или структурно-смысловой части личная форма глагола и прямое дополнение встречаются редко. Такая предикация начинает «Слово о слепце»: *Милость божию и человѣколюбие господа нашего Иисуса Христа, благодать же Святаго Духа… сказаю вам…*Находящееся в препозиции дополнение, с одной стороны, называет тему произведения, в основу которого положена Евангельская история об исцелении Христом слепорожденного; с другой стороны, оно выступает как тема в плане актуального членения предложения.

В «Слове о снятии тела Христова с креста» имеется одно и то же словосочетание с разным порядком компонентов: *Нынѣ же* *Иосифа* *благообразного с мюроносицами* *похвалимъ, послужившаго по распятьи тѣлу Христову…;* *Похвалимъ* *нынѣ* *Иосифа* *приснопамятнаго, благообразнаго же и досточюднаго…* В первом случае после предисловия в текст вводится сквозной персонаж, заявленный в названии; далее через него как главное действующее лицо переданы изложенные в произведении события. Во

---

[26] Все начало фразы приведено по Толст-39; таким оно было и в аутентичном тексте Кирилла. В Увар-589 здесь неудачное изменение падежных форм, в результате которого понимание смысла затруднено.

[27] Перечень исцеленных Христом у Иллариона меньше, но расположение дополнения и глагола аналогичное: … **слѣпыа ихъ просвѣти. прокаженыа ѡчисти. сълѫкыа исправи. бѣсныа исцѣли. раслабленыа оукрѣпи. мертвыа въскрѣси** [Молдован 1984: 86].

втором примере группа с препозицией глагола начинает также упомянутую в названии похвалу Иосифу – новую часть произведения[28]. В обоих случаях первый компонент называет тему, второй – рему.

Конструкций с двойным винительным (accusativus duplex) в Словах Кирилла Туровского мало, поэтому можно сделать только отдельные наблюдения над порядком слов в этом случае, не претендующие на выявление закономерностей. Такие конструкции интересно сопоставить с другими, где одно из дополнений имеет форму творительного падежа.

В единственной группе с глаголом *створити* оба существительных находятся в препозиции: *благовѣрныя люди* <u>*престолъ*</u> *богови* <u>*вмѣстилище*</u> *святому духу* <u>*створиша*</u> (СЦ); ср. *да богомь человѣка створю* (СР), где глагол также находится после обоих дополнений [29].

Если глагол имеет общую семантику называния / наименования или относится к ментальным, то чаще он оказывается между существительными-дополнениями: <u>*агньця глаголю*</u> *иже от языкъ кроткыя* <u>*люди*</u> (СФН); <u>*люди*</u> *же* <u>*наричет*</u> *вся* <u>*языкы*</u>*, грѣхъ своихъ ради сведеныя въ адъ, а чада наричеть иже в законѣ скончашася* (СВ 270 об.); <u>*старця*</u> *бо всячьскыхъ* <u>*намѣнуеть*</u> <u>*люди*</u> *преже бо аврама израиля языци суть тогда прельщени* (СЦ); ср. следующий пример с постпозицией глагола: <u>*младенци*</u> *же и вся* <u>*крьстны*</u> <u>*прообрази*</u> *иже ничтоже пытають о Христѣ* (СЦ).

Вместе с этими словосочетаниями следует рассмотреть случаи, когда место второго существительного занимает местоимение: <u>*землю*</u> *ли* <u>*тя*</u> *благоцвѣтущю* <u>*нареку*</u>*;* <u>*святителя*</u> <u>*тя*</u> *и* <u>*старѣишину*</u> <u>*прозову*</u> (ССТХК); <u>*господа*</u> <u>*мя*</u> <u>*нарече*</u> (СФН). Наряду с такими словосочетаниями Кирилл Туровский использовал конструкции с существительным в творительном падеже: *небомь ли тя прозову*; *апостоломь ли тя именую; священомученикомъ ли тя нареку* (Там же)[30]. Оба типа словосочетаний имеют один и тот же порядок слов: существительные (или существительное) находятся в препозиции, а глагол – в постпозиции. Местоимение занимает срединную позицию, и это один из немногих случаев, когда оно располагается перед глаголом. Данные предикации, чередуясь с другими, являются опорными в структуре периода, который составляет часть похвалы Иосифу Аримафейскому в «Слове о снятии тела Христова с креста».

Среди групп *личная форма глагола + прямое дополнение* в риторических произведениях Кирилла Туровского есть небольшое количество несвободных словосочетаний и словосочетаний figura etymologica. В последних глагол находится в постпозиции, а дополнение в препозиции: *се тѣло* <u>*съмьрть*</u> <u>*умьртви*</u> *и* <u>*тварь*</u> *всю*

---

[28] Аналогичные предикации есть в других произведениях; в них глагол находится в препозиции. В «Слове о слепце» предикация находится в начале заключительной части текста – в похвале слепцу: *похвалимъ помилованаго богомь человѣка*. В «Слове на Фомину неделю» предикация *похвалимъ красную сию недѣлю новую* как будто тоже начинает новый смысловой фрагмент.

[29] В текстах имеется небольшое количество конструкций с глаголом *(с)творити* и прилагательным в винительном падеже с общим значением «сделать кого-л. каким-л.». Прямой объект обозначен неличным местоимением или существительным (именем собственным), глагол находится в постпозиции: *всѣхъ вода крѣщенья здравы творить; Лазоря... словомь жива створих* (СР); *иже… вся плодовиты покаяньемь створисте* (СПОНС). Если же в качестве прямого объекта выступает личное местоимение, то сохраняется такое же расположение глагола, а местоимение вместо обычной постпозиции оказывается в препозиции: *…иже тя цѣла створи* (придаточное), … *иже мя цѣла створи* (придаточное) (СР); *чюжа его собѣ створиша друзи и знанья* (СС). Иначе в следующем случае, где постпозицию прилагательного можно объяснить рематизацией: *никтоже васъ умъ мнѣ дарова, нъ же мя створи цѣла* (СР). Ср. предикации с другими глаголами: *въскрѣсша тѧ видѣхомъ* (СП); *мертва ли себе нареку, жива ли себе помышляю* (СР).

[30] Интересно, что форму винительного падежа имеют существительные *ā-склонения, а форму творительного падежа – существительные *ŏ-склонения.

истлѣвшюю обнови (СП); *сниде самъ господь в адъ и попра бѣсовьское царьство крьстомь и съмьрть умьртви* (Там же); *пѣсньныя глаголы глаголеть* (СВ); *праведныи судъ судите* (СР). Однако встречается и обратный порядок: *свѣщаша свѣтъ золъ* (СП).

К связанным словосочетаниям можно отнести только два, причем порядок следования дополнения и глагола в них разный: *уметы створи* (ССТХК) и *прикланяють … слухи, приклоните… слухи, укланяете слухи* (СПОНС). Первое словосочетание встречается, как кажется, только у Кирилла Туровского (еще раз в его же в «Слове в неделю цветоносную», причем в Увар-589 там употреблено причастие, а не личная форма глагола). Словосочетания *прикланяти слух(и)* и *приклонити слух(и)* известны по разным источникам и почти везде, как и в сочинении Кирилл, глагол находится в препозиции[31].

Тенденцию к постановке в той или иной позиции демонстрируют некоторые слова. Так, дополнения *Христос* и *богъ* преимущественно находятся в препозиции: *о своемь бо неради животѣ да Христа приобрящеть; ты же радуяся на своею руку Христа бога носилъ еси; ты же тогда радуяся на своею руку бога носяше* (ССТХК), *да и мы, братье, того Иисуса бога нашего прославимъ* (СР), *пастыри свиряюще веселиемь Христа хвалять; да и учители Христова стада о всѣхъ молящеся Христа славять; дѣлатели с надежею тружающеся плододавця Христа призывають* (СФН); *с нимь веселящеся Христа славять* (СС). Отступления от такого расположения представлены в четырех предикациях: 1-3) *прославили есте на земли Христа сына божия, и тъ прославилъ есть васъ на земли* (СПОНС); *и прославиша Иисуса Христа сына божия святи наши отци, и утвердиша цьрковь.., и научиша вся вѣровати* (Там же); *сбор же святыхъ отець 300 и 18 радости исполнишася и прославиша бога и праздновати повелѣша* (Там же). Здесь можно видеть рематизацию объекта, обозначенного прямым дополнением, а в первых двух примерах – еще и в сочетании с параллелизмом; 4) *знаимъ Христа бога Спаса нашего, емуже слава…* (СФН). Это заключительная фраза произведения, вполне традиционная по своему построению.

Дважды в функции прямого дополнения встретилось существительное *господь*: *апостоли же днесь на Сионъ вшедше к нему познаша господа; свою кождо поюще пѣснь славять господа* (СФН). Хотя оба раза оно расположено в постпозиции, причем в той части произведения, где любое другое дополнение находится в препозиции (об этом см. выше), о тенденции постановки слова *господь* из-за малочисленности примеров судить трудно.

На постановку дополнения в препозиции влияет наличие относящегося к нему слова со значением большого количества; см. об этом [Пичхадзе, Родионова 2011: 155]. В Словах Кирилла Туровского есть один такой случай; предикация является придаточным предложением: … *иже Костянтина цѣсаря от проказы очисти и многа ины чюдеса створи* (СПОНС). В другой предикации при той же препозиции дополнения имеется слово со значением малого количества: *мало нѣчто скажемъ а* [так!] *поновлении въскрѣсения* (СФН);

Препозиция дополнения и постпозиция глагола присутствует в предикациях с относящимся к дополнению вопросительным местоимением *кыи* или *какъ*: *какы воняя възлѣю на твое святое тѣло; кыя ли гробныя пѣсни исходу твоему въспою; кую похвалу створимъ достоину твоего блаженьства* (ССТХК).

Еще один частный случай расположения глагола в постпозиции отмечается в конструкции с общим значением «превратить что-л. во что-л.»: *и всь недугъ мои обратилъ есть въ здравие* (СР); *Евжинъ плачь на радость преложи* (ССТХК).

---

[31] По данным СДЯ для словосочетания *прикланяти слух* при двух случаях порядка VO один раз (в «Пчеле») отмечен порядок OV; для *приклонити слух* порядок VO представлен в большом количестве источников, а порядок OV – один раз [СДЯ 8: 452, 453].

В ряде случаев постпозитивного расположения глагола можно предполагать его рематизацию: *всѣх же гласы окончаваеть Павелъ глаголя…* (СВ); *да ти своея болѣзни напасть исповѣдѣ* (СР).

Тем не менее остаются примеры с постпозицией глагола, которую трудно объяснить. К ним принадлежит словосочетание *чюдо творити*. С разным порядком компонентов оно встречается в произведениях Кирилл Туровского пять раз. Дважды глагол находится в нейтральной препозиции: *по всеи Палестинѣ створи чюдеса и не вѣровахуть ему* (СР); *в нихже бѣ и богоблаженыи Спиридонъ, имже створи богъ ч.до въ сборѣ* (СПОНС). Первый случай постпозиции глагола объясняется семантикой сопоставления: *в жидѣхъ бо чюдеса створи, а языкомъ благодать и спасение дарова* (СЦ); второй – наличием при дополнении слова со значением большого количества: *… многа ины чюдеса створи* (СПОНС). Третий случай постпозиции глагола объяснить трудно, если только не предполагать его рематизации: *по въпросѣх своихъ ученик дивно чюдо творить* (СС).

Как и в именной группе с атрибутом, так и в группе *личная форма глагол + прямое дополнение* нередко встречается дистантное расположение компонентов. В зависимости от того, что именно находится между дополнением и глаголом, можно выделить несколько типов дистантных словосочетаний.

Первый тип: личная форма глагола и дополнение разделены атрибутивным словосочетанием (в том числе являющимся несогласованным определением), иногда – причастием с зависимым словом: *терние прельсти вражия искоренитъ*[32]*; да разрѣшитъ от узъ дьяволь человѣки, образъ своея служьбы предалъ еси, внушаите моихъ слезъ рыдание, кивотъ с божиемь словомь принесе, видите божия смотрения таиньство, гробныя пѣсни исходу твоему въспою* (ССТХК); *ту полагаху жертвеныхъ овець утробы; уды телеси моего раслабиша; злѣ расточихъ даемо в раи богатьство; повѣдаху сына божия силу* (СВ); (СФН); *грѣси мои вся уды телеси моего раслабиша* (СР); *помяну бо блаженыи цѣсарь пророчьское слово* (СПОНС). Изредка дистантное расположение компонентов в именной группе с атрибутом и в словосочетании глагола с дополнением возникает за счет включения одного в другое: *скверну прадѣдняго очистить грѣха* (ССТХК).

Второй тип: личная форма глагола и дополнение разделены относящимися к глаголу (иногда – к дополнению) словами или словом[33]: *да адова врата и верея от основания скрушитъ, подажь всѣм намъ твоя помощь, видѣста утрь во гробѣ два аньгѣла; гвоздиньныя язвы на руку и на ногу показаеть Фомѣ* (ССТХК); *тебѣ всю тварь на работу сътворих* (СР); *своя раздаваеть комуждо дары; посылаеть апостоломъ святыи свои духъ* (СВ); *прозрѣвшаго на судище влекуть; изгонять от сборища помилованаго богомь; Иеремию каменьемь побисте* (СС); *мрѣжю ловитвы обрѣтають; обнажи предо всѣми своя ребра; понавляемъ побѣдныи* (по Толст-39) *на врагы день; исповѣдаите первое о мне исаино писание* (СФН); *испросите душамъ нашим отпустъ грѣховъ; полну цьрковную мрежю къ цьркви Христовѣ привлекосте; да отверзеть намъ врата* (СПОНС).

Третий тип: личная форма глагола и дополнение разделены более чем одной группой слов или даже предикацией: *показаеть своего божества исконьнаго дѣла образъ* (СС), *да Адама от ада съ Евгою падша преступлениемь пакы въведеши в раи; божие*

---

[32] Следует обратить внимание на то, что здесь и в группе с атрибутом, и в группе с дополнением представлен менее частотный порядок: атрибут находится в постпозиции, а дополнение – в препозиции.

[33] В число таких слов не входит атрибут, имеющийся при дополнении.

тѣло с Никодимомь въ плащаницю с вонями обивъ положилъ еси (ССТХК); *излѣимы яко мюро на главу его вѣру и любовь; уготоваимъ яко и горлицю смѣрениемь душа наша* (СЦ); *святыя же пророки и преподобныя праведники съ собою на небеса въ святыи въводить градъ; послю яко обѣщахъ вамъ иного параклита; даеть отцю принесенную имь жертву* (СВ); *рыбарѣ тивериядьскаго езера, невѣгласы сущая же, по себѣ нынѣ водить* (СС); *възлияхъ на язвы его моея крови вино и масло* (СР); *святии наши отци по низложеньи и по проклятьи богоборець еретикъ самъ богъ отець благослови и прослави* (СПОНС); *жертву за спасение всего мира принесе* (СП).

Во всех трех типах словосочетаний с дистантным расположением личной формы глагола и прямого дополнения нет фиксированного места компонентов. То есть и глагол, и дополнение могут находиться в препозиции и постпозиции. Большая свобода расположения компонентов таких словосочетаний коррелирует с общим незначительным преобладанием препозиции глагола, тогда как в именных группах с атрибутом при общем существенном преобладании препозитивного употребления атрибута наблюдается его постановка в препозиции и в дистантных словосочетаниях.

В целом в риторических произведениях Кирилла Туровского в группе *личная форма глагола + прямое дополнение* препозиция глагола, которая представляется его нейтральным, немаркированным расположением, лишь незначительно преобладает над постпозицией. Постановка глагола после дополнения обусловлена рядом факторов: общей авторской риторической стратегией, реализуемой как в отдельных предикациях, так и в нескольких соседних и в целых периодах, семантикой противопоставления и сопоставления, местонахождением группы *личная форма глагола + прямое дополнение* в начале текста или структурно-смыслового фрагмента, наличием общего понятия и еще несколькими частными более или менее значимыми факторами. Самым важным среди них является риторическая стратегия. Реализуя ее, Кирилл Туровский в разном порядке располагает глагольную форму и дополнение. Он использует параллелизм, хиазм и их довольно сложные комбинации. Очень хорошо авторская установка видна на функционально схожих пассажах – обращениях к пастве, которые демонстрируют разные способы построения текста и то, как древнерусский писатель использует их в своем творчестве. Порядок компонентов в группе *личная форма глагола + прямое дополнение* оказывается гораздо менее жестким по сравнению с расположением атрибута в именной группе. Это проявляется также в разных типах словосочетаний с дистантным расположением дополнения, которое может находиться как в препозиции, так и в постпозиции, тогда как атрибут в таких же словосочетаниях стоит в препозиции.

Литература

Виноградов 1915 – Виноградов В.П. Уставные чтения. Вып. III. Очерки по истории греко-славянской церковно-учительной литературы. Сергиев Посад, 1915.
Ковтунова 1969 – Ковтунова И.И. Порядок слов в русском литературном языке XVIII – первой трети XIX в. М., 1969.
Макеева 2018 - Макеева И.И. Порядок слов в атрибутивных словосочетаниях в риторических произведениях Кирилла Туровского // РЯНО, № 2 (36). 2018. С. 87-104
Макеева 2019 – Макеева И.И. Порядок слов в атрибутивных словосочетаних в «Слове о снятии тела Христова с креста» Кирилла Туровского // Славянское и балканское языкознание. Палеославистика-2. М., 2019. С. 199-216.
Макеева 2019б
Молдован 1984- Молдован А. М. Слово о законе и благодати Илариона. Киев, 1984.
Пичхадзе, Родионова 2011- Пичхадзе А.А., Родионова А.В. О порядке слов в сочетаниях «личная форма глагола – прямое объектное дополнение» в древнерусском языке // РЯНО, 2011. № 1 (21). С. 127-161.
СДЯ 8 – Словарь древнерусского языка XI-XIV вв. Т. 8. М., 2012.

Сухомлинов 1858 – Сухомлинов М.И. Рукописи графа А.С.Уварова. Т. 2: Памятники словесности. Вып. 1. СПб., 1858. С. XIII-LXI.

Е. А. Мишина
ИРЯ РАН, Москва
kmishina@mail.ru

Влияние отрицания на функционирование видо-временных форм в древнерусском языке

В работе анализируется взаимодействие отрицания и глагольного вида в древнерусском языке. Отрицание оказывается фактором, могущим влиять на выбор совершенного или несовершенного вида в ряде контекстов. Такое влияние затрагивает в древнерусских памятниках формы презенса, имперфекта, аориста, действительных причастий настоящего и прошедшего времени, императива. В частности, в некоторых случаях отрицание может нивелировать противоречия, возникающие между значением вида и значением времени, чем обусловливается нестандартное функционирование ряда видовременных форм.

1. Презенс напрасного ожидания

А. А. Зализняком на материале берестяных грамот, а также других письменных источников др.-рус. языка был выделен и описан особый тип употребления презентных форм от глаголов СВ в сфере неактуального настоящего, названный «презенсом напрасного ожидания» [Зализняк 1990; 1993]. «Под этим условным наименованием объединяются случаи, когда презенс от глагола совершенного вида, выступающий с отрицанием, получает значение типа ‘упорно отказывается сделать’, ‘все никак не сделает’, например, *не дасть* ‘упорно не дает’, ‘не хочет дать’, ‘все никак не дает (не даст)’.» [Зализняк 2004: 178]. Этот тип употребления сохранился и в современном русском языке, но с синтаксическими ограничениями: требуется сочетание с наречиями *никак, все никак, нигде*, если речь идет о «напрасном ожидании» единичного действия, ср.: *Все никак не соберусь отнести часы в ремонт*, и сочетание с наречием *никогда* или отрицат. част. *ни,* если речь идет о «напрасном ожидании» повторяющегося действия: *Он никогда вам не поможет*. В древних же текстах такого ограничения на сочетаемость нет.

К настоящему моменту в берестяных грамотах известно 10 примеров «презенса напрасного ожидание», из них 3 с глаголом *дати* и производным *въдати,* например:

(1) **а нынѣ водѧ новоую женоу а мынѣ <u>не въдасть</u> ничьто же** (НБГ N9);

(2) **како ты оу мене и чьстьное дрѣво възъмъ и веверицъ ми <u>не присълещи</u>** (щ вм. ш) **то девѧтое лето** (НБГ N644)

За пределами берестяных грамот аналогичные употребления также встречаются (в деловых памятниках, летописях, хожениях), хотя лексически более ограниченно: большинство известных примеров представлено глаголом *дати* и его приставочными производными:

(3) **Игорь же нача молити(с) къ всеволоду. молбою и гнѣваѩсѧ река. не хощеши ми добра. про што ми ѡбреклъ еси Киевъ. а приѩтьльи. ми <u>не даси</u> приимати** (Киев. л. 117)) – знач. презенса: ‘никак не даешь’, ‘не хочешь/не соглашаешься дать’;

(4) **ненавидѧи же добра врагъ. иже и присно боретьсѧ съ рабы б҃жии. и <u>не дасть</u> имъ тако мирьно житии. нъ пакы зълыими своими къзньми соупротивъ въстаеть** (ЖФП 66в7) – знач. презенса: ‘ни за что/никогда не даст’, ‘не хочет дать’.

Однако в тех случаях, когда выражено «напрасное ожидание» не единичного, а повторяющегося действия, и в берестяных грамотах, и в памятниках других жанров встречаются разные глаголы:

(5) **не преиманиже оученьѩ ѿ латынъ . ихъ же оученье разъвращено . влѣзъше бо вь цркъвъ <u>не покланѧтьсѧ</u> иконамъ.** (ПВЛЛ, л. 39об.) – знач. презенса: ‘никогда не кланяются / не поклонятся’

(6) **а не сестра ѧ вамо оже тако дѣлаете <u>не исправить</u> ми ничето же** (НБГ N644) – знач. презенса: ‘никак не исполните/не исполняете (о работе)’, ‘не хотите исполнять’.

Употребление презенса СВ в контекстах «напрасного ожидания» повторяющегося действия близко к наглядно-примерному употреблению СВ, когда типичное изображается

через единичное: одно действие (ситуация, событие) дает наглядное представление о других подобных актах[34]. В приведенных примерах сочетание презенса СВ с отрицательной частицей *не* подчеркивает отсутствие хотя бы одного акта действия, и таким образом выполняет усилительную функцию, «служит средством усиления смысла» [Зализняк 1990: 113]: говорящий считает естественным (желательным), чтобы действие происходило (неоднократно), оно же не случилось ни разу. По-видимому, аналогичную усилительную функцию (по сравнению с возможным употреблением НСВ) презенс СВ в сочетании с отрицанием выполняет в контекстах потенциального настоящего:

(7) {**анг҃лъ бо і**} **чл҃вку ѕла <u>не створѧть</u> но бл҃гое мыслить ему всегда**. (ПВЛИ, 50d);

(8) **вещь бо сунклитова сица е ни огнь можеть вжещи ѥго. <u>ни</u> желѣѕо ѥго <u>приметь</u>** (ПВЛЛ, л.85).

Как известно, отрицание само по себе модально, так как, выражая неосуществленное действие, переводит его в ирреальную плоскость. Значение «напрасного ожидания», возникающее у глаголов СВ, напрямую связано с отрицанием (в утвердительных контекстах этот компонент не выделяется), что находит объяснение в семантике СВ. Как было показано в [Падучева 1996: 54–56], компонент «ожидания» возникает у значения СВ именно под отрицанием за счет того, что намерение осуществить действие входит у глаголов СВ в пресуппозицию, которая не подвергается отрицанию. Как известно, действие делится на фазы, при этом намерение осуществить действие составляет одну из фаз наряду с началом, продолжением, завершением и итоговым состоянием. Поскольку в СВ акцент делается на завершении действия, у глаголов СВ компонент «достижение предела» входит в ассерцию, а «деятельность» – в презумпцию. Презумпция не подвергается отрицанию, и таким образом, деятельность оказывается вне сферы действия отрицания. А именно с деятельностью, и прежде всего с ее началом связаны такие фоновые компоненты, как намерение, ожидание, долженствование, «которые остаются при отрицании глагола СВ в неотрицаемом виде» [Падучева 1996: 55].

2. «Напрасное ожидание» в формах имперфекта и действительного причастия настоящего времени

Как показало дальнейшее исследование функционирования глаголов СВ с отрицанием в ранних восточнославянских памятниках [Мишина 2012; 2017], схожие модальные наращения возникают у глаголов СВ не только в форме презенса, но также в форме имперфекта и действительного причастия настоящего времени.

По аналогии с “презенсом напрасного ожидания” употребление форм перфективного имперфекта в отрицательных контекстах можно было бы назвать “имперфектом напрасного ожидания”, так как под отрицанием в значении перфективных имперфектов имеют место модальные наращения, сходные с теми, которые возникают в презенсе, а именно – *неоправданное ожидание* и *упорный отказ* совершить действие, несмотря на желание/стремление некоторого субъекта к его осуществлению: ‘…Алтинопа не пустил/не пускал венгров назад, несмотря на их намерение и попытки…’, ‘...Давида Игоревича не подпустили/не подпускали к себе другие князья, несмотря на его желание’, ‘бес не переставал/не перестал, несмотря на полученный запрет…’, ‘…Григорий не позволял/не позволил Мстиславу начать воевать с Ярославом, несмотря на желание (намерение) Мстислава’ и т. п.

(9) **Алтунопа же пригна къ ·а·му ѕаступу· и стрѣливше· побѣгнуша предъ ѹгръı· Оугри же погнаша по ни҃х· ꙗко бѣжаще минуша Бонѧка· и Бонѧкъ погнаше сѣка въ тылъ· а Алтунопа възвратѧшетьсѧ вспѧть· и <u>не допустѧху</u> Оугръ ѡпѧть· и тако**

[34] Впервые термин *наглядно-примерное употребление* был введен Ю. С. Масловым [Маслов 1959: 232].

множицею избивااا· сбиша ѣ в мѧчь (ПВЛ по Лавр., л. 91–91об.) – “Алтинопа же, подскакав к первому ряду и пустив стрелы, побежал от венгров, венгры же погнались за ним, думая, что это Боняк обратился в бегство, а Боняк погнался за ними, рубя их с тыла. Алтинопа же повернул обратно, и не пустил/упорно не пускал (не хотел пустить) венгров назад, и так во множестве избивали их”;

(10) **а Дв҃дъ Игоревичь сѣдѧше кромѣ· и <u>не припустѧху</u> его к собѣ** (ПВЛ по Лавр., л. 92) – “А Давид Игоревич сидел в стороне, и не подпустили/не подпускали (не хотели подпустить) его к себе... ”;

(11) **и реч(е) веліим гласом: ѕапрещаеть ти г(оспод)ь вселукавыи діаволе. Бѣсъ же <u>не престаняше</u> меля в жернова** (КПП, л. 187, цит. по (Маслов 1954, с. 112–113) – “И сказал громким голосом: Вселукавый дьявол, запрещает тебе Господь! Бес же не перестал/не переставал (не хотел перестать) молоть жерновами”;

(12) **бѧшѧть бо в тъі дн҃и игуменъ ст҃аго андрѣااا . григории** [...] **чтенъ же ѿо мьстислава и ѿо всихъ людеи . тотъ бо <u>не вдадѧше</u> мьстиславу въстати ратью поااااославѣ. река** [...] (Киевская летопись, л.108) – “В это время игуменом монастыря св. Андрея был Григорий, почитаемый Мстиславом и всеми людьми. И он не дал/ни за что не давал (не хотел дать) Мстиславу воевать с Ярославом, говоря... ”.

Действительные причастия настоящего времени от глаголов СВ в контекстах с отрицанием также могли выражать значение близкое к тому, которое выражается имперфектами СВ в рассмотренных выше контекстах. Как и в контекстах с имперфектами СВ, как правило, описывается ситуация, в которой присутствуют два субъекта: один из них ждет, что второй осуществит некоторое действие, но этого не происходит (см. примеры (30)-(34)): ‘рака <u>никак</u> не хотела двигаться/ни за что не двигалась, несмотря на стремление несущих ее’, ‘черниговцы <u>ни за что</u> не хотели отворить город/не отворяли, несмотря на осаду’, ‘князи не давали/не дали войти в города, несмотря на намерение врагов… ’, ‘люди Александра <u>никак</u> не решались перейти реку, несмотря на приказ… ’. Иными словами, в употреблении дейст. прич. наст. вр. СВ под отрицанием возникает то же модальное наращение напрасного, неоправданного ожидания, что и в контекстах с презенсом СВ и имперфектом СВ.

(13) **и вьставиша и на сани. и емше ѕа вужа веѕоша и.ااако быша вь двѣрехъ сташа. рака <u>не поидущи</u>. и повелѣша народу ѕвати ги с помилуи. и повеѕ[о]ша и положишаااا.** (ПВЛ по Ипат. 67b26);

(14) **и поидоша к [ч]ернигову. чернигов[ц]ѣ ѕатвориша с оу градѣ. ѡлег же и борисъ бѧшета в черниговѣ. чернѣговцемь же <u>не ѡтвоѕѧщимсѧ</u>. приступиша ко граду.** (ПВЛ по Ипат. 74d 13);

(15) **Володимерци ѕатвориша с в градѣ · Всеволо д же · и Мстиславъ бѧста · а воевода Петръ · Ѡслѧдюковичь · Володимерце м <u>не ѡтворѧщисѧ м</u> · приѣхаша Татари к Золотъі м ворото м · водѧ с собою Вододимера · Юрьевича · брата Всеволожа ·** (Сузд. Лет. 461.21);

(16) **кн҃зи же рѧзаньстии . гюрги інъгворовъ братъ. ѻлегъ. романъ . інъгоровичь . і моуромьскъі и проньскъіи . не въпоустѧче къ градомъ . въгѣхаша про тивоу имъ** (Новг. I лет., 121-121об.);

(17) **повелѣ пръвое прегна́ти скоты и това́ры, и потѡ̀мъ воемъ прѣити. ѡн҃ же боѩхусѧ, ви́дѧще на|воднивѣ́шюсѧ рѣкоу, егда̀ ка́ко раз̑друшатсѧ премости. не дръзноущимъ же имъ прѣити, и поемъ алекса́ндръ болѧры своѧ съ собою, пръвое са́мъ прѣиде, и по немъ преидоша всѝ воѧ его.** (ЖАЮ 056.9).

Таким образом, значение «напрасного ожидания», выделенное А. А. Зализняком для презентных форм в контексте неактуального настоящего, в др.-рус. период могло выражаться и другими формами от глаголов СВ – имперфектами и действ. прич. наст. вр.: обе формы употребляются для описания сходных ситуаций и выражают по сути одинаковые значения. Можно сказать, что в данном случае они выступают в качестве функциональных синонимов. Очевидно, что в данном случаем мы имеем дело с очень архаичным употреблением причастий и имперфектов, так как за пределы др.-рус. периода такие употребления практически не выходят (за исключением образований от глагола *дати*, которые, по-видимому, превращаются в застывшие клише).

3. Отрицательный императив

В сочетании с отрицанием императив обозначает побуждение к несовершению действия. И, как известно, в современном русском языке в сочетании с отрицанием формы императива от глаголов СВ и НСВ имеют разное значение, см. [Храковский 1986; Гусев 2???: 209-???;] и др. Преимущественно отрицательный императив образуется от глаголов несовершенного вида, в этом случае он имеет прохибитивное значение: выражает запрет на совершение действия (‘не делай Р’). СВ в значении прохибитива в современном русском языке, как правило, невозможен, см. (18). Императивы от глаголов СВ в сочетании с отрицанием имеют превентивное значение, то есть выражают предостережение (говорящий сообщает о том, что может произойти некоторое нежелательное Р и побуждает сделать так, чтобы Р не произошло), см (19). Как правило, значение прохибитива и превентива связывают с контролироемостью (прохибитив) и неконтролироемостью (превентив) действий, несовершение которых пытается каузировать говорящий[35].

(18) *Не входи!* (НСВ) ср. **Не войди!* (СВ)
(19) *Смотри, не упади!* (СВ)

Прохибитив НСВ

В восточнославянских памятниках древнерусского периода, как и в современном русском языке, в отрицательных контекстах императивы от глаголов НСВ выражали значении прохибитива[36], см. (20)-(27):

---

[35] См. более тонко сформулированные значения прохибитива и превентива в [Гусев: 209]

[36] Следует оговориться, что в древнерусском языке достаточно большой корпус бесприставочных глаголов (плюс часть приставочных) не были втянуты в видовое противопоставление, то есть оставались неохарактеризованными по виду. Такие глаголы из рассмотрения исключались. О критериях определения видовой семантики бесприставочных глаголов см. в [Мишина 2018].

(20)

Данилъ же и Василко створиста. завѣтъ. положивъ имь реко **не помогаите** кн҃зю своемоу (Галицкая лет.);

(21) и р(ч҃)е има братъ ваю а мои wц҃ь тако реклъ. к городоу же **нє пристоупаите** (Киевская лет.);

(22) поѣди кнѧже на своі столъ а злодѣєвъ **не слушаі**. (Новгородская I летопись);

(23) и посла пре(д) ними слы. гл҃ѧ сице цр(с)евї. се идуть к тебѣ варѧзи. (…) расточи □ раздно. а а семо **не пущаи** ни едино(г) (ПВЛ по Ипат.);

(25) всеволодъ же исповѣда ему. все бывшее. ї ре(ч) ему изѧславъ брате **не тужи**. (ПВЛ по Ипат.);

(27) пригнавше сторожеве рекоша юму · **не лежи** кнѧже Глѣбъ ти пришелъ на тѧ (Суздальская лет.)

Часто отрицательный императив НСВ употребляется для запрета многократного действия или действия, нелокализованного во времени:

(28) Сн҃□, на wбѣдѣ сѣдъ, (д)<р□>гу своєм□ не помышлѧи зла (Повесть об Акире)

(29) сн҃□, ащє что слышиши, **не повѣдаи** ником□. аще что оузрыши, **не □бавлѧи**. з авѧза(н)а □жа **не □рѣшаи**, а □рѣшєна **не завѧзяи**. сн҃□, **не взираи** на красот□ жєньск□ю и ср(д)цємь **не ж(д)ьдаи** є□. (Повесть об Акире Премудром);

(30) **не приимаи** же ѿ латынѣ оучени□. ихже оучение развращено (ПВЛ по Ипат.);

Превентив СВ

В древнерусском языке в отрицательных контекстах императив СВ, как и в современном русском языке, может иметь превентивное значение в том случае, когда речь идет о предупреждении осуществления неконтролируемых действий, например:

(31) но т□ королю своєго слова нє забуди какожє єси рєклъ. Ѡже володимиръ съступить то тобѣ оу галича сто□ти wпѧть. (Киевская летопись) – «Но ты, король, своего слова не забудь (смотри, не забудь), какое ты произнес. Если Володимир отступит, то тебе придется стоять у Галича снова»;

(32) **не забудь** льва о позъвѣ до рьжи (НГБ 122, 1410-14200) – «Не забудь Льва в связи с вызовом [на суд]»

(33) **нь пожали** г(ос)подине про сигы ѣще сигово нету (НБГ 147 (1220-1240) – «Не прогневайся, господин, из-за сигов — еще сигов нет»;

(34) (а ме)[н]ѧ послалѣ корѣлѣ на каѧно море а (не п)омѣшаI **не испакости** каѧнецамо ни соби присловиѧ возми (НБГ 286, 1360-1380) – «[А меня (?)] послали к карелам на Каяно море. А ты смотри не помешай, не напакости каянцам и себе не заполучи худой славы».

В приведенных выше контекстах императив *не забуди*, образованный от глагола с неконтролируемой семантикой, имеет превентивное значение – говорящий побуждает к тому, чтобы король не забыл своего обещания ни при каких обстоятельствах. Речь идет о каузации несовершения единичного действия в будущем, в отличие от контекстов

неограниченной кратности, в которых употребляется форма императива НСВ (*не забываи*)[37]: говорящий побуждает адресата не совершать действие каждый раз, когда это может быть актуально (‘не забывай никогда = всегда помни’), ср.:

(35) wному же изнемогающю. вьзрѣвъ на игумена и рече **не забываи** игумене. Еже ми еси ночесь wбѣщалъ. (ПВЛ по Ипат.);

(36) тебѣ же. ча(д) молюсѧ. Внимаи себе. не **забываи** клюкъ єго. Блюди же въ мдр(с)ти и трезвисѧ о всемь. (ЖАЮ);

(37) сироты милуи. болѧщихъ не **забываи**. вдовамъ помагаи. (ЖАЮ);

(38) сн҃оу, ащє что просиши, ау ба҃. то не **забываи** и нє б□ди ѧко нєбрєгыї. (Повесть об Акире)

В древнерусских текстах не встретилось форм императива от глагола *забывати* без отрицания. В современном русском языке без отрицания эта форма также практически не встречается.

Аналогичным образом, как кажется, в приведенном ниже контексте первая форма отрицательного императива НСВ (*не мори*) имеет прохибитивное значение (побуждение к прекращению контролируемого действия: морить или не морить себя голодом князь решает сам и может это процесс контролировать), в то время как второй отрицательный императив СВ (не помори) имеет скорее превентивное значение в ситуации, когда речь идет о предотвращении неконтролируемого действия: у князя нет цели специально уморить голодом людей в городе, но если осада будет продолжена, то это может произойти неконтролируемо:

(39) и послаша в градъ к брату Сто҃славу гл҃ще · **не мори** сѧ голодомъ с дружиною · и людии **не помори** · но лѣзи сѣмо къ на(м҃) · т□ на(м҃) братъ (Суздальская лет.) – «И послали в город к брату Святославу, говоря: Не мори себя с дружиною голодом, и людей своих не умори, но иди сюда к нам: ты нам брат».

(40) рекоуче. г(с)не кнѧже Володимере. Приѣхали есмѧ к тобѣ. Ѿто всихъ □твѧзь. Надѣючесь на (кнѧзь.) Бъ҃. И на твое здоровие. г(с)не. не **помори** насъ. Но перекорми н□ собѣ пошли г(с)нек
намъ жито свое прода□тъ. а м□ ради коупимъ. чего восхочешь. воскоу ли. бѣли ль бобров ъ ли. (Волынская лет.)

Превентивное значение (предупреждение наступления неконтролируемого действия) у отрицательного императива СВ можно усмотреть и в следующих контекстах:

(41) къ горѣ бо҃любн□хъ добродѣтелии доидеши. нъ и тогда **не раслаби собе.** нъ потьрпи (Сказание о черноризском чине) – «Когда дойдешь до горы богоугодных добродетелей, и тогда не расслабься, но потерпи»;

(42) вы` же вѣдоуще дѣ´ла и(х) се´ль скве´рна и бг҃оу гноу´сна. не оустрашите мно´жества и(х). ни шата´нїѧ ни высоты мѣ´ста. (ИИВ)

Превентив или прохибитив?

Однако, как кажется, не всегда выбор и употребление СВ или НСВ можно объяснить различием между ситуациями, когда речь идет о конролируемом или неконтролирумом действии, а скорее различиями именно в аспектуальной семантике. Так, в приведенных ниже контекстах (43)-(46) у отрицательных императивов СВ (не **повѣдите, не оугаси)** можно предположить превентивное значение: предупреждение наступления неконтролируемого действия (*Смотрите, ненароком не проболтайтесь никому; Смотри, случайно не загаси свечу; Смотри, не скажи что-нибудь поперек; Только не начни ничего хулить ненароком*), однако представляется, что равновероятно можно усмотреть здесь и предупреждение (запрет?) нежелательных, но вполне контролируемых действий (князь ожидает, что его слуги могут/захотят сознательно рассказать о его приказе кому-нибудь;

[37] Как отмечается в [Zorichina-Nilson 2014: 90] для выражения запрета повторяющегося действия во всех славянских языках выбирается исключительно НСВ.

женщина может по той или иной причине решить загасить свечу; посланные могут сознательно начать перечить или ругаться):

(43) wн же рче имъ не **повѣдите** никомуже. шедше оубиите брата моего бориса (ПВЛ по Ипат.) – «Он же сказал им: *Не рассказывайте* (букв. *не расскажите*) никому. Пойдя, убейте брата моего Бориса»

(44) аще сѣдѧщи вечеръ на ло́жи своємъ и оузриши sми́ѧ плъзуща къ тобѣ, повели всѣмъ соущимъ с тобою ѿстоупити. ты́ же не оугаси свѣща на свѣти́лницѣ, єгоже нынѣ оустрою горѣти въ чт҃ъ бо́гу (Александрия) –

(45) и борзо пади на лици своемь · и поклонисѧ мужу тому · и все еже речеть к тобѣ створи не прѣступи рѣчи ему (ПВЛ по Ипат);

(46) ѥгда же придеши к нему. не начни никака лиха□ словеса. нъ дх҃мь сътренъмь и смиренъмь ср(д)цемь съ слезами и съ въздыханьѥмь измолисѧ (ЖАЮ)

Выбор СВ данном случае может быть обусловлен чисто аспектуальной семантикой: для говорящего важно, чтобы действие не было осуществлено в будущем ни разу, а у СВ в сферу отрицания попадает как раз результат[38]. А поскольку, как было сказано выше, значение отрицательного императива СВ состоит из двух частей, то первая часть (‘говорящий сообщает о том, что может произойти некоторое нежелательное Р’? см. [Гусев ???:]) не попадает в сферу отрицания, что и порождает дополнительный семантический компонент **ожидаемости** наступления нежелательного действия. Ср. с употреблением императива НСВ (не **повѣдаи)** в контексте многократности, где этого дополнительного семантического компонента нет:

(47)
сн҃□, ащє что слышиши, не **повѣдаи** ником□. аще что оузрыши, не □бавлѧи. завѧза(н)а □ жа не □рѣшаи (Повесть об Акире).

(48) и ре(ч҃) к неи." храни ми таину мою. варваро ". тако бо бѣаше имѧ ѥи." и никомуже того не повѣдаи нынѧ. донелѣже проиду в мѣсто крова дивна до дому би҃□ (ЖАЮ)

Есть и другие контексты из древнерусских текстов, где отрицательный императив СВ выражает запрет ожидаемых и очевидно контролируемых действий, например:

(49) и в҃несо́ша тѣ́ло алекса́н҃дрово въ градъ. ре́че же начѧ́лникъ пр(о҃)ркомъ того ст҃ыѧ. того̀ здѣ не положите, но̀ въ градѣ, иже єсть въ ракодидѣ създа́лъ. (Александрия);

(50) молю ти сѧ. тако ти ба҃нб(с҃)наго и земнаго. не потаи прѣславны(х҃). □же на тебѣ єсть было ѿ ба҃. (ЖАЮ)

(51) ре(ч҃) же к нем□ єпифанъ. "ѿче мои добрыи. что ти єсть. молю ти сѧ. не потаи мене. чадо. своєго раба. □коже вижю тѧ тако слезѧща и молчаща на многы ча(с҃)" (ЖАЮ)

Наличие в семантике отрицательного императива СВ дополнительного модального семантического наращения «ожидаемости наступления неблагоприятного события Р» объединяет функционирование в сочетании с отрицанием форм императива с формами презенса, имперфекта и действительного причастия настоящего времени СВ, о которых шла речь в начале статьи.

Сложности в интерпретации возникают также тогда, когда речь идет о ситуации просьбы или мольбы. Рассмотрим встретившиеся контексты, в которых употребляются формы императива *не погуби* (56)-(62), *не губи* (53)-(55) и *не погубляи* (52):

(52) видѣвше же гр(ѣ)цѣ оубо□шасѧ. И ркош(а) выславше ко wльгови. не **погублѧи** горо(д) имемьсѧ по дань.
□коже хощеши и стави wлегъ вои. и вынесоша ему брашна. (ПВЛ по Ипат.);

(53) wже н□ сѧ велите мирити. то не стоите на нашеи земли. а жизни наше□ ни селъ наши(х҃) не **губитє**. но ать изѧславъ поидеть въ свои володимиръ. а в□ въ свою землю. поидите (Киевская лет.);

---

[38] В сочетании с отрицанием употребление императива СВ для каузации несовершения единичного действия в будущем возможно в современном словенском языке См. [Zorikhina-Nilson : 92]

(54) поча молитисѧ wцїю глїѧ· не слушаи □рославича примири сн҃вьца· <u>не **губи**</u> wч҃ин□ своє□ (Суздальская лет.=Киевская лет.);

(55)
рекоуще тако· □ко копимъ сребро· и соболи· и ина оузорочь□· а <u>не **гоубите**</u> своихъ смьрдъ· и своєи дани (Новгородская I лет.);

(56)
рекшоу кнѧже льстивъ глїъ имѣю Галичанѣ. <u>**не погоуби** се</u>. поиди прочь (Галицкая летопись) – «сказав: Князь, листивые речи у галичан. Не погуби себя, пойди прочь»

(57) кн҃же сила єго велика. А оу тебе мало дружин□. Даже не переидеть на н□ чересъ рѣку. <u>не **погуби**</u>
на(с҃) ни самъ <u>не пог□ни</u> но т□ нашь кн҃зь коли синь. будеши а м□ с тобою. (Киевская лет.);

(58) Левъ кнѧзь. Посла Семена своего Дѧдьковича. Ко сн҃ови своемоу. С прочними рѣчьми река емоу. поѣдь вонъ из города. <u>не **погоуби**</u> землѣ. (Волынская лет.)

(59) н□нѣ братоу твоемоу слоужимъ. А заоутра твои боудемь. Не даи слав□ Роуси <u>ни **погоуби**</u> града сего. (Галицкая лет.)

(60) wни же рекоша гн҃а наю кн҃зѧ <u>не **погубита**</u> на(с҃) до конца. (Киевская лет.);

(61) тобѣ много молвилъ. и изѧславу wбѣима вама. <u>не пролѣита</u> крови хр(с҃)ть□ньск□. <u>ни **погоубита**</u> роуск□ землѣ того ва єсмь боронѧ (Киевская лет.)

(62)
и нынѣ м(о)лю ти сѧ: <u>не **пог□би**</u> ненє, но съблюдї мѧ, ѧко(ж) и азъ тѧ соблюдохъ. (Повесть об Акире)

В единственном встретившемся примере из Повести временных лет (38) с отрицательным императивом НСВ от глагола *погубляти* (вышедшем из употребления в современном русском языке), как и в примере (39) с отрицательным императивом НСВ от глагола *губити*, отрицательные императивы НСВ выражают прохибитивное значение и побуждают к несовершению действий, которые имеют место в момент речи. В древнерусском, как во всех современных славянских языках [Zorikhina-Nilson : 86], в этом случае употребляется императив НСВ. В (40) и (41) примерах отрицательные императивы НСВ (*не губи*) выражают запрет на совершение действия в будущем, как и в современном русском языке:

(63) — <u>*Не губи*</u> семью, Егорушка, деток не губи. (Борис Васильев. Не стреляйте в белых лебедей (1973) пример из НКРЯ)

Что же касается отрицательных императивов от глаголов СВ (*не погуби*), то если в примерах (53)-(55) можно усмотреть превентивное значение (говорящие предупреждают князей о том, чтобы они не совершили действий, которые могут непреднамеренно привести к таким негативным последствиям, как гибель их самих и их окружения), то в примерах (56)-(62) не столь очевидно, что речь идет о предупреждении совершения неконтролируемых действий, а не напротив – контролируемых (речь идет о сознательной деятельности). Представляется, что мы имеем дело с такими же ситуациями, как в примерах (53)-(55), где употреблены отрицательные императивы НСВ. То есть выражено прохибитивное значение, а не превентивное. И семантическая разница связана здесь скорее напрямую с аспектуальными значениями. В случае с выбором НСВ (*не губи*) акцент делается на настоящем моменте (‘не губи сейчас, а также в будущем’), что порождает эффект как бы «повышающейся актуальности» и «напряженности момента», то, что Forsyth называл ‘sence of urgency” [Forsyth 1980: ??]. Выбор же СВ акцентирует внимание на конечном результате, то есть в данном случае его ненаступлении: действие не должно ни в коем случае произойти. В современном русском языке отрицательный императив *не погуби*, действительно, может быть употреблен только в превентивном значении, например:

(64) Смотри, не забудь поливать мой цветок, *не погуби* его!

Обращение к кому-то с просьбой возможно только с императивом НСВ (СВ невозможен), ср.:

(65) — Не рассказывай никому то, что ты узнал обо мне! *Не губи* меня! **Не погуби* меня! Только в превентивном значении: Смотри, *не погуби* меня!

Однако еще совсем недавно такое обращение было возможным:

(66) — Придется тебе теперь расплачиваться, голубчик!
— Ваше превосходительство, ***не погубите***! Видит Бог, я тут не при чем? (Р. Л. Антропов. Гений русского сыска И. Д. Путилин (1908), НКРЯ)

Ср. с употреблением императива НСВ в аналогичном контексте:

(67) — *Не губите*, ваше превосходительное сиятельство, сперва выслушайте, — почтительно отвечал Кузьма. (Н. Э. Гейнце. Людоедка (1898), НКРЯ)

Приведем другие случаи употребления отрицательных императивов от глаголов СВ в древнерусских памятниках в ситуациях, когда говорящий каузиует ненаступление контролируемого действия (часто уже планируемого или начатого):

(68) вы же чада божи□ послушаите оучени□ и не ѿринете наказани□ цр҃ковнаго. □коже вы наказалъ мефедии оучитель вашь. (ПВЛ по Ипат.) ?

(69) и побеженъ бывъ алеѯандръ, и възвратисѧ въ газу, и пристро́ивсѧ, мышлѧше раздрушити тура. видѣвъ же въ снѣ нѣкого гл҃юща ємоу. александре, не помысли сла собѣ сотворити въ тоуръ. (Александрия)

(70) рекоуче не имѣи на н□ в томъ жалоб□. но боудем□ вси за wдинъ моужь и не помѧни злобъ нашихъ . а кр(с҃)тъ к намъ цѣлоуи . а ѿц҃иноу свою възми (Киевская лет.)

(71) и рече к ни́ма да́рїи. w мои вл(д҃)цѣ, бы́вѣ́ше ра́би мои. что̀ вы ѕло сътворихъ, да́ мѧ хо́щете погоуби́ти, □коже ва́рвари дръѕи. не сътворите ничтоже бо́ле макидо́нъ. wставите мѧ си́це на бы́льи повръжена и въздыха́ти на жесто́коую чѧсть. (Александрия)

(72) пришелъ ѥси на мѧ. пакы ли. азъ бо дивѧхсѧ. □коже прѣже сего ча(с҃). како ѥси пришелъ ѻтаи и послушалъ сто□ тѧжю мою. хотѧ ми створити нѣчто зло. нъ иди ѿсюдѣ а не створи бесъ правды сдѣ ничегоже. (ЖАЮ)

(73) молѧсѧ и кланѧ□сѧ река ци сам□ єсмь ѣхалъ києвѣ. посадили мѧ ки□не а не створи ми пакости. а се твои києвъ. (Киевская лет.)

(74) а мьстислава ємьше не створите єму ничтоже приведете и ко мнѣ (Киевская лет.)

(75) Гюрги же посла ко Изѧславу река · мнѣ wтчина К□євъ а не тобѣ · тогда же в□сласѧ к нему Изѧславъ река не створи ми пакости а се твои К□євъ (Сузд. лет.)

(76) серебра а онанею посли с[е]моу со [прост]а **н[е посли]**… (НБГ 221, 1240-1260) – ???

(77) матьеви еси молвиль толико мнѣ емати скота боле же за мьне скота не поусти (НБГ 550, 1180-1200) – «Ты сказал Матею: «[Лишь] столько (подразумевается: сколько уже собрано) я должен собирать денег (т. е. дани). Больше же ты мне денег не поручай».

(78) **водае** паробок□ моем□ з на десѧте гривено а не □**дережи посо⁝ли** семо (НБГ 624, 1160-1180) – «Выдай слуге моему семнадцать гривен, не откажи (букв.: не удерживай [за собой]), [и] пошли сюда».

(79) въ врѣмѧ живо(т)[а] моєго: **не остави** мене … **не пороучи** мене нъ сама (НБГ 652, 1180-1200)

(80) … - [т]р[и] (г)ри[вьнь] **н[ь] отопоу⁝(с)ти** (НБГ 676, 1160-1180) – «… [такой-то должен] три гривны — не прощай».

с НСВ:

(81) єлиньскымъ ѧзыкомъ свы́ше зва́ста. почто̀ хо(д)иши по земли єди́наго ба҃, александре. възвратисѧ, wкаанне. на мѣста бл҃жныхъ и не можеши въстоупити. възвр҃атисѧ оубо, w чл҃че, и по вданѣи тобѣ земли ходи. троуда себѣ не твори. (Александрия)

(82) Сн҃□, □не єсть оумомъ камєнъ двигн□тї, нежє съ бєз□мьємь вино пити. с раз□мнымъ бєз□мьѧ не твори. и с бєз□мны(м) не ѧви оума своєго. (Повесть об Акире)

(83) Сло(в҃) ·з҃· О мл(с҃)тнѣ. Отъ еуа(г҃)ль□. Вънимаите мл(с҃)тнѧ ваше□ не творите пре(д) чл҃вкы. (Пчела)

(84) и того ради гл҃ть Бу҃ слуга єсть мьстѧ злодѣюмъ · хощеши ли сѧ власти не бо□ти злаго не твори и похвалить тѧ (Суздальская лет.)

Просьба

не убии – не убиваи

(85а) wни же рекоша оуже **не оубии** є□ дѣтѧти дѣлѧ сего (Сузд.)

Ср. тот же контекст в Московском летописном своде с императивом НСВ:

(85б) Они же рекоша ему: "уже не **убиваи** еа, дѣтяти дѣля сего, новздвигни еи отчину съ сыномъ еа". (МЛС)

(86а) река К□□но(м҃) брать□ мо□ · не мозѣте створити зла не **оубиите** Игорѧ (Суздальская лет.)

Ср. тот же контекст в Киевской летописи и Московском летописном своде с императивом НСВ:

(86б)
река ки□номъ бра(т҃)є мо□ не мозите сего створити зла ни **оубиваите** игорѧ. (Киевская лет.)

(86в) и рече Кианом:" братие моя, не мозите створити зла, не убиваите Игоря " (МЛС).

Несмотря на то, что тенденция к выбору формы императива НСВ в сочетании с отрицанием прослеживается довольно рано (контекстов с отрицательным императивом НСВ больше, чем с СВ; в более поздних списках отрицательный императив СВ начинает заменяться на императив НСВ), более свободное (по сравнению с современным русским языком) функционирование отрицательных императивов СВ с прохибитивным значением было возможно еще в XVIII-XIX веках, ср.:

(87) — Да, графиня, потому что не удостоиваете даже и теперь меня ответом. Только двух минут прошу у вас… Грудь моя полна… Не убейте меня отказом, потому что мысль о вашем презрении сведет меня в могилу… (Н. А. Бестужев. Русский в Париже 1814 года (1831-1840) НКРЯ);

(88) «Лукерья! — с горьким чувством сказал мне отец. — Ты больна, а признаться не хочешь, побойся Бога, не убей меня, открой…» (И. Н. Скобелев. Рассказы русского инвалида (1838-1844), НКРЯ);

(89) Волгин вскочил с дивана, схватил руку Александра Иваныча и, крепко сжимая ее, сказал: — Нет, этому не быть!.. Скажите, что этому не быть… Не убейте меня… Простите, что я так смело говорю… Воля родительская… но я люблю ее так сильно, так глубоко, что готов за нее с целым миром поспорить. (И. И. Лажечников. Беленькие, черненькие и серенькие (1856), НКРЯ)

(90) Призри их великодушно, *не оставь* их твоим покровительством, *не оставь* твоим советом и ту, которая по смерти жены моей им служила вместо матери, *не отвергни* иногда её прошение, и дай ей наставление (А. Н. Радищев. Письмо А. Р. Воронцову, 1790, НКРЯ)

(91) Pleese, не оставьте мой пост без внимания! (Красота, здоровье, отдых: Красота (форум), 2005, НКРЯ)

(92) За то, что предупредил — спасибо, я это запомню. — Да уж не оставь старика. — Посиди там полчаса. (Петр Галицкий. Цена Шагала. 2000, НКРЯ)

(93) Устимовичу, Сакену и Хомякову не откажитесь от меня поклон передать. (А. С. Грибоедов. Письма, 1828, НКРЯ)

(94) — Не откажитесь подсесть к нашему столу, у нас есть для вас интересное дело. (Эдуард Хруцкий. Операция прикрытия 1984, НКРЯ)

(как кажется, по аналогии с молитвами: Господи, не оставь меня, не отвергни моления моего, не отврати лица твоего! Не убей! Не укради! И т.п.)

(95) да молю ти сѧ и припадаю. не ѿврати молени□ моєго тща. нъ помѧни любо єдиного дни любовь мою своєго раба (ЖАЮ)

Молитва

(96) г(с)и оуслыши млтву мою и **не вниди** в судъ с рабомъ твоимъ (ПВЛ по Импат. = Сузд. лет.)

(97) не вниді въ гєwноу, а азъ не рыдаю ˙ оуне бо намъ нынѣ печаловатисѧ , нежели въ wно времѧ моученымъ быти (Пчела)

(98) наказа□ накажи мѧ г(с)и · но смрти **не предажь** мене (Сузд. лет.)

(99) почто азъ єдинъ повиньн□и. не при□хъ стр(с)ти за всѧ си. но вл(д)ко. г(с)и бє мои нє ѿригни менє до конца. но □ко волѧ тво□ г(с)и тако и мл(с)ть (Киев.)

(100) тако и мене сподоби при□ти стр(с)ть. се же не ѿ противныхъ. приимаю но ѿ брата своего и не створи ему г(с)и в семь грѣха. (ПВЛ по Ипат.)

(101) wбаче аще стоаща(г) прошае(т) глїщи.. аще пастѫ(х) еси не wстави мене не ѿст□пи ѿ мене, □(к) скорбь бли(з) (Туровский. Повесть о беспечном царе)

(102) и єп(с)пъ ихъ Арсении молѧсѧ часто шлѧ и глѧ • кнѧ(з) велик□и не wпусти мѣстъ ч(с)тн□хъ • не пожжи црквии стхъ • в ни(х)же жертва Бу • и молба стварѧє(т)сѧ за тѧ (Сузд. лет.)

Ср. с употреблением НСВ:

(103) Снѣ□, в с□дїинъ виногра(д) не входи. и съ без□мною жєною не сходисѧ и свѣ с нєю не твори. (Пчела)

(104) А к треженцю никако же в дом не вниди, развее смертьнаго недуга. (Поучение [ростовского и ярославского] архиепископа [Феодосия Бывальцева] новопоставленному попу или настоятелю монастыря (1454).

Диалектология

Остаточные свидетельства более широкого функционирования отрицательного императива СВ на более ранних стадиях развития русского языка сохранились в разного рода формульных употреблениях, например, заговорах, см (105), переносных употреблениях (106), а также устойчивых оборотах типа: *не дай Бог!, не упаси Бог! Пожалуйста, не откажите!* и др. (107):

(105) Или како страшное, ночью во двор ходят: Столп дворяной, хозяин дворовой, меня **не устраши**, а во сне расскажи (Быт-1 (Архангельская область, 1994, НКРЯ);

(106) Неизвестно, сколько бы это могло еще продолжаться, не войди в комнату, где опрашивали Володю, школьный его учитель, сердитый физик Адам Егорович (Юрий Герман. Дорогой мой человек, 1961, НКРЯ);

(107) Я очень прошу, *не откажите* в помощи! (Российский фонд помощи (2002) // «Домовой», 2002.11.04, НКРЯ).

Поддержка контекста:

В древнерусском языке, в отличие от современного русского, во многих случаях не была нужна поддержка контекста, обязательная в современном русском языке. Так, в современном русском языке «презенс напрасного ожидания» невозможен без наречий *никак, никогда* (107а), отсутствие наречий меняет значение неактуального настоящего на будущее, ср. (107б). В древнерусском же языке употребление наречий не было обязательным (107в):

(107а) Он *никак* не отдаст мне долг. (Он не отдаст мне долг

Он *никогда* вам не поможет.

(107б) Он не отдаст мне долг. (Он не отдаст мне долг

Он вам не поможет.

(107в) **а мънѣ не въдасть ничьто же** (НБГ).

влѣзъше бо въ цркъвъ· не поклонѧтсѧ иконамъ (ПВЛ).

Аналогичным образом употребления отрицательного императива в превентивном значении в современном русском языке требуют обязательного употребления *смотри, только* (108а), в древнерусском же такого ограничения нет (108б):

(108а) *Смотри,* не расскажи Пете! *Не расскажи Пете!

Только не сделай ему хуже! * Не сделай ему хуже!

(108б) рче имъ не повѣдите никомуже

ємьше не створите єму ничтоже

Выводы

– в древнерусском языке в ситуации отрицания наблюдается более свободная конкуренция между СВ и НСВ: в древнейших восточнославянских памятниках отрицание оказывается значимым фактором контекста, обусловливающим более широкое (по сравнению с современным русским языком) употребление СВ;

– в древнерусском языке в сочетании с отрицанием императив от глаголов СВ не обязательно имел значение превентива (как в современном русском языке), а мог также выражать прохибитивное значение; с некоторыми лексемами такие употребления дошли до наших дней (часто как устаревшие).

– в современном русском языке более широко (по сравнению с древнерусским) представлена ситуация видовой нейтрализации (в ситуации отрицания преобладает немаркированный член – НСВ);

– в ситуации отрицания могут сниматься противоречия между значением времени и вида;

– возникающие дополнительные компоненты значения связаны с тем, что под отрицание попадает не вся конструкция целиком;

Источники

Александрия – «Александрия» // Истрин В. М. Александрия русских хронографов. Исследование и текст. М., 1893. С. 5–105

Гал. лет. – Галицкая летопись // Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. М., 2001. С. 715–938.

Вол. Лет. – Волынская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. М., 2001. С. 715–938.

ЖАЮ – Житие Андрея Юродивого // *Молдован. А. М.* Житие Андрея Юродивого в славянской письменности. М. 2000. С. 159–450

ЖФП – Житие Феодосия Печерского // Успенский сборник XII–XIII вв. М., 1971. С. 71–135

Киев. – Киевская Летопись // Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. М., 2001. С. 285–715.

НБГ – Новгородские берестяные грамоты // Зализняк 2004

Новг. I – Новгородская Первая летопись старшего извода по Синодальному списку // Полное собрание русских летописей. Т. III. Новгородская Первая летопись старшего и младшего извода. М., 2000. С. 13–100.

ПВЛЛ – Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку // Полное собрание русских летописей. Т. I. Лаврентьевская летопись. М., 2001.

ПВЛИ – Повесть временных лет по Ипатьевскому списку // Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. М., 2001. С. 1–285.

Сузд. Лет. – Суздальская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. I. Лаврентьевская летопись. М., 2001. С. 287–540

Флавий – «История иудейской войны» Иосифа Флавия. Древнерусский перевод. Том I. М., 2004. С. 63–684.

Литература

Бенаккьо, Розанна. Вид и категория вежливости в славянском императиве. Мюнхен-Берлин. 2010.

Вимер, Бьорн. О роли вида в области кратности и прагматических функций (эскиз с точки зрения хронотопии) // R. Benacchio (ред.) Глагольный вид: грамматическое значение и контекст / Verbal aspect: Grammatical meaning and context. München: Sagner. 2015.

Гусев В.Ю. Типология императива. М. 2013

Добрушина Н.Р. Императив // 2014 http://rusgram.ru/%D0%98%D0%BC%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%B8%D0%B2

Зализняк А.А. Об одном употреблении презенса совершенного вида («презенс напрасного ожидания») // Metody formalne w opisie j\zykow slowianskich / Red. Z. Saloni. — Bialystok, 1990. — С. 109—114.

Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1984—1989 гг.). — М.: Наука, 1993. — 352 с. [Соавт.: В. Л. Янин.]

Зализняк Анна А., Микаэлян И.Л., Шмелев А.Д. Русская аспектология: в защиту видовой пары. М., 2015.

Зализняк. Анна А. Презенс совершенного вида в современном русском языке // Dekonstruktion und Konstruktion. Zwischen Sprach- und Literaturwissenschaft. Festschrift für Ulrich Schweier zum 60. Geburtstag". Kubon&Sagner. München-Berlin-Leipzig-Wien, 2015. (Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 86). S. 293–316

Маслов Ю. С. Имперфект глаголов совершенного вида в славянских языках // Вопросы славянского языкознания. М., 1954. Вып. 1. С. 68–138.

Мишина, Е. А. 2012: «Ситуация напрасного ожидания» и отрицание. *Русский язык в*

научном освещении 24 (2012-2), 219–241.

Мишина Е.А. Об особых употреблениях форм аориста и действительного причастия прошедшего времени в древнерусских летописях // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова, Вып. 11. Материалы международной научной конференции «Грамматические процессы и системы в синхронии и диахронии». М., 2016. С. 418-436.

Мишина Е.А. К изучению перфективного имперфекта в древнерусском языке (в сопоставлении со старославянским) Russian Linguistics, Вып. 41 (1). 2017.

Мишина Е.А. К вопросу о видовой семантике простых (бесприставочных) глаголов в древнерусском языке // Русский язык в научном освещении. № 1 (35). 2018. С. 161–182.

Падучева Е.В. *Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива.* М.: Языки русской культуры. 1996.

Стешевич В. Ю. *Категория императивности и средства ее объективации в русском и сербском языках.* Автореферат КД. М. 2007.

Храковский В.С., Володин А.П. *Семантика и типология императива. Русский императив*. Л.: Наука, 1986.

Иванова, Калина. *Остатъци от употреба на глагол от свършен вид в отрицателна императивна форма*. - БЕ, 1963, кн. 6, с. 521.

Ивич, Милка. *Употреба вида у словенском императиву с негацијом*. - В сб.: Славянская филология. Том 2, Международный съезд славистов. М., Изд. Академии наук СССР, 1958, с. 99.

Пете. И. *Употребление глаголов совершенного вида в болгарских и русских отрицательных и побудительных предложениях*. Съпоставително езикознание / Сопоставительное языкознание / Contrastive linguistics 1991, Vol. 16(2). P. 17-21

Ruprecht von Waldenfels. *Aspect in the Imperative Across Slavic — a Corpus Driven Pilot Study.* Atle Grønn & Anna Pazelskaya (eds.): *The Russian Verb.* Oslo Studies in Language, Oslo, 4(1), 2012. P. 141-154

M. Miestamo, J. van der Auwera. Negation and perfective vs. imperfective aspect

Zorikhina Nilsson, Nadezhda. The negated imperative in Russian and other Slavic languages. Aspectual and modal meanings // Diachronic and Typological Perspectives on Verbs. Ed. by Folke Josephson and Ingmar Söhrman (Studies in Language Companion Series 134) 2013. PP. 79–106.

А.М.Молдован

ИРЯ РАН, Москва
alexandr.moldovan@gmail.com

Вариативность связки 1 л. мн. ч. в древнерусской письменности

История связки настоящего времени в глагольных и именных конструкциях описывается как процесс ее постепенной утраты в живом древнерусском языке на протяжении XI–XVII вв. в связи с перестройкой субъектной референциальной модели и переходом от исключительно аффиксального маркирования субъекта к регулярному употреблению личных местоимений. При этом отмечается широкий диапазон варьирования форм связки *1 л. мн. ч.* в памятниках разных жанров, представленных написаниями есмъ, есмы, есмь, есми, есмо, есме, есмѧ. Употребление этих форм определялось разнообразными факторами, действовавшими на разных этапах истории письменности. Особый интерес представляет форма есмѧ, отсутствующая в других славянских языках, которая получила широкое распространение в русской деловой письменности и гибридных разновидностях книжного языка XIV–XVII вв.

Презенсная глагольная связка в форме *1 л. мн. ч.*, как известно, отличалась в древнерусском языке широким разнообразием окончаний. Письменные источники XI–XVII вв. фиксируют семь вариантов написаний этой формы, в которых представлен почти весь репертуар гласных древнерусского языка: есмъ, есмы, есмь, есми, есмо, есме, есмѧ. Некоторые сведения об этих написаниях, собранные А.И.Соболевским, обычно приводятся в обзорах по древнерусской грамматике для иллюстрации наиболее заметных изменений форм спряжения, противопоставивших русский язык другим славянским языкам [Соболевский 1907: 161-162, Дурново 2000: 306–307, Кузнецов 1953: 206, Филин 1972: 463–468, Ист. гр. 1982: 48–49 и др.]. Остаются, однако, в стороне вопросы, существенные для понимания эволюции этих форм, условий и закономерностей их использования. Возможность обращения к современным корпусам древнерусских и старорусских текстов[39] открывает некоторую перспективу в изучении этих аспектов, хотя приходится считаться с тем, что презенсные формы связки *1 л. мн. ч.* редко встречаются в древних книжных текстах – во многих из них, в том числе больших рукописных книгах, отсутствуют контексты, в которых могли бы использоваться конструкции с этой связкой.

Старославянской нормой для глаголов в презенсе *1 мн.* было окончание. -мъ (несемъ, хвалимъ, ѥсмъ, дамъ и т. п.)[40]. В некоторых памятниках «старославянского канона» у нетематических глаголов *1 мн.* отмечается окончание -ъl, появление которого объясняется воздействием личного местоимения мъl: ѥсмъl, дамъl, вѣмъl [Вайан?]. Новое окончание позволило различать презенсные формы нетематических глаголов *1 ед.* и *1 мн.*, в которых после падения редуцированных совпали конечные -мь и -мъ. Характерно, что эта инновация отмечается в таких рукописях, как Клоцев сборник и Супрасльская рукопись, тогда как в старославянских евангелиях и псалтырях ее нет (единственное исключение составляет пример в Зографском евангелии: мы вѣмы. В Клоцевом сборнике и Супрасльской рукописи окончание -ъl в *1 мн.* встречается не только у нетематических, но и тематических глаголов, при этом не только в презенсе, но и в формах императива, сослагательного наклонения и аориста [Вайан 1952: 250; Селищев 2, 1952: 157]: да оувѣмъl таlнъl (Клоц. сб.), накажемъl, имамъl (Супр.), аор. сьвидохомъl, помѧнѫхомъl (Супр.) и др. В Изборнике 1073 г. словоформы на -мъl представлены 57 примерами, в том числе 53 формы настоящего времени [Ралева 2013: 122].

---

[39] В работе использованы материалы древнерусского и старорусского корпусов, входящих в состав Национального корпуса русского языка, а также текстов, доступных на портале «Манускрипт».

[40] При этом в болгарских диалектах того времени, несомненно, были и другие формы – прежде всего формы с окончанием –*ме*, о которых свидетельствуют данные среднеболгарских памятников и современных болгарских говоров [Селищев 2, 1952: 156].

Презенсное окончание *1 мн. –ту* представлено в польском языке, лужицких и чешских говорах восточной Моравии [Селищев 2, 1952: 157], но, по мнению авторов академической исторической грамматики древнеболгарского языка, непосредственным источником этой книжной инновации являются древние северовосточные болгарские говоры [ГСБЕ 1991: 285].

Несмотря на то, что древнерусском языке на протяжении XI–XVII вв. связка настоящего времени постепенно утрачивалась[41], в формах *1* и *2 л.* она сохранялась в составе именных групп вплоть до XVI в. [Буденная…]. Это значит, что употребление на письме глагольных связочных форм имело соответствие в живом языке писавших, и необходимые для этого орфографические правила усваивались писцами путем их соотнесения с особенностями устного языка.

В ранних памятниках древнерусского языка XI–XIII вв. в *1 мн.* представлены старославянские написания ѥсмъ, ѥсмь, ѥсмы.

	ѥсмъ	ѥсмь	ѥсмы
Остр. ев. 1056-1057 гг.	-	3	-
Арх. ев. 1092 г.	2	1	-
Минея служ. на октябрь 1096 г.	1	2	-
Изборник 1073 г.	23	1	5
Изборник 1076 г.	2	1	-
Пандекты Антиоха (XI в.)	57	1	-
13 Слов Григория Богослова (XI в.)	3	-	1
Ил. (XI–XII в.)	1	-	-
Син. патерик (XI–XII вв.)	2 (+ нѣсмъ 3)	-	-
Мст. ев. (XI–XII в.)	5	-	-
Стихирарь по сп. Син. 279, XII в.	-	2	-
Триодь постная по сп. Син. 319, XII в.	-	2	-
Триодь цв. по сп. Син. Тип. 138, XI/XII в. и XIII в.	2	-	-
Триодь цв. нотиров. по сп. Воскр. 27, кон. XII в.	1	-	-
Чудеса Николы (XII в.)	2	-	1
Усп. сб. (XII–XIII вв.)	23 (+нѣсмъ 1)	-	4 (+ нѣсмы 1)
Троицкий сборник (XII–XIII вв.)	33	1	8
Соф. пролог. Синаксарь (XII–XIII в.)	1	-	-
Захариинский паримейник (1271 г.)	1	-	1

Окончание *1 мн.* –мъ, которое заметно преобладает в старших древнерусских памятниках, сохраняется в древнерусской письменности в качестве нормы приблизительно до XIII вв. В рукописях XIV вв. написание *1 мн.* есмъ встречается уже существенно реже, а в более позднее время практически выходит из употребления.

[41] Это происходило в связи с перестройкой субъектной референциальной модели и переходом от исключительно аффиксального маркирования субъекта к регулярному употреблению личных местоимений. В 3 л. ед. ч. это произошло на двести лет раньше – к XIV в., в дальнейшем он распространился на другие формы [Соболевский 1907: 239–242; Зализняк].

В то же время, как показывают приведенные данные, орфографическое противопоставление презенсных связок *1 ед.* и *1 мн.* не было вполне строгим. В частности, в Остромировом евангелии 1056–1057 гг. написание ѥсмъ вообще отсутствует, а единая форма ѥсмь используется и для *1 ед.* (78х), и для *1 мн.* (3х).

После падения редуцированных и отвердения конечного [м’] в древнерусском языке утратились фонологические условия для орфографического противопоставления *1 ед.* есмь и *1 мн.* есмъ. При отсутствии у писца возможности опереться на произношение этих форм в живом языке увеличивалась вероятность «неправильного» написания ѥсмь в значении *1 мн.* Такое написание встречается даже в тех рукописях XIV–XV вв., в которых уже отсутствует ѥсмъ и в основном используется ѥсмы и другие формы: Новгородская I летопись по Синодальному списку (ѥсмь 1х, наряду с ѥсмы 3х и ѥсме 5х), Повесть временных лет по Ипатьевскому списку (єсмь 1х, наряду с єсмы 11х, нѣсмы 2х, єсми 4х и єсме 2х), Киевская летопись по Ипатьевскому списку (єсмь 7х, наряду с єсмы 37х и єсми 3х), Галицкая летопись (єсмь 1х, єсмы 5х), Волынская летопись (єсмь 1х, єсмы 2х), Пчела (єсмь 1х, ѥсмы 22х) и др. И наоборот, в некоторых других рукописях XIV–XV вв. встречается написание ѥсмъ в значении *1 ед.*[42] Например, основном списке Жития Андрея Юродивого, относящемся к кон. XIV в., и сделанной с него копии XV в. написание ѥсмъ 6 раз употреблено в значении *1 ед.* (наряду с ѥсмь 70х), и только 3 раза – в старом написании *1 мн.* (наряду с более частотным ѥсмь – 11х, а также нѣсмь – 1х, ѥсмы – 4х, ѥсме – 3х). Тем не менее в большинстве рукописей противопоставление написаний *1 мн.* есмъ и *1 ед.* есмь сохраняется в списках приблизительно до рубежа XII–XIII вв., и только с XIV в. в *1 мн.* заметно возрастает число написаний есмы.

Форма *1 мн. есмы* не засвидетельствована в русских говорах, и нет данных о том, что книжная традиция ее употребления имела какое-то соответствие в живой древнерусской речи[43]. Тем не менее древнерусские книжники, издавна встречавшие в староболгарских источниках форму ѥсмы, несомненно, улавливали связь этого написания с личным местоимением мы, и не могли не видеть в этом написании удобное средство различения форм *1 ед.* и *1 мн.* Во всяком случае отсутствие у ѥсмы референтной двусмысленности давало ему несомненные преимущества перед ѥсмъ и тем более ѥсмь. Поэтому кажется, что писцы должны были более активно использовать эту форму, и в каких-то случаях, действительно, можно констатировать установление написания *1 мн.* ѥсмы в качестве новой нормы. Например, в Лаврентьевской летописи (1377 г.) четко распределены формы *1 ед.* ѥсмъ (25х, в том числе нѣсмъ 1х) и *1 мн.* ѥсмы (30х). Но в целом экспансия написаний ѥсмы при копировании древнерусских рукописей происходила не быстро. В 16-ти Словах Григория Богослова с толкованиями Никиты Ираклийского по рукописи XIV в. (ГИМ, Син. 43), полностью написанной одним писцом, в тексте Слов Григория в значении *1 мн.* используются только ѥсмъ (4х) и ѥсмь (7х), при этом отсутствует форма ѥсмы[44]. А инкорпорированные в текст этих Слов и переписанные тем же писцом толкования Никиты Ираклийского в *1 мн.* содержат существенно меньше написаний с–-мъ и -мь (ѥсмъ 1х, ѥсмь 4х); в основном в них используется ѥсмы (29х), которое, следовательно, должно быть отнесено к орфографии антиграфа этой рукописи, а возможно, и к архетипу славянского перевода толкований (1-я пол. XII в.). Это пример демонстрирует различие в орфографических стратегиях, с одной стороны, простых переписчиков, нередко сохранявших написания более древних антиграфов; с другой, –

---

[42] По-видимому, такие написания в списках XII–XV вв. отражают отвердение согласного [м’] после утраты конечного редуцированного [Ист. гр. 1982: 48].

[43] Написание есмы встречается только в двух берестяных грамотах XII века, ориентированных на наддиалектные нормы [ДНД 2004: 274].

[44] Интересно, что даже в том месте текста, где древнейший список этой гомили в составе 13 Слов Григория Богослова (XI в.) содержит единственное написание есм□ (л. 1в), в этой рукописи представлено написание ѥсмь (л. 39а).

авторов оригинальных текстов и переводов, более эксплицитно отражавших в своей работе языковые инновации.

Начиная с XV в. єсмы становится основной формой *1 мн.* в церковнославянских текстах и сохраняет этот статус на протяжении всей дальнейшей истории церковнославянского языка.

Изменение письменной нормы связки *1 мн.*, постепенно сдвигавшейся от єсмъ к єсмы, затрагивало прежде всего канонические церковнославянские тексты и ориентированные на них гибридные по языку древнерусские переводные и оригинальные произведения. Традиция деловой и бытовой письменности формировала свои нормы, которые в гораздо большей степени определялись диалектными особенностями языка писавших. В частности, в бытовых памятниках древненовгородского ареала для презенсной связки *1 мн.* с древнейшего времени было принято диалектное ѥсме[45]. В новгородских берестяных грамотах эта норма фиксируется со 2-й четверти XII в.:
се есме слы[шали] № 870 (1120-1140); ѿшелѣ ти есме № 1007 (1140-1155);
забыли есме гюрьгеви № 854 (1140-1160); (ст)[орови] ти есме вохе № 670 (1180-1200);
ѥсме гнѣ погибли № 361 (кон. XIV в.); приѡбижени ѥсмь… а сами ѥсмь… № 248 (60-е – 90-е гг. XIV в.); пошли єсме № 929 (1430-1450) и др. [ДНД 2004: 715]. Довольно рано использование этой формы стало распространяться на книжную традицию. Об этом свидетельствуют даннные Лобковского Пролога 1262 г., в котором ѥсме употреблено 10 раз [Соболевский 1907: 161], и Новгородской I летописи по Синодальному списку (сер. XIII в.), в которой форма *1 мн.* ѥсме представлена 5 написаниями (наряду с ѥсмы 3х и ѥсмь 1х).

Всего в книжных памятниках Старорусского корпуса зафиксировано 39 примеров использования ѥсме в 17 документах различных жанров (правовые документы, летописи, повести, «слова» и др.). Больше всего примеров – 16 – содержится в Новгородской пятой летописи (1550 г.).

С середины XIV в. в небогослужебных текстах в форме *1 мн.* спорадически встречается написание есми, которое, также как есмь, в основном было закреплено за *1 ед.* Древнейший пример употребления есми в значении *1 мн.* (наряду с есмы) обнаруживается в Послании Василия Калика Феодору Тверскому о рае (1347):

Тѣмь, еже изысках, и се пишу к тебѣ, понеже, брате, по Божию повелѣнию, должъни **есми** другъ къ другу посланиа творити о исправленыхъ намъ Божественых писанийотъ святых апостолъ и великих святитель, якоже бо тѣ святии апостоли бес престаниа посланиа творяху другъ къ другу, такоже и намъ подобно есть, в нихъ бо мѣсто поставлени **есмы**

Исключительно в значении *1 мн.* есми используется в «Задонщине» (4х): **есми** были, правнуки **есми**, сами себѣ **есми** два брата, **есми…** добыли.

Смешение *1 ед.* и *1 мн.* в употреблении формы єсми (аналогичное употреблению єсмь) нередко наблюдается в летописях:

	есмь		есми		есмы	есме
	1 ед.	*1 мн.*	*1 ед.*	*1 мн.*		

[45] Формы на *-ме* имеются также в средне- и новоболгарском, чешском и словацком языках и в закарпатских украинских говорах [Зализняк СОПИ 2007: 99]. По мнению Кортланда, гласная в окончании *1 мн. есме* была взята из окончания *2 мн. –те (есте)*, чтобы избежать омонимии окончаний *1 ед.* и *1 мн.* [Kortland 1979: 63].

Повесть временных лет (Ипат.)	20х	1х	-	4х	13х	2х
Киевская летопись (Ипат.)	96х	7х	12х	3х	37х	10х
Новг. Карамз. лет. 2-я выборка (до 1428 г.)	14х	-	2х	1х	-	1х
Псковская 3-я летопись. Строевский список (1400-1568)	5х	-	2х	1х	1х	1х

Очень часто форма *есми* используется в значении *1 мн*. в Сербской «Александрии» (русский список XV в.): из 35 примеров употребления формы *есми* 21 пример – *1 ед.*, а 14 – *1 мн.* (умерли **есми**, доволни… **есми**, разорили **есми**, прияли **есми** (5х), водимы **есми**, дошли **есми**, видели **есми** и т.п.).

Столь значительное количество примеров девиантного употребления формы есми не может быть объяснено ошибками или описками. Оно сходно с употреблением есмь в значении *1 мн*. и, по-видимому, его также нужно рассматривать как свидетельство ослабления субъектной референциальной нагруженности связки.

Сравнительно редко в русских текстах встречается форма *1 мн.* єсмо[46], которая характерна для современных украинских говоров, а также средне- и новоболгарского, древнесербского и современного сербского, хорватского, словинского и словацкого языков и отражается в галицко-волынских и западно-русских памятниках [Филин 1972: 466]. Единичные примеры встречаются в Александрии Хронографической (сп. XV в.), в Истории Иудейской войны (2х), по одному примеру – в Псковской 2-й и Псковской 3-й летописи по Строевскому сп., в Сказании о князьях владимирских и некоторых других. Чаще других авторов єсмо употребляет Андрей Курбский в своих письмах (наряду с єсмѧ). У Ивана Грозного єсмо встречается только в одном из писем – в Послании польскому королю Стефану Баторию 1579 года (4х), где, по-видимому, является стилизацией.

Особый интерес представляет форма єсмѧ, которая в других славянских языках отсутствует и которая в русской деловой письменности и гибридных разновидностях книжного языка XIV–XVII вв. получила широкое распространение, став ярким маркером древнерусского письма XIV–XVII вв.

В новгородских берестяных грамотах форма *есмя* «не встретилась» [ДНД 2004: 139]. Тем не менее древнейшие засвидетельствованные примеры употребления *есмя* представлены именно в новгородских деловых и официальных документах XIV в.:

а) договорной грамоте Новгорода с Любеком и Готландом о пограбленном разбойниками товаре (1373 г.). В этой небольшой грамоте эта форма представлена сразу ***пятью*** примерами, что говорит о ее освоенности писцом:

От архиепископа новгородьского владыкы Олексѣя, от посадника Юргя, от тысячкого Матфѣя, от всего Новагорода о той жалобѣ, что у насъ былѣ на любцянѣ и на годьцкѣ бережанѣ. Что взялѣ у насъ товаръ передъ Невою розбоиникы, тои товаръ творилѣ **есмя** въ ихъ городѣхъ. Тако и тыи товаръ, что у Стеколмѣ взялѣ, такоже **есмя** творилъ во ихъ городѣхъ, в Любкѣ да у Гочкого берега. То **есмя** с ними доконцялѣ с ними правдою, какъми и наши: с тыхъ **есмя** спустилѣ на зень, что ни в которое веремя не поминать. То **есмя** доконцялѣ с посломъ съ Яковомъ и съ Иваномъ из Любка, да съ Григорьею да съ Иваномъ из Гоцкого берега. На томь Яковъ да Иванъ из Любка, да Григорѣи да Иванъ из Гоцкого берега хрьстъ цѣловалѣ про тыи товаръ, безъ хытрости [ГВНП, № 45]. *(Впервые*

[46] Неверно, однако, что такие написания «в памятниках письменности не прослеживаются» [Горшкова и Хабургаев (с.292)].

эта грамота была издана Шлецером [Шлецер, с. 276 (с литографированным воспроизведением)], ее комментировал М.Т.Каченовский (? или сам Шлецер?) – см.

К числу свидетельств XIV в. возможно отнести также употребление *есмѧ* в грамоте о «докончании» Дмитрия Донского с Олегом рязанским 1382 г., сохранившейся в копии 1401-1402 гг. (и во множестве более поздних копий): есмѧ целовали кр□□тъ [Дух. и дог. гр. 1950: 30].

Другие примеры представлены в существенно более поздних грамотах:

б) грамоте новгородского посадника Александра Фоминича в Ригу (ок. 1400 г.):
послали **есмѧ** к вамъ бориса кижанинова про его обиду [Хрест. 1: 144];
в) грамоте Великого Новгорода Риге с требованием суда над Иньцей Зашембакой (Гинце Сассенбеке) и его братом Артемием (Гертеке), орденским переводчиком, по жалобе новгородца Александра Трифонова сына в неуплате 50 рублей (1418–1421 гг.):
А послали **есмя** к вамъ сю грамоту съ Олексѣемъ с поповичемъ [ГВНП, № 58].
г) так называемом Списке убытков новгородцев (1412 г.): сѣдѣ□□ єсмѧ (=[мы] сѣдѣлѣ єсмѧ – *А.М.*) [ДНД 2004: 687].

+ Соболевский: в Сборнике XIV в. Тр.-Серг. (Е.В.Петухов. Древние поучения на воскресные дни Великого поста. СПб., 1886, с. 35)

Абсолютно четкое распределение форм *1 ед.* и *1 мн.* наблюдается в «Хожении за три моря» Афанасия Никитина (род в Твери, ум. в Смоленске – В. кн-во Лит.): *1 ед.* – есмь (3х) и есми (28х), а *1 мн.* – только есмя (19х).

По данным Старорусского корпуса написание ***есмя*** содержат 532 документа с общим количеством употреблений 1.755. Эти тексты – разные по объему и содержанию.
Во многих других просто отсутствуют контексты, в которых могли бы использоваться конструкции со связкой *1 мн.* Нередко в целом тексте встречается только один такой контекст. Но если рассматривать, например, совокупность однотипных грамот как один текст – тогда частотность употребления *есмя* оказывается впечатляющей.

Грамоты и др. деловые документы дают наибольшее количество примеров – 640. Решительно преобладает конструкции, в которых *есмя* находится в контактной постпозиции к *–л*-причастию – 518 примеров. В их числе наиболее частотным является словосочетание *дали есмя*, представленное более чем в 200 примерах. Кроме того, в этой конструкции используются *л*-причастия *купили, велѣли, взяли, мѣнили (промѣнили, мѣняли, вымѣнили, вымѣняли*), *запечатали, кончяли, дѣлали, розъехали, пожаловали* и др.

Другим жанром, в которых использование формы *есмя* приобрело нормативное значение, являются ***летописи***.

Один пример есть уже в Волынской летописи по Ипатьевскому списку (под 1279 г.):

Голодъ бы^{с} по всеи землѣ. и в Роуси и в Лѧхо^{х}. и в Литвѣ и въ □твѧзехъ. посем же □твѧзѣ прислаша. послъı сво□ к Володимирови. тако рекоуче. г^{с}не кнѧже Володимере. приѣхали **есмѧ** к тобѣ. ѿто всихъ □твѧзь. надѣючесь на (кнѧзь.) Бъ҃. и на твое здоровие.

Правда, отнесенность этого примера к XIII в. ненадежна, т.к. Ипат. список датируется концом 1420-х гг., а в Хлебн. и Погод. списках здесь *есмы*: пріехали есмы к

тебѣ [ПСРЛ 2, Ипат. 1908: 879]. Из других летописей наиболее часто написание *есмя* использует Никоновская летопись.

Впечатляющую статистику дает употребление *есмя* в Посольских книгах – вот только малая их часть. Обращает на себя внимание идеально четкое распределение форм *1 ед.* **есми** и *1 мн.* **есмя**.

Среди ***художественных*** текстов, в которых употребляется *есмя*, – такие известные произведения, как Задонщина, Сказание о князьях Владимирских и др.; сочинения известных авторов: Афанасий Никитин, Нил Сорский, Геннадий (Гонзов), Иосиф Волоцкий, Иван Грозный, Андрей Курбский, Арсений Суханов и др.). У Ивана Грозного встречаются 4 формы *1 мн.*: *есмы, есми, есмо* и *есмя,* при этом *есмя* значительно преобладает.

Наблюдение над списками летописей и других гибридных по языку текстов показывает, что различные формы связки *1л. мн. ч.* принадлежат в них чаще переписчику, чем оригиналу текста. В частности, в поздних летописях (Никоновская, Вологодско-Пермская и т.п.) написание *есмя* во множестве встречается не только при описании современных летописцу событий, но и в древних частях, относящихся к домонгольскому периоду. Это значит, что употребление той или иной формы определялось орфографической выучкой писца. Такая выучка особенно характерна была для писцов московского Приказа. Приказные нормы письменного языка к концу XVI в. широко распространились на всей территории Московской Руси, включая сюда и отдаленные сибирские окраины [Черных 1958: 140 (ст. в кн. Язык Уложения 1649 г.)], и, несомненно, этим объясняется столь широкое распространение формы *есмя*.

В XIV – XVII вв. форма *есмя* проникала даже в списки ***церковнославянских*** текстов стандартного регистра при их копировании. Например, в московском Евангелии Успенского собора Соболевским отмечено: сѣмѧ овраамле <u>ѥсмя</u> 15 об. [Соболевский 1907: 162]. В списке кормчей XVI в., который использовался Бенешевичем для разночтений с Ефремовской кормчей, написанию Ефремовской кормчей дължени ѥсмъ соответствует дължьни <u>есмѧ</u>.

Это, по-видимому, является закономерным следствием того, что книгописанием в XV–XVI вв. занималось большое количество *светских* писцов [Костюхина 1974: 14], а в 17 в. процент светских писцов по датированным рукописям достигает уже 45% (Костюхина 15) – в частности в Посольском приказе – притом, что основной работой этих писцов было написание жалованных и иных грамот (Костюхина 16).

Форма *есмя* активно использовалась в русских документах на протяжении почти *четырех веков*: самый поздний пример употребления *есмя* в Старорусском корпусе датирован 1668 г. Приблизительно в это время в результате референциальной перестройки в этих конструкциях произошла экспансия *местоимений*, в результате которой связки были вытеснены. В источниках XVIII в. *есмя* уже не встречается.

В объяснении происхождения формы *есмя* мнения расходятся. Соболевский, считая эту форму ударной, писал: «Происхождение ее неясно, но во всяком случае она не может быть объясняема из ѥсме, так как переход конечного ударяемого *е* в *а* ни в новгородском, ни в московском говорах никогда не был известен (ср. в тех же старых памятниках, где *есмя*, постоянное сохранение *е* в *есте*; *естя* – по образу *есмя* – появилось не раньше XV в. (грамота 1503 г. Ак. Юр. 18). Мнение о том, что *есмя* – «неясная форма» повторяется потом в других обзорах, опирающихся на материалы Соболевского (Филин,

Иванов и др.). Между тем сомнения Соболевского не имеют серьезных оснований. Сравнительно нечасто употребляемая в памятниках форма *естя* (она встречатся с 1-й пол. XV в. и в Старорусском корпусе представлена 151 вхождением), возможно, действительно появилось под влиянием *есмя*. Однако, в отличие от формы *есмя*, ярко противопоставлявшей форму *1 л. мн. ч.* формам *1 л. ед. ч.* (что было особенно актуально для деловых документов), *естя* в таком качестве не требовалось, т.к. с этой задачей вполне справлялось *есте.* Значит, были другие причины, а не просто действие аналогнии, – которые обусловили написание *естя*.

Н.Н.Дурново допускал, что *есмя* «получилась вследствие фонетического перехода конечного *е* в *а* в слабоударямом положении (ср. такое же *а* в в.-р. *меня*, *тебя*, *себя*)» [Дурново 2000: 306–307]. Это предположение подтверждается тем, что древнейшие написания *есмя* фиксируются на новгородско-псковской территории, западная часть которой входит в зону *акающих говоров*. Существенно, что и *естя* употребляется в памятниках, связанных с этой же территорией.

Механизм появления *есмя* из *есме* наглядно иллюстрируют варианты списков НПЛ: под 1216 г. в Синодальном списке написано *а кръви не проливаи*ме. В соответствии с этим написанием в Комиссионном списке НПЛ (40 гг. XV в.) читается *не проливаи*мя [Зализняк 2007: 41].

С ударением в форме *есмя* тоже не так очевидно, как полагал Соболевский. Связка *есмя* является «полуэнклитикой» [Вайан 1952: 412], и хотя, по наблюдению А.А.Зализняка, «двусложные словоформы вообще склонны к тому, чтобы даже в позициях, где они утрачивают нормальное ударение, все же сохранять некоторое ослабленное ударение (как это происходит, например, с современными *ему, его, было*)» [Зализняк 2008: 221], но *положение* такого ослабленного ударения в энклитике неочевидно.

Между прочим, если принять, что «ослабленное» ударение в связке *е́смя* могло приходиться на *первый* слог, это могло бы дать хорошее объяснение вариативности *заударных –ми, -ме, -мя*, поскольку «из всех безударных слогов заударная часть слова отличается особой зыбкостью и вариативностью~~, изменчивостью» [Панов 1957: 3]~~.

Доказательством того, что в древнем псковском говоре ударение в этой связке могло быть на первом слоге, являются акцентуированные данные современных псковских говоров об употреблении в них словоформы *2 мн.* ***е́стя***:

Е́стя те жъ ме́сныи жы́тили устро́ифшы и каро́ф имеют.
Прие́хафши-та дачники тожа ***е́сьтя***.
Кино́ нынче ***е́стя***?
Дяйстви́тельна ***е́ся*** такая дяревня
[Псков. обл. сл-рь, 2: 236-239]

В части этих примеров представлено полнозначное употребление глагола *есть*. Но, по замечанию А.А.Зализняка, ударение в полноударных словоформах оказывало влияние на ударение в аналогичных связках[47]. **В современных северо-западных говорах, как известно, сохраняются реликты глагольных связок, и среди них – связка *естя* (интересно, что она может иметь разные грамматические значения – не только** *1 мн.,* но и *3 ед.*). **Вот некоторые примеры:**

[47] «Неполная утрата ударения у связок определяется в значительной мере тем, что те же словоформы употребляются также в качестве полнозначных (и, соответственно, полноударных)» [Зализняк 2008: 224].

Да почто он пришоччи **естя**?;
Мы не ездивши **естя** со своей деревни;
Рожь-то **естя** выжата;
Сын **естя** померши;
Мы развевши **естя** в 34 году;
Там, наверно, забравши уже **естя** куры;
Жена его **естя** секретарем;
Отец-то еговый **естя** с-под Костромы;
Здесь красиво **естя**, воздух чистый.

[Кузьмина, Немченко 1971: 181, 191]

Учитывая, что форма связки *естя* существует приблизительно с того же времени, что и *есмя*, есть все основания считать, что и *есмя* появилось в тех же условиях, т.е. на территории акающего диалекта. По каким-то причинам ей стали отдавать предпочтение при указании на *1 л. мн. ч.* и в результате она оказалась более востребованной, чем другие, в приказном языке. Благодаря этому она получила нормативный статус получила широкое распространение.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Презенсная связка *1 л. мн. ч.*

	-мъ	-мь	-мы	-ми	-мо	-ме	-мѧ
Остр. 1056-1057 гг.	-	ѥсмь 3х (*1ед.* 78х)	-	-	-	-	-
Арх. ев. 1092 г.	ѥсмъ 2х	ѥсмь 1х	-	-	-	-	-
Изборник 1073 г.	ѥсмъ 23х	есмь 1х	ѥсмы 5х	-	-	-	-
Изборник 1076 г.	ѥсмъ 2х	нѣсмь 1х	-	-	-	-	-
Пандекты Антиоха	ѥсмъ, есмъ 57х	ѥсмь 1х	-	-	-	-	-
Синайский патерик	ѥсмъ 2х, нѣсмъ 3х	-	-	-	-	-	-
13 Слов Гр. Богослова	ѥсмъ 3х	-	есмы 1х	-	-	-	-
Мст. ев. (XI–XII в.)	ѥсмъ 5х	-	-	-	-	-	-
Ил. (XI–XII в.)	ѥсмъ 1х	-	-	-	-	-	-
Стихирарь по сп. Син. 279 XII в.	-	ѥсмь 2х	-	-	-	-	-
Чудеса Николы (XII в.)	ѥсмъ 2х	-	ѥсмы 1х	-	-	-	-
Усп. сб. XII–XIII вв.	ѥсмъ 22х, есмъ 1х, нѣсмъ 1х	-	ѥсмы 4х, нѣсмы 1х	-	-	-	-
Соф. пролог.	ѥсмъ 1х	-	-	-	-	-	-

Синаксарь, XII–XIII в.							
Лобковский пролог 1262 г.						ѥсме (до 10-ти раз) – *Собол.*	
Вопрошание Кириково 1282 г. ~ 1130-1156 гг.	-	-	ѥсмы 1х	-	-	-	-
Паримейник по сп. Тр. 4, XIV в.	-	-	ѥсмы 3	-	-	-	-
Син.43 : Слова	ѥсмъ (єсмъ) 4х	ѥсмь 7х	-	-	-	-	-
Син.43 : ТНИ	ѥсмъ 1х	ѥсмь 4х	ѥсмы 29	-	-	-	-
Новг. 1 по. Синод. (сер. XIII в. и 2-я четв. XIV в.)	-	ѥсмь 1х (*1ед. 8х)*	ѥсмы 3х	-	-	ѥсме 5х	-
Лавр. лет. (1377 г.)	*(все 25 написаний єсмъ 9х и ѥсмъ 15х, нѣсмъ – <u>исключительно 1 ед.</u>)*	- (*1ед.* 16х)	есмы 9х ѥсмы 20х ѥсьмы 1х	-	-	-	-
Повесть временных лет по Ипат. списку	-	єсмь 1х	єсмы 11х, нѣсмы 2х	єсми 4х	-	єсме 2х	-
Киевская летопись по Ипат. списку	-	єсмь 7х	єсмы 37х	єсми 3х	-	єсме 10х (см.: Киев-Д или Киев. лет.?)	-
Галицкая летопись	-	єсмь 1х	єсмы 5х	-	-	-	-
Волынская летопись	-	єсмь 1х	єсмы 2х	-	-	-	єсмѧ 1х
Радзив. лет. (XV в.)	-	єсмь 1х (*1ед.* 3х)	єсмы 2х	єсми 2х (*1ед.* 2х)	єсмо 2х	-	-
ЖАЮ	ѥсмъ 2х, єсмъ 1	єсмь 11х, нѣсмь 1х	ѥсмы 4х (пр. речь)	-	-	єсме 3х (пр. речь)	-
ЖВН	-	- (*1ед.*	єсмы 3х	-	-	єсме 1х	-

Александрия Хрон. (сп. XV в.)	єсмъ 1х	30х) єсмь 1х	єсмы 6х	-	єсмо 1х	-	-
История Иуд. войны	-	-	єсмы 9х	-	єсмо 2х	-	-
Пчела	-	єсмь 1х (*1ед.* 31х)	ѥсмы 22х	-	-	-	-
Кир. Тур. Пов. о беспечном царе	-	- (*1ед.* 7х)	єсмы 1х	-	-	-	-
Кир. Тур. Притча о душе и теле	-	- (*1ед.* 10х)	ѥсмы 1х	-	-	-	-
Кир. Тур. Слово о расслабленном	-	- (*1ед.* 7 х)	єсмы 1х	-	-	-	-
Хождение иг. Даниила 1495 г. ~ XII в.	-	(*1ед.* 9х)	есмы 1х	-	-	-	(в сп. XVI в. –єсмѧ 1х
Суздальская летопись	-	-	ѥсмы 13х	-	-	-	-
Задонщина	-	-	-	есми (4) в т.ч. 3 – дв. число)	-	-	**есмя** – 3, в т. ч. 2 – дв. число
Александрия Серб. (по рус. сп. XV в.)	-	-	есмы 1х	есми 14х (+*1ед.* 21х)	-	-	-
Василий Калика. Послание Василия Новгородского Феодору Тверскому о рае (1347)	-	(*1ед.* 2х)	-	**есми** 1х	-	-	-
Слово о житии великого князя Дмитрия Ивановича	-	(*1ед.* 2х)	есмы 1х	-	-	-	**есмя** 1х
Рукописание Магнуша	-	(*1ед.* 5х)	есмы 7х	-	-	-	**есмя** 1х
Новг. Карамз. лет.	-	(*1ед.*	есмы 12х	(*1ед.*	-	-	**есмя**

1-я выборка (до 1411 г.)		8x)		2x)			1x
Новг. Карамз. лет. 2-я выборка (до 1428 г.)	(*1ед*. 1x)	(*1ед*. 14x)	-	**есми** 1x (+*1ед*. 2x)	-	**есме** 1x (дв. число)	**есмя** 7x
Пск. 1 лет. Тихановский список	-	(*1ед*. 1x)	-	-	-	-	**есмя** 2x
Пск. 1 лет. Пог. список	-	(*1ед*. 1x)	-	(+*1ед*. 1x)	-	**есме** 1x	**есмя** 4x
Пск. 2 лет.	-	(*1ед*. 3x)	-	(+*1ед*. 3x)	**есмо** 1x	**есме** 2x	-
Пск. 3 лет. Архивский 2-й список	-	-	-	-	-	-	**есмя** 1x
Псковская 3-я летопись. Строевский список (1400-1568)	-	(*1ед*. 5x)	**есмы** 1x	**есми** 1x (+*1ед*. 2x)	**есмо** 1x	**есме** 1x	**есмя** 1x
Суды Соломона (XV в. ~ XII–XIII вв.)	-	(*1ед*. 7x)	-	(+*1ед*. 1x)	-	**есме** 1x	-
Сказ. о Мамаев. поб.	-	(*1ед*. 1x)	**есмы** 2x	**есми** 1x	-	-	**есмя** 5x (+*1ед*. 1x)
Жалованная тарханно-несуд. грамота	-	-	-	**есми** 1x	-	-	**есмя** 1x
Хождение на Флорентийский собор	-	-	**есмы** 1x	**есми** 3x	-	-	**есмя** 6x
Заметка о Риме	-	-	-	-	-	-	**есмя** 2x
Нестор-Искандер. Повесть о взятии Царьграда турками в 1453	-	-	-	-	-	-	**есмя** 3x
Хождение за три моря Афанасия Никитина (1468—1474)	-	(*1ед*. 3x)	-	(*1ед*. 28x)	-	-	**есмя** 19x
Московская повесть о походе Ивана III на Новгород (1472)	-	(*1ед*. 1x)	**есмы** 3x	-	-	-	**есмя** 1x
Посл. иерус. патр. Иоакима митр. Геронтию… перед. с [новгор.?] купцом Григорием Русиным	-	-	-	-	-	-	**есмя** 3x
Нил Сорский,	-	(*1ед*.	**есмы** 2x	**есми**	-	-	**есмя**

послания		7х)		1х (+*1ед.* 1х)			1х
Геннадий (Гонзов), послания	-	-	-	(*1ед.* 4х)	-	-	**есмя** 1х
Сказание о князьях владимирских	-	(*1ед.* 1х)	-	-	**есмо** 1х	-	**есмя** 1х
Устюж. летоп. свод (Архангелогородский летописец)	-	(*1ед.* 1х)	**есмы** 1х	(*1ед.* 4х)	-	-	**есмя** 2х
Иосиф Волоцкий, посл. к кн.Голениной	-	-	-	(*1ед.* 1х)	-	-	**есмя** 2х
Разрядная книга 1475–1598 гг. Разряды 1512–1598 гг.	-	-	-	(*1ед.* 2х)	-	-	**есмя** 1х
Никоновская летопись (859–1176 гг.)	-	**есмь** 1х (+*1ед*. 35х)	**есмы** 12х	**есми** 1х (+*1ед.* 2х)	-	-	**есмя** 10х
Никоновская летопись (1176–1362 гг.)	-	(*1ед.* 33х)	**есмы** 2х	(*1ед.* 10х)	-	-	**есмя** 23х
Никоновская летопись (1362–1424 гг.)	-	(*1ед.* 26х)	**есмы** 13х	(*1ед.* 1х)	-	-	**есмя** 19х
Никоновская летопись (1425–1506 гг.)	(*1ед.* 1х)	(*1ед.* 12х)	**есмы** 15х	(*1ед.* 10х)	-	-	**есмя** 13х
Моск. летописный свод (1560-1570)	(*1ед.* 2х)	(*1ед.* 76х)	**есмы** 61х	(*1ед.* 8х)	-	-	**есмя** 18х
Летописец начала царства царя и в. кн. Ивана Васильевича (1553-1555)	-	(*1ед.* 3х)	**есмы** 1х: «движимъся и есмы» ‘существуем’	(*1ед.* 11х)	-	-	**есмя** 15х
Повесть о болезни и смерти Василия III (1533-1550)	-	-	-	(*1ед.* 5х)	-	-	**есмя** 1х
Вологодско-Пермская летопись (852–1538 гг.)	(*1ед.* 1х)	-	-	(*1ед.* 11х)	-	-	**есмя** 34х
Посольская книга по связям Моск. гос-ва с Ногайской Ордой. Кн. 4-я. 1551–1556 гг	-	-	-	(*1ед.* 202х)	-	-	**есмя** 275х
Посольская книга по связям Моск.	-	-	-	(*1ед.* 157х)	-	-	**есмя** 151х

гос-ва с Ногайской Ордой. Кн. 5-я. 1557–1561 гг							
Сказание о Валаамском монастыре (1558-1770)	-	-	-	-	-	-	**есмя** 1х
Из Степенной книги царского родословия. Из пятнадцатой ступени. О... великом князе Иване Васильевиче, государе и самодержце всея России (1560-1563)	-	-	**есмы** 4х	-	-	-	**есмя** 1х
Постниковский летописец (1560-1570)	-	-	-	(*1ед.* 9х)	-	-	**есмя** 1х
Хождение на Восток гостя Василия Познякова с товарищи (1561-1570)	(*1ед.* 1х)	(*1ед.* 1х)	-	**есми** 5х (+*1ед.* 1х)	-	-	**есмя** 1х
Отрывок из летописи о временах царя Ивана Васильевича Грозного (1563-1567)	-	(*1ед.* 1х)	-	(*1ед.* 1х)	-	-	**есмя** 7х
Иван Грозный. 1-е посл. Курбскому (1564)	-	(*1ед.* 1х)	-	**есми** 3х (+*1ед.* 4х)	-	-	**есмя** 11х
Иван Грозный. Послание в Кир.-Бел. м-рь (1573)	-	(*1ед.* 1х)	-	(*1ед.* 2х)	-	-	**есмя** 7х
Иван Грозный. Ответ Яну Роките (1570)	-	-	**есмы** 2х	**есми** 2х	-	-	**есмя** 1х
Иван Грозный. 2-е посл. Курбскому (1577)	-	-	**есмы** 1х	(*1ед.* 2х)	-	-	
Иван Грозный. Послание польскому королю Стефану Баторию 1579 года (1579)	-	-	-	-	**есмо** 4х	-	**есмя** 3х
Иван Грозный.	-	-	-	-	-	-	**есмя**

Послание польскому королю Стефану Баторию 1581 года							19х
Иван Грозный. Послание английской королеве Елизавете I (1570)	-	-	-	-	-	-	**есмя** 18х
Иван Грозный. Послание шведскому королю Юхану III 1572 года	-	-	-	-	-	-	**есмя** 5х
Иван Грозный. Послание шведскому королю Юхану III 1573 года	-	-	-	-	-	-	**есмя** 10х
Иван Грозный. Послание Александру Полубенскому (1577)	-	-	-	-	-	-	**есмя** 1х
Андрей Курбский. 1-е посл. Ивану Грозному (1564)	(*1ед.* 1х)	-	-	-	-	-	-
Андрей Курбский. 3-е посл. Ивану Грозному (1577-1583)	-	(*1ед.* 1х)	**есмы** 2х	(*1ед.* 2х)	**есмо** 1х	-	**есмя** 1х
Андрей Курбский. История о великом князе Московском (1564-1583)	-	(*1ед.* 1х)	-	**есми** 1х (+*1ед.* 1х)	**есмо** 2х	-	**есмя** 2х
Андрей Курбский. Послание Кодиану Чапличу (1564-1583)	-	(*1ед.* 1х)	-	(*1ед.* 3х)	**есмо** 2х	-	**есмя** 1х
Андрей Курбский. Послание Марку Сарыхозину (1564-1583)	-	(*1ед.* 1х)	-	-	-	-	-
Андрей Курбский. Ответ о правой вере (1564-1583)	-	-	**есмы** 1х	(*1ед.* 2х)	-	-	-
Андрей Курбский. Второе послание Кузьме Мамоничу (1564-1583)	-	-	-	(*1ед.* 1х)	-	-	-
Андрей Курбский. 1-е посл. Вассиану Муромцеву (1564-1583)	-	-	-	(*1ед.* 1х)	-	-	-

Андрей Курбский. 3-е посл. Вассиану Муромцеву (1564-1583)	-	-	-	**есми** 1х (+*1ед.* 4х)	-	-	**есмя** 1х
Андрей Курбский. Первое послание князю Константину Острожскому (1564-1583)	-	-	-	(*1ед.* 1х)	-	-	-
Андрей Курбский. Послание княгине Чарторыйской (1564-1583)	-	-	-	(*1ед.* 1х)	**есм о** 1х	-	-
Андрей Курбский. Предисловие к Новому Маргариту (1564-1583)	-	-	-	(*1ед.* 1х)	-	-	-
Андрей Курбский. Предисловие к Диалектике Иоанна Дамаскина (1564-1583)	-	-	-	-	-	-	**есмя** 1х
Статейный список И. П. Новосильцева	-	-	-	(*1ед.* 5х)	-	-	**есмя** 1х
Казанская история (1564-1565)	-	**есмь** 2х (+*1ед*. 12х)	**есмы** 7х	(*1ед.* 1х)	-	-	**есмя** 4х
Статейный список И. М. Воронцова (Швеция) (1567-1569	-	(+*1ед*. 1х)	-	**есми** 3х (+*1ед.* 4х)	-	-	**есмя** 55х
«Речи» Семена Елизарьева	-	-	-	(*1ед.* 5х)	-	-	**есмя** 2х
Статейный список Ф. А. Писемского (Англия)	-	-	-	(*1ед.* 8х)	-	-	**есмя** 12х
Повесть о прихожд. Стефана Батория на град Псков (1583-1590)	-	-	**есмы** 1х	(*1ед.* 3х)	-	**есме** 1х	**есмя** 5х
Новгородская кабальная книга 1597 г.	-	-	-	**есми** 17х (+*1ед.* 33х)	-	-	**есмя** 47х (+ *1 ед.* 6)
Новг. берест. гр.	(*1ед*. 3х)	(*1ед.* 25х)	**есмы** 2х	-	**есм о** 3х	**есме** 6х	-
Старорус. корпус – только **грамоты** (в основном «*далъ*	(*1ед*. 27х)	(*1ед.* **есме** 1х	**есмы** 20х (*1ед*. 2х)	(*1ед.* 1231х)	**есм о** 18х	**есме** 9х (*1ед.*	**есмя** 640х (+ *1*

*есм**)	541x)	2x)	*ед.* 20)

Литература

Horbatch 1964 – Horbatch O. Die vier Ausgaben der kirchenslavischen Grammatik von M. Smotryckyj. Wiesbaden. 1964.

Kortland 1979 – Kortland F. Toward a reconstruction of the Balto-Slavic verbal system // Lingua, 49 (1979). P. 51–70.

Mitani 2016 – Mitani K. The Slavic Recensions of The Story about the Twelve Fridays: A Text-Critical Study // Bulletin of the Japan Association for the Study of Russian Language and Literature. 2016. № 48. Tokyo, p. 1–24.

Бромлей 1977 – Бромлей С.В. О взаимодействии форм изъявительного и повелительного наклонений в восточнославянских языковых системах // Общеславянский лингвистический атлас. 1975. М., 1977. С.141–161.

Ван-Вейк 1957 – Ван-Вейк Н. История старославянского языка. М., 1957.

ГСБЕ 1993 – Граматика на старобългарския език. Фонетика. Морфология. Синтаксис. София, 1993.

Древнерус. гр. 1995 – Древнерусская грамматика XII–XIII вв. М., 1995.

Ист. гр. 1982 – Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол. Под ред. Р.И.Аванесова и В.В.Иванова. М., 1982.

Дух. и дог. гр. 1950 – Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. Подгот. к печ. Л.В. Черепнин. М.; Л., 1950.

Костюхина 1974 – Костюхина Л.М. Книжное письмо в России XVII в. М., 1974

Кузьмина, Немченко 1968 – Кузьмина И. Б., Немченко Е. В. К вопросу об употреблении «есть» в русских говорах // Материалы и исследования по общеславянскому лингвистическому атласу. М., 1968. С. 144–170.

Кузьмина, Немченко 1971 – Кузьмина И. Б., Немченко Е. В. Синтаксис причастных форм в русских говорах. М., 1971.

Кузьминова 2000 – Кузьминова Е.А. Грамматики Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого. Сост. Е.А.Кузьминова. М., 2000.

Тихонравов 1863 – Тихонравов Н. С. Памятники отреченной русской литературы. Т. 2, М., 1863.

Хабургаев Г.А. Судьба вспомогательного глагола древних славянских аналитических форм в русском языке. // Вестник МГУ, сер. 9 (филология). № 4. 1978. С. 42-53.

Колосов 1877 – Колосов М.А. Заметки о языке и народной поэзии в области северно-великорусского наречия / [Соч.] М.А. Колосова. - СПб., 1877 (Сб. Отд-ния рус. яз. и словесн. Имп. АН ; т. 17, № 3).

Колосов 1878 – Колосов М.А. Обзор звуковых и формальных особенностей народного русского языка. Варшава, 1878

Ралева 2013 – Ралева Ц. Наблюдения върху някои глаголни форми в Изборника от 1073 г. // Език и литература. 2013. № 1–2, с.119–123.

Русская диалектология 1964 – Русская диалектология. Под ред. Р.И.Аванесова и В.Г.Орловой. Мо, 1964.

Хрест. 1–2 – Обнорский С.П., Бархударов С.Г. Хрестоматия по истории русского языка. Ч. 1–2, М., 1952

Чернышев 1949 – Чернышев В.И. Описательные формы наклонений и времен в русском языке // Труды Института русского языка. Т. I. М.—Л., с. 210–238.

Шевелева 1993 – Шевелева М.Н. Аномальные церковнославянские формы с глаголом **быти** и их диалектные соответствия (К вопросу о соотношении церковнославянской нормы и диалектной системы) // Исследования по славянскому историческому языкознанию. Памяти профессора Г.А.Хабургаева. М., с. 135–155.

Шевелева 2001 – Шевелева М.Н. Об утрате древнерусского перфекта и происхождении диалектных конструкций со словом *есть* // Языковая система и ее развитие во времени и пространстве. Сборник научных статей к 80-летию профессора Клавдии Васильевны Горшковой М., 2001, с. 199–216.

Шлецер 1811 – [Шлецер Х.А.] Изъяснение двух совсем еще неизвестных и весьма достопамятных подлинников на славянском языке писанных и относящихся до связи между Новгородскою республикою и Ганзою [пер. М.Т.Каченовскаго] // Вестник Европы. 1811. Ч. 60, № 23, с. 188–215; № 24, с. 275–299.

М. О. Новак
Казанский научный центр РАН
Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
Казанский (Приволжский) федеральный университет
mariaonovak@gmail.com

ФОРМЫ ИМЕННОГО СКЛОНЕНИЯ В ТОЛСТОВСКОМ СБОРНИКЕ XIII В. (РНБ, F.П.I.39)[48]

В статье представлены наблюдения над морфологией имен существительных в Толстовском Сборнике XIII в. (РНБ, F.п.I.39). Рассмотрены архаизмы и инновации, проявляющиеся в категориях рода, одушевленности, падежа. Выявлена конкуренция архаичных и новых черт в категории рода (согласование определений к словам *старѣишина* и *воевода* по женскому роду во множественном числе) и категории одушевленности (вариативность омонимии винительного / именительного, винительного / родительного падежа у существительных мужского рода, в том числе указывающего на лицо). Употребление падежных форм в целом отражает церковно-книжный стандарт, однако зафиксирован ряд инноваций: усвоение окончания твердой разновидности существительными женского рода на *jā-, форма местного падежа на -у с предлогом *о* и в изъяснительном значении. Варьирование в произведениях Кирилла Туровского, входящих в состав сборника, может объясняться либо синтаксическими, либо риторическими факторами. Более полный анализ морфологии источника станет возможным после завершения электронной публикации Толстовского Сборника, которая ведется на портале «Манускрипт» (http://manuscripts.ru/mns/portal.main?p1=73).

Ключевые слова: Толстовский Сборник, морфология, существительное, архаизмы, инновации.

В статье представлены наблюдения над морфологией имен существительных в Толстовском Сборнике XIII в. (РНБ, F.п.I.39, далее *Толст*). Данный источник изучается в рамках проекта, предполагающего комплексное исследование и создание машиночитаемой копии с последующим ее размещением на портале «Манускрипт» (адрес титульной страницы публикации http://manuscripts.ru/mns/portal.main?p1=73). Памятник содержит оригинальные и переводные произведения проповеднического, агиографического, катехизического жанра, принадлежащие либо приписываемые разным авторам: Кириллу Туровскому, Иоанну Златоусту, Кириллу Иерусалимскому, а также апокрифы [Жолобов 2018; Сводный каталог 1984: 324]. Все они, за исключением Огласительных слов Кирилла Иерусалимского, тематически и содержательно связаны с различными церковными праздниками подвижного (триодного) и неподвижного

[48] Исследование выполняется при финансовой поддержке РФФИ (проект «Подготовка интернет-издания и комплексное исследование языка и письма Толстовского сборника XIII в. (РНБ, F.п.I.39)», № 18-012-00428 А). Выражаю искреннюю признательность коллегам, А.М. Кузнецову, А.А. Пичхадзе, Я.А. Пеньковой, Г.А. Молькову, за ценные замечания и соображения в ходе обсуждения материала.

(минейного) календарного цикла. К настоящему моменту выполнена транскрипция, редактура и разметка 97 листов Сборника (до начала Огласительных слов Кирилла Иерусалимского) в электронной публикации. Именно по размеченной части источника было проведено наше исследование, касающееся морфологии имени существительного: наличие аналитической разметки позволило провести использовать возможности модуля поиска системы «Манускрипт» и сформировать выборки словоформ.

Мы остановились не только на вопросах именного склонения, но также рассмотрели изменения в категориях рода и одушевленности. Категория числа осталась вне описания, поскольку ее развитие в истории русского языка связано в значительной степени с эволюцией дуальных форм, а они употребляются в *Толст* без каких бы то ни было отклонений от древнеславянского книжного стандарта.

Основная наша задача – установить соотношение морфологических архаизмов и инноваций; это важно как для исторической грамматики в целом, так и для текстологии произведений, входящих в состав памятника. Исследование дало следующие результаты.

1. Категория рода.

1.1. В *Толст* наблюдается согласование адъективов с формами существительных мужского рода на -а по женскому роду, как в единственном, так и во множественном числе:

и все се съдёвахu жидовьскъ³а старёишинъ³ (л. 27.2);

тъ бо ражаа ся дрёводёля старёишинъ³ дрёводёльскъ³ (л. 57.2);

и въпрашахуть и старёишинъ³ жидовьскъ³а (л. 60.1);

пустивъ … старёишинъ³ цр~квьнъ³а и гражанъ (л. 80.2);

воЕводамъ б~иамъ (л. 38.1).

Следует, однако, заметить, что отмеченное употребление более частотно при согласовании с формами множественного числа, тогда как единственное число более последовательно представляет согласование по мужскому роду: и пришедъ къ единому старёишинё жречьскu (л. 70.2); великомu ³ xzbu старёишинё мл~твеникомъ (л. 88.1).

Расширенный контекст словосочетания, приведенного выше: храбромъ и великъ³мъ воЕводамъ б~иамъ (л. 38.1) выглядит неоднозначно. С одной стороны, форму храбромъ можно интерпретировать как субстантив мужского рода со значением ‘воин’; с другой стороны, это можно счесть и определением к существительному воЕводамъ, и в таком случае налицо колебания в согласовании форм множественного числа. На наш взгляд, первая версия менее убедительна, поскольку допускает присутствие субстантива без эпитета, что нарушило бы равновесие риторической конструкции.

1.2. В следующем контексте можно усмотреть факт приобретения окончания мужского склонения существительным, изначально принадлежавшим к женскому типу склонения: рцёте же ми старци и сцдиЕ иZ~лвъ³ (л. 21.1). Усвоение формы ИП мн.ч. *ĭ-склонения может быть поддержано аналогическим влиянием со стороны РП мн.ч. (сцдии так же, как гостии и т.п.) Вместе с тем, нельзя исключить и фонетический фактор, поскольку конечное Е могло появиться в результате диалектного изменения стандартного для данного формы восточнославянского окончания ё.

2. Категория одушевленности.

У существительных мужского рода в *Толст* заметно варьирование падежных форм при переходных глаголах: ВП = ИП vs. ВП = РП, с преобладанием первого вида омонимии. Так, например, для словосочетания *посълати доухъ* по результатам сплошной выборки установлено соотношение 3:1:

нъ посъли акоже wбёщалъ Еси намъ твои прzтыи д~хъ. <…> и посълю ако wбёщахъ вамъ. иного параклита д~ха моего и w~ча (л. 35.2);

и въ ·~н·ныи д~нь днешнии · с~тъ³и д~хъ присла (л. 46.2);

да послеть и намъ прzтъ³и свои д~хъ (л. 37.2).

А также:

створи голѹбь Zлатомь чzтомь (л. 82.1);

нъ в³жь убо навоходоносоръ ако кровоадець <…> бё (л. 97.1).

Особенно интересен первый контекст, где при одном и том же глаголе наблюдаются формы ВП, омонимичные ИП и РП. Вполне возможно, что такая вариация обусловлена риторическими задачами, которые ставил перед собой Кирилл Туровский (на лл. 32-37об. Толст расположено его Слово на Вознесение). Последний из приведенных фрагментов привлекает внимание присутствием в нем антропонима, который, тем не менее, употреблен в форме ВП = ИП. Что касается такой же омонимии для существительного голѹбь, она, по-видимому, более естественна, поскольку речь в контексте идет не о птице (что предполагало бы одушевленность), но об изображении птицы из золота.

3. Деклинационные формы.

3.1. В *Толст* зафиксированы отдельные факты обобщения форм ДП и МП в склонении на *jā- по твердому типу, при этом также возможно варьирование в пределах одного и того же контекста:

а блѹдницё Ь любодёЕць <…> г~лть <…> ибо и въ сцхомё блѹдници реклъ Есть (л. 28.1);

wхъ мнё грёшницё и блудницё (л. 85.2);

Zрёти Егоже испьрва въ раистёи пищё (л. 46.1);

витаста в гостиньницё нёкоЕи (л. 77.2).

Однако «классические» формы на -и преобладают в указанных падежных позициях в различных произведениях, составляющих сборник, что естественно для источника XIII века:

Егоже видё иаковъ въ нощи на лёствици utвьржающася (л. 4.1);

възята бо бъ³ста на колесници wгньнё (л. 19.1);

пречztёи присночztёи дв~ци мт~ри г~а нашего (л. 52.1);

иже бё пронаречено сице въ диwптовё кумирници (л. 61.2);

и легоста внё града в гостиньници (л. 64.1-2).

3.2. Для эволюции склонения существительных мужского рода показательно взаимодействие имен *ŏ- и *ŭ-основ. В *Толст* самым частотным оказалось существительное *сынъ*.

3.2.1. Сплошная выборка словоформ показала наиболее интересное соотношение старого и нового в МП ед. ч. – три исконные формы при двух инновационных, по аналогии с *ŏ-склонением. Приведем все контексты:

w своЕмь с~hu въписати повелё (л. 40.2);

самъ ~бъ wць пьрвоЕ повёдаЕть w своЕмь с~hu (л. 41.1);

еже w моЕмь с~hu гzё iczё xzё беZаконьнова (л. 83.2);

Ь с~тхъ книгъ uкаZаниЕ w xzё с~нё б~ии (л. 38.1);

крёпъко подвиZавъшимъся по с~нё б~жии своЕмь цzри (л. 38.1).

Можно предположить, что употребление той или иной формы зависит от синтаксической позиции существительного: нетрудно заметить, что форма на -у находится в постпозиции по отношению к притяжательному местоимению (причем эта закономерность прослеживается в разных частях сборника), тогда как форма на -а – в препозиции по отношению к прилагательному.

3.2.2. Звательная форма существительного *сынъ* также представляет варьирование, в котором преобладают не исконные для *ŭ-склонения формы:

uвъ³ мнё с~не неповиньнъ съ³ поruганъ бzъ³ (л. 6.2);

вёрую въ тя с~не б~жии (л. 31.1);

что Есть намъ и тобё ³~сё с~не б~ии (л. 10.1).

Вместе с тем:

тварь съболёзнuЕть ми с~hu (л. 6.2);

б~жии враже и с~ну погъ³бёли (л. 40.2).

Все обнаруженные контексты входят в состав различных слов Кирилла Туровского. Как удалось установить О.Ф. Жолобову, в *Толст* практически безошибочно воспроизведен автограф «русского Златоуста» [Жолобов 2018: 73]. Таким образом, можно утверждать, что перед нами – вариативность, вышедшая из-под его пера. Примечательно, что л. 6.2 демонстрирует обе формы вокатива – исконную и неисконную, в пределах небольшого текстового пространства (в составе Слова о снятии с креста и мироносицах). Варьирование, как кажется, не зависит ни от синтаксической позиции, ни от каких-либо других факторов. Оно свободно и отражает, по-видимому, абсолютную равнозначность обеих форм для пишущего.

3.2.3. Кроме того, в *Толст* отмечены и другие существительные *ŭ-склонения:

и въ ц~рквахъ дому своЕго посадилъ (л. 45.1);

в дшевнёмь дому всего того положити (49.2);

и въкшающе д~хвьнаго сего меди (л. 25.1).

Как видим, формы РП и МП единственного числа сохраняют исконный стандарт деклинационного типа. Однако во множественном числе отмечена форма с окончанием *ŏ-склонения: еже имё кожьдо ихъ в домёхъ (л. 83.1).

3.3. В словоизменении существительных среднего рода результаты аналогического сближения с более крупными деклинационными типами демонстрируют, как правило, субстантивы консонантных типов. При обследовании сплошной выборки словоформ существительного тёло, наиболее частотного в *Толст* среди имен *s-склонения, обнаружилось преобладание «ес-форм» в ИП мн. ч. (телеса) и косвенных падежах (20 форм при 15 без показателя -ес-). Напомним, что в свое время О.Ф. Жолобовым была выявлена характерная для церковно-книжных источников семантизация: «не-ес-формы» выступают в значении ‘тело как целое’, а также в специализированных значениях ‘Тело Христа как жертва’, ‘Церковь как Тело Христово’, ‘Св. Дары, хлеб Евхаристии’, тогда как «ес-формы» реализуют значения ‘тело как составное, имеющее структуру; уязвимое, смертное’ [Жолобов 1988]. Материал *Толст* в целом соответствует данной схеме:

слживъшааго по распятии тёлу хzвu (л. 6.1 – ‘тело Христа’);

како прчztёмь прикоснися тёлё твоемь (л. 10.2 – ‘тело Христа’);

и възьмъ на тёла моЕго скотъ вънесохъ въ гостиньницю с~тию цр~квь (л. 22.1 – ‘тело Христа’);

льгъци сще тёломь · постьници бо бёша (л. 39.2 – ‘тело как целое’);

д~шамъ и тёломъ б~оучении цёлители (л. 44.2 – ‘тело как целое’);

приступити · къ прzчтъ³мъ таинамъ · тёлu и кръви гzни (л. 47.1 – ‘хлеб Евхаристии’);

Вместе с тем:

Сего прошю наZарянина телесе (л. 10.1 – ‘тело как смертное (человеческое)’);

грёси мои вся uдъ³ телесе моЕго раслабиша (л. 17.1 – ‘тело как составное’);

анг~ли же повёдахu с~на б~иа силу и санъ · чл~вчскъ³мъ wбложена телесемь (л. 36.1 – ‘тело как смертное (человеческое)’);

и б~лговёрнъ³мъ княZемъ нашимъ сдравиЕ телесомъ · и д~шевнаго просите спс~ниа (л. 44.1 – ‘тело человеческое’);

собравъ uноша uчаше я д~шю чztu не wскверними в телесе (л. 78.2 – ‘тело человеческое’);

храмъ д~ховнъ³и прокудихъ д~шю аже в телеси моемь живеть wскверниxъ (л. 85.2 – ‘тело человеческое’).

Показательно, что такая же выборка в Толстовском Апостоле XIV века продемонстрировала нерелевантность упомянутой семантической дифференциации «ес-форм» и «не-ес-форм» для более позднего источника [Новак 2016].

С точки зрения употребления падежных окончаний интересны форма ДП мн. ч. телесомъ (л. 44.1 – с обобщением гласного по аналогии с окончанием *ŏ-склонения) и сохранение древней формы МП ед. ч. телесе (л. 78.2). Это единственный случай – в трех других контекстах МП ед. ч. омонимичен ДП (как, например, на л. 85.2). Форма РП, как можно видеть из текстовых иллюстраций, также сохраняет «классическую» форму на -е.

Кроме того, в «ес-формах» последовательно осуществляется мена ё на е в основе – очевидно, под влиянием восточнославянской орфограммы -ере-, отражающей полногласный рефлекс сочетания *tert.

3.4. В заключение прокомментируем два нетривиальных употребления в *Толст*.

3.4.1. м³рьскъ³я бо женитвъ³ i слогъ³ не всяко бъ³вають по судов³ (л. 98.1).

Обращение к историческим подкорпусам НКРЯ показало отсутствие в древнерусских и старорусских источниках формы ДП на -ови с предлогом по, при обилии беспредложных употреблений и форм с предлогом къ. То же чтение в других списках Огласительных слов Кирилла Иерусалимского (Син. 478 XI-XII вв. (ГИМ), Тр 124 XV в. (РГБ), Рум. 194 XVI-XVII вв. (РГБ)) представляет стандартную форму датива *по суду*.

3.4.2. uжаснuвъ же ся w видu василии (л. 83.2).

Формы МП на -у в изъяснительном значении у существительных мужского рода исконного *ŏ-склонения также отсутствуют в исторических подкорпусах НКРЯ. Местный падеж в локативном значении и с предлогом въ возможен, но отнюдь не в ранних текстах, ср. в Псковской 3-й летописи по Строевскому списку (1400-1568): погорё все Застёнье, а Дётинца свята троица uблюдё в виду [НКРЯ]. В исследовании, посвященном экспансии

флексии -у в родительный и местный падежи существительных *ŏ-склонения, отмечалось, что массовый характер это явление (в том числе, употребление МП на -у с предлогом о) приобрело именно в старорусский период [Марков 1992: 58-60]. Тем более замечательно редкое употребление в *Толст* – источнике XIII в.

Подводя итоги, подчеркнем, что в целом морфология имен существительных в *Толст* лишена неожиданностей: она отражает нормы церковно-книжного языка, так что инновации уступают в количественном отношении «классическим» формам. Это предсказуемо в памятнике раннедревнерусского периода; однако отдельные употребления вполне оригинальны и достойны упоминания в комплексном описании исторической грамматики русского языка. В ряде случаев варьирование деклинационных форм отражает узус Кирилла Туровского, который может подчиняться риторическим задачам.

Литература

Жолобов О. Ф. Толстовский сборник XIII в. как мегатекст // Лингвокультурологические исследования развития русского языка в условиях полиэтнической среды: опыт и перспективы: тр. и матер.: в 2 т. / под общ. ред. Е. А. Горобец, О. Ф. Жолобова, М. О. Новак. Казань, 2018. Т. 2. С. 73–77.

Жолобов О. Ф. Лексико-семантические и грамматические факторы в истории слова (на материале имен существительных): Автореферат дис. … канд. филол. наук / Ленингр. гос. ун-т. Л., 1988.

Марков В.М. Историческая грамматика русского языка. Именное склонение. Переизд. Ижевск: Изд-во Удмуртского ун-та, 1992.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: http://ruscorpora.ru/.

Новак М. О. О формах имен существительных в Толстовском Апостоле XIV в. (РНБ, Q.п.I.5) // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 10. Материалы международной научной конференции «Грамматические процессы и системы в синхронии и диахронии» (30 мая – 1 июня 2016 г.). М., 2016. С. 465–474.

Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв. М., 1984.

MARIIA OLEGOVNA NOVAK
Russian Academy of Sciences,
Kazan (Volga Region) Federal University
mariaonovak@gmail.com

ON NOUN FORMS IN TOLSTOVSKII SBORNIK FROM THE 13th CENTURY (NLR, F.P.I.39)

k

This paper focuses on noun forms found in the Old Russian manuscript *Tolstovskii Sbornik* from the 13th century. The author examines the correlation between archaic and newer forms in the following grammatical categories: gender, animacy, and case. There is a peculiar competition of archaic and new features in the gender category, namely, the full concord of starěišina and vojevoda nouns and their adjectives in plural feminine while male persons are mentioned in a context. In the animacy category, there is an archaic homonymy of nominative and accusative forms in masculine nouns, which sometimes point to a male person. The case forms usage reflects, in general, the church-book standard; however, some innovations are discovered: acceptance of the *ā-type ending by *jā-type feminine nouns; a rear Loc. Sg. masculine form with the -y ending; and some other. The variations in Cyril of Turov's works, which are part of the collection, can be explained either by syntactic or rhetorical factors. More thorough analysis and more precise results will be possible after completing the digital manuscript publication on the "Manuscript" portal (http://manuscripts.ru/mns/portal.main?p1=73).

Key words: Tolstovskii Sbornik, morphology, noun, archaisms, innovations

References

Zholobov O. F. Tolstovskii sbornik XIII v. kak megatekst. *Lingvokul'turologicheskie issledovaniia razvitiia russkogo iazyka v usloviiach polietnicheskoi sredy: opyt i perspektivy: tr. i mater.: 2 vols*. Ed. by E. A. Gorobets, O. F. Zholobov, M. O. Novak. Kazan', 2018. Vol. 2, pp. 73–77.

Zholobov O.F. *Leksiko-semanticheskie i grammaticheskie faktory v istorii slova (na materiale imen sushchestvitel'nykh).* Avtoref. dis. … kand. filol. nauk [Lexical, semantic, and grammatical factors in word history (on material of nouns). Abstract of the Candidate of Philology Thesis]. Leningrad, 1988.

Markov V.M. *Istoricheskaia grammatika russkogo iazyka. Imennoe sklonenie*. Pereizd. Izhevsk: Izd-vo Udmurtskogo un-ta, 1992.

NKRIA – Nacional'nyi korpus russkogo iazyka. National Russian Corpus. URL: http://ruscorpora.ru/.

Novak M. O. O formach imen sushchestvitel'nych v Tolstovskom Apostole XIV v. (RNB, Q.p.I.5). *Trudy Instituta russkogo iazyka im. V. V. Vinogradova. Vyp. 10. Materialy*

mezhdunarodnoi nauchnoi konferencii «Grammaticheskie processy i sistemy v sinchronii i diachronii» (30 maia – 1 iunia 2016 g.). Moscow, 2016, pp. 465–474.

Svodnyi katalog slaviano-russkich rukopisnych knig, chraniashchichsia v SSSR. XI–XIII vv. Moscow, 1984.

Я. А. Пенькова
ИРЯ РАН, НИУ ВШЭ, Москва
penkovajanine@gmail.com

ИМУ, УЧЬНУ, СТАНУ, БУДУ: КОРПУСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПЕРИФРАЗ БУДУЩЕГО ВРЕМЕНИ В СТАРОРУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ[49]

В работе впервые предпринимается попытка описать функционирующие в среднерусский период (XV–XVII вв.) перифразы с референцией к будущему как систему конструкций и проследить ее эволюцию в истории русского языка на протяжении интересующего периода. Исследование выполнено на материале старорусского корпуса НКРЯ, что позволило выявить различия в функционировании конструкций с референцией к будущему, которые невозможно обнаружить традиционными филологическими методами. Показано, что ни одну из рассматриваемых перифраз (*иму + инфинитив, начьну/почьну + инфинитив, учьну + инфинитив, стану + инфинитив, буду + инфинитив*) в русском языке XV–XVII вв., вопреки традиционному мнению, нельзя признать аналитическим будущим глаголов несовершенного вида. Установлено, что разрушение конструкции *буду + л*-форма произошло к середине XVI в., с этого же времени бывший вспомогательный глагол *будет* лексикализовался как условный союз.

Ключевые слова: аналитическое будущее, инхоативные глаголы, предбудущее (второе будущее), среднерусский язык, Национальный корпус русского языка.

In this paper, the author attempts to describe Middle Russian future periphrases as a system of constructions and to follow its evolution in the history of Russian language during the discussing period. The study is made on the material from the Middle Russian corpus of the National Corpus of the Russian language. It enabled us to find the differences in functioning between future periphrases, which cannot be found using traditional philological methods. The author argues that none of the Middle Russian constructions in question (*imu + infinitive, uchnu + infinitive, stanu + infinitive, budu + infinitive*) can be regarded as an analytical imperfective future. According to the corpus data, the fall of the construction *budu + l*-form took place by the 1550s. Since that time, the former auxiliary *budet* changes into conditional conjunction.

Key-words: analytical future, inchoative verbs, future anterior, Middle Russian language, National Corpus of the Russian language.

Предварительные замечания

[49]Funding sources for this paper include Humboldt Foundation (Research Group Linkage Programme “Digipalslav”', www.digipalslav.uni-freiburg.de).

Старорусский период истории русского языка – время значительной перестройки видо-временной системы. Важными аспектами такой перестройки стало, с одной стороны, формирование аналитического будущего несовершенного вида, а с другой, утрата предбудущего времени.

На рубеже XIV–XV вв. в памятниках письменности встречается несколько конструкций, которые могли осуществлять референцию к будущему: *хочу* + инфинитив, *начьну* + инфинитив, *почьну* + инфинитив, *иму* + инфинитив и *имамь* + инфинитив. Как показали исследования И.С. Юрьевой [Юрьева 2009, 2010], в древнерусский период на роль грамматического будущего могла претендовать только конструкция *иму* + инфинитив, тогда как *хочу* + инфинитив выражала преимущественно значения желания, намерения и близкой возможности (проспективные), *начьну* и *почьну* с инфинитивом передавали фазовые значения, а конструкция с *имамь*, имевшая модальное значение, отсутствовала в живом древнерусском языке и употреблялась только в книжной письменности.

В среднерусский период перечисленные конструкции продолжают употребляться в памятниках, и к ним добавляются новые перифразы с референцией к будущему – новые «кандидаты» на роль аналитического будущего НСВ: инфинитивные конструкции с вспомогательными глаголами *учати* и *стати*. А к концу среднерусского периода с ними начинает конкурировать еще одна конструкция – *буду* + инфинитив, заимствованная из польского, вероятно, при западнорусском посредстве [Pennington 1968; Moser 1998].

В этот же период происходит также разрушение абсолютно-относительных времен – сверхсложного прошедшего (или т.н. русского плюсквамперфекта) и предбудущего времени. В результате синтаксического реанализа вспомогательный глагол *буду* переосмысляется как условный союз или модальная частица *будет, буде* (сверхсложное прошедшее становится источником другой частицы – *было*).

Цель настоящего исследования – определить, как функционировала и эволюционировала система конструкций с референцией к будущему в среднерусский период. Объектом исследования являются перифразы с вспомогательными инхоативами *иму*, *учьну*, *стану* и *буду* (последний – и в сочетании с инфинитивом, и с *л*-формой), поскольку именно эти конструкции могли претендовать на роль аналитического будущего НСВ. Данные о других конструкциях с инхоативами, также осуществлявших референцию к будущему (*начьну/почьну* + инфинитив), а также данные о перифразе с *имамь*, без сопоставления с которой нельзя рассматривать *иму*-конструкции, при необходимости также привлекаются. Полностью за рамками исследования остается только конструкция *хочу* + инфинитив.

Русский язык в среднерусский период выступает как яркий представитель северноевропейского ареала. Для языков, принадлежащих этому ареалу, характерно, с одной стороны, использование форм презенса для референции к будущему (по этой причине его еще называют ареалом «без футурума» – «futureless area» [Dahl 2000]), а с другой – грамматикализованные конструкции со вспомогательными глаголами ‘стану’ или ‘начну’, ср., например, вспомогательные глаголы в формах аналитического будущего в ливском языке, на котором когда-то говорили в Ливонии: urg ‘начать’, sad ‘стать’, lid ‘быть’ [Norvik 2012].

Среднерусская письменность на этом фоне выделяется очень большим количеством инхоативных конструкций, функционирующих в один и тот же период: *иму, начьну, почьну, учьну, стану* – можно говорить о пяти конструкциях с инхоативомами в качестве вспомогательных глаголов. Как показано М.Н. Шевелевой, конструкции *иму* + *инфинитив* изначально имели не модальное, а начинательное значение (‘взять что-л. делать’ → ‘начать что-л. делать’) [Шевелева 2017]. Этимологически *буду* также имеет носовой инфикс – показатель инцептивности [Кузнецов 2002], а полнознаменательный *буду* может употребляться как глагол совершенного вида. Однако в составе аналитического будущего, очевидно, представлен *буду*, омонимичный полнознаменательному перфективу и не являющийся инхоативом [Ferrell 1953], [Swan 2012]. Иная точка зрения представлена в [Whaley 2000], которая объясняет грамматикализацию конструкции *буду* + *инфинитив* в славянских языках тем, что *буду* как раз был переосмыслен как глагол с инхоативным значением и благодаря этому приобрел ту же сочетаемость с инфинитивом НСВ, которую имели прочие инхоативы.

Очевидно, что сосуществование такого количества синонимичных конструкций может объясняться только тем, что между ними существовали различия, явные для использовавших их восточных славян. Эти различия мы и попытаемся выявить в настоящей работе.

Заявленные задачи удобнее всего решать на материале старорусского корпуса НКРЯ, содержащего более 7 млн. словоупотреблений. Более того, применение количественных методов при исследовании конструкций с очень близкой семантикой и сходными функциями, каковыми являются перифразы *иму/учьну/стану/буду* + *инфинитив*, является, по-видимому, единственным способом, позволяющим увидеть системность в такого рода материале.

Работа состоит из двух частей: первая часть посвящена перифразам будущего, представляющим собой сочетания вспомогательного глагола и инфинитива; вторая часть посвящена форме предбудущего времени *буду* + *л*-РТСР, которая в ряде других

славянских языков (кайкавском наречии сербохорватского, польском, кашубском, западноукраинском, русинском, старобелорусском XVII в.) эволюционировала в будущее НСВ, а в словенском языке сохранила возможность сочетаться с глаголами обоих видов.

Обратимся к тем особенностям в семантике и употреблении перифраз с референцией к будущего, которые к настоящему времени уже описаны в литературе, ограничившись наиболее важными и значимыми для настоящего исследования работами.

Перифразы с *иму* считаются яркой восточнославянской диалектной чертой, неизвестной другим славянским языкам за пределами восточнославянских [Andersen 2006]. Однако подобные конструкции с вспомогательным глаголом **fog** ‘взять’ уже с XIV в. употребляются в венгерском языке, в котором А. Золтан предполагает заимствование аналогичной конструкции из паннонских славянских диалектов [Золтан 1960]. Кроме того, на некоторые свидетельства существования таких конструкций в древнесербском также указывает Е. Кржижкова [1960, 127].

Модальные конструкции со вспомогательным глаголом *имамь*, широко представленные в ранней славянской письменности в целом, имели значение неизбежности, неотвратимости какого-либо события или – реже – долженствования и, в отличие от перифраз с *иму*, были чужды живому древнерусскому языку и употреблялись только в книжной церковнославянской письменности, ср. аналогичную книжную маркированность imam + infinitive в истории словенского языка [Orožen 1965, 616].

Вопрос о времени появления в русском языке конструкции *стану* + инфинитив является дискуссионным. Традиционная историческая грамматика предполагает, что *стати* в сочетании с инфинитивом появляется не ранее XV в. Иная точка зрения представлена в статье А.М. Молдована [Молдован 2010], в которой предполагается, что *стати* в сочетании с инфинитивом, известный не только русскому языку, но и ряду других славянских языков, – явление существенно более раннее, однако плохо задокументированное в памятниках.

В том же исследовании отмечается, что *учьну* + *инфинитив* является регионализмом в великорусской письменности: конструкция употребляется в течение непродолжительного периода в старорусских памятниках Севера и Центра: примерно со 2-й половины XV в. до 2-й половины XVII в. Эта конструкция до сих пор сохраняется в некоторых северных говорах [СРНГ 48, 321]. Однако конструкции с *учну* не были ограничены только великорусской территорией, но известны также в старосербской письменности в XIII–XIV вв. [Křižková 1960, 127, 137].

В [Andersen 2006] наличие нескольких конструкций с инхоативами в восточнославянских памятниках объясняется диалектными различиями в их

употреблении: распространением в одних диалектах и отсутствием в других. Однако распределение между ними следует признать в не меньшей степени хронологическим и стилистическим. В [Молдован 2010] показаны стилистические различия между разными перифразами футурума: в текстах на стандартном церковнославянском до XVI–XVII вв. в сочетаниях с инфинитивом преобладают *начати*, *хотѣти* и *имѣти*, в текстах на гибридном церковнославянском, в деловых и бытовых – *почати*. Однако ситуация в более поздних памятниках в работе не рассматривается, равно как и задача определить место конструкции *учати* + *инфинитив* в ряду с другими перифразами с инхоативами не ставится.

Конструкция *буду* + *инфинитив* фиксируется в среднерусской письменности существенно позднее, чем в других западно- и восточнославянских языках: в старочешских и старопольских источниках она известна уже с конца XIII в. Известна она и сербохорватским диалектам, однако южнославянский материал для наших целей непоказателен. Из польского языка эта конструкция заимствуется в староукраинский и старобелорусский, в которых употребляется с конца XIV в. С XV в. Московская Русь также начинает испытывать влияние польского языка и культуры. Первые примеры употребления конструкции *буду* + *инфинитив* в русской письменности относятся уже к XV в., однако они ограничены текстами, имеющими признаки интерференции с простой мовой [Мозер 1998]: В собственно русские тексты *буду* + *инфинитив* проникает не ранее XVII в.

1. Перифразы с референцией к будущему в среднерусской письменности (по данным Национального корпуса русского языка)

Рассмотрим несколько примеров из старорусского корпуса, содержащих рассматриваемые перифразы с инхоативами:

(1) И тебя, ведь, на Дивѣя выменити не для кристьянства—на кристьянство: ты одинъ свободенъ будешь, да приѣхавъ, по своему увѣчью лежать станешь, а Дивѣй, приѣхавъ, учнетъ воевати, да неколко сотъ кристьянъ лутчи тебя пленитъ. [Иван Грозный. Послание Василию Грязному (1574)];

(2) А хто ся имет ослушивати сее моее грамоты, а учнет ся в тех селех и деревнях ставити сильно, и что на него протора взмечют, и яз то велю взять на нем вдвое без суда и без исправы, а еще ему от меня быти в казни. [Жалованная грамота кн. Юрия Ивановича митрополиту Даниилу на свободу от постоя и подвод для сел Игнатовского и Михайловского, в Вышгороде, Дмитровского у (1526.02.11)];

(3) А имут нас сваживати татарове, почнут ми дават[и] великое кнѧж[е]ние, и мнѣ не взѧт[и]. [Докончание великого князя Василия Васильевича с князем галицким Василием Юрьевичем. Грамота кн. Василия Юрьевича в. кн. Василию Васильевичу (1439)];

(4) Хотя мне о которых делех советники мои отговаривати станут, и яз их не стану слушати, а буду делати, что годно брату моему, а вашему государю. [Статейный список Ф. А. Писемского (Англия) (1582-1583)].

В (1) в одном контексте и в одной и той же синтаксической конструкции употребляются перифразы с *стану* и *учьну*, в (2) в одном ряду оказываются перифразы с *иму* и *учьну*, в (3) – с *иму* и *почьну*, а в (4) – с *стану* и *буду*. Очевидно, что такое сосуществование разных конструкций в однотипных контекстах не связано ни со стилистическими различиями между ними, ни с типом синтаксической конструкции. Не демонстрируют контексты и явных семантических противопоставлений между перифразами.

Для того чтобы попытаться найти какую-то систему в таком на первый взгляд «безразличном» употреблении, посмотрим на эти конструкции в объемах всего старорусского корпуса. Определим, какова относительная количественная частотность (token frequency) перифраз с разными вспомогательными глаголами, каковы различия в частотности типов (способности сочетаться с разными глаголами – type frequency) и в склонности к употреблению в различных синтаксических конструкциях (construction type frequency).

1.2.1. частотность употреблений (token frequency)

Прежде чем мы перейдем к обсуждению данных старорусского корпуса, необходимо оговорить некоторые принципы при подсчетах, которыми мы руководствовались:

1) Частотность оценивалась отдельно для конструкций с вспомогательным глаголом в презенсе, которые осуществляют референцию к будущему, и для конструкций с вспомогательным глаголом в каком-либо из прошедших времен. Такое разграничение важно для перифраз с глаголами *учати, почати, стати*, и полученные результаты это убедительно доказывают (см. ниже);

2) Частотность конструкций с формой 3 л. мн.ч. *имуть*, относящейся одновременно к перифразам *иму + инфинитив* и *имамь +* инфинитив, также оценивалась отдельно;

3) Частотность конструкций сравнивалась по трем временным срезам: XV в., XVI в. и XVII в.;
4) Учитывалось не только абсолютное, но и относительное количество употреблений конструкции в тот или иной период – процентная доля этих употреблений среди всех рассматриваемых перифраз с референцией к будущему.

Результаты подсчетов представлены в таблице 1:

Таблица 1

Количественная и относительная частотность конструкций с инфинитивом

Вспомогательный глагол	XV в.	%	XVI в.	%	XVII в.	%
Иму	**152**	**40 %**	**20**	**1.4 %**	**1**	**0.06 %**
Имут	**48**	**12.6 %**	**41**	**2.9 %**	**43**	**2.5 %**
Имамь	**114**	**30 %**	**204**	**14.7 %**	**106**	**6.2 %**
Почьну	**23**	**6 %**	**21**	**1.5 %**	**9**	**0.5 %**
Почал-	105		167		172	
Начьну	**22**	**5.8 %**	**66**	**4.7 %**	**60**	**3.5 %**
Нача (AOR.3SG)	333		872		271	
Стану	**0**	**0 %**	**57**	**4.1 %**	**221**	**14.9 %**
Стал-	4		42		178	
Учьну	**21**	**5.5 %**	**964**	**69.4 %**	**1148**	**67 %**
Учал-	4		135		158	
Буду	**0**	**0 %**	**17**	**1.2 %**	**90**	**5.3 %**
Всего с референцией к будущему	**380**	**100 %**	**1390**	**100 %**	**1712**	**100 %**

Данные таблицы красноречиво свидетельствуют о том, что *почьну* + *инфинитив* и *почать*.PAST + *инфинитив* следует рассматривать как разные конструкции. То же справедливо для *учьну* + *инфинитив* и *учал-* + *инфинитив.*

Для вспомогательного *почати* более грамматикализованы инфинитивные сочетания вспомогательного глагола в прошедшем времени (подсчитаны только примеры с формами вспомогательного глагола в 3 л.ед.ч аориста), что справедливо для *начати/почати* конструкций и в более ранний период [Юрьева 2017, 21]. Низкочастотные в презенсе *почьну/начьну* + инфинитив, очевидно, не следует рассматривать в числе кандидатов на роль аналитического будущего в среднерусский период.

Противоположная ситуация наблюдается для вспомогательного *учати*: конструкции с *учьну* в разы превосходят конструкции с *учал-* (учитывались только случаи с вспомогательным в *л*-форме, так как *учати* не употребляется в памятниках в формах

аориста или имперфекта – ввиду омонимии с некоторыми формами глагола *учити* и в целом некнижного статуса конструкции). *Учьну + инфинитив* следует, с этой точки зрения, рассматривать в качестве главного претендента на роль аналитического будущего: частотность конструкции резко возрастает к XVI в. и в XVI–XVII вв. превосходит количественно все другие аналитические формы.

Как видно из таблицы, одновременно с выходом на авансцену конструкций с *учьну* происходит маргинализация конструкций с *иму*. В частотности книжных конструкций с *имамь* также наблюдается снижение, однако не такое резкое, как для конструкций с *иму*. На этом фоне легко понять, к какой из двух конструкций тяготеют формы *имуть* + инфинитив. Очевидно, что в XV в. вспомогательный глагол в форме 3 л. ед. ч. *имуть* еще соотносится одновременно с обеими конструкциями, однако в XVI–XVII вв. он уже в гораздо большей степени ассоциируется с конструкциями *имамь + инфинитив*, о чем красноречиво свидетельствуют различия в частотности между *имуть + инфинитив* и формами других лиц, а также отсутствие резкого падения частотности, симметричного другим формам вспомогательного *иму*.

В отличие от конструкций с *почати* и *учати*, перифразы со *стати* не имеют таких значительных различий в частотности между разными формами времени вспомогательного глагола, хотя в текстах XVII в. конструкции с презенсом все же немного превосходят конструкции с *л*-формами. Система инфинитивных конструкций с инхоативами, имеющих референцию к прошлому нуждается в отдельном исследовании.

Конструкция *буду + инфинитив* на фоне других имеет самую низкую частотность в XVI в. В XVII в. ситуация коренным образом не изменяется (фактически резкий скачок частотности этой конструкции фиксируется лишь в самом конце XVII в.), так что победа этой перифразы над *учьну* и *стану* происходит не ранее XVIII в. Любопытно, что уже в текстах XVIII в. конструкции с вспомогательным *стать* в прошедшем времени употребляются почти втрое чаще, чем в презенсе, уступив свои позиции перифразе *буду + инфинитив*, которая становится примерно в пять раз частотнее, чем *стану + инфинитив* (295 и 1443 примеров с расстоянием в 1 шаг соответственно в корпусе текстов XVIII в.).

Таким образом, XV в. по характеру функционирования перифраз футурума еще в значительной степени примыкает к древнерусскому периоду, когда основной была конструкция с *иму*. В XVI–XVII вв. основными средствами выражения референции к будущему для глаголов НСВ становятся конструкции *учьну + инфинитив* как наиболее грамматикализованные и самые частотные: *учати* отличается от всех остальных инхоативов тем, что вовсе не имеет полнознаменательных употреблений вне сочетаний с инфинитивом.

Что касается тех же вспомогательных глаголов в конструкциях с **референцией к прошлому**, то здесь соотношение не такое, как в системе конструкций с вспомогательными глаголами в презенсе: в XV – XVI вв. основными служат сочетания с *начати* (посчитано только количество случаев употребления формы 3 л. ед. ч. аориста), в XVII в. *начати* остается самым частотным вспомогательным глаголом, но и возрастает доля конструкций с *учати* и –в особенности – *стати* + *инфинитив*.

1.2.2. Частотность типов

Оценим широту сочетаемости вспомогательных глаголов с инфинитивами от разных глаголов. Поскольку частотность разных вспомогательных глаголов существенно различается, введем коэффициент сочетаемости: будем сравнивать не абсолютное количество не повторяющихся глаголов, а отношение их числа к общему числу употреблений конструкции. Таким образом, наибольший коэффициент будет означать самую высокую частотность типов. Результаты подсчетов приведены в таблице 2:

Таблица 2

Сочетаемость вспомогательных глаголов в презенсе с глагольными лексемами (частотность типов)

Вспомогательный глагол	Количество лексем	Коэффициент сочетаемости
Иму	33/173	0.19
Учьну	57/200	0.28
Стану	107 / 278	0.38
Стал-	117/224	0.52
Буду	67/107	0.57

Различия в значениях коэффициента сочетаемости наглядно показывают, что самая низкая типовая частотность у вспомогательного глагола *иму*: он употребляется в памятниках с ограниченным кругом глаголов. При этом примерно в половине всех контекстов *иму* сочетается с инфинитивом *жити* (всего 85 примеров!). В выборке из 200 примеров типовая частотность *учьну*-конструкций также довольно низкая, а самым частотным глаголом в конструкции с *учьну* удивительным образом также оказывается глагол *жити*, что еще раз доказывает близость *иму*- и *учьну*-перифраз. Таким образом, резкое снижение частотности *иму*-конструкций, сопровождающееся резким ростом конструкций с *учьну,* следует признать неслучайным – *учьну* хронологически замещает *иму*. При этом в контексте с вспомогательными *стану* и *буду* глагол *жити* отмечен, напротив, только дважды. Не многим чаще употребляется *жити* и в сочетании с формой 3

л. мн. ч. *имуть*, что также доказывает ассоциированность этой формы преимущественно с вспомогательным глаголом *имѣти*.

В противоположность *иму* и *учьну* вспомогательные *стану* и *буду* демонстрируют высокую частотность типов. Для них сложно выделить глаголы, встречающиеся с этими вспомогательными глаголами чаще остальных. Если для *буду* можно выделить глагол *бити* в устойчивом сочетании *бити челом*, который встретился в контексте с *буду* чаще остальных –12 раз из 107, то для *стану* таких глаголов вовсе нет – в отличие от формы прошедшего времени *стал-*, которая весьма частотна в соединении с инфинитивами *быти* и *говорити* (23 и 27 примеров соответственно). При этом, как показывают подсчеты, коэффициент сочетаемости у *буду* самый высокий и значительно превышает коэффицент для *стану*. *Стану* и *стал-*, почти не имеющие различий в количестве употреблений, различаются частотностью типов: для форм прошедшего времени этого вспомогательного глагола таковая заметно выше.

1.2.3. Синтаксические конструкции.

Рассмотрим частотность перифраз с референцией к будущему в различных синтаксических конструкциях. Формы 3 л. мн.ч. *имуть*, как и выше, рассматриваются отдельно от форм других лиц и чисел аналитических конструкций с вспомогательными *имамь* и *иму*. Поскольку разные конструкции имеют разную частотность в текстах, мы решили в данных подсчетах ограничиться 200-ми случайно выбранных примеров из памятников XV–XVII вв. Такое ограничение принято для тех конструкций, для которых общее число употреблений в памятниках выше 200 (для *учьну, имамь* и *стану*). Предел в 200 контекстов принят потому, что частотность конструкций с *иму* и *буду* располагается как раз в интервале от ста до двухсот употреблений. Результаты подсчетов приведены в таблице 3. Полужирным выделены типы конструкций, в которых рассматриваемые перифразы имеют высокую частотность – или в сравнении с другими типами употреблений той же перифразы, или в сравнении с другими рассматриваемыми перифразами. Проценты приведены по отношению к общему анализируемому объему употреблений той или иной перифразы.

Таблица 3

Частотность перифраз с референцией к будущему в различных типах синтаксических конструкций

	Иму	*Имуть*	*Имамь*	*Учьну*	*Стану*	*Буду*
Условный протасис с условным союзом	9 5.2 %	4 3 %	7 3.5 %	17 8.5 %	**35** **16 %**	8 7.5 %

Условный протасис без условного союза	**25** **14.5 %**	6 4.5 %	0	**43** **22 %**	**30** **14 %**	4 4 %
Придаточные времени	3 2 %	4 3 %	1 0.05 %	7 3.5 %	**18** **8 %**	8 7.5 %
Относительные придаточные	**130** **75.5 %**	**32** **24 %**	8 4 %	**116** **59 %**	**50** **23 %**	**19** **18 %**
Придаточные изъяснительные	0	**13** **10 %**	**9** **4.5 %**	1 0.5 %	0	**5** **5 %**
Уступительные	0	0	0	1 0.5 %	**8** **3.6 %**	0
Причины	0	8 6 %	**20** **10 %**	0	1 0.4 %	1 1 %
Целевые с *да (не)*	0	**2** 1.5 %	3 1.5 %	1 0.5 %	0	**4** **4 %**
Аподосис условных и соотносительных предложений	2 1.2 %	**31** **23.5 %**	**63** **31 %**	2 1 %	**15** **7 %**	**27** **25 %**
Вопрос	1 0.6 %	3 2 %	**26** **13 %**	0	5 2 %	3 3 %
Независимые конструкции	2 1.2 %	**29** **22 %**	**65** **32 %**	9 4.5 %	**57** **26 %**	**28** **26 %**
Всего	172 100 %	132 100 %	202 100 %	197 100 %	219 100 %	107

Данные таблицы показывают, что перифразами с самой широкой сферой функционирования были *имамь* + *инфинитив, стану* + *инфинитив* и в особенности *буду* + *инфинитив*. *Имамь*-перифраза, как известно, ограничена только книжной сферой и употребляется преимущественно в независимых предложениях и в аподосисе условных конструкций. *Имамь* + инфинитив была также конструкцией, наиболее типичной для изъяснительных придаточных.

Иму-перифраза имеет узкую сферу употреблений: она специализировалась на условных и относительных придаточных. В остальных синтаксических конструкциях ее употребления единичны.

Как было показано выше, *учьну*-конструкция хронологически сменяет *иму*-конструкцию, наследуя ее узкую сочетаемость с глаголами. Это подтверждается и в сфере синтаксиса: *учьну* + *инфинитив* специализируется на тех же типах конструкций, что и *иму* + *инфинитив* (условных и относительных придаточных) и маргинальна в независимых предложениях. Такая специализация на фоновых контекстах показывает, что *учьну* + *инфинитив* появилась именно как замена «старой» *иму*-конструкции, и обе перифразы можно назвать **неассертивным сложным будущим для фоновых контекстов** – аналогом «второго будущего» в современном сербохорватском языке.

Стану-перифраза представлена примерно в равной степени широко в самых разных синтаксических типах предложений с небольшой тенденцией к специализации на условных, временных и относительных придаточных.

В ассертивных контекстах употреблялись наряду с книжной *имамь*-конструкцией, прежде всего, *стану*- и *буду*- перифразы, которые, как показано выше, обладают и более высокой частотностью типов. Обе перифразы в целом в XVII в. имеют все еще довольно низкую частотность, что не позволяет признать ни одну из них грамматикализованным будущим. Заметно, однако, как они постепенно вытесняют *имамь*-конструкцию: ее частотность снижается именно в XVII в. (см. таблицу 1 выше). Единственным существенным различием между *стану*- и *буду*-перифразами является то, что *стати* имеет возможность сочетаться с инфинитивом не только в презенсе, но и в прошедшем времени. Не обнаруживается и стилистических различий между *стану* + *инфинитив* и *буду* + *инфинитив*: эти перифразы представлены в корпусе и в деловых памятниках, и в летописях, и в исторических повестях, и в житиях.

Попробуем все же найти то, что отличало *стану* + *инфинитив* от *буду* + *инфинитив* и тем самым воспрепятствовало первой конструкции занять место сложного будущего, уступив место *буду* + *инфинитив*. Эта проблема уже затрагивалась в работе О. Свана, который приходит к выводу, что *буду* как наиболее «пустой», не имеющий никаких модально-фазовых оттенков вспомогательный глагол сменяет *стану* в сочетаниях с инфинитивами несовершенного вида: заимствуемая польско-рутенская модель как бы накладывается на великорусскую [Swan 2012].

На материале современного русского языка различия между *стану* и *буду* подробно исследованы в работах Н. Стойновой. Показано, что *стать*, в отличие от *быть*, требует контекста с сильным инхоативным компонентом (акцентом на начальной фазе) и отчетливого контраста с настоящим. По этой причине *стану*, в отличие от *буду*, не употребляется в контекстах со значением «постоянного отношения», в генерических контекстах и в общефактическом значении. Эти ограничения на употребление *стану* + *инфинитив* могут, однако, сниматься в отрицательных контекстах: ‘будет иметь место’ ≠ ‘начнется’; ‘не будет иметь места’ ≈ ‘не начнется’; – актуализуется контраст с моментом речи или с ожиданиями адресата [Стойнова 2016].

По-видимому, указанное выше во многом справедливо и для языка рассматриваемого периода, несмотря на то что *стати* имел в это время более широкую сочетаемость в сравнении с современным *стать*, он не употреблялся с предикатами постоянного отношения типа *подлежати*, *умѣти* (5–6) и в генерических контекстах (7–8), в которых возможна перифраза *буду* + *инфинитив*:

(5) "Аще,—молвлю,—и добуду грецким умѣющаго, або латинским, но словеньский не **будут умѣти**" [Андрей Курбский. Послание Марку Сарыхозину (1564-1583)];

(6) аще іеромонахъ **подлежати будетъ** изверженію, и того послати изъ монастыря ко архіерею [Грамота Питирима, митрополита новгородского и великолуцкого, в Иверский монастырь о запрещении инокам и инокиням проживать у мирских людей и о надзоре за монастырским благочестием (1668)];

(7) подобает вам, держащимся их, почитающим их, служащим их, огнем сожигати вместо собя, то сами **не будете горети** *в бесконечные веки*, да и зде приимите благодать божию [Бельский летописец (1630-1635)];

(8) Та лоза знаменует, иже из моего роду будет много государей, всяко же, аднако *завсегда* один **будет** другаго **перемогать**, яко та лоза указует. [История вкратце о Бохеме (1650-1675)].

При этом нельзя не обратить внимание на тот факт, что все процитированные выше источники в той или иной степени связаны с западнорусскими территориями.

2. Перифраза *буду + л-РТСР*

Формы предбудущего (второго будущего, сложного будущего II) представляют собой аналитическую конструкцию, возникшую еще в праславянском языке, которая образуется с помощью вспомогательного глагола от основы *буд-* в презенсе и *л*-причастия (ниже – *буду* + *л*-РТСР), ср.:

(9) аще по моемь ѿшествии свѣта сего аще буду бу оугодилъ и при□лъ мѧ будеть бъ, то по моемь ѿшествии манастырьсѧ начнеть строити и прибывати [Повесть временных лет].

Конструкция *буду* + *л-РТСР*, некогда употреблявшаяся во всех славянских языках, имеющих раннюю письменность, засвидетельствована в русской письменности примерно до середины XVII в., ср. одно из последних употреблений в Пискаревском летописце с *правильным* образованием в первой клаузе и *неправильным* во второй (аорист вместо *л*-формы) (10), фактически воспроизводящее устойчивую формулу из более ранних текстов (11):

(10) Аще ли же буду кого в опитимию вложил или невниманием или паки благословною [так!] виною, а [тот] не будет поисках разрешения… [Пискаревский летописец (1600-1650)]);

(11) Аще ли же буду кого въ епитемью вложил, или невниманиемь, или пакы и благословною виною, а не будет поискал разрѣшенья, а в томь забытьи

учинилася смерть, или буду кого училъ, а онъ будет ослушался, всѣх имѣю о Святемъ Дусѣ разрѣшеных и прощены, и благословены, и молюся человеколюбцу Богу, да отпустит имъ [Новгородская Карамзинская летопись. Вторая выборка (1400-1450)]

Дальнейшая судьба этой конструкции была такова: в своей исконной функции в сочетании с совершенным и несовершенным видом ее сохранил только сербохорватский язык; в словенском эта перифраза сохранила свою сочетаемость с обоими видами, но эволюционировала в аналитическое будущее; такова же функция этой перифразы в польском и кашубском, однако сочетаемость конструкции ограничена только глаголами несовершенного вида; в великорусских, старобелорусских говорах и почти на всей украинской территории предбудущее было утрачено. Среди современных восточнославянских языков и диалектов форма, восходящая к праславянскому предбудущему, сохранилась только на самом западном крае восточнославянских говоров: в западноукраинском, и в карпаторусинском (Лемковский диалект), превратившись в неретроспективное аналитическое будущее глаголов НСВ. При этом исконная ретроспективная функция, как и формы совершенного вида, в перечисленных идиомах утрачены – по-видимому, под влиянием польского языка, в котором такая эволюция произошла, очевидно, еще в дописьменную эпоху [Пенькова 2018] (ср., однако, иную точку зрения в [Whaley 2000]).

В связи с этими фактами возникает закономерный вопрос, почему польское и западнорусское влияние не способствовало превращению предбудущего в аналитическое будущее в великорусских говорах и литературном языке, в то время как другая перифраза с тем же вспомогательным глаголом *буду* + *инф.НСВ*, заимствованная из польского через западнорусское посредство, легко утвердилась в русском языке как аналитическое будущее глаголов НСВ?

Перифраза *буду* + *л-РТСР* в великорусских говорах послужила одним из источников союза и частицы *буде*. В старорусских памятниках уже в XV в. появляются первые признаки того, что конструкция подверглась синтаксическому реанализу: случаи рассогласования между вспомогательным глаголом и *л*-формой (12) и случаи употребления форм аориста или презенса в сочетании с вспомогательным *буду* свидетельствующие о том, что предикативный центр целиком сместился на *л*-форму – фактически форму прошедшего времени (13):

(12) И которые **будет** [вм. будут] люди **разошлися** по иным местом ис тое деревни, а приедут опять в ту деревню те же люди старожилцы, и тем людем на пять лет не надобе им никоторая моя дань [великий князь Василий

Васильевич. Жалованная несудимая и льготная грамота в. кн. Вас. Васильевича приписному Богородицкому Успенскому на Воинове горе м-рю на его владения в Аргуновской вол. Переясл. у (1436)];

(13) А и где **буду погрѣших** [вм. погрешилъ], отъ своего неразумиа, о тѣх странских древних пословицъ или будет где посредѣ тѣх святых книг написано ложное и отреченное слово святыми отцы, а мы того не възмогохом исправити и отставити, и о том отъ Господа Бога прошу прощениа за молитвъ всѣх святых, иже в книгах сих написанных. [Из Великих Миней Четьих митрополита Макария. Сентябрь. Летописец (1530-1554)].

Различные аспекты процесса деграмматикализации предбудущего подробно рассматриваются в [Andersen 2006 a], [Пенькова 2010, 2012, 2014]. Согласно [Andersen 2006 a], с XV в. предбудущее становится малоупотребительным и окончательно прекращает существовать к середине XVI в. Некоторые из его выводов уточнены в [Пенькова 2010, 2012, 2014]. В частности, показано, что в XV в. наблюдается не сокращение, а, напротив, рост частотности *буду* + *л*-РТСР в деловой письменности Центра.

Несмотря на довольно подробную изученность вопроса о происхождении условного союза *буде*, динамика этого процесса в перечисленных исследованиях рассматривалась на ограниченном материале памятников, тогда как имеющиеся в настоящее время ресурсы старорусского модуля в рамках Национального корпуса русского языка позволяют верифицировать эти выводы и внести необходимые корректировки, исследовав этот процесс на большом объеме памятников различной жанровой принадлежности и временной локализации.

2.2. Предбудущее в старорусской письменности

Старорусский корпус в объеме текстов XV–XVI вв. включает примерно 4 млн. употреблений, что позволяет опираться на достаточно надежную и убедительную статистику. Поскольку объем корпуса текстов XV в. в три раза меньше корпуса XVI в. (примерно 1 млн. и 3 млн. словоупотреблений соответственно), принято решение вести подсчет по памятникам XV в. в целом в сопоставлении с данными первой и второй половины XVI в. отдельно. Результаты показывают обоснованность такого подхода: тексты первой и второй половины XVI века демонстрируют существенное расхождение в частотности рассматриваемых конструкций. Материал XVII в. исключен из рассмотрения потому, что основные изменения в функционировании рассматриваемой конструкции происходят именно в XV–XVI вв.

Решено также отдельно подсчитывать употребления предбудущего в форме 3 л. ед.ч. и всех прочих лиц, поскольку именно форма 3 л. ед.ч. вспомогательного глагола послужила источником для условного союза *будет* и является, таким образом, непоказательной. Иными словами, встречая в старорусских памятниках XV–XVI вв. форму типа *будетъ поималъ* по отношению к третьему лицу, мы не можем судить наверняка о грамматическом статусе *будетъ*. Показательны только формы первого-второго лица обоих чисел, а также 3 л. мн. ч., сохраняющие согласование или, напротив, утратившие таковое. Для сравнения мы также приводим данные об употреблении форм *будеть* и *буде* в контексте с презенсом. *Буде* может представлять собой как архаизм, так и инновацию. С одной стороны, еще в древнерусской письменности известен т.н. «нулевой презенс», восходящий к древнему инъюнктиву, присоединявшему вторичные окончания, ср.:

(14) ѡжь **аль будь** матѳьеца, добрь скуеть (БГ № 411, 1280–1300 гг.).

С другой стороны, *буде* может быть дальнейшей ступенью грамматикализации *будеть*, на которой изменения затронули уже не только значение и функцию, но и фонетический облик слова (ср. фонетическую редукцию в другом условном союзе *–естьли → если*). Данные старорусского корпуса позволяют однозначно установить, что перед нами: нулевой презенс или фонетическая редукция (см. об этом ниже).

Ниже в таблице приведены результаты подсчетов употреблений конструкций *буду + л-РТСР*, *будетъ + PRS* и *буде + PRS/л-форма* в старорусской письменности. После знака «/» приведено общее количество примеров в тот или иной период:

Таблица 4

Предбудущее и производные конструкции в старорусских памятниках XV–XVI вв.

Тип конструкции	**XV в.**	**1 пол. XVI в.**	**2 пол. XVI в.**
Буду + л-РТСР (кроме 3 л. ед. ч.): **с правильным согласованием**	**55/102**	**4**	**4/41**
будетъ + л-РТСР (**только формы** 3 л. ед. ч.).	**41 /102**	**4**	**28/41**
Буду + л-РТСР (кроме 3 л. ед. ч.): **согласование нарушено**	**6 /102**	**3**	**19/41**
Будетъ + PRS	**4**	**12**	**189**
Буде + PRS/л-РТСР	**0**	**0**	**10**

Полученные данные позволяют заключить, что XV в. во многом еще примыкает к древнерусскому периоду (ср. также выше то же наблюдение относительно перифраз с инфинитивом), так как конструкция *буду* + *л-РТСР* в этот период сохраняет согласование в 90 % релевантных случаев (55 из 61), из числа которых, по указанным выше соображениям, исключены формы 3 л. ед. ч. (102 – общее число употреблений включая формы 3 л. ед.ч.). Напротив, согласование утрачено только в 10 % случаев. Конструкции *будетъ* + *PRS* в это время единичны: только один пример в текстах 1-й половины XV в. (с формой 1-го, а не 3-го лица) и три в памятниках второй половины XV в.:

(15) Аще паки, господине, **буду** священаа или святаа церковнаа **краду** или манастырьскаа, олаголай мя перед собою и мною, да постыжусь преже падения. [инок Троице-Сергиева монастыря Симон. Формулярный извод исповедной грамоты инока Троице-Сергиева монастыря Симона к его духовному отцу некоему священноиноку (1492)].

Таким образом, в текстах XV в. примеры типа *будеть поималъ* еще можно считать единой конструкцией – предбудущим в форме 3 л. ед.ч., а *будетъ* – вспомогательным глаголом.

В первой половине XVI в. частотность конструкции существенно снижается, а случаев употребления *будетъ* в контексте с формами презенса становится больше, однако по-прежнему очень мало для того, чтобы признать *будетъ/буде* служебным словом – условным союзом. Условный союз, очевидно, должен иметь частотность, сопоставимую с другими единицами подобного уровня: к примеру, союз *аще* в текстах 1 пол. XVI в. употребляется 2341 раз, а новый в языке XVII в. союз *если/естли* в текстах XVII в. употребляется 109 раз. Общее число употреблений *будетъ,* даже если мы прибавим к ним контексты с нарушенным согласованием и непоказательные контексты с формами 3 л. ед. ч., все равно будет во много раз ниже, чем у *если/естли*.

Частотность, сопоставимую с новым союзом *если*, *будетъ*/*буде* демонстрирует уже во второй половине XVI в. В этот период картина снова существенно изменяется: примеров с верным согласованием между вспомогательным глаголом и *л*-формой всего 4, что составляет примерно 17 % от контекстов, релевантных в этом отношении.

Таким образом, со второй половины XVI в. *будетъ поималъ* следует рассматривать уже не как единую конструкцию, а, скорее, как употребления условного союза или модальной частицы и формы прошедшего на *л*-. Время утраты конструкции *буду* + *л*-РТСР, таким образом, – первая половина XVI в.

Данные таблицы об употреблении *буде*, судя по всему, свидетельствуют о том, что мы имеем дело не с нулевым презенсом, как в примере (14), а с дальнейшей грамматикализацией *будетъ*, при которой вслед за семантическими и функциональными

изменениями происходит фонетическая редукция. Так, в текстах XV в. – первой половины XVI в. не встретилось ни одного случая с *буде* в конструкции с *л*-формой или формой презенса, тогда как во второй половине XVI в. таких примеров уже 10.

Выводы

Корпусное исследование позволило выявить различия в функционировании системы конструкций с референцией к будущему в среднерусской письменности, которые невозможно обнаружить традиционными филологическими методами Полученные результаты имеют и практическое значение: они могут быть использованы при морфологическом аннотировании старорусского корпуса НКРЯ.

Во-первых, выявлены различия в количественной частотности и в широте сочетаемости с глаголами. В XV в. численно преобладает конструкция с вспомогательным *иму*, тогда как в XVI–XVII вв. резко преобладает конструкция с вспомогательным *учьну*, а перифраза с *иму* уходит на периферию достаточно рано. Примеры употребления этой перифразы в памятниках XVI–XVII вв. являются в основном воспроизведением контекстов из более ранних текстов.

Наследницей *иму*-конструкции является перифраза *учьну* + *инфинитив*, которая замещает *иму*-конструкцию во всех ее типах употребления. *Учьну,* заменяя *иму*, наследует и его стилистическую маркированность, что, по-видимому, и является причиной ее маргинализации в языке XVIII в. Форма 3 л. мн. ч. *имуть* уже с XVI в функционирует в основном как форма вспомогательного глагола *имѣти*.

Сочетаемость с глаголами (т.н. частотность типов) у рассматриваемых конструкций также различается: для конструкций с *иму* и *учьну* она существенно ниже, чем для конструкций с вспомогательными *стану* и *буду*, что свидетельствует о более «молодом» и «перспективном» статусе последних.

Ни одна конструкция с инхоативами из рассмотренных нами не может быть признана аналитическим будущим глаголов НСВ в среднерусский период. Конструкции с *стану* и *буду,* в этот период обладающие самой широкой синтаксической свободой и самой широкой типовой частотностью, все же достаточно слабо грамматикализованы, в отличие от *учьну* + *инфинитив*, которая обладает очень высокой количественной, но низкой типовой частотностью. Эту конструкцию можно было бы признать формой аналитического *будущего* только для неассертивных контекстов (условных и относительных придаточных), т.е. аналогом различным формам второго будущего в сербохорватском литературном языке и в диалектах.

Данные нашего анализа едва ли подтверждают выводы О. Свана [Swan 2012] о том, что аналитическое будущее НСВ уже сформировалось в среднерусский период, и в дальнейшем произошла лишь замена вспомогательного глагола *стану* на *буду*. В среднерусский период русский язык, судя по всему, еще не имеет аналитического будущего для глаголов НСВ.

Очевидно, конструкция *буду* + *л*-РТСР не могла претендовать на роль будущего времени, поскольку появление и тем более широкое распространение перифразы *буду* + *инфинитив* происходило тогда, когда формы предбудущего времени в русском языке уже не существовало, в отличие от многих других славянских языков, в которых, видимо, именно конкуренция и контекстная синонимия между *буду* + *л-причастие* и *буду* + *инфинитив* привела к утрате ретроспективного компонента в семантике предбудущего и к вытеснению форм СВ (см. об этом [Пенькова 2018]).

Литература

Андраш Золтан, 2018: Венгерское сложное будущее в славянском контексте. (Ред.) Н. Запольская, М. Обижаева. *Восьмые Римские Кирилло-Мефодиевские чтения. Материалы конференции. (Рим – Флоренция, 5–10 февраля 2018 г.).* М.: Индрик. 65–70.

Петр С. Кузнецов, 2002: *Очерки по морфологии праславянского языка*. М.: УРСС.

Александр М. Молдован, 2010: К истории фазового глагола стать в русском языке. *Русский язык в научном освещении* № 19 (1). 5–17.

Яна А. Пенькова, 2010: *Будеть* как источник формирования служебных слов (на материале деловых памятников XII-XV веков). (Ред.) М.Л. Ремнева, С.В. Князев. *Вопросы русского языкознания* XIII. Фонетика и грамматика: настоящее, прошедшее, будущее. К 50-летию научной деятельности Софии Константиновны Пожарицкой. М.: Изд-во МГУ. 208–215.

Яна А. Пенькова, 2012: *Финитные образования от основы буд- в языке памятников русской письменности XII – первой половины XVI вв. (морфология, семантика, синтаксис)*. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М.

Яна А. Пенькова, 2014: К вопросу о семантике так называемого будущего сложного II в древнерусском языке (на материале «Жития Андрея Юродивого»). *Русский язык в научном освещении* № 1 (27). 150–184.

Яна А. Пенькова, 2014 а: Будущее сложное второе в деловых памятниках XV в. и проблема происхождения условного союза. *МАПРЯЛ 2014. Теоретико-*

практическое изучение русского языка и его сопоставительно-типологическое описание. Велико-Тырново: Ивис. 378–382.

Яна А. Пенькова, 2016: Семантика славянского второго будущего и некоторые типологические параллели. *Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова* X. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН. С. 475–488.

Яна А. Пенькова, 2017: К истории славянского второго будущего: пути семантической эволюции. *Die Welt Der Slaven* 62 № 2. 247–276.

Яна А. Пенькова, 2018: Славянское второе будущее: семантика, структурные особенности и эволюция. *Славянское языкознание*. XVI Международный съезд славистов. Белград, 2018. Доклады российской делегации. М.: Институт славяноведения РАН. 225–243.

Яна А. Пенькова, 2018 а: От ретроспективности к проспективности: грамматикализация предбудущего в языках Европы. *Вопросы языкознания* № 2. 53–70.

Наталья М. Стойнова, 2016: *Аналитическая конструкция будущего времени*: На правах рукописи. М. <http://rusgram.ru)>

Мария Н. Шевелева, 2008: О судьбе древнерусских конструкций с независимыми формами глагола *быти* в русском языке. *Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология* № 6. 34–57.

Мария Н. Шевелева, 2017: К проблеме грамматической семантики конструкций типа *имать быти* vs. *хочеть быти* в ранних восточнославянских текстах. *Русский язык в научном освещении* № 2 (34). 194–218.

Ирина С. Юрьева, 2009: *Семантика глаголов имѣти, хотѣти, начати (почати) в сочетаниях с инфинитивом в языке древнерусских памятников XII-XV вв*. КД. М.

Ирина С. Юрьева, 2010: Инфинитивные сочетания с глаголами *имамь* и имоу в древнерусских текстах. *Русский язык в научном освещении* №2 (22). 68–88.

Ирина С. Юрьева, 2017: Грамматические особенности текста Киевской летописи. Предисловие. *Киевская летопись*. Изд. подгот. И.С. Юрьева. М.: Издательский Дом ЯСК. 15–24.

Hening Andersen, 2006: Future and future perfect in the Old Novgorod dialect. *Russian Linguistics* 30 No. 1. 71–80.

Hening Andersen, 2006 a: Periphrastic futures in Slavic. Divergence and convergence. Eksell, K., T. Vinther (eds.). *Change in verbal systems. Issues in explanation*. Bern: Peter Lang. 9–45.

Östen Dahl, 2000: The grammar of future time reference in European languages. Dahl, Ö. (ed.). Tense and Aspect in the Languages of Europe, Berlin / New York: Mouton de Gruyter. 309–328.

James Ferrell, 1953: On the aspects of byt' on the position of the Periphrastic Imperfective future in contemp. Russian. *World* No 2. 362–376.

Helena Křížková, 1960: *Vývoj opisného futura v jazycích slovanských, zvláště v ruštině*. Praha: Státní pedagogické nakladatelství.

Michael Moser, 1998: *Die polnische, ukrainische und weißrussische Interferenzschicht im russischen Satzbau des 16. und 17. Jahrhunderts*. Frankfurt/Main etc.: Peter Lang. 303–330.

Mina Norvik, 2012: Perifrastic future devices in Salaca Livonian. *Linguistica Uralica* Vol. 48 No. 1. 27–40.

A.E. Pennington, 1968: Future Periphrases in 17th-Century Russian: Some Evidence from Translated Material. *The Slavonic and East European Review* XLVI No. 106. 31–47.

Martina Orožen, 1965: *Zgodovinski razvoj futuralnih in modalnih gramatičnih oblik v knjižni slovenščini od 16. do 19. Stoletja*. *Disertacija*. Ljubljana.

Oscar E. Swan, 2012: Why budu? *Russian Linguistics* 36. P. 305–318.

M.L. Whaley, 2000: *The evolution of the Slavic 'BE(COME)'-type compound future*. PhD Dissertation. The Ohio State University.

Источники

БГ – Андрей А. Зализняк, 2004: *Древненовгородский диалект. 2-е издание, переработанное с учетом материала находок 1995–2003 гг.*, М.: Языки славянской культуры.

НКРЯ – *Национальный корпус русского языка* http:/www.ruscorpora.ru

СРНГ – *Словарь русских народных говоров*. Вып. 48. Уроса–ушиб. Мызников С.А. (гл. ред.), Кузнецова О.Д. (ред.), Гайдамашко Р.В., Коваленко К.И., Крылова О.Н. (пом. ред.), Бакланова И.В., Колосова В.Б., Крылова О.Н., Сьянова Е.И. (сост.). СПб.: Наука, 2015.

П. В. Петрухин

Бытовая графическая система берестяных грамот в свете истории и типологии письменных систем

В статье А. А. Зализняка [1982б] «Противопоставление книжных и «бытовых» графических систем в древнем Новгороде» был выдвинут и обоснован тезис о существовании на Руси особой «бытовой» системы письма, характеризовавшейся регулярным смешением некоторых букв, которые в графической системе книжной древнерусской письменности обозначали разные звуки и в норме не смешивались. Вкупе с вышедшей в том же году статьей [Зализняк 1982а], доказавшей отсутствие второй палатализации в древненовгородском диалекте, эта работа положила начало новому этапу в лингвистическом изучении берестяных грамот.

В [ДНД$_2$: 23] вышеупомянутый тезис сформулирован следующим образом: «Бытовая графическая система отличается от книжной наличием хотя бы одного из следующих явлений: 1) смешение *ъ* с *о*; 2) смешение *ь* с *е*; 3) смешение *ѣ* с *е* (и его эквивалентами) и/или с *и*. Кроме того, новгородская бытовая графическая система характеризуется наличием систематического смешения *ц* с *ч*, тогда как в новгородской книжной письменности это смешение присутствует лишь в качестве погрешности (хотя и довольно распространенной) против общей установки писца на этимологически правильное распределение *ц* и *ч*» [ДНД$_2$: 23]. Подробно вопрос разбирается в [НГБ VIII: 100-105] и [Зализняк 2002].

Согласно А. А. Зализняку [2002: 597-601], формирование бытовой графической системы обусловлено особенностями обучения чтению на Руси, а именно книжным произношением и «чтением по складам». Б. А. Успенский, посвятивший подробные исследования указанным явлениям, пишет: «В русском книжном произношении XI–XII вв. (до падения редуцированных в живой русской речи) буква **ъ** читалась так же, как буква **о**, а буква **ь** – так же, как буква **є**; различение соответствующих букв на письме имело, таким образом, чисто орфографическую значимость. Это произношение было противопоставлено живому разговорному произношению, где различались рефлексы **ъ* и **о*, **ь* и **е*. Книжное произношение еров усваивалось в процессе обучения церковнославянской грамоте, т. е. при обучении по складам склады **бо** и **бъ**, **бє** и **бь** должны были произноситься одинаково – иначе говоря, склад **бъ** учили, видимо, читать «буки еръ – бо», а склад **бь** учили читать «буки ерь – бе» (между тем, склад **бо** учили читать «буки онъ – бо», склад **бє** – «буки есть – бе»)» [Успенский 1997: 145].

Тем самым, обучение чтению по складам формировало восприятие букв в парах *ъ – о* и *ь – е* как взаимозаменимых. Закономерным образом смешение этих букв довольно часто встречается в древнерусской письменности, однако если в книжных текстах и пергаменных документах (за исключением списка А Смоленского договора) оно носит спорадический характер и в целом очевидно избегалось писцами как ошибочное, то в значительной части берестяных грамот данное смешение (в той или иной разновидности) выступает как вполне последовательное, образуя особую графическую систему, обозначенную А. А. Зализняком как «бытовая».

О том, какую роль играло «чтение по складам» в усвоении навыков чтения и письма авторами берестяных грамот, свидетельствуют сами эти грамоты. Во-первых, это целый ряд текстов, содержащих списки слогов, ср. прежде всего блог грамот мальчика Онфима (1240–1260) (№ 199, 201, 204, 206), а также грамоту № 623 (1360–1380→). Во-вторых, это тексты, написанные с разделением слов на слоги при помощи точек или двоеточия, ср., в частности, грамоту № 915 (1050–1075):

ѿ : ро:жнѣ:та : къ : къ:снѧ:ти:ноу : вь:зѧ-

лъ : е:си : оу : о:тро:{к}ка : мо:е:го : к · :е:вѣ

гри:вь:ноу : се:ре:бра : при:съ:ли : коу:н ·

о:же : ли : не : при:съ:ле:ши то : ти : въ : по:л ·

Аналогичное деление на слоги представлено в грамотах Ст. Р. 36 (1140–1160), № 422 (1140–1160), № 112 (1200–1220→), № 651 (1200–1220), № 707 (←1280–1300), № 412 (1260–1280→).

Еще одно любопытное явление, непосредственно связанное и с бытовой графической системой, и с чтением по складам, – берестяные грамоты с так называемым «эффектом скандирования». Согласно определению А. А. Зализняка, «скандирующий принцип записи (или, иначе, эффект скандирования) состоит в том, что за любой согласной буквой на письме должна следовать гласная буква (в число таковых считаются входящими также *ъ* и *ь*). Если на фонетическом уровне гласной нет (т. е. если перед нами конечная или предконсонантная согласная), то пишется *ъ* или *ь* (в бытовой графической системе соответственно *о* или *е*) — в зависимости от твердости или мягкости согласной. <…> На практике, правда, скандирующий принцип обычно реализуется не совсем последовательно: некоторые сочетания согласных всегда или хотя бы иногда остаются в обычном виде (чаще других это касается сочетаний *ст*, *ск*, *сп* и сочетаний типа «согласная + *л* или *р*»)» [ДНД$_2$: 35]. Зализняк отмечает, что «бытовые системы письма, по-видимому, формировались под значительным влиянием приемов чтения и записи по складам[50], принятых при обучении грамоте <…> Неслучайно, в частности, что именно в рамках бытовых систем письма может развиваться скандирующий принцип записи (типа *солово, доругое*), соответствующий тому предельному варианту чтения по складам, при котором консонантные сочетания разбиваются на отдельные склады; графический слог здесь всегда имеет вид CV (т. е. соответствует при самодиктанте простейшему типу склада). Скандирующий принцип — это, конечно, утрированная форма выражения тенденции к графическим слогам вида CV <…> Однако общая тенденция к графическим слогам вида CV, очевидно, была свойственна не только авторам грамот с последовательным скандированием, но, в более умеренной форме, также и многим другим носителям бытовых систем письма; ср. единичные отклонения в сторону скандирования, наблюдаемые во многих грамотах, а также написания типа *Тимоще* 78, *браце* 531, где графический вид CV в сущности достигается искусственно — благодаря записи сочетания согласных с помощью одиночной буквы» [НГБ IX: 253-254].

Помимо того, что скандирующий эффект встречается почти исключительно в берестяных грамотах, написанных «по-бытовому», о взаимосвязи этих двух явлений свидетельствует их хронологическое распределение: как тексты, написанные по бытовой системе, так и тексты с эффектом скандирования чаще всего встречаются в XIII в. Относительно первых ср. схему в [Зализняк 2002: 608]:

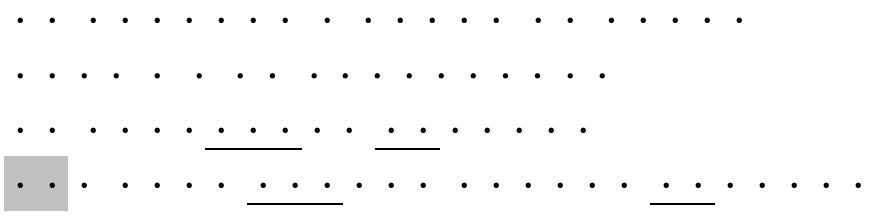
[50] Под «записью по складам» здесь, вероятно, подразумеваются списки складов, подобные тем, которые сохранились в записях Онфима, так как нет свидетельств о том, что в процессе обучения грамоте целенаправленно учили писать по складам.

Существенно, что наряду с двухбуквенными складами вида CV (гласный + согласный) в состав традиционных складов, заучивавшихся в ходе обучения грамоте, входили также трехбуквенные вида CCV. «Трописменнїи слози» являются непременным элементом восточнославянских букварей XVII в. При этом «в состав сочетаний, образующих слоги, входили — в букварях великорусского извода — сочетания с «редуцированными» *ъ, ь*, т. е. сочетания типа *бъ, бь, бръ, бръ* и т. п.[51], которые и понимались, таким образом, как совершенно равноправные слоги. Соответственно, например, слово «столъ» воспринималось не как односложное, а как двусложное: *сто-лъ*, слово «тельца» как трехсложное: *те-ль-ца* и т. п.» [Успенский 1970: 91]. Об актуальности трехбуквенных складов для языкового сознания авторов берестяных грамот свидетельствуют грамоты, в которых словоформы разделены на слоги при помощи точек, ср. приведенную выше грамоту № 915.

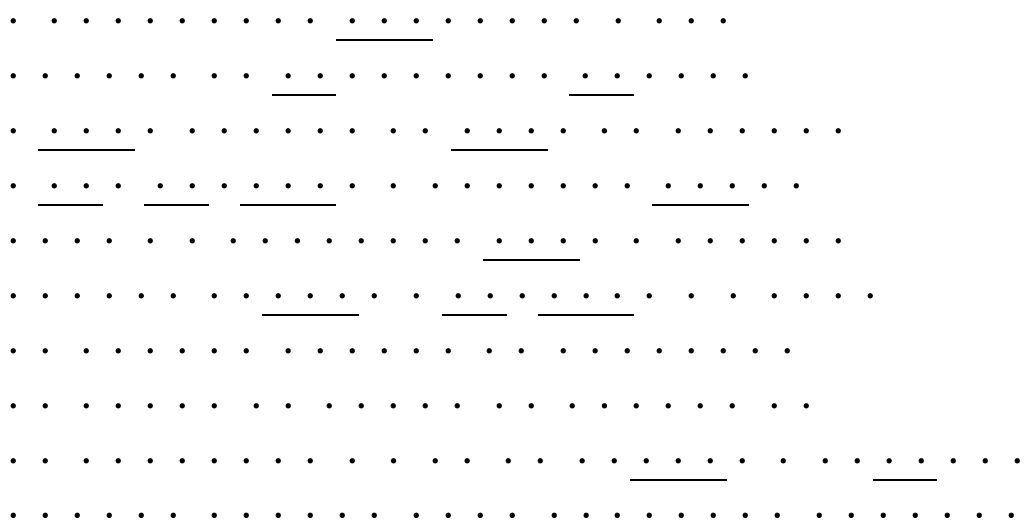
Следовательно, основу скандирующей записи составляли не только двухбуквенные склады типа CV, но и трехбуквенные типа CCV. Ясно, что в складах типа CCV были представлены только такие сочетания согласных, которые в принципе допускались в праславянском (resp. раннедревнерусском), в последнем же, как известно, имелся очень ограниченный набор допустимых консонантных сочетаний, полностью приведенный в [Lunt 2001: 34] (курсивом обозначены сочетания, встречающиеся лишь в одном слове):

sp	**st**	**sk**	*sc*	*sx*	**sv**	**sr**	**sl**	**sm**	**sn**	**pr**	**pl**	**plj**	*pn*	**tv**	**tr**	*tn*		**kr**	**kl**	**klj**	*kn*		**cv**
zb	*zd*	*zg*		*zʒ*	**zv**	**zr**	**zl**	*zm*	**zn**	**br**	**bl**	**blj**	*bn*	**dv**	**dr**	*dn*	*dm*	**gv**	**gr**	**gl**	**gn**	*gnj*	**ʒv**
					xv	**xr**	**xl**		*xn*	**vr**	**vl**												
spr	*spl*	*splj*	*stv*	**str**	**skr**	*skv*	*skl*	*sklj*	**skvr**		*scv*	*sxv*	**čr**	**čl**		**št**	*šv*	*šlj*	*šnj*	*štvlj*		*štr*	
zbr	*zbl*	*zblj*	*zdv*	*zdr*	*zgr*	*zgv*	*zgl*						**žr**	**žl**	*žlj*	*žd*			*žnj*				*ždrj*

Этим объясняется такой крайне любопытный феномен, как наличие целой группы берестяных грамот, относящихся ко времени после завершения процесса падения слабых редуцированных (по данным берестяных грамот он завершается в 20-е гг. XIII в. [ДНД$_2$: 60]), но по состоянию редуцированных похожих на грамоты, написанные до завершения этого процесса или даже до его начала. Ср., например, грамоту № 366 (←1360–1380):



[51] «Так во всех печатных московских букварях XVII в. (и, естественно, во всех старообрядческих букварях), а также во многих букварях XVIII в.» [Успенский 1970: 91]. Как отмечает Б. А. Успенский, «в церковном произношении Московской Руси, по крайней мере в первой половине XVII в., редуцированные ъ и ь, по всей видимости, еще произносились. Произношение их еще и сейчас сохраняется в церковном чтении старообрядцев-беспоповцев» [Ibid.], ср. [Успенский 1968: 36–39].



В приведенной грамоте выделены буквенные сочетания, где возможно сохранение или пропуск «этимологического» слабого редуцированного или вставка «неэтимологического» гласного. Назовем такие сочетания «релевантными». Сочетания, соответствующие раннедревнерусскому состоянию (назовем их условно «правильными»), подчеркнуты одной чертой; сочетания, не соответствующие раннедревнерусскому состоянию (т. е. с пропуском редуцированного или вставкой «лишнего» гласного), выделены серым цветом. Не учитываются позиции конца слова и предлоги, а также редуцированные в суффиксе *-ьj-*. Как можно видеть, за единственным исключением состояние редуцированных в этой грамоте соответствует раннедревнерусскому: из 20 релевантных сочетаний 19 правильных. Аналогичная картина наблюдается в грамотах Ст.Р. 30 (1180–1200), Пск. 6 (←1260–1280), № 346 (1280–1300), № 390 (1280–1300), № 582 (1280–1300→), № 122 (←1410–1420→), № 293 (←1240–1260). Данные перечисленных грамот приведены в таблице:

Грамота	«Правильные» сочетания	«Вставные» гласные
Ст.Р. 30	75 % (15 из 20)	2
293	79 % (11 из 14)	2
Пск. 6	85 % (17 из 20)	0
346	100 % (7 из 7)	0
390	90 % (18 из 20)	2
582	75 % (6 из 8)	0
366	95 % (19 из 20)	0
122	80 % (8 из 10)	0

Таким образом, оказывается, что написанный с использованием приемов скандирования текст может походить на раннедревнерусский. Как это возможно? Идет ли речь о случайном совпадении (пишущий случайным образом вставляет гласные туда, где исконно имелись редуцированные, и оставляет нетронутыми консонантные сочетания, где редуцированных не было) или же здесь действует какая-то закономерность?

Напомню, что, согласно А. А. Зализняку, при скандировании «некоторые сочетания согласных всегда или хотя бы иногда остаются в обычном виде (чаще других

это касается сочетаний *ст, ск, сп* и сочетаний типа «согласная + *л* или *р*»)» [ДНД$_2$: 35]. Действительно, в грамотах, включенных в таблицу, именно эти (или похожие) консонантные сочетания чаще всего не разделяются вставными гласными. Так, грамота Ст.Р. 30, по Зализняку, «вполне возможно <…> отражает уже позднедревнерусское состояние, а вставка *о* или *е* подчиняется чисто механическому правилу: согласная + *р* (вероятно, также + *л*) и сочетания *ст, дв* на письме не разделяются, в прочих двусогласных сочетаниях и любых трехсогласных пишется вставная гласная (реально встретились *ц–т, т–с, т–ѳ, л–в, т–ст, с–пр*)» [ДНД$_2$: 449].

Что же стоит за этим «чисто механическим правилом»?

Как известно, падение редуцированных привело к возникновению в разговорном восточнославянском новых, ранее невозможных сочетаний согласных, однако, учитывая консервативность традиции чтения по складам, есть все основания полагать, что набор заучиваемых складов остался в основном неизменным, и именно на эти склады продолжали ориентироваться авторы берестяных грамот, написанных «по-бытовому». Чтобы избежать на письме консонантных сочетаний, чуждых традиционным складам, они могли разделять их буквами *о/ъ* или *е/ь* (в зависимости от твердости или мягкости предшествующего согласного). Результатом могло быть «восстанавливание» на письме исконного (раннедревнерусского) облика словоформ.

Впрочем, конечно, даже неизменное следование данному принципу не могло гарантировать полного «восстановления» раннедревнерусского состояния редуцированных в тексте. Дело в том, что результатом падения редуцированных стало не только образование новых сочетаний согласных, но и распространение старых сочетаний на новые словоформы: так, в словоформе *сто* (< *съто*) сочетание *ст* возникает вследствие выпадения ъ, но такое же сочетание исконно в *столъ, стояти, стъна* и т. д. Следовательно, носитель позднедревнерусского произношения, хорошо усвоивший склады и использовавший скандирующую запись, мог уверенно разделять новые сочетания согласных, но, встречая «старое» сочетание (исконное или образовавшееся вследствие выпадения редуцированного), он оказывался перед выбором — оставить его или разделить. Как показывает материал грамот, пишущий мог выбрать как первое, так и второе решение[52]. На практике, однако, «новые старые» сочетания (типа *ст* в *сто*) попадаются не столь уж часто (чему, конечно, способствует краткость большинства берестяных грамот), поэтому если пишущий последовательно сохраняет «старые» сочетания и разделяет «новые», то с большой вероятность его текст по состоянию редуцированных окажется близок к раннедревнерусской норме. Так устроена, например, грамота № 366, где сохранены все 8 исконных сочетаний согласных (*гр* (4х), *пр, св, тр, сл*) и допущена лишь одна «ошибка» против раннедревнерусской нормы (пропуск *ь* в *цто*). Иначе вышло с грамотой Ст.Р. 30: ее автор, по-видимому, следовал, тому же принципу, что и автор грамоты № 366, однако в его тексте наряду с исконными сочетаниями согласных трижды встретились «новые старые» сочетания: *два* (2х)[53], *сто*, в результате — три пропуска редуцированных. В этом смысле очень показательна форма *стороговале* грамоты Пск. 6, где пропущен исконный ъ в «новом старом» сочетании *ст* и в то же время разделено вставным гласным сочетание *рг*, несомненно отсутствовавшее в составе традиционных складов.

Итак, представленная в берестяных грамотах бытовая графическая система не просто обязана своим появлением чтению по складам, но несет в себе отчетливые следы этой формы обучения грамоте. Новгородцы, усвоившие в склады в ходе обучения

---

[52] Конечно, проще всего следовать принципу разделять гласными любые консонантные сочетания. Вероятно, поэтому в некоторых грамотах (ср. № 293, 390) вставные гласные в исконных консонантных сочетаниях встречаются ближе к концу текста.

[53] Ср. исконные сочетания в *двьрь, дворъ*.

грамоте, продолжали пользоваться ими как своего рода элементарными единицами при письме.

Как можно оценить это явление с точки зрения истории и типологии письма? Известно, что все письменные системы, несмотря на их огромное разнообразие, основаны на некотором универсальном наборе принципов, а развитие письма в самых разных культурах и в разные времена проходило одни и те же стадии. Несколько упрощая, эти стадии можно представить следующим образом: пиктограммы/идеограммы → словесно-слоговое письмо → слоговое письмо → алфавитное письмо. Тем самым, в этой сфере трудно ожидать каких-то уникальных явлений, более нигде и никогда не представленных.

Можно отметить, что многие особенности бытовой графической системы находят аналоги в силлабических системах письма, распространенных, характерных, в частности, для письменностей древнего Востока. Так, И. Е. Гельб [1982: 76] характеризует письменность шумеров следующим образом: «Шумерский силлабарий и развившиеся из него системы состоят из знаков, которые обычно представляют собой слог, оканчивающийся на гласный или на согласный, или, реже, двусложные образования той же структуры». И далее: «Нормальное месопотамское силлабическое письмо содержит знаки типа da, du, dam, dum и т. п., в каждом из которых указан необходимый гласный. Но наряду с этими знаками существуют и такие, как WA, которое читается wa, wi, we и wu, иными словами, как согласный w плюс любой гласный» [Там же: 77]. При этом месопотамские слоговые знаки, по Гельбу, образуются двумя способами:

Рис. 32. Два месопотамских метода образования слоговых знаков.

Метод I	Метод II
Один знак выражает либо ga, либо ka, либо qa	Один знак выражает либо wa, либо wi, либо we, либо wu
Один знак выражает либо gi, либо ki, либо qi	Один знак выражает либо ya, либо yi, либо ye, либо yu
Один знак выражает либо ge, либо ke, либо qe	Один знак выражает либо aḫ, либо iḫ, либо eḫ, либо uḫ
Один знак выражает либо gu, либо ku, либо qu	Один знак выражает либо ḫar, либо ḫir, либо ḫer, либо ḫur

Как можно заметить, здесь действуют похожие принципы, а именно, мена гласных при последовательном различении согласных (ср. мену *ъ – о* и *ь – е – ѣ*) и мена согласных при различении гласных (ср. мену *ц – ч*, после которых, впрочем, возможна и мена гласных).

Речь, конечно же, идет не о том, что бытовое письмо берестяных грамот представляет собой разновидность слоговой письменности. В основе своей это безусловно алфавитное письмо. Речь идет о том, что те особенности бытовой системы письма, которые отличают ее от книжной («стандартной») графической системы (прежде всего, опора на «склады» как элементарные письменные единицы и мена гласных при последовательном различении согласных), в то же время сближают ее со словесно-слоговым письмом. Этот феномен хорошо согласуется с наблюдениями специалистов по истории письма, неоднократно отмечавших значительно более высокую эффективность слоговых систем при обучении грамоте по сравнению с алфавитными системами.

Литература

Гельб 1982 – И. Е. Гельб. Опыт изучения письма (основы грамматологии). М., 1982.

ДНД$_2$ – Зализняк А. А., Древненовгородский диалект, 2-е изд., Москва, 2004.
Зализняк 1982а – А. А. Зализняк. К исторической фонетике древненовгородского диалекта // Балто-славянские исследования. 1981. М., 1982. С. 61–80.
Зализняк 1982б – А. А. Зализняк. Противопоставление книжных и «бытовых» графических систем в древнем Новгороде // Finitis duodecim lustris. Сборник статей к 60-летию проф. Ю. М. Лотмана. Таллин, 1982. С. 82—85.
Зализняк 2002 – Зализняк А. А., «Древнерусская графика со смешением ъ – о и ь – е», в: «Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию, Москва, 2002, 577–612.
НГБ VIII – Янин В. Л., Зализняк А. А., Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). Т. VIII, Москва, 1986.
НГБ IX – Янин В. Л., Зализняк А. А., Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989 гг.). Т. IX, Москва, 1993.
Успенский 1970 – Б. А. Успенский. Старинная система чтения по складам (Глава из истории русской грамоты) // Вопросы языкознания, 5, 1970. С. 80–100.
Успенский 1997 – Б. А. Успенский. Русское книжное произношение XI–XII вв. и его связь с южнославянской традицией (чтение еров) // Успенский Б. А. Избранные труды. Т. 3. Общее и славянское языкознание. М., 1997. С. 143—208.
Успенский 1968 – Б. А. Успенский. Архаическая система церковнославянского произношения (Из истории литургического произношения в России), Москва, 1968.
Lunt 2001 – Lunt H. G., Old Church Slavonic Grammar, 7, rev. ed., Berlin; New York, 2001.

А. А. Пичхадзе
ИРЯ РАН, Млсква
rusyaz@yandex.ru

Отрицание при составном сказуемом в древнерусском языке

В древнерусском языке отрицание *не* при составном сказуемом может помещаться непосредственно перед связкой или перед смысловой частью сказуемого. В древнерусских летописях, в отличие от памятников южнославянского происхождения, решительно преобладает вторая из указанных позиций. Положение отрицания перед связкой обычно обусловлено действием трех факторов. Оно обычно, во-первых, при противопоставлении однородных аргументов сказуемого, во-вторых – в случаях, когда смысловая часть сказуемого выражена местоимением, в-третьих, если в предложении есть отрицательный член предложения.

Известно, что между древнеболгарскими и восточнославянскими диалектами существовало отличие, касающееся позиции отрицания в аналитических формах прошедших времен глагола: в южнославянских памятниках письменности отрицание обычно примыкает к вспомогательному глаголу, в древнерусских – к смысловой части [Хабургаев 1978; Migdalski 2006: 104-105, 114-116]. Вопрос о том, как располагалось отрицание при связке, т. е. не в аналитических формах глагола, а в составном сказуемом, и, соответственно, существует ли разница в местоположении отрицания при вспомогательном глаголе и при связке в средневековых славянских диалектах, до сих пор не ставился. Трудность в исследовании этого вопроса связана прежде всего с тем, что южнославянские древние памятники переведены с греческого и довольно строго следуют словопорядку своих оригиналов. Тем не менее отмечается, что в старославянских текстах отрицание часто находится в контактной препозиции к связке и сливается с формами глагола **быти**, если они начинаются с гласного – в результате возникают формы типа **нѣсмъ, нѣсть** и т. п. [Večerka 1989: 34]. Между отрицанием и связкой может помещаться энклитическая частица **бо**, хотя, по наблюдениям Р. Вечерки [Ibidem: 46], сочетания типа **не бо бѣ, не бо то есть** редки не только в старославянском языке, но и в церковнославянских памятниках, не входящих в старославянский канон. Однако никаких статистических данных, которые позволили бы оценить распространенность положения отрицания при связке или знаменательной части, до сих пор не было собрано.

Сейчас благодаря созданному в Тромсё (Норвегия) корпусу средневековых текстов TOROT (nestor.uit.no) появилась возможность получить исчерпывающие данные по Супрасльской рукописи – старославянскому памятнику, переведенному с греческого в X в. и содержащему жития святых. Они анализируются ниже[54]. Перевод житий в Супрасльской рукописи не так строго копирует словопорядок оригинала, как переводы библейских книг. Тем не менее большая часть примеров точно совпадает по позиции связки в составном сказуемом с греческим текстом. Такие случаи не принимались в расчет[55], равно как и примеры из житий, греческий оригинал которых не обнаружен. Рассматривался только глагол **быти** в роли связки; контексты, в которых **быти** имеет значение ‘существовать, быть в наличии’ или модальные значения возможности, предназначенности и т.п., во внимание не принимались.

Выделяется две категории случаев, в которых отрицание в Супрасльской рукописи регулярно помещается при смысловой части сказуемого. В первую очередь, это случаи, когда в греческом оригинале нет связки: переводчик воспроизводит греческий порядок «отрицание + смысловая часть», а затем добавляет связку: **не добро ѥстъ многомъ**

---

[54] Примеры цитируются с указанием страницы и строки по изданию [Заимов, Капалдо 1982-1983] с минимальными упрощениями в орфографии.

[55] В том числе и контекст **не оу искоусьнъ бывъ тоѧ п□стынѧ**, πρὶν ἐν πείρᾳ τῆς αὐτῆς γένηται ἐρήμου 289.15, где πρὶν ‘пока не’ передано как **не оу**, а взаиморасположение смысловой части и связки то же, что и в греческом оригинале.

богомъ быти, οὐκ ἀγαθόν 100. 26-27 и т. п. (см. 42. 20, 87.1-2, 167.24, 325.6, 528.10). Таким же образом переводчик добавляет причастие-связку: **ѥднѣмъ тъчыѫ не подобьнъ**[56] **бывъ мѡсеѡви**, ἀνόμοιος 277.20 и др. (93.7, 369.5, 370.25, 392.20, 494.5). Примеры с добавленной связкой отчасти детерминированы текстом оригинала и в силу этого не показательны. Однако в трех примеры отрицание примыкает к связке, и эти случаи не обусловлены влиянием греческого синтаксиса: **николиже своимъ нѣста сыта**, μηδέποτε τοῖς ἰδίοις ἀρκούμενοι 172.19; **сътворено дѣло· ѥже нѣстъ дѣло оуспѣшъно**, μὴ... ὠφέλιμον 346.9; **нѣ чоудо**, οὐ μέγα 437.12. В первом из этих трех предложений, вероятно, отрицание находится при связке, потому что в предложении есть отрицательное местоимение (подробнее см. ниже).

Еще два примера встретились в вопросительном предложении, в греческом оригинале оба раза употреблено усиленное отрицание: **то нѣ ли кротъкъ· нѣ ли правьденъ**, οὐχὶ πραΰς; οὐχὶ δίκαιος; 337.12. Возможно, вопрос являлся фактором, способствующим присоединению отрицания к связке; во всяком следующие два примера тоже отмечены в вопросительном предложении: **нѣ ли ти· тѫжъко славимоу· нѣ ли ти· печально**, οὐ βαρύνῃ... οὐκ ἄχθῃ 330.19-20 – здесь связка добавлена для преобразования греческой медиальной конструкции в славянскую безличную с субъектом, выраженным дательным падежом.

Во-вторых, отрицание обычно помещается при причастии в конструкции, передающей греческий пассив: **не прич'тенъ бысть к нимъ**, οὐ συγκατηριθμήθη 78.15 и др. (126.3, 310.21, 363.15, 482.23, 527.5). Реже – в четырех контекстах – отрицание примыкает к связке: **ꙗко нѣстъ ми повелѣно**, οὐ προσετάχθην 310.19; **не бо ѥси призъванъ прѣмѫждрати сѧ**, οὐ γὰρ ἐκλήθης 21.24; **почто се мѵро не бысть продано на трехъ сьтѣхъ динарихъ**, οὐκ ἐπράθη 425.20; **никдінъ отъ насъ не бы ꙗзвьнъ**, οὐκ ἐπλήγη 72. 30 – в последнем случае позиция отрицания при связке, видимо, обусловлена тем, что в предложении есть отрицательное местоимение (см. ниже).

Среди примеров с отрицанием при связке также можно выделить две группы, в которых такой порядок является регулярным. Во-первых, отрицание всегда располагается перед связкой в повелительном наклонении: **не бѫди досадитель владыкамъ вьсеѧ вьселеныѧ**, μὴ ὑβριστὴς ἔσο 13.4 (см. еще 53.15-16, 319.12-13, 319.13, 420.10, 421.11, 494.14). В описательных конструкциях с частицей **да** отрицание тоже предшествует связке: **приими· да не бѫдѫ ꙁвѣрьми изꙁѣдена**, ἵνα μὴ θηριάλωτος γένωμαι 515.30; **да не бѫде отъ него врѣда**, ἵνα μὴ βλάπτῃ 35.27; **обрѧштетъ сѧ· да не бѫдетъ съ ꙁълыими гражданы осѫжденъ**, μὴ... συγκατακριθῇ 319.19. Возможно, это связано с тем, что в императивных формах употребляется форма будущего времени, а в будущем времени отрицание обычно стоит перед вспомогательным глаголом – как в северно-, так и в южнославянских языках [Willis 2013: 346]. Впрочем, встретился и один контрпример: **а не съмрьти осѫжденъ бѫди**, μὴ τῷ θανάτῳ καταδικασθῇς 60.29 – впрочем, здесь представлена пассивная конструкция, в которой отрицание обычно примыкает к причастию; кроме того, отрицание стоит не непосредственно перед причастием, но перед его аргументом, как в греческом, так что можно считать, что порядок слов следует словопорядку оригинала.

В одном случае для отрицания возможна только одна позиция – при связке, потому что смысловую часть сказуемого образует отрицательное местоимение: **нѣстъ ничсоже тѣлесьна коупити**, οὐδεν σωματικόν εστι ὠνήσασθαι 'приобрести телесные [блага] - это ничто' 493.16.

---

[56] Раздельное или слитное написание смысловой части сказуемого с отрицанием в изданиях средневековых славянских памятников проводится очень непоследовательно; здесь и ниже в формах с отрицанием воспроизводится словоделение издателей.

Особый случай представляет собой контекст, в котором греческому субстантивированному причастию с предлогом, являющемуся смысловой частью сложного сказуемого, соответствует славянская инфинитивная конструкция: **владыка нашъ нѣстъ ꙗкоже стоꙗти ѥмоу· нъ изъдъхнѫти и оумрѣти**, οὐχὶ ἐν τῷ καθεστῶτι ἐστίν 149.27. В греческом тексте – усиленное отрицание.

Остальной материал представлен в таблице.

Супрасльская рукопись

не + смысловая часть	не + связка
Презенс	
6 …**иномоу никомоуже не лѣпо ѥстъ нъ добротѣ твоѥи и чоудънамъ сѣдинамъ** 48.18 ουκ αλλω τινι πρεπουσα **имиже и недостоини ѥсте жити** 130.27 ουκ εξεστιν υμας ζην **томоу нынꙗ не мощьно ѥ быти** 295.21-22 ουκ εστιν δυνατον γενεσθαι **аште ти покажѫ нынꙗ· не соуле ти ѥстъ**, οὐ συμφέρει σοι 394.11 **намъ не достоинно ѥстъ погоубити ниѥдногоже** 433.9 ουκ εξεστιν **не лѣть ти ѥстъ ѿже възлюбьѥне· безъ оудръжань жити** 496.28 ουκ εξεστι	**5** **кто оуже притъ. ꙗко нѣстъ бж҃иѥ тоу пришествиѥ** 95.17 τις αμφιβαλλει θεου παρουσιαν; **о мьнѣ бо нѣстъ трѣбѣ плакатисѧ. ни миловати** 102.15 ουκ εἰμι ἐλεεινὸς οὐδὲ κλαύσιμος **нѣстъ ми льзѣ инамо ити** 170.21—22 αδυνατον εστι **нѣсмъ празденъ азъ ино дѣло имамъ** 172.3 οὐ σχολάζω **нѣсмъ бо тольма слаби· да оставим҃ жизнодавьца** 176.17-18 ουχ ουτως ανανδροι εσμεν
Претериты	
	5 **не бо бѣаше томоу непричѧстьникъ. нъ проли ти кръвь** 60.22 ου γαρ τουτου αμοιρος... υπῆρχεν **оучити инѣхъ поржчени· не быша достоини своѥѭ зълобоѭ** 333.14 ουδε ηξιωθησαν **не бѣ ѥмоу трѣбѣ да кто послоушъствоуѥтъ о чловѣцѣ** 404.16-17 ου γαρ χρειαν ειχε **не бѣ длъженъ х҃ъ· ни дръжимъ бѣ** 494.8-9 ουκ ωφειλεν... ουδε κατειχετο **оучѫ лихо мѣры не быти· и многѫѭ пиштѫ отъврѣшти** 494.26 παραινω της χρειας γινεσθαι

Релевантный материал Супрасльской рукописи невелик, но он склоняет к выводу, что отрицание употреблялось в древнеболгарских памятниках и при связке, и при смысловой части составного сказуемого, судя по всему, чаще при связке, чем при смысловой части. Выделяются некоторые факторы, которые обусловливали выбор

словопорядка, но для ряда контекстов – а именно для приведенных в таблице – их установить не удается.

Для древнерусского языка вопрос о местоположении отрицания в составном сказуемом решается гораздо проще благодаря наличию большого массива ранних оригинальных текстов и единообразию их показаний. В восточнославянских памятниках отрицание ведет себя иначе, нежели в Супрасльской рукописи.

В древнерусском языке отрицание обычно примыкало к смысловой части составного сказуемого. Об этом свидетельствуют прежде всего данные древнерусских летописей[57]. Вот как распределяются контексты с отрицанием при связке и при смысловой части в древнейшем летописном своде – Повести временных лет по Лаврентьевскому и Ипатьевскому спискам [ПСРЛ I, II]:

Повесть временных лет

не + смысловая часть	не + связка
Презенс	
7 не любо ми есть в киевѣ жити И26г26=(быти) Л 67 се не добро есть мало городовъ wколо кыева И45г5=Л 121 (городъ) не хужь єсть бѣса 51а10=Л 135 (хужи) не доброе есть преступати придѣла чюжаго И67г10=Л 183 (не добро бо єсть преступити предѣла чюжего) не добро есть лежати. wцю нашему федосьеви. кромѣ манастырѧ црквѝ своея И77в24=Л 209 аще бы пристроилъ и(х) · и҃ · тысѧщь не лихо ти есть И80г4=Л 218 аще и брата моего [в]ъбилъ еси · то есть не дивно И87а30=Л 238	**7** вы нѣста кнѧзѧ. ни рода кнѧжа. но азъ єсмь роду кнѧжа Л 23=И 9г14 нѣ(с҃) се wлегъ. но с҃тыи. дмитрии И12б1=Л.30 друзии же гл҃ть сн҃ы Амоновы. нѣ(с҃) тако. сн҃ве бо Моавли Хвалисе. а сн҃ве Амоновы Болгаре И86а = се же нѣ(с҃) тако Л 234 не су(т) то б҃зи но древо И32в14=Л 82 но не суть таци. кации же суть поставлени слезами и пощениемь… И59в32=Л 159 нѣ(с҃) (Л. доб: мене) лѣпо судити еп(с҃)помъ и черньцемь или смердомъ И84в=Л 230 нѣ(с҃) добро (добръ РА, И) законъ ихъ Л.108=И41б
Претериты	
6 се бѣ єму не любо И33 об.=Л 85 братьи же не любо бы(с҃) 69а18=Л 187 се же знамение не добро бы(с҃) И61а33=Л 163 се второе мьщенье створи. егоже бѧше не лѣпо створити И92а-б=Л 268 не хужии бѣ первы(х҃) праведни(к҃) Л 281 (в И нет связки) бѣ бо нетвердъ верою Лавр. 182 (И67б: бѧше бо не твердо вѣруя)	**3** и не бѣ ср(д)це ихъ с нимь 49г21=Л 132 Пс. 77, 37 сл҃це премѣнисѧ. не бы(с҃) свѣтло. но акы мц(с҃)ь бы(с҃) 61в13=Л 164 се же бѣаше не wгненыи столпъ. но видъ анг҃лескъ Л 284 =И98а (бѧше не wгнь. но...)

В Повести временных лет число контекстов с расположением отрицания при связке в презенсе равно числу контекстов с расположением отрицания на смысловой части, но, если сказуемое употребляется в аористе или имперфекте, отрицание чаще располагается

[57] Здесь и ниже Галицкая и Волынская летописи цитируются по [ПСРЛ II], Суздальская летопись – по [ПСРЛ I], Киевская летопись – по [Юрьева 2017], Новгородская I летопись – по компьютерному набору, подготовленному А. А. Гиппиусом, по которому памятник размечен в [НКРЯ]. Для Киевской и Новгородской I летописи указываются листы и строки рукописи, для остальных летописей – страницы издания.

на смысловой части. Как видно по таблице, показания обеих ветвей текстуальной традиции – Лаврентьевской и Ипатьевской летописей – в этом отношении полностью совпадают. В позднейших летописях отрицание фиксируется при смысловой части гораздо чаще, чем при связке, как в презенсе, так и в простых претеритах. Ниже в таблице приведены данные Киевской летописи XII в. [по Юрьева 2017]:

Киевская летопись

не + смысловая часть	не + связка
Презенс	
14 **ꙗ не оубица** (!) **есмь бра(т҃)и своеи** 144в16 **не ю веремѧ нынѣ есть** 146б14 **се ны(н҃) же оуже есть не веремѧ** 147г6 **азъ же не простъ есмь не простъ ходатаи межи вами** 142г20-21 **щитъ твои и мои не розно еста** 148а25 **тоти не крилати соуть** 155б17 **се ни** (**не** Погодинский, Хлебниковский сп.) **лжа ти есть** 183г17 **не бл҃го есть сѧково знамение** 184г9 **се есть не на добро знамение се** 223б29 **да не дивно есть разоумѣющи. братыꙗ оумрети** 224а22 **не жаль ми есть** 226б28 **мы есмы не оугре ни лѧхове. но единого дѣда есмы вноуци** 237в26 **ѧзъ про тебе же с ни(м҃) е(с҃)мь не добръ и воевалъсѧ с ними** 241а20 **не наше есть веремѧ** 223в16-17	**0**
Претериты	
14 не твердъ ємоу бѣ бродъ 154б13 мртвы(х҃) же бѣ не много 204б30 аньдрѣєвѣ. же. не любо бѧше. сѣдѣньє володимере києвѣ 201в11 игореве же бѧшеть не любо. wже ємоу тако молвѧть дроужина 223а21 недостоино ми бѧшеть жити 224г19 и не мило бѧшеть тогда комоуждо своє ближнєє 225в7 ст҃ославоу же не любо бѧшеть поустити володимера 227б14 не вси бѧхоуть в доумѣ тои 229в20 а король бы не пороженъ 140б18 изѧславу же бысть велми не любо 141а9 и не оугоденъ бы(с҃) киꙗномъ игорь 119б33-119в1 и нелюбо бы(с҃) ємоу 225б11 ярославоу же нелюбо бы(с҃) дале поити 227г8 и бы(с҃) нелюбъ путь тъ всимъ людемь симь 201а30	**6** ср(д҃)це ихъ не бѣ право с ни(м҃) 193а11, 194а1 Пс. 77, 37 имѣния бо не бѣ сыть 197в27 не бѧхоуть єго воли 112в17 не бѧхоуть вси во wдинои мысли 230в14 не бѣ то и еще досыти 122г13-14
Будущее	
0	**2** и еще и раненъ велми. и не будеть живъ 162в23 а съступиши. то не будеши живъ 166в12

В Новгородской I летописи XIII-XIV вв. отрицание при связке не засвидетельствовано ни в презенсе, ни в претеритах, и только в конструкции долженствования с частицей **да**, как и в других памятниках, отрицание стоит при связке в будущем времени:

Новгородская I летопись

не + смысловая часть	не + связка
Презенс	
1 намъ ѥсте не бра(т҃)я 105об15	**0**
Претериты	
4 не добро же бы(с҃) і самомоу 164.15 и не то бѧше зло. нъ боле почѧста копити вои 16.18 і не то бы(с҃) зло. но и тесовъ взѧша 128.16 и не досыти бы зла 106об.2	**0**
Будущее	
	1 да не боудеть новыи търгъ новгородомъ 83.13

В Новгородской I летописи имеется также контекст, где отрицание относится не к сказуемому, а к наречию, непосредственно перед которым оно и помещается: **и не тоу бы того досыти ꙁла** ‘и даже на этом не закончились эти несчастья’ 119об.12.

В Суздальской летописи XIII в. отмечены следующие примеры:

Суздальская летопись

не + смысловая часть	не + связка
Презенс	
1 мы ѥсмы ци не кнѧзи же 397.4	**2** нѣ(с҃) бо достоино наскакати на ст҃ительскыи чинъ на мьздѣ 391.2-3 wнѣм же кленущи(м҃)сѧ и ротѧщи(м҃). яко нѣ(с҃) то тако 431.7
Претериты	
9 имѣнья бо бѣ не сытъ акы адъ 356.7 не твердъ бѣ ѥму бродъ 332.7 бы(с҃) не любъ путь всѣ(м҃) людє(м҃) симъ 364.4 непогодьє є(с҃) зимѣ воєвати Болгаръ 364.4-5 и невидима бы(с҃) 447.20-21 и не годно бы(с҃) людемъ 313.5 бѣ бо Михаилъ не правъ въ кр(с҃)тнмъ целованьи 455.37 Бж҃ьєю мл҃(с҃)тью неврє[же]нъ бы(с҃) 480.5 явисѧ звѣзда на западѣ · и бѣ ѿ нея луча не в зракъ чл҃вкмъ · но яко к полудн҃ью по двѣ	**2** ср(д҃)це же ихъ не бѣ право с нимь 430.28 идеже не бѣ проходно полку Ѡлександрову здѣ wбрѣтоша много множство избьєны(х҃) ѿ анг҃ла Г(с҃)нѧ 480.33

въсходѧщи с вечера 447.15	

В Галицкой летописи второй половины XIII в. соотношение выглядит следующим образом:

Галицкая летопись

не + смысловая часть	не + связка
Презенс	
9 сии градъ не твои ли есть 756.26 wже есте мирни но мнѣ есте не мирни 754.21 не мощно бѣ емоу выѣхати 837.23 не лѣпо ми есть быти кромѣ ваю 770.5-6 не лѣпо есть держати нашее wтчїны. крижевникомь Тепличемь 776.11-12 w кнѧзи Васильи невѣдомо есть 781.15 си бо еста недостоина. ни Вотьнина держати 790.10 невѣренъ ти есть 790.17-18 аще насъ пошл[еш]и. напере(д҃) кого. не послоушно есть 831.21-22	**4** якоже пишеть во книгахъ нѣ(с҃) в силѣ брань. но в Бз҃ѣ стоить побѣда 833.20 не є(с҃) лѣпо боѧриноу кнѧжити в Галичи. но поими дщерь мою за сн҃а своего Коломана и посади и в Галичи 731.1 не соуть вои твои. но соуть. wсобнии кнѧзи 792.19 яко не есть во свѣтѣ. с Михаиломъ 789.3
Претериты	
2 словесы лестьными не возможно бѣ гра(д҃) приѧти 780.27-28 и се знамение не на добро бы(с҃) 802.7-8	**1** **николиже** не бы(с҃) на помощь емоу 836.21
Будущее	
1 даси ли Данилови. в вѣкы не твои боудеть Галичь 750.17-18	**1** аще Данилъ поедеть. и не боудеть с добромъ 846.21

Похожая картина наблюдается в Волынской летописи конца XIII в.:

Волынская летопись

не + смысловая часть	не + связка
Презенс	
1 ты оуже не братъ еси 852.6	**0**
Претериты	
6 городъ же не твердъ бѧше 855.4 Володимѣроу же не любо бы(с҃). велико на брата своего 900.5 не мощно бы(с҃) розметати 850.12 зане немощно бы(с҃) wбиити 866.18-19 а инѣмъ полкомъ немочно бы(с҃) помощи ни ѿкоу даже тснотою 866.26-27 тѣм же немощно бы(с҃) пристоупити к немоу 934.22	**1** не бы(с҃) мочно никоуда же 935.14

Таким образом, материал древнерусских летописей демонстрирует явную тенденцию к расположению отрицания на смысловой части составного сказуемого. Эти данные подтверждают и новгородские берестяные грамоты – впрочем, число примеров здесь очень невелико:

Берестяные грамоты

не + смысловая часть	не + связка
Презенс	
3 752: а тобѣ вѣдѣ ѧко есть не годьнъ 834: а не виновате есьмъ · ни вѣк(ъ)шею 519/520: а не виноватъ · ѥсмь · никому ницимъ	**0**

В смысловой части, при которой употреблялось отрицание, обычно фигурируют прилагательные и образованные от них наречия и предикативы, предложно-падежные сочетания, изредка – существительные. По местоположению отрицания в составном сказуемом от остальных предикативов несколько отличается **льзѣ** – видимо, потому, что он имеет другую структуру, а именно представляет собой дательный падеж существительного **льга** ‘свобода делать что-л’. Частотность употребления отрицания при предикативе **льзѣ** и при связке в древнерусских летописях показана в таблице:

	не бѣ льзѣ	не льзѣ бѣ/бѣ не льзѣ
Повесть временных лет	10	0
Киевская летопись	2	16
Новгородская I летопись	0	5
Суздальская летопись	1	2
Галицкая летопись	0	0
Волынская летопись	1	1

Судя по данным Повести временных лет, первоначально отрицание в сочетании с **быти льзѣ** помещалось на связке. Впоследствии – очевидно, под влиянием регулярного употребления отрицания непосредственно перед отадъективными предикативами – в сочетаниях с **льзѣ** отрицание переместилось в контактную препозицию смысловой части.

Таким образом, исходя из приведенных данных, можно констатировать, что к началу XII в. в древнерусском языке в составном сказуемом ощутимо преобладало положение отрицания при смысловой части. Это дало толчок образованию многочисленных прилагательных, наречий и предикативов с приставкой *не-* [Шаламова 1997: 45-47].

Однако примеры с постановкой отрицания при связке тоже фиксируются в древнерусских летописях. Возникает вопрос, какие факторы приводили к такому – сравнительно редкому – словопорядку.

Во-первых, он может быть вызван церковнославянским влиянием. Действительно, такое объяснение вероятно для следующих примеров:

ꙗкоже пишеть во книгахъ нѣ(с҃) в силѣ брань. но в Бз҃ѣ стоить побѣда Галицкая летопись 833.20;

но не суть таци. кации же суть поставлени слезами и пощениемь… Повесть временных лет, И59в32=Л 159;

нѣ(с҃) бо достоино наскакати на ст҃ительскыи чинъ на мьздѣ Суздальская летопись 391.2-3;

идеже не бѣ проходно полку Ѡлександрову здѣ ѡбрѣтоша много множство избьены(х҃) ѿ анг҃ла Г(с҃)нѧ Суздальская летопись (Житие Александра Невского) 480.33;

Вероятно, к этой группе нужно отнести и фразу **имѣниꙗ бо не бѣ сыть** Киевская летопись 197в27.

Кроме того, в летописях неоднократно повторяется цитата из Псалтыри (77, 37): **и не бѣ ср(д)це ихъ с нимь** Повесть временных лет 49г21=Л 132, **ср(д҃)це ихъ не бѣ право с ни(м҃)** Киевская летопись 193а11, 194а1, **ср(д҃)це же ихъ не бѣ право с нимь** Суздальская летопись 430.28.

Во-вторых, большая часть примеров с отрицанием при связке – это контексты, содержащие опровержение ложной пресуппозиции и противопоставленное ей истинное утверждение, а также отрицание ситуации и противопоставленное утверждение истинной ситуации. Обычно противопоставление эксплицитно выражается противительным союзом **нъ**, ср. в Повести временных лет:

вы нѣста кнѧзѧ. ни рода кнѧжа. но азъ есмь роду кнѧжа Л 23=И 9г14;

нѣ(с҃) се ѡлегъ. но ст҃ыи. дмитрии И12б1= Л.30;

друзии же гл҃ють сн҃ы Амоновы.оу се же нѣ(с҃) тако. сн҃ве бо Моавли Хвалиси. а сн҃ве Аммонови Болгаре Л 234=И86а – в этом примере противительный союз отсутствует, потому что предикация вводится частицей **бо**, которая вводит истинное объяснение, противопоставленное ложной пресуппозиции, и тем самым замещает противительный союз: ‘А другие говорят, что они – сыны Амона. Это не так, ибо (= но) хвалисы – сыновья Моава, а сыны Амона – болгары’;

не су(т) то б҃зи но древо И32в14=Л 82;

сл҃це премѣнисѧ. не бы(с҃) свѣтло. но акы м(с҃)ць бы(с҃) И61в13=Л 164

се же бѣаше не ѡгненыи столпъ. но видъ анг҃лескъ Л 284 =И98а (**бѧше не ѡгнь. но...**)

То же в Киевской летописи: **не бѣ то и еще досыти но идоста на Игорево селче** 122г13-14;

моужи же галичкии не бѧхоуть вси во ѡдинои мысли. но чии бѧхоуть сн҃ве и братьиꙗ (так!) **оу королѧ то ти держахоутьсѧ крѣпко по королевичи** 230в14.

В Галицкой летописи имеется два аналогичных примера: **не є(с҃) лѣпо боѧриноу кнѧжити в Галичи. но поими дщерь мою за сн҃а своего Коломана и посади и в Галичи** 731.1;

не соуть вои твои. но соуть. ѡсобнии кнѧзи 792.19.

В контексте из Волынской летописи нет противительного союза, потому что предикация вводится частицей **бо**, замещающей противительный союз: **и нача Левъ ѣздити ѡколо горо(д҃). абы емоу коуда мочно взѧти… и не бы(с҃) мочно никоудаже. весь бо бѧше оучиненъ ѿ камени. и оутвержение его не мало** ‘и начал Лев ездить вокруг города, как бы можно было его взять… и не было возможно ниоткуда, ибо (=но) он весть построен был из камня и укрепление его было не малое’ 935.14

К примерам из летописей можно добавить данные Послания Владимира Мономаха, которое сохранилось в составе Лаврентьевского летописного свода. В Послании отрицание в составном сказуемом фиксируется трижды, всегда при связке и в контекстах опровержения ложной пресуппозиции, содержащих противительный союз **нъ**:

нѣсмъ ти ворожбитъ. ни местьникъ. не хотѣхъ бо крови твоеꙗ видѣти оу Стародуба. но не даи ми Бъ҃ крови ѿ руку твоею видѣти. ни ѿ повелѣньꙗ своего ‘я не враждебен, не мстителен, – ведь я не хотел видеть твоей крови у Стародуба, – но не дай мне Бог видеть кровь от твоей руки или из-за моего повеления’ 254;

не бо суть тѧжка. ни ѡдиночьство. ни чернечьство. ни голодъ. ꙗко инии добрии терпѧть. но малы(м҃) дѣломь оулучити мл(с҃)ть Бь҃ю ‘не тяжело не одиночество, ни монашество, но голод, которые терпят некоторые достойные люди, но [эти три вещи позволяют] снискать Божью милость малым делом’ 244;

а вѣ єму не будевѣ местника. но възложивѣ на Ба҃ ‘а мы ему не будем мстителями, но возложим на Бога’ 252.

Таким образом, постановка отрицания на связке при обозначении ситуации или пресуппозиции, которая опровергается предикацией, вводимой противительным союзом или замещающей его частицей, является регулярной, хотя не обязательной. Во всем просмотренном материале обнаружился только один контрпример – в Киевской летописи: **то мы есмы не оугре ни лѧхове. но единого дѣда есмы вноуци** 237в26.

К этой же категории относятся и несколько примеров, в которых нет эксплицитного противопоставления:

Повесть временных лет: **нѣ(с҃) мене лѣпо судити еп(с҃)пу ли игумено(м҃) или смердо(м҃)** Л 230=И84в;

нѣ(с҃) добро (в др. сп.: **добръ**) **законъ ихъ** Л.108=И41б;

Киевская летопись: **заточени били** (в др. сп.: **были**) **Мьстиславомъ великымъ. зане не бѧхоуть его воли. и не слышахоуть его. коли є зовѧшеть в Роускоую землю в помощь** 112в17;

Суздальская летопись: **ѡнѣм же кленуши(м҃)сѧ и ротѧши(м҃). ꙗко нѣ(с҃) то тако** 431.7;

Галицкая летопись: **показа правдоу свою. ꙗко не есть во свѣтѣ. с Михаиломъ** 789.3.

В первом примере из Повести временных лет субъект высказывания отвергает предложение других князей о мирном договоре, не желая подчиняться мнению священников и советников. Во втором примере в рассказе о выборе веры князем Владимиром решительно отвергается мусульманское богослужение. В примере из Суздальской летописи выражено опровержение ложного обвинения в адрес субъекта, подкрепленное клятвой. В контексте из Галицкой летописи субъект очевидным образом – своим поведением – доказывает свою невиновность. Что касается примера из Киевской летописи, то и здесь отрицание ситуации очевидно и подкрепляется однородным сказуемым, выраженным семантически полноценным глаголом под отрицанием (**не слышахоуть**). Во всех этих случаях имеет место отрицание пропозиции.

Третья разновидность контекстов, в которых отрицание располагается при связке, содержит смысловую часть, выраженную местоимением. Пример фиксируется в Повести временных лет: **но не суть** [учрежденные богачами монастыри] **таци. каци суть поставлени слезами. пощеньемь мл҃твою бдѣньемь** Л 159=И59в32. Возможно, выбор такого словопорядка поддержан здесь еще и церковнославянским влиянием.

Наконец, отрицание находится при связке, если в предложении есть отрицательный член предложения, как в Галицкой летописи: **николиже не бы(с҃) на помощь емоу** 836.21.

Расположение отрицания при связке в контекстах противопоставления, при наличии в предложении отрицательных местоимений или наречий и в сочетаниях с местоимениями напоминает раздельное написание в этих же позициях в современном русском языке, так же, как расположение отрицания при смысловой части глагола в большинстве остальных случаев напоминает слитное написание в соответствии с современной орфографией (ср. [Шаламова 1997: 38]). Что стоит за этим распределением?

В индоевропейском отрицание функционировало в двух разновидностях, различие между которыми в том или ином виде сохраняется и в современных языках. Одна из них представлена приставкой, в греческом и санскрите имеющей форму *an-* (перед согласными *–n-* выпадает), в латыни – *in-* и т. д. [Kopečný & al. 1980: 449-450; EWD III: 1871]. Эта приставка присоединяется к прилагательным и переходит к образованным от них существительным, наречиям и предикативам; гораздо реже она служит для образования существительных непосредственно от существительных. Перед глаголами и местоимениями употребляется другая форма отрицания, она же используется и в контекстах противопоставления:

	Приставка	Отрицание при глаголе и местоимении, в контекстах противопоставления
Греческий	ἀ(ν)- (ἀν-αίτιος) ‘невиновный’	οὐ
Латинский	in- (in-nocens) ‘невиновный’	non
Немецкий	un- (un-schuldig) ‘невиновный’	nicht
Славянские языки	ne(-)	

Аналогичная дистрибуция двух видов отрицания существует и за пределами индоевропейской семьи языков. Например, в арабских языках Северной Африки одна форма отрицания употребляется при глаголе-сказуемом, а другая – при остальных членах предложения, выраженных именами и причастиями [Horn 1989: 449].

Дифференциация двух форм отрицания соответствует его разным функциям. Одна форма указывает на то, что объект характеризуется отсутствием определенных свойств; она употребляется при прилагательных, существительных, предикативах и предложно-падежных сочетаниях, которые обозначают соответствующее свойство. Она не может употребляться при местоимениях, потому что они не обозначают сами по себе какое-либо качество, а только отсылают к обозначенному другими частями речи. Она не используется при двойном отрицании, потому что отрицание при сказуемом является избыточным (эксплетивным), если в предложении у него есть аргументы, выраженные отрицательными местоимениями или наречиями, а избыточное (лишенное семантики) отрицание не может указывать на присущее субъекту отсутствие определенного свойства. При местоимениях и при двойном отрицании, а также при финитных глаголах употребляется другая форма отрицания; она служит для опровержения пропозиции и отрицания самой ситуации.

В славянских языках, в отличие от ряда других индоевропейских языков, старое распределение не сохранилось, отрицание имеет только одну форму *ne*(-). Тем не менее в древнерусском языке дифференциация двух разных функций отрицания, по-видимому, находит выражение в положении связки в составном сказуемом: в контекстах отрицания ситуации и противопоставления её реальной – с точки зрения говорящего - ситуации, а также если в предложении употреблено двойное отрицание или если смысловая часть сказуемого выражена местоимением, отрицание помещается при связке, в остальных случаях – при смысловой части.

Позиция отрицания в сложном сказуемом для выражения его разных функций использовалась не только в славянских языках. Похожее явление отмечено в литовском, где отрицание, как и в славянских языках, всегда имеет форму *ne*(-). П. М. Аркадьев отметил, что в литовском перфекте отрицание располагается непосредственно перед связкой в отрицательных высказываниях, «в которых отсутствие некоторой ситуации в текущем мире дискурса противопоставляется возможным мирам, в которых эта ситуация имела место», в то время как предложения с отрицанием перед причастием «являются утвердительными высказываниями, сообщающими, что в мире дискурса наблюдаются результаты отсутствия ситуации, или характеризующими субъект предложения как обладающий свойством неучастия в соответствующей ситуации» [Аркадьев 2016: 134].

Источники

Заимов, Капалдо 1982–1983 — Й. Заимов, М. Капалдо. **Супрасълски или Ретков сборник.** Т. 1–2. София, 1982–1983.

ПСРЛ I — Полное собрание русских летописей. Т. I. Лаврентьевская летопись. М., 1997.

ПСРЛ II — Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. М., 1998.

Юрьева 2017 — Киевская летопись / Изд. подгот. И. С. Юрьева. М., 2017.

Литература

Аркадьев П. М. Взаимодействие перфекта и отрицания в литовском языке: ареальная и типологическая перспектива // *Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. Т. XII. ч. 2. Исследования по теории грамматики. Вып. 7: Типология перфекта*. СПб., 2016. С. 115-162.

Хабургаев Г. А. Судьба вспомогательного глагола древних славянских аналитических форм в русском языке // *Вестник МГУ. Сер. 9. Филология*. 1978, 4.

Шаламова А. Н. Словарь русского языка XI-XVII вв.: проблемы и результаты (по материалам авторских томов) // *Вопросы языкознания*. 1997. № 5. С. 35-54.

EWD III — Etymologisches Wörterbuch des Deutschen. Q-Z. Erarbeitet von einem Autorenkollektiv des Zentralinstituts für Sprachwissenschaft unter der Leitung von W. Pfeifer. Akademie-Verlag Berlin, 1989.

Horn 1989 — L. Horn. *A Natural History of Negation*. Stanford: CSLI Publications, 1989.

Kopečný & al. 1980 — Etymologický slovník slovanských jazyků. Sv. 2: spojky, částice, zájmenná adverbia / Sest. F. Kopečný, V. Šaur, V. Polák; Red. F. Kopečný (věd. red. B. Havránek). Praha, 1980.

Migdalski 2006 — K. Migdalski. The Syntax of Compound Tenses in Slavic. Utrecht, 2006.

Večerka 1989 — *R. Večerka.* Altkirchenslavische (Altbulgarische) Syntax. Bd. I. Die lineare Satzorganization (Monumenta linguae Slavicae dialecti veteris. T. XXVII) / Unter Mitarbeit von F. Keller und E. Weiher. Freiburg I Br.: U. W. Weiher

Willis & al. 2013 — D. Willis. Negation in the history of the Slavonic languages. In: *The History of negation in the Languages of Europe and the Mediterranean. Volume I: Case studies*. Ed. by D. Willis, Ch. Lucas, and A. Breitbarth. Oxford University Press, 2013. P. 341-398.

О. Г. Ровнова
ИРЯ РАН, Москва
supilinn@mail.ru

СЛЕДЫ ДРЕВНЕРУССКИХ ЭНКЛИТИК В ГОВОРЕ СТАРООБРЯДЦЕВ ЮЖНОЙ АМЕРИКИ*

В статье представлены наблюдения над функционированием обнаруженных в говоре южноамериканских старообрядцев-«харбинцев» дискурсивных слов, элементы которых восходят к древнерусским энклитикам *же, ти, ся* (*сь*). Это частицы *жеть, дажеть*, союзы *тожеть, такжеть, чтобыть, как будтося*, вводное слово *можеть*. Лингвогеографический анализ материала с помощью Русского диалектного гизауруса подтверждает мнение Л. Л. Касаткина и других исследователей языка старообрядцев зарубежья о том, что их говоры сохраняют древние языковые черты, утраченные говорами метрополии.

Ключевые слова: русские говоры старообрядцев, старообрядцы Южной Америки, древнерусские энклитики, дискурсивные слова, «скрытая память языка»

Частицы в русских говорах, состоящие из отдельных партикул и их разнообразных комбинаций, восходящие к ряду древнерусских клитик, представляют собой обширный, чрезвычайно интересный и недостаточно изученный класс слов. Есть работы, посвященные описанию отдельных частиц (больше всего повезло архангельской *дак*), но обобщающие исследования пока отсутствуют.

Выявление по возможности более полного инвентаря частиц, т. е. «партикульного фонда», по выражению Т.М. Николаевой, в русской диалектной речи, является важной задачей. Р.Ф. Касаткина, опираясь на данные диалектных словарей и хрестоматий, сделала попытку составить некоторый реестр частиц, бытующих в севернорусских и южнорусских говорах. В обширном массиве партикул, встречающихся в русских говорах, она выделила 3 основные группы: 1) партикулы элементарного типа: *ле, бо, ак*; 2) частицы, образовавшиеся путем десемантизации полнозначных слов: *бат, ват* (из *бывает* или *ба́ет* ‘говорит’), *гли́ко, гли́кося, глишь* (из *гляди́-ко, гляди́-ко-ся, гляди́шь*), *ку* (из *кажу́* ‘говорю)’; 3) частицы, союзы, наречия, образовавшиеся путем «склеивания» элементарных партикул: *да́кося, жеж, на́ли́, ну́ткосе, дак* и др. [Касаткина 2005].
Наиболее богато партикулами Северное наречие.

В говоре старообрядцев-«харбинцев» Южной Америки отмечена целая группа дискурсивных слов, отличающихся от соответствующих слов литературного языка наличием финали *-ть*. Это частицы *жеть, дажеть*, союзы *тожеть, такжеть, чтобыть, как будтося*, вводное слово *можеть*. В статье рассматривается семантика этих слов, их территориальное распространение и история бытования в русских диалектах. Лингвогеографический анализ материала проводится с помощью Русского диалектного гизауруса.

ТЬ < ТИ

Есть все основания полагать, что финаль *ть* представляет собой след энклитической частицы *ти*, которая, по свидетельству А. А. Зализняка, была известна всем диалектам древнерусского языка, а в древненовгородском диалекте была распространена особенно широко. Ее поведение рассматривается в ряде его работ [Зализняк 1993; 1995; 2008].

* Доклад подготовлен в рамках проекта «"Испоконный язык неисковерканный". Словарь говора старообрядцев Южной Америки», поддержанного грантом РФФИ № 17-04-00566-ОГН.

Согласно наблюдениям А.А. Зализняка, энклитика *ти* встречается в свободных и несвободных употреблениях. В свободных употреблениях частица *ти* выступает как «усилитель индикативности»: «она подчеркивает, что факт имел место, и указывает на его значимость для адресата речи»: ‘обращаю твое внимание на следующий факт’. Такие примеры широко представлены в памятниках XI–XII вв.; после XII в. свободное употребление *ти* постепенно угасает. В несвободных употреблениях, т. е. в сочетании с определенными лексемами или словоформами, она выступает в усеченной форме *ть*, а ее собственное значение (усилительное) может «несколько модифицироваться или затемняться». Она может сочетаться с условными союзами: *оже ти* (*ть*), *аже ти* (ть), *аче ти* (*ть*), *али ти* (*ть*) и др., а может сращиваться с другими элементами: слитные союзы *дати* (*дать*) ‘пусть’, ‘чтобы’, *ати* (*ать*) ‘пусть’, ‘если’.

Прежде чем переходить в описанию современного диалектного материала, следует оговорить, что в говоре старообрядцев-«харбинцев» Южной Америки

- *ти* не встречается в изолированном употреблении (есть в современном словенском языке и кайкавском наречии сербского);
- нет постпозитивных согласующихся частиц *-от*, *-та*, *-то*, *-ти*;
- нет местоимения 2 л. *ти*;
- *ти* выступает в виде *ть* и сращивается, сливается с другими элементами-партикулами.

ЧТОБЫТЬ < ЧТОБЫ + ТЬ

Подчинительный союз *чтобыть* присоединяет придаточное предложения со значением цели:

(1) *Как я поня́ла, Россия она шибко много импорту́ет от других стра́нов – и мясо, и еду всякуя. То оне* [власти] *вот это вот делают, как дядя Ивосиф с тёткой Мариной,* ***чтобыть*** *у их было своё,* ***чтобыть*** *свои люди это сеяли, и скота ро́стили.* (ФС, Москва – Бразилия, 2015).

Проверка по РДгизаурусу показала, что этот союз не отмечен ни в одном диалектном словаре. Исторические словари дали всего один пример из Разговорника Фенне:

(2) *Торгуй ты тово товару, которой с твоими деньгами вровень,* ***чтобы-ть*** *себѣ сорома не было*. Разг. Фенне, 349, 1607 г. (Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.; пример из словарной статьи на ВРОВЕНЬ).

ЖЕТЬ < ЖЕ + ТЬ

Частица редкая (десяток примеров); я заметила ее позже всех; используется в диалогах, при обмене репликами. Отмечена с усилительным и отождествительным значениями. Примеры:

(3) *Мне кажется, как ты сказала, староверы, они сами всё делали. Они муку делали и картошку там садили, всё* ***сами жеть*** *в деревнях делали. То это да, мне кажется нормально*. (ФС, Москва — Бразилия, 2015) — усилительное значение.

(4) — *А тятя парнишка один у него* [у дедушки]? *У него все остальные сёстры? Или там еще братья есть? — Нет, ещё двое старших тяти. — А, есть. А где они живут? —* ***Там жеть.*** *— Там же? — Вот это деда живет, и сбоку один дом от него*. (ФС, Москва — Бразилия, 2015) — отождествительное значение.

Частица *жеть* также не отмечена ни в одном диалектном словаре.

ДАЖЕТЬ < ДАЖЕ + ТЬ

Слово отмечено в двух функциях — функции частицы и присоединительного союза. Иллюстрации:

(5) (Разговор о том, как трудно было девушке из старообрядческой среды отвоевать право учиться за пределами деревни.) *Они* (три сестры матери) *в город потом*

перекочевали, чтоб учиться, их в деревне больше не приня́ли. Сейчас принимают, что люди привыкли. А так ***не принимали дажеть****. Они в Америку ездили, в Америке там праздновали всё, а в Бразилии, что в Гоясе, их* ***дажеть не принимали****. Что, как ты сказала, пальцами показывали, ага, точно. Что уже как в проститутку ушла, знашь, вот такое вот нача́ли говорить. Точно*. (ФС, Москва — Бразилия, 2015) — частица с усилительно-выделительным значением.

(6) *И мы чё-то два или три года назад, два кажется, услыхали, что девчонка в больнице бе́бу ло́вит* (рожает ребенка)*,* ***дажеть не знали****, что она бе́бу дожида́ет* [ждет ребенка, беременная]*, не знали ничё этого*. (ФС, Москва – Бразилия, 2015) — присоединительный союз с оттенком усиления.

ТОЖЕТЬ < ТОЖЕ + ТЬ

Это наречие употребляется с отождествительным значением. Примеры:

(7) (Разговор о сложных отношениях с дедом и бабкой.) *А потом, ты знашь, просто тятя говорит, хошь он* (отец тяти, дед) *бы замечал, что я ему делаю, а он не замечает. Не плотит, не замечает, ни спаси Христос — ни чё. Знашь, так, что обязан вроде тятя мой это делать. То шибко* ***тожеть*** *он обижается на их. А к баби* (бабушке — матери отца) *он не ходит* ***тожеть****. Такой… просто от их отделённо живем*. (ФС, Москва – Бразилия, 2015*).*

(8) *То они хочут, чтобы* ***тожеть*** *Маркьяник вставал для ихних, что родня вся равна, как братья́ и это уже тянется, не хочут, больше чтоб расходилось. Мне кажется, правильно дажеть так думать, а то бы.... Как раньше не бы́ло как сразу же-то из Китая приехали, то наставили целую кучу крестныв, и до меня это тянулось, теперь, после меня, уже прошло. Что моя бабушка там крестной стала кому-то, что совсем не родня и у меня дажеть это получилось. Дай бог замуж бы вышла* ***тожеть*** *молоденькя, что у меня был жених, и я его любила и он меня глянулся, и я ему глянулася* (ФС, Москва – Бразилия, 2015).

вводное слово МОЖЕТЬ

Образование этого вводного слова представляет собой загадку. Его морфологическое оформление не соответствует форме 3 лица ед. числа глагола *мочь* в говоре харбинцев, где она имеет вид *мо́гет*. Примеры:

(9) (Стелим постель и разговариваем.) **—** *Ну как это, ты одеёшь на одеяло. А мы и так, дажеть не одеём на одеяло никого. У нас одеяло просто и всё. — Подожди, ну, может быть, всё из-за того, что у вас жарко? —* ***Можеть****. Мы и так, мама шьёт которые одея́лья, но говорит «наволочка на одеяло» и всё*. (ФС, Москва – Бразилия, 2015).

(10) *Вы где покупали его* (билет)? ***Можеть****, в той ло́же, где вы покупали, не надо?* (Бразилия, 2012).

УПОТРЕБИТЕЛЬНОСТЬ ДИСКУРСИВНЫХ СЛОВ НА -*ТЬ*

Все дискурсивные слова с финалью *ть* относятся к частотной лексике, употребляются старообрядцами разных поколений. В речи каждого из них слова с *ть* и без *ть* существуют как варианты, и предпочтение того или другого варианта зависит от индивидуальных особенностей говорящих. Приведу некоторые цифры. Было прослушано 3 аудиозаписи записи длительностью примерно по 1,5 часа каждая, сделана полная расшифровка, а затем посчитано количество словоупотреблений с *ть* и без *ть*. Результаты таковы: А (девушка 20 л., БРЗ, 2015): *тожеть* 21 — *тоже* 2; *дажеть* 27 — *даже* 14, *жеть* 3 — *же* 13; Б (женщина 46 л., УРГ, 2017): *тожеть* 5 — *тоже* 44; В (мужчина 42 г., БЛВ 2014): *тожеть* 2 — *тоже* 9, *дажеть* 1 — *даже* 6, *чтобыть* 11 — *чтобы* 4. Несмотря на различия в предпочтениях, можно думать, что дискурсивные слова на -*ть*

будут сохраняться в говоре «харбинцев», поскольку в старообрядческой диаспоре Южной Америки их больше, чем «синьцзянцев», для говора которых подобные образования нехарактерны, а дети перенимают диалект матерей-«харбинок».

ВЫВОДЫ

- В говоре старообрядцев-«харбинцев» сформирована целая группа дискурсивных слов, маркированных финалью *ть*, представляющей собой усеченный вариант древнерусской энклитической частицы *ти*.
- Их употребление отличается высокой частотностью.
- Они представляют собой диалектное новообразование, появившееся после переселения русских крестьян на Урал (XVII в.) и получившее свободное развитие в говоре старообрядцев Южной Америки.
- Образование их на территории переселенческих говоров, оторванных от говоров метрополии, которые еще в старорусский период утратили энклитику *ти*, можно рассматривать как проявление «скрытой памяти языка» в понимании Т. М. Николаевой.

Литература

Валова Е. А., Слюсарь Н. А. Исследование синтаксических свойств энклитики *же*: корпусный и экспериментальный подход // Вопросы языкознания. 2017. № 2. С. 33– 8.

Зализняк А. А. К изучению языка берестяных грамот // Новгородские грамоты на бересте 1984–89. М., 1993. С. 191–321. (п. 76–78).

Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М., 1995.

Зализняк А. А. Древнерусские энклитики. М., 2008.

Касаткина Р. Ф. Калейдоскоп частиц в русских народных говорах // Язык. Личность. Текст: Сб. ст. к 70-летию Т. М. Николаевой / отв. ред. В. Н. Топоров. М.: ЯСК, 2005. С. 365–373.

Касаткина Р. Ф. Частица *же* в роли текстового коннектора (на материале русской диалектной речи) // Вербальная и невербальная опоры пространства межфразовых связей: Коллективная монография / отв. ред. Т.М. Николаева. М.: ЯСК, 2004. С. 71–82.

Николаева Т. М. «Скрытая память» языка: попытка постановки проблемы // Вопросы языкознания. 2002. № 4. С. 25 – 41.

Николаева Т. М. Непарадигматическая лингвистика. История «блуждающих частиц». М., 2008.

Д. В. Сичинава
ИРЯ РАН, Москва
mitrius@gmail.com

Глагольное время, арест и суд в Новгороде: к интерпретации некоторых берестяных грамот

С момента выхода первого издания "Древненовгородского диалекта" (1995) корпус форм плюсквамперфекта в берестяных грамотах не пополнялся. Однако исходя из того, что известно о древнерусских формах и их славянских параллелях, можно сделать новые выводы и предложить новые толкования для соответствующих форм на бересте. Многие из онтекстов встречаются в юридических или близких к такому статусу текстах и, возможно, несут перформативный характер, выявленный на ином материале П. В. Петрухиным.

Отметим, что за это время найден новый эпиграфический памятник со «сверхсложной» (содержащей вспомогательный глагол в л-форме) формой плюсквамперфекта -- в 2017 г. при раскопках обнаружено датируемое началом XII века граффито церкви Благовещения на Городище *А се Ст<ы>р<я>та* ***был<ъ> выложил*(ъ)** ‘а вот Стырята начал было записывать азбуку, но не дописал’ [Гиппиус, Михеев (в печати)]), сопровождающее недописанную глаголическую азбуку. В то же время А. А. Зализняк в 2002 г. прочел ранее не опознававшуюся книжную форму плюсквамперфекта в граффито Софии Киевской 1093 г. о смерти Всеволода-Андрея Ярославича (см. ниже).

Данные примеры, в целом, подтверждают изложенную в (Петрухин, Сичинава 2006 г.) концепцию преимущественно таксисного употребления книжной формы и преимущественно антирезультативного употребления народной (сверхсложной) формы.

1. Анализ в ДНД

В Зализняк 1995 предложен следующий анализ десяти найденных на тот момент берестяных грамот (в Зализняк 2004 текст практически не поменялся, но дополнен наблюдениями П. В. Петрухина над функционированием перфекта в плюсквамперфектном значении в летописании):

В нормальном случае плюсквамперфект употребляется в берестяных грамотах в иной функции, которая прослеживается также и в некоторых других текстах некнижного характера. Она состоит в обозначении события в прошлом как такового, без подчеркивания его связи с настоящим. Речь может идти, в частности, о событии, которое произошло вчера (а не сегодня), в прошлом году (а не в нынешнем), давно (а не только что) и т. п. Семантический элемент предшествования другому событию в прошлом при этом отсутствует. Как правило это те ситуации, где в книжном языке был бы употреблен аорист.

Особо А. А. Зализняк выделяет маркирование первого главного предложения рассказа. Это типологически хорошо известная функция плюсквамперфекта и связанных с ним форм, которую можно назвать «сдвиг начальной точки» [Сичинава 2008; 2013]; в русском языке ее следом, скорее всего, является сказочная формула *жили-были* [Петрухин 2007], хотя для ее возможны и другие объяснения.

«Далее могут описываться какие-то другие события… но первая фраза уже относит повествование к сфере не связанного непосредственно с настоящим моментом прошлого»

Ярким примером такого употребления является знаменитая грамота 724 – письмо новгородского сборщика дани к своему отряду: **оставили** мѧ **были** людье (дальше перфекты)

Этой работе в настоящее время посвящена особая статья [Петрухин 2019]; функция плюсквамперфекта, выявленная в более ранних работах, в ней не ставится под сомнение.

Кроме того, в «Древненовгородском диалекте» разбирается единственная встретившаяся на бересте книжная форма (плюскамперфект с имперфектом

вспомогательного глагола) в функции нормального для такого случая перформативного аориста. По-видимому, это просто замена одной книжной формой, отсутсвующей в живой речи, на другую:

сь **сталь бьшь** коузма на здылоу и на домажировица (510) – «настоящим обвиняет»

Конец грамоты не сохранился; версия об аннулированном результате и «закрытом деле» (см. ниже) менее вероятна (в тексте прямая речь Кузьмы, императивы).

2. Дополнения в работах 2006-2017 гг.

Ряд дополнений предложен в работе (Петрухин, Сичинава 2006). «Предшествование в прошедшем» или «давно прошедшее» – для **«новой» формы** не характерно (см. Петрухин, Сичинава 2006 и последующая полемика с М. Н. Шевелевой, завершившаяся в 2015).

У **книжной формы** оно стандартно, наряду с другими функциями (и в летописи, и в надписях; ср. надпись в Софии Киевской о смерти Всеволода (Зализняк 2004):

Въ великии четвъргъ рака положена бысть. Ото Анъдрея, роусъскыи кънязъ благыи. А Дъмитръ ѱлъ, отрочъкъ его, мсца априля въ 13. А ***бе*** *сер*ѣ*де* ***оумърлъ*** *по об*ѣ*д*ѣ ‘а умер в среду после обеда [до того, как прошли похороны и Дмитр оставил эту надпись]’

Сверхсложная форма известна с XI в. (Софийский временник, Гиппиус 2010), хорошо представлена в древнечешском.

Они бо не складаху на своя жены златыхъ обручеи, но хожаху жены ихъ в сребряныхъ; и **росплодили были** землю Руськую. За наше несытоство навелъ Богь на ны поганыя, а и скоты наши и села наша и имѣния за тѣми суть, а мы своих злыхъ дѣлъ не останемъ

Ср. НПЛ: А наши князи добри суть, **расплодили** землю нашю

Славянская -- старейшая такая форма в Европе (французская с XIII в., немецкая с XIV в.)

В рамках этой концепции так же интерпретируется грамота 366 (дело закрыто, стороны отказались от взаимных претензий; в ДНД предшествование; интерпретация П. В. Петрухина)

сь урѧдѣсѧ · ѧковь съ гюрьгьмо · и съ харѣтономъ по бьсудьнои грамотѣ цто **былъ возѧлъ** гюрьгѣ грамоту в ызьѣжьнои пьшьнѣцѣ а харѣтоно во проторѣхо своѣхъ <…> а боль нь надобѣ гюрьгю нѣ харѣтону до ѧкова нѣ ѧкову до гюрьгѧ нѣ до харитона (366, 60-80 XIV).

Формально здесь можно усмотреть «предшествование в прошедшем» (по отношению к действию, обозначенному аористом), но фактически это указание на прекращение действия бессудной грамоты

А. А. Зализняк утверждает (2004), что на бересте «прерванное действие типа *пошел было* не представлено».

В Сичинава 2017 впервые разобрана грамота № 4 (XIV в.)

4: цто ѥсмь (за юргѧ сѧ по)руцилъ оу петра на городищѣ н(ынѣ мѧ) **юрги былъ выдалъ** со дворѧн(ы) не увѣдалъсѧ а мене выдалъ

В первой же независимой клаузе рассказа (относительно первого придаточного предложения наши сведения недостаточны) употреблен плюсквамперфект, сигнализирующий начало (микро)нарратива, причем кратко резюмирующий его: в обоих случаях говорящие попали в сложную ситуацию. Следующая независимая клауза эксплицирует предыдущее утверждение — каким именно образом Юрий «выдал» Микиту, — подробнее описывая ту же ситуацию при помощи того же глагола, но уже в перфекте. Схема реконструкции выглядит так: «Что касается того, что я (за Юрия) поручился у Петра на Городище, н(а том меня) Юрий подвёл: с … не расплатился, а меня подвёл».

В обоих случаях ситуация актуальна и никакого хронологического нарушения изложения событий нет.

3. «Новые» сюжеты

К этой картине на материале ранее не анализировавшихся грамот можно добавить несколько новых сюжетов. Среди контекстов с плюсквамперфектом много юридических и судебных, связанных с конфликтами. Такое употребление обычно для деловых грамот ВКЛ и Московской Руси XV-XVI в. (Петрухин 2013: 91), причем иногда в перформативном значении (в тексте ничего больше не указывает, что сделка/претензия неактуальна; примером может служить анализируемая Петрухиным грамота Софьи Витовтовны).

«Слышу больну сестру»: отмена действия?

705 (Домажир выделил сестре надел, собирался было послать, но что-то пошло не так)

ѧ оу тебе сл□шоу цето т□ моловише оце е тобе н[е] годена а попровади ко моне сестроу азъ **б□ле** лони **наделиле** а н□не б□хо посолале а н□не сл□шю боленоу сестроу оце ю б□о
поемете а присоли с<□>но ко моне со ее знатебою (705, 00-20 XIII)

По-видимому, плюсквамперфект здесь можно интерпретировать следующим образом. Домажир в прошлом году принял решение о выделении сестре того или иного надела и собирался ей сейчас послать. Однако действия Якова, адресата письма, и болезнь сестры внесли нарушение в его планы – и он готов отменить как решение о наделе, так и о посылке ценностей сестре (ситуация «послал» прямо выражена в ирреальном сослагательном наклонении). Возможно, это ситуация как раз «прерванного действия», которой до сих пор не хватало среди плюсквамперфектов на бересте, или, точнее, нарушения «макроситуации» (в терминологии Ю. П. Князева)

Другой такой пример – знаменитый сюжет, который, по гипотезе В. Л. Янина, носил почти детективный характер, связуя воедино несколько грамот. Его можно назвать «сюжетом Янина». Речь идёт о грамоте 502 – записке, посланной от посадника к священнику-художнику Олисею Гречину с предписанием допросить Гавка-полочанина, который «сейчас войдет» (возможно, на судебное заседание):

502:

ѿ мирслава к олисьеви ко грицинoу а [т]oу [т]и вънидьте гавъко полоцанино прашаи его ко⁝дь ти на господь витаеть ать ти видьло како ти **было** ѧ ивана **ѧлъ** постави ·и· пьредъ людьми како ти взмоловить

В версии Янина, которую он назвал «тридцать лет спустя», этот процесс образует единую историю с грамотой о Гавке-полочанине (934)

ѿ дъмашеке къ братиле иди wко стоѧ во гъродъ выправиле ти есмъ сыно съ гавошею

Как излагал эту версию (с большей долей осторожности) А. А. Зализняк:

«Как видно из № 803, Братила каким-то образом связан с Полоцком <…> Отсюда некоторая вероятность того, что Гавша -- это не кто иной, как Гавко-полочанин из грамоты № 502, и что в № 502 и 934 отражен один и тот же драматический эпизод: посадник Мирошка (Мирослав) арестовал Братилова сына Ивана на глазах у полочанина Гавка (Гавши). Его удалось освободить лишь благодаря активным действиям Домашки и свидетельским показаниям Гавка. После этого Домашка немедленно вызвал в Новгород Братилу: видимо, тот должен был вернуть заплаченные Домашкой за его сына деньги и, может быть, произвести какие-то дополнительные юридические действия»

Вместе с тем, как отмечает сам Зализняк в ДНД, значение «видел, как арестовал» – это не предшествование, а одновременность (хотя л-форме при желании можно приписать и результативное значение: «видел, что Иван арестован», ср. Скачедубова 2017 и другие работы о русской л-форме).

Вместе с тем данная проблема снимается, если предположить, что Иван сейчас не находится под стражей – он сбежал, его освободили, а предметом разбирательства является сам факт или сами обстоятельства задержания Ивана посадником (например, их мог оспорить князь).

Теоретически допустима даже версия, что *было* носит не плюсквамперфектный, а сериализованный характер: «как **именно** арестовывал», «как это было» (ср. хорошо известное на бересте новгородское «избыточное **есть»**, у которого в качестве коррелята существует и избыточное **было**, ср. работы Шевелевой?). Однако, на наш взгляд, усматривать такое значение рано для текста конца XII века без иных свидетельств.

Еще один «судебный» пример:

213 про местѧтк□ памѧть на радослава како **ѿказало было** на местѧтке ·з҃ гривено про женьню татб□ б□ди с то с□днеѥ к□не а само пощипало в ыномо с□де за то четвертои жеребеи

Это очень темный текст с разными толкованиями стоящей за ним юридической ситуации. Однако и здесь налицо конфликт и нарушение дефолтного хода событий: «завещал получить, ***а сам*** получил в другом суде».

Имеется ряд текстов, где плюсквамперфект также отмечен в начале, но дальнейший текст отсутствует. Тем не менее по тем или иным «ключам» в начальной фразе (а также по самой прагматике берестяной переписки) есть основания полагать, что нормальный ход ситуации и здесь так или иначе нарушен:

[б]рать милѧто к□евѣ : бг□ъ : мьжи нама послоухо б□лъ фофоудьи **былъ** твоихъ :ѳ □: рьклъ ѧ собѣ (675, 40-60 XII)

Договоренность брата с Милятой достигнута без [земных] свидетелей (знаменитые конструкции с упоминанием Бога как единственного гаранта), далее идет речь о договоре, согласно которому девять фофудий должны были достаться брату. Судя по тому, что об этом Миляте напоминают (с дальнейшим изложением обстоятельств), что происходит сама апелляция к незримому свидетельству Бога, эта договоренность как-то нарушена.

С плюсквамперфекта начинается изложение сути дела ещё в двух, уже поздних, грамотах (упомянутая № 195, XIV в.: *реклъ еси былъ во своемь селѣ верши всѣ добры*; а также № 300, XV в.: *и Терохъ возилесь быле в ...имовѣ хоромѣ*; то и другое, как и в № 724, сразу после адресной формулы), но, к сожалению, дальнейшая часть обеих грамот утрачена.

195

(ѿ о)[л]ексѣѧ ко гаврилѣ **реклъ ѥси б□лъ** во своѥмь селѣ верши всѣ добр□ и ѧраѧ жита…

«Ты сказал, что все хорошо» – нормальное начало для «а оказывается, всё плохо»; но теоретически возможно и начальное предложение нарратива.

300

-----иѣ [·] гн҃ꙋ □ михаи(лу ·) [ю]рь·евицю □ ѿ тероха (·) и ѿ тимощѣ □ и терохъ □ **возилесь · б□ле** · в ---имовѣ [·] хоромѣ □ а (ти)мошка □ въ терохо(вѣ) …

Переезд выражен глаголом в НСВ, **возилесь быле**; обмен домами не закончен, требуется челобитная и вмешательство феодала.

P.S. Плюсквамперфект на бересте и порядок слов

Сверхсложный плюсквамперфект (со вспомогательным *был-*) в древнерусских текстах встречается достаточно редко, тем не менее для него тоже можно выделить тип с позицией глагольной ремы, характерной для современной конструкции с *было* (ср. Сичинава 2018 о современном порядке слов с *было*). Например, это характерно для функции «сдвига начальной точки». Живым осколком этой функции является интродуктивная формула сказок *жили-были* [Петрухин 2007], естественно, с постпозицией подлежащего:

В некотором государстве **жил-был купец**, у него был сын Иван. (Из свода Афанасьева)

И именно порядок VS наблюдается в берестяной грамоте XII в., содержащей некнижный нарратив, где используется эта функция — как и в книжном нарративе:

Оставили мѧ были людье, да остать дани исправити было имъ досени, а по первому пути послати и отъбыти прочее (Берестяная грамота № 724).

‘**Покинули меня люди**; а надлежало им остаток дани собрать до осени, по первопутку послать и отбыть прочь’

В то же веремѧ **пришелъ бѣ** Гюргевичь старѣишии Ростиславъ, роскоторавъсѧ съ ѿц҃мь своимъ, wже емоу wц҃ь волости не да в Соуждалискои земли, и приде къ Изѧславо(у) Киевоу [Киевская летопись, 1148]

‘В то же время **пришел** старший сын Юрия [Долгорукого] Ростислав, поссорившись с отцом из-за того, что тот не дал ему удела в Суздальской земле; он пришел в Киев к Изяславу’.

«Сдвиг начальной точки» можно усматривать в интродуктивной части еще трёх новгородских берестяных грамот, хотя каждый раз гипотетически, потому что все они фрагментарны. В одной из них (№ 195, XIV век) прономинальное подлежащее выражено только вспомогательным глаголом : (37) ***реклъ ѥси былъ*** *во своѥмь селѣ верши всѣ добры* ‘ты говорил, что в твоем селе хлеб весь хорош’; а в двух других имеется порядок SV. Однако в обоих случаях это можно объяснить тем, что подлежащее соответствующих клауз уже введено в рассмотрение. В грамоте № 300 (XV век) это сделано в адресной формуле, причем с обоими субъектами ситуации, описанной плюсквамперфектом: (38) *(Челобит)иѣ г҃ну Михаи(лу Ю)рьевицю ѿ Тероха и ѿ Тимощѣ. И* ***Терохъ возилесь быле*** *в — -имовѣ хоромѣ, а (Ти)мошка въ Тероховѣ…* ‘Челобитье господину Михаилу Юрьевичу от Тереха и от Тимошки. **Терех въезжал** (переезжал) в …имов дом, а Тимошка в Терехов…’ В грамоте № 4 (XIV век) первое упоминание субъекта главной клаузы с большой вероятностью реконструируется на месте лакуны в составе клаузы зависимой: (39) *цто ѥсмь (за Юргѧ сѧ по)руцилъ оу Петра на Городищѣ, н(ынѣ мѧ)* ***Юрги былъ выдалъ****…* ‘Насчет того, что [=В том деле, в котором] я ручал(ся за Юрия) перед Петром на Городище, **Юрий** [не выполнил обязательств и] (теперь меня) **подвел**…’. Специально отметим, что эта реконструкция была предложена независимо от проблематики, которой посвящена настоящая статья, так что в этом объяснении нет порочного круга.

Литература

Арциховский, Тихомиров 1953 — А. В. Арциховский, М. Н. Тихомиров. Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1951 года. М., 1953

Гиппиус 2004 — А. А. Гиппиус. К прагматике и коммуникативной организации берестяных грамот // В. Л. Янин, А. А. Зализняк, А. А. Гиппиус. Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1997—2000 годов. Том XI. М., 2004. С. 183—232.

Гиппиус, Зализняк 2015 — А. А. Гиппиус, А. А. Зализняк. Поправки и замечания к чтению ранее опубликованных берестяных грамот // В. Л. Янин, А А. Зализняк, А А Гиппиус. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 2001—2014 гг.). Том XII. М., 2015. С. 196—275.

Зализняк 1986 — А. А. Зализняк. Поправки и замечания к чтениям берестяных грамот (Новгородские берестяные грамоты с лингвистической точки зрения, параграф 87) // В. Л. Янин, А. А. Зализняк. Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1977—1983 годов. М., 1986. С. 181—217.

Зализняк 1993 — А А. Зализняк. Поправки и замечания к чтениям ранее опубликованных берестяных грамот // В. Л. Янин, А А. Зализняк. Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1984—1989 годов. М., 1993. С. 123—180

Зализняк 2004/1995 — А. А. Зализняк. Древненовгородский диалект. М., 2004. (1-е изд., 1995)

Зализняк 2008 — А. А. Зализняк. Древнерусские энклитики. М., 2008.

Иванов 1997 – Вал. Вас. Иванов. Плюсквамперфект // Русский язык. Энциклопедия. Изд. 2-е, М., 1997, с. 344—345.

Петрухин 2007 — П. В. Петрухин. *Жили-были*: вопрос закрыт? // Русский язык в научном освещении, № 2 (14). С. 268—282.

Петрухин 2013 — П. В. Петрухин. К прагматике сверхсложного прошедшего времени в восточнославянской письменности // Wiener Slawistischer Jahrbuch, neue Folge 1, 2013. S. 74—98.

Петрухин, Сичинава 2006 — П. В. Петрухин, Д. В. Сичинава, 2006. «Русский плюсквамперфект» в типологической перспективе // Вереница литер: К 60-летию В. М. Живова. М., 2006. С. 193—214.

Сичинава 2008 — Д. В. Сичинава. «Сдвиг начальной точки»: употребление некоторых глагольных форм в интродуктивной функции // В. А. Плунгян, В. Ю. Гусев, А. Ю. Урманчиева (ред.) Исследования по теории грамматики. Вып. 4: Дискурсивные категории. М., 2008. С. 241—274.

Сичинава 2012 — Д. В. Сичинава. Частицы *было* и *бывало* в русском языке XVIII века // Русский язык в научном освещении, № 2 (24), 2012. С. 257—284.

Сичинава 2013 — Д. В. Сичинава. Типология плюсквамперфекта. Славянский плюсквамперфект. М.: АСТ, 2013.

Сичинава 2017 — Д. В. Сичинава. Письмо к Чёрту: один малоизвестный пример древнерусского плюсквамперфекта // Русский язык в научном освещении. № 2 (34). 2017 (в печати).

СлДРЯ XI—XIV – Словарь древнерусского языка XI—XIV вв. М., 1988—

СлРЯ XI—XVII – Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1975—-

Шевелева 2007 — М. Н. Шевелева. «Русский плюсквамперфект» в древнерусских памятниках и современных говорах // Русский язык в научном освещении, № 2 (14), 2007. С. 214—252.

М. Н. Шевелева
МГУ, Москва
mnsheveleva@mail.ru

О глаголе *имѣти* в древнерусском языке и проблеме формирования сложного будущего времени

В статье рассматривается вопрос о взаимосвязи статуса глагола *имѣти* в восточнославянской диалектной зоне древнерусской эпохи и судьбы инфинитивных конструкций *имамь*- vs. *иму* + инфинитив. Показано, что для некнижного древнерусского языка употребление *имѣти* в значении ʽобладать’ было нехарактерно – использовалась посессивная конструкция *оу* + Р.п. Соответственно, и инфинитивные обороты типа *имамь* + инфинитив, модальное значение которых базируется на значении обладания глагола *имѣти*, отсутствовали в живом употреблении и потому не получили в восточнославянских диалектах развития по пути грамматикализации в будущее время. Конструкции *иму* + инфинитив, активизировавшиеся с XIII в., в живом употреблении, несомненно, были, как и сам глагол *яти* ʽвзять’; их значение развивается на базе значения ʽвзять’ и имеет в фокусе семантический компонент наступления новой ситуации. В значительной части восточнославянских диалектов именно эти конструкции грамматикализуются впоследствии в будущее время.

1. В древнерусских некнижных текстах глагол *имѣти* встречается крайне редко. В комментарии к берестяной грамоте № 752 – редкий случай грамоты, где употреблен этот глагол, причем дважды (*цьтъ до мьнь зъла имееши* и *ѧзъ тѧ есмѣла акы братъ собѣ*). – А.А. Зализняк замечает: «Презенс глагола *имѣти* представлен в характерном для русского языка варианте: *им<ѣ>еши* (ср.церк.-слав. *имаши*). При этом, однако, сам глагол *имѣти*, по-видимому, носил оттенок книжности: подавляющая часть примеров этого глагола, собранных в словарях, происходит из книжных памятников. В берестяных грамотах, кроме этой, он встретился только в монашеском письме № 503 и в фрагменте (возможно, какого-то официального послания) № 886» [Зализняк 2004: 252]. Сейчас к этим примерам добавился еще один, мы к ним еще вернемся.

Вопрос о глаголе *имѣти* и предикативных посессивных конструкциях в древнерусском языке до сих пор остается мало изученным. Как известно, совр.русский язык относят к типу *быть*-языков: в отличие от большинства других славянских языков, основной конструкцией со значением обладания в русском является конструкция типа *у меня есть.* А.В. Исаченко считал, что такова же была ситуация в праславянском и древнерусском и вообще конструкции с *иметь* в русском считал результатом разнообразных заимствований из европейских языков. Впоследствии с Исаченко полемизировали, приводя в доказательство наличия *имѣти* в живом древнерусском языке примеры его использования в оригинальных фрагментах Повести временных лет, но, как мы понимаем, летописи в силу своей гибридной природы могут сочетать книжные и некнижные черты даже в пределах одного контекста.

Важно понять, каков был статус глагола *имѣти* в некнижном языке. С этим вопросом, как кажется, напрямую связана и проблема грамматикализации сложного будущего со вспомогательными глаголами от того же корня *им*-: как известно, модальные обороты *имамь*+инфинитив, семантика которых базируется на значении глагола *имѣти* ʽобладать’, не получили в вост.-слав. зоне развития, в то время как конструкции с *иму* (от *ꙗти* ʽвзять’) впоследствии грамматикализуются во многих вост.-слав. диалектах в будущее время.

2. Итак, о самом глаголе *имѣти.*

В ст.-сл. и в стандартных церк.-слав. текстах *имѣти* является основным средством выражения обладания – примеров много, вряд ли есть необходимость их приводить. Ст.-славянский вполне можно отнести к типу *иметь*-языков – как и современные южнославянские языки.

От стандартных церк.-слав. текстов отличаются в данном отношении не только древнерусские некнижные тексты, но и летописи, где *имѣти* в значении ʽhabere’

встречается реже, чем в сочетаниях с абстрактными существительными со значением состояния – отношения – свойства данного лица, часто синонимичных соответствующему глаголу: *любъвь имѣти, гнѣвъ имѣти, въздьржание имѣти* и под. В ПВЛ таких примеров более чем в 2 раза больше, чем с конкретными именами в значении ʻhabereʼ (32: 14), в менее книжной КЛ, по данным моей студентки А. Калининой, это преобладание еще более значительно.

Вот некоторые примеры в значении ʻобладатьʼ из ПВЛ:

(1) *Бѣ бо Рогъволодъ пришелъ и-заморьꙗ* ***имѧше*** *власть свою в Полотьскѣ* (ПВЛ, 980 г., Лавр., л.23об=Ипат., л.30);

(2) *Что можете створити на҃.* ***имѣемъ*** *бо кормлю ѿ землѣ* (ПВЛ, 997 г., Лавр., л.44об=Ипат., л.48) ʻмы имеем пищу из землиʼ – рассказ о белгородском киселе;

(3) *И рѣша ѥму мужи смыслени. не кушаисѧ противу имъ. ꙗко мало* ***имаши*** *вои. ѡн же ре҃* ***имѣю*** *ѻтрокъ свои҃ .ѱ. иже могуть // противу имъ стати* (ПВЛ, 1093 г., Лавр., л.72об-73=Ипат., л.80об) ʻмало имеешь воиновʼ=ʻу тебя мало воиновʼ - ʻимею 700 своих отроковʼ=ʻу меня есть 700 отроков (своей дружины)ʼ – и др.

И более частотные примеры употребления в перифрастических оборотах с абстрактными именами:

(4) *Володимеръ бо такъ бѧше любезнивъ.* ***любовь имѣꙗ*** *к митрополито҃ и къ єпп҃мъ.и къ игумено҃. паче же и чернечьскыи чинъ* ***любѧ.*** *и черници* ***любѧ*** (ПВЛ, 1097 г., Лавр., л.89=Ипат., л.90об) – панегерик Владимиру из Повести об ослеплении Василька;

(5) *…на Двда пришелъ есмь. а с вама хочю* ***имѣти миръ и любовь*** (ПВЛ, 1097 г., Повесть об ослеплении Василька, Лавр., л.90об=Ипат., л.92об.);

(6) *Аще ли хощеши* ***гнѣвъ имѣти*** *и погубити гра҃д. то вѣси ꙗко нама жаль ѡтнѧ стола* (ПВЛ, 1069 г., Лавр., л.58об.);

(7) *И начаста* ***гнѣвъ имѣти*** *на Ѡлга ꙗко не шедшю ѥму с нима на поганыꙗ* (ПВЛ, 1095 г., Лавр., л.76; Ипат.: ***гнѣватисѧ*** л. 84);

(8) *И рѣша има мужи смыслени. почто вы* ***распрѧ имате*** (РА-***имата***) *межи собою* (ПВЛ, 1093 г., Лавр., л.73; Ипат.: *распрю имата межи собою*, л.80об);

(9) *И к симъ* ***воздержанье имѣти*** *ѿ многаго брашна* (ПВЛ, 1074 г., Поучение Феодосия Печерского, Лавр., л.62=Ипат., л.68) и др.

Большинство из этих примеров может быть возведено к первоначальному тексту ПВЛ. Кроме этого, в летописях частотно употребление *имѣти* в значении ʻсчитать, признавать кого-л. кем-л.ʼ – в устойчивых оборотах указания на родственные и социальные отношения: *имѣти въ отьца мѣсто* (или: *акы ѡца /брат(а) /сын(а) собѣ*) и конструкция с Т. – обороты тоже, несомненно, архаичные. Ср. примеры:

(10) *Володимеръ же посла къ Блуду воеводѣ Ꙗ*ропольчю съ лестью гл*ѧ. поприꙗи ми аще оубью брата своего.****имѣти тѧ хочю во ѡца мѣсто*** *и многу честь возьмешь ѿ мене* (ПВЛ, 980 г., Лавр., л.24; РА, Ипат. – ***имѣти тѧ начну въ ѡца мѣсто*** *своє҃,* л.30) – древнейшее «ядро» ПВЛ, наиболее архаичная часть летописи;

(11) *Вы же кого хощете* ***игумено҃ имѣти*** *собѣ* (ПВЛ, 1074 г., Лавр., л.62об.; Ипат.- ***игуменомь поставити собѣ***, л.68об.) – рассказ об избрании преемника Феодосия Печерского.

Из этих трех основных значений глагола *имѣти* в ранних летописях доминируют 2-е и 3-е, а не собственно значение ʽhabereʼ.

Если мы обратимся к некнижным текстам (с чего я и начала), то увидим, что в берестяных грамотах *имѣти* зафиксирован лишь единичными примерами (всего 5), причем большинство в грамотах с чертами литературности.

Два из них – в уже упоминавшейся грамоте № 752, любовном письме молодой женщины, содержащем некоторые литературные этикетные формулы. Обратим внимание, что оба примера – в известных нам по летописям устойчивых сочетаниях с именами:

(12) *цьтъ до мьнь зъла* ***имееши*** <…>

а ѧзъ тѧ ***есмѣла*** (вместо ***есмь имѣла***) *акы братъ собѣ* (№ 752 XII в. [Зализняк 2004: 249, 251]) – ср. представленные в летописях перифрастические обороты типа *любъвь имѣти, гнѣвъ имѣти* и т.п., а также формулы указания на близкие отношения типа *имѣти акы* ***ѡца*** */брат(а) /сын(а) собѣ.*

В сохранившемся фрагменте грамоты № 886 скорее всего представлено то же значение ʽсчитать кого-л. кем-л.ʼ:

(13) Фрагмент грамоты № 886 XII в.: *али мѧ имѣе[т]*…[Зализняк 2004: 275].

Только в монашеском письме (грамоте № 503), изобилующем церковнославянизмами, представлено значение ʽобладатьʼ, но этот текст явно разговорного употребления не отражает:

(14)*…л[ъ] века ѫ в[а]съ а нынѧ* ***не [и](м)[амь въ]лости*** *лише въсъ* (вм.*васъ* – описка предвосхищения) <…> ʽ[Я провел (?) пол]жизни у вас и ныне не имею [никакого] достояния, кроме вас <…> ʼ [Зализняк 2004: 295] (№ 503, XII в.).

И только в одном случае *имѣти* зафиксирован в грамоте, не содержащей черт книжности (речь в ней идет о каких-то купеческих операциях), но при этом не в значении ʽиметь’, а в значении СВ ʽвзять, получить’ – это грамота № 1014 XII в.:

(15)***…[и]мьти*** *отъ зоу осмию на де(сѧте)…* (№ 1014, сер.XII в.) - вероятно, недописанное *отъ зоуба* или *отъ Зоуѧ* (собств.), «выражение *имѣти отъ зоуба* можно было бы понимать приблизительно как ʽполучить на долюʼ» [Янин, Зализняк, Гиппиус 2015: 114].

Надо признать, что для живого древнерусскогоязыка *имѣти* не был основным средством выражения значения обладания, в некнижном языке в значении ʽhabereʼ практически не употреблялся. Но при этом сам глагол, несомненно, был известен: это праславянский глагол, принадлежащий исконно к классу глаголов состояния – на –ѣ- с нулевой ступенью вокализма корня (см. Мейе, ЭЭСЯ и др.). О том, что *имѣти* был древнерусскому языку известен, свидетельствует и замена его нетематического спряжения тематическим, ср. выше примеры из грамот № 752 и 886 (*имѣеши, имѣе[т]*) и замечание ААЗ о том, что презенс здесь представлен в характерном для русского языка варианте, и примеры из ПВЛ (2), (3), (4), причем встречаются они и в ранних частях ПВЛ. По данным словарей, формы типа *имѣю* известны многим ранним вост.-слав. текстам, в том числе книжным (СДРЯ указывает на более 1000 употреблений) – это явно был живой вост.-слав. процесс, усвоенный и книжной нормой.

Т.е. глагол *имѣти* нельзя считать неизвестным живому др.-рус. языку, но в качестве основного средства выражения обладания он не использовался.

В связи с этим уместно вспомнить известную работу Э.Бенвениста о глаголах «быть» и «иметь» в языках мира, где отмечается, что наличие специальных глаголов со значением

ʽиметь, обладать’ – относительно позднее приобретение даже для и.-е. языков; изначально это были глаголы состояния, и наиболее древним было использование их «в описательных оборотах, передающих субъективные состояния: «испытывать голод, холод, желание и т.д.» [Бенвенист: 214]. Именно такие употребления *имѣти* преобладают в ранних др.-рус. летописях – они явно архаичны.

Видимо, развитие глагола *имѣти* в основное средство выражения значения обладания не было характерно для вост.-слав. диалектной зоны. Можно предположить, что посессивная конструкция с *имѣти* развивается с позднепраславянской эпохи (возможно, в направлении с юго-запада славянского мира на восток), превращаясь в соответствующих славянских языках в основное средство выражения значения ʽобладать’. В вост.-слав. же диалектной зоне *имѣти*-конструкция не получает активного развития и начинает оцениваться как книжная.

Основным средством выражения значения обладания в др.-рус. языке была конструкция «*оу*+Р.п.» с глаголом *быти*, который в 3 л. мог опускаться. Это конструкция древняя, видимо, праславянского происхождения; она известна и в ст.-слав., и в церк.-славянских текстах. В древнерусских некнижных текстах эта конструкция – основная и чрезвычайно употребительная, многочисленные примеры находим в долговых списках в берестяных грамотах:

(16) *оу Рьтъкѣ : гри҃в : оу Хва/лиса : гри҃в : оу Тѣшадѣ /.е.* (№ 905, посл.четв. XI в. [Зализняк 2004: 248]);

оу Мила гривена : оу Михалѧ гривен(а) : оу Ильикѣ д(в)овѣ грѣвенѣ оу Коснилѣ / довѣ : оу К[л]опоушѣ довѣ грѣвенѣ : оу [ѧр]инѣ гривена : оу Поутилѣ гривена/ (оу)------ (гр)ивена : ~ оу Снови-ѣ гривена :~оу Неговита поло (гривенѣ) (Ст.Р.19, 1 пол. XII в. [Зализняк 2004: 336]) и др.

Основной эта конструкция становится и в летописной традиции XII в.: уже в ПВЛ она почти не уступает по употребительности *имѣти* в значении ʽhabereʼ, а в менее книжной КЛ уже доминирует над *имѣти*. Некоторые примеры из ПВЛ:

(17) *Кнѧже* ***есть оу мене*** *снъ меньшии дома. а с четырьми ѥсмь вышелъ. а онъ дома* (ПВЛ, 992 г., Лавр., л.42об=Ипат., 993 г., л.46).

(18) *А се* ***оу тобе есть*** (ʽимеется, находится’) *Итларевичь. любо ꙋбии любо и даи нама* (ПВЛ, 1095 г., Лавр., л.76=Ипат., л.84).

С опущенным глаголом *быти*:

(19) *Се дружина* ***оу тобе*** *отьнѧ и вои. поиди сѧди Кыевѣ на столѣ ѡтни* (ПВЛ, 1015 г., Лавр., л.45об=Ипат., л.49об)

- в КЛ примеров с опущенной связкой большинство.

В вост.-слав. традиции эта древняя конструкция все больше начинает восприниматься как черта синтаксиса живого языка, а *имѣти*-конструкция – как признак церк.-слав. синтаксиса.

3. Именно с отсутствием в живом употреблении глагола *имѣти* в значении ʽhabereʼ связано, по всей видимости, отсутствие в др.-рус. языке модальных оборотов так наз. «будущего сложного I» *имамь*+ инфинитив. Их специфическое значение неизбежности наступления указанной ситуации развивается на базе значения ʽобладать’ (типологически хорошо известное развитие глагола обладания в показатель внешней необходимости) – значения, нехарактерного для вост.-слав. диалектов древнерусской эпохи. Как не раз отмечалось, эти обороты неизвестны в некнижных текстах - имеющиеся примеры либо собственно церковнославянские, либо из летописей, преимущественно ранних, хотя употребление их явно семантически мотивировано, т.е. они вост.-слав. книжникам были понятны. Приведу только несколько образцовых примеров (не буду читать):

(20) в рассказе об осаде Киева печенегами: *аще кто не приступить с утра* (Р.А. *не подступите заутра*) ***предатисѧ имамъ*** *Печенѣгомъ* ʽнеизбежно сдадимся, вынуждены будем сдаться’ (ПВЛ, 968 г., Лавр., л.19об. = Ипат., л.26 – НПЛмл *предатисѧ имоуть*, л.37об.) - и в словах печенегов из того же рассказа: *Аще ли сего не створимъ* ***погубити*** *ны//* ***имать*** *Стославъ* ʽнеизбежно погубит’ (968 г., Лавр., л.19об.-20 = Ипат., л.26об. = НПЛмл, л.37об.);

(21) в рассказе о старце Исакии: *Аще мѧ бѣсте прелстили в печерѣ первое. понеже не вѣдѧхъ козни ваши*[x] *и лукавьства. нонѣ же* ***имамъ*** *Г҃а І҃с Х҃а и Б҃а моѥго и млитву ѡца моѥго Феѡдосьꙗ. надѣюсѧ [на Х҃а]* ***имам побѣдити*** *[ва҃]* ʽнеизбежно одержу над вами победу’ (ПВЛ, 1074 г., Лавр., л.66=Ипат., л.72об.) – в одном контексте с *имамь* в прямом значении ʽhabere’.

Со временем они все больше превращаются в книжные застывшие клише – в отличие от ю.-слав. языков, развития не получают. Как кажется, наблюдается определенная связь между наличием в слав. языке посессивной *имѣти*-конструкции в живом употреблении и грамматикализации будущего на базе глагола *имѣти*.

Совсем иная ситуация - конструкции с *иму*.

Давний спор о том, заместил ли *иму* нетематический *имамь* в силу утраты нетематического спряжения или это изначально другой глагол, думаю, надо решить в пользу второй трактовки. Это глагол *ꙗти* ʽвзять’, семантика *иму*-оборотов изначально отличалась от семантики оборотов с *имамь*. Глагол *ꙗти*, в отличие от *имѣти*, вполне употребителен и в некнижных др.-рус. текстах, ср. примеры из берестяных грамот:

(22) <…> *ѧ ныньково* ***ѧли*** *по коунь на ньдьлоу* <...> ʽА теперь взяли по куне на неделю’ (№ 1002, XII в. [Янин, Зализняк, Гиппиус 2015: 101];

ср. от презентной основы: <...>*а [г] рьзно* ***нь имуо*** ʽа трех резан не возьму (или: не возьмут)’ (№ 994, блок грамот Якима, втор.пол.XII в.[Там же: 94]) и др.

Аналогичные примеры из летописей (ПВЛ):

(23)...*Мы тебе* ***не имемъ*** *ни иного ти зла створи*[м] (ПВЛ, 1100 г., Лавр., л.92об.);

(24) *ѡже то начнеть ѡрати смердъ и приѣхавъ Половчинъ оударить и стрѣлою и лошадь ѥго* <u>*поиметь.*</u>*а в село ѥго ѣхавъ* ***иметь*** *жену ѥго и дѣти ѥго и все имѣньѥ ѥго* (ПВЛ, 1103 г., Лавр., л.93об., РА - *возьмет*).

Как отмечалось всеми исследователями, конструкции *иму*+ инфинитив фиксируются в памятниках с XIII в. Правда, они регулярно употребляются в княжеских уставах, первоначальный текст которых большинство историков относят к XII в., если не ранее (Устав Владимира о десятинах, судах и людях церковных, Устав Ярослава о церк.судах). Характерные примеры в заключительных формулах «проклинания»:

(25) *кто* ***иметь преступати*** *правила си, или дѣти мои, или правнучата, или в которомь городѣ намѣстникъ, или тиоунъ, или соудьꙗ...да будуть проклѧти в сии вѣкъ и в боудоущии семию зборовъ стыхъ ѡць вселеньскыхъ* (Устав Влад.,Син., л.630 [ДрРусКУ: 24],);

(26) *Аще кто* ***имѣть судити*** *црквныи суды что приданы митрополиту стане*[т] *съ мною на страшнѣмъ судѣ пре*[д] *бгомь* (Устав Влад., Рум.232, л.202об. [Там же: 45]).

(27) вне устойчивых формул: *Аще моу*[ж] ***име***[т] ***красти*** *коноплѣ или ленъ и всѧкое жито, митрополиту .****вi.*** *гриве*[н] <…> *Аще кто* ***име***[т] ***красти*** *сватебное и огородное – все митрополиту*(Уст.Яросл., ГПБ, л.105 [Там же: 88-89]) и др.

Однако поскольку вопрос о датировке первоначального текста уставов не бесспорен, надежным доказательством существования *иму*-оборота в др.-рус. языке ранее XIII в. этот материал все-таки считать нельзя.

Всеми исследователями отмечалось, что конструкция *иму*+инфинитив не имеет модального значения и близка к значению собственно будущего. Характрное употребление этих оборотов в условном придаточном, что несовместимо с модальностью неизбежности, свойственной *имамь*-оборотам, подтверждает, что это разные конструкции с разным семантическим развитием.

Глагол *ꙗти* ʽвзять’, формирующий эту конструкцию, тоже принадлежит семантической сфере обладания, но это глагол действия, рано закрепивший значение СВ. Семантика СВ выводит на первый план значение начала существования новой ситуации - не случайно А.А. Потебня называл эти конструкции «будущим начинательным», отличая их от конструкций с *имамь.* Семантика *иму*-оборотов развивается именно на базе значения ʽвзять’ и оказывается близким к значению конструкций с *начать (почать)*, те и другие встречаются в сходных контекстах (например, в тех же заключительных формулах «проклинания» в грамотах - правда, *почьноу*-обороты надежно фиксируются уже в XII в.), ср. в Мстисл.грамоте:

(28) *даже которыи кнѧзь по моѥмь кнѧжении* ***почьнеть хотѣти ѿꙗти*** *оу стго Геѡргиꙗ. а Бъ боуди за тѣмь и стаꙗ бца и тъ стыи Геѡргии* (Мстислав.грам. ок.1130 г.).

То, что значение ʽвзять что-л.делать’ может развиваться в значение наступления новой ситуации, хорошо подтверждается фольклорными примерами (из былин):

(29) *А честна вдова Офимья Олександровна / Она* ***взяла*** *по полатом-то* ***похаживать,*** */ своим женским тут голоском* ***поваживать*** («Добрыня Никитич»); *С горы на гору да с холмы на холму/* ***взял*** *он реки-то озера* ***перескакивать,/*** *широки раздолья промеж ног* ***пущать*** («Дюк») и др.

Именно «начинательные» инфинитивные конструкции (с *начьну/почьну, иму,* позднее развившиеся со *стану*) окажутся впоследствии в вост.-слав. зоне основными конкурентами на грамматикализацию в будущее время. С *иму*-конструкциями это и произойдет в значительной части вост.-слав. диалектов – укр., белор., части севернорусских говоров. Причем уже в XIV в. конструкции с *иму* в этом отношении, видимо, были наиболее продвинутыми.

В берестяных грамотах на сегодня известен один пример *иму*-конструкции из грамоты № 364 втор.половины XIV в., причем в одном контексте с *почну* + инфинитив:

(30) *какъ /****имешь продавать*** *и ты / даи намъ ржи на полти/ну какъ людомъ* ***поцнешь давать*** (№364, втор.пол.XIV в.) – перевод А.А. Зализняка: «Когда будешь продавать, дай нам ржи на полтину – как людям станешь давать (т.е. на тех же условиях)» [Зализняк 2004: 606].

В комментарии к этой грамоте А.А. Зализняк пишет: «Сочетание *поцнешь давать* носило довольно свободный характер <ср.аналогичные примеры>. Несколько большей степенью грамматикализации, по-видимому, обладает сочетание *имешь продавать* (единственный пример такого рода в берестяных грамотах)» - приведены сходные примеры из пергаменных грамот XIV-XV вв. [Там же: 607]. Очень вероятно, что на такой близкой к грамматикализации стадии развития *иму*-конструкции находились во второй половине XIV-начале XV в.

И. С. Юрьева

ИРЯ РАН, Москва,

iriwonok@yandex.ru

ЕСТЬ ЛИ РАЗНИЦА МЕЖДУ НАЧАТИ И ПОЧАТИ В ПЕРИФРАСТИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЯХ?

В докладе рассматривается соотношение инфинитивных конструкций с глаголами *начати* и *почати* в переводных и оригинальных древнерусских текстах разных жанров, различия в употреблении этих глаголов между формами «сложного будущего» и «сложного прошедшего», а также анализируются особенности инфинитивов, способных образовывать сочетания с каждым из двух синонимичных фазовых глаголов.

1. Инфинитивные сочетания с начинательными глаголами могли в древнерусских текстах служить формами «сложного будущего» и «сложного прошедшего». Семантически никаких различий между общеславянским вариантом с *na- и его восточнославянским аналогом с *po- найти не удаётся: фазовый глагол в любом своём виде маркирует начало ситуации. Но в зависимости от жанра очень различается и частотность употребления инфинитивных конструкций с начати (почати) вообще, и соотношение как перифрастического футурума и перифрастического претерита, так и собственно вариантов начати и почати.

2.1.1. Если рассматривать бытовые тексты, то в берестяных грамотах единственный вариант конструкций такого рода – обороты с презенсом. Единственный же вариант фазового глагола – древнерусский. Во всех семи инфинитивных конструкциях БГ используется только почати: 1) … даи намъ ржи на полтину какъ людомъ поцнешь давать а грамота к тобѣ с моимъ дѣтиною (364, 1380-е–1400-е гг.); 2). …ци ти пъц[ь]не кнѧзь к□пьцѣ надѣливати (794, 60–80 гг. XII в.). 3) … аже ми сѧ поцьньши насмихати а соудить бъ҃[и] моѧ хоудость (752, 1080-е–1100-е гг.); 4) …а поцне прошати жени или синови жени ˙г˙ бели а сину белка (406, 1360–1380); 5) …только поцьне продавать тобѣ и тъ у ѥи купи (129, 1410–1420); 6) …ачи то ти почьне п[ь]нати несми вѣрѣ соу[л]и[ле]… (820, 60-е–70-е гг. XII в.); 7) тамо поценеши тиро(вати)… (227, 60–90-е гг. XII в.).

2.1.2. Что касается жалованных и духовных древнерусских грамот, то по материалам ГВНП почати, как и в берестяных грамотах, – единственный вариант[58]: две конструкции есть в двинских актах и семь – в грамотах центра, ср.: 1) а хто почне наступати на ти земли . ино wчищивати ти земли wнцифору и его дѣтемъ [ГВНП 177, 1/2 1460-х гг]; 2) …котор□и кнѧзь по моѥмь кнѧжении почьнеть хотѣти ѿ□ти оу ст҃го

[58] За исключением *Духовной грамоты Антония Римлянина*, в которой трижды встречаются обороты с начати: *начнет хотети*, *начнет… деяти* и *начнет… ставити*. Безотносительно споров о подлинности этого текста [см. Валк 1937, Тихомиров 1945, Янин 1991: 355—357], грамота представлена списком XVI в., и вариант с на- вполне мог принадлежать переписчику.

гєwргиⷭ, а бг҃ъ боуди за тѣмь и ст҃аⷭ бц҃а, и тъ ст҃ыи гєwргии оу него то wтимаѥть… [ГВНП 81, 1130 г.]; 3) …или кто почнеть сѧ запирати того, тъ станеть со мною передъ бм҃ь [ГВНП 105, 1255—1257 гг.] – и т.д.

В. И. Борковский тоже не отмечает среди форм аналитического футурума варианта с начати [ср. Борковский 1949: 147].

Можно предположить, что раз в грамотах нет инфинитивных оборотов с начати, вариантом сложного будущего в живом древнерусском языке были именно конструкции с почьноу, а не начьноу.

2.1.3. И вероятно, именно «почьноу + инфинитив» был самым ранним продуктивным вариантом древнерусского сложного будущего.

В раннедревнерусских письменных памятниках в инфинитивных оборотах со значением будущего помимо фазовых глаголов могли использоваться глаголы хочу и иму.

Что касается хочу, то настоящих проспективов (‘нечто вот-вот произойдёт, собирается случиться, должно произойти’) крайне мало в древнерусских текстах[59] – из ранних летописей, например, они имеются только в трёх: ПВЛ, КЛ и СЛ – и их там соответственно 8, 3 и 2. В текстах других жанров их тоже немного: в житиях обычно тоже бывает по нескольку примеров, в бытовых и деловых текстах проспективные обороты с хотѣти не встречаются вовсе. Со временем их частотность в текстах остаётся примерно на том же уровне [ср. Юрьева 2018: 146—150].

Живые древнерусские [ср. Кузнецов 2004, Гудков 2007] обороты с имоу в ранних текстах тоже не слишком распространены – первая письменная фиксация относится к началу XIII в. Это пример из *Договора неизвестного смоленского князя с Ригою и Готским берегом, 1223–1225* [Смоленские грамоты: 10–17]. Условная церковнославянская альтернатива имоу-оборотов с глаголом имамь встречается только в определённом типе контекстов в клишированных оборотах [Юрьева 2011]. К XV в. число имоу-конструкций в древнерусских нарративных текстах не растёт, зато в грамотах они становятся относительно распространёнными. Во всём корпусе берестяных грамот встречается лишь один случай будущего с имоу – имешь продавать из поздней грамоты 1380-х–1400-х гг. № 364 [Зализняк 2004: 606], причём в той же грамоте есть и почьноу-оборот. А В. И. Борковский в исследованных им текстах грамот отмечает уже 44 *иму*-конструкции – в противовес 32 формам с *почну*/*учну* [Борковский 1949: 147]. Таким образом, имоу по крайней мере после XIV в. начинает серьёзно конкурировать с почьноу в формах

[59] О проспективах в старославянском языке см. [Козлов 2014].

сложного будущего[60]. Но несмотря на появление такой альтернативы, можно говорить о полноценном функционировании почьноу-оборотов с футуральным значением в живом языке.

2.2. В другим источниках, где есть презентные обороты, соотношение фазовых синонимов иное.

В законодательных актах – тоже в связи с особенностями жанра – как и в грамотах, встречаются исключительно обороты с презенсом.

Но, в отличие от грамот, здесь присутствует вариант начати, и именно он значительно преобладает. Например, в РПК 6 контекстов с начати против одного с почати, в РПП соотношение этих вариантов 13/1. Ср. примеры из РПК: 1) ***А иже изломить копье, любо щитъ, любо портъ, а начнеть хотети его деръжати оу себе, то приати скота оу него; а иже есть изломилъ, аще ли <u>начнеть</u> <u>приметати</u>, то скотомъ емоу заплатити, колько далъ боудеть на немъ*** (РПК, с. 79); 2) ***Аже где възыщеть на дроузе проче, а он <u>ся</u> <u>запирати</u> <u>почнеть</u>, то ити ему на изводъ пред 12 человека…*** (там же, с. 78)

С чем это может быть связано?

Следует заметить, что начати в формах будущего сложного вообще нехарактерен для южнославянских памятников и достаточно редок по сравнению с другими вариантами [Вайан 2004: 377; Birnbaum 1958: 194].

Поэтому вряд ли можно говорить об условно церковнославянской конструкции, победившей в памятниках определённого жанра соответствующую древнерусскую, – скорее начати, нормативный для южнославянских текстов по сравнению с почати, воспринимался древнерусскими книжниками как нейтрально-письменный вариант последнего.

3. Такое же соотношение можно видеть, если обратиться к **претеритным** конструкциям[61] с этими двумя глаголами. Такие конструкции свойственны текстам других жанров – они служат основным перифрастическим оборотом с фазовыми глаголами в нарративных памятниках. В древнерусских летописях они явно могут претендовать на законное место в претеритной системе [Юрьева 2018]. Как и в случае с «будущим сложным», обороты с аористом начати / почати как разновидность сложного претерита – специфически восточнославянские. Помимо летописей, они относительно частотны в переводных памятниках восточнославянского происхождения.

---

[60] Исследователи, занимавшиеся формами с имоу, отмечали у этого глагола начинательное значение [ср. Соколова 1972, Шевелева 2017], которое, вероятно, и способствовало такой конкуренции.

[61] В абсолютном большинстве случаев это аорист начати или почати + инфинитив.

3.1. Что касается ранних житийных памятников, похоже, в их языке конструкции с почати не считались допустимыми. Так, например, в переводном ЖАЮ беспрецедентно много нача-оборотов (128 из 278 конструкций с начати вообще), и это выделяет его даже в ряду восточнославянских переводов и приближает к оригинальным древнерусским летописям. Но несмотря на большое количество перифрастических конструкций с фазовыми глаголами в ЖАЮ ни разу не встречается почати. В ранних оригинальных русских житиях из Успенского сборника почати тоже нет . Во всех 28 перифрастических оборотах СкБГ и 33 ЖФП используется только начати. В более поздних памятниках, если судить по данным старорусского корпуса НКРЯ [http://www.ruscorpora.ru/search-mid_rus.html], такая тенденция сохраняется. Единственный пример с почати (причём в презенсе) найден системой в *Повести о житии Михаила Клопского* – то есть, собственно, не относящемся к житийному жанру тексте.

3.2. Среди других рассмотренных древнерусских переводных нарративов почати встречается только в Истории *Иудейской войны* Иосифа Флавия (10 раз из 56, 18%) и в *Повести об Акире Премудром* (1 раз из 16). В Александрии (38 контекстов), Девгениевом деянии (44 контекста), Чудесах Николы (16 контекстов) вариантов с по- нет.

3.3. Чаще всего перифрастические претериты с почати встречаются в раннедревнерусских летописях.

В оригинальных летописях соотношение начати / почати следующее (по убыванию частотности, в скобках указан процент сочетаний с почати): СЛ 43/36 (46%); КЛ 150/94 (39%); НПЛС 32/19 (37%); ПВЛ 150 /45 (23%); ВЛ 87/21 (19%); НПЛК 115/25 (18%); МС 458/43 (9%)[62].

Поскольку НПЛК и МС – самые поздние летописи в списке, можно предположить, что со временем число поча-оборотов снижается. Как будто бы это подтверждают и данные старорусского корпуса. Так, например, согласно [http://www.ruscorpora.ru/search-mid_rus.html] в Псковской Первой летописи всего трижды встречается перифрастический претерит с почати, во Второй почати не встречается, хотя нача-конструкции там есть, и их немало; в Архивском списке Псковской Третьей летописи четыре поча-оборота. В Строевском списке той же летописи 17 контекстов с поча-конструкциями, и это почти четверть от всех перифрастических претеритных оборотов с начинательными глаголами – но пропорционально общему объёму текста этих конструкций всё равно очень немного.

[62] Из списка летописей намеренно исключены данные ГЛ. Хотя в ГЛ есть и начати, и почати, и их соотношение 80%/20%, что, казалось бы, вполне вписывается в общие данные, но язык ГЛ особый, летописец отталкиваться от многих древнерусских особенностей, обыкновенно допустимых в летописном повествовании, в том числе избегал нача-конструкций [Юрьева 2016], которых в этой большой по объёму летописи всего 15.

3.4. Итак, похоже, что в летописном нарративе, также как и в процитированных выше законодательных актах, начати используется как «литературный» эквивалент почати.

Но в случае с формами «сложного будущего» мы имеем дело либо непосредственно с живыми формами, либо с их нейтрально-письменными эквивалентами. При этом весьма маловероятно, что параллельные претеритные конструкции активно функционировали в живом языке именно как часть системы претеритов – хотя бы потому, что длинные повествовательные периоды вообще мало свойственны живому языку, а нача-обороты в летописях характерны для распространённых повествовательных отрезков.

Безусловно, сам по себе оборот с начинательным глаголом – совершенно обыкновенная конструкция для славянских языков. Но в летописях она употребляется систематически и даже становится традиционной, закрепляется как специфически летописная форма. Поэтому мы всё равно имеем дело с некоей условностью, возикшей на почве живого синтаксиса благодаря такой продуктивности начинательных глаголов как грамматического показателя в восточночлавянских языках.

Вспомогательный глагол в таких претеритных оборотах до конца XV в. почти всегда стоит в аористе (или – на несколько порядков реже – в причастии). Случаи, когда вместо аориста в древнерусской летописи употребляется перфект, не превышают статистической погрешности, даже в текстах с относительно выской долей перфекта и с большим количеством перфектов без связки – таких как КЛ и ВЛ. И со временем начинательная претеритная конструкция становится, по всей видимости, всё более абстрактной. Система перестраивается: с одной стороны, утрачиваются древние простые претериты, с другой стороны, часть стандартных контекстов с начати / почати заменяется оборотами со стати, которые постепенно распространяются начиная с XV в. [Молдован 2010:7], и с оучати [ср. Пенькова, в печати].

Чем меньше остаётся связи с живым языком, тем сильнее тенденция стандартизировать внешний вид конструкции, и это приводит к сокращению количества конструкций с древнерусским вариантом фазового глагола, как видно по более поздним летописям.

Позже исчезает и сама конструкция. Согласно материалам старорусского корпуса НКРЯ, после XV в. достаточно резко падает частотность претеритных оборотов с фазовыми глаголами, а сама форма фазового глагола – всё чаще уже не аорист, а -л-претерит. Таким образом, особое положение нача-конструкций утрачивается, они теряют

своё место в претеритной системе [Юрьева 2018: 141], и ситуация становится близка к современной.

4. Как было сказано выше, глагол почати в претеритных перифрастических сочетаниях чаще всего встречается в раннедревнерусских летописях. Поскольку этот глагол, как видно из приведённых данных, нейтральным вариантом не был, соотношение синонимов с по- и на- может быть значимым для языка памятника.

Можно рассмотреть это на примере КЛ. Несмотря на то, что некоторые языковые явления распределяются в тексте КЛ достаточно однородно, с точки зрения соотношения отдельных грамматических и лексических синонимов можно выделить текстологические швы. И разные фрагменты КЛ очень различаются, в частности, по употреблению начати / почати, ср. данные таблицы ниже:

Таблица 1. Соотношение начати и почати в разных фрагментах КЛ

нача / поча + инфинитив	до л. 118, до 1145 г.	лл. 118–143, до 1149 г.	лл. 144–177, 1150–1159 гг.	лл. 178–204, 1159–1174 гг.	лл. 205–245, 1175–1200 гг.
	6 / 7 (46% / 54%)	22 / 12 (65% / 35%)	52 / 21 (71% / 29%)	55 / 7 (89% / 11%)	18 / 41 (31% / 69%)

Так, если данные первой части («короткие статьи», до 1145 г.) не очень показательные, то начиная со второй (до 1149 г.) можно видеть, что доля почати с относительно высокого процента (35%) постепенно снижается: в третьей части (до 1159 г.) почати меньше 30%, в четвёртой (до 1174 г.) ещё меньше – 11%, а вот последняя, пятая часть даёт обратное соотношение: поча-конструкции составляют здесь 69%, что очень много, если судить по летописям в целом, как было видно выше.

5.1. Оба фазовых синонима могут употребляться не только с одним и тем же инфинитивом, но и в одном и том же контексте, причём «направление» редактирования может быть разным. Например: 1) андрѣи поча рѧдити полкъ ѿцѧ своєго (КЛ, 158, 1151) – андрѣи нача рѧдити полкъ ѡцѧ своюєго (СЛ, 111 об, 1151); 2) и ѿ сего начаша оумирати сѩнове пре(д) ѡцѩмъ (ПВЛ, 36) – ***и от сего почаша умирати сынове пред отци*** (НПЛК 52, текст ПВЛ); 3) ***И убоявъшися почаша ся возити на одину вперед къ святѣи Софѣи*** (НПЛК 177) – ***а людие начаша возитися на ону сторону ко святѣи Софии*** (МС, 180об., 1259); 4) ѡн же нѣ вдавъ имъ сн҃а но поча имъ давати брата своє(г҃) мьстислава. ѡни же не въсхотѣша (КЛ, 183, 1161) – ***Онъ же сына не да имъ, но нача имъ давати брата Мъстислава, они же его не восхотѣша*** (МС, 83/83об, 1160)

Но можно попытаться установить, с какими инфинитивами чаще всего встречается почати.

Логично было бы предположить, что русский вариант фазового глагола должен иметь тенденцию сочетаться с русизмами.

Как показывает материал, можно разве что с осторожностью говорить о сознательном выборе вспомогательного глагола. Это видно, если, например, в памятнике с выской долей поча-оборотов с разными инфинитивами в одном контексте фигурируют разные глаголы, ср. и сѣде сѓополкъ съ своею дружиною. а володимеръ съ своею дружиною. а въ единомь шатрѣ и поча думати. и начаша глѓи дружина сѓополча. не веремѧ веснѣ воевати (СЛ, 132, 1184).

Обнаруживается некоторая зависимость и у конструкций с глаголами речи. Так, например, из трёх глаголов мълвити-глаголати-говорити больше всего склонен сочетаться с почати восточнославянский [Пичхадзе 2011: 137] вариант мълвити. Всего с ним обнаружено 58 конструкций, в 20 из них он употребляется с почати. Инфинитив глаголати зафиксирован в 79 конструкциях, из них с почати он сочетается только дважды. Глагол же говорити используется исключительно с начати.

Глагол вѧзати в значении ‘связывать, привязывать’ фиксируется только с начати, а в значении ‘судить’, специфически древнерусском, встречается и с почати.

Но при этом русизмы жаловати (в ПВЛ) и жаловатисѧ (в СЛ), лоупити ‘грабить’ (НПЛ), пристраватисѧ (ВЛ) обнаруживаются только с начати, несмотря на то что в памятниках, где есть конструкции с этими инфинитивами, почати относительно частотен.

Глаголы со специфически восточнославянскими суффиксами -ива-/-ыва- тоже далеко не всегда обнаруживают способность сочетаться с почати. Только шесть из 29 таких глаголов встречаются с почати: въскладывати (МС), замышливати (СЛ), изрѧживати (ВЛ), надѣливати (БГ), попълзыватисѧ (КЛ, МС), съвъкоупливати (ВЛ). Остальные 23 инфинитива выступают только в конструкциях с начати: въспрашивати (МС), исправливатисѧ (ИИВ), намълвливати (МС), нарѧживати (ВЛ), отъказыватисѧ (МС), перемълвливати (ВЛ), перепытывати (МС), побадыватисѧ (ВЛ), повѣдывати (МС), подъговаривати (МС), подъмълвливати (МС), подъписывати (МС), поноуживати (КЛ), поостривати (ПВЛ), по□вливатисѧ (МС), приказывати (МС), припрашивати (КЛ, МС), приставливати (ВЛ), пристраивати(сѧ) (НПЛС, ВЛ), роскопывати (ВЛ), съкладывати (КЛ), съкоупливати (КЛ), сърыскивати (НПЛК). Правда, 10 из них приходится на МС, в котором, как уже говорилось, относительная доля поча-конструкций намного ниже, чем в ранних летописных памятниках.

6. Если вернуться к вопросу о разнице между начати и почати в перифрастических конструкциях, приходится признать, что она в большей степени стилистическая: в высокие жанры почати не допускался вовсе; в нарративах этот глагол в той или иной степени считался допустимым, но нейтральным вариантом явно был его синоним начати. При этом положение почати в формах перифрастического футурума было значительно прочнее, чем в формах перифрастического претерита, благодаря поддержке живого языка.

Что касается самих инфинитивов, используемых в перифрастических конструкциях с фазовыми глаголами, то если глагол употребляется только с почати, это, как правило, единственный контекст или два–три примера в одном памятнике. Отдельные инфинитивы, такие как бити, быти, воєватисѧ, доумати, мълвити, обнаруживают относительно большую склонность сочетаться с вариантом почати.

7. **Приложение 1**. Инфинитивы, фигурирующие с фазовыми синонимами почати и начати.

Всего с начинательными глаголами во всех исследованных древнерусских памятниках из 476 инфинитивов 107 встречаются с почати.

7.1. Ниже приводятся списки инфинитивов: а) встречающихся исключительно с почати; б) встречаются только с почати хотя бы в части памятников; в) вообще возможны в конструкциях с почати в тех памятниках, где есть инфинитивные конструкции с этим глаголом.

А. Есть всего 27 инфинитивов, которые встретились исключительно с почати. В скобках после глагола указано количество употреблений:

1. бродити (1): ***Того дни прошла река Москва, а назавтрее <u>почали бродити</u> через нее на конех*** (МС 455об., 1478).
2. винити (1) ...***отъя от него волость сына дѣля своего, и тѣмъ <u>поча винити</u> тьстя своего и крестъное цѣлование поминая ему*** (МС 117об., 1196)
3. воєватисѧ (3): 1) и <u>почаша воєватисѧ</u> со wлгови(ч҃) (КЛ 239, 1196); и <u>почашь сѧ воюєвати</u> (СЛ 136об, 1186); ***и <u>поча воеватися</u> с ними*** (МС 114, 1186). Это один из самых удачных примеров: три разные летописи, как минимум два разных контекста. В ВЛ, правда, инфинитив воєватисѧ стоит при форме начаста, но выбор начати в данном контексте можно объяснить влиянием первого инфинитива: и <u>начаста</u>. <u>вражьствовати</u> межи собою. и <u>воеватисѧ</u> (ВЛ 283, 1281).
4. вѧзати ‘судить’ (1) и <u>почѧ́ша вѧзати</u> и <u>рѣща́ти</u> □же хотѧ́хоу (ИИВ 349об).
5. замышливати (1) того же лѣ(т҃). приде к гюргеви галичьска□ помощь. зане <u>бѣ почалъ</u> рать <u>зам□шливати</u> дв҃двичь (СЛ 115об/116, 1154)
6. карити (1) оумре кнѧгини миндовгова□. и <u>поча карити</u> по неи бѧшеть бо сестра еи. за

домонтомъ (ВЛ 286, 1262)

7. крыти (1) ***Онъ же отвѣща имъ: «да како азъ възглаголю: братие моя, потягнемъ вкупѣ съ единого, а сам лице свое <u>почну крыти</u> или хоронитися назади*** (МС 282об., 1380).
8. крьстити (2, в общем контексте): ***а Ижеру <u>почалъ крестити</u> въ свою вѣру*** (НПЛК 214, 1348); (МС 235, 1348)
9. коупити (2, общий контекст): <u>почахомъ коупити</u> хлѣбъ. по .и҃. коунъ (НПЛС 111, 1230); (НПЛК 152об., 1230)
10. льстити (1) ти же <u>почаша лестити</u> подъ кн҃земъ своимъ (КЛ 120, 1146).
11. надъниматисѧ (1) ***По семъ же кровь <u>почат надниматися</u>, отець же его духовны Осиа именем священноинок, затъкну бумашкою ноздри его*** (МС 364об., 1440)
12. надѣливати (1) …<u>пъц[ь]не</u> кнѧзь к□пьцѣ <u>надѣливати</u>... (БГ 794, 60—80 гг. 12 в.)
13. насмихатисѧ (1) аже ми <u>сѧ поцьньши насмихати</u> (БГ 752, 1080-е – 1100-е гг.)
14. насылати (1) а на сг҃ослава. <u>поча нас□лати</u>. тако река. како єси послалъ сн҃а своє(г҃) (КЛ 230, 1189)
15. перевозити (1) <u>почаша</u> в насаде(х҃) дружину є(г҃) <u>перевозити</u> на сю сторону в подольє (КЛ 146, 1150)
16. подъниматисѧ (1): половци же оубо□вшесѧ того <u>почаша подъниматисѧ</u> прочь (СЛ 118об, 1152)
17. позывати (1): ***Князи же сему совѣту внимаху, нежели первому, надѣющеся на множство вои, и <u>почаста позывати</u> к Липицамъ на бои*** (МС 138об., 1216)
18. (не)помогатисѧ (1): ***Того же мѣсяца июня 26 архиепископъ Новогородскыи Сергеи остави архиепископью и прииде ко Троицѣ в Сергеевъ манастырь во свое пострижьние, поне же <u>бѣ почал непомогатися</u>*** (МС 467об., 1484)
19. попълзывати(сѧ) (2, один контекст): а т□ тогда не жалуи на мѧ. wже <u>сѧ почнешь пополз□вати</u> . и щернигова к нову городу (КЛ 179, 1159); (МС 78об., 1159)
20. продавати (1): …только <u>поцьне продавать</u> тобѣ и тъ у ѥи купи (БГ 129, 1410-1420)
21. пьнати (1) ачи то ти <u>почьне п[ь]нати</u> несми вѣрѣ соу[л]и[ле]…(БГ 820, 60–70 гг. XII в.)
22. слабѣти (1) ***а он по многомъ плачи начат изнемогати тѣломъ, <u>почат</u> бо <u>слабѣти</u> рука ему, такоже и нога*** (МС 421, 1473).
23. стеречи (1): и послоушавъ же изѧслава мьстислалича . ростиславъ и <u>поча стеречи</u> волости єго (КЛ 122об, 1146).
24. стоупати (1) ***Стрѣлцем же стрѣляющимся о рѣку Стугну, <u>поча ступати</u> Володимерко съ силою своею*** (МС 57об., 1150)
25. съвъкоупливати (1): и <u>поча совокоупливати</u> силоу свою (ВЛ 288, 1268)
26. тировати (1) тамо <u>поценеши тиро(вати</u> … (БГ 227, 60-е – 90-е гг. XII в.)

27. оубывати (3, один контекст): въ ·аг҃ дн҃ь · передъ вечернею · почѧ оуб□вати сл҃нцѧ · и пог□бе всѣ (НПЛС 10 об., 1124); (НПЛК 101, 1124); (МС 32об., 1124)
28. оучити (1) нестеру п(с҃)пу сужьдальскому живущю. перехвативъ нестеровъ столъ. поча суждали оучити не ѣсти мѧсъ. въ г(с҃)дьск□□ праздни[к□] (СЛ 118, 1154)

Можно добавить в этот список ещё четыре инфинитива, которые употребляются только с почати в тех источниках, где почати вообще возможен:

1. водити (3): и поча и водити подлѣ сѧ (КЛ 121, 1145 г); королевичь же имѧ имъ вѣр□ поча ихъ водити ко кр(с҃)тоу (КЛ 230об., 1189); wнъ же поча ихъ водити . подът(□҃)ча на воєваниє (КЛ 231об, 1190). Помимо КЛ этот глагол есть в ЖАЮ с начати – но в этом памятнике нет инфинитивных оборотов с почати.
2. горѣти (1): потом же и городъ поча горѣти (ВЛ 284об, 1261). Как и предыдущий, этот инфинитив есть с начати в ЖАЮ.
3. простирати (1): сновидъ изечевічь. конюхъ ст҃полчь. и дмитръ конюхъ двдв҃ъ. почаста простирати коворъ. и простерша □ста василка и хотѧща □ поврѣщи (ПВЛ 89об, 1097). С начати этот инфинитив есть в ЖФП;
4. славити (1, ИИВ): … поча´ста сла´вити. и хвалити ирода. оумомъ и хи´тростию (357). С начати глагол славити употребляется в Ал (2 раза) и ЖАЮ (2);

Б. Ещё 40 инфинитивов бывают только с почати в части памятников. В приведённом ниже списке помимо контекста с почати указывается также соотношение почати/начати в конструкциях с каждым инфинитивом в других памятниках, в которых возможны почати-конструкции:

1. бити (1, ПВЛ): не □ бо почалъ бра(т)ю бити но wнъ (ПВЛ 30об, 980). Тот же глагол в других текстах с почати/начати: КЛ 2/1, НПЛК 1/ 4, Акир 1/1, МС 1/25;
2. быти (5, ПВЛ): си бо оугри почаша быти. при раклии цр(с)и (ПВЛ 6); и манастыреве почаху быти (ПВЛ 57, 1037); и в кое лѣ(т) почалъ быти манастырь (ПВЛ 60, 1051); се же знаменье поча быти w҃ дрьюцька (ПВЛ 79об., 1092); се же нынѣ третьеє лѣто. поча быти (ПВЛ 86, 1096). В других памятниках: МС 4/5, ВЛ 0/4;
5. владѣти / володѣти (2, общий контекст в НПЛС и МС): и самъ поча владѣти пльсковомь с нѣмци. вою□ села новгородьска□ (НПЛС 128, 1242); (МС 166об.,1242). В других памятниках: ПВЛ 1/1, НПЛК 0/3;
6. возитисѧ (1, НПЛК): ***И убоявъшися почаша ся возити на одину вперёд къ святѣи Софѣи*** (НПЛК 177, 1259). В МС 0/2;
7. въпра/ошати (1, СЛ): и почаша впрашати жив□хъ [изыманы(х)] много ли ваши(х҃) назади (СЛ 121, 1169). Есть ещё в ВЛ 0/4, МС 0/3, ИИВ 0/1.

8. въставати (1, КЛ) по малѣ же времени почаша въставити (!). новгородци оу вѣчи (КЛ 113об, 1140). ПВЛ 0/1: и слыша и на ногы нача вьставати (71об, 1074);
9. (не) грабити (3: КЛ, НПЛ): почаша не грабити (КЛ 209, 1175); а въ пльсковѣ почали бѧхоу грабити недобрии лю(д)є. села. l двор□ в городѣ (НПЛС 158об, 1314); (НПЛК 195об., 1314). С начати этот инфинитив есть в ПВЛ и МС;
10. давати (2, КЛ, БГ): wн же нѣ вдавъ имъ сн҃а но поча имъ давати брата своє(г҃) мьстислава. wни же не въсхотѣша (КЛ 183, 1161);… поцнешь давать (БГ 364, 1380-е – 1400-е гг.). В других текстах: МС 1/1, НПЛК 0/1;
11. да□ти (2, СЛ) начатъ слатисѧ къ Изѧславу мира просѧ. поча да□ти подъ собо(ю) К□ювъ. а подъ Мстиславо(м҃) Пере□славль (СЛ 114об, 1154, контекст КЛ); Андрѣи же кнѧзь поча да□ти имъ Мстислава брата своюго. wни же юго не всхотѣша (СЛ 117об, 1160). В КЛ из трёх контекстов оба претеритных – с почати: начатъ слатисѧ къ изѧславу къ двдовичю мира просѧ поча да□ти єму подъ собою києвъ. а подо мьстиславомъ перє□славль (КЛ 170об, 1154); наоутрѣ□ же поча да□ти саигатъ. кнѧземь и мужемь (КЛ 202, 1174) – а оборот со значением будущего с начати: что в□ начнеть да□ти (КЛ 117об, 1145). В ПВЛ, НПЛК, МС с этим инфинитивом употребляется только начати;
12. доумати (1, СЛ): а самъ поча думати с дружиною (СЛ 132, 1184). В других текстах: ПВЛ 2/6, КЛ 10/10, ВЛ 2/5, МС 0/11;
13. дьржати (2, ПВЛ, НПЛС): и по сеи братьи почаша дѣржати родъ ихъ кнѧжение (ПВЛ 5об); почѧ всѣславъ рать дрьжѧти (НПЛС 3об, 1065). В МС – один контекст с начати.
14. жечи / жещи (2, ВЛ, ИИВ): и почаша воевати. и села жечи (ВЛ 288, 1268); и ѿсѣко´ша. к҃. саженъ своими р□ками . поче´нѝше жещи ст҃оє и по два дн҃и въ. дѣ҃. дн҃ь прѣ(д)реченнаго м(с҃)ца (ИИВ л. 446). КЛ 0/1, МС 0/4;
15. жити (1, ВЛ): и поча житии (!) в манаст□рѣ (ВЛ 288 об, 1268), ПВЛ 1/2, КЛ 0/2;
16. зажигати (1, НПЛС): почаша добр□хъ лю(д҃)и дом□ зажїгати (НПЛС 113об, 1230). В КЛ, МС и ИИВ – 0/1;
17. запиратисѧ (1, РПК): ***Аже где възыщеть на дроузе проче, а он ся запирати почнеть, то ити ему на изводъ пред 12 человека***… (РПК с. 78). РПП 1/1, НПЛК 0/1;
18. зъвати (2, НПЛС); съзва вѣче на □рослали дворѣ. и почѧ звати новгородьче к□ювоу (НПЛС 79, 1214); кн҃зь же мьстиславъ въ вѣче поча звати. ѻни же не поидоша (НПЛС 79, 1214). ПВЛ 1/3, НПЛК 1/1, КЛ 2/2, МС 0/2;
19. имати (1, ПВЛ): и примучивъ □. поч(а) на ни(х) дань имать. по черьнѣ кунѣ (ПВЛ 10, 883). НПЛК 0/1, КЛ 0/1, ВЛ 0/1, МС 0/3;
20. имѣти (2, ГЛ, СЛ): видивъ бо лестько се. и поча имѣти любовь великоу. ко кн҃зю данилоу. и братоу его василкоу (ГЛ 238об, 1211); в то же лѣ(т҃). почаша съ wлговичи рать имѣти. и

начаша воєвати. села и город□ по Сулѣ (СЛ 101, 1136). ПВЛ 1/2, МС 0/2, ИИВ 0/2;

21. молитисѧ (1, НПЛС): мьстисла(в҃) же поцѧ молити сѧ кнѧземъ роусьск□мъ. бра(т҃)и своѥи (НПЛС 97, 1224). НПЛК 0/4, ПВЛ 1/2, КЛ 2/5, СЛ 3/4, МС 1/9, НПЛК 0/4, ИИВ 0/2;
22. мълвити (1, НПЛК): ***Почаша молвить о сужальстѣи воинѣ новгородци*** (НПЛК 102об., 1132). Как говорилось выше, этот глагол относительно частотен с почати, ср.: КЛ 15/15, ВЛ 2/10, СЛ 1/2, МС 1/6, ПВЛ 0/3, НПЛС 0/1;
23. мъножитисѧ (1, ПВЛ): и чернорисци поча множитисѧ… (ПВЛ 57, 1037). НПЛК 0/1;
24. нарѧжати (1, СЛ): в су(б҃)ту. мѧ(с҃)пу(с҃)·ю. почаша нарѧжати лѣс□ (СЛ 160об, 1237). ВЛ 0/2;
25. от(ъ)имати (2, КЛ): и почаша оу ни(х҃) воз□ ѿимати (КЛ 158, 1151); почаша ѿимати… (КЛ 231, 1189). НПЛК 0/1;
26. пи/ьсати (3, НПЛС, ВЛ, МС): а на весноу почѧшѧ пьсати ст҃оую софию · стѧжѧниюмь ст҃го влд҃к□ (НПЛС 7,1108); поча(л҃) же бѧше писатї ю и списа всѣ три олтарѣ (ВЛ 305, 1288); ***И почяша оканнии ѣздяще по улицам писати домы христьяньские*** (МС 180об., 1259), НПЛК 1/1, СЛ 2/2, ПВЛ 0/1, СЛ 0/11;
27. пома/огати (1, ВЛ): кнѧжащоу же Воишелькови в Литвѣ. и поча емоу помагати (ВЛ 287, 1264). ПВЛ, КЛ, МС – 0/1;
28. правити (2, КЛ, СЛ): почаша правити лодьи своѣ wколо пѣска. подлѣ свою стороноу (КЛ 154, 1151), СЛ: потомь поча рѧд□ правити (СЛ 148, 1206), В ВЛ единственный контекст – с начати;
29. пра/ошати (2, НПЛК, БГ): ***Посемъ же поча прошати его…*** (НПЛК 93об., 1071); а поцне прошати жени или синови… (БГ 406, 1360—1380). КЛ 2/4, МС 0/2, ИИВ 0/1;
30. пристоупати (2, КЛ, СЛ) : и поча володимеръ приступати силою (КЛ 145об, 1150); поча приступати Володимерко с силою своѥю (СЛ 109, 1150). МС 1/3, ПВЛ 0/1;
31. поущати (1, СЛ): романко поча пущати дчерь рюрикову хотѧшеть ю постричи (СЛ 140, 1197). ПВЛ 0/1, КЛ 0/1, МС 0/3;
32. ставлѧти (1, КЛ): и в божницахъ почаша кони ставлѧти и в □збахъ. ина□ многа насиль□ дѣ□ти (КЛ 231, 1189). СЛ 0/1;
33. съвъкоупити ‘собирать’ (1, КЛ): почаша совокупити дружину кь собѣ (КЛ 208, 1175), ПВЛ 0/1, МС 0/1;
34. твьрдити (1, СЛ): wна же □вѣдаста почаста городъ твердити (СЛ 135об, 1186). ИИВ 1/1;
35. тоужити (2, КЛ, ИИВ): галичани же почаша тоужити велми. и много ка□шасѧ. прогнавше кнѧзѧ своѥго (КЛ 231, 1189); и почѧ´ша тоужити глїюще. ѿцї и дѣди на´ши sвѣsдоче´тци бы´ша (ИИВ, л. 365). МС 0/1;

36. оумирати (1, НПЛК): ***и от сего <u>почаша умирати</u> сынове пред отци*** (НПЛК 52). ПВЛ 0/1 (тот же контекст);
37. ходити (1, КЛ): оли же <u>поча ходити</u> микулицѧ со ст҃ою бц҃ею. в ризахъ по городу… (КЛ 209, 1175). ПВЛ 2/1, МС 0/1;
38. чьстити (1, ИИВ): <u>почѧ</u> єго <u>чти´ти</u> па´че wною (ИИВ 369об.). ПВЛ 0/1;
39. ѣздити (2, НПЛС, НПЛК, общи контекст): l <u>почаша ѣздити</u> оканьнии по □лицамъ . пишюче дом□ хр(с҃)ть□ньск□□ (НПЛС 138, 1259); (НПЛК 177, 1259). ВЛ 0/1, МС 0/2;
40. □сти / ѣсти (1, ПВЛ): … и <u>почаша □сти</u> первое сами. потом же и печенѣзѣ (ПВЛ 48об, 999). ВЛ 0/1.

В. И ещё 13 инфинитивов в некоторых памятниках могут употребляться с почати, но ни в одном из текстов глагол с по- не является единственным выбором:

1. воєвати: ПВЛ 5/3, КЛ 4/1, ВЛ 5/2, СЛ 4/3, МС 1/12, НПЛС 0/1, НПЛК 0/2, ИИВ 0/1;
2. дѣ□ти: КЛ 3/1, ИИВ 2/1, НПЛК 1/1, МС 1/3;
3. копити: НПЛС 2/1, НПЛК 4/1, МС 1/2;
4. подъписывати: МС 5/2;
5. стрѣлѧтисѧ: КЛ 2/1, МС 0/1;
6. съвъкоуплѧти: СЛ 1/2, МС 1/3, ПВЛ 0/1, НПЛК 0/2, КЛ 0/1;
7. сълати: СЛ 8/10, МС 2/6, ПВЛ 0/1, НПЛС 0/1, НПЛК 0/1, ВЛ 0/1;
8. сълатисѧ: КЛ 4/5, СЛ 1/2, МС 1/4;
9. сѣч/щи: ПВЛ 1/2, КЛ 1/4, НПЛС 0/1, ВЛ 0/1, СЛ 0/3, МС 0/9;
10. творити: КЛ 1/3, ПВЛ 0/5, НПЛК 0/3, МС 0/2;
11. търговати: НПЛК 1/2;
12. ц(ьс)арьствовати: ПВЛ 2/1;
13. чинити: МС 1/2, НПЛС, НПЛК – 0/2.

7. 2. **Приложение 2**. Инфинитивы, зафиксированные только с начати[63]

[63] Приводятся только инфинитивы, встречающиеся в источниках, где есть почати в перифрастических конструкциях.

1. бесѣдовати
2. благословлѧти
3. блюстисѧ
4. болѣти
5. боротисѧ
6. бо□тисѧ
7. бродитисѧ
8. боудити
9. бьрати
10. бѣситисѧ
11. вабити
12. вадити
13. велѣти
14. веселитисѧ
15. винити
16. возитисѧ
17. вражьствовати
18. въвѣроватисѧ
19. възбоужати
20. възвѣщати
21. възда□/ва/ти
22. въздвиг/зати
23. възирати
24. възмоущати
25. възносити
26. въороужатисѧ
27. въпити
28. въскладывати
29. въспрашивати
30. въсходити
31. выти
32. вѣровати
33. вѧзати
34. гасити
35. ги(б)ноути
36. гнѣватисѧ
37. говорити
38. грызти
39. грѧзноути
40. гънити
41. гърдѣти
42. даватисѧ
43. доспѣвати
44. дѣлити
45. жалити
46. жаловати
47. жаловатисѧ
48. жрети
49. забывати
50. завидѣти
51. закалати/заколати
52. заиматисѧ
53. запинати
54. заходити
55. звонити
56. (не) знати
57. зъватисѧ
58. играти
59. избирати
60. изгонити
61. исповѣдатисѧ
62. исправливати сѧ
63. казнити
64. ка□тисѧ
65. класти
66. клеветати
67. клепати
68. кликати
69. клѧти
70. ковати
71. кричати
72. крѣпити
73. ладитисѧ
74. лежати
75. литоургисати
76. лишатисѧ
77. лоупити
78. любити
79. метати
80. метатисѧ
81. (не) миловати
82. миритисѧ
83. молити
84. (не)мощи
85. моудрити
86. моучити
87. мыслити
88. мытисѧ
89. мьрзноути
90. наимовати
91. налегати
92. намълвливати
93. напиватисѧ
94. нароубати
95. нарѧжатисѧ
96. нарѧживати
97. наѣздити
98. негодовати
99. обидѣти
100. обличати
101. обмышлѧти
102. обходити
103. обрѣти
104. обѣдати
105. одалати
106. одолѣвати
107. одолѣти
108. одолѧти
109. орати
110. оскоудѣвати
111. (не) оставати
112. отимати тисѧ
113. отъдавати
114. отъказываватисѧ
115. отъпоускати
116. отъстоупати
117. отъсылати
118. падати
119. пакостити
120. палати
121. переливати
122. перемълвливати
123. переп ытывати
124. пити
125. плавати
126. плакати(сѧ)
127. платити
128. плодитисѧ
129. побадыватисѧ
130. повѣдывати
131. погибати
132. подъговаривати
133. подъмълвливати
134. познавати
135. поимати
136. полошати
137. помин ати
138. помышлѧти
139. поноужати
140. поноживати
141. поострити
142. пороубати
143. пострегати
144. (не) пощадѣти
145. пооущати
146. по□вливатисѧ
147. прельщати
148. прибывати
149. приводити
150. призывати

151. приимати
152. приказывати
153. прилагати
154. примѣтати
155. припрашивати
156. приставливати
157. пристраватисѧ
158. пристраивати
159. пристраиватисѧ
160. присылатисѧ
161. притоужати
162. приходити
163. причащатисѧ
164. при□ти ‘любить’
165. продати
166. прозыватисѧ
167. проливати
168. промышлѧти
169. проповѣд(ыв)ати
170. пророчьствовати
171. простиратисѧ
172. прощатисѧ
173. (не) поустити
174. поуть шьствовати
175. пьнати
176. пьрѣтисѧ
177. пѣти
178. работати
179. (не) радити
180. радовати сѧ
181. разбивати
182. разда□ти
183. раздирати
184. раздроушатисѧ
185. ра/озмышлѧти
186. разоумѣти
187. раскаиватисѧ
188. расти
189. расточати
190. ра/осылати
191. ригати
192. роздавати
193. роскопывати
194. росходитисѧ
195. роугатисѧ
196. роуши тисѧ
197. ръпъта ти
198. рыдати
199. рѣзати
200. рѣ□ти сѧ
201. рѣшати
202. рѧдитисѧ
203. садити сѧ
204. сваритисѧ
205. скакати
206. скърбѣти
207. слоужити
208. слыти
209. сми/ѣ□тисѧ
210. совати сѧ
211. (не) ставати
212. ставитисѧ
213. строитисѧ
214. стрѣлѧти
215. стоужати
216. стѣнати
217. соудити
218. събирати
219. събор овати
220. съвъкоуплѧтисѧ
221. съвьршати
222. съзиратисѧ
223. съказати
224. съклад ывати
225. съкоупливати
226. съмотри/ѣти
227. (не) съмѣти
228. съпиратисѧ
229. сърыс кивати
230. съ(т)рѣтати(сѧ)
231. съставлѧти
232. съходити
233. съѣждатисѧ
234. тишитисѧ
235. тишѣти
236. троубити
237. тъщатисѧ
238. тьмнѣти
239. тѣшити
240. оувѣщати
241. оука/орѧти
242. оукрѣплѧти
243. оумъножити
244. оупихати
245. (не) оуправлѧти
246. оуродьствовати
247. оутапати
248. хвалити(сѧ)
249. хвостатисѧ
250. хоронитисѧ
251. хотѣти
252. хракати
253. храмати
254. хоулити
255. цѣловати
256. чи/ьсти

257. чьрвит
и
258. □влѧт
исѧ
259. □ти
(вѣроу)

Источники

Акир – Повесть об Акире премудром // А. Д. Григорьев. Повесть об Акире премудром. М., 1913. С. 3–235.

Ал – Александрия // В. М. Истрин. Александрия русских хронографов: Исследования и текст. М., 1893. С. 5–105

БГ – новгородские берестяные грамоты // А. А. Зализняк. Древненовгородский диалект. 2-е изд. М., 2004. Часть вторая. Тексты с комментариями. С. 239—695.

ВЛ – Волынская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. М., 1998. С. 848–938.

ГВНП – Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Подгот. к печати В. Г. Вейман и др.; под ред. С. Н. Валка. М.; Л., 1949.

ГЛ – Галицкая летопись // Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. М., 1998. С. 715–848.

ЖАЮ – Житие Андрея Юродивого // *А. М. Молдован.* «Житие Андрея Юродивого» в славянской письменности. М., 2000. С. 159–450.

ЖФП – Житие Феодосия Печерского // Успенский сборник XII-XIII вв. / Изд. подгот. О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон. М., 1971. С. 71–135.

КЛ – Киевская летопись / Изд. подг. И. С. Юрьева. М. 2017.

МС – Московский летописный свод конца XV века // Полное собрание русских летописей. Т. XXV. Московский летописный свод конца XV века. М., 2004.

НПЛК – Новгородская Первая летопись младшего извода по Комиссионному списку // Полное собрание русских летописей. Т. III. Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000. С. 101–427.

НПЛС – Новгородская Первая летопись старшего извода по Синодальному списку // Новгородская харатейная летопись / Под ред. М. Н. Тихомирова. М., 1964.

ПВЛ – Повесть временных лет // Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. 5-е изд. М., 2001. С. 2—285.

ПЧ – «Пчела»: Древнерусский перевод / Изд. подг. А.А. Пичхадзе, И.И. Макеева. Т. I-II. М., 2008.

СкБГ – Сказание о житии Бориса и Глеба // Успенский сборник XII-XIII вв. / Изд. подгот. О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон. М., 1971. С. 43–71.

СЛ – Суздальская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. I. Лаврентьевская летопись. М. 1997. С. 287–540.

Смоленские грамоты – Смоленские грамоты XIII — XIV вв. / Изд. подг. Т. А. Сумникова, В. В. Лопатин; под ред. Р. И. Аванесова. М., 1963.

Литература

Вайан 2004 – *А. Вайан*. Руководство по старославянскому языку. 3-е изд. М., 2004.

Борковский 1949 – *В. И. Борковский*. Синтаксис древнерусских грамот (простое предложение). Львов, 1949. 392 с.

Валк 1937 – *С. Н. Валк*. Начальная история древнерусского частного акта. — В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины. Сб. статей. Ред. А. С. Орлов. М.—Л., 1937, стр. 285—318

Козлов 2014 – *А. А. Козлов.* К грамматической семантике старославянских конструкций **хотѣти/имѣти** с инфинитивом// Русский язык в научном освещении. М. 2014. №1 (27). С.122–149.

Молдован 2010 – *А. М. Молдован* . К истории фазового глагола *стать* в русском языке // Русский язык в научном освещении. М., 2010. №1 (19). С. 5–17.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка: www.ruscorpora.ru.

Пенькова, в печати – *Я. А. Пенькова*. *Иму, учьну, стану, буду*: Корпусное исследование перифраз будущего времени в старорусской письменности // Slavisticna Revija, в печати.

Пичхадзе 2011 – *А. А. Пичхадзе*. Переводческая деятельность в Древней Руси. М., 2011.

Соколова 1972 – *И. Г. Соколова*. Будущее время глагола в русской и украинской деловой письменности XV века. АКД. Ташкент, 1972.

Тихомиров 1945 – *М. Н. Тихомиров*. О частных актах в Древней Руси // Исторические записки. т. 17. М., 1945. С. 225—244.

Шевелева 2017 – *М. Н. Шевелева*. К проблеме грамматической семантики конструкций типа *имать быти* vs. *хочеть быти* в ранних восточнославянских текстах // Русский язык в научном освещении. 2017. № 2 (34). С. 194–218.

Юрьева 2011 – *И. С. Юрьева* . Инфинитивные сочетания с глаголами имамь и имоу в древнерусских текстах // Русский язык в научном освещении. 2011. № 2 (22). С. 68-88.

Юрьева 2016 – *И. С. Юрьева* . Лингвистические параметры стилистических различий между Галицкой и Волынской летописями // Письменность Галицко-Волынского княжества: историко-филологические исследования Jitka Komendová a kol. Olomouc, 2016. S. 65–78.

Юрьева 2018 – *И. С. Юрьева* . Грамматика нарратива в ранних древнерусских летописях // Письменность, литература, фольклор славянских народов. XVI Международный съезд славистов. Белград, 20–27 августа 2018 г. Доклады российской делегации. М., 2018. С. 137—155.

Янин 1991 – *В. Л.* Янин . Новгородские акты XII - XV вв. Хронологический комментарий. М.: Наука. 1991.

Birnbaum 1958 – *H. Birnbaum.* Untersuchungen zu den Zukunftumschreibungen mit dem Infinitiv im Altkirchenslawischen. Stockholm, 1958.

Irina S. Yurjeva

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences

(Moscow, Russia)

IS THERE A DIFFERENCE BETWEEN «NACHATI» AND «POCHATI» IN PERIPHRASTIC CONSTRUCTIONS?

The present article analises infinitive constructions with the verbs NACHATI and POCHATI in translated and original Old Russian texts of different genres. The main aim of the article is to show the differences between periphrastic future and periphrastic past tense in the use of these verbs, and to give the list of commonly used infinitives that can form constructions with each of these two synonymous inchoative verbs.

Key words: Old Russian Language, Church Slavonic language, periphrastic past tense, periphrastic future, inchoative verbs

Irina Podtergera
Ruprecht-Karls-Universität Heidelberg

Die Europäisierung der russischen Syntax: Das Beispiel des Relativsatzes mit dem Pronomen *kotoryj*

1. Gab es eine *Re*-Europäisierung des Russischen?

Seit den Arbeiten von Elena Zemskaja und Ol′ga Lapteva in den 1960er und 70er Jahren[64] weiß man, dass sich die Standardvarietät des Russischen von der russischen Umgangssprache typologisch auffällig unterscheidet:[65] Das kodifizierte Russische ist »europäischer«, während gesprochene Formen des Russischen eindeutig weniger SAE-Merkmale aufweisen. Die Erklärung dafür wird in der Geschichte der Sprachkontakte gesehen. Daniel Weiss schreibt in diesem Zusammenhang:

> Insgesamt lässt sich sicher festhalten, dass die aufgrund der Siedlungsgeschichte der Ostslaven erwartbaren Einflüsse der osteuropäischen Kontaktsprachen zu einer gewissen typologischen Entfernung des Russischen vom West- und Südslavischen und mittelbar vom SAE-Syndrom geführt haben; erst die Kodifizierung der Standardsprache ab dem Ende des 18. Jh. bewirkte wieder eine stufenweise Reeuropäisierung. (Weiss 2010: 453)

Ob wir in diesem Fall wirklich mit einer *Re*-Europäisierung zu tun haben, bleibt fraglich. Sprachliche Zeugnisse des Russischen bzw. des Russisch-Kirchenslavischen sind uns nämlich erst seit den ersten Versuchen der Verschriftlichung im 10./11. Jh. bekannt. (Das sind einerseits der Novgoroder Kodex und das Ostromir-Evangelium, andererseits die Birkenrindentexte.) Dementsprechend kennen wir natürlich auch keine Zeugnisse des Russischen, die älter sind und die standarddurchschnittseuropäische Merkmale (also SAE-Merkmale) aufweisen würden, die später möglicherweise abgebaut wurden. Alles, was wir feststellen können, ist, dass im Verlauf der Entwicklung des Russischen eine stufenweise Europäisierung erfolgte. Diese These soll hier am Beispiel des Wandels im Bereich der Relativsätze illustriert werden.

2. Warum Relativsätze?

Wie aktuell diese Problematik ist, zeigt das neueste, posthum erschienene Buch von Viktor Živov, mit dem er eine Geschichte der Sprache des russischen Schrifttums vorgelegt hat[66]. Živov wählt die Unterschiede zwischen der gesprochenen und geschriebenen Varietät des Russischen als Ausgangspunkt für seine Auffassung[67]. Bereits in der Einleitung geht er auf diejenigen typischen Eigenschaften und Kategorien des gesprochenen Russischen ein, die in der Standardvarietät entweder fehlen oder anders ausgedrückt werden. Es handelt sich dabei in erster Linie um den Nominativ des Themas in Objektfunktion, die Wortfolge im Satz, die Determination durch Voranstellung des Personalpronomens der 3. Person sowie den Gebrauch des Infinitivs und darunter des finalen Infinitivs in attributiver Stellung. Unter anderem führt Živov folgende Äußerungen als typisch umgangssprachlich an:[68]

---

64 S. z. B. Zemskaja 1973, Lapteva 1976.

65 Vgl. auch Weiss 2010: 447; Živov 2017: 25–26.

66 Živov 2017.

67 Ebd.: 20–26.

68 Beispiele (1a)–(3a) zitiert nach ebd.: 23, 26, dabei letztere zwei mit Verweisen auf Zemskaja 1973: 265; grammatische Kommentare gehören mir.

(1a) **Книжка, я вчера на кухне оставила, принеси.** [wörtl. ***Das Buch, ich habe [es] gestern in der Küche liegen lassen, bring [es mir].**] – mit dem thematischen Nominativ als Objekt zu Beginn des Satzes[69]

(2a) **Дайте мне бумагу писать.** [wörtl.: ***Gebt/Geben Sie mir Papier schreiben.**] – mit dem (finalen) Infinitiv in attributiver Stellung

(3a) **Зеркало в ванную повесить никак не соберусь купить.** [wörtl.: ***Den Spiegel ins Bad aufhängen kam ich immer noch nicht dazu, zu kaufen.**] – mit attributiver Infinitivgruppe.

In der Schriftsprache bzw. in der Standardvarietät erhalten diese Äußerungen eine andere Gestalt, entsprechend der Norm dieser Varietät. Sie lassen sich unter anderem in Relativsätze »transformieren«:

(1b) **Принеси мне, пожалуйста, ту книжку, которую я вчера оставила на кухне.**[70] [**Bring mir bitte das Buch, das ich gestern in der Küche liegen lassen habe.**] – mit veränderter Wortfolge, Objekt im Akkusativ und Relativsatz anstelle einer Nominalgruppe mit thematischem Nominativ in Kopfposition

(2b) **Дайте мне, пожалуйста, бумагу, чтобы (я мог) писать / на которой я бы мог писать.** [**Gebt/Geben Sie mir Papier zum Schreiben** bzw. **um zu schreiben / auf dem ich schreiben könnte.**] – mit Umwandlung des Infinitivs in einen finalen oder auch attributiven Nebensatz (bzw. Relativsatz)

(3b) **Зеркало, которое я бы повесила в ванной, / Зеркало для ванной никак не соберусь купить. / Никак не соберусь купить зеркало, чтобы повесить его в ванную.** [**Einen Spiegel, den ich im Badezimmer aufhängen würde, / Ich bin immer noch nicht dazu gekommen, einen Spiegel für das Badezimmer zu kaufen. / Ich komme immer noch nicht dazu, einen Spiegel zu kaufen, um ihn im Badezimmer aufzuhängen.**] – mit Relativsatz oder attributiver Präpositionalphrase statt einer attributiven Infinitivgruppe oder auch mit geänderter Wortfolge und Ersatz der Infinitivgruppe als Attribut durch einen postponierten finalen Nebensatz.

Die standardsprachlichen »Transformationen«[71] mit Relativsätzen sind besonders beachtenswert, weil nachgestellte Relativsätze zu den charakteristischen Merkmalen der SAE-Sprachen gehören.[72] Ihre umgangssprachlichen Entsprechungen, insbesondere die mit dem thematischen Nominativ in Objektfunktion, sind selbst wenn vielleicht nicht endogen,[73] so doch trotzdem typisch Russisch, und sie lassen sich nicht in derselben Weise in anderen slavischen Sprachen ausfindig machen. Dagegen zeugen standardsprachliche Äquivalente mit Relativsätzen von der Kultivierung bzw. der Europäisierung des Russischen im Verlauf seiner historischen Entwicklung unter dem Einfluss anderer europäischer Sprachen.

Dies ist die zentrale These des vorliegenden Beitrags. Dabei soll vor Augen geführt werden, welche Rolle in der Etablierung im Russischen der durchschnittseuropäischen Relativsätze Übersetzungen aus dem Lateinischen aus dem ausgehenden 15. – frühen 16. Jh. gespielt haben dürften, deren linguistischer Wert in der Forschung bis heute unberücksichtigt bleibt.

3. Forschungsstand

3.1. Status quo

---

69 Eine ausführliche Beschreibung dieser Konstruktion mit ihren Varianten s. in Lapteva 1976: 137–183.

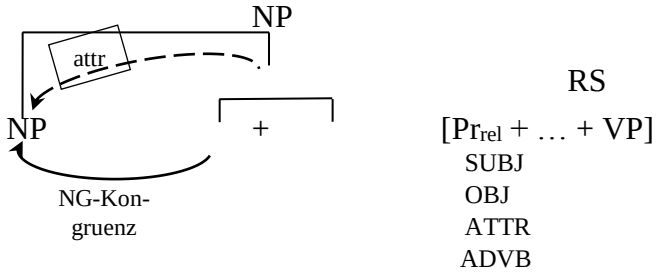
70 Zum Beispiel (1b) s. Živov 2017: 23.

71 Da das gesprochene Russische und das Standardrussische selbständige Systeme darstellen (s. hierzu Fn. 2), kann hier der generativistische Terminus *Transformation* nur metaphorisch gebraucht werden.

72 Haspelmath 2001: 1504; Hinrichs 2009: 20.

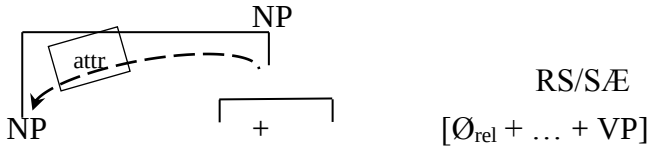
73 S. stellvertretend Timberlake 1974; 1975; Mendoza 2008a.

Die typisch europäische Strategie der Relativsatzbildung besteht darin, dass der eingebettete oder angeschlossene Relativsatz nach seinem Bezugsnomen steht und von einem flektierbaren Relativpronomen eingeleitet wird, das mit dem Bezugswort in Numerus und Genus übereinstimmt (die sog. NG-Kongruenz). Das Relativpronomen übernimmt im Relativsatz die syntaktische Funktion eines Satzglieds: eines Subjekts (SUBJ), eines Objekts (OBJ), eines Attributs (ATTR) oder auch einer adverbialen Bestimmung (ADVB). Zugleich ist der Relativsatz qua Bezugsnomen Kokonstituente von dessen Nukleus[74]. Sie bilden nämlich zusammen eine Nominalphrase:[75]



Schema 1. Relativsatz der typisch europäischen Art (Ausgangsmuster)

Die rekonstruierten Relativsätze (1b)–(3b) weisen dieses Muster auf, während in den Sätzen (1a)–(3a) der Kopf der Nominalphrase erhalten bleibt, aber das Relativpronomen (Pr_{rel}) weggelassen wird. Die Struktur der Nominalphrasen in den letzteren Sätzen sieht wie folgt aus:



Schema 2: Relativsätze im gesprochenen Russisch

Satz (1a) beginnt mit dem sog. thematischen Nominativ des Objekts. Auf das Substantiv im Nominativ in Objektfunktion im Matrixsatz (MS) bezieht sich eine relativsatzähnliche Konstituente, in der aber kein Relativpronomen vorhanden ist:

(1a) [{*Книжка,* [$Ø_{rel}$ *я* *вчера* *на кухне* *оставила,*] $_{RS}\}_{NP}$ *принеси.*]$_{MS}$
[{Buch-OBJ-NOM [OBJ ich gestern in Küche-DAT liegen lass-PRÄT-SG-FEM]$_{RS}\}_{NP}$ bring-IMP-2SG]$_{MS}$
*'Das Buch, ich habe [es] gestern in der Küche liegen lassen, bring [es mir].' bzw.
(1b) 'Bring mir bitte *das Buch, das* ich gestern in der Küche liegen lassen habe.'

Das Relativpronomen wurde elidiert. Daniel Weiss stuft solche Leerstellen als *Ellipse sensu stricto* ein, da das fehlende Zeichen „durch Zeichen mit nichtleeren signifiés" ersetzt werden kann bzw. eindeutig rekonstruierbar sei.[76] So kann die Leerstelle $Ø_{rel}$ in diesem Fall standardsprachlich durch das Relativum *kotoryj* (allerdings mit Modifikation des Kasus beim Kopf der Nominalphrase im MS) oder umgangssprachlich durch das Relativum *čto* (ohne jedweder Modifikationen!) gefüllt werden.

(1c) *Книжка, что я вчера на кухне оставила, принеси.*
'*Das Buch, was* ich gestern in der Küche liegen lassen habe, bring [es mir].'

---

74 Lehmann 1984: 1.

75 Die hier angeführten syntaktischen Schemata folgen den Mustern von Peter Eisenberg ^{3}2006.

76 Weiss 1993: 49–50. Auch Zaliznjak und Padučeva sprechen in solchen Fällen von der Ellipse (s. Zaliznjak & Padučeva 1997: 88).

Am häufigsten wird das Referenzmittel bzw. das Relativpronomen in der Objekt- (wie in (1a)) oder in der Subjektfunktion elidiert:[77]

(4a) [*А я съел* {*таблеточку*]$_{MS}$ [$Ø_{rel}$ *здесь лежала*]$_{RS}$}$_{NP}$[78]
[Und ich ess-PRÄT-SG-MASC das {Tablettchen OBJ-ACC-SG]$_{MS}$ [SUBJ hier lieg-PRÄT-SG-FEM]$_{RS}$}$_{NP}$
*'Und ich habe die Tablette gegessen, [sie] lag hier'

(4b) Я съел *таблетку, которая* здесь лежала.
'Ich habe *die Tablette* gegessen, *die* hier lag.'

Apropos der Weglassung des Subjekts in Relativsätzen im gesprochenen Russisch: Weiss beschreibt einen besonderen Typus der Subjektellipse in der Umgangssprache, und zwar „eine Elision des Kopfs der NP mitsamt dem zugehörigen Relativpronomen":[79]

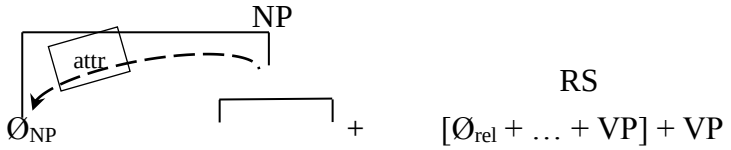
(5a) [{$Ø_{NP}$ [$Ø_{rel}$ *Через улицу переходит*]$_{RS}$}$_{NP}$ – *это ваш учитель*]$_{MS}$
[{SUBJ [SUBJ die Straße überquer-PRÄS-SG-3P]$_{RS}$}$_{NP}$ [ist] das ihr Lehrer]$_{MS}$
*'[Der] die Straße überquert, [ist] das ihr Lehrer?'

(5b) *Мужчина, который* переходит улицу, – это ваш учитель?
'*Der Mann, der* die Straße überquert, ist das ihr Lehrer?'

(6a) [{$Ø_{NP}$ [$Ø_{rel}$ *Мусор собирает*]$_{RS}$}$_{NP}$ – *не приходила*]$_{MS}$
[{SUBJ [SUBJ Müll sammel-PRÄS-SG-3P]$_{RS}$}$_{NP}$ nicht komm-IPF-PRÄT-SG-FEM]$_{MS}$
*'[Die] den Müll sammelt, kam [noch] nicht?'

(6b) *Женщина, которая* собирает мусор, не приходила?
'*Die Frau, die* den Müll sammelt, kam noch nicht? [bzw.: war noch nicht da]'

Die Sätze (5a) und (6a) sind in der Umgangssprache weit verbreitet. Sie weisen folgende Struktur auf:



Schema 3: Relativsätze im gesprochenen Russisch

Zum Usus des gesprochenen Russischen gehören darüber hinaus Weglassungen des Relativums in anderen syntaktischen Funktionen, auch samt der starkregierten Präposition:[80]

(7a) [*Это самый плохой* {*поезд, по-моему,*]$_{MS}$ [($Ø_{präp}$ + $Ø_{rel}$) *мы едем.*]$_{RS}$}$_{NP}$
[Das [ist] der schlechteste {Zug-NOM-SG m.E.]$_{MS}$ [(INST) wir fahr-PRÄS-1PL]$_{RS}$}$_{NP}$
*'Das ist der schlechteste Zug, ich glaube, [dieser, mit dem] wir fahren.'

(7b) По-моему, *поезд, на котором* мы едем, самый плохой. / По-моему, мы едем на самом плохом поезде.
'Ich glaube, *der Zug, mit dem* wir fahren, ist der schlechteste.' / 'Ich glaube, wir fahren mit dem schlechtesten Zug'

(8a) [Совсем пустые {места]$_{MS}$ [$Ø_{rel}$/($Ø_{präp}$ + $Ø_{rel}$) мы едем.]$_{RS}$}$_{NP}$

---

77 Vgl. hierzu Zaliznjak & Padučeva 1997: 85.

78 Der Beispielsatz stammt aus Lapteva 1976: 294.

79 Weiss 1993: 63–65.

80 S. hierzu Weiss 1993: 64 mit Verweis auf Woolhiser 1990. Die Beispielsätze (7a) und (8a) stammen aus Lapteva 1976: 298. S. auch weitere Beispiele in Weiss 2016.

[Absolut leere Ort-PRN-NOM-PL]$_{MS}$ [LOC wir fahr-PRÄS-1PL]$_{RS}$}$_{NP}$

*‘Absolut leere Orte, [wo] wir fahren.’

(8b) Совсем пустые *места [там], где* мы едем. / Мы проезжаем по совсем пустым местам. / Мы едем через совсем пустые места.

‘Das sind absolut leere *Orte dort, wo/durch die* wir fahren.’ / ‘Wir fahren durch absolut leere Orte.’

Die Ellipse des Relativpronomens ist eine markante Eigenschaft des gesprochenen Russischen. Sie „entspricht einer generellen Tendenz der russischen Umgangssprache zur Weglassung referentieller Mittel“.[81] Daniel Weiss bezeichnet diese Eigenschaft als „Faszination der Leere“ und spricht von der „Liebe der russischen Umgangssprache zur Null“.[82] Für das Standardrussisch sind solche Muster grundsätzlich untypisch. Im schriftsprachlichen Gebrauch findet man sie jedoch in der schönen Literatur, wenn die Schriftsteller oder Dichter in ihren Werken umgangssprachliche Muster verwenden; vgl. das von Zaliznjak und Padučeva angeführte Lermontov-Zitat:[83]

(9a) Есть речи – значенье темно иль ничтожно.

(9b) Есть *речи, значенье которых* темно иль ничтожно.

‘Es gibt *Reden, wessen/deren Bedeutung* dunkel oder nichtig ist.’

Hier wird das Relativum im Genitiv weggelassen – eine umgangssprachliche Konstruktion in der prestigevollen Sprache der Dichtung. Bemerkenswert ist, dass in der Sprache der russischen Dichtung auch der Gebrauch der Relativsätze mit dem eher für das gesprochene Russisch typischen Relativum *čto* (s. u.) weit verbreitet ist.[84] Adriano Murelli führt für dieses Phänomen mögliche sprachgeschichtliche Gründe an. Überdies bemerkt er, dass der Druck der standardsprachlichen Normierung in geringerem Maße in der Sprache der Dichtung zum Tragen komme:

> This peculiarity – a construction is attested in non-standard varieties and in the language of poetry, which is usually considered quite high-prestige – may at first sight appear surprising: how can a construction be attested at the very bottom and at the very top of the diasystem? A possible explanation relies once more on the diachronic perspective. The language of poetry is usually much older than the standard variety: as such, it was not subjected to the principles guiding the standardization process of a language. Additionally, the standard variety exerts less pressure on the language of poetry, since it is regarded as a sort of separate variety, with its own canon and tradition. (Murelli 2011: 365)

Hingegen wird der Gebrauch der nachgestellten *kotoryj*-Sätze in der Umgangssprache durch den Einfluss der Standardvarietät auf die gesprochenen Formen des Russischen erklärt. Die Interaktion zwischen dem gesprochenen Russisch und dem Standardrussisch fasst Živov auf folgende Weise auf:

> И синтаксис, и лексика письменного (литературного) языка могут быть названы искусственными в том смысле, что они являются культивирующим преобразованием материала разговорного языка и усваиваются в процессе особого обучения. Когда сегодня в школе выучивается, как строится простое предложение, какими бывают сложносочиненные и сложноподчиненные предложения и т. д., обучаемые часто не вполне отдают себе отчет в том, что таким образом их учат правильно писать, тогда как говорят они обычно по-другому. […] Конечно, носитель современного русского языка может легко понять и без труда построить и вторую фразу [scil. 1(b) im Vergleich zu 1(a), I. P.], и он вряд ли припишет ей какую-либо сложность. Однако носитель языка, с которым мы

---

81 Weiss 2010: 447.

82 Weiss 1993: 48; 2010: 447. Allerdings sei angemerkt, dass die Elision bzw. die Auslassung von Relativpronomina im gesprochenen Russisch intonatorisch markiert wird, und zwar durch eine Zäsur. Darüber hinaus wird diese Zäsur beim Gespräch häufig durch Gesten begleitet. Dieser Aspekt bedarf einer gesonderten Untersuchung.

83 Zaliznjak & Padučeva 1997: 88.

84 Murelli 2011: 364–365.

обычно имеем дело, не только разговаривает, но и читает, т. е. привык к письменному языку. Он прошел школьное обучение, которое помогает ему избавиться от некнижных оборотов, когда он пишет сочинение или должен выступать на каком-нибудь собрании. О сложности освоения „литературного“ способа изложения свидетельствует „неграмотное“ письмо: неграмотность сказывается прежде всего в нестандартности синтаксических построений. (Živov 2014: 22–23)

Die Wahl zwischen dem Nullrelativum und dem Relativpronomen *kotoryj* im gesprochenen Russisch ist nicht beliebig, sondern wird häufig durch die Semantik des Relativsatzes bedingt und ist außerdem soziolinguistisch begründet. Dies hat die von Murelli durchgeführte empirische Studie von „Relative constructions in European non-standard varieties“ gezeigt:

The analysis brought to light a number of correlations between relative constructions and their (semantic-syntactic) contexts of use on the one hand and between relative constructions and the variety adopted by the speakers on the other. For instance, it could be established that zero-marked relatives are more frequent in non-restrictive relations than in restrictive ones. Still, this use is subordinate to the variety adopted: RCs introduced by the zero-marker occur most frequently in the speech of those informants who rely on the varieties *razgovornaja reč'* (colloquial Russian) and *prostorečie* (a lower urban sociolect). Speakers adopting *literaturnyj jazyk* (standard Russian) usually resort to the postnominal strategy with the relative pronoun *kotoryj* to encode both kinds of relations, restrictive and non-restrictive. In this respect, speakers' choices are consistent with the linguistic variety that they adopt. (Murelli 2011: 424, cf. 295)

Besonders beachtenswert ist die sprachvergleichende bzw. die sprachtypologische Perspektive. Weiss vermutet im Fall der Weglassung des Relativpronomens eine „ostslavische Spezialität“:[85] Das Nullrelativum kommt auch im Ukrainischen vor. Nach Aussage der Informanten sei

die Existenz einer Entsprechung des durch Bsp. 22 [hier (5a), I. P.] vertretenen deiktischen Typs für das Ukrainische auf jeden Fall gesichert, uneinig waren sie sich hingegen bezüglich Bsp. 23 [hier (6a), I. P.]. (Weiss 1993: 65, Fn. 23)

Das bedeutet, dass das Schema 3 (s. o.) im Ukrainischen grundsätzlich vertreten ist, selbst wenn in seiner Realisierung mit Abweichungen vom Russischen zu rechnen ist. Gesichert für das Ukrainische sind auch Sätze, die dem Muster von Schema 2 oben folgen, was meine Informanten sicher bestätigten, vgl.:

(1a-ukr) Книжка, [$Ø_{rel}$] вчора на кухні залишила, принеси.

Gefragt wurde in diesem Zusammenhang auch nach dem von Weiss angeführten Satz:

(10a) [*Где* {*яблоки*]$_{MS}$ – [$Ø_{rel}$ *Костя купил?*]$_{RS}$}$_{NP}$[86]
[Wo {Apfel-SUBJ-NOM-PL]$_{S}$ [OBJ Kostja kauf-PRÄT-SG-MASC]$_{RS}$}$_{NP}$
*'Wo [sind] die Äpfel, Kostja hat [sie] gekauft?'
(10b) Где *яблоки, которые* Костя купил?
'Wo sind *die Äpfel, die* Kostja gekauft hat?'

Meine Informanten aus unterschiedlichen Regionen der Ukraine übersetzten ihn als

(10a-ukr) Яблука, [$Ø_{rel}$] Костя купив, де (вони)?
*'Die Äpfel, Kostja hat [sie] gekauft, wo [sind] (sie)?'

Obwohl hier der russische angeschlossene Relativsatz ins Ukrainische als eingebetteter Relativsatz übertragen worden ist, folgt die Struktur der Nominalphrase dem Muster von Schema 2. Allerdings

---

85 Weiss 1993: 65.

86 S. den Beispielsatz in Weiss 1993: 64. Derselbe Satz wird auch in Kordić 1999: 25 behandelt.

sei mit Weiss hervorgehoben, dass im Fall des Ukrainischen starke Interferenzen seitens des Russischen zu berücksichtigen sind.[87]

Neben dem Ukrainischen weist Weiß sowie auch Zaliznjak und Padučeva auf den Gebrauch der Relativsätze mit dem weggelassenen Relativpronomen im Englischen hin.[88] Der von Murelli durchgeführte übereinzelsprachliche typologische Vergleich des Gebrauchs der Relativsätze in non-standard varieties erweiterte den Kreis der Sprachen, für die das Nullrelativum als typisch bekannt ist, um einige weitere Sprachen, selbst wenn es nur um wenige Sprachen geht.[89] Neben dem Russischen und Englischen sind dies das Tschechische, Dänische, Norwegische, Schwedische und Türkische.[90] Somit steht das gesprochene Russisch in einer Reihe mit skandinavischen Sprachen und mit dem Tschechischen sowie mit dem Türkischen[91] – eine Tatsache, die einer weiteren typologischen und areallinguistischen Untersuchung aus diachroner Perspektive bedarf, zumal die Konstruktion mit dem Nullrelativum bereits für die historischen Sprachstufen des Russischen, aber zugleich auch für das Altenglisch und Altschwedisch charakteristisch ist.[92]

Eine weitere typisch umgangssprachliche Strategie zur Bildung der nachgestellten Relativsätze im Russischen ist der Gebrauch des Relativpronomens *čto* in der Bedeutung „kotoryj" (s. Beispiele (1c) oben). Dieses Pronomen übernimmt im Relativsatz unterschiedliche syntaktische Funktionen: Es fungiert als Subjekt, als Objekt oder auch als adverbiale Bestimmung. Dies ist zugleich der Grund, warum ich *čto* als Relativpronomen und nicht als Relativpartikel auffasse:[93] Die Annahme, dass es Partikeln mit Satzgliedfunktion gibt, ist eher unüblich.

(4c) Я съел *таблеточку, что* здесь лежала.
'Ich habe *die Tablette* gegessen, *was* hier lag.'

(10c) Где *яблоки, что* Костя купил?
'Wo sind *die Äpfel*, *was* Kostja gekauft hat.'

(12) Вы та девица, что ушла от Сипягиных? [Тургенев: Новь][94]
*'Sind Sie *die junge Dame, was* von den Sipjagins weggegangen ist?'

(12′) Вы та девица, которая ушла от Сипягиных?
'Sind Sie *die junge Dame, die* von von Sipjagins weggegangen ist?'

In den ersten drei Beispielen wird *čto* anstelle von *kotoryj* gebraucht und übernimmt dabei dessen Funktionen im Satz: die Subjektfunktion in (4c) und (12) und die Objektfunktion in (10c). Der Satz (12) führt vor Augen, dass sich das Relativpronomen *čto* auch auf belebte Substantive beziehen kann.

Überdies kann mit dem Relativpronomen *čto* auch ein Präpositionalobjekt ersetzt werden:

(13) Где эта улица, где этот дом, / [где {эта барышня,]$_{MS}$ [что я влюблен?]$_{RS}$}$_{NP}$
where this street, where this house [where {this girl]$_{MS}$ [OBJ$_{rel}$ I in.love]$_{RS}$}$_{NP}$
'Where is the street, where is the house, where is the girl that I'm in love with'[95]

---

87 Weiss 1993: 65.

88 Weiss 1993: 64; Zaliznjak & Padučeva 1997: 99.

89 „Only a few languages display a zero-marker" (Murelli 2011: 96).

90 Ebd. 97, 136.

91 Dabei ist nicht auszuschließen, dass in Zukunft noch weitere Sprachen gefunden werden, in denen sich das fragliche Phänomen beobachten lässt.

92 Sie hierzu Zaliznjak & Padučeva 1997: 88 und insbesondere Murelli 2011: 329–331 mit Hinweisen auf die weiterführende Literatur.

93 S. einen alternativen Ansatz in Murelli 2011: 93–95, 97 sowie potenziell mögliche Interpretationen in Zaliznjak & Padučeva 78, 94.

94 MAS 1984: Bd. 4, S. 686.

(13′) […] где эта *барышня, в которую* я влюблен?
[…] wo [ist] *die Dame, in die* ich verliebt bin?

Dies lässt sich durch die im gesprochenen Russischen ausgeprägte Tendenz zum transitiven Gebrauch von Verben erklären. Aus Gründen der sprachlichen Ökonomie werden intransitive Verben der Standardsprache in der Umgangssprache transitiv, was Auswirkungen auf ihre Rektionsmuster hat. Daher verwandelt sich das erwartete präpositionale Objekt *v kotoruju* im Beispielsatz (13′) in ein direktes Akkusativobjekt *čto* (s. (13)).

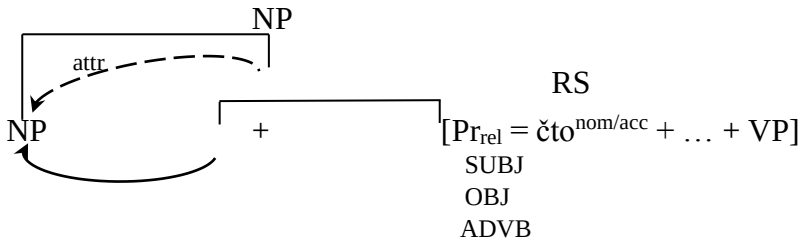
> В разговорной речи значение переходности приобретают многие глаголы, непереходные в кодифицированном языке […]. Это явление нередко объясняется стремлением говорящего упростить синтаксическое построение высказывания, так как присоединение существительного в вин. п. позволяет выразить мысль более экономным образом. (Žemskaja 2004: 105)

Dies erklärt zugleich, warum das Relativpronomen *čto* in der Funktionen einer adverbialen Bestimmung auftreten kann. So wird *čto* im Beispiel (14) lokativ gebraucht:

(14) А ой! Не знаешь / возьмешься в ведро / вода / замерзла / {таз / что умывались /]$_{RS}$}$_{NP}$
and oh not you.know / you.take in bucket / water / froze / {basin/ [LOCrel we.washed]$_{RS}$}$_{NP}$
все замерзло //
all froze
‘Oh, you don’t know! When I wanted to wash myself in the bucket, the water had frozen, the basin we used to wash ourselves, everything had frozen.’[96]

(14′) […] *таз, из которого / в котором* мы умывались
[…] *Becken, aus/in dem* wir uns gewaschen haben

Allerdings werden alle diese Funktionen auf der Oberfläche morphosyntaktisch nicht expliziert. Die Struktur der Nominalphrase in den Sätzen (1c), (4c), (10c), (12)–(14) sieht schematisch wie folgt aus:



Schema 4: Relativsätze im gesprochenen Russisch

Die Unterschiede zu den Schemata 2–3 bestehen darin, dass das relative Element lexikalisch ausgedrückt wird. Dadurch wird die Verknüpfung zwischen dem Relativsatz und dem Matrixsatz sichtbarer. Auch die syntaktische Funktion des Relativpronomens im Relativsatz ist eindeutig erkennbar. NG-Kongruenz zwischen dem Bezugswort und dem Relativpronomen besteht allerdings auch hier nicht. All dies entspricht dem von Murelli festgestellten Prinzip des Gebrauchs von Relativsätzen in European non-standard varieties: „Make at least the link between the MC and the RC explicit“.[97]

Nachgestellte Relativsätze mit *čto* sind bereits für die ältesten Sprachstufen des Russischen bzw. des Ostslavischen nachgewiesen.[98] Auch im Mittelrussischen waren sie weit verbreitet.[99]

---

95 Beispielsatz mit Übersetzung aus Murelli 2011: 365; Annotation in Anlehnung an Murelli ebd.

96 Beispielsatz mit Übersetzung aus Murelli 2011: 147; Annotierung in Anlehnung an Murelli ebd.

97 Murelli 2011: 254.

98 Mendoza 2008b: 53–54.

Typologisch gesehen verhält sich das Russische in diesem Fall genauso wie mehrere indogermanische und speziell slavische Sprachen oder wie auch einige semitische Sprachen und das Türkische.[100]

Es ist hervorzuheben, dass die durch das Schema (4) erfasste Konstruktion ausschließlich in den gesprochenen Varietäten des Russischen gebraucht wird und in der Standardsprache nicht zulässig ist. Es fällt allerdings auf, dass der Gebrauch von *čto* anstelle von *kotoryj* in den Akademiegrammatiken des Russischen sowie in einsprachigen akademischen Wörterbüchern kodifiziert ist, z. B. in der von Vinogradov herausgegebenen „Grammatik der russischen Sprache" (GRS 1954: Bd. II.2, S. 274–275), in der AG-80 (§1687), im MAS (1984: Bd. 4, S. 686), bei Ožegov & Švedova (1989: 884) sowie bei Švedova (2007: 1906) und im einzigen abgeschlossen mehrbändigen Akademiewörterbuch des Standardrussischen SSRLJA (1965: Bd. 17, S. 1123–1124). In allen diesen Kodifizierungswerken aus der sowjetischen Zeit werden entsprechende Belege der schönen Literatur des 19. und 20. Jh. entnommen, weil der Terminus *Literatursprache* nicht als Standardsprache, sondern als Sprache der Literatur verstanden wurde.[101] Es werden häufig Beispiele aus Dialogen aus Romanen von Turgenev (s. o. (12)) oder Erzählungen von Čechov oder auch aus Dichtung von Puškin, Esenin, Kol′cov u. a. angeführt. Dabei wird nicht berücksichtigt, dass alle diese Belege den Sprachgebrauch im gesprochenen Russisch und nicht im Standardrussisch wiedergeben. Selbst bei Beispielen aus der erzählenden Prosa wie etwa einer Belegstelle aus Furmanovs Roman „Čapaev" (s. MAS 1984: Bd. 4, S. 686) ist der Gebrauch von *čto* anstelle von *kotoryj* als Merkmal der Sprache der Nähe bzw. der Oralität, als Evokation gesprochener Sprache im geschriebenen Medium zu betrachten.[102]

Nur in der unter Leitung von Ju. N. Semenec überarbeiteten Fassung des Ušakov-Wörterbuchs wird vermerkt, dass der Gebrauch des Relativpronomens *čto* anstelle von *kotoryj* archaisch und umgangssprachlich ist.[103] In populärwissenschaftlichen und wissenschaftlichen Texten sowohl in Natur- als auch in Geisteswissenschaften sind solche Konstruktionen nicht möglich bzw. gelten als schlechter Stil. Auch in den Lehrbüchern für die Grundschule ist die Verwendung der Relativsätze mit *čto* in der Bedeutung 'kotoryj' ausgeschlossen. Dies betrifft auch den amtlichen Sprachgebrauch.[104]

Alles in allen ist festzustellen, dass für gesprochene Formen des Russischen das Nicht-Explizieren der Relationen zwischen dem Relativum und seinem Bezugswort typisch ist. Bestenfalls kann hierbei die Verknüpfung im Nukleus lexikalisch expliziert werden, die grammatischen Verhältnisse bleiben jedoch nicht kodiert. Es handelt sich bei diesem Phänomen um einen markanten Unterschied im Vergleich zum Standardrussisch. Es liegt die Frage nahe, wodurch sich dieser Unterschied erklären lässt.

*3.2. Nachgestellte Relativsätze mit **kotoryj**: Hypothesen zu ihrer Entstehung*

Man ging im Fach längere Zeit davon aus, dass die Relativsätze des europäischen Typs (s. Schema 1) im Russischen bis Ende des 17. Jh. gar nicht vorhanden waren, sondern nur im

---

99 S. hierzu Troickij 1959: 162–163, 165–166; Troickij 1968: XXX; Murelli 2011: 325–328.

100 Murelli 2011: 93–95, 97. S. auch Potebnja 1941: 217; Kordić 1999: 127–169.

101 Zu diesem Problem s. ausführlich Podtergera 2015: 410–425.

102 S. hierzu zusammenfassend Stein 2018.

103 Semenec 2008: 1189.

104 Vor diesem Hintergrund sind Schlussfolgerungen in Murelli 2011 (s. etwa S. 276) korrekturbedürftig.

Kirchenslavischen, das in Russland Jahrhunderte lang als Schriftsprache funktionierte. Diese Vorstellung wurde explizit von Alexander Isačenko geäußert:

> Es muß noch einmal mit allem Nachdruck unterstrichen werden, daß die ostslavische Volkssprache keine echten Relativpronomina oder -adverbien kannte. Deshalb finden wir im ältesten Schrifttum der Dokumentation zunächst keine echten Relativsätze. […]
>
> […] selbst im 17. Jh. [existierten] (außerhalb der Hochsprache) noch keine echten Relativsätze […]. (Isačenko 1983: 512–513)

Unter „Hochsprache“ verstand Isačenko eben Kirchenslavisch. Seine „Geschichte der russischen Sprache“ ist ausgeprägt dichotomisch konzipiert: Russisch vs. Kirchenslavisch. Isačenkos Ziel bestand dabei darin, nachzuweisen, dass Russisch bis Ende des 18. Jh. keine vollwertige Literatursprache im Sinne ‘Standardsprache’ war. Um diese These zu untermauern, sammelte er einzelne Beispiele, ohne dass aber von ihm größere Textmengen systematisch untersucht wurden.

Auf die Relativsätze geht er im zweiten Band ein, der posthum erschienen ist. Isačenko selbst hat die Arbeit an diesem Band nicht abgeschlossen: Das herausgegebene Buch stellt Notizen aus seinem Nachlass dar. Ausführungen zu den Relativsätzen im 17. und 18. Jh. (§16.9) nehmen im Buch insgesamt nur zwei volle Seiten. Die oben zitierte Schlussfolgerung basiert auf Ausführungen in der „Historischen Grammatik des Russischen“ von Borkovskij und Kuznecov aus dem Jahr 1963 und auf Beobachtungen von Keršiene im 1973 von Borkovskij herausgegebenen Band zur historischen Syntax des Russischen.[105] Auch bei den insgesamt sieben Belegstellen, auf die sich Isačenko bezieht, handelt es sich um Sekundärzitate: Sie sind nämlich den genannten Arbeiten von Borkovskij und Kuznecov (1963) und Keršiene (1973) entnommen. Eine ausführliche, textbasierte Untersuchung der historischen Entwicklung der Relativsätze im Russischen bietet Isačenko nicht.

In Anlehnung an Isačenko wird die These vom Fehlen der Relativsätze im Russischen bis Ende des 17. Jh. von Herta Hüttl-Folter weiter ausgeführt: Sie benutzt sie nämlich in ihren „Syntaktischen Studien zur neueren russischen Literatursprache“ als Ausgangsthese. In den von ihr untersuchten frühen russischen Übersetzungen aus dem Französischen stellte sie zahlreiche Relativsätze mit dem Pronomen *kotoryj* fest, die dabei mit französischen Mustern in den Originaltexten übereinstimmten, und kam auf solche Weise zum Schluss, dass sich die modernen Relativsätze im Standardrussischen unter dem Einfluss des Französischen entwickelten.[106]

Die von Hüttl-Folter vorgeschlagene Erklärung der Entstehung der Relativsätze im Russischen durch den Einfluss des Französischen wurde bereits ein Jahr später von Viktor Živov in seinem Rezensionsaufsatz zu Hüttl-Folters Buch angefochten.[107] Živov findet mehrere Belege der modernen Relativsätze bereits im 17. Jh. Er führt als Beispiel die „Skythen-Geschichte“ [„Skifskaja istorija“] von Andrej Lyzlov (1692) an, in der er auf 14 Seiten 69 Relativsätze des Ausgangsmusters (I) aufgezählt hat. Vier von diesen Relativsätzen werden mit *который* eingeleitet, und 65 – mit *иже*, dem kirchenslavischen Relativpronomen. Die „Skyten-Geschichte“ ist im hybriden Kirchenslavisch geschrieben, d. h. in einer sprachlichen Mischung aus Kirchenslavisch und Russisch.

99% der ganzen kirchenslavischen Überlieferung in Russland stellen Übersetzungen aus dem Griechischen dar. Die Syntax dieser Übersetzungen imitiert die Syntax der griechischen Originale. Griechisch, wie wir wissen, verfügt auch über Relativsätze wie Latein und die modernen europäischen Sprachen. Das ist der Grund, warum auch im Kirchenslavischen die Relativsätze des

---

[105] S. Borkovskij & Kuznecov [4]2007 (1. Aufl. 1963): 473–481, Keršiene 1973.

[106] Hüttl-Folter 1996: 39.

[107] Živov 1997: 60–64.

Ausgangsmusters (I) weit verbreitet waren. Am Beispiel der „Skythen-Geschichte“ zeigt Živov, dass die moderne Relativsatz-Konstruktion ins Russisch aus dem Kirchenslavischen übernommen wurde, indem das kirchenslavische Relativpronomen *иже* durch das russische *который* ersetzt wurde. Er führt als Beispiel den folgenden Satz an:

> От сих убо татар монгаилов изъидоша *сии татарове,* *иже* суть к нам, савроматом, пришельцы, *их же* называем крымския, […] белгородские, очаковские, и *все те народы,* *иже* обитают около езера Палюсмеотис, то есть Азовскаго моря.
>
> Von eben diesen Tataro-Mongolen stammen *diese Tataren* ab, *die* zu uns, Sarmaten, gekommen sind, die wir Krym-, […] Belgorod [oder] Očakov-Tataren nennen, und alle jene Völker, die nahe des *Palus Maeotis*-Sees, d. h. nahe des Asowschen Meers hausen.

Die Konstruktion entspricht dem Ausgangsmuster (I). Nur als Relativpronomen fungiert nicht *который*, sondern *иже*. Das heißt, man muss nur *иже* durch *который* ersetzen. Živov kommt dadurch zum Schluss, dass die modernen Relativsätze im Russischen als Ergebnis eines lexikalischen Ersatzes innerhalb einer Konstruktion entstanden, die in der Schriftsprache bereits existierte. Diese Schlussfolgerung lässt sich durch die Korrekturen bestätigen, die russische Übersetzer Anfang des 18. Jh. in die Übersetzungen auf Anordnungen Peters des Großen eintragen. Um einen kirchenslavischen Text nach Peters Wunsch in die einfache russische Sprache zu transformieren, ersetzten sie unter anderem das kirchenslavische *иже* durch das russische *который*, wie z.B. in der 1709 verfassten Übersetzung der „Geographia generalis“ von Bernard Varen. Das schließt den Einfluss des Französischen aus.

Einen weiteren Meilenstein in der diachronen Erforschung der russischen Relativsätze bildet der Beitrag von Roland Meyer, der 2017 in der Zeitschrift „Language“ erschienen ist. Durch korpusbasierte Analyse und eine statistische Auswertung der Daten stellt Meyer fest, dass die russischen postnominalen Relativsätze mit *который* eine kontaktinduzierte Innovation des 17. Jh. darstellen. Von ausschlaggebender Bedeutung soll dabei nach Meyer der Kontakt mit dem Polnischen und mit dem Ruthenischen sein. Im Ruthenischen des 16. und 17. Jh. war bekanntlich der Relativisator *который* weit verbreitet.

Es ist kaum daran zu zweifeln, dass der polnisch-ruthenische Einfluss eine stabilisierende Rolle in der Etablierung im Russischen der modernen Relativsätze mit dem Lexem *kotoryj* als Relativpronomen gespielt haben dürfte. Das Problem besteht allerdings darin, dass Meyer mit seiner Behauptung über moderne Relativsätze als eine Innovation des 17. Jh. denselben Fehler begeht, den früher Hüttl-Folter gemacht hat: Er zieht Schlussfolgerungen für das 17. Jh. ohne dass die Sprache der vorherigen Perioden analysiert wird. Er bezieht sich dabei auf Isačenko und auf Borkovskij und Kuznecov. Somit ist seine Prämisse definitiv falsch. Die Arbeit von Živov berücksichtigt er nicht.

Literatur

АГ-80 [Академическая грамматика 1980]: Шведова, Н. Ю. (гл. ред.): *Русская грамматика.* Т I: *Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология*. Москва.

Borkovskij, Viktor; Kuznecov, Pëtr [= Борковский, В. И.; Кузнецов, П. С.] ([4]2007): *Историческая грамматика русского языка*. Москва.

GRS (1954): Виноградов, В. В. (гл. ред.): *Грамматика русского языка*. Т. II: *Синтаксис*. Ч. 2. Москва.

Eisenberg, Peter ([3]2006): *Grundriss der deutschen Grammatik*. Bd. 2: *Satz*. Stuttgart – Weimer.

Haspelmath (2001): Haspelmath, Martin: “The European Linguistic Area: Standard Average European”. In: Haspelmath, Martin; König, Ekkehard; Oesterreicher, Wulf; Raible, Wolfgang

(eds.): *Language typology and language universals: an international handbook* (= HSK 20.2). Vol. 2. Berlin – New York, 1492–1510.
Hinrichs, Uwe (2009): „Geschichte, Stand und Perspektiven der Eurolinguistik“. In: Hinrichs, Uwe; Reiter, Norbert; Tornow, Siegfried (Hrsg.): *Eurolinguistik. Entwicklungen und Perspektiven* (= Eurolinguistische Arbeiten 5). Wiesbaden, 1–49.
Isačenko [= Issatschenko], Alexander (1983): *Geschichte der russischen Sprache.* Bd. 2: *Das 17. und 18. Jahrhundert*. Heidelberg.
Keršiene R. B. [= Кершиене, Р. Б.] (1973): „Сложноподчиненные определительные предложения“. In: Борковский, Виктор И. (отв. ред.): *Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков. Сложноподчиненные предложения*. Москва, 5–73.
Lapteva; Ol′ga [Лаптева, О. А.] (1976): *Русский разговорный синтаксис*. Москва.
Lehmann, Christian (1984): *Der Relativsatz: Typologie seiner Strukturen. Theorie seiner Funktionen. Kompendium seiner Grammatik* (= Language Universals Series 3). Tübingen.
MAS [Малый академический словарь] (1984): Евгеньева, А. П. (гл. ред.): *Словарь русского языка*. 4 тт. Москва.
Mendoza, Imke (2008a): „Überlegungen zur Entstehung des Nominativobjekts im Altrussischen“. In: Kosta, Peter; Weiss, Daniel (Hrsg.): *Slavistische Linguistik 2006/2007. Referate des XXXII. Konstanzer Slavistischen Arbeitstreffens. Männedorf bei Zürich, 18.–20. September 2006 und Referate des XXXIII. Konstanzer Slavistischen Arbeitstreffens. Potsdam, 4.–6. September 2007* (= Slavistische Beiträge 464). München, 299–317.
Mendoza, Imke (2008b): „Relativsätze in den Birkenrindentexten“. In: Junghanns, Uwe (Hrsg.): *Linguistische Beiträge zur Slavistik. XIII. JungslavistInnen-Treffen in Leipzig. 23.–26. September 2004* (= Specimina Philologiae Slavicae 149). München, 49–62.
Murelli, Adriano (2011): *Relative constructions in European non-standard varieties)* (= EALT 50). Berlin – New York.
Ožegov, Sergej I.; Švedova, Natalija. Ju. [= Ожегов, С. И.; Шведова, Н. Ю. (1989)]: *Словарь русского языка*. Москва.
Podtergera, Irina [= Подтергера, И. А.] (2015): “Что такое история языка”. In: *Slověne* 4.1 (часть 2), 394–455.
Potebnja, Aleksandr A. [= Потебня, А. А.] (1941): *Из записок по русской грамматике*. Т. 4: *Глагол. Местоимение. Числительное. Предлог*. Москва – Ленинград.
Timberlake, Alan (1974): *The nominative object in Slavic, Baltic, and West Finnic* (= Slavistische Beiträge 82). München.
Timberlake, Alan (1975): “The nominative object in Finnish”. In: *Lingua* 35, 201–230.
Semenec, Ju. [Семенец, Ю. И. (гл. ред.)]: Ушаков, Д. Н. *Большой толковый словарь современного русского языка*. Москва 2008.
SSRLJA (1965): *Словарь современного русского литературного языка*. Т. 17. Москва – Ленинград.
Stein, Stephan (2018): „Oralität und Literalität“. In: Birkner, Karin; Janich, Nina (Hrsg.): *Handbuch Text und Gespräch* (= HSW 5), Berlin – Boston, 3–25.
Švedova, Natalija Ju. [Шведова, Н. Ю. (отв. ред.)] (2007): *Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов*. Москва.
Troickij, Veniamin I. [= Троицкий, В. И.] (1959): „К истории союза *что* в русском языке“. In: Виноградов, В. В. (отв. ред.): *Славянское языкознание. Сборник статей.* Москва, 160–169.
Troickij, Veniamin I. [= Троицкий, В. И.] (1968): *Относительное подчинение в языке русской письменности XVI–XVII веков*. Казань.
Weiss, Daniel (1993): „Die Faszination der Leere: Die moderne russische Umgangssprache und ihre Liebe zur Null“. In: *Zeitschrift für Slavische Philologie* 53.1 (1993), 48–82.
Weiss, Daniel (2010): „Osteuropa als eurolinguistisches Areal“. In: Hinrichs, Uwe (Hrsg.): *Handbuch der Eurolinguistik* (= Slavistische Studienbücher. N. F. 20). Wiesbaden, 435–456.
Weiss, Daniel (2016): “Zero Linking in Colloquial Russian Relativisation” [Abstract to the conference: *Relativisation strategies in a Central European perspective: Slavic and beyond*. Universität Zürich, Slavisches Seminar, 28.–29.10.2016], https://www.slav.uzh.ch/dam/jcr:6cb3a335-9032-4e5f-aebb-7bf0e46676e1/Weiss_Zero_linking_in_colloquial_Russian.pdf (abgerufen am 22.04.2019).
Woolhiser, Curt (1990): “‘Missing Preposition’ in Colloquial Russian Relative Clauses”. In: Mills, Margaret H. (ed.): *Topics in Colloquial Russian* (American university studies: Series 12, Slavic languages and literature 11). Frankfurt a.M. etc., 17–30.

Zaliznjak, Andrej; Padučeva, Elena [Зализняк, А. А.; Падучева, Е. В.] (1997): „К типологии относительного предложения“. In: *Семиотика и информатика. Opera selecta. Сборник научных статей*, вып. 35 = *Semiotics and informatics*, issue 35, 59–107.
Zemskaja, Elena [Земская, Е. А. (отв. ред.)] (1973): *Русская разговорная речь*. Москва.
Zemskaja, Elena [Земская, Е. А.] (2004): *Русская разговорная речь. Лингвистический анализ и проблемы обучения*. Москва.
Živov, Viktor [Живов, В. М.] (2017): *История языка русской письменности*. 2 тт. Москва.

ИРИНА А. ПОДТЕРГЕРА
Гейдельбергский университет, Германия
irina.podtergera@slav.uni-heidelberg.de

Аннотация

Цель статьи – показать, какое значение для „европеизации“ русского синтаксиса имели переводы с латинского языка, выполненные в конце XV – первой трети XVI в. Особенное внимание уделяется при этом относительным предложениям с местоимением *который*, поскольку постпозитивные относительные придаточные со склоняемым местоимением входят в число характерных особенностей языков так называемого среднеевропейского стандарта (*Standard Average European* или *SAE*). При этом считается, что в западноевропейских стандартных языках относительные предложения современного типа развились под влиянием латинского языка.

В первой части доклада обсуждаются существующие на сегодняшний день гипотезы о происхождении общеевропейских относительных предложений в русском языке (А. Исаченко, Г. Хюттль-Фольтер, В. Живов, Р. Майер). Далее предлагается анализ постпозитивных относительных придаточных с местоимением *который* в переводах Геннадиевской Библии, в русской версии трактата Вильгельма Дюрана „Rationale divinorum officiorum“ и в „Хорографии“ Помпония Мелы. Полученные данные позволяют рассматривать историю относительных предложений в русском языке в контексте общеевропейских тенденций развития синтаксиса раннего Нового времени. Этот тезис будет проиллюстрирован в заключительной части доклада.

Ключевые слова: синтаксис, относительные придаточные, латинское влияние